

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
ЕЖЕГОДНИК**

2002

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Центр экономической истории при Историческом факультете

Российская Академия наук
Институт российской истории

Группа «Социально-экономическая история: экономика и общество»

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

ЕЖЕГОДНИК

2 0 0 2

Москва
РОССПЭН
2003

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 01-01-16115

Редакционная коллегия:

Л.И.Бородкин, Ю.А.Петров (ответственные редакторы),
Б.В.Ананьич, С.А.Афонцев, И.В.Поткина,
С.А.Саломатина (ответственный секретарь), *А.К.Сорокин,*
А.И.Тихонов

Редактор научных переводов — к.э.н. *С.А.Афонцев*

Э 40 **Экономическая история: Ежегодник. 2002.** — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. — 624 с.

Очередной выпуск «Ежегодника» знакомит научную аудиторию с новыми исследованиями по экономической истории. В сборнике представлены статьи по истории России XIX — начала XX в., в которых рассматриваются экономическая политика правительства и промышленный рост страны, международные связи и особенности коммерческой практики российского предпринимательства, история налоговой системы и государственного регулирования биржевой деятельности, откупного дела, взаимосвязь демографических и экономических процессов в развитии российских губернских городов, взгляды Е.Ф.Канкринна на крепостное право, становление российской кооперации. По тематике советского периода отечественной истории в сборнике публикуются статьи о классификации крестьянских хозяйств периода нэпа, об экономике ГУЛАГа, об истории иностранной технической помощи в 1930-е гг., о попытках продажи за рубеж музейных ценностей, о проблеме выживания населения в Восточной Сибири в период Отечественной войны. Всемирная экономическая история представлена работами об истории древнеримского землеустройства, динамике благосостояния населения Золотой Орды, истории становления банковской системы США в XIX в. и о превращении Норвегии в нефтяную державу в XX в.

© Коллектив авторов, 2003.

© «Российская политическая энциклопедия», 2003.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник «Экономическая история. Ежегодник. 2002» является четвертым выпуском серии, и, как и три предыдущих, подготовлен Центром экономической истории (ЦЭИ) при историческом факультете МГУ и группой «Социально-экономическая история: экономика и общество» Института российской истории РАН.

Выход в свет очередного «Ежегодника» дает повод охарактеризовать особенности данного издания в целом. Прежде всего необходимо отметить, что более половины статей каждого выпуска было посвящено экономической истории России XIX — начала XX в. Так, в первом и втором выпусках «Ежегодника» этой тематики касались по 10 из 16 статей, в третьем — 11 из 22, а в данном, четвертом выпуске истории дореволюционной России посвящено 12 из 21 статьи. Стабильно высокая доля работ этого тематического круга свидетельствует, что именно в данной области сегодня работает наибольшее число наших специалистов в области экономической истории.

Открывает четвертый выпуск ежегодника статья из архива его основателя, В.И.Бовыкина (1927—1998), «Экономическая политика царского правительства и индустриальное развитие России. 1861—1900 гг.» Рукопись была написана в конце 1980-х — начале 1990-х годов. По мнению редколлегии, необходимость публикации обусловлена фундаментальным характером исследования. В данной работе В.И.Бовыкин представил анализ развития в 1950—1980-е гг. советской и зарубежной историографии индустриального развития дореволюционной России, основной линией которого стала верификация концепций Т. фон Лауэ, А.Гершенкрона и И.Ф.Гиндина. В.И.Бовыкин выявил сходные моменты и расхождения во взглядах этих крупных исследователей, чьи идеи оказали принципиальное влияние на развитие исторической науки в XX в., и сформулировал свою версию процесса экономического развития России второй половины XIX — начала XX в.

Статьи по истории России XIX — начала XX в. образуют в предлагаемом вниманию читателя издании несколько тематических блоков. Среди них прежде всего необходимо отметить постоянный раздел «Ежегодника» по истории отечественного предпринимательства. Здесь представлены исследования, в которых российское предпринимательство рассматривается в международном контексте (С.Томпстон), а также с точки зрения особенностей коммерческой практики (И.П.Смирнов). Постепенно усиливается внимание исследователей к первой половине XIX в., периоду, который по степени изученности явно отстает от пореформенной эпохи. В данном выпуске этому периоду посвящены статьи по ис-

тории откупного дела (М.Л.Гавлин), а также о тенденциях развития купечества Центральной России (О.Ю.Хомутова).

В разделе по истории финансов и банков публикуются статьи о государственном регулировании биржевой деятельности (А.В.Бугров) и международных финансовых связях Петербурга (В.Сартор). Этот раздел уже в третий раз появляется в ежегоднике и обещает стать постоянным. То же относится к аграрной истории, оживлению которой в отечественной историографии редколлегия «Ежегодника» стремится по мере сил содействовать. В данном выпуске аграрная тематика представлена тремя работами, в которых получили отражение такие проблемы, как взгляды Е.Ф.Канкринна на крепостное право (И.В.Ружицкая), первые шаги дореволюционной российской кооперации (А.П.Корелин), а также экономическая классификация крестьянских хозяйств на Украине периода нэпа (Ю.А.Святец).

Особенностью четвертого выпуска «Ежегодника» является фундаментальный раздел по истории налоговой системы России XIX — начала XX в. (М.К. Шацилло, Ю.А. Петров), а также впервые представленное в нашем издании исследование, синтезирующее историко-демографические и историко-экономические подходы в изучении истории России XIX — начала XX в. (В.В.Канищев).

Доминирование в отечественной экономической истории тематики, относящейся к дореволюционной России, со временем может, очевидно, смениться тенденцией к росту числа исследований по истории советского периода. В настоящее время эта область находится на подъеме, что отразилось и на структуре «Ежегодника». В первом его выпуске отсутствовали статьи, посвященные советскому периоду, во втором было опубликовано всего две таких работы, а третий и четвертый выпуски насчитывают уже по пять статей, причем в данном выпуске эта тематика впервые доросла до уровня самостоятельного раздела.

В предлагаемом вниманию читателя выпуске преобладают статьи, посвященные различным явлениям экономической жизни 1930-х годов: роли ГУЛАГа в экономике страны того периода (Л.П.Рассказов), трудностям в реализации иностранной технической помощи на стройках первых пятилеток (Б.М.Шпотов), малоэффективным попыткам финансировать индустриализацию за счет продажи за рубеж музейных ценностей (Е.А.Осокина). 1940-е годы представлены в ежегоднике новой научной темой — проблемой выживания населения в Восточной Сибири в период Отечественной войны (А.В.Шалак).

Относительно скромное место на страницах «Ежегодника» занимает всеобщая история, однако публикацию статей, относящихся к этой области, редколлегия считает важным направлением своей работы, позволяющим показать многообразие историко-экономических исследований в нашей стране. Статьи по экономической истории античности и средних веков вообще публикуются нечасто, поэтому важен даже посильный вклад в увеличение их

числа. В частности, в данном выпуске «Ежегодника» публикуется статья, автор которой рассматривает древнеримские дороги как фактор развития земельной собственности и ускорения развития экономики (И.А.Гвоздева). Вниманию читателей также предлагаются результаты оригинального исследования уровня жизни населения Золотой Орды XIV—XV вв. (А.Л.Пономарев).

Экономическая история зарубежных стран Нового и новейшего времени представлена статьей об истории становления в XIX в. банковской системы США — одной из самых мощных в мире (А.Ю.Саломатин), а также исследованием этапов превращения Норвегии во второй половине XX в. в нефтяную державу (С.В.Рогинский).

Раздел «Дискуссии в современной экономической истории» продолжает тему, поднятую в предыдущем выпуске сборника статьей Б.Н.Миронова¹, посвященной антропометрическому подходу к изучению дореволюционной индустриализации. В данном выпуске опубликовано мнение Б.В.Ананьича по поводу исследования Б.Н.Миронова.

Сборник «Экономическая история. Ежегодник» отличает, таким образом, стремление максимально полно познакомить российскую научную аудиторию с новыми исследованиями в этой области, причем приоритет здесь заслуженно принадлежит работам по отечественной истории XIX—XX вв.

Примечание

¹ Миронов Б.Н. Кто платил за индустриализацию: экономическая политика С.Ю.Витте и благосостояние населения в 1890—1905 гг. по антропометрическим данным // Экономическая история. Ежегодник. 2001. М., 2002. С. 418—427.

Общие проблемы экономической истории России

Экономическая политика царского правительства и индустриальное развитие России. 1861—1900 гг.

От редколлегии

Предлагаемая вниманию читателей статья профессора, доктора исторических наук Валерия Ивановича Бовыкина (1927—1998 гг.), очевидно, была написана на рубеже 1980-х — 1990-х гг., однако она не потеряла своей актуальности и научной значимости. В современной западной исторической науке своеобразное второе рождение переживает сейчас концепция экономического развития дореволюционной России видного американского историка А.Гершенкрона, вызвавшая в свое время продолжительные дискуссии в советской и зарубежной историографии. Критическое осмысление этой теории, дополненное сравнительным анализом взглядов А.Гершенкрона, Т. фон Лауэ и И.Ф.Гиндина, позволило В.И.Бовыкину обоснованно интерпретировать многие спорные моменты индустриального развития России и сформулировать в сжатом виде свое понимание данной проблемы. Оригинальная и аргументированная концепция, четко обозначенные позиции В.И.Бовыкина несомненно вызовут интерес у современных специалистов по экономической истории России.

Статья из архива В.И.Бовыкина подготовлена к публикации И.В.Поткиной и С.А.Саломатиной.

В экономической истории России нет, наверное, другого вопроса, который вызывал бы столько споров, как вопрос об оценке пореформенной экономической политики самодержавия. Отражая в своих истоках реакцию современников на действия царского правительства, эти споры продолжались и после того, как те или иные правительственные меры заслонялись более злободневными проблемами. Важнейшие из этих мер, оказавшие длительное влияние на развитие страны, становились объектом ретроспективного исторического изучения. Если при оценке экономической политики самодержавия современниками во внимание принимался результат ее непосредственного воздействия на функционирование народного хозяйства страны и производственные отношения в обществе, то при историческом анализе все большее значение приобретал учет отдаленных и опосредованных последствий этой политики.

Споры о роли экономической политики правительства в индустриальном развитии России заняли заметное место в историогра-

фии последнего 30-летия как советской, так и зарубежной. Они продолжают и сейчас, что исключает возможность однозначного освещения проблемы и обуславливает необходимость отражения различных точек зрения. Однако сложность такого отражения состоит в том, что никто не может претендовать на абсолютную объективность при изложении чужих мнений. К тому же протiwоестественно излагать противоположные мнения, не выражая своего отношения к ним, т.е. не занимая какой-то позиции в происходящем споре. Не претендует ни на абсолютную объективность, ни на полную нейтральность и автор этих строк.

Следует также отметить, что накопившаяся историческая литература, посвященная различным вопросам экономической политики самодержавия во второй половине XIX в., слишком обширна, чтобы можно было при ее анализе избежать схематизации и упрощений.

* * *

Исследователи, занимавшиеся изучением пореформенной экономической политики царского правительства, давно обратили внимание на то, что высшая власть, тормозя процесс капиталистической эволюции аграрного строя страны¹, в то же время способствовала развитию промышленности². Отметим это и П.И.Лященко в своем труде «История народного хозяйства СССР», как бы синтезировавшем основные результаты изучения экономической истории России в советской историографии к началу 1950-х гг. Он писал: «Вся народохозяйственная, податная, бюджетная, финансовая, кредитная политика государства, покровительствующая развитию капиталистической промышленности, вся внешнеторговая таможенная политика, железнодорожная тарифная политика, вся международная внешняя политика, все отношения с международным капиталом были направлены на цели защиты интересов буржуазии и развития капиталистической промышленности в стране. Но часто эти цели вступали в конфликт с классовой политикой самодержавия — с покровительством землевладельческому дворянству»³. Констатируя наличие такого конфликта, Лященко развел конфликтующие компоненты экономической политики правительства — аграрную политику и промышленную политику — не только по разным главам, но даже по разным томам своего труда. Охарактеризовав в заключительной главе первого тома реформу 1861 г., он в главе «Государственное хозяйство и экономическая политика периода промышленного капитализма», помещенной во втором томе, уже не вернулся к аграрной политике. Говоря здесь о направлениях экономической политики правительства в 1860—1890-е гг., Лященко ведет речь о его отношении к железнодорожному строительству, о таможенной политике, государственном бюджете, поощрении промышленности и т.п., но совершенно не касается сельского хозяйства⁴. В его освещении пореформенная экономическая политика самодержавия носила

вполне буржуазный характер, эволюционируя от фритредерства к протекционизму. Олицетворявший экономическую политику 1860—1870-х гг. министр финансов М.Х.Рейтерн «был убежденным сторонником частнохозяйственной деятельности и инициативы и противником государственного хозяйства, особенно, например, в области железнодорожного строительства, банкового дела и пр.»⁵ Он способствовал строительству железных дорог, предоставляя частным железнодорожным обществам концессии и ссуды, поощрял организацию коммерческих банков и развитие черной металлургии⁶. Пришедший в 1881 г. на пост министра финансов Н.Х.Бунге был, по словам Лященко, «одним из наиболее видных проводников буржуазной экономической политики в России»⁷. Его сменил «ставленник буржуазии И.А.Вышнеградский (выдающийся инженер-механик, автор ряда солидных научных трудов)», который «продолжая осуществление задач укрепления «национальной системы» русского капитализма ...усиленно проводил политику привлечения иностранного капитала в русскую промышленность, усиления таможенного протекционизма, увеличения кредитных операций, укрепления устойчивости русской валюты»⁸. Наконец, «эта политика промышленного капитализма нашла наиболее законченное выражение в деятельности министра финансов С.Ю.Витте — крупнейшей фигуры среди "государственных деятелей" и царских министров за все последнее полу столетие существования империи... В 90-х годах государственная экономическая политика приобретает наиболее законченное выражение интересов промышленно-капиталистического развития»⁹.

Лишь в конце главы Лященко вновь вспомнил о том, что «в России 90-х годов капиталистическое содержание все еще развивалось в старой, "самодержавной", помещичьей, полукрепостнической оболочке, сильнейшим образом тормозившей дальнейший ход капиталистического развития». Далее он продолжил: «В интересах промышленной буржуазии было возможно более скорое и полное уничтожение всякого рода крепостнических пережитков, препятствующих свободе капиталистического развития, уничтожение остатков полукрепостнических отношений в деревне, развитие товарности и увеличение емкости деревенского рынка. Интересы руководящей крепостнической части помещичьего класса шли по линии закрепления сословной изолированности крестьянства, сохранения его земельной тесноты и полукрепостнических способов эксплуатации»¹⁰.

Почему же руководящая консервативная часть помещичьего класса, олицетворявшаяся царским правительством, проводила политику промышленно-капиталистического развития? Свои ответы на этот вопрос предложили в 1950—1960-е гг. американские историки А.Гершенкрон и Т. фон Лауэ и советский историк И.Ф.Гиндин.

Гершенкрон интерпретировал экономическую политику царского правительства с позиций концепции «стадий экономической отсталости», выдвинутой им в начале 1950-х гг. для объяснения

отличий в механизме индустриализации разных стран в зависимости от того, в какой степени в них созрели необходимые предпосылки для рывка в промышленном развитии. Отмечая, что «процесс индустриализации, распространившийся на отсталую страну, значительно отличался по сравнению с более передовыми странами»¹¹, он объяснял эти отличия действием «*учрежденческих инструментов*», выполнявших функцию заместителей недостающих предпосылок. Причем характер этих «учрежденческих инструментов» зависел от стадии относительной отсталости индустриализующейся страны. При недостатке в ней капиталов роль заместителя играют банки. Этот вариант анализировался Гершенкроном на примере Германии. Если же отсталость была более глубокой, то для замещения недостающих предпосылок требовалось вмешательство государства. Типичный пример такой страны Гершенкрон увидел в России. Экономическая политика самодержавия представлялась ему главной движущей силой индустриального развития России: заменив недостаток в стране капиталов, рынка сбыта, рабочей силы и предприимчивости, она обеспечила возможность индустриализационного рывка, происшедшего в последнем 15-летии XIX века¹².

Была ли забота о развитии промышленности главным направлением экономической политики российского правительства? Создается впечатление, что Гершенкрон как бы противопоставлял два этапа пореформенной экономической политики самодержавия: с 1861 г. до середины 1880-х годов, когда ее основное содержание составляло осуществление реформы, и следующее 15-летие, определяющей чертой которого стал проводимый Вышнеградским и Витте курс на индустриализацию. В его трактовке экономическая политика на первом ее этапе создавала препятствия для индустриального развития, на втором — преодолевала их. Гершенкрон положительно оценивал факт отмены крепостного права в России¹³, но считал, что в России его значение было парализовано сохранением и даже укреплением общины¹⁴. Уточняя в полемике с И.Н.Олегиной свою точку зрения, он писал: «Я прежде всего утверждал..., что отмена крепостного права, чрезвычайно усиливая позиции общины, создавала в рамках аграрной реформы специфический фактор отставания, вызвавший замедление индустриального развития страны»¹⁵. Поэтому «аграрная реформа в целом явилась препятствием для индустриализации»¹⁶. Отсюда проистекало его убеждение в том, что «российский рывок (в развитии промышленности в 90-е годы XIX в. — В.Б.) фактически был результатом действий правительства, а не следствием аграрной реформы»¹⁷.

По мнению Гершенкрона, «творцы российской реформы рассматривали индустриализацию как явление нежелательное или вообще были к ней безразличны»¹⁸. Что же в таком случае побудило царское правительство в середине 1880-х гг. взять курс на индустриализацию? Как полагает Гершенкрон, «правительственная заинтересованность в индустриализации в значительной мере основывалась на его политике в военной области»¹⁹. Более того, «дви-

жимое своими военными интересами», российское государство «приняло на себя роль основного агента по ускорению экономического прогресса в стране»²⁰.

Толчок к этому Гершенкрон усмотрел в итогах русско-турецкой войны 1877—1878 гг. «Поражение России, хотя бы и дипломатическое, а не военное, после русско-турецкой войны и признание того, что страна все еще не занимает твердой позиции перед лицом западной военной мощи, вновь навязанное российским государственным деятелям, — пояснял он в своих лекциях "Европа в русском зеркале", — были, конечно, основными мотивами в развертывании великого рывка российской индустриализации»²¹. А «основным рычагом политики ускорения индустриализации» стало «железнодорожное строительство государства», принявшее с середины 1880-х гг. «беспрецедентные размеры»²². Эта политика осуществлялась за счет сельского хозяйства и прежде всего на средства, полученные в результате ограбления крестьянства. «Индустриальный прорыв, наблюдавшийся в России в последнем десятилетии века, произошел в условиях тяжелого кризиса сельского хозяйства. В некоторой степени кризис был обусловлен тем обстоятельством, что финансирование индустриализации и снабжение сельскохозяйственными продуктами городов, а также экспорт этих продуктов оказались возможны за счет конфискации крестьянского дохода и в некоторой степени за счет истощения капитала...»²³. «Российское государство под водительством Вышнеградского и Витте заключило крестьян в мощные тиски. Оно предоставило сельское хозяйство самому себе... Основным принцип правительства заключался в том, чтобы конфисковать большую часть выпуска продукции крестьянского хозяйства, вместо того, чтобы предпринять активные шаги на пути подъема этого выпуска»²⁴. «Противоречие между прогрессирующим промышленным сегментом экономики и относительно стагнирующим сельскохозяйственным сегментом» заключало в себе «опасность плохих последствий разного рода»²⁵. В конечном итоге произошло «исчерпание платежеспособности сельского населения» и «терпению крестьянства пришел конец»²⁶. Этим Гершенкрон объясняет экономический кризис начала 1900-х гг. и революцию 1905 г. Такова в общих чертах предложенная им схема «великого рывка» 1890-х годов.

Те же, в основном, черты характеризуют и гораздо более детальную картину индустриализации России в конце XIX в., нарисованную в работах фон Лауэ²⁷. Так же как и Гершенкрон, фон Лауэ пришел к выводу, что рост российской промышленности являлся результатом экономической политики правительства, представляя собой своеобразную «революцию извне», что центральным направлением этой политики был курс на индустриализацию, что такое направление находилось в противоречии с аграрной политикой и осуществлялось за счет деревни, что побудительным мотивом курса на индустриализацию послужили великодержавные внешнеполитические соображения, что его рычагом стало железнодорожное строительство. Имелись, разумеется, и отличия, но не

в главном, а преимущественно в акцентах и деталях. Если, например, Гершенкрон связывал курс на индустриализацию с именами Вышнеградского и Витте, то фон Лауэ видел в нем результат эволюции экономической политики государства после 1861 г. Кульминацией этой эволюции, по его мнению, стала система Витте, но ее основы были заложены его предшественниками²⁸.

Трактовка Гиндиным пореформенной экономической политики и механизма российской индустриализации существенно отличалась от представлений Гершенкрона и фон Лауэ, хотя, на первый взгляд, в их основе лежала одинаковая исходная идея. Ведь Гиндин тоже придавал первостепенное значение роли государства в индустриальном развитии России после отмены крепостного права. В поощрении роста крупной промышленности и утверждения капитализма в народном хозяйстве страны он видел важнейшую функцию экономической политики самодержавия. Именно на основе изучения последней им была предложена концепция «государственного капитализма» в России, как феномена насаждения капитализма полуфеодальным государством. Но в отличие от Гершенкрона и фон Лауэ, Гиндин не рассматривал аграрное и промышленное направления экономической политики правительства как альтернативные, взаимоисключающие. Наоборот, он обратил внимание на их взаимосвязь и органическое единство²⁹.

Характеризуя пореформенную экономическую политику российского государства в своем труде «Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861—1892 годы)», Гиндин писал: «Классовая природа самодержавия определяла, что одной из важнейших целей экономической политики правительства являлось возможно более длительное сохранение полукрепостнических отношений в деревне. И в то же время сохранение и укрепление политического господства крепостников-помещиков в период капитализма было возможно лишь при условии экономического роста страны, движения ее вперед по пути капитализма. Более того, само продление исторического существования полукрепостнических латифундий стало возможным лишь путем их совмещения с капиталистическим развитием страны и некоторой перестройки этих латифундий на капиталистический лад». Вот почему «при всей противоречивости и непоследовательности экономической политики царского правительства способствование капиталистическому развитию стало главным ее направлением»³⁰.

Изучив и проанализировав экономическую политику правительства в 1861—1892 гг., Гиндин показал, что уже тогда способствование капиталистической перестройке сельского хозяйства и прежде всего помещичьих латифундий посредством форсирования железнодорожного строительства и насаждения тех отраслей промышленности, без которых последнее не могло обойтись, стало неотъемлемым компонентом этой политики. Отметив, что «государственная поддержка железнодорожного строительства не являлась особенностью России», что «во всех капиталистических странах (кроме Англии) в период создания сети железных дорог пра-

вительства оказывали частным обществам значительную финансовую поддержку», Гиндин констатировал: «В России в 60-х — 70-х годах сложилась своеобразная система частного железнодорожного хозяйства с самым широким государственным участием и всесторонней поддержкой железнодорожных дельцов ради создания в кратчайший срок сети дорог»³¹. Вместе с тем «с конца 1860-х годов главным направлением государственного вмешательства в области промышленности становится форсирование создания и развития "железнодорожной промышленности" (транспортного машиностроения и рельсового производства), а также предприятий военной промышленности... В отношении других отраслей промышленности государственное вмешательство ради систематического форсирования их развития не проводилось»³². Исключение составляла поддержка казенными средствами отдельных дельцов-учредителей, деятельность которых, по мнению высших правительственных чиновников, имела «государственное значение»³³.

В целом, как писал Гиндин, «при стихийных процессах "усиленного роста капитализма снизу" насаждение его сверху имело в широком историческом плане второстепенное значение. По самой своей сущности прямое государственное вмешательство локализовалось в отдельных отраслях, сосредоточивалось на немногих предприятиях. Поэтому при исследовании конкретных фактов приходится говорить не о насаждении капитализма вообще, а о насаждении отдельных отраслей или отдельных предприятий». К тому же меры царского правительства «ускоряя в некоторых отношениях капиталистическое развитие России... усиливали его противоречия, создавали дополнительные препятствия этому развитию»³⁴. С этими наблюдениями Гиндина резко контрастировал его вывод о том, что «вынужденное сделать главным направлением своей экономической политики развитие капитализма, царское правительство оказывало определенное влияние на его ускорение»³⁵. Подобное противоречие в оценке экономической политики самодержавия, в какой-то мере отражавшее диалектическую противоречивость ее содержания, мы находим и в последующих работах Гиндина при разьяснении им его концепции «государственного капитализма». Так, в статье «Государственный капитализм в России домонополистического периода» он писал: «Государственный капитализм в конкретных условиях пореформенной России, с ее сильнейшими крепостническими пережитками и многоукладной экономикой практически способствовал ускорению развития капитализма. Однако это лишь частично возмещало задержки в росте капитализма в России по сравнению со странами, где буржуазная революция ликвидировала остатки феодализма и домонополистический капитализм развивался в условиях "свободной конкуренции". Российский госкапитализм был рассчитан не только на ускорение экономического развития страны, но и на дальнейшее сохранение крепостнических пережитков»³⁶.

Концепции Гершенкрона — фон Лауэ и Гиндина оказали настолько большое влияние на последующую разработку пробле-

мы — первая — в западной историографии, а вторая — в советской, что эта разработка, как мне представляется, пошла по пути их верификации. Причем такая верификация происходила как бы параллельно: в западной историографии проходила проверку концепция Гершенкрона и фон Лауэ, в советской — концепция Гиндина.

Долгое время западные исследования в большей своей части игнорировались в СССР. Если они и удавались здесь внимания, то, как правило, для выражения несогласия и обвинений в искажении исторической действительности³⁷. Атмосфера идеологической войны накладывала свой отпечаток и на отношение западных историков к советским исследованиям. Это проявлялось, в частности, в их стремлении дистанцироваться от результатов советских исследований³⁸. Однако и советские и западные историки разрабатывали, по существу, одни и те же научные проблемы.

Пожалуй, никем, даже среди последователей Гершенкрона, не был воспринят без тех или иных оговорок его тезис об отсутствии в пореформенной России предпосылок индустриального развития, обусловившем особую роль государства, политика которого должна была выполнять функции заместителя этих предпосылок. Авторы ряда работ, опубликованных еще в первой половине 1960-х гг., — У.Хендерсон, Г.Эллисон, Р.Порталь, не отрицая тормозящего влияния общины, все же, в отличие от Гершенкрона, считали, что реформа 1861 г. способствовала модернизации российской деревни и тем самым — созданию условий для роста промышленности³⁹. Это мнение получило солидное обоснование в последующей литературе, благодаря исследованиям У.Блэквелла, М.Фэлкуса, А.Милварда и С.Сола, Ю.Палло, П.Гетрелла, Р.Рудольфа и др.⁴⁰ Они показали, в частности, что предпосылки индустриализации стали складываться еще до реформы 1861 года.

Пониманию взаимодействия объективных и субъективных факторов индустриализации способствовало эмпирическое изучение конкретных процессов экономического и, в частности, промышленного развития страны (динамики роста производства, национального дохода, накоплений, эволюции отраслевой и региональной структуры народного хозяйства, развития кредита, торговли, транспорта), существенный вклад в которое внесли Р.Голдсмит, Д.Вествуд, Р.Порталь, О.Крисп, А.Каган, У.Блэквелл, П.Грегори, К.Вайт, П.Гетрелл и др.⁴¹ Оно показало, что подъем железнодорожного строительства начался не с середины 80-х годов XIX в., а еще с конца 60-х годов, что начало роста промышленности также неправильно датировать 80-ми годами, что структура российской промышленности, в которой преобладали текстильные и пищевое производства, свидетельствует об ошибочности утверждения о том, будто в России ведущую роль в процессе индустриализации играла искусственно насаждавшаяся тяжелая промышленность, что темпы роста национального дохода и капиталонакопле-

ния были выше, чем это предполагалось, что мнение Гершенкрона о низкой производительности российского сельского хозяйства не подтверждается полученными данными, что высокий уровень инвестирования произведенного совокупного продукта не может быть объяснен лишь государственным вмешательством, что масштабы государственного финансирования промышленности были ограниченными, что, с другой стороны, непроизводительные расходы государства, будучи слишком велики, тяжелым бременем ложились на народное хозяйство страны, и многое другое.

Вместе с тем уже с конца 1960-х годов стала высказываться прямая или косвенная критика основного положения концепции Гершенкрона — фон Лауэ о решающей роли экономической политики царского правительства в индустриализации России. Тезис об искусственном характере индустриального развития России подверг сомнению И.Барель. «При таком видении, — писал он, — главным фактором русского развития становится государство, а история русского развития сводится тогда к хронике промышленной политики»⁴².

А.Каган, не отрицая важной роли царского правительства в индустриализации России, усматривал ее, во-первых, в содействии развитию внутреннего транспорта, и, во-вторых, в создании условий для притока иностранного капитала в российскую промышленность. Он отмечал, что «расходы на строительство железных дорог были единственной крупной статьей правительственных расходов на индустриализацию». По сравнению с ними правительственные субсидии промышленности были невелики и к тому же «крайне неравномерны». Это «оказывало вредное воздействие на экономику, которая развивалась неравномерно»⁴³. Что касается привлечения иностранного капитала, ради которого был введен в России золотой стандарт, то оно, по мнению Кагана, достигалось слишком дорогой ценой. Но, как полагал Каган, это был, по-видимому, единственно возможный путь индустриализации страны при сохранении в ней политического режима, являвшегося главным препятствием для ее промышленного развития⁴⁴. В итоге роль экономической политики государства в освещении Кагана выглядела скорее отрицательной, чем положительной.

Дж.МакКей увидел позитивное значение экономической политики царского правительства лишь в создании условий для иностранного предпринимательства. Опровергая утверждения о якобы осуществлявшейся высшей властью индустриализации России он писал: «Непосредственно сооружение железных дорог и субсидирование частного железнодорожного строительства, составлявшие важнейшую сферу производительной деятельности правительства между 1880 и 1900 гг., т.е. в период наибольшего размаха строительства, поглотило немногим более миллиарда рублей. Эта сумма не превышала доход правительства от таможенных сборов за ввоз чая, кофе, алкогольных напитков, соли и селедки в указанные годы. Иначе говоря, государство израсходовало за данный период на железнодорожное строительство не более 5% своего

бюджета. Между тем это была единственно крупная статья его расходов на цели индустриализации»⁴⁵.

Свое несогласие с положениями концепции Гершенкрона выразили в дальнейшем также П.Грегори и П.Гетрелл — авторы наиболее обстоятельных исследований, освещающих процессы экономического развития пореформенной России⁴⁶.

Следует отметить, что мнения критиков концепции Гершенкрона, возражавших против тех или иных ее положений, были далеко не идентичны, что получило, в частности, выражение в споре по вопросу о значении введения золотого обращения в России, вспыхнувшем на страницах «*Journal of Economic History*» в 1970-е гг. Опубликованная здесь статья Х.Баркая, поддерживавшего идею Кагана о чрезмерной цене введения золотого стандарта в России, вызвала полемические отклики И.М.Драммонда, а также П.Грегори и Дж.Сейлорса, обративших внимание на уязвимость его аргументации⁴⁷.

Сомнения в обоснованности концепции Гершенкрона — фон Лауэ породило и изучение социальных аспектов российской индустриализации и прежде всего изучение предпринимателей и предпринимательства в России, получившее в 1960—1980-е гг. на Западе широкий размах. Его результаты отражены во многих книгах и статьях: Дж.МакКея, Т.Оуэна, А.Рибера и др.⁴⁸ Они показали, что политика правительства по отношению к буржуазии была противоречивой, так как, способствуя обогащению отдельных дельцов, она препятствовала формированию класса в целом, что процесс формирования российской буржуазии шел по преимуществу естественным путем и дал наибольшие результаты в тех отраслях и регионах, где меньше ощущалось непосредственное вмешательство властей. Названные выше историки отмечали, что существенным элементом этого процесса явилась иммиграция предпринимателей из-за границы, наблюдавшаяся задолго до введения в России золотого стандарта, поскольку иностранный капитал привлекали сюда не столько меры правительства, сколько возможности рынка⁴⁹.

В итоге, как мне представляется, схема Гершенкрона — фон Лауэ не выдержала экзамена эмпирических исследований.

* * *

Верификация концепции Гиндина советскими исследователями шла в двух направлениях. Первое составляло изучение объективных процессов капиталистического развития России и ее индустриализации во второй половине XIX в.: отделения промышленного производства от сельского хозяйства⁵⁰, становления промышленности в индустриально-отсталых районах, а также в отраслях, не пользовавшихся особой заботой царского правительства⁵¹, утверждения машинной индустрии⁵², эволюции организационных форм промышленного предпринимательства⁵³, формирования буржуазии⁵⁴. Это изучение подтвердило наблюдение Гиндина об ог-

раниченном, локальном и преходящем характере непосредственно-го насаждения царским правительством некоторых видов промышленного производства, составлявшего характерную черту российской индустриализации, показав спонтанный, естественный характер возникновения большинства отраслей промышленности и развития промышленного предпринимательства в России. Оно выявило также новые доказательства того, что политика государства, способствуя становлению отдельных отраслей промышленности и создавая условия для ее развития в целом, вместе с тем сковывала, ограничивала свободу этого развития.

Второе направление верификации концепции Гиндина — непосредственное исследование экономической политики царского правительства. Среди порожденных им работ особый интерес в данном контексте представляет книга Л.Е.Шепелева «Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Проблемы торгово-промышленной политики» (Л., 1981), а также написанные Б.В.Ананьичем главы об экономическом развитии пореформенной России и экономической политике царского правительства в коллективном труде «Кризис самодержавия. 1895—1917» (Л., 1984)⁵⁵.

Характеризуя торгово-промышленную политику царизма Шепелев пишет: «Промышленная модернизация России осуществлялась царским правительством ради достижения главной цели — поддержания государственного статуса страны при условии сохранения политического режима (самодержавия) и его классовой опоры — поместного дворянства... Идея заключалась в том, чтобы замедлить и смягчить капиталистическое перерождение деревни и дать дворянству возможность приспособиться к новым условиям... Решая задачу промышленного развития страны, царское правительство стремилось не только ускорить его, но и направить (в желательном направлении) в условиях сохранения и в экономической, и в политической сферах жизни страны множества пережитков крепостничества, задерживавших органическое развитие экономики на капиталистической основе. В своих крайних проявлениях эта политика обычно квалифицировалась как искусственное насаждение крупной промышленности»⁵⁶. Но прямое насаждение промышленности представляло, по мнению Шепелева, «скорее экстраординарное направление торгово-промышленной политики царского правительства»⁵⁷. Что же касается осуществлявшейся последней поддержки промышленного развития, то она «была необходима в России как средство хотя бы отчасти нейтрализовать отрицательное воздействие на это развитие множества неблагоприятных факторов и в первую очередь крепостнических пережитков в экономической и политической сферах жизни»⁵⁸.

Трактовка промышленной политики царизма Ананьичем во многом совпадает с характеристикой Шепелева. Но, на мой взгляд, они не идентичны. «Уроки поражения в Крымской войне, — пишет Ананьич, — заставили русское самодержавие ради сохранения своего могущества и влияния в Европе взять курс на

ускоренное развитие промышленности. Это определило общий характер экономической политики правительства в пореформенный период»⁵⁹. Рассматривая политику Витте как наиболее последовательное воплощение этого курса, он вместе с тем отмечает: «Экономическая политика Витте была глубоко противоречива в своей основе, ибо для капиталистического развития страны он использовал средства и условия, порожденные феодальной природой существовавшей в России системы государственного управления. Консерватизм "системы" Витте состоял в том, что она должна была способствовать укреплению экономического могущества самодержавия... Проводившееся Витте государственное вмешательство в экономику часто оправдывалось необходимостью поддержки неокрепшей еще частной инициативы, однако в действительности оно далеко выходило за эти пределы и препятствовало естественному развитию капиталистических отношений в стране... Политика поощрения промышленного развития проводилась при известной консервации феодальных пережитков в сельском хозяйстве и при высоком напряжении платежных сил населения, особенно крестьянства»⁶⁰.

Таким образом, согласно концепции Гиндина, важнейшие положения которой были подтверждены Шепелевым, поощрение царизмом промышленности являлось производным и подчиненным элементом его политики сдерживаемой капиталистической перестройки экономических отношений в стране, проводимой в интересах постепенной буржуазной трансформации старого господствующего класса помещиков и помещичьего государства. В освещении же Ананьича поощрение промышленного развития, осуществлявшееся при консервации феодальных пережитков в сельском хозяйстве и за его счет, выглядит главным направлением экономической политики царского правительства. Это больше похоже на концепцию Гершенкрона — фон Лауэ.

На основе эмпирического изучения проблемы взаимодействия субъективных и объективных, внутренних и внешних факторов индустриализации российской экономики и ее обсуждения в советской и зарубежной научной литературе мной предлагается следующая версия истории индустриального развития России во второй половине XIX в. в связи с экономической политикой царизма.

* * *

Россия относилась к числу стран, вступивших на путь капиталистического развития в то время, когда капитализм, утвердившийся в нескольких европейских государствах, стал определять генеральное направление мирового исторического процесса, формируя ту историческую среду, в которой происходило развитие остальных территорий Европы и всего мира. Капиталистическая эволюция этих стран представляла собой результат сложного взаимодействия закономерностей развития, имманентных их общественным структурам и давлению мирового капитализма.

По мере международной экспансии капитализма и превращения его во всеохватывающую мировую систему, активизации на этой основе торговых и финансовых связей различных государств, складывания международного разделения труда и формирования мирового рынка, взаимодействие общественных структур, находящихся на разных уровнях экономического и политического развития, становится все более важным фактором исторического процесса. Для стран, вступивших первыми на путь капиталистической эволюции и индустриализации, значение внешних факторов определялось наличием окружавшей их менее развитой среды, которая могла служить объектом колонизации, торгово-промышленной экспансии и вывоза капиталов. Большую роль играла, разумеется, и конкуренция между ними. Передовые индустриальные государства в своем развитии ориентировались на использование отставших стран в качестве рынка сбыта промышленных товаров, источника сырья и продовольствия, сферы приложения капиталов. Но с другой стороны, отставшие страны, приобщаясь к мировому капитализму, могли воспользоваться «примером и помощью» тех, кто находился в его авангарде.

Естественно, что отношения передовых государств со странами, составлявшими периферию мировой капиталистической системы, во многом зависели от того, насколько велика была разница в уровнях их развития. В этом смысле исходная идея Гершенкрона о том, что индустриализация стран, находящихся на разных стадиях отсталости не должна происходить одинаково, совершенно справедлива и плодотворна. Так же как и наблюдение фон Лауэ об активной роли государства в том случае, когда индустриализация осуществляется «извне», под давлением окружающей среды.

Однако, как справедливо отмечал Гиндин в полемике с фон Лауэ, государство играло активную роль в утверждении капитализма и в тех странах, которые первыми встали на путь капиталистического развития⁶¹. Поэтому точнее, пожалуй, сказать, что чем позднее страна приобщалась к капитализму, тем многообразнее становились функции государства. В Великобритании они в основном ограничивались способствованием первоначальному накоплению капитала и обеспечением правовых, социальных и политических условий его расширенного воспроизводства, в том числе таможенной защитой зарождающейся промышленности от иностранной конкуренции. Тем самым была создана благоприятная почва для индустриализации, и государству не было необходимости непосредственно вмешиваться в ее ход.

В странах Западной Европы, следовавших за Великобританией, и в США государству пришлось дополнительно взять на себя в той или иной форме заботы по созданию сети железных дорог. На периферии Европы, в том числе в России, а также в Японии, государство оказалось вынуждено заниматься также привлечением иностранного капитала и даже форсированием становления отдельных отраслей промышленности.

Эти отличия отчасти объясняются тем, что отставшие страны вовлекались в развитие мирового капитализма на все более высоких его стадиях: утверждение капиталистических отношений на Западе Европейского континента произошло, когда в Великобритании завершался промышленный переворот, а в Восточной Европе — в эпоху машинной индустрии.

Но есть здесь и другая сторона вопроса. Первоначально утверждение капитализма было результатом победивших буржуазных революций, вносивших более или менее радикальные изменения в общественные отношения. Однако в условиях, когда развитие капитализма и его распространение на все новые страны приобрело необратимый характер, перестройка феодальной общественной структуры приобщавшихся к нему стран оказалась возможна эволюционным путем при сохранении политической власти за старым правящим классом, взявшим на себя инициативу капиталистических преобразований, и при постепенной трансформации феодальной монархии в буржуазную.

Именно этим путем в результате реформы 1861 г. пошла Россия. Оказавшись к концу 1850-х гг. перед выбором — либо приспособиться к неумолимо развивающемуся капитализму, разлагающему извне и изнутри феодально-крепостническую систему, либо утратить свои экономические и политические позиции — правящие круги российского дворянства предпочли первое. Пожертвовав крепостным правом, они попытались спустить на тормозах стихийный процесс ломки феодальных и утверждения капиталистических отношений, дозируя его, введя в определенные рамки, с тем чтобы дворяне, постепенно перестроив свои хозяйства на капиталистический лад, могли сохранить принадлежащую им земельную собственность и господствующее положение в обществе.

Реформой 1861 г. была создана малоподвижная и внутренне противоречивая система. Сохранение крепостнических пережитков в экономике, обеспечивавшееся внеэкономически всей мощью государственного аппарата самодержавия, находилась в вопиющем противоречии с потребностями общественного развития. Оно сковывало процесс капиталистической эволюции народного хозяйства. Между тем буржуазная перестройка помещичьих латифундий, представлявшая собой единственный путь к сохранению помещиками своих экономических и политических позиций, могла быть осуществлена лишь при условии капиталистической эволюции всего народнохозяйственного организма. В этих условиях царское правительство, с одной стороны, сдерживало процесс развития капитализма, чтобы он не приобрел масштабы, угрожающие насильственной ломкой помещичьего землевладения, а с другой — предпринимало специальные меры, преследующие целью обеспечение капиталистической эволюции народного хозяйства в той степени, в какой это было необходимо для перевода помещичьих латифундий на капиталистические рельсы. Охраняя всеми доступными средствами многочисленные препятствия на пути капиталистичес-

кого развития страны, отвлекая львиную долю внутренних накоплений из сферы народного хозяйства на непроизводительные расходы, необходимые для поддержания помещичьего землевладения и политической власти помещиков, самодержавие вместе с тем оказалось вынуждено пойти на форсирование развития некоторых отраслей экономики страны, без которых не мог обойтись правящий класс. Важнейшей из таких отраслей было железнодорожное строительство, призванное удовлетворить нужды товарищующихся помещичьих хозяйств, а также обеспечить экономические, политические и стратегические интересы российского государства.

При масштабах Российской империи создание железнодорожной сети, связывающей земледельческие районы с крупнейшими городами и вывозными портами, представляло собой грандиозную задачу. Строительство и эксплуатация железных дорог предьявляли огромный спрос на изделия тяжелой индустрии. В 1860-х гг. все, что было необходимо железным дорогам — рельсы, рельсовые скрепления, стрелки, металлоконструкции для мостов, станционное оборудование, вагоны, паровозы — ввозилось из-за границы. Но долго так продолжаться не могло. Во второй половине 1860-х гг. торговый баланс России, имевший ранее ярко выраженный активный характер, стал пассивным. Причем отрицательное сальдо быстро возрастало. За пятилетие 1872—1876 гг. оно уже составило почти полмиллиарда рублей. Только благодаря иностранным займам удавалось производить заграничные платежи.

С конца 1860-х гг., придерживаясь в своей таможенной политике в целом умеренно-протекционистского курса, царское правительство начинает проводить серию мер по насаждению производства рельсов и подвижного состава⁶². В результате к середине 1870-х гг. производство паровозов и товарных вагонов в России превысило их ввоз. Было налажено и производство рельсов, но главным образом железных, которые уже не соответствовали возросшему уровню путевой техники. В 1876—1877 гг. в дополнение к старым мерам правительство предприняло новые меры по увеличению выпуска паровозов и вагонов отечественными заводами и созданию условий для развития в России производства стальных рельсов. К началу 1880-х гг. российское машиностроение стало удовлетворять более $\frac{3}{4}$ потребности железных дорог в подвижном составе, а стальные рельсы отечественного производства почти полностью вытеснили импортные. Но поскольку рельсы производились преимущественно из заграничного чугуна, его импорт возрос.

Таким был первый этап пореформенной промышленной политики царизма, когда она преследовала цель насаждения и форсирования роста производства лишь некоторых, наиболее важных предметов железнодорожного спроса, без наличия которых нельзя было строить и эксплуатировать железные дороги. Я не без колебаний употребил слово «политика», поскольку под ним в данном

случае подразумеваются сугубо практические меры, принимавшиеся царским правительством под давлением обстоятельств. Записка министра финансов М.Х.Рейтерна 1866 г. и ее обсуждение в Комитете финансов и Совете министров показали, что у царского правительства не было перспективной программы действий и все его помыслы сводились к поискам выхода из постоянного бюджетного дефицита. Единственно ясной представлялась автору записки назревшая потребность в железнодорожном строительстве. В развитии промышленности он видел лишь средство преодоления финансовых затруднений, причем в отдаленной перспективе⁶³.

Участившиеся во второй половине 1860-х гг. случаи возникновения банков и промышленных компаний напугали власть. В начале 1870-х гг. правительство приняло меры, затруднившие банковское и акционерное учредительство. В своем «Финансовом духовном завещании» 1877 г. Рейтерн советовал не форсировать более промышленное развитие и, ограничив создание новых предприятий, сосредоточиться на поддержании уже существующих⁶⁴. Однако подъем железнодорожного строительства и промышленного производства конца 1870-х — начала 1880-х гг. внес в эти предначертания свои коррективы.

1880-е гг. в экономической истории России — во многом еще неясный, загадочный период. Внешне — это почти застой, т.к. динамика экономической жизни ощущается слабо. Но в глубине явно происходят серьезные, качественные сдвиги. В начале 1880-х гг. завершается реализация реформы 1861 г. Царское правительство в конце 1881 г. издало закон об обязательном выкупе временнообязанных крестьян к 1 января 1883 г. Одновременно были снижены выкупные платежи, а затем отменена подушная подать. По оценке Н.М.Дружинина, данные меры правительства «при всей их ограниченности послужили рубежом между первым пореформенным двадцатилетием, этим тягчайшим периодом в жизни русской деревни, и периодом дальнейшего развития новой социально-экономической формации»⁶⁵. В 1880-е гг., как показали исследования И.Д.Ковальченко и Л.В.Милова, сложился всероссийский аграрный товарный рынок⁶⁶. Тогда же, согласно наблюдениям А.С.Нифонтова, стали проявляться первые результаты капиталистической перестройки земледельческого производства: повышение урожайности зерновых, рост товарного производства зерна, изменение его географии (резкое увеличение сборов на юге России и падение их в центре)⁶⁷.

Рост промышленного производства в 1880-е гг. был крайне вялым. Но и здесь происходила структурная перестройка: завершался промышленный переворот, рождались новые индустриальные районы — Донецкий и Бакинский.

Следует также напомнить, что к 80-м годам XIX в. был создан основной костяк железнодорожной сети в Европейской России.

Именно в 80-е годы в правящих кругах России постепенно складывается убеждение в необходимости содействия развитию промышленности, как одному из важнейших направлений экономической политики⁶⁸. Тем временем в условиях кризиса начала 1880-х гг. и последовавшей за ним длительной депрессии практические заботы правительства сводились к тому, чтобы поддержать созданные отрасли промышленного производства. Вместе с тем, воспользовавшись сложившейся ситуацией, чтобы добиться «водворения» в России производства рельсов из отечественных материалов, оно отказало в 1884 г. в поддержке передельным заводам и резко повысило ввозные пошлины на чугун.

Таким образом, сугубо практические меры правительства по форсированию роста отдельных производств перерастали в политику содействия развитию, распространявшуюся на основные отрасли тяжелой промышленности. Но теперь выясняется, что нельзя развивать только избранные отрасли промышленности, не поощряя ее развитие в целом. В результате с конца 1880-х — начала 1890-х гг. самодержавие от насаждения отдельных, особо привилегированных и таможенной защиты некоторых, менее покровительствуемых отраслей переходит к политике широкого поощрения развития промышленности вообще. Эта политика нашла свое выражение в таможенном тарифе 1891 г., завершившем создание системы усиленного протекционизма. Последняя в дальнейшем была дополнена мероприятиями, направленными на привлечение иностранных капиталов в российскую промышленность.

Таблица на следующей странице, дающая представление о динамике роста промышленного производства в России во второй половине XIX в. и его отраслевой структуре, позволяет судить о степени воздействия и результатах промышленной политики царского правительства. На конец 1860-х гг., к которому относятся первые попытки правительства воздействовать на промышленное развитие, более $\frac{2}{3}$ стоимости продукции обрабатывающей промышленности приходилось на текстильное производство — отрасль, сложившуюся еще в дореформенное время в крайне неблагоприятных условиях крепостного права без содействия властей, лишь при весьма умеренной таможенной защите. Согласно подсчетам Г.Р.Наумовой, основанные до конца 1860-х гг. хлопчатобумажные предприятия составляли более $\frac{1}{3}$ заведений, действовавших в этой отрасли на 1900 г.⁶⁹

Отраслевая структура российской промышленности свидетельствует об ее естественном развитии и органической связи со всем народным хозяйством страны. Самыми крупными ее отраслями были текстильная и пищевая, рост которых являлся непосредственным результатом капиталистической эволюции сельского хозяйства. Рост пищевой промышленности, включавшей мукомольное, сахарорафинадное, маслобойное, спиртоводочное и табачное производства, свидетельствовал о прогрессе торгово-

го земледелия в России. А развитие текстильной промышленности, где главную роль играло работавшее преимущественно на импортном сырье хлопчатобумажное производство, основным потребителем продукции которого было сельское население, говорило о далеко зашедшем процессе общественного разделения труда. Вместе с тем обращает на себя внимание значительная доля — около 40% стоимости всей промышленной продукции — отраслей, производивших средства производства. Особенно бурным был рост машиностроения, черной и цветной металлургии, добычи угля и нефти. Лишь некоторые из этих отраслей пользовались прямой поддержкой правительства, но все они так или иначе были связаны с развитием транспорта, прежде всего железнодорожного.

Рассмотренные данные лишней раз подтверждают неоднократно высказывавшееся мнение о том, что содействие железнодорожному строительству было основным рычагом ускоряющего влияния российского государства на развитие промышленности. Они подтверждают также обоснованность критики утверждений об искусственном насаждении промышленности царским правительством за счет стагнации сельского хозяйства вопреки естественным тенденциям экономической эволюции. Напротив, действия самодержавия были, в сущности, обусловлены этими тенденциями, они отвечали объективным потребностям хозяйственной жизни. В частности, железнодорожное строительство и развитие обслуживавших его отраслей промышленности способствовали прогрессу сельскохозяйственного производства. Беда заключалась в том, что, вступив на путь капиталистических преобразований, самодержавие стремилось ограничить, затормозить свободное движение по этому пути, создав массу препятствий для развития капитализма. В результате ему самому приходилось прилагать усилия, когда требовалось привести в движение отдельные элементы этой заторможенной системы. Иначе говоря, меры правительства по поощрению развития отдельных отраслей народного хозяйства представляли собой как бы обратную сторону общей экономической политики сдерживания капиталистической эволюции в целом. И в этом смысле Россия не была исключением. Как констатировали И. Беренд и Д. Ранки, в результате сравнительного анализа процессов индустриального развития стран Восточной и Юго-Восточной Европы, применительно к этим странам «своеобразным следует считать не то, что государство, вмешавшись в экономику, стало движущей силой индустриализации, а скорее, пожалуй, то, что его вмешательство послужило не созданию условий индустриализации, то есть с точки зрения индустриализации было не косвенным, а направлялось на подъем самой промышленности, то есть в неблагоприятных условиях развития понадобились самые непосредственные меры по развитию и поддержке промышленности»⁷⁰.

**Динамика роста и отраслевая структура
промышленного производства в России (млн руб.)**

Годы	Обрабатывающая промышленность								Горнозаводская промышленность	В целом по промышленности России
	Пищевая	Текстильная	Обработка смешанных материалов и животных продуктов	Химическая	Деревообрабатывающая и пилебумажная	Силикатная	Металло- обрабатывающая	Всего		
1867*	—	167,3	20,8	20,1	5,3	4,7	17,1	235,9	—	—
1874*	26,6**	232,4	35,9	36,4	14,8	10,4	51,3	407,8**	—	—
1880*	88,1**	356,4	59,3	53,6	31,6	22,0	83,8	694,8**	—	—
1880	291,9	419,3	71,7	59,7	39,5	28,2	120,7	1031,0	148,5	1179,5
1887*	141,2**	364,1	47,7	46,2	39,4	23,2	72,0	733,8**	—	—
1887	451,0	453,8	64,0	54,8	48,1	29,0	114,4	1215,1	185,8	1400,9
1893	532,5	593,6	69,5	84,2	68,5	34,7	173,4	1556,4	263,7	1820,1
1900	767,4	805,2	118,8	131,2	153,3	80,7	357,8	2414,4	671,6	3086,0

Примечания: * В границах 50 губерний Европейской России.

** Без отраслей, облагающихся акцизом.

Источник: Бовыкин В.И. Россия накануне великих свершений. К изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1988. С. 63.

Примечания

¹ По этому вопросу историки, кажется, довольно единодушны. Во всяком случае среди них мало тех, кто не отмечал бы крепостнического характера реформы 1861 г. и последующей аграрной политики царизма. Различия проявлялись лишь в понимании того, что составляло главную крепостническую черту реформы. Историки-марксисты видели ее в сохранении помещичьего землевладения. В их работах указывается на то, что эта реформа не осуществила радикальной чистки феодальных порядков, сохранила экономические привилегии и политическое господство помещиков. В западной немарксистской историографии важнейший тормозящий фактор обычно усматривался в сохраненной реформой общине. Вместе с тем отмечалась и недостаточность предоставленных крестьянам наделов, чрезмерная тяжесть возложенных на них платежей, что препятствовало развитию крестьянских хозяйств и сельскохозяйственного производства вообще.

² Меры царского правительства, способствовавшие развитию промышленности, были хорошо описаны еще в дореволюционной литературе.

³ Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. М., 1952. Т. II. С. 175—176.

⁴ Там же. С. 174—198.

⁵ Там же. С. 177.

- 6 Там же. С. 177—179.
- 7 Там же. С. 180.
- 8 Там же. С. 182.
- 9 Там же. С. 184.
- 10 Там же. С. 215.
- 11 Gershenkron A. *Economic Backwardness in Historical Perspective*. Cambridge, 1962. P. 7.
- 12 Основные положения концепции А. Гершенкрона были сформулированы в статье: *Economic Backwardness in Historical Perspective // The Progress of Underdeveloped Countries / Ed. by V. Hoselitz*. Chicago, 1952. Они получили развитие в ряде других статей, которые были суммированы в одноименной книге 1962 г., куда упомянутая выше статья вошла в качестве первой главы. В дальнейшем А. Гершенкрон неоднократно выступал с разъяснением своей концепции. См. его книги: «Continuity in history and other essays» (Cambridge, 1968) и «Europe in the Russian mirror» (Cambridge, 1970), а также статьи в «Soviet Studies» (1973. № 2; 1977. № 4), в которых он полемизирует с И.Н.Олегиной, автором ряда работ, критически анализирувавшей концепцию А. Гершенкрона.
- 13 «Освобождение крестьян, несмотря на его разнообразные несовершенства, было абсолютной предпосылкой для индустриализации» (Gershenkron A. *Economic Backwardness in Historical Perspective*. Cambridge, 1962. P. 19. См. также P. 8, 17).
- 14 Ibid. P. 120.
- 15 Soviet Studies. 1973. № 2.
- 16 Ibid.
- 17 Soviet Studies. 1977. № 4. P. 504.
- 18 Gershenkron A. *Economic Backwardness in Historical Perspective*. Cambridge, 1962. P. 119.
- 19 Ibid. P. 19.
- 20 Ibid. P. 17, 130.
- 21 Gershenkron A. *Europe in the Russian Mirror*. P. 122.
- 22 Gershenkron A. *Economic Backwardness in Historical Perspective*. Cambridge, 1962. P. 19.
- 23 Ibid. P. 36.
- 24 Ibid. P. 125.
- 25 Ibid. P. 129.
- 26 Ibid. P. 132.
- 27 Это мое мнение не претендует на новизну. Аналогичное наблюдение давно уже сделал П.Грегори. См.: Gregory P.R. *Russian Industrialization and Economic Growth. Results and Perspectives of Western Research // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1977. Bd. 25. Heft. 2. S. 209—210.
- 28 Сжатое изложение концепции Т. фон Лауэ содержится в статьях, опубликованных им в 1953—1955 гг. См.: Th.H. von Laue. *The High Cost and the Gamble of the «Witte System» // Journal of Economic History*. 1953. Vol. 3. № 4; Idem. *Einige politischen Folgen der Wirtschaftsplanung um 1900 // Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte*. 1954. Bd. 1; Idem. *Die Revolution von Aussen als erste Phase der Russischen Revolution von 1917 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1955. Bd. 4. Heft. 2. Итогом исследования Т. фон Лауэ стала его монография «Sergei Witte and the Industrialization of Russia» (N.Y. and L., 1963).

29 Взгляды И.Ф.Гиндина и результаты проведенных им исследований изложены в его книге «Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861—1892)» (М., 1960) и в серии статей «Неуставные ссуды Государственного банка и экономическая политика царского правительства» (Исторические записки. 1950. Т. 35); «К вопросу об экономической политике царского правительства в 60-е — 80-е годы XIX века» (Вопросы истории. 1959. № 5); «Государственный капитализм в России домонополистического периода» (Там же. 1964. № 9); «Правительственная поддержка уральских магнатов во второй половине XIX — начале XX вв.» (Исторические записки. 1969. Т. 82); «Концепция капиталистической индустриализации России в работах Теодора фон Лауэ» (История СССР. 1971. № 4); «Антикризисное финансирование предприятий тяжелой промышленности, конец XIX — начало XX вв.» (Исторические записки. 1981. Т. 105) и др.

30 Гиндин И.Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства. С. 17—18.

31 Там же. С. 40—41.

32 Там же. С. 44—45.

33 Там же. С. 45, 270—311. Типичной такой фигурой был В.А.Кокорев — учредитель Волжско-Камского банка, а также целого ряда железнодорожных, пароходных и промышленных компаний.

34 Там же. С. 23.

35 Там же. С. 401.

36 Гиндин И.Ф. Государственный капитализм в России... С. 94.

37 Эта функция породила особый жанр советской исторической литературы и авторов, специализирующихся в этом жанре. Впрочем, такой же подход проявлялся и в тех случаях, когда сами историки-исследователи обращались к анализу западных публикаций. В этом смысле весьма характерным примером является оценка, данная концепции Т. фон Лауэ И.Ф.Гиндиным, чей высокий профессионализм и научная объективность не вызывают сомнений. Несмотря на множество точек соприкосновения с этой концепцией, И.Ф.Гиндин весьма решительно отверг ее, обвинив автора в том, что он «приносит историческую достоверность в жертву некоторым своим предвзятым идеям» См.: Гиндин И.Ф. Концепция капиталистической индустриализации России в работах Теодора фон Лауэ. С. 206.

38 Об этом свидетельствуют не только многие западные рецензии на советские работы, но и монографии, авторы которых охотно отмечают вклад советских исследователей в разработку конкретного исторического материала, но редко признаются в согласии с ними в общих наблюдениях, в их влиянии на выработку авторской концепции. Предпринимавшиеся на Западе попытки историографического анализа проблемы подтверждают это впечатление, отмечая автономность осмысления процессов индустриального развития России западными и советскими историками и даже своеобразное «разделение труда», сложившееся между ними вследствие фундаментальных различий в понимании механизма исторической динамики. См.: Falkus M.E. The Industrialization of Russia. 1700—1914. L., 1972; Gregory P.R. Russian Industrialization and Economic Growth. Results and Perspectives of Western Research.

39 См.: Henderson W.O. The Industrial Revolution on the Continent. Germany, France, Russia. 1800—1914. L., 1961; Ellison H.I. Economic Modernization in Imperial Russia: Purposes and Achievements // Journal of Economic History. 1965. № 4; Portal R. The Industrialization of Russia // The Cambridge Economic History of Europe. Vol. VI. Pt. 2. Cambridge, L., etc. 1965.

⁴⁰ Cm.: Blackwell W.L. *The Beginning of Russia's Industrialization. 1800—1860.* Princeton, 1968; Idem. *The Industrialization of Russia. An Historical Perspective.* № 4. 1970; Falkus M. Op. cit.; Milward A.S., Saul S.B. *The Development of the Economies of Continental Europe. 1850—1914.* L., 1977; Pallot J. *Agrarian Modernisation on Peasant Farms in the Era of Capitalism // Studies in Russian Historical Geography / Ed. by J.H.Bater and R.A.French.* Vol. 1. L., 1983; Gatrell P. *The Tsarist Economy 1850—1917.* L., 1986; Rudolph R.L. *Agricultural Structure and Proto-Industrialization in Russia: Economic Development with Unfree Labor // Journal of Economic History.* 1985. № 1.

⁴¹ Goldsmith R.W. *The Economic Growth of Tsarist Russia. 1860—1913 // Economic Development and Cultural Change.* 1961. № 9; Westwood J.N. *History of Russian Railways.* L., 1964; Portal R. Op. cit.; Crisp O. *Russia. 1860—1914 // Banking in the Early Stages of Industrialization / Ed. by R.Cameron,* N.Y., L., 1967; Kahan A. *Government Policies and the Industrialization of Russia // Journal of Economic History.* 1967. № 4; Idem. *Capital Formation During the Period of Early Industrialization in Russia, 1890—1913 // The Cambridge Economic History of Europe. Vol. VII. Pt. 2.* Cambridge, L., etc. 1978; Blackwell W.L. Op. cit.; Gregory P.R. *Economic Growth and Structural Change in Tsarist Russia: A Case of Modern Economic Growth? // Soviet Studies.* 1972. Vol. 23. № 3; Idem. *Some Empirical Comments on the Theory of Relative Backwardness: The Russian Case // Economic Development and Cultural Change.* 1974. № 4; Idem. *Russian National Income. 1885—1913.* Cambridge, etc. 1985; White C. *The Impact of Russian Railway Construction on the Market for Grain in the 1860-s and 1870-s // Russian Transport. A Historical and Geographical Survey / Eds. by L.Symons and C.White.* L., 1975; Getrell P. Op. cit.

⁴² Barel Y. *Le developpement economique de la Russie tsariste.* P., La Haye. 1968. P. 245.

⁴³ Kahan A. *Government policies...* P. 467.

⁴⁴ Ibid. P. 470—477.

⁴⁵ McKay J. *Pioneers for Profit: Foreign Entrepreneurship and Russian Industrialization. 1885—1913.* Chicago, L., 1970. P. 9.

⁴⁶ Gregory P.R. *Russian National Income. 1885—1913.* P. 123—124, 137—138, 148—149, 176—177, 193; Gatrell P. *The Tsarist Economy. 1950—1917.* P. 189—191.

⁴⁷ Barkai H. *The Macroeconomics of Tsarist Russia in the Industrialization Era: Monetary Developments the Balance of Payments and the Gold Standard // Journal of Economic History.* 1973. № 2; Drummond I.M. *The Russian Gold Standard, 1897—1914 // This Journal.* 1976. № 3; Gregory P., Sailors J.W. *Russian Monetary Policy and Industrialization. 1861—1913 // This Journal.* 1976. № 4.

⁴⁸ McKay J.P. *Pioneers for Profit; Idem. Foreign Businessmen, the Tsarist Government and the Briansk Company // Journal of European Economic History.* 1973, № 2; Idem. *Elites in Conflict in Tsarist Russia: the Briansk Company // The Reich, the Well Born and the Powerful and Upper Classes in History / Ed. by F.C.Jäher.* Urbana, Chicago, L., 1973; Idem. *Entrepreneurship and the Emergence of the Russian Petroleum Industry, 1813—1883 // Research in Economic History.* 1983. Vol. 8; Idem. *Baku oil and Transcaucasian Pipelines, 1883—1891: A Study in Tsarist Economic Policy // Slavic Review.* 1984. № 4; Owen T.C. *Capitalism and Politics in Russia: A Social History of the Moscow Merchants. 1855—1905.* Cambridge, etc. 1981; Idem. *The Russian Industrial Society and Tsarist Economic Policy, 1867—1905 // Journal of Economic History.* 1985. № 3; Rieber A.J. *Merchants and Entrepreneurs in Imperial Russia.* Chapel Hill, 1982.

⁴⁹ О роли иностранного предпринимательства в России, кроме упомянутых выше работ МакКея, см.: Mai J. Das deutsche Capital in Russland, 1850—1894. В., 1970; Carstensen F.V. American Enterprise in Foreign Markets: Singer and International Harvester in Imperial Russia. Chapel Hill, L., 1984; Rauber H. Schweizer Industrie in Russland: Ein Beitrag zur Geschichte der industriellen Emigration, des Kapitalexportes und des Handels der Schweiz mit dem Zarenreich (1760—1917). Zürich, 1985; Kirchner W. Die deutsch Industrie and die Industrialisierung Russlands, 1815—1914. St. Katharinen, 1986.

⁵⁰ См.: Водарский Я.Е. Промышленные селения центральной России в период генезиса и развития капитализма. М., 1972; Рындзюнский П.Г. Крестьянская промышленность в пореформенной России (60-е — 80-е годы XIX в.). М., 1966; Он же. Утверждение капитализма в России. 1850—1880 гг. М., 1978; он же. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века. М., 1983; Соловьева Е.И. Промыслы сибирского крестьянства в пореформенный период. Новосибирск, 1981; и др.

⁵¹ См.: Болбас М.Ф. Развитие промышленности в Белоруссии (1795—1861). Минск, 1966; Он же. Промышленность Белоруссии, 1860—1900. Минск, 1975; Бочанова Г.А. Обработывающая промышленность Западной Сибири. Конец XIX — начало XX в. Новосибирск, 1978; Крикунов В.П. Очерки социально-экономического развития Дона и Северного Кавказа в 60-е — 90-е годы XIX в. Грозный, 1973. Меркис З. Развитие промышленности и формирование пролетариата Литвы в XIX в. Вильнюс, 1969; Ортабаев Б.Х. Развитие промышленности и торговли в Северной Осетии в конце XIX — начале XX в. Орджоникидзе, 1978; Хоштарна Э.К. Очерки социально-экономической истории Грузии: Промышленность, города, рабочий класс. XIX — начало XX вв. Тбилиси, 1974; и др.

⁵² См.: Деревянкин Т.И. Промышленный переворот на Украине. Киев, 1975; Мельник Л.Г. Технический переворот на Украине в XIX в. Киев, 1972; Соловьева А.М. Промышленная революция в России в XIX в. М., 1990; и др.

⁵³ См.: Бovyкин В.И. Зарождение финансового капитала в России. М., 1967; Буранов Ю.А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861—1917). М., 1982; Дьяконова И.А. Нобелевская корпорация в России. М., 1980; Нардова В.А. Начало монополизации нефтяной промышленности России. 1880—1890 гг. Л., 1974; Нетесин Ю.Н. Промышленный капитал Латвии (1860—1917 гг.). Рига, 1980; Фурсенко А.А. Нефтяные тресты и мировая политика. 1880-е годы — 1918 г. М.—Л., 1965; Шепелев Л.Е. Акционерные компании в России. Л., 1973; и др.

⁵⁴ Лаверычев В.Я. Крупная буржуазия в пореформенной России. 1861—1900. М., 1974; Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX — начала XX вв. Томск, 1975; и др.

⁵⁵ Кроме того, см.: Китанина Т.М. Хлебная торговля России в 1875—1914 гг. (Очерки правительственной политики). Л., 1978; Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. 1861—1904 гг. М., 1979; Лаверычев В.Я. Царизм и рабочий вопрос (1861—1917 гг.). М., 1972; Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л., 1973; Соловьева А.М. Железнодорожный транспорт в России во второй половине XIX в. М., 1975; Чернуха В.Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978; и др. В 60—80-е годы было опубликовано также большое число работ, освещающих аграрную политику царизма во второй половине XIX в.

⁵⁶ Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века: Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1981. С. 21—24.

- 57 Там же. С. 25.
- 58 Там же.
- 59 Кризис самодержавия в России. 1895—1917. Л., 1984. С. 30.
- 60 Там же. С. 43—44.
- 61 См.: Гиндин И.Ф. Концепция капиталистической индустриализации России в работах Теодора фон Лауэ.
- 62 Подробнее об этих мерах см.: Vovykin V.I. Probleme der industriellen Entwicklung Russlands // Wirtschaft und Gesellschaft im vorrevolutionären Russland / Geyer D.(Hrsg.). Köln, 1975.
- 63 См.: Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. С. 102—106.
- 64 Там же. С. 107—108.
- 65 Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе: 1861—1880 гг. М., 1978. С. 265.
- 66 См.: Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок. XIX — начало XX вв. М., 1974. С. 187—196, 381.
- 67 См.: Нифонтов А.С. Зерновое производство в России во второй половине XIX века. М., 1974.
- 68 См.: Гиндин И.Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861—1892 годы). С. 53—73; Шепелев Л.Е. Указ. соч. С. 135—157.
- 69 Наумова Г.Р. Хлопчатобумажная промышленность России в начале XX в. (амортизатор отрасли) // Монополистический капитализм в России. М., 1989. С. 4.
- 70 Беренд И.Т., Ранки Д. К вопросу о промышленной революции в Восточной и Юго-Восточной Европе // Studia Historica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1970. № 62. С. 167.

История финансов и банков

Государственный банк и биржевые синдикаты в России: 1899—1917 гг.

Биржевым синдикатам, созданным по инициативе Государственного банка, посвящено немного работ. Хотя они обращали на себя внимание экономистов уже в начале XX в.¹, развернутый анализ их деятельности был дан только в 1980 г. И.Ф.Гиндиным². Эпизодическое освещение этой темы в последнее время³ на основе немногочисленных опубликованных источников⁴ и работ не может удовлетворять в виду недавно найденных неопубликованных материалов из собрания Российского государственного исторического архива. На основании новых полученных сведений представляется возможным уточнить наши знания об этом интересном явлении российской экономической истории начала XX в.

Спор о роли государства в экономике по отношению к России вряд ли разрешим внедрением инородной «внешней» модели. Совершенство исторических, экономических и иных факторов обусловили в нашей стране большое значение государства, роль которого в развитии российской капиталистической экономики во второй половине XIX — начале XX в. представляется значительной⁵. Решение макроэкономических задач, нахождение путей выхода из экономических кризисов, поддержка устойчивости национальной валюты требовали от государства оптимальных инструментов и методов.

Вызовом времени стали события конца XIX в. В 1895—1897 гг. под руководством министра финансов С.Ю.Витте проводилась денежная реформа, вводившая «золотой рубль» в качестве основного платежного средства. Важным индикатором устойчивости рубля было состояние рынка российских ценных бумаг. Кроме того, существование значительных объемов портфелей ценных бумаг акционерных коммерческих банков вело к тому, что состояние на рынке ценных бумаг в сильной степени влияло на их ликвидность.

Первые испытания прочности рубля наступили почти сразу после окончания реформы. В 1899 г. был издан подытоживший ее акты Монетный устав, и в том же году в страну докатилась волна наступившего в Европе экономического кризиса. Обстановка кризиса потребовала энергичных мер правительства и Государственного банка, направленных на поддержку курса национальной ва-

* Бугров Александр Владимирович (Центральный банк РФ).

люты и ликвидности банковской системы. Закономерно, что объектом деятельности Государственного банка стала крупнейшая в империи Петербургская биржа, на которой объем сделок по купле и продаже ценных бумаг намного превосходил аналогичный показатель в Москве, не говоря уже о провинции. Это была по преимуществу фондовая биржа — даже несмотря на то, что фондовый отдел на ней появился только в 1900 г.

Инструментом для поддержки курсов российских бумаг было создание межбанковских объединений с участием и главной ролью Государственного банка — биржевых синдикатов. Форму объединения — синдикаты — подсказало современное для той поры развитие промышленности, в которой шли интенсивные процессы синдицирования. Биржевые синдикаты подобно промышленным представляли род предприятия, задачи которого, однако, были иными, подчиненными прежде всего стабилизационным целям, а не коммерческим.

Эффективность синдикатов была наглядно видна из международного опыта. Так благодаря объединению в синдикат французским финансовым группам в 1887 г. удалось хорошо заработать на скупке российских ценных бумаг на германском фондовом рынке. Для парижской биржи синдикаты были характерным явлением; они использовались как для организации подписки на ценные бумаги, так и для поддержки их курса.

Этот преобладающий «частный» характер парижских биржевых синдикатов, повлиявший на организацию таких объединений и в Петербурге, все же контрастировал с последними. Исследовавший петербургские биржевые синдикаты И.Ф.Гиндин считал главным результатом «прочное внедрение идеи правительственной интервенции в деятельность фондовой биржи как необходимой меры государственной экономической политики»⁶.

Это справедливо как для интервенционных, так и для эмиссионных синдикатов, действовавших, сменяя друг друга, с 1899 г. по 1917 г. Несмотря на различные задачи (интервенционные синдикаты создавались для выравнивания пошатнувшихся курсов бумаг, эмиссионные — для распространения государственных займов), их деятельность охватывала значительный временной промежуток. Синдикаты стали явлением в биржевой жизни не только Петербурга, но и остальной России, во многом ориентировавшейся на котировки «северной столицы».

20 октября 1899 г., во время наступившего экономического кризиса, по инициативе министра финансов С.Ю.Витте был создан интервенционный биржевой синдикат для поддержания котировок российских ценных бумаг на петербургской бирже⁷. В него вошли крупнейшие петербургские банки и банкирские конторы⁸, являвшиеся активными участниками фондового рынка. Они обязались поддерживать курсы российских ценных бумаг от падения — но только «таких предприятий, жизнеспособность коих не вызывает сомнений»⁹. Одновременно с этим Министерство финансов испросило разрешения Николая II на покупку Государственным банком бумаг акционерных обществ на 25 млн руб.,

а также на выдачу российским компаниям ссуд под их акции, паи и облигации¹⁰.

Синдикат действовал на основании периодически возобновляемых контрактов. По обоюдной договоренности убытки синдиката относились на счет акционерных банков, а прибыль делилась поровну между ними и Государственным банком с вычетом в пользу последнего 6% на авансированные суммы. В случае же убыточности синдиката его участники обязывались возмещать Государственному банку сумму убытков, но без начисления учетного процента. Однако видным российским банкирам не приходилось сомневаться в отсутствии коммерческого характера этой операции с их вынужденным в ней участием под давлением главного банка империи.

Весь первоначальный капитал в размере 5,35 млн руб. «авансировал» Государственный банк, так как акционерные коммерческие банки отказались от паевых взносов, ссылаясь на отсутствие свободных денежных средств в пору кризиса. Однако действительная сумма, которой располагал синдикат, была значительно меньше указанной — предела государственного авансирования на эти цели — и определялась «действительной надобностью». В 1900 г. капитал был увеличен до 8,025 млн руб. в связи с возросшими объемами закупок бумаг¹¹.

С возобновлением по договору от 6 июня 1900 г. синдикат, казалось, начал работать в режиме отлаженной машины. Э.Д.Плеске отписывал С.Ю.Витте: «Летом задолженность доходила до 3,6 млн руб., но затем в августе часть бумаг была продана при наступившем улучшении и к сентябрю цифра затрат понизилась до 2,8 млн руб., на каком уровне они оставались до октября. С этого времени затраты возрастали существенно, причем Комитет действовал по единогласным постановлениям всех участников, считавших воздействие и своевременным, и необходимым, и безопасным»¹².

Но даже с увеличением капитала попытки выправить ситуацию на бирже не увенчались успехом. В 1900 г. она продолжала развиваться с нарастающими негативными тенденциями. Обозреватель «Санкт-Петербургских ведомостей» оценивал происходящие явления как плачевные, лишь изредка позволяя себе говорить о временных улучшениях:

(За 3 апреля 1900 г.) «Новый крах столь известной нашей кулисы банкирской конторы Никитиных вызвал сегодня на спекулятивном рынке крайне удрученное настроение, завершившееся дальнейшим понижением ценностей этого рынка, и в особенности промышленных...»

(За 12 мая 1900 г.) «Настроение рынка и так уже слабое, стало еще хуже и закончилось общим падением цен без надежды на улучшение».

(За 26 мая 1900 г.) «Отсутствие дел на спекулятивном рынке вызывает дальнейшее понижение ценностей».

(За 1 июня 1900 г.) «На дивидендном рынке общая паника; нет более солидных бумаг — все поступает в продажу при полном отсутствии спроса. В то же время политический горизонт затемняется тучами, не оставляя надежды на какое-либо улучшение господствующего настроения»¹³.

Министерство финансов предпринимало отчаянные попытки нормализовать положение. Уже 4 апреля 1900 г. последовали упоминаемые в прессе «успокоительные заявления со стороны Министерства финансов», на некоторое время сгладившие негативные тенденции. А 12 июня 1900 г. Государственный банк в целях поддержки российских ценных бумаг предложил льготные условия выдачи ссуд под их обеспечение — до 70% от оценки всех котировующихся на бирже ценных бумаг и под пониженный процент.

Однако коренного перелома не наблюдалось, и к концу 1900 г. положение по-прежнему оставалось унылым. Главную причину происходящего искали в недостатках работы синдиката. По оценке И.Исаева, корреспондента управляющего Государственным банком Э.Д.Плеске, при его устройстве «ничего не было выработано»¹⁴. Это привело к тому, что во главе синдиката оказалось несколько петербургских банкиров, которые в течение 4 часов в день, полагавшихся на собрание, определяли список «поддерживаемых» ценных бумаг. Через агентов они сообщали участникам биржевых торгов о решениях Синдиката — те же быстро скупали указанные бумаги и предлагали их к последующей продаже синдикату по более высоким ценам (см. Таблицу 1).

Несомненно, что эта операция была заранее подготовлена. За ней стояли петербургские банки, понесшие во время кризиса значительные убытки и пытавшиеся поправить свое положение за счет биржевых спекуляций — прежде всего, Петербургский учетный и ссудный банк и Петербургский торгово-промышленный банки¹⁵.

В начале 1901 г. на покупку акций коммерческих банков было затрачено до половины всех средств синдиката. Далее шли акции крупных металлургических и машиностроительных предприятий, а также бумаги нефтяных товариществ. Таким образом, участники синдиката помогали прежде всего самим себе.

Таблица 1

Портфель ценных бумаг синдиката и его затраты на 15 февраля 1901 г.

Ценные бумаги	Число бумаг, шт.	Биржевая цена на 15 февраля 1901 г., руб.	Стоимость акций по биржевой цене, руб.	Цена акциям при покупке синдикатом, руб.	Убыток синдиката, руб.
<i>Акции банков</i>					
Акции Русского для внешней торговли банка	1068	260	277680	290049	12369
Акции Русско-Китайского банка	75	232	17400	18019	619
Акции Русского торгово-промышленного коммерческого банка	5835	198	1155330	1445219	289889

Ценные бумаги	Число бумаг, шт.	Биржевая цена на 15 февраля 1901 г., руб.	Стоимость акций по биржевой цене, руб.	Цена акциям при покупке синдикатом, руб.	Убыток синдиката, руб.
Акции Петербургского международного коммерческого банка	2056	298	612688	688350	75662
Акции Петербургского учетного и ссудного банка	545	405	220725	246344	25619
Акции Петербургского частного коммерческого банка	1068	265	283020	326532	43512
Итого (по акциям банков)	10647		2566.843	3014513	447660
<i>Акции металлургических и машиностроительных компаний</i>					
Акции Александровского чугуноплавильного и литейного завода	100	63	6300	19586	13286
Акции Брянского завода	720	216	155520	244577	89056
Акции Донецко-Юрьевского металлургического общества	1247	145	180815	280057	99242
Акции Никополь-Мариупольского завода	576	100	57600	78704	21104
Акции О-ва «Сормово»	2284	57,5	131330	193767	62437
Акции Коломенского машиностроительного завода	208	328	68224	73069	4845
Акции О-ва Мальцовских заводов	131	378	49518	65314	15796
Акции О-ва Путиловских заводов	815	75,5	61532,5	73203	11671
Акции О-ва Гартмана	440	80	35200	45450	10251
Акции фирмы «Буэ»	80	214	17120	20771	3651
Акции Петербургского металлического завода	130	141	18330	23073	4743
Акции Московского металлического завода	86	475	40850	47347	6497
Итого (по металлургическим и машиностроительным фирмам)	6817		822339,5	1164917	342579
<i>Бумаги нефтяных компаний</i>					
Акции Бакинского нефтяного общества	1258	595	748510	918292	169782
Акции АО «Каспийское товарищество»	35	6725	235375	245688	10313
Акции О-ва «А.И.Манташев и Ко»	2247	279	626913	723325	96412
Паи Товарищества братьев Нобель	35	10550	369250	387609	18359

Ценные бумаги	Число бумаг, шт.	Биржевая цена на 15 февраля 1901 г., руб.	Стоимость акций по биржевой цене, руб.	Цена акциям при покупке синдикатом, руб.	Убыток синдиката, руб.
Акции Товарищества братьев Нобель	122	527	64294	68307	4013
Итого (по бумагам нефтяных обществ)	3697		2044342	2343221	298879
ВСЕГО:	21161		5433524,5	6522652	1089128

Источник: РГИА. Ф. 587. Оп. 56. Д. 324. Л. 3.

В период тяжелого состояния рынка ценных бумаг было предложено возобновить работу синдиката, но на более эффективных началах. Он, как и прежде, должен был объединить усилия Государственного банка и других ведущих банков империи для противодействия негативным тенденциям на биржах. В число банков намеревался войти и крупнейший в Москве Купеческий банк, чье петербургское отделение не участвовало в деятельности предыдущего синдиката. Однако выдвинутые им условия — обязательность единогласного решения по поддержке той или иной ценной бумаги, а также требование предоставления сведений о положении дел эмитента — не были приняты Министерством финансов, и Купеческий банк в синдикат не вошел¹⁶.

По мнению участников первого синдиката, именно недостаточность капитала была основной причиной его неэффективной деятельности. Поднятый банками вопрос об увеличении капитала на четверть был решен положительно, и по договору от 17 февраля 1901 г. он определялся в 10,031 млн руб. — рекордная сумма, которая уже в 1903 г. была уменьшена до первоначального размера в 5,35 млн руб.¹⁷

Согласно проекту, предложенному управляющему Государственным банком в феврале 1901 г., синдикат устраивался на год под председательством самого Э.Д.Плеске. При необходимости его действие могло продлеваться еще на год. Государственный банк по-прежнему выделял определенную сумму в капитал синдиката, или, точнее, авансировал ее участникам предприятия — акционерным коммерческим банкам, которые должны были использовать полученный ресурс по оговоренному целевому назначению. Участники, соответственно, предлагали поддерживать в основном те бумаги, которые доминировали в их портфелях — таким образом, синдикат служил и регулированию ликвидности этих банков.

Решение о поддержке определенной ценной бумаги принималось простым большинством голосов. При этом предполагалось, что Э.Д.Плеске будет обладать единоличным правом veto. Синдикат избирал трех лиц «для заведования делами» — исполнитель-

ный комитет, который осуществлял решения синдиката. На поддерживаемые ценные бумаги предполагалось сохранять твердые цены.

По подсчетам И.Ф.Гиндина, за 1899—1901 гг. покупки синдиката выразились в сумме 11 млн руб., а продажи — в 4 млн руб. Таким образом, остаток к концу 1901 г. — то есть фактически убыток — достиг 7 млн руб. Только за счет интенсивных продаж в 1902—1903 гг. на 6,3 млн руб. он снизился до 0,8 млн руб.¹⁸

Интервенционный синдикат, начавший свою деятельность осенью 1899 г., был возобновлен 6 июня 1900 г., а потом был продлен сначала до 1 марта 1902 г., а затем еще на год, до 22 февраля 1903 г. Он действовал до 1 марта 1904 г. Однако в последние годы, по замечанию В.Н.Коковцова, «синдикат только реализовал приобретенные ранее ценности и новых покупок не производил»¹⁹.

Однако сложившееся неблагоприятное положение на бирже, связанное, главным образом, со спекуляциями начала Русско-японской войны, заставили возобновить его работу. В январе 1904 г. курсы российских дивидендных бумаг стали резко понижаться, и с 28 января этого года синдикат приступил к их покупкам. По истечении срока действия прежнего синдиката 1 марта 1904 г., участниками было подписано новое соглашение о продлении его существования. Капитал вновь увеличивался — на 50%, достигая величины 8,025 млн руб.

Такое увеличение говорило о том, что относительно вялые действия синдиката 1903 г. сменились интенсивными покупками. Они шли на протяжении 1904—1906 гг. На эту операцию синдикатом было затрачено более 14 млн руб. — из них почти 9 млн руб. в 1905 г. Суммы были покрыты продажами акций только в 1906 г. и в начале 1907 г., когда ситуация на бирже стала нормализовываться.

С начала экономического кризиса 1908 г. покупки подскочили до 4,8 млн руб. Образовавшийся остаток почти в 2,5 млн руб. удалось покрыть усиленными продажами, проводившимися в следующем году.

Формально синдикат завершил свою работу 26 апреля 1911 г. По отчету, с 20 октября 1899 г. за неполные 12 лет чистая прибыль по операциям составила в 659 тыс. руб. Эту сумму во многом составили полученные с акций дивиденды. И хотя Государственный банк реально получил лишь 2% вместо 6% за суммы, авансированные коммерческим банком, итоги деятельности синдиката можно назвать успешными. Благодаря его усилиям многие российские фирмы спаслись от финансовых затруднений и даже банкротства, а банки сохранили ликвидность.

Его опыт был использован год спустя, в 1912 г. Ситуация на бирже напоминала положение 1900 г., с той лишь разницей, что оно было порождено не экономическим, а политическим кризисом. В 1912 г. в связи с экономическим ростом и начавшимися Балканскими войнами на европейские биржи было выброшено большое количество ценных бумаг, которые при денежном дефи-

ците военного времени нельзя было полностью разместить. Этот процесс коснулся и России, вследствие чего упали курсы ценных бумаг на петербургской бирже. Незамедлительно процесс активизировали биржевики, игравшие на понижение.

В этих условиях 18 октября 1912 г. петербургские банки и крупнейшие банкирские дома под эгидой Государственного банка образовали биржевой синдикат, призванный поддержать биржевые котировки российских ценных бумаг. Схема его управления оставалась прежней. Хотя решения принимались большинством голосов, Государственный банк мог отклонить заявки участников синдиката о поддержке тех или иных ценных бумаг. Таким образом, биржевой синдикат оставался под контролем и управлением главного банка империи.

Оборотный капитал, сложенный из паев различных кредитных учреждений, составил 30 млн руб. В пределах этой суммы началась скупка обесцененных бумаг.

В отличие от синдиката 1899—1900 г., он не работал с акциями банков, учитывая, безусловно, печальный опыт прошлых спекуляций. Список «спасаемых» бумаг составляли уже известные нам акции и паи нефтяных, металлургических и металлообрабатывающих компаний, а также золотопромышленных обществ, подверженные сильным колебаниям во время кризиса (Товарищества нефтяного производства братьев Нобель, Русского товарищества «Нефть», Товарищества нефтяного производства «Г.М.Лианозова сыновья», Общества «А.И.Манташев и К^о», Таганрогского металлургического общества, Никополь-Мариупольского горного и металлургического общества, Компании Петербургского металлического завода, Общества Брянского рельсопрокатного, железодельного и механического завода, Российского золотопромышленного общества).

Синдикат окрестили «биржевым красным крестом». Впрочем, его деятельность старались не афишировать в печати — даже газета «Биржевые ведомости», официальный рупор крупной буржуазии, приписывала неожиданные всплески стабилизации на фондовом рынке каким-то непонятым силам. Как писал обозреватель газеты, 28 октября 1912 г. на Петербургской бирже «предложение материала было настолько стремительно, что вначале собрания совершенно отсутствовала всякая возможность что-либо поместить по приблизительно вчерашним ценам, и фактически стали отдавать по любой названной цене; затем временно сказалась маленькая реакция, при которой как будто настроение стало оправляться»²⁰.

В ноябре—декабре 1912 г. происходило некоторое ослабление биржевой активности в условиях военных событий на Балканах, а также — что главное — прекратилось дальнейшее падение курсов ценных бумаг. По словам того же обозревателя, уже 29 ноября 1912 г. «настроение резко изменилось к лучшему. Вчерашние продавцы усердно стали покрываться, и своими обратными покупками заметно укрепили общую тенденцию по всей линии; особенно

сказалось улучшение настроения на категориях железнодорожных, нефтяных и особенно металлургических ценностей»²¹.

Операции синдиката закончились в апреле 1913 г. Всего было куплено бумаг на 11 млн руб., а полученная прибыль составила 371 тыс. руб., из которых 126 тыс. руб. согласно договору поступили в распоряжение Государственного банка. Кроме того, Государственный банк удержал в свою пользу 6% с общей суммы полученной прибыли.

Синдикат был задуман как временное явление, однако настолько успел «вжиться» в Петербургскую биржу, что стал ее «постоянным клиентом». По окончании договора его действия снова пролонгировались. Операции возобновились уже в июне 1913 г. и закончились 13 сентября того года. Они продолжались также и в следующем году, вплоть до закрытия биржи 16 июля 1914 г. в преддверии Первой мировой войны.

Гипертрофированные затраты Государственного банка на биржевые интервенции в 1914 г. встречали резкое осуждение современников. Депутат Государственной думы И.В.Титов считал, что в отличие от кризисного 1912 г. большие объемы интервенций в 1914 г. ничем не оправданы: «Политическая и экономически-хозяйственная обстановка таковы, что нет никакой уверенности в том, что бумаги, скупленные синдикатом, могут быть в ближайшем будущем реализованы. Сначала Государственный банк дал на интервенции 12 млн руб., потом он увеличил свою ссуду до 30 млн руб., наконец в последнее время в распоряжении синдиката было 46 млн руб.»²² Титов опасался, что на эти суммы будут покупать сомнительные ценности, которые нельзя будет реализовать на бирже — такие как, например, сильно колеблющиеся акции завода Парвизайнен, которых было уже приобретено на сумму около 6,5 млн руб.

Однако в 1914 г. (как и в 1900 г.) на первое место по суммам купленных бумаг вышли акции российских коммерческих банков — Русского для внешней торговли банка, Русско-Азиатского, Петербургского международного и Петербургского частного банков. Такое пристальное внимание к положению акционерных коммерческих банков со стороны главного банка империи объяснялось тем, что они были основным объектом кредитования Государственного банка, который в 1910-е гг. выделял им порядка 80% всех кредитов по учетно-ссудным операциям.

С началом Первой мировой войны деятельность интервенционного синдиката сошла на нет, уступив место синдикату эмиссионному. Эмиссионный характер синдикат имел уже в 1906 и 1909 гг. Посредством него были размещены облигации первого и второго выпуска российского государственного займа 1905 г.²³ и третьего выпуска государственного займа 1908 г. по 200 млн руб. нарицательных. Государственный банк как участник синдиката «вошел в долю», пополнив свой портфель ценных бумаг.

В Первую мировую войну роль эмиссионных синдикатов на петербургской бирже выросла до максимума. При выпуске обли-

гаций 5%-ных займов 1914 и 1915 г. главный банк империи и Сберегательные кассы получили 40% всей их суммы — 200 млн руб. по займу 1914 г. и 400 млн руб. по займу 1915 г. Они были размещены через учреждения Государственного банка и Сберегательных касс, где на них была открыта специальная подписка. На Государственный банк было возложено общее руководство по реализации военных займов, инструктирование и снабжение всех учреждений, принимавших участие в распространении займа, их облигациями²⁴.

Начиная с военного займа 1916 г. Государственный банк впервые в большом объеме прибегает к агитации — не только к традиционной газетной, но и к распространению плакатов и объявлений, а также выпускает агитационную серию открыток, пронизанную общим мотивом доблести русской армии.

Последний раз синдикат под эгидой Государственного банка был создан в марте 1917 г. для реализации военного «Займа свободы» Временного правительства²⁵.

«Заем свободы» первоначально предполагалось назвать «Займом победы» (такое название носил военный заем во Франции), однако позднее, видимо под влиянием эсеров, ему присвоили другое название. Целью займа было аккумулирование временно свободных денежных средств населения с последующим их использованием на покрытие военных расходов.

28 марта этого года министр финансов М.И.Терещенко подписал соглашение с синдикатом о его реализации²⁶. Предполагалось, что доходность облигаций составит 5% годовых, а капитал будет погашаться в течение 49 лет «посредством тиражей, производимых 1 раз в год в декабре»²⁷. Первый тираж был назначен на декабрь 1922 г.

Притом, что синдикат включал 30 ведущих акционерных коммерческих банков, 50% ответственности за его деятельность брал на себя Государственный банк. Объединение включило крупнейшие банки страны (Русский для внешней торговли, Петроградский международный коммерческий, Русско-Азиатский, Волжско-Камский коммерческий, Азово-Донской коммерческий банки и другие), однако доля ответственности в делах объединения каждого из них была примерно 3,5%. Наибольшую долю среди коммерческих банков — около 4% — имел Московский купеческий банк.

Подписывая соглашение с министром финансов, синдикат принял на себя обязательство открыть на вышеуказанный заем широкую подписку по цене 85% от их номиналов²⁸. Полученную выручку от реализации банки обязаны были сдавать в Казначейство, а о результатах подписки докладывалось министру после ее закрытия — не позднее 15 июня 1917 г.

Банки гарантировали размещение займа на сумму 3 млрд руб., а если результат подписки оказывался ниже этой суммы, то остаток нереализованных ценных бумаг распределялся между банками в зависимости от доли ответственности каждого из них.

Облигации займа допускались к приему в залог в Государственном банке по нарицательной цене. Также они могли приниматься в счет авансов за казенные поставки, задатков при погашении выданных казной ссуд, в уплату акцизных сборов и таможенных пошлин — по ценам, назначаемым министром финансов. Эти привлекательные условия ставили новые бумаги в привилегированное положение — подобно свидетельствам государственной ренты. Участникам синдиката министр финансов гарантировал возможность получать в Государственном банке «особые подвижные кредиты» под облигации этого займа из 75% их номинальной стоимости под 5,75% годовых.

Подписка проходила практически во всех банковских учреждениях страны, а также в сберегательных кассах и казначействах. Однако уже через 4 месяца после начала действий синдиката стало ясно, что распространение займа шло не так интенсивно, как ожидалось. Тем не менее, общими усилиями к 23 сентября 1917 г. было распространено облигаций на 4 млрд. руб. среди 900 тыс. подписчиков — несмотря на агитацию большевиков, призывавших игнорировать подписку²⁹.

«Продам хлеб — куплю "Заем свободы" — гласила надпись на открытке с изображением крестьянки, везущей на продажу в город мешки с зерном. В виду нехватки денежных знаков «Заем свободы», как и другие военные займы, был узаконен в хождении как денежный знак по номиналу облигации. Купоны при этом отрезались и ходили отдельно как денежные суррогаты — вплоть до 1922 г.

Таким образом, биржевые синдикаты действовали почти на всем протяжении начала XX в., в целом успешно справляясь со своими целями — поддержкой российских ценных бумаг или размещением облигаций государственных займов. Впервые опробованные в министерство С.Ю.Витте, «самого последовательного сторонника использования ресурсов Государственного банка для неуставного финансирования крупных банков и предприятий»³⁰, они стали постоянно действующим инструментом государственно-го вмешательства на бирже.

Примечания

¹ Титов И.В. Государственный банк и финансово-экономические задачи. СПб., 1914.

² Гиндин И.Ф. Антикризисное финансирование предприятий тяжелой промышленности (конец XIX — начало XX в.) // Исторические записки. Т. 105. М., 1980. С. 105—149.

³ См.: Шабалин А.О. Государственное регулирование фондовой биржи в России (1900—1917 гг.) // Финансы. 1994. № 11. С. 58—61; Он же. О политике госкредита в период Временного правительства // Банковские услуги. 1998. № 4. С. 35—37.

⁴ См. публикацию документов по реализации «Займа Свободы» (1917 г.): Экономическое положение в России накануне Великой Октябрь-

ской социалистической революции. Документы и материалы: март—октябрь 1917 г. М.—Л., 1957. Ч. 2.

⁵ См., напр.: Гиндин И.Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861—1892 гг.). М., 1960.; Он же. Банки и экономическая политика в России (XIX — начало XX в.). Очерки истории и типологии русских банков. М., 1997.

⁶ Гиндин И.Ф. Антикризисное финансирование... С. 117.

⁷ Там же. С. 113.

⁸ Петербургский международный коммерческий банк, Сибирский торговый банк, Русский торгово-промышленный коммерческий банк, Русско-Китайский банк, Петербургский учетный и ссудный банк, Русский для внешней торговли банк, Волжско-Камский коммерческий банк, Петербургский частный коммерческий банк и др.

⁹ РГИА. Ф. 587. Оп. 56. Д. 5. Л. 41.

¹⁰ Шепелев Л.Е. Акционерные компании в России. Л., 1973. С. 151.

¹¹ РГИА. Ф. 587. Оп. 56. Д. 324. Л. 9.

¹² Там же. Л. 4.

¹³ Санкт-Петербургские ведомости. 1900. 4 апреля, 12 мая, 27 мая, 2 июня.

¹⁴ РГИА. Ф. 587. Оп. 56. Д. 1661. Л. 18—21 об.

¹⁵ Однако биржевые спекуляции этих банков не смогли покрыть образовавшиеся убытки. Только в 1900 г. Санкт-Петербургский учетный и ссудный банк был вынужден списать по счету «Ценные бумаги» более 0,5 млн руб., а в 1901 г. его убытки по этой статье превысили 1,7 млн руб. (Бовыкин В.И., Петров Ю.А. Коммерческие банки Российской империи. М., 1994. С. 106.)

¹⁶ Гиндин И.Ф. Банки и экономическая политика в России... С. 285.

¹⁷ Русские финансы и европейская биржа в 1904—1906 гг. М.; Л., 1926. С. 55.

¹⁸ Гиндин И.Ф. Антикризисное финансирование... С. 115—116.

¹⁹ Русские финансы и европейская биржа... С. 56.

²⁰ Биржевые ведомости. 1912. 29 ноября. С. 4.

²¹ Там же.

²² Титов И.В. Государственный банк... С. 35.

²³ Для этой цели под руководством министра финансов В.Н. Коковцова в начале ноября 1906 г. был организован синдикат «для урегулирования цены российского государственного займа 1905 г.»

²⁴ Отчет Государственного банка за 1915 г. Пг., 1916. С. XI.

²⁵ О «Займе свободы» см.: Экономическое положение в России... С. 395—399; Волобуев П.В. Экономическая политика Временного правительства. М., 1962. С. 339—352; Таранков В.И. Ценные бумаги Государства Российского. М.; Тольятти, 1992. С. 153—155.

²⁶ Документ опубликован: Экономическое положение... С. 395—399.

²⁷ Там же. С. 396.

²⁸ Облигации «Займа свободы» были определены достоинствами в 50, 100, 500, 1000, 5000, 10 000 и 25 000 руб.

²⁹ Экономическое положение в России... С. 399, 422.

³⁰ Гиндин И.Ф. Антикризисное финансирование... С. 106.

Петербург как международный деловой центр в XIX в.

«...Они очень крепко связаны с Россией и с Петербургом, в особенности через Солодовникова, с которым совершают крупные операции с тальком, импортом индиго и других товаров в Петербург, в том числе сахара в мешках для Германа Энгельберта Шрёдера — Германа Шрёдера, сахарного рафинера здесь. Первый из них является братом Вильгельма Шрёдера... Не может быть сомнений, что они очень солидны и имеют первоклассный кредит»¹. Так оценивал лондонский банк Бэринг Бразерс в 1835 г. деятельность молодой лондонской банкирской фирмы «Джон Генри Шрёдер» (John Henry Schroder), основанной в 1804 г. одновременно с филиалами в Петербурге, Риге и в ее родном городе Гамбурге.

В последней четверти XVIII в. внешняя торговля через Петербургский порт (прежде имевшая значение только в пределах Балтийского моря) все более приобретала общеевропейский вес. Причиной тому стал рост торгового и кредитного оборота с Западной Европой. Параллельно росли кредитные связи российского государства с западноевропейскими банкирами. Оба фактора явились причиной увеличения иммиграции в Россию иностранных коммерсантов (как имеющих капиталы, так и желавших их приобрести). Поэтому связи с главными деловыми центрами Западной Европы становились все более тесными.

В конце XVIII в. это были прежде всего Амстердам, Лондон, Гамбург и в меньшей степени Париж. В первой половине XIX в. укреплялись контакты с другими центрами торговли, такими как Гуль (главный порт Великобритании для Восточной Европы), Ливерпуль (ведущий центр мировой торговли хлопком). Импорт хлопка осуществлялся также непосредственно из южных портов США и из Нью-Йорка. Центром сахарного импорта для России до 1830-х гг. оставалась Гавана. В середине XIX в. Берлин, Франкфурт-на-Майне и Париж стали важными финансовыми центрами. С конца XIX в. Цюрих, Базель и Вена, в основном, при посредничестве крупных континентальных кредитных институтов, появились на российском кредитном рынке.

Вообще развитие банков в Петербурге было тесно связано с присутствием иностранных финансистов в городе. В числе осно-

* Сартор Вольфганг — доктор истории (Германия).

вателей некоторых петербургских банков были заграничные банкиры и банки, т.е. те фирмы, которые юридически действовали за границей и инвестировали оттуда капиталы в Россию. Их следует отличать от проживавших в Российской империи купцов иностранного происхождения, которые по меньшей мере уже несколько лет здесь работали. Некоторые фирмы начинали работать в одной стране, затем были активны в других, и в итоге почти невозможно понять, с какой страной они оказывались юридически более связаны. Это наиболее свойственно британским фирмам, занятым внешней торговлей, и отчасти ряду гамбургских фирм. Для фирм еврейской и армянской диаспор это явление также характерно. Начавшаяся недавно среди историков дискуссия пытается обобщить это явление в понятии «открытая компания» («Free-Standing Company»)².

Эти активные в России иностранцы могли сохранять свое прежнее гражданство, либо принимать российское подданство. Они считались жителями Российской империи, и по выражению купца Рудольфа Шписа, «до 1914 г. переход в другое гражданство не считался столь важным и значительным.., переход из германского в русское подданство едва ли казался более важным, чем, например, из саксонского в прусское. "Безродными людьми" выходцы из-за границы оставались недолго.., и это просто было логическим следствием того, что в России они нашли новую и любимую родину, работали в России и для России и, понятно, хотели принадлежать этой стране не только делами и нравами, но и именем»³.

В приведенной цитате находит отражение космополитизм, свойственный многим иностранным предпринимателям в Петербурге и в России вообще, которые содействовали вовлечению страны в систему мирового товарообмена.

Иностранные банкиры и русские займы

В конце XVIII в. установились связи русской казны с ведущим нидерландским банком Гопе и К^о в Амстердаме. Нидерланды в XVIII в. были главным экспортером капитала в Европе, в XIX в. эта роль перешла к Англии, а позднее к Франции. В XVIII — начале XIX в. кредиты были необходимы России главным образом для финансирования войн и для покрытия бюджетных дефицитов, ставших следствием чрезмерных расходов на содержание двора и задолженности дворянства. Эти кредиты особенно выросли во время наполеоновских войн. В 1813 г., с продажей фирмы Гопе и К^о лондонскому банкирскому дому Бэринг Бразерс, к этому английскому банку перешла роль главного кредитора русской казны.

В первой половине XIX в. Людвиг Штиглиц был главным партнером Бэрингов, сотрудничавших в Петербурге, кроме него, со многими крупными частными банками и финансистами: Гассе-

ром; Н.М.Моллво; Томсон, Бонар и К. В середине столетия партнерами в Петербурге выступали: Е.Г.Брандт и Е.Х.Брандт (E.H.Brandt); Э.М.Мейер; Ахенбах и Колли (Achenbach & Colly); Генри Марк (Henry Marc) и Герман Капгер (Hermann Kapherr)⁴.

С 1860-х гг. оживилась экономическая деятельность в империи, и иностранные связи петербургских банков усилились особенно в связи с железнодорожным строительством. С конца 1880-х гг. в качестве партнеров выступили крупные западноевропейские банки, прежде всего, универсальные. Для иностранных банков интерес представляли многочисленные русские гарантированные займы. С германской стороны в рамках «Русского консорциума» действовали Мендельсон и Ко, С.Блейхредер и Дисконтогезельшафт, а также Берлинер Хандельсгезельшафт, Национальбанк фюр Дойчланд, Банк фюр Хандель унд Индустри и в меньшей мере Дойче банк, а также некоторые другие голландские и германские банкирские дома.

Лишь изредка получал субучастия в консорциуме молодой, амбициозный Дойче банк, хотя в Германии он бурно развивался и наряду с Дисконтогезельшафт стал крупнейшим кредитным учреждением⁵. Дойче банк позднее отвергал субучастия и проводил политику «все или ничего», т.е. или он руководил эмиссией, или отказывался от любого участия в деле. Эту политику ведущий директор банка А. фон Гвиннер выразил так: «За единицей хотят стоять так много нулей, но если мы за нашей единицей захотим поставить остальные нули, то это им не поможет (потому что они нули. — В.С.)»⁶. Дрезднер банк также держался в стороне от крупных займовых операций.

После запрета выдачи ссуд в Германии под русские ценные бумаги в 1887 г. руководство крупными займами перешло к французским банкам, прежде всего к Креди Лионнэ, Париба⁷ и Банк д'Эсконт де Пари. Эти и другие парижские банки участвовали во французских инвестициях в России и в учреждении новых банков, в частности Русско-Азиатского. Ведущий бельгийский банк Сосьете Женераль дё Бельжик (Société Générale de Belgique) также начал усиленно внедряться в Россию⁸.

После революции 1917 г. кредитные операции этого рода закончились. Примечательно, однако, что в 1917 и 1918 гг. русские фирмы и банки переводили средства своим корреспондентам не только в страны-союзницы России в Первой мировой войне, но и германским партнерам. Во время войны такие платежи совершались через нейтральные страны, Данию и Швецию⁹. В эти годы петербургские банки переводили крупные суммы и в Лондон. Так, Учетный и ссудный банк перевел банкирскому дому Frederick Nuth & Co. около 6 млн руб.¹⁰

Насколько прибыльны были займовые операции для кредиторов Российского государства? Кредитные договоры обычно предусматривали годовой процент, платимый кредитору, и срок погашения займа. Срок мог в интересах партнера продлеваться.

Уровень процента в Западной Европе в XVIII в. превышал 10%, понизившись затем постепенно к концу XIX в. до 3—4%. Банки Гоге и К^о, Бэринги и их последователи в конце XIX в. (Мендельсон и К^о, Дисконтогезельшафт, Креди Лионнэ и другие) получали прибыль главным образом от эмиссии долговых обязательств среди мелких заинтересованных банков и даже просто частных лиц.

В частности, договор 1793 г. с Гоге и К^о предусматривал такое распределение кредитных обязательств: Гоге и К^о приняли всю сумму русского займа в 6 млн гульденов и продали ее весьма известным нидерландским финансистам, таким как Берг (Bergh), Борский (Borski), Ван Гутен (van Houten) и другим¹¹. Русская сторона в этой эмиссии была представлена фирмой Штиглиц и К^о, которая уже была посредником казны по кредитам от Бэрингов и других банкирских домов.

Крупнейшими деловыми партнерами петербургской «haute finance»¹² в XIX в. в Западной Европе были голландские фирмы Гоге и К^о, Липпман, Розенталь и К^о и Амстердамше банк (Amsterdamsche Bank). За ними следовали английские и германские частные банки. Из Гамбурга это были, прежде всего: Беренберг, Гослер и К^о; Мерк и К^о (Merck & Co.); Л.Беренс и К^о (L.Behrens & Co.); Норддойче банк (Norddeutsche Bank), а также Шрёдер (Ch.M. Schroder)¹³. Во второй половине XIX в. ими являлись банки «Русского консорциума»: Мендельсон и К^о; С.Блейхредер; Дисконтогезельшафт; Берлинер Хандельсгезельшафт; Националь-банк фюр Дойчланд; Банк фюр Хандель унд Индустри.

Новые крупные Дойче банк и Дрезднер банк поначалу играли второстепенные роли, но оба они росли весьма быстро. Среди наиболее значительных лондонских банкиров поначалу ведущие позиции в займовых операциях с Россией занимали: Бэринг Бразерс; Н.М.Ротшильд; бывшие гамбургские банкиры J.H.Schroder; Kleinwort & Son; Huth & Co.; Frühling & Goschen; E.H.Brandt; Thompson Bonag & Co. Во второй половине XIX в. здесь выступили также Сити энд Мидлэнд бэнк (London City and Midland Bank); Гамбро и К^о (Hambro & Co); Грэнфел и К^о (Grenfell & Co); Барклай и К^о (Barclay & Co).

Наряду с парижскими Ротшильдами во второй половине XIX в. важнейшими партнерами русских банков стали Креди Лионнэ, Париба, Банк д'Эсконт де Пари, Банк де л'Унион Паризьен, Сосьете Женераль, Готтингер и К^о, Э.Госкье и К^о.

Упомянутые выше банки, как показано в табл. 1, участвовали в эмиссии 80 государственных и железнодорожных займов России¹⁴.

В займах участвовали также и другие банки, правда, со значительно меньшими квотами. С удивительным постоянством в русских эмиссиях принимала участие берлинская банкирская фирма Мендельсон и К^о, причем даже в период запрета в Германии выдачи ссуд под русские ценные бумаги в 1887—1894 гг.

**Участие иностранных банков и банкирских домов в эмиссии
российских государственных и гарантированных правительством займов,
1800—1914 г.**

Банк	Общий объем эмиссий (в млн руб.)	Число участий
Mendelssohn & Co, Berlin	4167,8	62
Bleichröder S., Berlin	3599	46
Diskonto-Gesellschaft, Berlin	3592,1	47
Lippmann, Rosenthal & Co, Amsterdam	2708,3	56
Crédit Lyonnais, Paris	2680,7	20
Berliner Handelsgesellschaft, Berlin	2173,7	24
Hope & Co, Amsterdam	2138,4	21
Banque de Paris et Pays-Bas, Paris	2073,1	16
Banque d'Escompte de Paris, Paris	1950,6	11
Baring Brothers & Co, London	1935	16
Hottinguer et Co, Paris	1880,3	13
Banque Rothschild, Paris	1125,3	15
Hoskier, E. & Co, Paris	924,3	14
Nathan M. Rothschild, London	861,9	9

Источник: Справочная книжка для держателей русских государственных и гарантированных процентных бумаг. СПб., 1913 (подсчитано нами. — В.С.).

Прибыли от займовых операций

В делопроизводстве крупных банков внутренние расчеты прибылей довольно плохо сохранились. Материалов такого рода нет, например, у Мендельсон и К^о, но они присутствуют в архиве банка Шрёдер (J.H. Schröder). Так, прибыли этого банкирского дома по эмиссиям акций и облигаций различных железных дорог (Харьково-Кременчугской 1868 г., Харьковской 1870 и 1891 гг., Московско-Ярославской 1870 г., Московско-Виндаво-Рыбинской), а также русских государственных займов 1870 и 1890 гг. составляли от 0,2% до 30% на вложенный капитал. Уровень рентабельности, доля в синдикате и общий объем займа в каждом случае определяли норму прибыли. 0,2% прибыли от эмиссии Харьковско-Кременчугской ж.д. объясняется участием банка лишь в качестве комиссионера эмиссионного синдиката. Участие в эмиссии акций Московско-Виндаво-Рыбинской ж.д. принесло Шрёдеру 24% (13 тыс. ф. ст.), а в крупном государственном займе 1889 г. невысокий уровень прибыли в 2,3% принес тем не менее 1,6 тыс. ф. ст.¹⁵

В целом займовые операции российской казны, и особенно железнодорожные займы, оказывались весьма выгодным делом для иностранных финансистов.

«Космополитические элементы» среди российских банкиров

Среди иностранных банков, активно действовавших в России, бросается в глаза группа банкирских домов, принадлежавших крупным торговцам. Среди этих фирм, которые были учреждены в качестве банкирского дома или торгово-промышленного предприятия в России, должны быть названы: уже упомянутые *Шрёдер (J. H. Schröder)* — Рига (1811—1877 гг.), Петербург (1790—1865 гг.), Гамбург, Амстердам и Лондон (1801 г.); *Эдмунд Брандт (Edmund Brandt)* — Архангельск (1798—1914 гг.), Петербург (1812—1914 гг.), Лондон (1805 г.); *Торнтон (Thornton)* — Петербург, Лондон; *Вильгельм Кинен (Wilhelm Kinen)* из Москвы, позднее *Лютфуа и Кинен (Lutfois & Kinen)* в Париже; *Джон Миллер (John Miller)* — Петербург (1832—1917 гг.), Leigh в Шотландии; *Томсон, Бонар и К^о* — Петербург, Лондон; *Хиллс и Вишав (Hills & Whishaw)* — Лондон, Петербург, Рига; *Жиль Лодер (Giles Loder)* — Лондон, Петербург; *Горнби и К^о (Hornby & Co)* — Ливерпуль, Петербург, Рига; *Родоканаки* — Одесса (1812 г.), Петербург, Марсель, Париж, Лондон, Нью-Йорк; *Эфрусси* — Одесса, Петербург, Париж, Лондон; *Рафалович* — Одесса, Петербург, Париж, Лондон; *Гинцбург* — Петербург с 1859 г., Париж и Лондон; *Ралли* — Одесса, Петербург, Лондон¹⁶.

Интернациональным размахом деятельности особенно выделяются многочисленные еврейские предприниматели, такие как Рафалович и Гинцбург, которые имели филиалы своих семейных предприятий в Париже и Лондоне. Из Гамбурга, финансового и торгового центра Германии первоначально происходили многие немецкие банкиры: Шрёдер, Брандт, Шлюссер (Schlüsser) и Шеер (Scheer). Оба последних были скорее торговыми предприятиями, занимавшимися также финансовыми операциями. Сюда же относились Kleinwort Sons, Huth & Co; Frühling & Goschen — гамбургские банки по происхождению, которые учредили свои дома в Лондоне и вели операции с Петербургом.

Учреждение филиалов петербургских банков и предприятий за границей означало также, что российские компании осуществляли экспорт капитала, и что Россия была не только объектом инвестиций. Целью этих филиалов часто являлось освоение торговых и финансовых пространств в Европе. Особенно выгодным считалось иметь отделение в Лондоне, поскольку этот город служил тогда «мировой торговой площадью». Финансирование мировой торговли в XIX в. проходило, главным образом, через Лондон. Амстердам потерял свое ведущее положение в XVIII в.

Названные банки, которые имели разнообразные связи с Петербургом, поддерживали — за исключением Гинцбурга — свои позиции до 1914 г., а некоторые и позднее. Значительно усилились

Шрёдер (J.H.Schröder) и Брандт (E.H.Brandt). Конечно, масштабы деятельности этих банкиров были несравнимы с позициями иностранных банков, контролировавших эмиссии российских займов. Тем не менее эти сравнительно скромные банкирские дома играли значительную роль в кредитовании торговых и промышленных фирм.

Кредиты и инвестиции в России. Иностранное участие в петербургских банках

С оживлением внешней торговли России после наполеоновских войн русские и западноевропейские банкиры особенно охотно вкладывали средства в эту отрасль. Внешнеторговый оборот России за столетие 1815—1914 г. вырос в десять раз. Разумеется, динамика по категориям товаров была неравномерной. За тот же период только импорт хлопка в Россию вырос с 35 тыс. до 9 млн пудов¹⁷. Банкиры либо сами выступали как предприниматели, либо кредитовали торговые операции переводными векселями, становясь «купцами — банкирами» («merchant banking»)¹⁸.

В переписке Штиглица с Бэрингами и Рошильдами или Капгера и Э.М.Мейера с этими банками вопросы внешней торговли играли первостепенную роль. До 1850 г. предметом их общих деловых интересов были ввоз сахара в Россию, а также экспорт на Запад сала и чугуна. В сделках этих купцов-банкиров, как иностранных, так и российских, трудно отделить банк от торгового предприятия. Деньги для купцов-банкиров являлись всего лишь одним из многих товаров.

Банки традиционно использовали переводные векселя, но иногда происходили расчеты наличными. Так, А.М.Ротшильд писал своему агенту в Петербурге Дж.Дэвидсону в 1847 г., что Штиглиц должен платить не векселями, а золотом. Дэвидсон ответил: «Я сообщил господам Штиглиц Ваше пожелание никогда впредь не рассчитыватья векселями, но золотом. Они ответили мне, что собираются выслать Вам золото пароходом, который отправляется в Лондон завтра»¹⁹.

Уровень процента по краткосрочным частным кредитам зависел от спроса и предложения и до середины XIX в. колебался на уровне 5—8% в год. В конце XIX в. наметилась тенденция к понижению процентной ставки до 3% годовых, хотя порой она доходила до 10%²⁰.

Банкиры зарабатывали также на комиссионных от посредничества. Например, Бэринги в 1820—1840-е гг. охотно экспортировали из России тальк и «чрезвычайно дешево и прибыльно» (excessively low) железо²¹. Бэринги финансировали сделки и получали прибыль, Штиглиц получал комиссионные в размере 5% как посредник. Оборот по этим делам в 1834 г. составил более 2 млн руб. в год, т.е. прибыль Штиглица была около 100 тыс. руб. Бэринги были не очень довольны этими условиями, поскольку платили Штиглицу в Петербурге комиссионные вдвое выше, чем обычно в Лондоне²².

В сохранившихся бухгалтерских документах (Account books, Credit Registers) лондонских домов Бэрингов, Кляйнворт и К^о, Вильгельм Брандт и сын, игравших тогда ведущую роль в операциях с переводными векселями, отчетливо просматривается связь с русскими предприятиями, которая выражается преимущественно в кредитных поручениях. Вначале объектом этой деятельности была торговля, позднее кредитом все более пользовались промышленные предприятия.

Каждому клиенту (фирме или банку) обычно открывался счет, своего рода показатель его кредитоспособности. Размер кредита по счету колебались в зависимости от масштаба предприятия и доверия к нему заимодавца. Банк — кредитор подготавливал также текущие характеристики клиентов на основе сведений своих агентов или корреспондентов. Так, в списках кредитоспособности у Бэрингов петербургские банки второй половины XIX в. оценены следующим образом: Учетный и ссудный банк при его капитале 6,5 млн руб. как «надежный», Частный в 1872 г. с капиталом 5,5 млн руб. как «весьма надежный», Русский для внешней торговли в 1875 г. как «хороший»²³. Кляйнворт предоставлял петербургским частным коммерческим банкам кредит в следующих размерах (см. Таблицу 2).

Таблица 2

**Кредит банкам и банкирским домам Петербурга,
открытый лондонским банкирским домом Кляйнворт и К^о (ф. ст.)**

Годы	Заемщик	Лимит кредитования
1909—1913	И.В.Юнкер и К ^о	50 000
1898—1899	Русский Торгово-промышленный банк	25 000—50 000
1905—1909	Петербургский Частный коммерческий банк	30 000
1898—1899	Азовско — Донской коммерческий банк	20 000—30 000

Источник: Guildhall Library (GH): Manuscript Department, Archive Kleinwort, Benson & Co. (далее: Archive Kleinwort). Ms 22066/3.

Кредитный лимит, открытый клиенту, являлся, впрочем, только предложением. Использовал ли заемщик их, на что, естественно, надеялся банк, выдававший кредиты и зарабатывавший на этом проценты, известно далеко не всегда. Кляйнворт был не очень доволен тем, как его русские клиенты соблюдают условия кредита²⁴. Шрёдер выдавал иногда довольно крупные ссуды петербургским банкам. Только в 1893, 1903 и 1913 гг. банк предоставил 31 кредит русским банкам, из которых наиболее крупными были: в 1893 г. 40.000 ф. ст. Учетному банку; 200.000 ф. ст. Международному коммерческому в 1903 г. и 122.000 ф. ст. в 1913 г. Соединенному банку²⁵.

Эти цифры впечатляют, однако какова была доля русских дел в общем объеме операций этих финансовых корпораций? В 1872—1914 гг. сделки с Россией составляли 18,5% оборота банкирской фирмы Шрёдер, т.е. занимали третье место после дел с Германией (31,9%) и США (21,1%). Доля русских заемщиков в операциях с переводными векселями составляла в 1848—1868 гг. 17%, в 1869—1894 гг. — 12% и в 1894—1912 гг. — 14%. На Россию в 1870—1874 гг. приходилось 15—17% банковских оборотов фирмы. Значительную долю составляли русские товарные операции (52%), превысив все другие части света (так, на Америку приходилось только 12%)²⁶.

Со временем у некоторых купцов-банкиров на первый план выходило собственно банковское дело. Так произошло в Англии с Бэрингами, а в России с укоренившимися в Петербурге немецкими, еврейскими и греческими по-происхождению банкирами-купцами Штиглицем, Ахенбахом и Колли (собственно московской фирме, но влиятельной и в Петербурге), Вильгельмом Брандтом, Капгером, Гауффом (Hauff), Кларком (Clark), Рафаловичем, Скараманга, Эфрусси, Гинцбургом, Е.М.Мейером и К^о. Вначале они занимались исключительно торговлей, затем развивали кредитование и позднее перешли главным образом к банковской деятельности. На торговле специализировались некоторые фирмы, которые в дальнейшем отказались от банковских операций: Шлюссер (Schlüsser), Шеер (Scheer), Маас (Mahs) и Е.Г.Брандт (E.G.Brandt). Некоторые купцы-банкиры в середине XIX в. сосредоточивались на производстве в России: Губбард (Hubbard), Прен (Pren), Вишау (Whishaw)²⁷, Шпис (Spies) и Стукен (Stucken). Две фирмы, Е.Г.Брандт и Вогау²⁸ (причем последняя была активнее в Москве, чем в Петербурге), были представлены как в банковском деле, так и в производстве и торговле.

До Первой мировой войны Лондон оставался главным центром, контролирующим мировые кредитные потоки. До 1870-х гг. акцептные кредитные операции вели почти исключительно «купцы-банкиры». В 1870—1880-х гг. в лице акционерных коммерческих банков появились конкуренты, которые быстро набирали вес: Дойче банк вместе со своим лондонским филиалом, Дрезднер банк и Креди Лионнэ. В Лондоне агентство Дойче банк, а также Дрезднер банк, Креди Лионнэ и лондонский филиал Русского для внешней торговли банка реализовали в 1900 г. римесс на сумму 2,6 млн ф. стерлингов, а в 1913 г. — на 3,7 млн ф. ст., потеснив старые банкирские дома. В 1897 г. английский банкир Самюэль Монтегю жаловался, что названные банки забирают у него почти все дела²⁹.

Иностранные банки участвовали в учреждении банков в Петербурге, причем многие директора тех и других были близко связаны по прежним делам. Так, основателями первого русского акционерного банка, Частного коммерческого, были известные петербургские дома Е.Г.Брандт, Г.Елисеев, Людвиг Гауфф, Е.Казалет, А.Симонсен и К^о и Ф.Мори. Казалет при этом представлял шотланд-

ско-петербургскую фирму John Miller & Co. Важную роль здесь сыграли также Мендельсон и К^о. Капгер, агент Ротшильдов, скептически относившийся к новому банку, упоминает в связи с его основанием также фирмы Thompson Mitchell & Co. и John Hubbard³⁰. Чарльз Юттинг (Charles Jutting), агент Бэрингов, заявил, что в этом банке действовали также Бэринги в размере 20% (или 40 тыс. руб.) основного капитала, причем, негласно, и Штиглиц (через Фелейзена). Он же сообщал, что Капгер стоит в оппозиции Частному банку³¹. Несколько позже акции банка на 200 тыс. руб. купили Гоппе и К^о³².

За Частным банком стояли, таким образом, английские фирмы, которые, впрочем, сами вели активные операции в Петербурге через свои филиалы и агентов. Ахенбах и Колли были близки с учредителями и пытались привлечь к участию в банке парижских Ротшильдов, сообщив им, что «дело находит в Петербурге хороший отзыв, и я вижу, что некоторые здешние русские охотно участвовали бы в нем»³³. Ротшильды все же решили воздержаться от участия. Вероятно, это было связано с упомянутой выше позицией Капгера.

Подобным образом инвестировали в Петербургский Международный банк во второй половине XIX в. банкирские дома Бетман (Франкфурт), Беренберг и Госслер (Гамбург), парижский дом Эрлангер. Бетман был тесно связан с домом Кинен в России, Беренберг и ранее был активен в России, а Эрлангер имел родственников в Москве. Франкфуртский Бетман упоминает о противостоянии двух групп учредителей Международного банка: варшавского банкира Френкеля (инициатора проекта), Ляского и Розенталя, с одной стороны, с другой — Бетмана, Эрлангера (Париж), Беренберг-Госслера (Гамбург) и амстердамского Шредера. Независимо от первой (польско-петербургской) группы, кажется, держались петербургские дома Е.Г.Брандта и Э.М.Мейера и московский дом Г.Марк, активный также и в Петербурге³⁴.

Только в двух случаях были учреждены в России филиалы иностранных банков — французского Креди Лионне и американского Нэйшнл Сити бэнк. Значительно чаще встречаются дочерние предприятия в промышленном секторе, но они появлялись также и у банков (Северный банк). Тенденция к основанию собственных отделений в России продолжала оставаться невыраженной. Крупный русский банковский служащий Е.Агад сформулировал ситуацию так, что для континентальных банков лучше придерживаться «модуса партиципации» (т.е. приобретать крупные пакеты акций русских банков), чем заводить собственный филиал в России³⁵. В 1903 г. директор берлинского банка «Роберт Варшауэр и К^о» писал директору Петербургского Международного банка А.Ротштейну, что «Дойче банк выражает настоятельное желание быть не названным»³⁶. Речь шла о выпуске акций петербургского Русского Торгово-промышленного банка на сумму 25 млн марок совместно с Р.Варшауэр, Дойче банк и Международным банком. Впрочем, они

позднее не играли в этом банке большой роли, поскольку продали свои учредительские паи.

Большинство иностранных банков имели в Петербурге своих представителей или агентов. Те постоянно направляли им сообщения о финансово-политических событиях в столице и в России в целом. Некоторые из этих людей известны: агентом Бэринг Бразерс была фирма Штиглиц и Ко, позднее Чарльз Юттинг (Charles Jutting)³⁷ и наконец Джеймс Вишав (James Whishaw)³⁸. Лондонских Ротшильдов в 1830—1850 гг. представляли Гассер, Давидсон и банкирские дома Э.М.Мейер и Капгер (Kappert)³⁹. С Капгером парижские Ротшильды в середине столетия были в тесном контакте. В 1867 г. Томсон, Бонар и К считались агентами берлинского банкирского дома Р.Варшауэр и Ко.⁴⁰

Дойче банк действовал в России через «свои» банки, в которых был особенно заинтересован: Русский для внешней торговли банк и Сибирский Торговый. Директор Сибирского банка А.М.Соловейчик породнился даже с одним из директоров Дойче банк. Члены правления банка Г.Виссендорф (H. Wissendorf) и Д.Шерешевский также временно были такими доверенными⁴¹. Соответственно парижские Париба и Сосьете Женераль сотрудничали с теми банками, в капитале которых участвовали (Северный и Русско-Азиатский). Карл Граап (Carl Graap), агент Бэрингов в Петербурге в 1911 г., так писал о французском влиянии в Частном коммерческом банке: «Банк, кажется, полностью находится под контролем французской группы...»⁴².

Дрезднер банк сотрудничал с торговым домом «Г.Шерешевский», который был также в контакте с Дойче банк. Лондонский банк Джон Генри Шрёдер с 1790 по 1865 был представлен в Петербурге Германом Энгельбрехтом (Hermann Engelbrecht), братом владельца дома Джона Генри. После смерти Энгельбрехта его место, очевидно, занял торговый дом Шлюссер, владелец которого также был родственником Шрёдера. Агентами лондонского банка «Кляйнворт и сын» в России были Столтерфот (Stolterfoht) и Вах (Wach). В суммарном виде участие иностранных банков в создании коммерческих и ипотечных банков Петербурга представлено в Таблице 3.

Таблица 3

Участие иностранных банков в учреждении петербургских банков, 1864—1910 гг.

Банк	Год	Иностранный партнер
Частный коммерческий банк	1864	William Miller & Co; Thompson, Bonar & Co
Петербургский Международный коммерческий банк	1869	Emile Erlanger & Cie (Париж); Gebrüder Bethmann (Франкфурт-на-Майне); B.H.Schröder & Co (Амстердам); Berenberg, Gossler & Co (Гамбург); Fesser & Uthof & Co (Лондон); L. Behrens & Co (Гамбург)

Банк	Год	Иностранный партнер
Центральный банк русского поземельного кредита	1873	Diskonto-Gesellschaft (Берлин); Österreichischer Kredit Verein für Handel und Industrie (Вена)
Русский для внешней торговли банк	1871	В.Н. Schröder & Co (Амстердам); Behrens (Гамбург); Berenberg & Gossler (Гамбург)
Северный банк	1901	Banque de l'Union de Paris
Русско-Азиатский банк	1910	Banque de l'Union de Paris

Источник: Guildhall Library: Archive Kleinwort: Ref. 22026/1: Referend book.

Складывание антагонистических военных союзов (Антанты и Тройственного союза) не мешало реализации крупных совместных международных экономических проектов. Так, в канун Первой мировой войны при увеличении акционерного капитала Петербургского Международного банка на 12 млн руб. французские банки действовали под руководством Париба, а группу германских возглавил Дисконтогезельшафт⁴³. При выпуске городских займов Петербурга 1902 и 1908 г. французский Креди Лионнэ действовал вместе с Дойче банк⁴⁴. В эмиссии русского государственного займа 1906 г. на 2250 млн франков участвовали французские, русские и австро-венгерские банки. В 1916 г., уже в период войны, директор российской нефтяной фирмы «Братья Нобель», Ханс Ольсен, пытался выступить с мирной инициативой через своего делового партнера в Берлине А.Гвиннера⁴⁵.

Инвестиции в торговые и промышленные предприятия

Вложения капитала в торгово-промышленные объекты представляет собой другое поле активности иностранных банков в России, где они действовали по большей части совместно с русскими банками.

Что касается кредитоспособности некоторых петербургских фирм, то Бэринги в 1867 г. оценивали владельцев торгового дома «Братья Елисеевы» как «респектабельных и очень богатых», благоприятные отзывы получили также Гауфф, Мюллер и Гауфф, Стукен и Шпис⁴⁶. Напротив, в 1880 г. о фирме Хиллс и Вишау (Hills & Whishaw) приговор был суров: «Плохие. Их векселей следует избегать. Информация была далее передана Гоппе и Ко»⁴⁷. В 1908 г. фабрика «Лаферм» в Петербурге получила высокую характеристику от Бэрингов и с такой рекомендацией могла легко найти источник кредита. При этом ее директор Джеймс Вишау являлся одновременно агентом Бэрингов⁴⁸. Кредиты предоставляли не только Бэринги. Братья Кениг (König Brothers), Рюффер и сыновья (Rüffer & Sons) в Лондоне, Дрезднер банк и Байерисше банк (Bayerische Bank) ежегодно выдавали ссуд в России более чем на 100 тыс. марок. Процент по ссуде колебался в пре-

делах 2—5%⁴⁹. Кредиты русских банков обходились клиенту несколько дороже.

С конца XIX в. банки занимались кредитованием широкого спектра отраслей: от металлургии и металлообработки до электротехники. В крупном обществе нефтеперерабатывающих компаний, «Европейском нефтяном союзе» были представлены Дойче банк, парижские Ротшильды со своими нефтяными предприятиями, а также петербургский Нобель⁵⁰.

В учреждении фирмы Сименс и Гальске в Петербурге участвовали Дойче банк и Петербургский Международный банк. Ротштейн — директор Международного банка — даже вошел в правление акционерного общества Сименс и Гальске в Петербурге. Наивысшим пунктом сотрудничества петербургских Международного и Русского для внешней торговли банков с западноевропейскими партнерами в конце XIX в. стал «Большой синдикат» («Große Projekt») 1899 г. В нем участвовали берлинские Дрезднер банк, Мендельсон и К^о, Р. Варшауэр и К^о, парижские Ротшильды, Париба, нидерландские Липпман, Розенталь и К^о, Винер Банкферайн⁵¹.

Суммарные сведения об участии иностранных банков в учреждении российских торгово-промышленных предприятий содержит Таблица 4.

Таблица 4

Участие иностранных банков в учреждении российских торгово-промышленных предприятий, 1858—1913 гг.

Предприятие	Год	Банки
Ste Russe de Construction de Locomotives 1858	1858	Париба, Госкье, СПб. Частный коммерческий
Société Metallurgique de Taganrog	1896	Волжско-Камский, Креди Лионнэ
Русское золотопромышленное о-во	1896	СПб. Международный, Париба, Banque de Paris Internationale
Урало-Волжское горное о-во	1896	СПб. Международный, Париба, Banque de Paris Internationale
Генеральное О-во для промышленности в России (Société générale pour l'Industrie en Russie)	1896	СПб. Международный, Banque de Paris Internationale
Мазут	1898	СПб. Международный, Ротшильды (Париж)
Большой синдикат (Große Projekt) по электрическим делам	1899	СПб. Международный, Русский для внешней торговли, Mendelssohn & Co, Deutsche Bank, Ротшильды (Париж), Париба
Волжско-Вишерское горное об-во	1899	СПб. Учетный, Париба, В. Weichelt (Париж)
О-во заводов «Сормово»	1899	Русский для внешней торговли, Париба

Предприятие	Год	Банки
Сименс и Гальске	1899	СПб.Международный, СПб. Учетный, Э.М.Мейер и К ^о , Deutsche Bank, Robert Warschauer & Co, Mitteldeutsche Creditbank, Baseler Handelsbank (Базель)
Электросила	1899	СПб. Международный, Ротшильды (Париж), Société pour l'Industrie (Париж), Deutsche Bank, ВHG, Mendelssohn & Co., N.M. Warburg (Гамбург), Lippmann & Rosenthal (Амстердам), Société Franco-Suisse; C.L. Rothschild (Вена)
Европейский Нефтяной союз (Europäische Petroleum Union)	1906	Нобель, Deutsche Bank, Ротшильды (Париж)
Т-во Ленских золотых приисков (Lena Goldfields Ltd.)	1911	СПб. Международный, Русско-Азиатский
Южно-русское металлургическое о-во	1913	СПб. Международный, Русский для внешней торговли, Deutsche Bank, Сибирский, Русский Торгово-промышленный, Русско-Английский, Варшавский коммерческий, Торговый банк в Лодзи, Deutsche Bank, Mendelssohn & Co, Париба, Brüsseler Bank (Брюссель)

Источник: РГИА. Ф. 23. Оп. 28. Д. 2235, 2236, 2425; ЦГИА СПб. Ф. 1179.

Интеграция в мировую экономику

Уровень экономической деятельности иностранных финансов в России обнаруживает, насколько глубоко империя до 1914 г. была включена в международные хозяйственные отношения. Уже тогда проявились многие элементы сегодняшней глобальной экономики. На это указывают тесные связи транснациональных фирм, которые были представлены в России на протяжении многих лет и действовали более чем в двух других странах, как, например, банки Ротшильдов, Е.Г.Брандт, Шрёдер, Гинцбург, Рафалович, фирмы Кноп, Торнтон, Пельцер, а также транснациональные синдикаты как Сименс, АЕГ, Шелл (Shell), Европейский Нефтяной союз (Europäische Petroleum Union).

Среди предпринимателей иностранного происхождения в Петербурге начала XX в. выделялись британцы, немцы, евреи и греки. Они предоставляли городу и своим русским коллегам широкие контакты с зарубежными партнерами. Тем самым Петербург стал международным экономическим центром России, не утратив этой роли вплоть до Первой мировой войны. Уровень международной коммуникаций города уже тогда был достаточно высок.

Россия накануне Первой мировой войны, таким образом, была достаточно интегрирована в мировое экономическое сообщество. Для западных бизнесменов страна представляла интерес не только

своими обширными запасами сырья, но и как объект инвестиций в ее экономику. Необходимые для этого финансовые средства предоставлялись часто в виде кредитов, что было выгодно западноевропейским финансовым корпорациям. Множество русских государственных и гарантированных правительством железнодорожных займов также создавали поле для сотрудничества петербургских и западноевропейских банков. Полученные до революции прибыли от эмиссии и инвестиций помогли им пережить шок от отказа советского правительства платить по царским долгам.

Примечания

- ¹ RNG: Barings Archive (Далее: Barings Archive) HC 16.11.
- ² Wilkins M. *The Free-Standing Company in the World Economy* / Ed. by M. Wilkins. Oxford, 1998; Chapman S.D. *Merchant Enterprise in Britain. From the Industrial Revolution to World War I*. Cambridge, 1992.
- ³ Spies R. *Lebens-Erinnerungen 1874—1914*. SPb, 2002. S. 129.
- ⁴ См. литературу и архивные источники по этой проблеме: Ананьич Б.В. *Банкирские дома в России, 1860—1914. Очерки истории частного предпринимательства*. Л., 1991; Archive Banque Rothschild, Roubaix; Rothschild Archive, London (NMR); Barings Archive, London; Guildhall Library London: Archive Kleinwort, Benson & Sons (Kleinwort Archive); Schroders plc (далее: Archive Schroder); University Library of Nottingham: Brandt Archive (далее: Brandt Archive); Stadtarchiv Frankfurt a.Main; Archiv Bethmann; Gemeendearchieff Amsterdam: Ser 735: Hope & Co.
- ⁵ Lemke H. *Finanztransaktionen und Außenpolitik. Deutsche Banken und Russland im Jahrzehnt vor dem Ersten Weltkrieg*. Berlin, 1985; Сартор В. *Дойче банк в Москве 1874—1914 // Немецкие предприниматели в Москве*. М., 1999; Pohl, M. *Geschäft und Politik. Deutsch-russisch-sowjetische Wirtschaftsbeziehungen 1850—1988*. Mainz, 1988. S. 34, 44.
- ⁶ А. фон Гвиннер — Г.Ольсену 15 февраля 1909 г. (н. ст.): Bundesarchiv Berlin, Deutsche Bank. P 7181.
- ⁷ Bussière E. *Paribas. L'Europe et le monde*. Antwerpen, 1992.
- ⁸ Peeters W., Wilson J. *L'Industrie Belge dans la Russie des Tsars*. Bruxelles, 1999.
- ⁹ Bank Berenberg & Gossler, Hamburg. *Aktennotiz v. Berenberg—Gossler*, 1977.
- ¹⁰ Manuscript Department College University Library, London: Huth & Co. Box 2, 11—37.
- ¹¹ Jonker J. *Merchants, Bankers and Middlemen. The Amsterdam money market during the first half of the 19th century* (Neha Series III). Amsterdam, 1996. S. 95—104.
- ¹² AGS: Berichte A-L. A. Zenker—Georg Spies 1926 (Zenker). D, S. 15.
- ¹³ Rohrmann E. *Max v. Schinckel. Hanseatischer Bankkaufmann im wilhelminischen Deutschland*. Hamburg, 1971.
- ¹⁴ Справочная книжка для держателей русских государственных и гарантированных процентных бумаг. СПб., 1913. Учен суммарный номинал займов, но не фактические квоты участия (см. подробнее: Ананьич Б.В., Лебедев С.К. *Международные банковские консорциумы для выпуска облигаций российских железнодорожных обществ до 1914 года // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX—XX веков*. СПб., 1999. С. 434—460).

- 15 Archive Schröder. London. SH 1113 Doc 28.
- 16 Amburger E. Die Familie Brandt, 1937; Ibid. William Brandt and the Story of his Enterprises, Типоскрпт, 1950; Chapman S.D. The Rise of Merchant Banking. London, 1984; Roberts R. Schroeders Merchants & Bankers, London 1992; Diaper S. Kleinwort, Sons & Co. in the History of Merchant Banking 1855—1966. Unp. PhD, U. of Nottingham 1983; Wake J. Kleinwort Benson. The History of two families in banking, Oxford University Press, 1992; Thompstone S. The Organization and Financing of Russian Foreign Trade before 1914. PhD. London, 1992.
- 17 Государственная внешняя торговля в разных ее видах. СПб., 1813—1914; Pohl H. Aufbruch der Weltwirtschaft, Geschichte der Weltwirtschaft von der Mitte des 19. Jahrhunderts bis zum Ersten Weltkrieg. Stuttgart, 1989. S. 185—190.
- 18 Chapman S.D. The Rise of Merchant Banking. P. 188. С. Томпстон замечает по этому поводу: «Западные коммерсанты, жившие в России и занимавшиеся международной торговлей зависели от финансовых учреждений, которыми управляли их соотечественники в других странах» (Thompstone S. The Organization and Financing of Russian Foreign Trade before 1914. P. 188).
- 19 J.Davidson — A.M.Rothschild 16.10.1847 // NMR. XI/38/81.
- 20 ЦГИА СПб. Ф. 1197. Оп. 1. Д. 521; Homer S., Sylla R. A History of Interest Rates. New Brunswick, 1996. P. 178, 598—600.
- 21 Stieglitz — Barings 15.7.1832 // Barings Archive. HC.10.47. Ziegler P. The Sixth Great Power Barings, 1762—1929. London, 1988. P. 131—132.
- 22 Barings — Stieglitz 10.1.1852 // Ibidem.
- 23 Barings Archive. HC 16.21, 433, 432.
- 24 Diaper S. Kleinwort, Sons & Co.; Wake J. Kleinwort Benson.
- 25 Archive Schroder SH 1110, Doc 17—19; Roberts R. Op cit. S. 128.
- 26 Idem. S. 49—50, 95—96 und 127; Archive Schroder. SH 1110. Doc 17—19.
- 27 Вишау, английская семья крупных предпринимателей, в Петербурге с конца XVIII в. С 1860 г. зарегистрирована фирма «А.Г.Вишау и К» (Wishaw J. The Memoirs of James Wishaw / Ed. by M.S.Leigh. London, 1935).
- 28 Вместе с Кнопом и Штиглицем крупнейшая русская предпринимательская семья.
- 29 Chapman S.D. The Rise. P. 107, 121—122; Roberts R. Schroeders Merchants & Bankers. P. 125—127. Tab. 5.3; Thompstone S. Op. cit. P. 201—205, 239; Pohl M., Burk K. Die Deutsche Bank in London 1873—1998. München, 1998. S. 32—39. Diaper S. Op. cit. P. 154—158; Wake J. Kleinwort Benson. P. 137.
- 30 Г.Каппер — барону Ротшильду, 7/19 июля 1862 г. // ABR. 12P039.I.
- 31 Ч.Юттинг — Братьям Бэринг, 30 декабря 1864 г. / 11 января 1865 г. // Barings. HC 10 28 р VIII; Ч.Юттинг — Братьям Бэринг, 24 марта / 5 апреля 1865 г. // Barings. HC 10.28 р III.
- 32 Ч. Юттинг — Братьям Бэринг, 16/28 марта 1868 г. // Barings. HC 10.28.
- 33 T.Achenbach — Rothschild (Paris) 30.11.1864 г. // ABR. 132 AQ 12 P. 008 и 109—113.
- 34 Мориц Бетман — Францу Бетману 28 июня 1869 г. н. ст. // Stadtarchiv Frankfurt am Main. Archiv Bethmann. V. 717.
- 35 Agahd E. Großbanken und Weltmarkt. Berlin, 1914. S. 73.
- 36 РГИА. Ф. 626. Оп. 1. Д. 261. Л. 3.

- 37 Barings Archive, London: HC 10.47 — Stieglitz. Переписка Штиглица с Бэрингами 1831—1884 гг.
- 38 Ibid. HC 203851. Wishaw Papers 1910—1911.
- 39 NMR XI/4/21—24; XI /38/176A; XI/38/81 B.
- 40 Archive Barings. London. HC 10.1.111. 6./18.5.1867. Уже в 1793 г. фирма Томсон, Бонар и К^о в Петербурге, с 1844 г. в компании с Бонар. С конца 1850-х гг. перешла к банковской деятельности и оставила внешнеторговые операции (Kynaston D. The City of London, 2. London, 1994. S. 346). Л.Бонар (Lionar Bonar), пайщик дома в 1847—1848 гг., был среди учредителей Русского для внешней торговли банка в 1871 г.
- 41 Lemke H. Finanztransaktionen und Außenpolitik. S. 82.
- 42 1/14 июля 1911 г. // Barings Archive. Wishaw Papers. P. 105.
- 43 Archive Paribas. 5/Cabet 1/25.
- 44 Archive C.L. Emprunts. Deef 274/1; Idem. Def 162.
- 45 Olsen H. Min Livserindringer. Typoskript. S. 340. Barth B. Die deutsche Hochfinanz und die Imperialismen. Stuttgart, 1996. S. 77, 96, 102, 105, 122, 214; Lemke H. Finanztransaktionen und Außenpolitik. S. 68; Reitmayer M. Bankiers im Kaiserreich. Sozialprofil und Habitus der deutschen Hochfinanz. Göttingen, 1999. P. 273, 289.
- 46 Barings Archive. HC 16.20.
- 47 Ibid. HC 16.4.
- 48 Idem. Credit Registers: 203852; HC 16.4.
- 49 ЦГИА СПб. Ф. 1197. Оп. 1. Д. 521.
- 50 Sartor W. Die Europäische Petroleum-Union G.m.b.H 1906—1914 // Berliner Jahrbuch, 1997/1; Сартор В. Европейский нефтяной союз. Интеграция России в мировую экономику. 1906—1914. // Россия на рубеже XIX—XX веков. М., 1999. С. 279—293.
- 51 ЦГИА СПб. Ф. 1179. Оп. 27. Д. 1; РГИА. Ф. 626. Оп. 1. Д. 552.

История предпринимательства

Россия и русские в международной торговле XIX — начала XX в.

Пассивная роль российского купечества во внешней торговле страны уже давно стала предметом исследовательского интереса¹. Однако изучению стратегий, которыми пользовались частные торговцы, компании, банки и правительство для повышения уровня российского участия в мировых внешнеторговых оборотах, до сих пор уделялось недостаточное внимание. Данная статья призвана восполнить этот пробел. В ходе анализа российского участия и обстоятельств, препятствовавших его росту, в статье ставится задача пересмотреть традиционные представления о предпринимательской деятельности русских в области международной торговли.

Безусловно, преграды для русских, желавших участвовать в международных торговых операциях, были значительны. Торговля между странами разного уровня экономического развития велась обычно фирмами, отождествляемыми по преимуществу с экономически развитыми государствами. Кроме того, русская промышленность была недостаточно конкурентоспособна на внешних рынках, а зарубежные экспортеры готовой продукции и полуфабрикатов предпочитали вести операции в России через агентства, возглавляемые европейцами по происхождению, или, если позволял масштаб операций, с помощью собственных экспортных контор.

В сфере российского сырьевого экспорта фирмы, основанные иностранцами, имели более широкий доступ к услугам банков, судоходных и страховых компаний, что обеспечивало им весомое преимущество над собственно русскими конкурентами. Кроме того, революция середины XIX в. в области транспорта и коммуникаций привела к тому, что центры принятия ключевых решений в сфере международного товарообмена переместились в страны, являющиеся основными рынками сбыта. Для России, главную статью экспорта которой составляли сырьевые товары, возникала угроза, что доминирующие позиции во внешней торговле займут фирмы, чьи штаб-квартиры находились за пределами страны. Разумеется, для национальных предпринимателей были открыты возможности участия в обслуживании товаропотоков между отечественными производителями и внешними портами, а также ведения

* Томпстон Стюарт — доктор истории (Ноттингемский университет, Великобритания).

операций в качестве агентов-комиссионеров зарубежных фирм, стремящихся экспортировать свою продукцию в Россию. Действительно, начиная с 1870-х гг. выполнение соответствующих функций все активнее стали брать на себя российские торговые посредники, а также банки, судоходные и железнодорожные компании. Торговая практика подобных компаний, участвовавших в международном товарообмене за собственный счет, рассматривается ниже с целью изучения их вклада в российскую внешнюю торговлю, а также влияния на деятельность российских торговых фирм. Наконец, опыт других стран дает основание предположить, что импорт сырьевых товаров давал отечественным предпринимателям благоприятный шанс противостоять иностранной конкуренции. По этой причине мы рассмотрим две ключевых отрасли российского импорта товаров с низкой степенью промышленной обработки — торговлю хлопком-сырцом и чаем.

I

Кто же был потенциальным участником столь мало обещавшей сферы коммерции? Численно здесь преобладали русские крупные оптовые торговцы и промышленники, в особенности использовавшие привозное сырье. С учетом того, что для российских, равно как и иностранных торговцев, главным стимулом участия в международной торговле служила перспектива высоких прибылей, уместно задать вопрос: какие же экономические, культурные и образовательные барьеры стояли на пути русских предпринимателей, стремившихся выйти на арену международной коммерции?

Прибыли первопроходцев обещали быть высокими. Начиная с 1820-х гг., когда кредит стал более доступен, опытные германские торговые агенты, имевшие налаженные связи в Западной Европе, могли вести операции в России, располагая достаточно ограниченными собственными капиталами. Греческие торговцы в тот период были в состоянии вести операции с капиталом, не превышавшим 5000 ф. ст. Но во второй половине XIX в. русские купцы, испытывавшие острую нехватку внешних связей и опыта таких сделок, для серьезных внешнеторговых операций должны были располагать капиталом, эквивалентном 15 тыс. ф. ст. Большинство же ведущих внешнеторговых фирм, имели значительно бóльшие капиталы. Маловероятно, чтобы эта «минимально достаточная» ставка снизилась к концу столетия. Поскольку капитал, вкладываемый в приобретение российских экспортно-импортных товаров, обездвиживался на значительный срок, доступ к крупному кредиту становился решающим условием успеха торговой фирмы. Доступ этот обычно зависел от репутации, которой пользовалась фирма в ведущих финансовых центрах, например, таком, как лондонское Сити².

Общий капитал 150 475 купцов, включенных в купеческие гильдии России в 1808 г., составлял только 20 млн руб., а к 1824 г. эти показатели снизились соответственно до 49 460 и 13 млн руб.

Это означало, что общее число русских торговцев, имевших необходимый стартовый капитал и способных наладить внешнеторговые операции, в начале XIX в. было весьма невелико. Оно оставалось таковым и вплоть до начала 1900-х гг. По данным С.Г.Струмилина, лишь несколько сотен купеческих фирм в то время обладали капиталом, минимально необходимым для масштабной международной коммерции³. Но зачем им было стремиться в эту прибыльную и в то же время весьма рискованную сферу предпринимательства, когда для них был широко открыт защищенный покровительственными тарифами промышленный сектор? Даже если российским торговцам удавалось преодолеть главный барьер в виде нехватки капитала, для большинства из них путь в международную коммерцию был закрыт из-за недостатка образования.

В середине XIX в. один из первых исследователей проблемы А.Семенов отмечал, что русские купцы предпочитали заниматься внутренней торговлей, где им обычно не приходилось сталкиваться с иностранцами, общаться на чужом языке и где нехватка образования не являлась серьезной помехой⁴. Семенов констатировал, что дети иностранных торговцев по завершении образования получали должности в торговых фирмах в России или в других странах, но в то же время иностранные компании, действовавшие в российской внешней торговле с большой неохотой принимали на аналогичные должности молодых российских подданных. Действовавший запрет на выдачу паспортов российским гражданам моложе 21 года приводил к тому, что большинство потенциальных внешнеторговых коммерсантов выбирали альтернативную деловую карьеру и были потеряны для международной коммерции⁵. Только к концу XIX в. некоторые соответствующие коммерсанты смогли обеспечить своим сыновьям соответствующее образование. Некоторые из них прошли «стажировку» во внешнеторговых фирмах за пределами России, в исключительных случаях — в таких торговых центрах, как Бремен или Ливерпуль⁶. На рубеже веков аграрное лобби в лице Южно-Русского сельскохозяйственного общества, озабоченное усилением экспорта зерна из России морским путем, рекомендовало русским торговцам «посылать своих детей для обучения в торговые дома Лондона, откуда они смогут вернуться с полным знанием местных торговых условий и традиций, что впоследствии позволит им завести собственное дело для сбыта товаров, произведенных в своем Отечестве. Именно этим объясняется тот странный феномен, что импортная торговля Лондона сосредоточена в руках не англичан, но иностранцев, прежде всего греков, затем американцев и немцев (при преобладании последних). Мы должны двигаться тем же путем...»⁷.

Но какова была вероятность, что русские купцы вступят на этот путь, суливший выгоду аграриям? В эпоху оживленных коммуникаций на международном рынке зерна, где доминировали фирмы с правлениями в странах-импортерах, которые вели операции в глобальном масштабе, надежды на это было мало. В осо-

бенности примем во внимание тот факт, что промышленное производство в России с его патриархальным и менее космополитическим, по сравнению с внешней торговлей, укладом, отличалось стабильно высокой нормой прибыли. Ничтожное участие русских купцов в экспортной торговле сырьем, вызывавшее беспокойство русской элиты, было присуще и другим странам с аналогичной структурой внешней торговли. Даже в XIX в. в Великобритании собственно британские торговые фирмы контролировали в главном образом внутреннюю («колониальную») торговлю, тогда как торговые отношения с остальным миром поддерживались «иностранными», т.е. небританского происхождения фирмами⁸.

II

Могли ли русские коммерсанты рассчитывать на содействие со стороны правительства в ходе проникновения на внешние рынки? Известно, что в России сложилась длительная традиция активного вмешательства государства в экономическую жизнь страны. К сожалению, это участие нередко шло вразрез с интересами частного капитала, и внешняя торговля не представляла в этом смысле исключения. Данная тенденция традиционно находила воплощение в создании торговых компаний, деятельность которых регулировалась государством. В XVIII в. их целью являлось содействие развитию международной торговли в отдаленных частях империи. Наиболее значимыми среди них были Русско-Константинопольская торговая компания (1757 г.), Персидская торговая компания (1758 г.) и Бухарско-Хивинская компания (1760 г.). Самой известной была Российско-Американская торговая компания, которая просуществовала до середины XIX в. Ее история восходит к Северо-Восточной Американской компании, основанной в 1781 г. «русским Колумбом» Г.И.Шелиховым и богатым водочным фабрикантом И.И.Голиковым для развития торговли с Северной Америкой. В 1797 г. по указу Павла I эта компания была слита с конкурирующей фирмой, в результате чего возникла Соединенная Американская компания, позднее переименованная в Российско-Американскую компанию, которая принялась осваивать российские территории в Северной Америке. Контролируемая поначалу наследниками Шелихова, она со временем все более подпадала под опеку государства: в число акционеров компании входили члены императорской фамилии, придворные сановники и представители высшей бюрократии. В 1844 г., когда произошло изменение устава компании, только один из пяти ее директоров являлся предпринимателем, а остальные были генералами и адмиралами. После же 1857 г. и до официальной ликвидации компании в 1867 г. деловые круги вообще не были представлены в составе ее правления⁹.

По некоторым данным, до продажи в 1867 г. Аляски Соединенным Штатам монополия на торговлю между Америкой и Россией на Тихом океане севернее 55° с. ш. приносила компании «не-

обыкновенную прибыль в размере 10 млн рублей, ежегодно»¹⁰. Компания вела также торговые операции в Кяхте, ключевом торговом пункте на российско-китайской границе. В 1830 г. она занимала здесь лидирующие позиции, но после 1848 г. ее опередили другие торговцы. Несомненно, могущество компании клонилось к упадку. В 1860-х гг. ее векселя принимались со значительным дисконтом, а существенная часть основного капитала была «заморожена» в морских судах и строениях. Когда в 1862 г. истек срок действия устава компании, ее руководство попыталось сохранить доходы, ходатайствуя о предоставлении ряда льгот и привилегий, в том числе о поставке в Россию беспошлинно 4 тыс. цибиков чая в год¹¹. Излишне говорить, что такая привилегия нанесла бы ущерб частной чаеоторговле, и в конце концов компании не удалось продлить свое существование. В рамках соглашения о продаже Аляски активы компании перешли к США, а сама она была ликвидирована.

III

В последние десятилетия Российской империи основное соперничество в русской деловой среде за доступ к внешним рынкам развернулось между отечественными банками и железнодорожными компаниями. Для расширения круга операций частные железнодорожные компании стали кредитовать поставщиков зерна в пунктах отгрузки его на экспорт. Первым такой опыт предприняло Общество Юго-Западных железных дорог в 1884 г. Заручившись поддержкой частных банков, компания обратилась в Министерство финансов с просьбой оказать ей помощь из средств Государственного банка для расширения деятельности в области торговли. Поскольку такая мера могла финансово поддержать железнодорожные общества и способствовать экспорту хлеба, в 1888 г. последовало официальное разрешение железнодорожным компаниям выступать в качестве корреспондентов Государственного банка по кредитованию экспортеров зерна. Им позволено было также сооружать на своих станциях зернохранилища и выдавать кредиты под зерно, находящееся там на хранении. Компании могли также создавать агентства для продажи заложенного у них зерна. В 1890 г. им было разрешено учреждать за границей собственные агентства по экспорту хлебов. Пионером здесь выступило то же Общество Юго-Западных железных дорог, которое наладило вывоз зерна за собственный счет¹².

За ним последовало Общество Владикавказской железной дороги. С открытия движения в 1875 г. оно стремилось занять доминирующие позиции в грузовых перевозках Северо-Кавказского региона. Полученная в 1884 г. концессия на оборудование Новороссийского порта облегчила компании выход на внешний рынок зерна. Когда в июне 1888 г. порт был соединен железнодорожной веткой с основной линией, там уже действовали первые три причала, способные одновременно обслуживать 12 крупных парохо-

дов. Компания инвестировала в оборудование порта, включая строительство элеватора американского типа, около 16 млн руб., в результате чего порт Новороссийска по объему грузооборота стал соперничать с Санкт-Петербургом¹³. Компания также конкурировала с иностранными торговыми фирмами в предоставлении необходимых услуг по закупке зерна и его отправке за границу. В 1899 г. было учреждено Новороссийское торговое агентство, которое занималось устройством зернохранилищ и погрузкой зерна на пароходы, заключением комиссионных сделок между поставщиками хлеба и экспортерами. Вскоре под его контролем находилось уже 90% вывозимого из Новороссийска зерна, в результате чего агентство превратилось в одну из крупнейших компаний такого рода не только в России, но и во всей Европе¹⁴.

Аналогичные комиссионные агентства были созданы и другими транспортными компаниями. Так, Русское общество пароходства и торговли (РОПИТ) предоставляло кредиты под перевозимое им зерно, а также вело экспортную торговлю за собственный счет. Привлекательность таких агентств для их клиентов заключалась именно в возможности получить ссуду под зерно, сданное для отправки. Размеры ссуды достигали 60—80%, а порой и 90% стоимости зерна из невысокого процента. Такие кредитные операции, поддерживаемые государством, нарушали интересы иностранных внешнеторговых фирм. В 1860-е гг., в период когда они получали высокие прибыли и не испытывали конкуренции со стороны отечественных предпринимателей, иностранные фирмы энергично внедряли своих представителей во внутренние области России. Однако, столкнувшись с падением экспортных цен, равно как и с отмеченной выше конкуренцией со стороны российских торговых агентств, они сконцентрировали свою деятельность в районе морских портов, в частности, на Черном море¹⁵.

IV

Российские банки придерживались сходной стратегии. С середины 1880-х гг. такие банки, как Одесский Учетный, участвовали во внутренней торговле хлебами в качестве посредников, поднявшись затем до самостоятельных экспортных операций. В 1892 г. Азовско-Донской банк вывез за границу 4615 тыс. пудов¹⁶ зерна, став третьим в списке ведущих экспортеров Ростова-на-Дону. Московский Международный Торговый банк в 1894 г. учредил Товарищество для торговли и промышленности в Персии и Средней Азии, которое стало серьезным конкурентом частных торговцев. Созданный в 1896 г. Русско-Китайский банк, устав которого предусматривал покупку и продажу банком товаров за собственный счет, также активно осваивал область международной торговли. Вдобавок, он был косвенным образом вовлечен в коммерцию, будучи ведущим акционером Амурской компании пароходства и торговли, которая в начале XX в. предпринимала усилия по налажи-

ванию торговых связей между Амурским регионом и Западной Европой¹⁷.

Российские банки и в дальнейшем продолжали расширять внешнеторговые операции. Накануне Первой мировой войны банки Одессы, Николаева и Херсона вышли за пределы комиссионных операций и кредитования под залог зерна, в результате чего, как было ими объявлено, между производителем зерна и его экспортером не осталось «никакого иного посредника, кроме банка»¹⁸. В 1909 г. эти банки сосредоточили в своих руках соответственно 5%, 7% и 36% зернового экспорта из портов Одессы, Херсона и Николаева (см. табл. 1). Кроме того, в порту Николаева банки финансировали практически все экспортные фирмы, доминировали в комиссионном деле и инвестировали средства в строительство товарных складов¹⁹.

Таблица 1

Прямое участие российских акционерных коммерческих банков в экспорте зерна, 1909 г. (пудов, 1 пуд = 16,38 кг)

Банки	Одесса	Херсон	Николаев
Петербургский Международный	77 000	2 420 270	20 767 647
Северный	2 299 215	272 650	8 364 922
Русский для внешней торговли	171 140	412 655	7 099 472
Сибирский Торговый	239 995	—	—
Соединенный	41 600	—	—
Лионский Кредит (Credit Lyonnais)	17 120	—	—
Всего	2 846 770	3 105 575	36 232 014

Источник: Jurowsky L. Die russische Getreideexport: seine Entwicklung und Organisation. Stuttgart, Berlin, 1910. S. 172.

Российские банки проникли также в такую область, как импорт хлопка. В начале 1900-х гг. они уже занимали доминирующие позиции на внутреннем хлопковом рынке. Более $\frac{2}{3}$ собранного в стране хлопка реализовывалось при посредничестве банков. Самыми заметными здесь были Русско-Азиатский, Азовско-Донской и Русский для внешней торговли банки. С другой стороны, импорт хлопка частично находился в руках торговых фирм, во главе которых нередко стояли иностранцы, а также русские текстильные фабриканты. По наблюдению одного из первых исследователей российских банков кануна мировой войны, «наши банки мечтают полностью овладеть этим делом»²⁰. Активное участие текстильных магнатов в учреждении московских коммерческих банков объясняет, по всей вероятности, живой интерес последних к импортной торговле хлопком. В числе директоров Московского Торгового банка, например, значились такие известные в Москве текстильные фабриканты, как В.И.Якунчиков, Н.А.Найденев,

С.И.Лямин. В конце 1880-х годов этот банк импортировал из США хлопок-сырец на сумму до 50 тыс. ф. ст. (около 500 тыс. руб.) в год²¹.

Банки активно участвовали также в экспорте русского льна. Лидером здесь был банкирский дом братьев Рябушинских, основанный в 1902 г., а в 1912 г. преобразованный в акционерный коммерческий Московский банк. Один из его руководителей, М.П.Рябушинский, стремился ослабить иностранный контроль над российской экономикой, в частности, в добывающей промышленности, в торговле лесом и льном. Около 60% урожая российского льна экспортировалось в Западную Европу, и стратегия банка заключалась в том, чтобы захватить внутренний рынок льна путем создания сети отделений в основных льнопроизводящих районах. Первое из них было открыто в г. Ржеве Тверской губ. (1908 г.); затем отделения банка открылись в Ярославле (1909 г.), Витебске, Вязьме, Костроме и Смоленске (1910 г.), Пскове, Сычевке и Острове (1911 г.) и в Кашине (1914 г.).

В 1912 г. Рябушинскими было основано Русское льнопромышленное акционерное общество (РАЛО), которое начало действовать примерно в одно время с конкурирующей группой во главе с крупным льняным фабрикантом С.Н.Третьяковым. Обладая недостаточным опытом в этом деле и стремясь вытеснить с рынка в первую очередь иностранных конкурентов, Рябушинские заручились поддержкой Третьякова, введя его в совет своего банка, а также в правление РАЛО и Товарищества льняной мануфактуры А.А.Локалова, купленной Рябушинскими в 1913 г. Поначалу понесся убытки от ценовой политики, которая служила скорее интересам льнофабрикантов, чем самого РАЛО, Рябушинские смогли сделать компанию рентабельной, сфокусировав ее операции на экспорте льна. Прибыль во втором операционном году РАЛО составила 420 тыс. руб. Строгий контроль за качеством льняного волокна создал РАЛО хорошую репутацию у британских клиентов, но, как и в случае с банковским экспортом зерна, многообещающее начинание оборвалось в связи с Первой мировой войной²².

Рябушинские намеревались реализовать тот же план в лесоторговле. В 1916 г. они приобрели Товарищество Беломорских лесопильных заводов «Н.Русанов и К^о», которое они рассматривали как одну из крупнейших и наиболее эффективно управляемых компаний отрасли. Стратегия Рябушинских предусматривала растущие инвестиции в лесобработывающую промышленность, сотрудничество с правительством и владельцами лесоперерабатывающих предприятий для создания интегрированной индустриальной структуры, ориентированной на экспорт готовых пиломатериалов. Для рекламы экспортных начинаний концерна было создано Русское лесоторговое агентство (Russian Timber Agency Ltd.) в Великобритании²³.

Российские банки активно участвовали и в торговле русским сахаром. Система государственного регулирования этой отрасли

включала политику поддержки высоких цен на внутреннем рынке за счет демпинга сахара на мировом рынке. Однако отказ России подписать Брюссельскую сахарную конвенцию 1902 г. закрыл западноевропейский рынок для русского сахара до 1907 г., оставив ей в качестве значительного рынка сбыта только Персию и Финляндию. Два банка, Русский для внешней торговли и Петербургский Международный, доминировали в этой сфере торговли, сконцентрировав в своих руках 90% российского сахарного экспорта²⁴.

Экспансия банков во внешнюю торговлю стала следствием нескольких факторов. Она была логическим продолжением банковских комиссионных операций, для расширения которых были созданы специальные отделы. Деятельность последних означала очередную шаг на пути к внешнему рынку. Она также была результатом государственного регулирования внутреннего рынка, как в случае с торговлей сахаром. Свою роль играли и националистические мотивы, очевидные в рассуждениях М.П.Рябушинского, такие как стремление "русифицировать" внешнюю торговлю страны, покончив с засильем здесь фирм иностранного происхождения²⁵.

V

На закате империи снижение иностранного влияния в русской внешней торговле происходило при поддержке государства, что проявилось в разрешении банкам вести торговые операции за собственный счет. Правительство даже вынашивало идею самостоятельного выхода на международный рынок зерна, в связи с чем предполагалось учредить агентство в Берлине для обслуживания экспорта российского зерна²⁶. Банки тоже могли сыграть роль помощника в ослаблении этого иностранного влияния, предоставляя кредиты под залог зерна. В 1912 г. Русско-Азиатский банк заключил соглашение о снабжении подтоварным кредитом крупной хлеботорговой фирмы «Стахеев и К^о» из г. Елабуги, ареал деятельности которой включал Поволжье и Сибирь. Занимаясь в основном операциями с зерном, фирма вела также торговлю лесом, текстилем, крупным рогатым скотом и колониальными товарами. Финансовая поддержка банка позволила ей усовершенствовать торговую структуру и расширить сеть отделений. Компанией Стахеева было учреждено Камско-Вятское торговое общество для контроля над хлебной торговлей в Волжско-Камском регионе, и в то же время она начала уделять все более серьезное внимание внешнему рынку.

В 1913 г. Стахеевым было учреждено Общество Балтийских портов, владевшее морскими транспортными средствами и складскими помещениями. В 1913 г. при поддержке Русско-Азиатского и Петербургского Международного банков оно завладело контрольным пакетом акций Международной компании грузоперевозок и товарных складов, а еще через год — Южно-Русского общества плавучих элеваторов. Эти две компании занимали ведущее

место в списке крупнейших экспортных компаний на Черном море. Первая была основана в 1910 г. в Николаеве по инициативе банкиров А.И.Путилова и А.И.Вышнеградского, причем их банки (Русско-Азиатский и Петербургский Международный) владели 4,9 акциями из общего количества 6 тыс. Второе общество, учрежденное в 1896 г. торговым домом Ф.И.Фришен, находилось под контролем основателя, германского вице-консула в Одессе, и двух местных коммерсантов В.Якобса и В.И.Давида. Большая часть акций этого общества находилась в руках германских подданных, но накануне Первой мировой войны Петербургский Международный банк приобрел 40% его акций²⁷.

Подобное сотрудничество наблюдалось в отношениях Азовско-Донского банка и Русского общества вывозной торговли (РОВТ). Основанное в 1896 г., РОВТ стремилось «высвободить российский экспорт из-под гнета иностранного капитала, вытеснить множество частных хлеботорговых фирм, деятельность которых недоступна ни правительственному, ни общественному контролю»²⁸. Из 25 акционеров компании с основным капиталом 500 тыс. руб. (повышен до 2 млн руб. в 1897 г.) большинство составляли российские подданные, а 1,7 тыс. акций из 4 тыс. принадлежало руководителям Азовско-Донского банка и их родственникам. Возможно, показателем их слабой осведомленности в вопросах внешней торговли стала передача непосредственного управления компанией в руки двух предпринимателей нерусского происхождения — А.Я.Фельдмана и Е.И.Скараманга, владевших соответственно 12,5% и 10% акций компании. Такая комбинация русского капитала и иностранного менеджмента обеспечила РОВТ относительно успешное начало дела. Чистая прибыль со 122 тыс. руб. в 1897 г. выросла до 244 тыс. в 1903 г. Помимо головного отделения в Ростове-на-Дону, в 1897 г. были открыты отделения в Таганроге, Мариуполе, Новороссийске, Ейске и Григорьевске. В 1897 г. было принято сомнительное в коммерческом плане решение попытаться соединить судоходный бизнес с международной торговлей. С этой целью были приобретены два парохода, два грузовых буксира и необходимое оборудование²⁹.

В 1901 г. компания осуществила опытную поставку сибирского зерна через Котлас и Архангельск, сохраняя в то же время ведущие позиции в экспорте зерна из черноморских портов, причем около 54% вывозимого отсюда зерна экспортировалось в Италию (см. табл. 2). Тем не менее, положение компании резко ухудшилось, в результате чего к 1910 г. она вынуждена была списать в убыток более 1,5 млн руб. Уменьшив уставной капитал до 400 тыс. руб., РОВТ получило от «крупных капиталистов» новые вложения в размере 1,6 млн руб., что позволило ей вновь довести уставный капитал до 2 млн руб. Новые средства должны были использоваться для строительства сети элеваторов в морских портах. Хотя судоходные операции продолжали оставаться убыточными, в целом деятельность компании стала рентабельной³⁰.

**Экспорт зерна Русским обществом
вывозной торговли (РОВТ), 1901 (млн пуд.)**

Порт	Весь экспорт	В том числе через РОВТ
Таганрог	64,5	12,0
Новороссийск	36,6	7,9
Ейск	7,9	1,3
Бердянск	7,2	1,1
Мариуполь	7,4	2,4

Источник: РГИА. Ф. 23 — Министерство торговли и промышленности. Оп. 27. Д. 301. Л. 97.

Другим торговым предприятием, действовавшим в тот период, было Общество вывозной и привозной торговли, уставный капитал которого составлял 750 тыс. руб. Целью компании являлось развитие русского сельскохозяйственного и промышленного экспорта, а также импорт сельскохозяйственных орудий, разнообразного оборудования и сырья. Ею было учреждено комиссионное агентство по торговле зерном в г. Александровске на юге России и экспортные конторы в г. Торн (Торуни, в германской части Польши) и в Париже³¹. Основанное, несомненно, по инициативе южнорусских аграриев, общество, по всей видимости, не смогло добиться осуществления своих амбициозных планов.

Отметим также попытку подорвать гегемонию Дании в обслуживании экспорта сибирской молочной продукции. В 1908 г. А.Н.Балахшин, известный предприниматель-маслодел, незадолго до того побывавший в Западной Европе с целью изучения рынка молочных продуктов, основал Союз сибирских маслодельческих артелей, который также вел торговлю яйцами, сыром, мясом и другими продуктами. Основной целью союза была координация деятельности российских молочных кооперативов, чьи экспортные операции обслуживались действовавшими на местах торговыми агентами, обычно иностранцами. Чтобы действовать независимо, Союз установил связи с торговыми агентами за границей. В 1912 г. совместно с Лондонским агентством им был создан Союз кооперативных организаций Сибири. Эта компания, в которой участвовал и кооператив Балахшина, сбывала сибирское масло в Англии, однако жесткая конкуренция со стороны датских и германских фирм затрудняла ее деятельность, и в 1914 г. Союз кооперативных организаций Сибири прекратил свое существование. Тем не менее к 1914 г. российские маслоделы самостоятельно вывозили около четверти всего экспортируемого из страны масла³².

Кооперативное предпринимательство стремилось внедриться и в импортную торговлю. В 1907 г. Центросоюз (Центральный Союз, объединение кооперативных организаций, первоначально созданное в 1898 г. как Московский союз потребительских обществ) приступил к закупке товаров в Петербургском порту за собствен-

ный счет. В 1910 г. им были установлены прямые торговые связи с зарубежными фирмами-импортерами. В 1912 г. в Одессе им было открыто агентство для непосредственных торговых сношений со странами Ближнего Востока, Турцией и Грецией. Даже во время мировой войны компания открыла отделение во Владивостоке для торговли со странами Дальнего Востока³³.

И все же, несмотря на наличие прочного плацдарма в экспортной торговле России, созданного к концу XIX в. банками и железнодорожными компаниями, русское участие в этой области по-прежнему выглядело незначительным. Рассмотрим теперь деятельность русских промышленников на экспортном рынке. После некоторого успеха в 1820-х гг. русские текстильные фабриканты столкнулись с английской конкуренцией, в связи с чем резко в 1830-х гг. сократился вывоз тканей в Персию и Турцию. В Центральной Азии и Китае, чье географическое положение обеспечивало большую защиту от иностранной конкуренции, экспорт текстильных товаров в значительном объеме сохранился и позже. В 1866—1867 операционном году торговый дом «Тюляев и Попов» продал на Дальнем Востоке русских тканей на сумму 1427,2 тыс. руб. Однако в результате западноевропейской конкуренции объем продаж к 1880—1881 г. сократился до 201,6 тыс. руб. В.Д.Коншин в 1880-е гг. попытался наладить вывоз тканей в Персию, но вследствие крупных убытков был вынужден ликвидировать это дело, приписывая неудачу поведению деловых партнеров, которые обнаруживали «полное отсутствие интереса к делу, если только им не предоставлялись особые правительственные привилегии или полные гарантии вдобавок к сравнительно высокому уровню прибыли»³⁴. В дальнейшем инициативу русских мало стимулировала непоследовательная политика Учетно-Ссудного банка Персии, основанного в 1894 г. для поддержки русских интересов в этой стране. В 1901 г. Товарищество ситцевой мануфактуры «Э.Циндель» (московская текстильная фирма) при поддержке Учетно-Ссудного банка создало в Персии товарный склад для расширения своего экспорта, но это начинание вскоре было свернуто по вине финансового партнера. В 1902 г. банк за собственный счет начал экспортные операции в Персии. Тем самым были нарушены планы текстильных фирм Н.И.Прохорова и С.Т.Морозова, которые совместно создали отделения по продаже своих тканей в Ширазе и Исфахане³⁵.

Отягощенные высокими производственными расходами, российские текстильные фирмы не питали особых иллюзий по поводу перспектив развития экспорта. Однако они продолжали коллективные попытки прорваться на внешние рынки. Предложенный в 1908 г. фирмой «Э.Циндель» проект создания объединенной текстильной экспортной компании получил поддержку со стороны крупнейших текстильных промышленников России, в том числе Рябушинских, Коновалова, Коншина и Кнопов. В результате возникло Русское Экспортное Товарищество, основанное в 1909 г. с уставным капиталом 500 тыс. руб. Оно открыло свои представи-

тельства в Харбине, Константинополе, Яссах, Термезе и Тебризе, а также конторы в Гамбурге и Филиппополе. Как и следовало ожидать, жесткая конкуренция со стороны западноевропейских фирм сделала нерентабельным экспорт тканей на Балканы и в Турцию, и отделения в Яссах и Константинополе были вследствие этого закрыты. Но в Персии, где транспортные издержки были относительно невелики для русских предпринимателей, результаты оказались более обнадеживающими. В 1911—1912 отчетном году общий объем российского текстильного экспорта стоимостью 16,18 млн руб. превышал соответствующий показатель Великобритании (14,24 млн руб.). Отдельные промышленники также энергично устремились на внешний рынок. Фирма Циндель, например, добилась заметного успеха на Дальнем Востоке, где к 1914 г. имела торговые представительства в Мукдене, Шанхае, Циньдао и Гонконге³⁶.

VI

Высокие производственные издержки, которые были отчасти результатом покровительственной политики правительства, тормозили проникновение изделий российской хлопчатобумажной промышленности на внешние рынки. В то же время ее потребности в текстильном оборудовании и хлопке-сырце обуславливают необходимость рассмотрения этих важных статей российского импорта. С какими препятствиями приходилось сталкиваться здесь русским фирмам? Будучи с самого своего возникновения связана с западноевропейскими поставщиками сырья и машинного оборудования, а также инвесторами, российская текстильная индустрия стремилась избавиться от иностранной зависимости. Расширение контроля за импортом сырья, казалось, давало производителям благоприятную возможность для реализации этой задачи. Но и здесь обстоятельства складывались не вполне удачно. Российские текстильные фабрики были по большей части построены по английской модели, оснащены английским текстильным оборудованием и зачастую обслуживались английским техническим персоналом.

Даже если не принимать во внимание специфические мотивации этого персонала, можно было ожидать мощной конкуренцией со стороны торговых домов, ведущих активные операции на международном хлопковом рынке, поскольку потребительский спрос лишь в незначительной степени был детерминирован специфически местными потребностями. Успех торгового дома «Л.Кноп и К^о» в Москве и Петербурге, который ввозил в Россию хлопок и оборудовал английскими машинами и станками множество российских текстильных фабрик, доказывает, что возможность соперничества с торговыми фирмами, хорошо осведомленными о положении на международном хлопковом рынке и имевшими тесные связи с западноевропейскими кредитными институтами, была достаточно невелика. С учетом того, что такие конторы, как

«Л.Кноп и Ко», ввозили текстильные станки и предоставляли технический персонал, препятствия для русских текстильных фабрикантов при импорте хлопка за собственный счет оставались труднопреодолимыми³⁷.

Статистика русской внешней торговли не позволяет установить долю хлопка, импортированного после 1863 г. собственно российскими фирмами. Вместе с тем очевидно, что русские достаточно рано начали участвовать в торговле хлопком. Во время «хлопкового голода», вызванного Гражданской войной в США 1860-х гг., известная текстильная фирма братьев Крестовниковых отправила агентов в Париж, Берлин и Лондон для закупок хлопка и иного сырья, заручившись с этой целью кредитной поддержкой таких ведущих лондонских банкирских домов, как Брандт (Brandt), Лазар (Lazard) и братья Бэринг (Baring). Они также пользовались кредитом в Париже у Comptoire Nationale Descompte и в Берлине у Diskonto Gesellschaft. Импортом хлопка-сырца начали заниматься и другие ведущие текстильные фирмы. Товарищество Никольской мануфактуры С. Морозова и Товарищество Рождественской мануфактуры получали на эти цели ссуды в Лондоне от банкирских домов Kleinworts и Ralli Bros³⁸.

Но, вероятно, самым значительным текстильным предприятием, прорвавшимся на международный хлопковый рынок, была фирма братьев Хлудовых из подмосковного Егорьевска, которая также ввозила некоторое текстильное оборудование. Алексей Хлудов для налаживания этих поставок в 1844—1845 гг. предпринял путешествие в Англию. Он позаботился также, чтобы четверо его сыновей получили необходимое образование для участия в международной торговле. Его сын Иван, проживший короткую жизнь (1839—1868), стал тем не менее самым известным из них. После окончания Петропавловского училища в Москве он два года проработал в Бремене, чтобы лучше познакомиться с практикой международной торговли, а затем изучал хлопковый рынок в Англии. В 1860 г. он отправился в США для ознакомления с опытом выращивания и очистки хлопка. Затем он начал ввозить американский хлопок в Россию, но Гражданская война в США подорвала это предприятие. Вскоре после этого братья Хлудовы для операций с хлопком открыли контору в Ливерпуле, которая быстро завоевала прочную репутацию. Это предприятие оказалось весьма успешным и долговременным. В финансовых кругах Лондона о ней отзывались как о фирме, которая «пользуется хорошим кредитом» и «выглядит достаточно солидно»³⁹. Хлудовы, очевидно, ввозили в Россию хлопок не только для своей собственной фабрики, но и для других текстильных предприятий⁴⁰.

Хотя ряд ведущих российских текстильных фирм активно участвовал в импорте хлопка, тем не менее невозможно определить, какую долю этого рынка они контролировали. Однако для оценки успеха в контроле над поставками сырья необходимо также учитывать меру их содействия производству хлопка-сырца в пределах империи, поскольку более половины потребности России в хлопке

к 1913 г. удовлетворялось за счет внутренних источников. Хлудовы, например, были в числе пионеров выращивания хлопка в Туркестане, равно как и Ярославская Большая мануфактура. Возделывание хлопка в Средней Азии являлось заслугой национального капитала; в деле сбыта сырья активно участвовали московские банки, многие из которых возглавлялись текстильными магнатами. Ввоз хлопка-сырца из-за границы по-прежнему находился в основном в руках фирм иностранного происхождения, однако благодаря разведению хлопка в Средней Азии значительная доля поставок сырья для текстильных фабрик оставалась под контролем отечественного капитала⁴¹.

VII

Обратимся теперь к вопросу: как обстояли дела у русских торговцев в такой отрасли внешней торговли, как импорт чая, где с самого начала иностранное влияние было менее выражено. Как известно, две крупные фирмы, действующие в этой сфере, были иностранного происхождения: торговый дом Катуар (A.L.Catoire), основанный французским купцом, и торговый дом «Wogau и К^о» (Wogau), совладельцы которого были родом из Германии. Их руководители были подданными Российской империи и, несмотря на то, что не были полностью ассимилированы российским деловым миром, являлись его важной составной частью. Независимо от того, считать ли таких предпринимателей «русскими» или нет, исследование активности российских чаеоторговцев на мировом рынке позволяет рассмотреть долгосрочные выгоды, которые приносила им политика государственного попечительства⁴².

В России торговля чаем по существу появилась в XIX в. С относительно скромной отметки в начале 1800-х годов объем листового чая, завезенного в Россию, в 1901 г. достиг 1,7 млн пуд., а чая в брикетах, пользовавшегося большим спросом в Сибири, было импортировано 1,5 млн пуд. С точки зрения правительства немаловажным последствием активного ввоза стал рост его потребления на внутреннем рынке, приносящий в казну доход от акциза. Налоговые поступления от ввоза чая в конце XIX в. обеспечивали примерно четверть государственных доходов от таможенных пошлин⁴³.

Расширение чайной торговли приносило процветание русским торговцам, хотя известия о баснословных состояниях кяхтинских купцов, которые доминировали в чаеоторговле до середины XIX в., явно преувеличены. Открытие морской торговли между Россией и Китаем в середине XIX в. поставило под угрозу их позиции, а правительство заставило решать сложную проблему. Затраты на транспортировку чая морским путем были значительно ниже расходов на перевозку по сибирским трактам. Однако сокращение сухопутных поставок чая могло привести к падению доходов местного населения, занятого его перевозкой, и к свертыванию встречного экспорта промышленных товаров в Китай. В связи с петициями

чаеоторговцев правительство в 1862 г. ввело систему дифференцированных тарифов, согласно которой чай, ввозимый сухопутным путём, подлежал обложению меньшими пошлинами⁴⁴.

Русские купцы, ввозившие чай по сухопутной границе, доминировали на рынке брикетированного чая в азиатской части России в целом и были достаточно хорошо подготовлены для конкуренции на растущем рынке листового чая в Западной Сибири. Тем не менее, когда в конце XIX в. издержки сухопутных перевозок стали сокращаться, правительство повысило пошлины с тем, чтобы основные выгоды от этого поступили в казну. Кроме того, правительству с начала 1880-х гг. пришлось уделять немалое внимание интересам полуказенной океанской судоходной компании «Добровольный флот» и русских чаеоторговых компаний, обосновавшихся в китайских портах⁴⁵.

Традиционная поддержка со стороны государства не мешала русским купцам предпринимать самостоятельные усилия для расширения операций. Как только русско-китайская торговля в XIX в. приобрела стабильный характер, некоторые чаеоторговцы начали изучать китайский язык или нанимать приказчиков, владеющих китайским. Русские купцы, торговавшие чаем, были, как правило лучше образованы, чем их коллеги в других областях коммерции, и потому являлись активными сторонниками просвещения, часто давая хорошее образование и своим детям. В этом плане ярким примером служит семья Боткиных, подарившая российскому художественному и научному миру ряд замечательных деятелей.

Чайная фирма Боткиных, основанная Петром Боткиным (1781—1853), который обосновался в Москве в конце XVIII в., была одним из пионеров российской чайной торговли. Петр Боткин продавал в Китай ткани, приобретая там чай для реализации на русском рынке. Его дело, подобно многим чаеоторговым предприятиям, носило выраженный семейный характер. После смерти основателя управление компанией перешло в руки одного из его сыновей, Петра Петровича (1830—1906). Он свернул торговлю текстилем, так как к тому времени отпала потребность прямого товарообмена с Китаем, и расширил чаеоторговый бизнес, а также учредил сахарорафинадную компанию (на предприятии в разгар сезона было занято до 10 тыс. чел.). Один из современников называл его «кудесником коммерческого искусства», который мог «приводить по памяти сложнейшие статистические данные из торговых книг, не упустив ни одной цифры»⁴⁶.

С открытием в 1868 г. Суэцкого канала российские чаеоторговцы, ведшие торговлю через Кяхту, столкнулись с проблемой: продолжать ли торговлю по сухопутной границе или переориентироваться на китайские порты. Рост потребления чая в России подталкивал к выбору и других альтернативных стратегий. Чаеоторговцы могли сосредоточиться на розничной продаже чая в пределах Российской империи, на оптовой торговле в России, закупать чай в китайских портах, открытых для внешней торговли, и повсемест-

но за границей, либо комбинировать эти виды коммерческой деятельности⁴⁷. Как же они воспользовались открывшимися деловыми возможностями?

Успех большинства московских фирм, вероятно, был связан с прибылями от розничной торговли. Основанная в 1787 г. чаоторговая фирма «Василий Перлов и сыновья» в 1897 г. имела ежегодный оборот в 16 млн руб., располагала 88 представительствами на территории империи. Фирма также экспортировала чай в Западную Европу, имела собственные магазины в Берлине, Париже и Вене, была официальным поставщиком двора императора Австро-Венгрии и короля Румынии. Одним из его главных конкурентов на внутреннем рынке в начале XX в. был основанный в 1842 г. торговый дом «К. и С. Поповы», к 1900-м гг. владевший розничной сетью из почти 100 магазинов. Фирма Поповых также была официальным поставщиком чая для ряда европейских королевских дворов. Ее прибыль в 1904/1905 финансовом году достигала 1,4 млн руб. В 1883 г. фирма стала акционерной компанией, по видимому, в целях расширения экспансии на рынке. Братья Поповы разбили первые чайные плантации в России, построив чаеразвесочную фабрику на Кавказе. В 1888 г. фирма открыла отделение для закупки чая в Китае и приступила к приобретению чая на Цейлоне. Поповы также поставляли чай в Западную Европу, владея сетью магазинов в Праге, Софии, Вене, Париже и Берлине⁴⁸.

Самой крупной фирмой в розничной чайной торговле являлся торговый дом «В.Высоцкий и К», к 1912 г. контролировавший 40% внутреннего рынка страны. Основанная в 1888 г. московскими коммерсантами И.С.Цетлиным и В.Высоцким, а также «женой симферопольского купца» Л.В.Гавронской, фирма начинала со скромного капитала в 10 тыс. руб. Капитал постепенно рос по мере проникновения фирмы на рынки Петербурга, Прибалтики и Финляндии, достигнув к 1904 г., когда начались торговые операции в русском Туркестане, 10 млн руб. «В.Высоцкий и К^о» развивал также экспортные поставки чая в Персию, Турцию, Западную Европу и даже в США, где у фирмы имелись филиалы в Нью-Йорке и Филадельфии. Дочернее предприятие фирмы, Англо-Азиатская компания, была одной из трёх основных русских компаний на Цейлоне, наряду с фирмами «Губкин, Кузнецов и К^о» и «Вогау и К^о», доминируя в области экспорта цейлонского чая в Россию и получая значительные прибыли (см. табл. 3)⁴⁹.

Некоторые предприимчивые русские торговцы распространили свою деятельность и на китайские порты, открытые для внешней торговли. Первой такой компанией стал торговый дом «С.В.Литвинов и К^о», который в 1863 г. построил несколько чаеразвесочных фабрик в районе Ханькоу, продукция которых предназначалась для сбыта в России. Предприятие, очевидно, процветало. Десять лет спустя Литвинов сконцентрировал производственные операции на чаеразвесочной фабрике, оснащенной паровыми машинами. Аналогичная фабрика была построена торговым домом

«Токмаков, Молотков и К^о», действовавшим в Москве и Кяхте до 1904 г., когда он был поглощен фирмой Литвинова. «Токмаков, Молотков и К^о» ещё до своей экспансии в Китае, где они основали филиалы в Ханькоу, Фучау и Тяньцзине, участвовали также в оптовой торговле в Туркестане. Здесь они столкнулись с жесткой конкуренцией английских коммерсантов, занимавшихся экспортом индийского чая на местный рынок. Обе фабрики в Ханькоу, упомянутые ранее, были значительными предприятиями, в каждое было инвестировано 1—2 млн руб.. Третьей русской компанией, действовавшей в Ханькоу, была фирма «Иванов и К^о», ею владел местный российский консул⁵⁰.

Таблица 3

Норма прибыли ведущих российских чаеторговых фирм

Год	Высоцкий и К ^о		В.Перлов и К ^о		Братья Поповы К. и С.		Губкин, Кузнецов и К ^о		«Караван»	
	Прибыль	Дивиденд	Прибыль	Дивиденд	Прибыль	Дивиденд	Прибыль	Дивиденд	Прибыль	Дивиденд
1883					20%					
1884					52%					
1899	27,5%	13,8%	16%				19%	12%		
1901			20%							
1902			13,5%							
1903	8%	3,4%								
1904	6%	6%	нет							
1906	9,5%	8%	нет							
1907			1%		4,3%					
1908	9,8%	8%								
1909	11,9%	9,7%								
1910	13,9%	11,5%								
1912		12%								7,5%
1913	42,8%									

Источник: РГИА. Ф. 22. Оп. 4. Д. 24. Л. 94—101; Ф. 23. Оп. 24. Д. 783; Оп. 27. Д. 937.

Все перечисленные компании действовали в качестве производителей чая и комиссионеров оптовых и розничных торговцев в России, но некоторые из ведущих отечественных оптовиков основали за границей собственные закупочные конторы. «К. и С. Поповы», например, создали такой филиал в Ханькоу в 1888 г., в то время как фирма «Преемник А.Губкина, А.Кузнецов и К^о» основала отделения не только в Ханькоу, но и в Коломбо, Калькутте и Лондоне. Этот факт отразил возросшее значение Индии и Цейлона как основных поставщиков чая в Россию. В 1907 г. русскими торговыми компаниями из Цейлона было вывезено чая на сумму

более 12 млн ф. ст. (около 120 млн руб.)⁵¹. Успешное внедрение русских фирм, помимо Китая и Цейлона, отмечено и в Индии. Данное обстоятельство побудило совладельца британской чаеоторговой фирмы Shaw Wallace & Co., заметить, что её клиентам «удалось открыть в Калькутте самостоятельные представительства, как только торговля приняла заметные обороты, и это особенно касается русских, после того как индийский чай в России получил широкое распространение»⁵².

Количество российских коммерсантов, участвовавших в международной торговле и имевших базу своих операций вне России, было весьма невелико, и при этом значительную их часть представляли чаеоторговцы. Поскольку китайский чай был менее однородного качества по сравнению с индийским и цейлонским, а также вследствие того, что отправляемый в Россию чай из Индии и Цейлона обычно перерабатывался в Китае, русских, занятых в торговле чаем с Китаем, было в несколько раз больше, чем занятых в торговле только с Индией и Цейлоном. С 79 служащих в 1879 г. число русских, работавших в Китае на предприятиях и филиалах русских чайных компаний, к 1897 г. увеличилось до 116⁵³.

На какую официальную поддержку могли рассчитывать русские торговцы, действовавшие за пределами России? Безусловно, их активность в Китае вызывала одобрение правительства, поскольку служила полезным подспорьем государственной политике мирного проникновения в эту страну. Деятельность чаеоторговых фирм дополняла полуофициальные коммерческие проекты русского правительства в Китае, в особенности в банковской сфере. Лондонские торговые банки (merchants banks) монополизировали кредитование русских чаеоторговцев, но для оплаты счетов им приходилось обменивать наличные деньги через посредников в Москве и Лондоне, что было сопряжено с немалыми комиссионными издержками. Эта проблема была отчасти решена в 1896 г., когда начал операции Русско-Китайский банк, учрежденный с целью содействовать «мирному проникновению» в Китай⁵⁴. Сеть его филиалов в Китае, а также отделения в Кяхте, Владивостоке, Петербурге и Москве представлялась идеальной для нужд русско-китайской чаеоторговли. Однако ведущие чаеоторговые компании продолжали вести операции через лондонские акцептные дома (assentance houses), привлеченные, по-видимому, быстротой, гибкостью и относительной дешевизной финансовых транзакций. Так, например, накануне Первой мировой войны лондонский филиал фирмы Высоцкого пользовался кредитом у банкирского дома Клейнворта на сумму до 30 тыс. ф. ст. по счетам своего отделения в Калькутте. После Октябрьской революции 1917 г. Перловым по подобным счетам были предъявлены претензии лондонскими банкирскими домами Huth & Co., Lazard Bros. и др. на сумму свыше 100 тыс. ф. ст., что служит красноречивым свидетельством роли лондонского Сити как кредитора русских чаеоторговых компаний, а также индикатором высокой репутации этой отрасли русской коммерции в Лондоне⁵⁵.

Таким образом, русские компании совершили успешный прорыв на международный рынок чая. В какой мере это зависело от знаний и опыта иностранцев? Циркуляры 13 русских чаеоторговых фирм, полученные лондонским банкирским домом Брандта между 1872 и 1913 гг., показывают, что право подписи от имени компании было предоставлено в общей сложности 57 персонам, частью собственникам, частью служащим, причем 51 человек из этого списка носил русское имя⁵⁶. По меньшей мере 348 из 363 членов пенсионно-сберегательной кассы, организованной Перловым для служащих своей фирмы, также носили русские имена⁵⁷. Значительного представительства иностранцев в русских чаеоторговых компаниях можно было бы ожидать в их зарубежных отделениях, в Китае и особенно в Индии и на Цейлоне. Поразительно, однако, что и здесь эти компании успешно действовали без существенного участия иностранцев. Управление чайными фирмами как в китайских портах, так и в Индии и на Цейлоне находилось по преимуществу в руках русских⁵⁸.

Лишь чаеоторговая компания «Вогау и Ко» была исключением из общего правила, представляя собой иностранный элемент в русской чайной торговле. Вогау начали заниматься чаеоторговым делом в 1840 г. Основатель фирмы, выходец из Франкфурта-на-Майне Филипп Макс фон Вогау (1807—1880) и его преемники создали знаменитый торгово-промышленный концерн. Вогау распространили свои финансовые и торговые обороты на Лондон, где к 1914 г. филиал фирмы пользовался репутацией одного из ведущих иностранных финансистов на валютном рынке. Чайную торговлю фирма сосредоточила в компании «Караван», учрежденной в 1893 г. Прибыль фирмы от продажи чая в 1916 г. (правда, этот год нельзя признать типичным) превысила 1 млн руб. Но следует ли считать Вогау иностранцами в строгом смысле слова? К началу XX в. эта семья жила в России на протяжении уже трех поколений, и большинство ее членов приняло российское подданство⁵⁹.

Независимо от национальной идентификации Вогау, следует признать, что русские чаеоторговые фирмы достигли несомненного успеха, о чем писали и современники. А.П.Субботин, например, полагал, что русским предпринимателям нужно воздать должное за освобождение России от английских и немецких торговцев, «которых в конце концов вытеснят из русской чаеоторговли»⁶⁰. Русский вице-консул в Коломбо, со своей стороны, полагал, что русские дегустаторы чая превосходили своих английских коллег, поскольку «они прошли суровую школу дегустации китайского чая»⁶¹. В качестве относительно беспристрастной оценки приведем мнение одного английского обозревателя, который отмечал, что «продолжительное знакомство с английскими и русскими чаеоторговцами убедит кого угодно в преимуществе последних над первыми»⁶². Исследователи проблемы Г.Аллен и А.Донниторн также констатировали, что «утверждение, будто русские отличались боль-

шей предприимчивостью, нежели их западные коллеги, не подделжит сомнению»⁶³.

Протекционистская защита кяхтинской торговли и правительственная поддержка ее развития могут быть расценены как факторы коммерческого успеха российской чаеоторговли. Знание китайского языка и относительно долгое знакомство с китайским рынком явно помогали в конкурентной борьбе, но некоторые западноевропейские купцы вряд ли уступали русским в этом отношении. Решающими факторами, по всей вероятности, служили непревзойденное знание русскими коммерсантами чайных пристрастий своих соотечественников и защищенный протекционистскими мерами рынок брикетного чая в Сибири. Некоторую роль играл и счастливый случай. Так, наиболее популярные у русских потребителей сорта чая произрастали в районе морских портов Китая, что позволяло русским чаеоторговцам закупать чай непосредственно у производителей и по более низкой цене⁶⁴.

VIII

Подводя итог, можно заметить, что участие российских предпринимателей во внешнеторговых операциях было в различных отраслях неравномерным. Приведенные выше факты свидетельствуют о повышении уровня этого участия в целом, хотя произошло это, по всей вероятности, слишком поздно. Достижения русской торговли не ослабляли волну критики в России по поводу засилья иностранцев во внешней торговле. Особенно активно выступали крупные аграрии, когда в конце XIX в. на мировом рынке упали цены на зерно. Однако слабое участие русских фирм в международной хлебной торговле, как было показано выше, являлось вполне объяснимым следствием общего положения на мировом рынке. Подобная критика отражала трудности сбыта сельскохозяйственной продукции России, но не учитывала того факта, что мировая экспортная торговля сырьем в значительном и все более возрастающем объеме велась фирмами, базирующимися в странах-импортерах.

Уставы российских банков позволяли им участвовать в международной торговле, и в некоторых областях им удавалось подчинить себе существенную долю рынка. Однако проникновение банков в сферу торговых операций приводило к двойственным результатам. Их активность направлялась не только против иностранных компаний, но нередко подрывала позиции и русских торговых фирм. Банки вместе с железнодорожными и судоходными компаниями, возможно, рассматривали внешнеэкономические операции как заведомо убыточное дело, но рассчитывали с их помощью активизировать свой основной бизнес.

Русские промышленники сумели проникнуть только на те внешние рынки, где они использовали преимущество географического положения. Во многом здесь повинна таможенно-тарифная политика правительства, в результате которой повышались из-

держки на ввозимые в Россию сырье, полуфабрикаты и технологическое оборудование. Кроме того, критики неудовлетворительного состояния российского промышленного экспорта часто упускали из виду высокие издержки по созданию дочерних внешне-торговых компаний, которые могли стать рентабельными только при значительном объеме продаж.

Мощная конкуренция со стороны иностранных торговых фирм, дефицит капитала, низкий образовательный уровень и недостаток общей культуры — все эти факторы в совокупности минимизировали участие русских коммерсантов в международной торговле. Однако сохранение традиционной структуры российского экспорта, в котором преобладали минеральные ресурсы и сельскохозяйственная продукция, в принципе не позволяла рассчитывать на существенное национальное участие во внешней торговле. Россия в этом смысле следовала общемировой модели. И тем не менее, в весьма перспективных отраслях международной торговли, таких как импорт товаров с низкой степенью промышленной обработки (хлопка-сырца и в особенности чая), достижения русских предпринимателей были достаточно весомы.

Примечания

¹ См.: Kahan A. *The Plow, the Hammer and the Knout*. Chicago, 1985. P. 263.

² Price J.M. *Capital and Credit in British Overseas Trade: the View from Chesapeake, 1700—1776*. Cambridge, Mass., 1980. P. 38; Chapman St. *Financial Constraints on the Growth of Firms in the Cotton Industry // Economic History Review*. 2nd Ser. XXXII (1979). P. 50—65.

³ Струмилин С.Г. *Статистико-экономические очерки*. М., 1958. С. 672—687; Rieber A. *Merchants and Entrepreneurs in Imperial Russia*. North Carolina, 1982. P. 34—35.

⁴ Семенов А. *Изучение исторических сведений российской внешней торговли и промышленности с половины XVII-го столетия по 1858 год*. СПб., 1858. С. 225—226.

⁵ Там же. С. 237. Разрешение молодым людям «купеческого сословия» выезжать за границу для получения коммерческого образования и обретения практических навыков в торговле было предоставлено в 1861 г., но и после этого получение паспорта оставалось непростой задачей (Полное собрание законов. Собр. II. Т. XXXVI [1861]. № 36551; Филиппов Ю.Д. *Очерк истории развития отечественного торгового мореплавания*. Пг., 1916. С. 89).

⁶ Rieber A. *Merchants and Entrepreneurs in Imperial Russia*. P. 147.

⁷ Организация хлебной торговли // *Записки императорского общества сельского хозяйства южной России*. 1902/11—12. С. 58—59.

⁸ Berghoff H., Moller R. *Tired Pioneers and Dynamic Newcomers? A Comparative Essay on English and German Entrepreneurial History, 1870—1914 // Economic History Review*. 2nd ser. XLVII (1994). P. 262—287.

⁹ Семенов А. *Указ. соч.* С. 225—226.

¹⁰ Лященко П.И. *История народного хозяйства СССР*. Т. II. Эпоха капитализма. М., 1956. С. 356, 408.

- ¹¹ Baring Brothers Papers, Guildhall Library (далее — ВВГН), HC10.28.2, Jutting to Baring Bros, 6 Oct. 1864. 11 Nov. 1864. О торговых оборотах компании см. ежегодное издание: Виды государственной внешней торговли. Департамент таможенных сборов Министерства финансов. СПб., 1861—1869.
- ¹² Claus R. Das russische Bankwesen. Leipzig, 1908. S. 108; Crozat J.F. Rostoff-sur-le-Don et le commerce des cereales. Paris, 1910. P. 142; Федоров М.П. Хлебная торговля в главнейших русских портах и в Кенигсберге. М., 1888. С. 126.
- ¹³ Золотов В.А. Хлебный экспорт России через порты Черного и Азовского морей в 60-90-е годы XIX в. Ростов-на-Дону, 1966. С. 41; Куприянова Л.В. Новороссийский порт, Владикавказская железная дорога в пореформенный период // Исторические записки. Т. 73. М., 1966 С. 289—292.
- ¹⁴ Китанина Т.М. Хлебная торговля России в 1875—1914 гг.: Очерки правительственной политики. Л., 1978. С. 190.
- ¹⁵ Куприянова Л.В. Указ. ст. С. 294; Золотов В.А. Указ соч. С. 225; Федоров М.П. Указ. соч. С. 18, 119—121; Jurowsky L. Die russische Getreideexport: seine Entwicklung und Organisation. Stuttgart, Berlin, 1910. S. 94—95.
- ¹⁶ 1 пуд = 16,38 кг.
- ¹⁷ Remer. Foreign Investment in China. P. 581; Золотов В.А. Указ соч. С. 225; Guildhall Library, Kleinwort & Co., Customer Reference Files (далее — АКНГ). Vol. 458. P. 13.
- ¹⁸ Jurowsky L. Op. cit. S. 171—172.
- ¹⁹ Ibid. S. 172—173.
- ²⁰ Каценеленбаум З.С. Коммерческие банки и их торгово-комиссионные операции. М., 1912. С. 83.
- ²¹ Голубев А.К. Русские банки. Справочные и статистические сведения. СПб., 1899. С. 48; АКНГ. Vol. 444. P. 97; Vol. 445. P. 125.
- ²² См.: Рябушинский М.П. Цель нашей работы // Материалы по истории СССР. Т. VI. Документы по истории монополистического капитализма в России. М., 1959. С. 610—640.
- ²³ АКНГ. Vol. 458. P. 2.
- ²⁴ Каценеленбаум З.С. Указ. соч. С. 83; Левин И.И. Наша сахарная промышленность. СПб., 1908. С. 39—40; Crisp O. Studies in the Russian economy before 1914. London, 1976. P. 178.
- ²⁵ Каценеленбаум З.С. Указ. соч. С. 161.
- ²⁶ Китанина Т.М. Указ. соч. С. 168.
- ²⁷ Там же. С. 152—154.
- ²⁸ РГИА. Ф. 23. Оп. 27. Д. 301. Л. 2.
- ²⁹ Там же. Л. 20, 53, 73, 96—97, 110.
- ³⁰ Там же. Л. 97, 154; Оп. 24. Д. 502. Л. 20.
- ³¹ Там же. Ф. 20. Оп. 5. Д. 679; Ф. 23. Оп. 24. Д. 502. Л. 2, 3, 20.
- ³² Швиттау Г.Г. Русская кооперация на международном рынке. Берлин, 1920. С. 59, 70; Филиппов Ю.Д. Указ. соч. С. 44—45.
- ³³ Филиппов Ю.Д. Указ. соч. С. 118—127.
- ³⁴ Rieber A. Op. cit. P. 119.
- ³⁵ См.: Лаверычев В.Я. К вопросу об особенностях экспорта тканей из России в конце XIX — начале XX века // Вестник Московского университета. Серия История. 1965. № 6. С. 55—68.
- ³⁶ Промышленность и торговля. 1910. № 8. С. 511—514, 583—584.

37 О фирме Кноп см.: Thompstone St. Ludwig Knoop: the Arkwright of Russia // Textile History. XV (1984). P. 45—73.

38 Baring Bros., Bichopsgate (далее — BBBG). London Credit Registers. Vol. 2. P. 83; Vol. 4. P. 29; АКНГ. Vol. 445. P. 130, 134.

39 BBBG. Character reference book. № 2. P. 49 (Bank of England to Union National Bank. 23. August 1873); АКНГ. Vol. 446. P. 7, 92—93; Vol. 457. P. 75; Бурышкин П.А. Москва купеческая. Нью-Йорк, 1954. С. 159.

40 АКНГ. Vol. 457. P. 149—150.

41 См. подр.: Thompstone S.R. Russian Imperialism and the Commercialization of the Central Asian Cotton Trade // Textile History. 26 (2). 1995. P. 233—257.

42 См.: Субботин А.П. Чай и чайная торговля России в других странах. СПб., 1892. С. 646; Smith R., Christian R. Bread and Salt. Cambridge, 1984. P. 234—235.

43 Обзор внешней торговли. СПб., 1901. Табл. 9; То же. 1913. С. 68—69.

44 Селихов М.Н. Материалы по чайной торговле. Пг., 1915. С. 97—101; Субботин А.П. Указ. соч. С. 460, 646; Haxthausen A. von. The Russian Empire: its People, Institutions and Resources. London, 1856. P. 36—37.

45 Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. М., 1957. С. 28, 309—310.

46 См.: Григорович Д.В. Литературные воспоминания. М., 1961. С. 119—120; Щетинин Б.А. Петр Петрович Боткин // Исторический вестник. Т. 109. 1907.

47 РГИА. Ф. 20. Оп. 15. Д. 554. Л. 12—15, 41.

48 Там же. Ф. 22. Оп. 5. Д. 812; Ф. 23. Оп. 24. Д. 783. Л. 45, 128, 138; Оп. 27. Д. 124, 923, 927; University of Nottingham, Brandt Circulars (далее — UNBC). 1882—1884. P. 393—394.

49 РГИА. Ф. 23. Оп. 24. Д. 406. Л. 1, 11, 20, 57, 59, 123.

50 Субботин А.П. Указ. соч. С. 341; Остриков П.И. Империалистическая политика Англии в Китае в 1900—1914 гг. М., 1978. С. 94; British Consular Trade Reports, Hankow (1875). P. 46; Allen G., Donnithorne A. Western Enterprise in Far Eastern Economic Development: China and Japan. London, 1954. P. 59.

51 UNBC. 1887—1888. P. 279; 1909—1910. P. 192; РГИА. Ф. 23. Оп. 11. Д. 391; Оп. 8. Д. 32. Л. 68.

52 Townend H. A History of Shaw Wallace & Co. and Shaw Wallace & Co. Ltd. Calcutta, privately published, 1965. P. 10.

53 Субботин А.П. Указ. соч. С. 341; Остриков П.И. Указ. соч. С. 94.

54 Субботин А.П. Указ. соч. С. 372, 564.

55 АКНГ. Vol. 140. P. 114, 131; Vol. 143, P. 89; University Colledge Library, Huth & Co. MSS. Box 3. File 504; Box 5. File 426.

56 UNBC. 1872—1874. P. 214; 1877—1878. P. 157, 279, 300; 1879—1881. P. 473; 1882—1884. P. 393—394, 415, 625, 646; 1884—1886. P. 183—185; 1887—1888. P. 329; 1889—1890. P. 68; 1891—1892. P. 37—39, 54—55; 1909—1910. P. 192; 1913. P. 385, 416, 429.

57 РГИА. Ф. 22. Оп. 15. Д. 812.

58 Субботин А.П. Указ. соч. С. 479.

59 РГИА. Ф. 23. Оп. 24. Д. 6. Л. 205—206, 214; Д. 137. Л. 23, 46, 51, 80. О деловых связях Вогау см.: UNBC. 1875—1876. P. 106; 1879—1881. P. 53; 1882—1884. P. 335; 1895—1896. P. 37, 60, 320; 1909—1910. P. 23; 1911—1912. P. 41.

⁶⁰ Субботин А.П. Указ. соч. С. 655—666.

⁶¹ РГИА. Ф. 23. Оп. 8. Д. 32. Л. 22.

⁶² Kelly's monthly trade review. July 1915. Цит. по: РГИА. Ф. 23. Оп. 8. Д. 32. Л. 22.

⁶³ Allen G., Donnithorne A. Op. cit. P. 60.

⁶⁴ Ibid. P. 48, 56—57.

Роль винных откупов в формировании крупных капиталов в России XIX в.

Откупное дело в России имело старинные корни. Особое место в нем принадлежало винным откупам, сыгравшим важную роль на первоначальном этапе возникновения крупных состояний в предпринимательской среде. Они дали начало крупнейшим состояниям многих видных промышленников XVIII и XIX вв.: Яковлевых, Злобиных, Гусятниковых, Сапожниковых, Струговщиковых, Губиных, Кирьяковых. Винные откупа были важнейшей статьёй доходов и представителей титулованной знати екатерининской и позднейших эпох: светлейшего князя Потемкина, графа Безбородко, князей Гагариных, Долгоруких, Куракиных, графов Шуваловых и др. «Питейное дело» в течение XVIII — 1-й половины XIX в. превратилось, благодаря откупам, в одну из наиболее прибыльных сфер российского предпринимательства.

Российская империя, с ее пестротой экономических, хозяйственных укладов жизни, отличалась значительным разнообразием путей накопления. В исторической литературе одним из этих путей уделялось больше внимания, другим меньше. Повышенный интерес в отечественной историографии до недавнего времени вызвали вопросы развития крупной фабричной промышленности из крестьянских кустарных промыслов на примере, главным образом, текстильной промышленности Центрального района. Подробно исследовался также путь перерастания казенной мануфактуры в частное предприятие фабрично-заводского типа и складывания на этой базе крупных капиталов, в частности, в горно-заводском деле. Значительный интерес был проявлен к изучению вопросов формирования капиталов в хлебной, чайной торговле, и развития вотчинного хозяйства. Другим путям накопления капиталов, в частности в «питейном деле», в сфере производства и торговли вином, повезло меньше. Пожалуй лишь П.И.Лященко, видный исследователь экономической истории России, еще в 1950-е гг. обратил должное внимание на винные откупа, как на один из важнейших источников накопления капиталов. Все предыдущие «источники наживы и обогащения, — отмечал он, — бледнеют перед системой откупов, в особенности винных», являясь, «пожалуй, одним из самых крупных в России источников накопления капи-

* Гавлин Михаил Львович — кандидат исторических наук (ВНИИДАД).

талов», «важнейшим способом первоначального накопления»¹. Надо сказать также, что в последние годы довольно активно занимаются этой темой иностранные исследователи, проявившие к ней серьезный интерес².

Между тем, приобретение крупных состояний в вино-откупном деле является одним из самых характерных путей формирования крупных капиталов в дореформенной России. В истории винных откупов можно найти яркие иллюстрации возникновения фантастических состояний. Здесь чаще чем в других секторах экономики складывались самые громкие богатства, причем в самые сжатые сроки. «Преимущество откупа, — остроумно замечал один из авторов, — состояло в том, что каждый кабак был как бы маленьким банком, куда стекались народные деньги, а деньги всегда были в России редким товаром»³.

Значение винных откупов для государственных финансов в дореформенный период было очень велико. Доход с винной торговли в последние годы существования откупной системы, ликвидированной в 1863 г., составлял до 46% всех поступлений в государственную казну, опережая, начиная с 1840-х гг., поступления от прямых налогов — подушной подати и оброка с государственных крестьян, вместе взятых⁴. Достаточно сказать, что в Англии, к примеру, он не превышал 24% всех государственных доходов, во Франции — 9%, в Пруссии — 6%⁵. За 140 лет существования винного откупа в России «питейный» доход казны увеличился, по некоторым оценкам, в 335 раз⁶.

Винные откупа обязаны своим становлением Петру I. Екатерина II распространила откупную торговлю в кабаках на всю Россию. Право торговать водкой и вином на определенный срок сдавалось государством с торгов. Кто больше давал на торгах за право торговли в определенной местности, тот и становился откупщиком. Он платил в казну сколько было установлено, открывал питейные заведения, вел торговлю вином с тем расчетом, чтобы получить доход. Откупа в России были сложным, но прибыльным предприятием.

Своего апогея вино-откупная торговля достигла в правление Николая I. После периода казенной продажи вина (1817—1826 гг.), в течение которого доходы казны от нее значительно упали, с возобновлением винных откупов по инициативе министра финансов Канкрин, поступления в казну до начала 1860-х гг. возрастали, согласно официальной статистике, непрерывно, увеличившись почти в два раза: с 64,8 млн руб. в 1825 г. до 126,4 млн руб. в 1861 г. Лишь к концу этого периода, в 1862 г., они вновь несколько снизились — до 123 млн руб.⁷ Хотя в неофициальных подсчетах существуют разночтения: по одним оценкам поступления в казну снизились к концу откупного периода гораздо резче — до 91,7 млн руб.⁸; по другим же, напротив, откупщики дали казне дохода гораздо больше — около 160 млн руб.⁹

Но доходы самих винных откупщиков росли еще быстрее, хотя в их определении оценки расходятся гораздо в большей степени,

чем в отношении доходов казны, что обусловлено разной методикой подсчетов и неполнотой данных. Так, при определении совокупного дохода откупщиков А.Я.Киттары исходит из следующего расчета. Согласно данным, приведенным в его работе, в 1856 г. все население потратило 151 млн руб. на потребление алкогольной продукции. Из них, по его подсчетам, 82 млн руб. попали в казну, а остальные 69 млн руб. достались откупщикам¹⁰. Видный экономист тех лет И.К.Бабст оценивал ежегодные совокупные доходы откупщиков в гораздо большем размере. По его оценкам их ежегодный доход в одних только великорусских губерниях простирался от 182 до 202 млн руб., а по всей империи в целом, доходил до 600 млн руб. Примерно схожими были и оценки некоторых других исследователей, например, Илиша — от 500 до 600 млн руб. А бывший в свое время министром внутренних дел и хорошо знакомый с ситуацией в откупном деле граф А.А.Закревский приводит еще более высокую и твердую цифру совокупного дохода откупщиков в эти годы, определяя ее в 781 285 000 руб. серебром ежегодно¹¹. Присоединяются к этим оценкам и более поздние исследователи. П.И.Ляшенко, ссылаясь на сведения тех же А.А.Закревского, И.Г.Прыжова, Дмитриева замечает: «Прибыли откупщиков были громадные: по исчислениям некоторых авторов, одни легальные доходы откупщиков в середине XIX века достигали 600—780 млн руб. ассигнациями ежегодно»¹².

Многие исследователи, при этом, склоняются к мнению, что определить, сколько наживали откупщики, вообще невозможно. Так, отмечают, что к их «легальному» доходу нужно присоединить украденные и утаенные от выплат суммы. Например, бывший откупщиком Гарфункель, задолжав казне 1 125 000 руб. (серебром), бежал за границу, в Париж, с казенными деньгами, сделался французским подданным и жил там спокойно с прежней роскошью¹³. Другой откупщик, задолжав государству 1 млн 200 тыс. руб., отдал только 500 тыс. руб., а остальная часть долга с него была списана¹⁴. Такого рода списания становились общим правилом. Кроме того, были нередки случаи, когда имущество откупщиков, принимавшееся в залог под обеспечение их долга по высокой цене, на поверку оказывалось незначительным по своей действительной стоимости. А иногда это имущество вообще не могли найти. Так, откупщик Евреинов не внес в казну около 4-х млн руб. Но когда с него решили эту сумму взыскать, то оказалось, что его имущество и капиталы просто куда-то исчезли¹⁵. Ко времени отмены откупной системы общая сумма «недоимки» государству откупщиков составила по официальным данным, собранным по великороссийским и «привилегированным» губерниям с 1827 по 1859 г., около 28 млн руб.¹⁶, а по другим данным свыше 50 млн руб.¹⁷ К этой сумме можно прибавить и те «утаенные суммы, которые выкачивали из народа на местах разного рода доверенные лица, сидельцы, приказчики и прочие служащие откупщиков», что составляло, по мнению некоторых авторов, еще не менее 250 млн руб. чистой прибыли¹⁸.

«Сведения о питейных сборах в России», составленные в Государственной канцелярии, дают возможность получить данные о численности и составе группы винных откупщиков в этот период, и размерах платежей по откупу, платимых ими в казну. Всех откупщиков, «заведовавших питейным делом», или (как обозначено в «Сведениях») «лиц, участвующих в питейных откупах» среди 70 млн населения, числилось на четырехлетие 1859—1863 гг. 216¹⁹ человек. В том числе, по Великороссийским губерниям — 147, в «привилегированных» (т.е. прибалтийских и западных губерниях, включая Царство Польское) — 29, «чарочных» откупщиков — 37, по Сибири — 3²⁰.

Принимая во внимание указанную численность винных откупщиков (216) и вышеприведенные данные о размерах их совокупного ежегодного дохода по всем откупам в целом в этот период (если опустить крайние цифры, то это, в среднем, 300—500 млн руб.), среднестатистический ежегодный доход каждого откупщика можно оценить никак не менее 1 млн руб., или даже более. Изымая из него половину суммы на штатные и нештатные расходы по обслуживанию откупа (на то, что издержки откупщиков составляют до половины их доходов указывают авторы «Сведений о питейных сборах») получаем сумму чистой прибыли в среднем до 500 тыс. руб. на каждого откупщика — колоссальное состояние по тому времени. Это, конечно, весьма приблизительная цифра, но и она дает представление о финансовой мощи данной группы российских предпринимателей. Так, состояние богатейшего откупщика того времени Д.Е.Бенардаки (грека по национальности) достигало 20 млн руб. Капитал откупщика-старообрядца В.А.Кокорева оценивался перед реформой в 6—7 млн руб. Сам он признавал, что за 8 лет пребывания в откупах (с 1847 по 1855 гг.) заработал 5 млн руб, считая эту сумму «умеренной»²¹ Крупнейший откупщик Е.Г.Гинцбург (выходец из «черты оседлости») «заработал на откупах до 8 млн руб. серебром»²².

В значительной мере подтверждают вышеприведенные расчеты имеющиеся данные о суммах обязательных платежей, уплачиваемых за год откупщиками в качестве сбора в казну за право владения питейным откупом на четырехлетие 1859—1863 гг. Так, совокупная сумма обязательных платежей 216 лиц, участвующих в питейных откупах, за год составляет 127 769 488 руб. 32 коп., что в пересчете на каждого в среднем составило ежегодных платежей на сумму 591 525 руб. 40 коп. По группе же откупщиков, платящих самые высокие взносы в казну (не менее 100 тыс. руб. за год), которая насчитывала 145 лиц, размер средней суммы платежа составляет еще более высокую сумму, близкую к миллиону — 858 420 руб. По великороссийским губерниям (147 откупщиков) средняя сумма платежа в год составила 623 716 руб. По «привилегированным» губерниям (29 откупщиков) — 732 546 руб. 17 коп., по 37 «чарочным» откупщикам — 204 855 руб. всюду расчеты произведены автором по списку 145 наивысших платежей, приведенных в «Сведениях»²³.

Особенно обращают на себя внимание суммы платежей по трем сибирским откупам (два из них значились за братьями Мамонтовыми — Иваном Федоровичем, отцом знаменитого Саввы Мамонтова, и Николаем Федоровичем. — *М.Г.*). Они были одними из самых высоких — 7 259 750 руб., что в пересчете на каждого в среднем составляло 2 419 916 руб. Но в данном случае можно привести более точные цифры платежей братьев Мамонтовых. Известно, что почетный гражданин Иван Мамонтов вносил ежегодную сумму платежа за откуп 3 504 357 руб., а его брат, почетный гражданин Николай Мамонтов — 2 767 669 руб.²⁴ Еще более высокие платежи уплачивал в казну в течение 1859—1862 гг. самый богатый откупщик этого времени Д.Е.Бенардаки — 19 015 422 руб. ежегодно, что составляло около 15% всех откупных сумм. Еще 27 откупщиков, кроме него, платили свыше 1 млн руб. в год, 30 откупщиков — более 500 тыс. руб., а 145 — более 100 тыс. руб. Ежегодно²⁵. Понятно, что уплатив суммы, исчисляющиеся миллионами и сотнями тысяч рублей, в качестве платежного сбора в казну за право владения питейным откупом, откупщики рассчитывали получить в качестве дохода, и большей частью получали, значительно большие деньги. Даже согласно официальным данным, доход самого откупа превышал доходы казны от него в разные годы в 1850-х — начале 1860-х гг. в 1,4—1,7 раза²⁶. Хотя, конечно, были более благоприятные и менее благоприятные периоды для откупщиков. Так, особенно доходными для держателей винных откупов были годы после Крымской войны (1856—1858 гг.), когда по свидетельству В.А.Кокорева «все откупа и всякая торговля и фабрикация шли необыкновенно выгодно по случаю вступления в народное обращение выпущенных во время войны денежных знаков, равно и вынутых из банков денег на образование разных промышленных обществ»²⁷.

Таким образом, можно с достаточной определенностью говорить, что к моменту отмены крепостного права и развития новых экономических отношений в стране сформировалась достаточно заметная по численности группа предпринимателей — откупщиков, ставшая мощной по своим финансовым возможностям группой российских предпринимателей. Если учесть, что численность выбранных в эти годы свидетелей 1-й гильдии (по которой платили сбор откупщики) насчитывала в разные годы в целом по стране около 3—4 тыс., то держатели откупов (216 чел.) составляли примерно 6—8% всей численности крупной гильдейской буржуазии, представляя относительно небольшую, но, пожалуй, ее наиболее мощную в финансовом отношении группу накануне наступления новой эпохи в социально-экономическом развитии страны. Кроме того, нужно иметь в виду, что держатели откупов объединяли вокруг себя большое число обслуживающих откуп лиц (управляющих откупами, сидельцев, смотрителей, приказчиков, поверенных и др.), многие из которых также приобретали немалые состояния.

Но одной финансовой стороной возможности этой уникальной группы предпринимателей не ограничивались. Ее представителям были присущи целый ряд характерных качеств и черт, способствовавших быстрой адаптации к новым экономическим условиям посткрепостнической эпохи, переключению на новые формы и направления предпринимательской деятельности, новые источники обогащения. Какие же особенности отличают предпринимательскую группу, действовавшую в сфере винных откупов?

Прежде всего обращает на себя внимание крайняя разноликость состава этой группы. Она была одной из самых социально разнородных и межнациональных по составу групп российской буржуазии, лишенная многих, присущих другим группам признаков замкнутости и корпоративности. Среди откупщиков были лица разного звания, состояния и происхождения, разной национальности и вероисповедания. Это еще раз доказывает, что власть денег не знает социальных барьеров и национальных различий. Перспективы получения крупной прибыли, «горячих денег» быстро устраняли все перегородки, предрассудки и предубеждения внутри этого клана предпринимателей, многие из которых были выходцами из самых низших слоев общества, а иные имели и достаточно темное прошлое. Как вспоминал известный публицист и общественный деятель К.А.Скальковский, рекрутировались откупщики «из разнообразных слоев общества. Один из крупнейших носил на лице рубец от удара косушкой, нанесенного в кабаке, когда миллионер был еще бедняком. Про другого говорили, что он начал еще скромнее, переноса по грязи на своей спине офицеров в каком-то захолустном городишке западного края»²⁸.

Некоторые данные о составе откупщиков содержатся в уже использованном нами списке «лиц, участвовавших в питейных откупах на четырехлетие с 1859 по 1863 гг». Из 145 откупщиков 63%, согласно подсчету австралийского исследователя Дэвида Крисчна, составляли купцы²⁹. В числе их были и представители потомственного купечества (Д.Корнеев, В.Рукавишников, М.Якунчиков, И.Акатьев, Громов, С.Сазиков, Мамонтовы и др.). Были в их числе и старообрядцы, такие как В.А.Кокорев, и выходцы из лиц простого звания, как крупнейшие откупщики А.Воронин, В. Каншин, Евдокимов.

Около 20% в приведенном списке откупщиков составляли «правительственные чиновники, еще 10% — отставные армейские офицеры и 4% — дворяне»³⁰. Действительно, лица «благородного» происхождения, столбовые дворяне и офицеры, активно участвовали в откупах. Афанасий Васильевич Столыпин — губернский предводитель в Саратове составил себе немалое состояние на откупном деле. Видными откупщиками были известный либеральный дворянский деятель А.И.Кошелев, выходцы из старинного дворянского рода братья Шиповы, один из которых (С.А.Шипов) был Казанским губернатором. Богатейшими откупщиками были действительный статский советник Н.Г.Рюмин, отставной поручик И.Протасьев, поручик Мясников, полковник И.В.Лихачев, гене-

рал-майор Корейша, князь Вяземский, князь Мещерский, дворянин С.Д.Башмаков. Кроме того, в среде дворянского сословия было широко распространено участие в откупном деле через подставных лиц, или на паях. Как отмечал один из современников, «члены Государственного совета, сенаторы и другие сановники тайно участвовали в откупах, имея пай».

Большую роль в винных откупах играли представители национальных меньшинств, разного рода инородцы и иноверцы. Значительное число среди откупщиков составляли лица греческого происхождения, переселившиеся в Россию после русско-турецких войн. Виднейший из них — отставной поручик Д.Е.Бенардаки. Известными откупщиками были семьи Варвацы и Алфераки, П.Скараманга, К.Комнино, Аггей Абаза, купцы С.Карали и Морголи, а также Маразли, Алафузов, И.Е.Кондоянаки и др.

Можно отметить также крупных откупщиков: Санкт-Петербургского 1 гильдии купца Капгера и купцов Кранцфольда и Крона, баронов Корфа, Фитингофа и Нолькена — немецкого происхождения.

Немало среди откупщиков было выходцев из «черты постоянной еврейской оседлости». Крупнейшие из них: почетные граждане Евзель Гинцбург, Городецкий и И.Бродский, купцы Ицхак Утин, Райхи, А.И.Горвиц, Лохвицкий, А.М.Варшавский, А.Френкель, а также откупщики Португалов, Зискинд, Герцель, Л.Кроненберг, М. и Л.Фридлянды, Малкиели, Ханан Венгеров, Рабинович и др. В целом, можно говорить, что они составляли до 10% и выше общей численности откупщиков в годы перед отменой винных откупов.

Современники отмечали в среде откупщиков целый ряд лиц особенно выделявшихся своим богатством. К ним можно отнести Д.Е.Бенардаки, В.А.Кокорева, Алфераки, А.Воронина, Н.Г.Рюмина, Голенищева, В.Каншина, И.Ф.Утина, Е.Гинцбурга, Фитингофа, М.Якунчикова, Кононова, Власова, Соловьева, Базилевского, Мамонтовых. Все это были люди разной судьбы, но представлявшие собой яркие, крупные личности. Писатель Н.С.Лесков, сам некоторое время служивший в откупах, писал, что откупная среда изобилвала талантливыми и энергичными деятелями.

Некоторым из них сжатые, но емкие характеристики дают мемуаристы — современники и позднейшие публицисты и исследователи. Первым по богатству среди откупщиков считался греческий поселенец в России отставной поручик Д.Е.Бенардаки. Он «нажил огромное состояние своим умом и ловкостью». Кроме откупов он занимался овцеводством, горными заводами и золотопромышленностью. Своим богатством славился в Таганроге и другой откупщик из греческих выходцев Алфераки, отцу которого Екатерина II пожаловала на юге огромные земли. Огромное состояние нажил на откупах А.Воронин, начавший, по слухам, свою карьеру кучером. Он был крупнейшим домовладельцем, имевшим «чуть ли не 60 домов в столице». Едва ли не крупнейшим откупщиком в то время, после Д.Е.Бенардаки и В.А.Кокорева, был

В.Каншин. Карьера крупного откупщика, а позднее банкира И.Ф.Утина началась более чем скромно в одном из захолустных местечек северо-западных губерний «черты оседлости». Будущий барон Е.Гинцбург также был выходцем из небогатых евреев Западного края и впоследствии, разбогатеv, «купил свое баронство» у герцога Гессен-Дармштадтского. Он держал откуп в Севастополе, во время его осады в Крымскую кампанию, где, по отзывам, «прекрасно заработал». Его поверенный, как рассказывают мемуаристы, «оставил южную сторону с кассою одним из последних, чуть ли не одновременно с командующим гарнизоном». Владельцем великолепного дома в Петербурге, построенного архитектором Бонгардтом, будущим строителем здания Рейхстага в Берлине, был другой крупный откупщик барон Фитингоф³¹.

Важной особенностью откупного предпринимательства было то, что оно чрезвычайно способствовало возникновению и укреплению тесных связей откупщиков с верхами дворянского общества, с сановной правительственной бюрократией. И это понятно. Многие царские сановники, губернаторы, находясь на государственной службе, искали побочные источники обогащения, были «негласными откупщиками» — явление, как свидетельствуют мемуаристы, «распространенное в то время в высшей администрации». Департамент податей и сборов, ведавший откупамн в Министерстве финансов, шутники прозвали «департаментом подлостей и споров». А сам министр финансов Николая I граф Е.Ф.Канкрин любил приговаривать по поводу винных откупов: «Я знаю, что дело это нечистое, да денежки чистые». Даже в губерниях «черты еврейской оседлости», где свирепствовали повсеместные ограничения в правах и на передвижение для основной массы еврейского населения, мемуарист такими словами описывал привилегированное положение содержателей откупов: «Что же говорить о самих откупщиках, разъезжавших в каретах и водивших знакомство с губернаторами и генералами? Эти новоиспеченные аристократы и их слуги во многом напоминали иудейских вельмож времен Нехемии»³².

Высокопоставленные деятели царской администрации и представители придворных и аристократических кругов остро нуждались в людях, способных оказать соответствующие услуги. Большие деньги, оборачивающиеся в сфере откупов, открывали двери самых высоких кабинетов и гостиных. Так, дочь Д.Е.Бенардаки вышла замуж за французского посла в Петербурге, а его сын «славился своим остроумием в высшем обществе». Н.Д.Бенардаки сделал в 1865—1875 гг. блестящую придворную карьеру, пройдя путь от камер-юнкера до церемониймейстера и только скандальная женитьба прервала ее. В 1881 г. он был лишен придворного звания³³. Другой откупщик И.Ф.Утин «был весьма популярен в Петербурге, сыновьям своим дал прекрасное воспитание, дочь выдал за профессора М.М.Стасюлевича». Он вложил крупные средства в строительство дворца для великого князя Константина Николаевича. Выдающуюся роль в Петербурге играл В.А.Кокорев. Он выступал

ближайшим советником министра финансов Ф.П.Вронченко, «питавшего к нему неограниченное доверие», и других царских сановников. По этому поводу светлейший князь А.С.Меньшиков, славившийся своим желчным остроумием и сарказмом, даже острил будто, Вронченко «коммерции-советника Кокорева сделал тайным советником»³⁴.

Еще более тесные связи имели винные откупщики с представителями власти на местах, с местной администрацией. Это были самые прочные узы — денежные. Существовала целая система взяток, подкупов, дарений, носившая практически легализованный характер. Масштаб этих, неподвластных центральной власти, «неуставных» отношений не поддается никакому учету. Чиновничество, даже самое высшее в губернии — управляющий казенной палатой, советники губернских правлений — было во власти откупщиков и получало от них жалованье; даже губернатор «получал на канцелярию свое пособие». По свидетельству И.Г.Прыжова, содержатель откупа, взяв его «прежде всего старался задобрить чиновников и одних угощал пирами, другим в виде жалованья в известное время высылал деньги и водку»³⁵. По сведениям другого исследователя, взятым из данных учета по одному из откупов «в небогатом городе с уездом «в Новгородской губернии, по этому откупу в 1856 г. было роздано чиновникам натурой 836 ведер алкоголя»³⁶. Известный либеральный деятель А.И.Кошелев, сам бывший 10 лет откупщиком, в записке, поданной министру финансов в январе 1853 г. писал: «получать жалованье из откупа считается теперь не взяткою, но жалованьем безгрешным, прибавочным к казенному жалованью: маленький уездный откуп тратит на экстраенные расходы около 5 тыс. руб. и сверх того расходует безденежно около 600 ведер вина, а по губернским городам расходы несравненно значительнее»³⁷.

Откупщики платили содержание не только государственным чиновникам, но и полицейским и судебным чинам. В изданных министерством финансов сведениях по питейному делу за 1858 г. приводится весьма откровенный перечень «экстраординарных расходов откупщика»³⁸. Причем, авторы указывают, что сведения собраны частным порядком и что другие данные показывают еще более высокие цифры расходов.

	По губернским откупам, руб.	По уездным откупам, руб.
Губернатору на улучшение города, или детских приютов	3000	—
На канцелярию его	1200	—
Полицмейстеру	1200	—
Городничему	—	420
Секретарю полиции	300	200
Частным приставам (трем)	720	240
Квартальным надзирателям (шести)	360	120

	По губернским откупам, руб.	По уездным откупам, руб.
Исправнику	600	420
Окружному	500	420
Становым (трем)	720	540
Непременному заседателю	300	240
Секретарю земского суда	300	240
Председателю Казенной палаты	2000	500
Советнику питейного отделения	600	500
Столоначальнику и на Стол	500	500
Винному приставу	600	420
Итого	12900	4760

Само правительство вынуждено было признать устами министра финансов А.М.Княжевича (заявившего об этом в представлении Государственному совету в 1862 г.), что откупная система «держит на откупу местную администрацию, сделав через то бессильными все меры к водворению в ней честности и правоты»³⁹.

Разросшаяся система подкупов делала влияние откупщиков беспрецедентным, и они со знанием дела его использовали. «Чрезмерная, по выражению того же Княжевича, монополия откупщиков» содействовала формированию у них целого ряда специфических черт. Первая из них — способность проводить масштабные хозяйственные, торговые и финансовые операции, умение во время мобилизовать крупные денежные средства, сформировать деятельный персонал для обслуживания откупа. При этом откупщики проявляли удивительную энергию и организационный размах, открытость, контактность, умение приобретать доверие и нужные связи и использовать их к своей выгоде. Так, В.А.Кокорев свидетельствует, что когда в 1850 г. он вместе с Бенардаки «уговорился взять откупа Санкт-Петербургский и Московский со всеми уездными городами... сумма заключенного с казною контракта простиралась до 65 млн руб. ...На обеспечение платежа этой суммы и на приведение дела в ход нужно было наличных капиталов и залогов несколько миллионов. Одних служащих было потребно более 5 тысяч лиц». Такое огромное предприятие, добавляет он, «можно было сделать только с пособием кредита, и при том такого, который выражал бы широкое и безусловное доверие». И Кокорев блестяще справился с этими трудностями. «Лишь только огласилось, — пишет он, — намерение осуществить столь громадное дело, я был завален залогами и капиталами от разных лиц, желавших поместить их в мои дела». Нужны были еще огромные капиталы «на заблаговременный прием откупов, но и тут дело обошлось легко». В течение месяца он подписал векселей и расписок на 4,5 млн руб.⁴⁰

Оборотной стороной этого влияния откупщиков стала их привычка к крупным злоупотреблениям, обману, вседозволенности,

паразитированию на казенном финансировании, использованию методов обогащения, носивших зачастую полуфеодалный характер. Все эти качества особенно бросаются в глаза на фоне приниженности, сословных ограничений и замкнутости других групп российских предпринимателей дореформенного времени. Откупщику, к примеру, было даровано право носить шпагу, как и дворянам, он мог содержать военно-полицейскую команду («корчемную стражу»).

На негативные стороны откупной системы обращали внимание многие современники и исследователи. По словам одного из откупщиков, «питейный откуп без злоупотреблений был невозможен: в откупе все с начала до конца основано на обмане». И позднее специалисты — исследователи особо подчеркивали, что влияние откупной системы отражалось «до известной степени на всем складе русской общественной жизни, главным образом, вследствие практиковавшихся откупщиками и их уполномоченными самых разнообразных злоупотреблений как по торговле крепкими напитками, так и вообще против имущества отдельных лиц и их личности»⁴¹.

Средства получения прибыли применялись самые разнообразные. Прежде всего становилось правилом незаконное повышение цен. Так, в конце 1850-х гг. вместо трех руб. за ведро, как следовало по закону, откупщики продавали по 8 руб. и даже по 10 руб. за ведро, то есть по 40 коп. и 50 коп. за бутылку вместо 15 коп. как указывалось в газетных объявлениях. С теми же кто требовал законной цены, полиция расправлялась жестоко, как со «смутьянами». Во-вторых, откупщики продавали разбавленную водкой воду с примесями. Использовались для этого чаще всего настойки из «дурмана», иногда табака; применяли также «для крепости» медную окись и другие «ядовитые и одуряющие» вещества. Так, в отчете Министерства внутренних дел за 1860 г. приведены свидетельства, что в 1859 г. в разных местностях происходили беспорядки, вследствие злоупотреблений откупщиков, поставлявших «вместо вина грязную, разведенную примесями жидкость, которую они продавали под именем полугара по цене от 12 до 20 руб. серебром за ведро». «До какой-же цены может дойти водка?» — спрашивали у откупщика. — «Да, до цены шампанского», — отвечал он, потирая руки⁴². Широко использовалось откупщиками также данное им еще при Александре I право заводить «негласные кабаки». Позднее откупщики пользовались этим средством обогащения как бы по традиции.

Один из самых противоправных, направленных против личности методов, приносивших немалый доход откупщику и его многочисленным служащим, был связан с правом розыска так называемого «тайного вина». По откупному договору с правительством никто не мог ввозить водку во владение каждого откупщика из соседних местностей. Поэтому откупщик имел право на всех дорогах и заставах ставить свою стражу и обыскивать проезжающих. В помощь этой страже правительство давало также солдат, подчиняв-

шихся откупщику. Стража эта получила название «корчемной». С использованием «корчемной стражи» были связаны особенно многочисленные злоупотребления. Так, в ряде «малороссийских» губерний откупщик имел право не только обыскивать проезжающих, но и конвоировать их от одной заставы до другой, а если они останавливались на обед или ночлег, то учреждать за ними надзор. Если дворян, чиновников, духовных лиц «корчемная стража» обыкновенно не трогала, то с крестьянами она не церемонилась. Один из мемуаристов вспоминает: «Везут они в город, на рынок, рожь, рыбу, пеньку. Около заставы — стой. Если дашь откупщику выкуп — тебя пропустят без задержки. Не дашь — жди, пока обыщут. Еще хуже было обозам, когда везли товар. Приходилось на каждой заставе откупаться. Были разбои и издевательства. Стража нижегородского откупщика хватала на заставе проезжающих мужиков и обирала, или надругалась». Применялась и такая хитрость: стражники подкладывали бутылку водки в мешок с овсом и бросали на дороге, перед заставой. Проезжающий крестьянин подбирал, не подозревая, мешок. Около заставы его обыскивали, находили улику. И мужику приходилось либо сесть в тюрьму, либо отдать страже откупщика все, что у него есть⁴³.

Наличие стольких, феодальных по своему характеру, привилегий, привело к такому положению, что откупщики, по признанию самой администрации, стали представлять «силу, против которой личность отдельных людей была мало обеспечена и бороться с которой, подчас, было невмочь не только для частных лиц, но даже и для органов высшей правительственной власти»⁴⁴. В последние десятилетия откупного периода злоупотребления откупщиков стали явлением повсеместным и совершались в самых широких размерах даже в столицах. В самом Петербурге, где главными содержателями откупа были крупнейшие откупщики Бенардаки, Кокорев, Воронин и др., дело дошло до того, что 1 ноября 1851 г. последовало высочайшее повеление о производстве следствия о злоупотреблениях по петербургскому откупу. Однако главные откупщики сразу же бросились к министру финансов с просьбой о защите, в результате чего уже через 10 дней повеление было отменено, а губернаторам был послан секретный циркуляр, в котором содержался вполне прозрачный намек смотреть на прегрешения откупщиков сквозь пальцы⁴⁵. Так происходило в столице. В провинции же злоупотребления откупщиков чаще всего вообще не могли быть расследуемы, несмотря даже на желание властей. Так, когда самарский губернатор К.К.Грот попытался ограничить розничную продажу водки, бывшую одним из наиболее выгодных источников поступлений в казну, министр финансов заявил, что такие губернаторы должны уйти со своих постов⁴⁶.

Еще более показательной была поддержка министром финансов борьбы откупщиков с возникавшими повсеместно в последние годы существования откупа «обществами трезвости» среди крестьян, вследствие чего многие откупа оказывались несостоятельными. К концу правления Николая I, вследствие роста злоупотреб-

лений по продаже вина со стороны откупщиков и под влиянием духовенства, в народе обнаруживается стремление основывать «общества трезвости». Число их стало резко возрастать с воцарением Александра II, в преддверии готовящейся отмены крепостного права. Не только крестьяне в селах, но и горожане составляли «приговоры», чтобы водку больше не пить⁴⁷. Откупщики забили тревогу. И здесь явственнее всего обнаружилась связь между ними и высшей администрацией. Еще в апреле 1859 г. правительство признавало, что «требуемые откупщиками меры к закрытию обществ трезвости неуместны». В июле того же года Святейший Синод отметил в своем указе, что он «благословляет священнослужителей ревностно содействовать возникновению в некоторых городских и сельских сословиях благой решимости воздерживаться от употребления вина». Однако сразу же вслед за тем откупщики обратились к правительству, настаивая «отменить указ Синода». И Синоду через министра финансов было сделано внушение: «совершенное запрещение горячего вина не должно быть допусаемо, как противное не только общему понятию о пользе умеренного потребления вина, но и тем постановлениям, на основании которых правительство отдало питейные сборы в откупное содержание». Указ Синода был отменен. Вместо него последовал иной указ: «прежние приговоры городских и сельских обществ о воздержании от вина уничтожить, и впредь городских собраний и сельских сходов для сей цели нигде не допускать»⁴⁸. Общества трезвости были запрещены и подверглись преследованию.

В 1863 г. система винных откупов была отменена. Но к этому времени бывшие откупщики уже были готовы к переключению своей энергии на новые направления предпринимательской деятельности. Период первоначального накопления для них закончился и все свои силы и капиталы многие из них направляют на грюндерство, на поиск новых источников обогащения. Важную сторону экономических условий деятельности предпринимателей — откупщиков этого времени отмечает И.Ф.Гиндин. «Винная откупная система, — указывает он, — являвшаяся в России крупным источником первоначального накопления, вместе с тем, сделалась начальной формой казначейского финансирования крупных дельцов. Значительной правительственной поддержкой пользовались дельцы-учредители разных промышленных предприятий, вышедшие из числа разбогатевших откупщиков, использовавших в конце 50-х годов накопленные капиталы для приобретения больших недвижимых имуществ и для организации и учредительства новых предприятий»⁴⁹.

Для осуществления своих новых предпринимательских проектов группа откупщиков, взращенная как на дрожжах, на государственной винной монополии, обладала целым рядом преимуществ: крупным «стартовым» капиталом, давними и широкими связями с правительственной администрацией на всех уровнях (от местной до высших ее кругов, вплоть до дворцового окружения), громадным организационным опытом (в т.ч. по мобилизации капитала,

управлению крупными торговыми оборотами) и навыками по части использования самых разнообразных приемов и методов получения прибыли, включая и самые грубейшие из них (подкуп, обман, хищения), доказавшими свою высокую эффективность в отечественных условиях.

Нужно признать, что характерными чертами предпринимательской группы откупщиков, которые наложили определенную печать на облик значительной части крупной российской буржуазии и на ее дальнейшее развитие, были ее паразитирование на казенном финансировании и тяготение к устройству своих дел через подкуп и дачу взяток представителям государственной администрации сверху до низу. Это самым развращающим образом действовало как на первых, так и на вторых. Нельзя не согласиться со справедливыми выводами историка В.В.Похлебкина, отмечающего значительные «неписанные» привилегии «растущего класса русского купечества» еще в дореформенный период и обращавшего внимание на значение откупов в истории этого класса. Русское купечество «фактически "втихую" захватив в свои руки государственную монополию на водку в виде откупов, — пишет он, — превратило откупную систему в источник своего непрерывного и бесхлопотного обогащения». Особо подчеркивает автор роль откупов в складывании самого облика и характерных черт российского предпринимательства: «благодаря водке русское купечество уже в истоках своего существования стало привыкать не к деятельному соревнованию и жесткой, заставляющей думать и считать каждую копейку конкуренции, а к паразитированию и наживе на основе злоупотреблений, воровства из казны, фальсификации и ухудшения качества продукта, поскольку именно водочные откупа предоставляли все эти "редкие" возможности»⁵⁰.

Последние предреформенные годы и особенно первые пореформенные десятилетия были временем необычайно энергичной и разносторонней предпринимательской деятельности бывших откупщиков. В руках крупных дельцов-учредителей «общероссийского масштаба», таких как В.А.Кокорев, Д.Е.Бенардаки, Е.Гинцбург, И.Ф.Утин и др. сосредоточивались множество разнообразных предприятий, относившихся к разным отраслям. Представители откупного капитала в условиях новых экономических отношений в стране, оказались чрезвычайно мобильными, более подготовленными и особенно чуткими в отношении новых, более современных форм и возможностей предпринимательства, в первую очередь спекулятивного характера, обещавших скорые и крупные прибыли, то есть прежде всего тех, что были связаны с быстрой оборачиваемостью капитала и ликвидностью ценных бумаг: с железнодорожными концессиями, банковским учредительством, игрой на бирже.

Первые пореформенные десятилетия открывали для этого широкое поле деятельности. Так, период 2-й половины 1860-х гг. характеризовался, вследствие целого ряда благоприятных условий, широким развитием в России денежного рынка, возвышением вексельного курса, появлением значительных свободных капита-

лов. Хорошо знавший внутреннюю экономическую конъюнктуру тех лет видный предприниматель и экономист А.П.Шипов отмечал, однако, в 1870 г., что эти капиталы «не обратились на разработку внутренних громадных залежей минералов,.. ни на содержание полезных для нас фабрик и заводов, не пользующихся у нас покровительством; они даже не обращались... на учреждение столь необходимых при постройке железных дорог механических, локомотивных и вагонных заведений, ни на рельсовые заводы, вследствие пагубной иностранной конкуренции; но они обратились на спекулятивные подряды при постройке железных дорог, пользуясь особым рода покровительством; они обратились на биржевую игру, поощряемую нашими главными банками, и на открытие дисконтных банков — обыкновенное прибежище свободных капиталов, когда в стране является большая нужда в развитии краткосрочного кредита при трудности промышленных предприятий»⁵¹.

Можно говорить о том, что именно бывшие откупщики, ставшие теперь крупной финансовой силой: концессионерами, банкирами, биржевиками, связанные к тому же многими узами с иностранными финансистами, в значительной степени влияли в новых условиях на само направление развития капитализма в России в эти годы. Еще в 1862 г., последнем году существования откупа, 49 крупнейших откупщиков и промышленников во главе с В.А.Кокоревым (Д.Е.Бенардаки, В.С.Каншин, И.Ф.Утин, М.Н.Горбов, Мамонтовы, В.И.Рукавишников, Капгер и др.) выдвинули идею преобразования откупов и соединения их с постройкой железных дорог. С этой целью они проектировали создание «Агентства для взимания питейных сборов и Товарищества для сооружения железных дорог». Проект производил на современников впечатление грандиозной аферы. «Для сохранения платежного сбора в целости, — говорилось в проекте, — предлагается агентство на продажу вина сроком на 11 лет. Агентство отвечает за поступление питейного дохода (свыше 100 млн руб.) только при помощи развития в народе капиталов, а поэтому принимает на себя обязанность построить 2800 верст железных дорог». Это была попытка откупщиков продлить выгодную систему питейного откупа на более длительный срок, обеспечив себе к тому же громадные дополнительные прибыли за счет права эксплуатации построенных железных дорог. Его инициаторы надеялись, что они истратят на постройку дорог 224 млн руб., а получают в течение 50 лет их эксплуатации свыше миллиарда руб. серебром. Несмотря на поддержку многих влиятельных сановников, проект вызвал отпор в либеральной среде. Министр финансов М.Х.Рейтерн назвал проект «покушением на казенный карман»⁵². Возмущение в обществе было так велико, что имена создателей проекта, по повелению Александра II, были опубликованы в печати и 25 мая по его указанию проект был отвергнут⁵³.

С именем Кокорева связана и еще одна крупная идея, отклоненная в верхах в 1868 г. — идея аренды у казны Николаевской железной дороги группой крупных капиталистов. В созданное ими

Московское товарищество входили более 90 предпринимателей, в т.ч. бывшие откупщики И.Ф.Мамонтов, Н.Г.Рюмин, Д.П.Шипов, А.И.Кошелев и др. Отдельные неудачи не влияли на лихорадочный рост их деловой активности в наступавших новых временах. Среди учредителей Ярославской железной дороги — одной из первых, выстроенных частной компанией, наряду с крупным чиновником Министерства путей сообщения бароном А.И.Дельвигом, состояли братья А.П. и Д.П.Шиповы, Н.Г.Рюмин и И.Ф.Мамонтов. Все они, кроме барона А.И.Дельвига, были в прошлом откупщиками. Братья Шиповы приняли активное участие и в строительстве одной из самых известных частных линий — Московско-Сергиевской. Крупные барыши выручил на постройке железных дорог и другой видный представитель откупного капитала, выходец из дворян С.Д.Башмаков. Крупнейший откупщик Д.Е.Бенардаки стал, наряду с другими откупщиками, пайщиком Московско-Курской магистрали, купленной у правительства. Его сын Николай в 1860-е гг. активно занимался учредительством. Вместе с братом Константином он был солидным акционером Петербургского Международного коммерческого банка, где занимал влиятельное положение. Что касается К.Д.Бенардаки, то он в 1906 и 1907 гг. входил в ревизионную комиссию по проверке отчетов банка, а его пакет акций увеличился с 275 акций в 1900 г. до 426 акций банка в 1912 г.⁵⁴ Бывший откупщик И.Ф.Утин возглавлял правление Балтийской и Либаво-Роменской железных дорог, а также являлся крупнейшим пащиком этих и других дорог. Получившие громкую известность и имя «железнодорожных королей» братья Поляковы также начинали свою деятельность со службы в откупках. Немалую известность в качестве железнодорожных концессионеров приобрели и бывшие откупщики Л.Л.Кроненберг и А.М.Варшавский.

Активно действовал на новой урожайной ниве железнодорожных концессий и банковского учредительства и сам признанный лидер откупщиков, «откупщицкий король», по выражению Саввы Мамонтова, В.А.Кокорев. Он одним из первых понял значение новых форм и направлений предпринимательства для расширения возможностей экономической деятельности. Среди его начинаний организация Общества Московско-Курской железной дороги в 1871 г., Общества Уральской железной дороги, созданного им вместе с давним своим партнером П.И.Губониным, тоже бывшим откупщиком, для постройки Уральской горнозаводской линии, с Луньевской веткой, строительство железнодорожной линии, связавшей Волгу с Доном.

Кокорев выступил одним из зачинателей нового банковского дела в России. Первой вехой на этом пути стало устройство в конце 1860-х гг. Московского Купеческого банка, инициатором и одним из основных организаторов которого он был, и в создание которого вложил много энергии. Еще больших усилий потребовало от него учреждение в начале 1870 г. Волжско-Камского коммерческого банка, к созданию которого были привлечены капита-

лы многих известных русских капиталистов. Большую роль сыграла опять-таки помощь бывшего откупщика, а теперь известного железнодорожного магната и заводчика П.И.Губонина. Являясь крупнейшим акционерным банком страны, Волжско-Камский банк стал единственным в то время Петербургским банком с большой сетью филиалов в провинции. Кокорев был инициатором и многих других крупных коммерческих предприятий, из которых наиболее важны нефтяные заводы близ Баку — новая отрасль для экономики России. Можно говорить о том, что он в это время стоял во главе акционерного учредительства в России.

Не отставали от Кокорева и другие бывшие откупщики. На волне широкого грюндерства учреждает в 1870 г. Промышленный банк в Москве, правда просуществовавший недолго, давний компаньон его по откупу П.И.Губонин. Соучредителем банка выступал князь С.М.Голицын. Банк представлял интересы предпринимателей — грюндеров и дворянской аристократии. Одним из учредителей Московского учетного банка и членом его совета стал еще один бывший откупщик С.И.Сазиков. Крупнейшими банковскими дельцами стали видные в прошлом откупщики И.Ф.Утин, Е.Г.Гинцбург, Л.Л.Кроненберг и др. Вот как описывает это превращение бывших откупщиков в дельцов новой формации один из мемуаристов: «Одним из первых переселился в Петербург Евзель Гинцбург и основал там банкирский дом в ту пору, когда частные банки едва нарождались. Банкирский дом сразу принял европейский вид, совершенно непохожий на откупной строй. В то же время в Петербург переселились южные откупщики (Горовиц, Варшавский) и северные подрядчики (Фридлянды, Малькиели)... В выходцах из черты оседлости происходила полная метаморфоза: откупщик превращался в банкира, подрядчик — в предпринимателя высокого полета, а их служащие в столичных денди... Биржа, в которой только что начала развиваться спекуляция ценными бумагами, приводила к расточительности»⁵⁵. Нужно сказать, что обосновавшийся в Петербурге банкирский дом Гинцбургов сыграл большую роль в учреждении многих акционерных банков и страховых обществ в стране. Министр финансов М.Х.Рейтерн отмечал, что «Гинцбург содействовал образованию в Петербурге и других городах России десяти акционерных банков и двух страховых обществ». Так, банкирский дом «И.Е.Гинцбург» участвовал в 1869 г. вместе с Л.Кроненбергом и др. в учреждении Петербургского учетного и ссудного банка, был в числе учредителей Киевского частного коммерческого и Одесского учетного банков, Харьковского Земельного банка⁵⁶. Позднее Гинцбурги вплотную занялись золотопромышленным делом, а Л.Кроненберг — страховым делом.

В дальнейшем, представители откупного капитала все более расширяли поле своей предпринимательской деятельности, осваивая все новые ее формы и направления. Обращает на себя внимание тот факт, что бывшие откупщики деятельно участвовали в самых масштабных проектах экономической перестройки страны, направляя свою энергию в наиболее перспективные сферы дел-

вой активности тех лет — в железнодорожное строительство, создание банковской системы, а вслед за тем, в учредительство крупных компаний в новых, перспективных отраслях промышленности (нефтяной, угольной, машиностроительной, золотодобывающей и др.). Все это позволяет говорить о том, что, несмотря на неоднозначную оценку характера и методов их предпринимательской деятельности, они внесли весомый вклад в развитие экономики пореформенной России.

Примечания

- ¹ Ляшенко П.И. История народного хозяйства СССР. М., 1952. Т. 2. С. 16—17.
- ² Segal В.М. Russian Drinking: use and abuse of alkohol in Pre-Revolutionary Russia. N.J., 1987; Christian D. Living water: vodka and Russian society on the Eve Emansipation. Oxford, 1990. Крисчн Д. Забытая реформа: отмена винных откупов в России // Великие реформы в России. 1856—1874. М., 1992.
- ³ Скальковский К.А. Воспоминания молодости (по морю житейскому). 1843—1869. СПб., 1906. С. 106.
- ⁴ Министерство финансов. 1802—1902. СПб., 1902. Т. 1. С. 626.
- ⁵ Сведения о питейных сборах в России. СПб., 1860. Ч. 3. С. 179.
- ⁶ Киттары М.Я. Публичный курс винокурения. СПб., 1862. Вып. 1. Лекция 1. С. 3.
- ⁷ Сведения о питейных сборах в России. СПб., 1860. Ч. 3. С. 9—11.
- ⁸ Фридман М.И. Винная монополия в России. Пг., 1916. Т. 2. С. 26; Segal В.М. Указ. соч. С. 85.
- ⁹ Петрищев А. Из истории кабаков в России. Пг.; М., 1917. С. 22.
- ¹⁰ Киттары М.Я. Указ. соч. С. 5.
- ¹¹ Прыжов И.Г. История кабаков в России в связи с историей русско-го народа. М., 1992. С. 232.
- ¹² Ляшенко П.И. Указ. соч. С. 17.
- ¹³ Петрищев А. Указ. соч. С. 26.
- ¹⁴ Segal В.М. Указ. соч. С. 85.
- ¹⁵ Петрищев А. Указ. соч. С. 26.
- ¹⁶ Сведения о питейных сборах в России. СПб., 1860. Ч. 3. С. 30.
- ¹⁷ Прыжов И.Г. Указ. соч. С. 293; Кадер С. Винная регалия и монополия система. Витебск, 1897. С. 34.
- ¹⁸ Петрищев А. Указ. соч. С. 22.
- ¹⁹ Некоторые из них участвовали одновременно в откупах губерний Велико-российских, привилегированных, Сибирских и потому число самих откупщиков несколько меньше.
- ²⁰ Сведения о питейных сборах в России. СПб., 1860. Ч. 3. С. 61.
- ²¹ Кокорев В.А. Обличительное дело. СПб., 1859. Гл. 3. С. 13.
- ²² Ананьич В.В. Банкирские дома в России. 1860—1914 гг. Очерки частного предпринимательства. Л., 1991. С. 38.
- ²³ Сведения о питейных сборах в России. СПб., 1860. Ч. 3. С. 62—66.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же.

- 26 Там же. С. 15.
- 27 Кокорев В.А. Указ. соч. Гл. 3. С. 15.
- 28 Скальковский К.А. Указ. соч. С. 107.
- 29 Крисчн Д. Указ. соч. С. 131.
- 30 Там же.
- 31 Скальковский К.А. Указ. соч. С. 107—108.
- 32 Из впечатлений минувшего века. Воспоминания среднего человека // Еврейская старина. Пг., 1914. Т. 7. Вып. 2. С. 240—241.
- 33 Лебедев С.К. Аристократическое лицо Санкт-Петербургского Международного коммерческого банка: от Строганова до Бенардаки // Россия в XIX—XX вв. СПб., 1998. С. 79.
- 34 Скальковский К.А. Указ. соч. С. 109—110.
- 35 Прыжов И.Г. Указ. соч. С. 233.
- 36 Киттары М.Я. Указ. соч. С. 5.
- 37 Сведения о питейных сборах в России. СПб., 1860. Ч. 3. С. 249—250.
- 38 Там же. С. 114—115.
- 39 Там же. Ч. 5. С. 57—58.
- 40 Кокорев В.А. Указ. соч. Гл. 3. С. 5—7.
- 41 Терский Н.С. Питейные сборы и акцизная система в России. Исторический очерк и настоящее положение. СПб., 1890. С. 58.
- 42 Кадер С. Винная регалия и монополия система. Витебск, 1897. С. 30.
- 43 Петрищев А. Указ. соч. С. 23.
- 44 Терский Н.С. Указ. соч. С. 53.
- 45 Лебедев В.А. Питейное дело. СПб., 1898. С. 19.
- 46 К.К.Грот как государственный и общественный деятель. Пг., 1915. С. 24.
- 47 Сведения о питейных сборах в России. СПб., 1860. Ч. 1. С. 202.
- 48 Петрищев А. Указ. соч. С. 26.
- 49 Гиндин И.Ф. Русские коммерческие банки: Из истории финансово-го капитала в России. М., 1948. С. 213.
- 50 Похлебкин В.В. Чай и водка в истории России. Красноярск; Новосибирск, 1995. С. 212.
- 51 Шипов А.П. Наше земство и наша винно-акцизная система. СПб., 1870. С. 5.
- 52 Лебедев В.А. Указ. соч. С. 27.
- 53 Прыжов И.Г. Указ. соч. С. 242.
- 54 Лебедев С.К. Указ. соч. С. 79.
- 55 Из впечатлений минувшего века. Указ. соч. С. 430—431.
- 56 Ананьич В.В. Указ. соч. С. 40.

Калужское купечество в первой половине XIX в.: источники формирования и структура торговых операций

В современной историографии появляется все больше работ, посвященных изучению отдельных регионов России, социально-экономическому развитию губерний и деятельности губернского купечества. Среди них монографии И.Г.Кусковой, В.П.Бойко, Н.П.Баяндиной, А.В.Старцева, Ю.М.Гончарова, И.Ю.Парамоновой¹ и др.

В отечественной исторической науке сложилась традиция изучения социально-экономических процессов на макроуровне. Как правило, эти работы имеют богатую источниковую базу, служат фундаментом для региональных исследований. Концептуальные исторические монографии, рассматривающие экономическое развитие России, дают нам знания об особенностях, тенденциях и процессах, имевших место в экономической жизни страны в целом². Только сочетание результатов работ макроуровня и исследований, имеющих объект изучения, ограниченный территориальными рамками, может создать полноценную картину рассматриваемого исторического процесса или явления. Анализ деятельности регионального купечества дополняет и уточняет разработанные ранее концепции социально-экономического развития страны.

Данное исследование ставит перед собой следующие цели. Во-первых, определить источники рекрутирования торгового сословия в губернских и уездных городах Центральной России. Во-вторых, выделить основные виды торговой деятельности губернского купечества. В-третьих, провести сравнение социально-экономического развития губерний центральной России в период конца XVIII — первой половины XIX в.

Источниками для исследования послужили: неопубликованные материалы Государственного архива Калужской области, данные, собранные Статистическим комитетом Калужской губернии и опубликованные в Памятных книгах (ПККГ), статистические издания, содержащие сведения по Российской империи³. Среди источников общего характера можно выделить топографические, военно-топографические описания разных видов, которые составлялись на протяжении XVIII — первой половины XIX в.

* Хомутова Ольга Юрьевна — кандидат исторических наук (Северо-Западная академия госслужбы при президенте РФ, г. Калуга).

В середине XIX в. создается наиболее крупная серия военно-топографических описаний. 18-томное издание «Военно-статистического описания губерний и областей Российской империи», подготовленное офицерами Генерального штаба, является наиболее фундаментальным как по охвату сюжетов, так и по глубине и подробности их изложения. Техника подготовки первичного материала была традиционной, т.е. основные статистические данные шли из канцелярии гражданского губернатора.

В начале XIX в. появляются первые статистические описания локального характера, которые освещают состояние отдельного региона или губернии. Создание такого рода работ чаще всего было связано с личной инициативой местного краеведа-энтузиаста. В качестве примера можно привести «Опыт статистического обозрения Калужской губернии», составленный С. Чаплиным⁴.

К числу важнейших типов статистических источников относятся губернаторские отчеты. Они состоят из двух частей — собственно отчета и приложений к нему. Последние содержат статистические таблицы по всем разделам основного документа, включающие огромный цифровой материал, который характеризует развитие главных отраслей губернии. Довольно примитивная обработка собранных данных производилась в канцелярии губернатора, а для усовершенствования этого процесса с 1835 г. были созданы губернские статистические комитеты.

Основной источниковой базой для исследования послужили неопубликованные архивные материалы, собранные в Государственном архиве Калужской области (ГАКО), в частности, фонда Калужской городской думы. Это прежде всего документы, характеризующие состав купечества по гильдиям, гражданское состояние, размер капиталов, род деятельности, а также широту географии проводимых торговых операций. К источникам общего характера относятся обывательские книги, которые фиксировали всех жителей города по сословиям; приходно-расходные книги, дающие представление о величине доли, вносимой купечеством в виде различных пошлин в городской бюджет; капитальные ведомости о числе купцов и мещан по городу и их капиталах; а также статистические сведения, составленные по предписанию городского губернатора Думе, о количестве земли и о числе мещан, перешедших в купечество; статистические сведения об общественных зданиях, торговых заведениях и о хозяйстве города.

Источниковедческая ценность указанной группы документов заключается в том, что они позволяют проследить эволюцию различных слоев купечества, социальных перемещений в городской среде. Изменения в показаниях сумм объявленных капиталов свидетельствуют о том, в каком состоянии находились дела того или иного купца, как торговля и промышленность реагировали на экономическую ситуацию в стране и т.д.

Все перечисленные источники формируются по годам и характеризуются достаточно высокой степенью сохранности. Следует также отметить общее в структуре обывательских книг и книг для

сбора денег с недвижимого имущества жителей городов. Они фактически одинаковы и в круг своих данных включают имя, отчество, фамилию купца, состав семьи с тем только отличием, что в капитальных книгах фиксируется сумма объявленного капитала, а в обывательских — чем торгуют и что производят. Книги для сбора денег предоставляют нам следующие данные: фамилия, имя, отчество владельца дома, адрес, площадь строения и сумма налога в рублях. Структура построения статистических сведений и приходно-расходных книг определялась запросом гражданского губернатора.

Фонды Калужской казенной палаты содержат документы с 1777 по 1918 г. Казенная палата наследовала многие функции Камер-коллегии и Ревизион-коллегии и распоряжалась множеством финансовых и административно-хозяйственных дел, осуществляла надзор за налоговыми поступлениями. Документы фондов включают в себя журналы заседаний палаты, отчеты о приходе и расходе денежных сумм общегосударственного и земского дохода по губернии, раскладки сбора с гильдейских предприятий, отчеты о деятельности банков и т.п.

Характеристика состава губернского купечества

Вопрос о происхождении губернского купечества неизбежно возникает при рассмотрении любой из сторон деятельности торгового сословия. Анализ изменений его численности и состава, позволит сделать выводы о состоянии торгово-промышленной сферы губернии. Выделение калужского купечества как региональной единицы возможно только с 1776 г., момента образования Калужской губернии. До этого мы имеем дело с историей купечества уездных городов Московской провинции.

В ходе преобразований, проводимых согласно городской реформе Екатерины II, Калуга к концу XVIII в. стала едва ли не самым благоустроенным провинциальным городом Европейской части России. Этому способствовала, в первую очередь, прочная экономическая основа, возможная при успешном ведении торговых операций. В наказе в Уложенную комиссию 1767 г. купцы заявляют, что «калужское купечество торгует не только во все области Ея Императорского Величества Российския порты, но и в другие государства, как-то: в Англию, Голландию, Пруссию, также и в Польшу, и во многие немецкие коммерческие города». Свой город они называют «купечеством многолюднейшим, а паче торгующим хлебным и съестным припасом»⁵.

Именно благодаря активности калужского купечества и, как следствие, росту экономического благосостояния Калуги и ее значимости как торгового центра, город был выделен в статус губернского. В «Полном собрании узаконений о губерниях» (с 1775 по 1817 г.) содержится указ об основании Калужской губернии с 12 уездами: Калужский, Тарусский, Малоярославецкий, Воротынский, Мосальский, Серпейский, Мещовский, Козельский, Перемышльский, Лихвинский, Одоевский, Боровский⁶.

Период конца XVIII — начала XIX в. является временем расцвета калужского купечества и самой Калуги как торгового центра. По сведениям секунд-майора и казначея Алексея Болтеева 1777 г., в городе насчитывалось купеческих и мещанских дворов 2417, в том числе каменных 183. «По последней ревизии в Калуге состояло душ купечества: мужского 6792, женского 6903. А ныне по силе в 17 день марта 1775 г., состоявшегося е.и.в. милостивого Манифеста по объявлении наличными по совести капитала вступили в купечество в гильдии: в 1-ю — 10, во 2-ю — 380, в 3-ю — 821 душа, итого в купечество 1211»⁷.

В 1789 г. в Калуге проживало 1505 человек купеческого сословия с объявленным капиталом 799 283 рубля. К I-й гильдии относилось 48 человек (14 семейств), объявленный капитал составлял не менее 10 тыс. руб. Ко II-й было причислено 165 (48 семей), а к III-й — 1292 (392 семьи). В этот список помимо главы семейства вносились жена, сыновья и внуки, другие родственники не учитывались. Другими словами численность сословия была несколько больше⁸.

По данным ежегодно составляемых «Ведомостей о составе купеческого сословия», подавляющее большинство губернского купечества⁹ рекрутировалось из мещан. На наш взгляд, в реальной жизни они представляли собой единое сословие, искусственно поделенное законодательством на две части. Процесс перехода из мещан в купечество и обратно никогда не прекращался, и, проводя сравнительный анализ названных потоков по годам, можно составить представление об общем положении торгово-промышленных дел в том или ином городе. В среднем с 1790 по 1800 г. в Калуге при численности этой группы (1800 купцов и 5900 мещан), из мещан в купцы ежегодно переходило около 100, и обратно около 90 человек. Максимальная численность всех трех гильдий в исследуемый период приходится на 1792 г. — 2082 человек (по Калуге). Начиная с конца 1810-х гг. и далее, число выбывших из купечества постепенно начинает превышать число вступивших в него. На протяжении второго десятилетия XIX в., ежегодно в торговое сословие в среднем прибывало около 50 человек, а выходило из него более 100 человек.

Таким образом, численность сокращалась и в губернском, и в уездных городах. Переходы касались главным образом купечества III-й гильдии, поэтому ее численность колеблется особенно заметно. Более устойчиво выглядит состав I-й и II-й гильдий: 8 купеческих фамилий в течение почти 60 лет открывали список I-й гильдии. Первыми в нем числились: Билибины, Золотаревы, Торубаевы, Прянишниковы, Кожевниковы, Фалеевы, Решетниковы, Масленниковы, часто они упоминались в списках за один год несколько раз. Это объясняется тем, что представители названных семей вели независимо друг от друга дела и отдельно объявляли капитал. Перечисленные купеческие династии начали свою деятельность в XVII в. и были производителями и поставщиками товара, на котором специализировалась Калужская губерния: пару-

сина, сукно, полотна, писчая бумага, пенька. Их устойчивое положение говорит прежде всего о профессионализме этих людей. Особо стоит сказать о Коробовых, которые принадлежали к верхушке купечества.

Их деятельность прослеживается с XVI в., хотя, вероятно, она началась, намного раньше. К середине XVII в. они значатся в ряду богатых торговых людей. Представителей этой фамилии неоднократно избирали земскими старостами. В конце XVIII в. Коробовы построили палаты, впоследствии названные по имени владельцев. Прочные постройки здания сохранились до наших дней и являются одним из интереснейших памятников архитектуры. В голодные 1723 и 1733 гг. благотворительность Коробовых спасла немало жизней. Последний из рода Коробовых вел уединенный образ жизни и в середине XIX в. умер, будучи найден мертвым уже через несколько дней после смерти¹⁰.

Из анализа документов следует, что достаточно стабильным было положение купечества первых двух статей. Их отличал высокий имущественный и социальный статус. Говоря о происхождении купечества I-й гильдии, надо отметить факт династической преемственности, корни которой уходят в XVII в. По архивным документам, 80%¹¹ от общего числа купцов I гильдии, не покидали ее; стабильность их положения говорит об удачном развитии торгово-промышленных отношений. То же можно сказать и о положении II-й гильдии. Поскольку ее численность в годы наибольшей активности предпринимательского сословия не превышала 160 человек (44 семьи) по Калуге¹², постольку проследить изменения в этой гильдии поименно не представляет большого труда. Купеческое сословие связывало в единую цепь податные слои российского общества, существовала вполне реальная возможность перехода из состояния простолюдина в более высокое сословие. К тому же промежуточное положение между народным большинством и малочисленной верхушкой придавало купечеству особое значение. Разрыв между купечеством высших гильдий и третьей во много раз превышал отличие I-й и II-й гильдий и по имущественному критерию, и по масштабам осуществляемой деятельности, и по образу жизни. Третьегильдейское купечество в юридическом, в социальном и в бытовом отношении мало, чем отличалось от наиболее многочисленной части горожан — мещанства. III-я гильдия — самая подвижная и многочисленная по составу, долгое время играла важную роль в экономике, до тех пор, пока не уменьшилось значение мелкотоварного производства. В Калужской губернии число купцов низшей гильдии в разные годы превышало данные по первым двум гильдиям в 30 и более раз; и на него приходилось более $\frac{4}{5}$ торговых операций¹³, совершаемых внутри губернии.

Около 95% купцов III-й гильдии записывались в нее из мещан; 5% значатся в ведомостях как «вольнозаписавшиеся разного звания люди». Скорее всего так обозначали государственных крестьян, 7—10% от общего числа III-й гильдии ежегодно сменялось. Малозначительное количество (около 0,5%) ее представителей

переводились в другие города, главным образом из уездных и городов соседних губерний в Калугу, или из Калуги в Москву. В конце 1840-х гг. особенно возрос процент купцов III-й гильдии, мигрирующих из уездов в губернский центр или в Москву. Данный факт свидетельствует об ухудшении торгово-промышленной обстановки в губернии в этот период¹⁴.

В калужское купечество и купечество уездных городов (особенно Боровска и Козельска) практически каждый год записывались выходцы из Тульской, Ярославской и Рязанской губерний. Однако торговец не думал переезжать вместе со своим семейством, он только исполнял предписываемые законом формальности. Согласно Уставу торговому, «купцы всех трех гильдий, которые пожелают производить торговлю в другом городе или уезде, обязаны взять особое свидетельство по окладу того города для третьей гильдии установленному»¹⁵.

Таким образом, главным источником рекрутирования купечества г. Калуги являлось мещанское сословие; в гораздо меньшей степени государственные крестьяне. При этом иностранные и иногородние купцы составляли незначительную долю. Все гильдии формировались на основе местных свободных обывателей, и если первые две из них стали со временем довольно стабильным сообществом, то III-я гильдия пребывала в постоянном численном и персональном движении. Именно она занимала главное положение в местной торговле и была основой для пополнения I-й и II-й гильдий.

Как отмечает в своей работе А.И.Аксенов, «эта структура (деление на гильдии) по идее должна была пронизывать все купеческое общество России, но на деле в ее целостном виде она охватывала купеческие общества столичных, губернских городов и крупных торговых центров»¹⁶.

Действительно, если мы рассмотрим состав купеческих обществ 12 уездных городов, то почти во всех городах он окажется не полным. Возьмем для примера данные 1782 г., когда численность купечества по губернии достигла своего максимума.

Таблица 1

Состав гильдейского купечества на 1782 г.
Доля купеческого сословия в городском населении.

Города	I гильдия	II гильдия	III гильдия	Купцов всего	Общая численность городского населения (в скобках % купцов в городском населении)
1. Калуга	44 (14 семей)	155 (44 семьи)	1826 (616 семей)	2025	14483 (14%)
2. Боровск	4	15	919	938	8000 (12%)

Города	I гильдия	II гильдия	III гильдия	Купцов всего	Общая численность городского населения (в скобках % купцов в городском населении)
3. Козельск	10	20	529	559	2213 (25%)
4. Таруса	—	3	96	99	267 (37%)
5. Лихвин	—	1	36	37	736 (5%)
6. Малоярославец	—	4	248	252	1450 (17%)
7. Жиздра	—	—	48	48	998 (5%)
8. Мещовск	—	—	182	182	1140 (16%)
9. Мосальск	4	15	161	180	1090 (16,5%)
10. Перемышль	—	—	46	46	799 (6%)
11. Серпейск	—	—	38	38	724 (%)
12. Воротыньск	—	3	193	196	1080 (18%)
13. Медынь	—	—	33	33	560 (6%)
Итого по губернии	62	216	4355	4633	25548 (18%)

Источники: ГАКО. Ф. 372. Оп. 1. Д. 25. Л. 190—197. Описание и алфавиты к Калужскому атласу. Ч. 1—2. СПб., 1782.

Только в 3 из 12 уездных городов значились представители I-й гильдии. Это уездные города, занимающие наиболее выгодное географическое положение и обладающие природными ресурсами, необходимыми для развития промышленности. Второе место после Калуги по количеству торговых сделок, промышленных заведений и числу купцов I-й гильдии занимал Козельск. Достижения в развитии промышленности и торговли, помимо прочих причин, объясняются высокой активностью самих предпринимателей, из которых особенно выделяются династии козельских купцов Брюзгиных, Карлиных и Зотовых. Результаты их деятельности были высоко оценены на промышленных выставках, организуемых Мануфактурным комитетом в Петербурге, Москве и Варшаве. Парусина, выпускаемая на фабриках Брюзгина и Зотова, на ряде выставок была представлена к наградам, в том числе и к особо почетным «золотым медалям за качество»¹⁷. Некоторые члены семей Брюзгиных и Зотовых были отмечены званиями мануфактур-советников, а Карлиных дважды удостоивали чина коммерции-советников.

Основываясь на данных губернских магистратов, «Описания и алфавитов к Калужскому атласу», можно сделать вывод, что два уездных города — Боровск и Козельск, играли большую роль в коммерческом отношении не только внутри губернии, но и за ее пределами. На это указывают широкие межрегиональные связи купеческих обществ данных городов, наличие достаточно крупных производств (парусина, химическая продукция, вино-водочные из-

делия). Также в пользу этого говорит многочисленность и наличие купечества всех трех гильдий. По уровню хозяйственной активности и численности сословия за наиболее развитыми городами следовали Мосальск, Малоярославец и Воротынский (на период конца XVIII — начала XIX в.)¹⁸.

Происхождение купечества уездных городов существенно отличается от губернского. Удельный вес сословия в городском населении уездных центров в среднем колебался от 5 до 20%. В целом по губернии доля купеческого сословия среди горожан составила в 1782 г. 18%. Причем в Калуге основная масса купцов по сути дела являлась мещанами, в то время как в уездных городах почти 50% вновь записавшегося купечества значилось в ведомостях, как «вольнозаписавшиеся разного звания люди»¹⁹. Большинство документов ограничиваются констатацией столь неопределенной формулировки происхождения новых лиц торгового сословия, однако в некоторых есть уточнения типа крестьянин такого-то села, но без указания его принадлежности помещику. Уездные города мало отличались от больших сел. Они получали статус города из-за нехватки уездных центров — административных единиц, создаваемых для более эффективного управления на местах. Поэтому деление жителей уездного города на городское и сельское население следует считать условным. Уклад жизни и основные занятия уездных мещан почти не отличались от крестьянских, и те и другие имели приусадебное хозяйство, занимались ремеслами, торговлей, а так как численность государственных крестьян была выше численности «горожан», вполне, естественно, что число более удачливых торговцев, сумевших преодолеть имущественный ценз и перейти в купеческое сословие, было выше в крестьянской среде. «Рассеянные мануфактуры» были характерным явлением хозяйственной жизни уезда. Некоторые из них возникли в XVII в., но продолжали свою деятельность и в XIX в. Большинство купцов крестьянского происхождения приобрели свой первоначальный капитал благодаря «рассеянным мануфактурам»²⁰.

Занимаясь производством мелких партий товаров, традиционных для губернии, предприимчивые крестьяне скупали продукцию у своих односельчан в близлежащих деревнях и везли ее на местные ярмарки, где торговля была разрешена всем без сословных ограничений. Это фиксируется «Книгами городских магистратов для записи векселей и договоров по Калужской губернии за 1793—1825 гг.»²¹, которые также содержат договоры между купцами (главным образом из Калуги, реже Москвы и Твери) и крестьянами о покупке первыми у вторых оптовых партий пеньки, шерсти, льна.

Для большей наглядности проследим динамику численности купеческого сословия по городам. Для этого необходимо обратиться к таблицам, составленным по «Ведомостям о числе и податях купеческого сословия» с 1792 г. по 1861 г. (См.: таблицы 1 и 5). Представленные в таблице 5 данные содержат информацию о конкретном числе купцов, обьавивших капитал, и распределении их

по городам губернии. Их сопоставление со сведениями тех «Ведомостей», в которые включены все члены купеческих семейств, дает право говорить, что общая численность купеческого сословия по губернии была в 4—5 раз выше.

Таблицы 8 и 9 позволяют сравнить численность купечества губерний центрального региона в 1825—1852 гг. В статистических сведениях за 1825 и 1842 гг. отсутствовали обобщающие сведения по губернии в целом, поэтому наиболее полные показатели приводятся только в таблице 9 на 1852 г. Из семи губернских городов Центральной России Калуга в 1825 г. занимала второе место после Орла по численности купеческого сословия. Такое положение сохранилось до 1842 г. В 1852 г. калужское купечество уже уступает трем из семи городов (Ярославию, Туле и Владимиру), а по количеству людей купеческого звания губерния занимает только 6 место.

Уровень наполняемости всех трех гильдий позволяет говорить о степени развития промышленности и широте внутренней и внешней торговли, о значимости калужского купечества в торгово-промышленной жизни России, а также о мощном потенциале III-й гильдии. Относительно высокая численность I-й и II-й гильдий сохранялись в губернии до начала 1840-х гг., в среднем 10—12 человек представляли I-ю гильдию Калуги и 20—24 первогильдейцев значилось по губернии. В 1850-е гг. общее число купечества первой гильдии по губернии не превышало 6 человек (имеется в виду реально действовавших предпринимателей без учета членов их семей). Численность представителей второй гильдии снизились более чем в два раза, по Калуге в среднем с 30 до 12—16 человек, и по губернии с 70 до 30.

При анализе списков необходимо учитывать одну особенность. В «Ведомости» заносили купцов, объявивших капитал вовремя, т.е. в конце текущего года и до наступления нового. Таким образом, туда не попадали купцы, объявлявшие капитал с запозданием и вовсе не обнародовавшие его, однако продолжавшие вести свое дело и пользовавшиеся всеми правами и обязанностями купечества. Такая ситуация повторялась из года в год, о чем свидетельствуют многочисленные уведомления администрации, адресованные калужским купцам разных гильдий с требованием объявить капитал и заплатить все необходимые повинности или, в противном случае, прекратить свою профессиональную деятельность.

Торговая деятельность

Мелкооптовая и розничная торговля была в руках самого многочисленного третьестатейного купечества. Значительный перевес в численности III-й гильдии определял тот факт, что основной процент коммерческих операций приходился на мелкое купечество. Рост купечества и торговых капиталов происходил преимущественно за счет III-й гильдии, что можно объяснить двумя основными причинами. Во-первых, закон устанавливал вы-

сокие налоги на свидетельства (гильдейские сборы). Во-вторых, как отметила исследователь С.Н.Киняпина, право на ведение внешней торговли, предоставляемое I-й и II-й гильдиям, для большинства купечества было менее значимо, чем освобождение от рекрутчины, которое распространялось на все три гильдии²².

В губернском и большинстве уездных городов были представлены все типы торговли — периодическая (ярмарочная, базарная, развозно-разносная) и стационарная (оптовая и розничная).

В «Описании г. Калуги от 16 сентября 1777 г.» приводится следующая характеристика торговли в губернском центре: «В городе казенных питейных домов 22, за которыми и с уездной отпускной суммы платится в год по 56 тыс. рублей с 1775 г. В Калуге торги бывают в неделю 3 раза; в воскресенье, в среду и в пятницу, где торг проходит всякого рода хлебом и прочим мясным припасом. Здесь же проводилась закупка для крупных продовольственных поставок в Москву и Санкт-Петербург через Гжатскую пристань, и в другие города Московской и Смоленской губернии на подводах.

На гостином дворе лавок 381. У купцов, торгующих в лавках, бывают всякого рода товары, что только в продаже бывает, привозимой по большей части из Москвы, а несколько из Санкт-Петербурга, а иное как-то: чулки, крашенина, сапоги, башмаки, серебряное дело и свечи делаются здесь»²³.

Основными видами товаров, которые ввозились калужскими купцами, являлись ткани (так называемый «красный товар»), а также фарфор и галантерея, большей частью закупавшиеся в Москве, в Петербурге, а для наиболее богатых покупателей — за границей. Товары эти продавались местным жителям или же отправлялись на многочисленные торжища Центральной России. Хлеб, пеньку, чистую шетину, медь, воск и парусные полотна — все, чем славилась Калужская губерния, вывозилось купцами в столицы, в торговые центры и за границу. Калужане часто посещали такие европейские города, как Данциг, Берлин, Лейпциг.

В отчете губернатора за 1824 г. состояние торговли характеризовалось следующим образом: «Калужское купечество торг проводит чрез таможни Российской империи к портам, а именно: к Санкт-Петербургскому, Рижскому и Архангелогородскому местными товарами: пенькою, конопляным маслом, воском, салом, щетиною и с здешних фабрик юфтью и парусными полотнами и разного рода хлебом. К китайской границе меною всякого мягкою рухлядью и китайский товар, выписывает из-за моря: из Лондона, Амстердама, Гамбурга, Люблина, Берлина, Кенизберга, Лепциха и Гданцига разные товары и оными торгуют в разных городах Российской империи, а притом мягкою рухлядью в городах великой Польши, также рогатым скотом и от Астрахани и Саратова рыбою; частью бывают подрядчиками в поставке в магазины провианта и фуража, тож и соли, сверх же того имеют в Калуге ежедневно в рядах всяким товаром торг, а некоторые вне города имеют фабрики, кирпичные и кожевенные заводы»²⁴.

Из различных источников следует, что основным товаром, который губернские купцы предлагали как на внутреннем, так и на внешнем рынке являлись парусина и пенька. На протяжении XVIII в. калужская парусина обладала мировой известностью и отлично сбывалась в Европе (Амстердаме, Берлине, Кенигсберге), и в США (Филадельфия). Ассортимент товаров на продажу не отличался разнообразием. Места закупок к концу XVIII в. стали традиционными и не менялись с XVII в.: «Сало, масло, пенька, скот, хлеб и щетина сырец покупают частью в здешней губернии, большую часть в других губерниях, как-то: Орловской, Курской, Воронежской, Тульской, Харьковской, Тамбовской, и в известных Макарьевской, Ирбитской, Каренной, Иратовской ярмарках. А чай, сахар, вина, суконные и овощные товары, в столичных и портовых городах, рыбу в Астрахани и Саратове»²⁵. Важно отметить, что все вышеперечисленные товары свидетельствуют о доиндустриальном периоде развития.

Опираясь на статистические сведения по Российской империи и ряд современных исследований²⁶, можно сказать, что характер участия купечества во внешней торговле был схож для всех губерний центрального региона. Несколько купеческих семейств, как правило представители I-й и II-й гильдий, на протяжении XVIII — первой половины XIX в. поставляли на внешний рынок товар, на котором специализировалась та или иная губерния. Значительная часть купцов, ведущих внешнюю торговлю, были промышленниками и вывозили продукцию своих фабрик, работающих на местном сырье. Следовательно, особенностью предпринимательской деятельности изучаемого региона надо считать тесную связь между промышленностью и торговлей. Как отмечает Н.Н.Репин, «...связь со старыми видами производства, уходящими своими корнями в более раннее время, сохранялась (кожевенное, свечное, мыловаренное, салотопенное и др.), соединяясь в ряде городов с предпринимательством в новых отраслях крупного промышленного производства»²⁷.

Приоритетным товаром Калужской губернией являлась парусина, получившая заслуженное признание благодаря высокому качеству. Пока сохранялся устойчивый спрос на нее, калужское купечество успешно вело внешнюю торговлю. Схожая ситуация сложилась и в других губерниях. Например, внешнеторговая деятельность тульских купцов также определялась прежде всего спросом на парусину. Продукцией своих предприятий торговали туляки Иван и Ларион Лучины и П.И.Пастухов, имевшие полотняные мануфактуры, производственная деятельность которых значительно сократилась к началу 1850-х гг.²⁸

Основные товары, поставляемые калужским купечеством для оптовой торговли, можно разделить на следующие группы:

- 1) сельскохозяйственная продукция (прежде всего хлеб, закупаемый в Малороссии);
- 2) полуфабрикаты, производимые на местных заводах (переработанное сырье — пенька, щетина, сало, древесина, кожа);

3) промышленные товары (парусина, бумага, изделия из железа и чугуна.)

Повышенный интерес жителей к торговле объясняется, с одной стороны, малоземельем, которое толкало население на поиски других видов заработка, с другой — пока еще недостаточно развитой промышленностью. Были причины и социального характера, структуру российского общества отличала строгая иерархичность и замкнутость. Доступ в служащие, в сферу образования, медицины и т.п. был фактически закрыт для основной массы горожан в силу их низкого происхождения, а также в связи с недостаточным, или полным отсутствием надлежащего образования.

Исследование рыночных связей на уровне губернии в конце XVIII — первой половине XIX в. представляет огромный интерес. В этот промежуток времени происходил процесс формирования всероссийского рынка, и в начале периода практически каждая губерния в социально-экономическом плане отличалась крайней обособленностью, свойственной традиционному обществу. В дальнейшем модель развития того или иного региона складывалась в зависимости от местных условий и общей экономической конъюнктуры. Калужский рынок имел достаточно устойчивые связи как внутри, так и за пределами страны, которые сохранялись на протяжении XVIII — первой половины XIX в. В связи с изменением спроса на общероссийском и мировом рынке эти связи к концу 1840-х гг. постепенно утратили былую экономическую значимость, а новые, равные старым по широте и интенсивности, установить не удалось. Таким образом, калужский рынок с 1840-х гг. становится еще более замкнутым.

Рассмотрим эволюцию различных форм торговли на территории губернии. Формы торговли можно разделить на временную, ярмарочную и постоянную, или стационарную, отличающуюся более высоким уровнем организации, по сравнению с предыдущей. Она производилась из специальных торговых заведений, из лавок и лавочек, магазинов и складов, гостиных рядов.

Более ранней формой торговли, по сравнению с постоянной, надо считать ярмарочную. В историографии существуют разные взгляды на роль временной и постоянной торговли. Например, К.П.Новицкий высказывает точку зрения о доминировании периодической торговли в России: «Ярмарка первой половины XIX в. являлась ведущей формой торговли и выполняла две функции: служила центром притяжения товарной продукции ("центростремительная" функция) и распределяла товар между разными районами страны ("центробежная" функция)»²⁹. Ее расцвет приходился, по мнению автора, на первую половину XIX в., но и в пореформенное время ярмарочная торговля не отмирала, а продолжала развиваться, существуя одновременно с чисто капиталистической формой торговли — биржевой.

М.К.Рожкова³⁰ высказывает мнение, что ярмарочная сеть в первой половине XIX в. расширялась в основном на окраинах Российской империи, а в центре сокращалась. Н.Л.Рубинштейн

вносит важное уточнение: в центре происходило «возвращение ярмарок к роли местного праздника, где уже совершенно исчезает специфически-экономическая функция ярмарки»³¹.

Взгляд обобщающего характера высказывает петербургский историк Б.Н.Миронов. Он отмечает, что всем предыдущим исследованиям присущи общие недостатки: отсутствие массовых данных о развитии ярмарочной торговли за весь исследуемый период по всей территории страны³².

Пример развития ярмарочной системы Калужской губернии, подтверждает гипотезу Н.Л.Рубинштейна об уменьшении чисто экономической роли ярмарок в центральной России и сохранении большинства из них только как места традиционных празднеств.

Все ярмарки можно разделить по значимости на три группы: общероссийские, региональные и местные. Калужские купцы активно поставляли свой товар и производили закупку на Макарьевской, Ирбитской, Каренной и Иратовской ярмарках. На территории губернии в изучаемый период насчитывалось от 80 (XVIII — начало XIX в.) до 35 (1850-е гг.) ярмарок, и 98% из них имели исключительно местное значение. В XVIII и до второй четверти XIX в. особенно выделялась Петровская ярмарка в Мещовске. В «Атласе» имеется краткое сообщение о ней: «В том городе (Мещовске) в день Петра и Павла бывает большая ярмарка, на которую приезжают из разных городов купцы с товарами и пригоняют разных родов лошадей». Спустя 50 лет местный краевед отметил, что: «из бывающих ярмарок замечательная в Мещовске около Петрова дня (29 июня). Прежде на ней привозилось товару слишком на 1500000 руб. серебром и на треть продавалось, но с некоторых лет привоз и распродажа уменьшились»³³.

В середине 1840-х гг. в «Ведомости о ярмарочной торговле в Калужской губернии» единственная ярмарка, о которой упоминается особо, была все та же Мещовская. «Самая значительная ярмарка по обороту есть Петровская в Мещовске, продолжающаяся целую неделю с 27 июня по 4 июля. В прошлом 1846 г. привезено было на оную шерстяных изделий на 19 тыс. руб. серебром, шелковых — на 18 тыс., бумажных — на 26 тыс., весь оборот простирался до 158 тыс.; купцов и покупателей было до 22000 человек»³⁴.

В Мещовском уезде были сосредоточены «торговые» селения, большинство жителей которых занималось кустарным производством различной домашней утвари и орудий сельскохозяйственного труда. Женщины пряли пеньку, лен и шерсть. С начала XIX в. ряд документов фиксирует здесь наличие рассеянной мануфактуры. В источнике идет речь о «хозяине», который контролирует сбыт и назначает свою единую цену на тот или иной вид товара. Обычно это был мещовский или боровский купец³⁵.

Значительное сокращение числа ярмарок происходит во второй четверти XIX в. В 1824 г. в губернии было зафиксировано 80 ярмарок с общим оборотом капитала 3 813 975 руб.³⁶ (таблица 6). В 1842 г. их уже значится только 34, общая продолжительность которых составляла 48 дней.

Ведомость о ярмарочной торговле в Калужской губернии за 1842 г.

Название ярмарок	Где и когда бывает ярмарка	На какую сумму было привезено товаров	На какую сумму продано (руб.)
Тихонская ярмарка	В Калужском уезде 16 июня	1117	592
Казанская	В сем же уезде 8 июля	1050	708
Пафнутьевская	В Боровском уезде в 9 пятницу по Пасхе и 8 сентября	40000	15000
Боровская	В Боровске 1 января	3000	1200
Рышковская	В Боровском уезде 1 июня и 15 августа	2801	1401
Бобольская	В том же уезде 15 сентября	1112	511
Тихвинская	В Козельском уезде 26 июня	6000	2750
Георгиевская	В Малоярославецком уезде 23 апреля и 9 мая	5000 3000	1000 400
Николаевская	Там же 26 ноября и 6 декабря	8000 3000	1500 500
Пятницкая	Там же в 10-ую пятницу по пасхе	1240	300
Афанасьевская	В Лихвине 2 мая	40000	4000
Всесвятская	Там же в день всех святых	25000	2700
Николо-Гастунская	В Лихвинском уезде 2 мая	6000	2000
Добринская	Там же 1 октября	4000	2350
Петровская	В Мещовске с 27 июня по 4 июля	157367	73716
Георгиевская	В Мещовском уезде 23 апреля	80000	60000
Константино-Семеновская	В Медыни 21 мая	10900	2525
Казанская	В Медыни 8 июля, 22 октября	12080 8050	3540 1500
Ареховская	В Медынском уезде в 9 пятницу по пасхе	1500	750
Полотняно-Заводская	Там же 6 августа В Тарусе 29 июня	2500 6000	2000 3000
Петровская	В Жиздре 7 июня	10000	3000
Троицкая	Там же 25 сентября	35000	10000
Сергиевская	В Жиздринском уезде 25 ноября	6000	2000
Дмитровская	Там же в мае месяце	5000	1600
Троицкая	В Перемышле в 9 пятницу по Пасхе	25000	5000
Пятницкая	Там же 11 сентября	5000	2000
Никитская	в Мосальске 23 апреля и 26 ноября	25714 17142	11428 8571
Георгиевская	В Мосальске 8 июля	28571	17142

Название ярмарок	Где и когда бывает ярмарка	На какую сумму было привезено товаров	На какую сумму продано (руб.)
Казанская	Там же 28 сентября	42857	20000
Сборная	В Мосальском уезде 1 января	3000	2000
Васильевская	Там же 9 мая	3000	2000
Сильковская Петровская	В Серпейске в 9 пятницу по Пасхе и 10 пятницу Петровского поста в июне	5000	4000
Афанасьевская	В Сухиничах 2 мая	15000	9000

Источник: ГАКО. Ф. 32. Оп. 20. Д. 131. Л. 80.

Жирным шрифтом в таблице выделены ярмарки с наиболее крупным в региональном масштабе товарооборотом. Подавляющее большинство ярмарок были однодневными, исключением служит Петровская ярмарка в Мещовске, она продолжалась в течение 8 дней. Наиболее популярным днем для проведения ярмарок надо считать «9 день по Пасхе», когда проходили сразу 4 ярмарки. По сезонам они распределялись следующим образом: весной собиралось 15 ярмарок, летом — 12, осенью — 9. В зависимости от количества привезенного и реализованного товара ярмарки можно разделить на три основные группы. К крупным, в масштабе региона, отнесем ярмарки, на которые привозили товара на 50 тыс. руб. и более. На территории Калужской губернии таких насчитывалось 2. Средних ярмарок, с товаром на сумму 10—50 тыс. руб., значилось 13, мелких (товара менее чем на 10 тыс. руб.) — 20. Краткосрочность временной торговли и ее небольшие обороты на фоне достаточно высоких показателей товарооборота в целом по губернии, позволяют сделать вывод о преобладании стационарной торговли на территории региона.

Главными предметами торговли на ярмарках были шерстяные и бумажные товары, хлеб, пенька, красный товар и разные деревенские изделия. Из других регионов России привозили сукно, промышленные товары широкого потребления и пригоняли рогатый скот. На Петровскую ярмарку доставляли разные шерстяные, пеньковые изделия, галантерейные и колониальные товары, пригоняли лошадей с Украины и Дона.

В России ярмарка всегда была для людей не только местом купли-продажи, но и ярким событием. В дни праздников она превращалась из чисто торгового мероприятия в шумное всенародное гуляние. «Ярмарка представляла собой очень необычное и интересное зрелище, оно захватывало как количеством и разнообразием всего помещавшегося на ней, так и сочетанием невозможных в будничное время вещей, присутствием рядом, на сравнительно небольшом пространстве представителей разных сословий и групп населения при большой свободе их поведения и общем праздничном настрое»³⁷, — пишет исследователь А.Ф.Некрылова в работе, посвященной русским народным праздникам.

Деловые отношения, возникающие на ярмарках, фиксировались в «Книгах записей договоров, заключенных на работы между хозяевами и рабочими», которые велись ежегодно с 1793 по 1840 г. по распоряжению Городского магистрата³⁸. Это довольно любопытный источник, отражающий одну из первых попыток внедрения контроля за отношениями нанимателя и работника (в данном случае контролирующим органом был магистрат). Письменный договор, заключенный в магистрате, было сложнее нарушить, чем устное соглашение. С другой стороны, этот документ использовался для надзора за сбором налогов. Каждая книга содержит от 78 до 300 контрактов, в которых излагается цель работы и обязанности сторон, указывается сумма и порядок оплаты³⁹. Преобладающее число договоров было заключено о найме под извоз определенно-го количества подвод купцом, мещанином, редко помещиком. Исполнителем выступали крестьяне или профессиональные ямщики (извозчики). Цель работы — доставить из Калуги товар в означенный город, или наоборот. Как правило, речь шла о поставках пеньковой пряжи и чистой пеньки, сукна, меда, сала и т.п. Петербург, Нижний Новгород, Саратов, Вологда, Казань, Одесса, то есть морские или речные порты Российской империи, стали для калужских купцов основными местами сбыта товара.

Наиболее сложным видом такой работы был перегон скота из Малороссии на ярмарки Калужской, Московской, Тверской и Нижегородской губерний. Труд погонщика оценивался в 2—10 раз выше труда извозчиков. Первые получали за рейс по 90—100 руб. на человека, вторые — от 10 до 15 руб. в зависимости от дальности и сложности маршрута. По договору крестьяне-извозчики несли материальную ответственность за доставляемый товар, а также обязывались прибыть в назначенный пункт к определенному сроку. В лучшем случае дополнительные дни в дороге не оплачивались, а чаще — взимался штраф за просрочку. Обычно в такой торговый «караван» входило от 10 до 50 подвод и, зная специфику российских дорог, можно представить, насколько путь подобного каравана таил в себе опасность. Чтобы хоть как-то застраховать груз от разного рода неприятностей, купец выставлял работникам ряд требований, несоблюдение которых грозило штрафом⁴⁰. За утрату всего или части товара извозчики несли материальную ответственность, если они не могли представить доказательств своей невиновности, они должны были выплатить всю стоимость утраченного товара с процентами.

На основании обработки архивных данных (таблица 64¹), можно сделать вывод, что в 1820-е гг. ярмарочная торговля уступала по оборотам капиталов постоянной более чем в 4 раза. По данным на 1824 г. в оптовой и лавочной торговле оборот капиталов составил 12 981 295 руб., а в ярмарочной только 3 млн. Хотя ярмарок на территории губерний значилось немало, но длительность каждой из них в среднем не превышала 1 дня. На Калугу приходились главные торговые обороты, уступая, к ней примыкали Козельск и Боровск. Выделяется большими оборотами и Жизд-

ра, центр самого крупного по территории уезда и самого развитого в промышленном отношении. Для Жиздринского уезда характерен более разнообразный ассортимент товаров, широкие связи на российском рынке и, следовательно, относительно высокий уровень торговых оборотов. Данные, извлеченные из различных источников, позволяют определить сектор, занимаемый купечеством в оптовой и лавочной торговле (примерно 70% оборотов приходилось на купеческое сословие, остальные 30% распределялись между торгующими крестьянами, мещанским и дворянским сословиями). Но что касается ярмарочной торговли, то такие подсчеты провести практически невозможно, т.к. в документах не зафиксировано, кто именно принимал участие в той или иной ярмарке.

Таблица 3

Сравнительная таблица по ярмарочной торговле

Губерния	Число ярмарок			Привезено товаров (в тыс. руб.)			Продано товаров (в тыс. руб.)		
	1832	1849	1863	1832	1849	1863	1832	1849	1863
1. Владимирская	4	9	26	2015	858	841	853	278	400
2. Калужская	112	55	118	1377	1108	1016	1077	543	635
3. Костромская	37	46	56	3760	1002	804	1606	495	417
4. Московская	81	104	125	1519	398	444	574	168	239
5. Смоленская	22	26	27	2997	2539	2124	816	1943	1043
6. Тверская	102	135	151	2997	2539	2124	816	1943	1036
7. Ярославская	21	14	88	13240	4424	3386	9551	3323	1826
8. Владимирская	4	9	26	3044	1822	2518	1054	389	1275

Источник: Таблица составлена по материалам статистического временника Российской империи и РГИА СССР приводится по: Миронов Б.Н. Внутренний рынок России во второй половине XVIII — первой половине XIX в. М., 1981. С. 158—159.

Сравнивая показатели по Калужской губернии, собранные в ГАКО, и данные таблицы, приведенной в работе Б.Н.Миронова, можно обнаружить ряд несовпадений. Так, согласно ведомостям на 1798—1810 гг., максимальное число ярмарок 102, тогда как у Миронова 112. В 1849 г. по документам их насчитывалось 25, у петербургского историка — 55, в 1863 — 57 и 118 соответственно. Также более высокие показатели приводятся Мироновым и по сумме стоимости привезенных и проданных товаров. Выявленные нами расхождения можно объяснить двумя причинами. Могло произойти умышленное завышение данных при отправке их в центральные органы (Министерство финансов, МВД). Однако, на наш взгляд, более вероятно, что при сборе сведений комитетом статистики учитывались все маленькие торжки и базары, которые полновесными ярмарками назвать нельзя.

В 1832 г. Калужская губерния лидировала по числу ярмарок, за ней следовали Тверская и Московская губернии. Но в течение последующих 17 лет их численность стремительно сокращается (с 112 до 55), в то время как в Центральном регионе наблюдается рост числа ярмарок, изучаемая губерния перемещается на третье место. В 1863 г. отмечается резкий взлет: число ярмарок увеличивается в 2 раза, однако регион остается на прежнем третьем месте после Твери и Москвы. Важно отметить, что подобные скачкообразные колебания характерны только для Калужской губернии. На наш взгляд, более важный показатель — это сумма, на которую привезено товаров. Он дает возможность составить реальную картину масштаба ярмарочной торговли. В 1832 г., находясь на первом месте по числу ярмарок, Калужская губерния занимает последнее место по сумме стоимости привезенных на них товаров. В последующие годы при увеличении числа ярмарок в губерниях Центрального региона и одновременном сокращении стоимости привозимых на них товаров, в Калужской губернии наблюдается следующее. Оставшись в 1863 г. на третьем месте после Московской и Тверской губерний по численности ярмарок, Калужская губерния опустилась на 5 место из 8 рассмотренных губерний по сумме стоимости привезенных и реализованных товаров.

На примере деятельности ярмарок Калужской губернии можно сделать вывод, что региональные ярмарки превращались в незначительные торги локального значения, плохо связанные между собой даже внутри губернии⁴². В XIX в. в Калуге ярмарка не проводилась. Это значит, что горожане были вполне удовлетворены объемом стационарной торговли, в дополнение к которой дважды в неделю работали 3 городских «базара». Таким образом, мелкие ярмарки теряли основную экономическую функцию, и все больше играли роль праздника, т.к. почти все они были приурочены к какому-либо событию церковного календаря.

К 1840-м гг. положение калужских купцов на российском и внешнем рынке стало меняться. Основной причиной являлось нежелание большинства купечества расширить ассортимент товаров и услуг, и, что еще важнее, постоянно повышать их качество. Купцам было проще закупать товар вне губернии и впоследствии реализовать его на российском или внешнем рынке. Привоз в 1831 г. в Калугу составил 2 433 735 руб. серебром и почти в 5 раз превысил отпуск (всего 506 406 руб.), хотя, как отмечается в документе: «...отошло 34 судами более, нежели прибыло»⁴³. Другими словами, можно предположить, что ввозился дорогостоящий товар, промышленный и колониальный, а вывозился дешевый, полуфабрикаты и сырье. Приведенные данные говорят о товарообороте, совершаемом по речным путям. Несомненно, что торговые пути, проходившие по суше значительно превосходили речное сообщение по товаропроектной способности. В Германии калужские «первогильдейцы» продолжали выменивать традиционные полотна, мед, шетину, пеньку, зерно, спирт на товары Лейпцигской и

Люблинской ярмарок, в Североамериканские штаты, обычно в Филадельфию, поставляли парусное полотно. В Кяхту калужские купцы ездили закупать чай, сахар, посуду, шелк, бумажные и шелковые изделия.

Торговцы зерном, имевшие солидный капитал и большой опыт ведения коммерческих операций, поставляя хлеб в обе столицы, не упустили из вида и ближайших губерний (Смоленскую, Тверскую губернии, а также города: Гжатск, Вязьму, Зубков, Белую). Например, почетный гражданин И. Антипин с ежегодным оборотом капитала от 800 тыс. до 1 млн руб., в 1820-е гг. поставлял хлеб в Санкт-Петербургский порт, в Тверскую и Ярославскую губернии.

Торговые обороты Калуги за 1836 г. по данным «Материалов для статистики» оценены «довольно умеренно, для 374 капиталов, 448 лавок и множества мещан, живущих мелочными торгами, в 75 млн руб.»⁴⁴

Списки «О составе семейств калужских купцов и о предмете их торговли» составлялись ежегодно: один экземпляр направлялся министру финансов, второй оставался в канцелярии губернатора. Это важный источник для изучения ассортимента товаров и состояния оптовой торговли в целом, его анализ позволяет сделать важные заключения.

Таблица 4

**Основные товары оптовой торговли, предоставляемые
Калужским купечеством на общероссийский рынок**

Наиболее часто упоминаемые предметы торговли (торговля оптом)	Число купцов, занимающихся торговлей того или иного товара, в процентном выражении по гильдиям								
	1 гильдия			2 гильдия			3 гильдия		
	1800	1825	1861	1800	1825	1861	1800	1825	1861
Число объявивших капитал купцов (глав семейств)	14	9	2	44	27	16	616	180	290
Парусина	47%	40%	0	21%	27%	10%	0	0	5%
Полотна	52%	45%	100%	21%	30%	22%	0,5%	1,7%	10%
Писчая бумага	50%	34%	50%	18%	27%	34%	0	7%	12%
Пенька	55%	50%	0	38%	44%	27%	5%	10,4%	17,5%
Сало	30%	47%	0	45%	40%	22%	21%	24,7%	31%
Хлеб (зерно)	13%	20%	0	36%	40%	27%	15%	25%	38%
Щетина	0	3%	0	13%	13,9%	6%	24%	31%	34,5%
Панские товары	15%	10%	0	17,7%	16%	15%	5%	7,4%	11%
Лес	1%	4%	0	28%	28%	20%	17%	25%	27%
Рогатый скот	0	0	0	17%	9%	2%	10%	12%	15,8%
Китайский чай и др. колониальные товары	49%	30 %	0	14%	15%	3%	0,1%	0,5%	1,5%
Меха	1%	9%	0	11,5%	7%	6,4%	3%	5%	0,7%

Наиболее часто упоминаемые предметы торговли (торговля оптом)	Число купцов, занимающихся торговлей того или иного товара, в процентном выражении по гильдиям								
	1 гильдия			2 гильдия			3 гильдия		
	1800	1825	1861	1800	1825	1861	1800	1825	1861
Масло конопляное	5%	7%	0	21%	17,4%	17%	29%	25%	20,6%
Бакалея	0,5%	1%	0	25%	15%	8,5%	8%	5%	16,3%
Серебряные и золотые изделия	0	0	0	10,5%	7%	0	5,3%	4,7%	2%

Источник: ГАКО Ф. 49. Оп. 1. Д. 476, 409, 481. Оп. 13. Д. 45, 51. Ф. 32. Оп. 3. Д. 89, 95, 96, 97, 100, 105.

В таблице приведены цифры, отражающие, какой процент от общего числа купцов данной гильдии отдавал предпочтение тем или иным товарам. Немного менее половины купцов I-й гильдии вывозили парусину. В ассортименте одного торговца часто были представлены несколько видов продукции, так можно было избежать сильной зависимости от колебания покупательского спроса. Купцы I-й гильдии торговали одновременно парусиной, писчей бумагой, пенькой и салом, купцы II-й гильдии — хлебом, пенькой и полотнами, а в ассортименте купцов III-й гильдии часто значился хлеб, лес и конопляное масло. Необходимо отметить, что в списки вносились основные товары, которые преобладали в торговле того или иного купца.

Возникает вопрос, чем можно объяснить предпочтение, которое отдавали представители той или иной гильдии определенному виду товара? I-я и II-я гильдии, в большинстве своем, совмещая торговую и промышленную деятельность, ориентировались на сделки по парусине, полотну, бумаге, которые купцы поставляли со своих заводов. Для высших слоев сословия характерна поставка изделий, требовавших значительных средств для закупки. Это — колониальные товары и продукция европейского производства. К универсальным товарам, которые значились в ассортименте любой гильдии, надо отнести — хлеб, пеньку, сало, лес, конопляное масло, сахар. Отличие заключалось только в объемах поставок и местах сбыта. I-я и II-я гильдии экспортировали универсальные товары и поставляли их на общероссийский рынок, III-я гильдия обеспечивала собственную губернию.

III-я гильдия снабжала местный рынок и рынки соседних губерний изделиями мелкотоварной крестьянской и ремесленной промышленности: посуду, изделия из дерева, переработанные сельскохозяйственные продукты, кузнечные товары, серебряные и ювелирные изделия. Характерно что, предлагаемые III-й гильдией товары отличались невысоким качеством и поставлялись маленькими партиями. На основании данных фактов, можно сказать, что существовала четкая связь купечества I-й и II-й гильдий (в среднем 1—5% от общей численности сословия), с крупной промыш-

ленностью⁴⁵, а III-й гильдии — с мелкотоварным производством, преобладавшим на территории губернии.

Источники позволяют выявить самые устойчивые в коммерческом отношении купеческие фамилии. По Калуге — это Билибины, которые с конца XVIII в. и до реформы 1861 г., совмещая промышленную и торговую деятельность, поставляли в Санкт-Петербургский порт различные товары. Однако приоритетными для них являлись парусные полотна, пенька и сало. Билибины имели дом в Москве, складские помещения в Санкт-Петербурге, сеть магазинов в Калуге, Твери, Ярославле и Москве.

В первой четверти XIX в. их главным конкурентом в производстве и продаже парусины и писчей бумаги был Иван Тихонович Усачев. Однако в 1824 г. семья Усачевых подала прошение об увольнении их из калужского купечества с тем, чтобы записаться во II-ю гильдию по Санкт-Петербургу. Прошение было удовлетворено, и списки богатейших купцов, начиная с 1825 г., открывала фамилия Билибиных.

Удачно складывалась торговая деятельность купеческой династии Золотаревых, выделявшейся своим богатством уже в XVIII в. Золотаревы построили несколько каменных усадеб в классическом стиле, которые и по сей день являются архитектурной жемужиной города. Торговый оборот семьи в 1809 г. составил около 10 млн руб. Основу их деятельности составляла продажа китайского чая и сукна, а также «разных российских и иностранных товаров»⁴⁶. Такая общая формулировка свидетельствует о наличии широкого ассортимента товаров.

На производстве и торговле парусиной и полотном специализировались также купцы I-й гильдии Прянишниковы, Кожевниковы, Лариновы, Ивановы, Торубаевы. Расцвет их коммерческой активности приходится на период 1820—1840 гг., позднее эти фамилии значатся во II-й гильдии, а затем и в III-й гильдии и уже остаются там до 1861 г. За ними были записаны лавки в Гостином ряду Калуги, в Москве и амбары в Санкт-Петербурге⁴⁷.

Одним из самых крупных поставщиков сала и пеньки на российский рынок был Андрей Макарович Чернов, калужский купец I-й гильдии. Он скупал пеньку, главным образом, по губернии, а сало — в Малороссии и свозил свой товар в Сухиничи (за ним значилось 7 складских помещений), откуда впоследствии отправлял его на крупные ярмарки или в Москву. Торговый оборот Чернова в 1826 г. составлял 5 млн руб. серебром⁴⁸.

Среди калужских торговцев хлебом особенно преуспели купцы Антипины и Шапошниковы⁴⁹. Каждый из членов этих фамилий имел оборот около 1 млн руб. серебром. Скорее всего, они разделили между собой области сбыта. Антипины торговали в Санкт-Петербургский порт, Шапошниковы в соседних с Калужской губерниях. В 1819 г. обе семьи числились во II-й гильдии. В 1840 г., судя по «именному списку для сбора процента денег с недвижимости»⁵⁰, И.И. Антипин, имевший большой богатый дом, перешел из II-й в I-ю гильдию, т.е. на протяжении 20 лет его дела шли в

гору. Более того, в 1838 г. деятельность И.И.Антипина была отмечена губернской администрацией и торговец был удостоен звания почетного гражданина за успешное ведение дел и общественные заслуги.

К 1845 г. положение дел резко изменилось. В «Сведениях о числе несостоятельных должников»⁵¹ А.И.Антипин, сын торговца, проходит как самый крупный банкрот. Его долг составил 130 тыс. руб. из 189 тыс. общей суммы купеческого долга по Калуге. В «Сведениях...» А.И.Антипин указывается еще как купец I-й гильдии. Что произошло за 5 лет, в документах не отражено. Можно предположить два варианта развития событий: либо неудачное ведение дел А.И.Антипиным, либо перевод значительного долга отца, на сына, вызванного обвальным падением цен на хлеб.

Нельзя не отметить деятельность таких купеческих семейств, как Зюзины, Алтынниковы, Чистоклетовы, Фалеевы, Новиковы, Свечниковы, Печонкины, Масленниковы. Судя по гильдейским записям, их дела шли с переменным успехом, финансовое положение семей не отличалось стабильностью, но вопреки неблагоприятным факторам, они не оставляли торгово-промышленную деятельность. Например, Зюзины и Фалеевы в начале XIX в. торговали китайским чаем и восточными товарами, и так продолжалось до середины XIX в. С 1860-х гг. и до конца XIX в. Фалеевы вкладывали свои капиталы в рогожное производство, а Зюзины открыли производство и торговлю строительными материалами.

Коммерческие обороты уездных городов, даже самых крупных, заметно уступали губернскому центру. Боровские купцы торговали льняным семенем, конопляным маслом, медом, воском, пенькой, холстом, кожами и салом, главным образом, в Рижский и Санкт-Петербургский порты. Только 7 боровских купеческих фамилий занимались поставками в северную столицу и за пределы России, остальные же производили операции внутри Калужской и в соседних губерниях. Крупные торговые обороты в 1830—1840-е гг. имели боровские купцы: З.А.Копырин (до 80 тыс. руб.), Ф.М.Томилин (до 75 тыс. руб.), Н.Т.Шукин, представитель боровской ветви известной купеческой династии, С.К.Большаков и Л.В.Томилин (от 45 до 50 тыс. руб.). Наиболее активные члены семейств переехали в XVIII — начале XIX в. в Москву, основали свои дела и успешно вели их до 1917 г. Петр Шукин переселился в Москву из Боровска в середине XVIII в. Род Шукиных упоминается в Московских писцовых книгах, с 1787 г. Его сын, Василий Петрович, умер в 1836 г. в возрасте 80 лет. «...В свою очередь внук Петра Шукина — Иван Васильевич, — как пишет П.Бурышкин, — был подлинным основателем Шукинской династии. Причем, их фирма и его семья заняли то первенствующее место в торгово-промышленной Москве, которое они с той поры неукоснительно занимали»⁵².

Возвращаясь к характеристике торговли Боровского уезда, надо отметить, что в городе раз в год проходили 2 незначительные по своим оборотам ярмарки: одна в самом городе, на которую привозили товара не более, чем на 3—4 тыс. руб., вторая — у Пафнутаева монастыря в день Рождества Богородицы. Она длилась не более 3-х дней и собирала 6—10 тыс. человек. «На ярмарку купцы московские, витебские, калужские привозят шелковых, бумажных и шерстяных материй, товару ценного, пушного и овощного, фруктов, каменной и стеклянной посуды на 50—100 тыс. руб.»⁵³. Причем, если в документах ГАКО приводится сумма привезенных товаров в 1820—1840-е гг. от 50 до 100 тыс. руб., то в «материалах для статистики» на 1837 г. их стоимость указана в диапазоне от 100 до 500 тыс. руб. На наш взгляд, это явное преувеличение реальной покупательной способности Рождественской ярмарки.

Вторым по значимости после Калуги в торговом отношении являлся город Козельск. В Козельском уезде были равномерно развиты торговля и промышленность. Крупнейшие купцы, почетные граждане Брюзгины и Зотовы торговали парусиной в Европе и Америке, получали крупные питейные подряды у государства. Обороты купцов Беловых, Иноземцевых, Костюриных и Ефимовых, торговавших лесом, доходили в 1836 г. до 700 тыс. руб. Лес сплавлялся по Оке в южные губернии, или сухопутным путем отправлялся в Санкт-Петербургский порт и далее за границу. Многие из купцов III-й гильдии специализировались на продаже рогатого скота. Нанятые ими погонщики пригоняли скот из Харьковской, Полтавской и Екатеринославской губерний в Москву и Санкт-Петербург. Козельская ярмарка не имела к 1840-м гг. даже губернского значения, поэтому местные купцы выезжали на ярмарки за пределы губернии, а такие крупные предприниматели, как Брюзгин, Зотов, Иноземцев, Карлин, Решетников имели постоянно действующие торговые заведения в Калуге, Москве, Твери, склады и амбары в Москве и Санкт-Петербурге.

Жиздринский уезд являлся самым крупным и промышленно развитым районом Калужской губернии. На его территории в течение года проходили 4 ярмарки: 2 — в самом городе, 2 — в торговых селах. Все они имели скромный оборот — на самой крупной Сергиевской ярмарке продавалось товара всего лишь на 35—40 тыс. руб. Уезд специализировался на обработке металлов, животных продуктов и стеклоделии. Высококачественные изделия из железа и чугуна, хрусталя и стекла, а также кожевенные товары, реализовывались в Москве и Санкт-Петербурге и не вывозились на местные ярмарки. Оборот капиталов жиздринских купцов в сумме превышал оборот капиталов других уездов (кроме Калужского) и составлял к 1840-м гг. 70 млн руб.

Мещовск, в отличие от Жиздры, был исключительно торговым центром. Жители окружавших его сел, занимались кустарным про-

мыслом деревянной посуды и утвари, пряли лен и шерсть, выделывали пеньку и сдавали все это на шерстяную ярмарку. Кустарное и мелкое производство приняло здесь такие масштабы, что охватывало в пиковые моменты большинство крестьянского и городского населения. Самыми богатыми купцами Мещовска считались династии Харитоновых, Костиных, Болотиных, Чубыкиных с оборотом капитала в среднем порядка 70—75 тыс. руб. в год. Купеческие семьи города занимались преимущественно торговлей хлебом, салом, кожей, пенькой, конопляными и льняными семенем и маслом. Отличительной чертой Жиздринского уезда стало нежелание купцов вкладывать деньги в расширение производства, что можно проследить на протяжении всего XIX в.

Главные представители купечества Мосальска — Д. Богданов, Я. Барышов, Г. Чернышев, П. Федоров и Н. Кузьмин — получали прибыль главным образом от торговли. Из 19 лавок в городе 11 торговали «красным товаром», который купцы закупали в Москве, Кяхте и Калуге. Вывозили же из губернии на Гжатскую и Зубцовскую пристани хлеб и пеньку. «На территории уезда проходили 4 ярмарки, все небольшие, народу собирали от 3 до 5 тыс., а максимальное количество товара доставлялось на Казанскую ярмарку — до 35 тыс. руб., на нее съезжались купцы из Московской, Смоленской, Тверской, Калужской губерний»⁵⁴. Большая часть купечества III-й гильдии и мещан промышляла винными откупами.

Остальные 6 уездов были в экономическом отношении менее развиты. Разорение в 1812 г. г. Малоярославца, близкое соседство Калуги и Боровска, которые «многочисленностью и богатством рынков привлекают к себе большие капиталы и выгодные обороты» — все это объясняет малозначимость в рамках губернии малоярославецкой торговли⁵⁵.

20 купеческих фирм, выдавших свидетельства по III-й гильдии, удовлетворяли местные торговые нужды Малоярославца. Им принадлежало 33 лавки, большая часть которых продавала хлеб и молочные товары. Коммерческие обороты купца Л. Холина, первого малоярославецкого торговца, не превышали по итогам 1835 г. 75 тыс. руб. На территории уезда значилось 5 однодневных ярмарок, куда привозили разных мелочных крестьянских изделий на сумму от 20 до 25 тыс. руб. Отличительная особенность товарного ассортимента — необыкновенно крупные вишни, культивировавшиеся в уезде и легко реализовывавшиеся в Москве. Местные купцы, проявлявшие наибольшую активность, обычно покидали родной город, не находя перспективы для своей деятельности и записывались в калужское, боровское и московское купечество. Род Третьяковых вел свою родословную от малоярославецких купцов, одна ветвь его — во главе с Матфеем Третьяковым осела в Боровске и вела там торговую деятельность до революции, вторая, во главе с Елисеем, перешла в московское купечество в 1774 г. В Малоярославце купеческий род Третьяковых значился с 1646 г. Московская ветвь выросла в мощную и богатую династию, хозяй-

ственная и культурно-общественная деятельность которой, является важной составляющей истории российского предпринимательства. Интересно, что истоки еще одной знаменитой купеческой фамилии Гучковых берут свое начало также из Малоярославецкого уезда, от дворовых людей надворной советницы Белавиной. «Родоначальником их был Федор Алексеевич Гучков, переселившийся в конце XVIII в. в Москву и устроивший в Преображенском, под Москвой шерстяную фабрику»⁵⁶.

Торговые операции Медыни, Тарусы, Перемышля и заштатных городов Воротынска и Серпейска, были незначительны. Там имелись фабрики и 2 раза в год проходили ярмарки, на которые стекалось местное население (до 2 тыс. человек). Среди коммерсантов следует выделить перемышльского купца П.М.Белова, который мог составить конкуренцию в торговле хлебом (оборот до 45 тыс. в год) купцам других городов губернии. Серпейские торговцы: А.Сычев, братья Иван и Алексей Шлыковы, Н.Зайцев, Б.Чернышев, К.Огневщиков обеспечивали хлебом, скотом, пенькою, солью и рыбой Калужскую, Тверскую, Смоленскую губернии. А воротынские купцы искали заработок вне своего города или шли в наемные работники: 10 из 30 купцов проживали в Петербурге и значились браковщиками, комиссионерами и приказчиками⁵⁷.

В 1840-е гг. выделилось как новый торговый центр село Сухиничи. Быстро росло его значение в связи с развитием сети железных дорог, и к 1850-м гг. торговые обороты превысили торговый оборот самого крупного уездного центра — Козельска. С XVIII в. Сухиничи являлись главным губернским складом, куда калужские купцы свозили сало, конопляное масло, пеньку на сумму до 30 млн руб. В зимнее время сюда ежедневно отправлялось от 6 до 10 тыс. подвод для перевозки товаров на Зубцовскую и Ржевскую пристани, оттуда они перевозились далее к портам Рижскому и Санкт-Петербургскому. Когда к селу Сухиничи была проложена железная дорога, оно стало важным пунктом транзитной торговли. В переписке с городскими думами и ратушами Калужской губернии о генеральной проверке торговли в уездах отмечается: «Сухинические и Перновические крестьяне из-за малоземелья занимаются все промыслами и теперь желают уже видеть селение свое возведенное в степень посада»⁵⁸.

Из отчета Калужского гражданского губернатора П.А.Булгакова за 1854 г. о состоянии коммерции и промышленности в губернии создается впечатление, что все основные характеристики торговли, за исключением внешней, в сравнении с XVIII в. остаются прежними. В отчете отмечается следующее: во-первых, географическое положение губернии в центре России, близость ее к столице, изобилие лесных материалов, удобство водных сообщений, а также и близость ко многим местам сбыта послужили развитию торговой и мануфактурной промышленности. Во-вторых, главными предметами внутренней торговли являлись писчая бумага, чугунные изделия, кожа, хрусталь, парусные полотна, бумагопрядильные про-

изведения, сало, щетина, меха, химические краски и хлебное вино. Некоторые из этих предметов производились на фабриках и заводах губернии, например, писчая бумага, хрусталь, стеклянные и чугунные изделия; колониальные товары закупались в Москве, а хлеб и скот — в Малороссии и смежной с Калужской плодородных губерниях. В-третьих, самыми важными пунктами торговли являлись Калуга, имевшая значение транзитного порта по реке Оке, и Сухиничи, служившие перевалочным пунктом, для идущих через губернию товаров.

Также отмечалось, что не менее развита в губернии и внешняя торговля. Она заключалась в том, что местные купцы, закупая товары в других губерниях, отправляли их к Санкт-Петербургскому и Рижскому портам, или перепродавали иногородним оптовым торговцам⁵⁹.

Опираясь на данные, собранные в ГАКО, и сопоставляя их со статистическими сведениями, опубликованными Генштабом, подведем скорректированный общий итог, характеризующий оптовую торговлю губернии:

1. Основной ассортимент товаров калужских купцов был традиционным для губерний центрального региона и не менялся с XVIII в. В перечне товаров преобладала продукция, которая отражала протоиндустриальный уровень развития губернии.

2. С изменением рыночного спроса, калужское купечество, не сумев перестроиться в соответствии с новыми требованиями, потеряло свои позиции на международном рынке.

3. Торговые связи, места закупки и сбыта оставались в изучаемый период преимущественно неизменными.

4. С развитием сети железных дорог и уменьшением значения речных торговых путей, а также обмелением рек губернии, происходит перемещение торговых центров. Выделяется новый важный пункт транзитной торговли — село Сухиничи. Теряют свое значение как торговые пункты Медынь и Перемышль, а прежде уездные города Воротыньск и Серпейск становятся заштатными и их торговля сужается.

Иными словами, к концу XIX в. Калужская губерния начинает работать на себя. Местные купцы обеспечивали потребности региона, имели разветвленную торговую сеть, широкие связи внутри государства и постоянных торговых партнеров за рубежом. С падением спроса на парусину в 1840-е гг., основной товар для губернии, сокращаются поставки ее за рубеж, что приводит к потере внешних торговых отношений с большинством западных представителей. Но некоторым купцам удалось до начала 1860-х гг. сохранить деловые отношения с Америкой и Европой. В качестве примера можно привести деятельность козельских купцов Брюзгиных, которые в 1856 г. заключили договор на поставку полотна в США, по расценкам Филадельфии⁶⁰. Однако это является уже исключением.

В отчетах 1870—1880-х гг. отмечается, что торговая деятельность Калужской губернии находится в застое. Главная причина, по мнению современников, заключалась в появлении новых, более бойких торговых пунктов вне пределов Калужской губернии, а также и близостью Москвы, откуда доставляли изделия, отличающиеся высоким качеством и «сравнительной дешевизною»⁶¹. Вывоз ограничивался лесом, конопляным маслом, пенькой, произведениями небольшого числа фабрик и заводов, ввозились мануфактурные, колониальные товары и хлеб. Особенностью губернской промышленности пореформенного периода стали, во-первых, ориентация на обработку местного сырья — кожи, льняного семени, древесины, картофеля, фосфоритной руды, глины, песка. Во-вторых, сокращение и упрощение выпускаемого ассортимента изделий. К ним относились предметы широкого потребления, и в частности, «специально крестьянские: хозяйственная посуда, кирпич, фосфоритные удобрения, плуги, веялки, молотилки, простой кожаный товар, растительное масло, жмых»⁶². Утрата калужским купечеством ведущих позиций в общероссийской торговле объяснялась современниками следующим образом: «...оптовую торговлю с заграничными городами убил тариф 1807 г. В 1817 г. вследствие общего понижения цены на хлеб большое число солидных купеческих фирм окончательно разорилось»⁶³. К этому необходимо добавить сокращение спроса на парусину, связанное с началом пароходостроения, которое и привело к упадку полотняную промышленность. Большинство фабрик этой отрасли закрылись, не выдержав соперничества с заграничным производством. Вместе с тем качество полотна калужских и козельских производителей со второй половины XIX в. стало заметно уступать иностранному.

Когда железные дороги пересекли соседние области — Тульскую, Орловскую и Смоленскую⁶⁴, — «товары окончательно начали обходить губернию»⁶⁵. Seriously озабоченное падением торговых оборотов, предпринимательское сословие, не раз обращалось с просьбой к губернатору о строительстве чугулки. После нескольких тщетных попыток в 1870 г. был составлен «Приговор Калужского городского общества о возбуждении ходатайства перед правительством о проведении железной дороги через г. Калугу». В «Приговоре», в частности, говорилось: «Мая 22 дня 1870 г. граждане г. Калуги, купцы и мещане, в общественном собрании при городской думе постановили: г. Калуга до проведения шоссейных дорог Московско-Варшавской и Московско-Тульской вел деятельную и сильную торговлю с Москвой, Петербургом, Ригью, западными и южными губерниями. Проведение же сказанных дорог произвело такое вредное влияние на торговлю, что весьма многие капиталисты вынуждены были прекратить ее. Затем неизбежно последовал упадок торговой деятельности, следовательно, и трудность приобретения средств к насущному пропитанию вследствие чего в городе почти повсюду видится бедность и развалины. Един-

ственным надеждою для поддержания города, который и в государственном благоустройстве имел важное значение, оставалось ожидать проведение через город железной дороги»⁶⁶.

Главным занятием жителей городов губернии в 1870—1880-е гг. являлась розничная и мелкая торговля, а также ремесла и отчасти огородничество. Не улучшилось положение и от проведения Московско-Брянской железной дороги, открытой в 1899 г. Железные пути миновали губернию в то время, когда это могло реально стимулировать развитие новых торговых связей, а строительство их в конце века уже ничего не решало. По замечанию, В.В.Шангина: «этим обходом Калуге был нанесен жестокий удар, и вряд ли город скоро приобретет какое-либо торгово-промышленное значение»⁶⁷.

Состояние розничной сети

Количество лавок и магазинов достаточно красноречиво свидетельствуют о положении торговых дел в губернии (таблица 7). При снижении спроса уменьшалось и число лавочек, владельцы которых чутко реагировали на изменения рыночной конъюнктуры. Сравнительный анализ данных о численности населения, купечества и торгово-промышленных заведений Владимира, Орла, Смоленска, Рязани, Тулы, Твери, Ярославля и Калуги показывает, что Калуга входила в тройку лидеров Центрального района России в 1825 и 1842 гг. Информация о числе лавок, трактиров и питейных домов, содержащаяся в таблице, отражает только заведения, находившиеся в собственности или аренде у купеческого сословия, как и в таблице на 1852 г. Данные за 1852 г. (таблица 9) дают возможность сравнить не только губернские и уездные города, но и количество заведений розничной торговли (а также промышленные заведения) по губерниям в целом. Калужские показатели находились на уровне средних (686 лавок по губернскому городу, 1416 по губернии и, например, 306 в самой Рязани и 942 по губернии, 468 — в Твери и 2030 по губернии; 198 в Смоленске и 999 по губернии). Из 7 городов и губерний, приведенных в таблице, по числу лавок Калуга занимает третье место, а Калужская губерния — четвертое.

Большое количество лавок в городах Калужской губернии объясняется не только особой любовью населения к торговому ремеслу, но и достаточно широкими свободами, предоставляемыми законодательством всем желающим содержать лавки, магазины и кладовые. Этот промысел предоставлялся «всем желающим в городах и имеющим право торга»⁶⁸.

Информация о содержании лавок, магазинов, трактиров, амбаров весьма обширна. В «книгах Городского магистрата» имеется перепись всех владельцев и арендаторов подобных заведений, а также «книги для сборов денег в доход города» с арендаторов мелких торговых лавочек, постоянных дворов и проч., «книги и

журналы городской думы и магистратов», где фиксировалась выдача свидетельств на содержание заведений мелочной торговли и т.п. По законодательству «наблюдение за точным выполнением правил, установленных для производства торговли, возлагается в городах на городские думы, а где оных нет — на ратуши, в селениях же — на земскую и сельскую полицию»⁶⁹.

Ежегодные рапорты проверяющих, которые поступали в губернскую Казенную палату, представляют картину стационарной торговли губернии с 1802 по 1861 гг. Коммерческую деятельность контролировали также торговые делегации, состоящие из уважаемых представителей купечества и мещанства. В их ведение входил сбор пошлин с содержателей и владельцев торговых заведений.

До постройки Гостиного двора (1785—1823 гг.), главного торгового комплекса губернии, на Староторжской площади Калуги располагались рынки: хлебный, рыбный, сапожный, меховой, скобяной, калачный, яблочный, москательный, мясной и т.д. В 1778 г. был утвержден план генеральной застройки Калуги по проекту архитектора П.Р.Никитина. При возведении первых корпусов Гостиного двора на площади были разобраны две церкви. «Построен Гостиный двор в стиле смешанного соединения русских основ с готическими деталями и своею причудливостью говорит о том понимании красоты строительства, которое сменило собою классические традиции и вкусы зодчих. Напоминая по всем данным дворцы Петровский и Царицынский, гостиный двор показывает, что в эту эпоху калужские строители зависели от архитектора М.Казакова»⁷⁰.

Комплекс Гостиных рядов стал украшением города, придал центральной площади праздничное, веселое настроение и стал главным местом торговли в городе. На его территории размещалось большое количество магазинов, лавок, амбаров и складов. Комплекс состоял из 14 корпусов: 10 выходили на Никитскую улицу, 2 — к Никитской церкви, 3 — на плац парадную площадь и 2 — на юг, к реке. Три корпуса соединялись арками. Внутри Гостиного двора стояли станки и лари; сюда был перенесен толкучий рынок, который ранее был на плац парадной площади. В начале XIX в. в книгах Городского магистрата значилось до 200 фамилий местных и иногородних купцов и мещан, арендующих лавки, магазины и амбары на территории комплекса; а торговцев в праздничные дни собиралось до 1,5 тыс. человек.

Здесь размещались амбары и магазины крупнейших калужских купцов: Билибиных, Золотаревых, Торубаевых, Зюзиных, Антипных, Черновых, Прянишниковых, Кожевниковых и др. Крупные торговцы держали в Гостиных рядах магазины и лавки, в которых продавали закупленные в Европе ткани, галантерею и товары Востока — чай, пряности, красивую посуду, ковры и украшения. Основная масса лавочек, принадлежавших купцам III-й гильдии и

мещанам, предлагала товары местного производства и продукты, закупленные в Москве — вина, фрукты, сладости.

Один из интереснейших магазинов Гостиных рядов — книжный магазин М.А.Антипина. Династия Антипиных, ведущая свою деятельность с середины XVIII в., специализировалась, главным образом, на оптовой торговле хлебом. Один из братьев открыл свое дело, и выбор его был неожиданным — торговля книгами. В одном из выпусков «Калужских губернских ведомостей» за 1846 г. появляется статья об открытии новой библиотеки и книжной лавки купца и привилегированного комиссионера Антипина⁷¹.

Гостиный двор часто посещал Н.В.Гоголь, когда бывал в Калуге в 1849—1851 гг. Любимым местом для него стал книжный магазин Антипина, туда он заходил каждый раз, и проводил там немало времени, изучая богатый ассортимент предлагаемых изданий. Существует предание о шляпе писателя, забытой им в книжной лавке Антипина. Предприимчивый купец использовал ее как рекламу, выставив в витрине для привлечения покупателей.

Библиотека М.А.Антипина, находившаяся в том же здании, что и магазин, как отмечалось в статье «Калужских губернских ведомостей»⁷², стала серьезным конкурентом публичной городской библиотеке и частной библиотеке Грудакова. Видимо, располагавший значительными средствами Антипин, мог позволить себе при покупке литературы гораздо больше. Количество названий книг в его библиотеке доходило до 1300, томов же насчитывалось — 4300. Помимо периодической литературы, собрание Антипина славилось широкой тематикой книг, которые могли удовлетворить интерес и учителя гимназии, и любителя светских историй, и предпринимателя.

Фирма М.А.Антипина за полстолетия превратилась из мелкой книжной лавки в крупнейший в губернии торговый дом, предлагавший самый разнообразный товар — от карандашей, перьев и бумаги 150 сортов до оружия, географических атласов, досок из 12 ценных пород древесины⁷³.

Другое замечательное место в Гостиных рядах — заведение купца II-й гильдии Павла Алтынникова. Магазин Алтынникова был универсальным: он состоял из трех больших помещений, хорошо освещенных и обставленных. В первом из них размещались товары для богатых покупателей — предметы роскоши из восточных стран: ковры, посуда, мебель, дорогие изделия из дерева и камня, а также серебряные и золотые украшения местных мастеров. Огромные зеркала, стоявшие в этой секции привлекали большое число любопытствующих, которые во много раз превышали количество реальных покупателей. Вторая комната отводилась для продажи «кожевенных, юхотных и шорных товаров». Здесь были самые разнообразные изделия и по качеству и по назначению: грубо выделанные кожи местного производства для сельскохозяй-

ственного инвентаря и технических инструментов, дорогая упряжь и другие товары для любителей верховой езды. Третья комната являлась олицетворением изобилия. В этом отделе предлагались продукты всех сортов и многочисленных производителей: от восточных пряностей и фруктов, имевшихся в продаже круглый год, до копченого мяса местного изготовления. Покупатели имели возможность широкого выбора крупяных изделий, которых насчитывалось более 50 наименований. Только сортов хлеба в магазине Алтынникова предлагалось более 30, не говоря уже о кондитерских изделиях. Главным местом закупок Алтынникова была Москва, но он предпринимал и более длительные путешествия — в Нижний Новгород и в Саратов.

Основную массу заведений Гостиных рядов составляли мелкие лавочки, их число колебалось от 380 в XVIII в. до 250 в середине XIX в. Помимо Гостиного двора, в городе были другие точки розничной торговли, как их называли, базары: «Трубянка», Сенный рынок (на одноименной площади), Новый торг (на Садовой улице), Дровяной торг (на Теренинской площади), «Юрилка» — базар у Московских ворот, Мясные ряды (на Новомясницкой), а также ярмарки на Крестовом поле и у Мироносицкой церкви.

В 1782 г. отменили запрет на открытие лавок в частных домах, что стало результатом неоднократных обращений в правительство так называемого нового купечества, страдавшего от недостатка торговых помещений. Дело в том, что верхушка старого гильдейского купечества сосредоточила в своих руках большую часть площадей и мест.

Когда запрет был отменен, в Калужский городской магистрат и магистраты и ратуши уездных городов еженедельно стали поступать прошения от мещан и купечества об открытии лавок, трактиров и др. В разное время за год заключалось от 100 до 250 договоров о содержании торговых точек в домах калужских мещан и купцов. В среднем в Калуге насчитывалось около 550 лавок (по данным за разные годы — максимальная цифра 654, минимальная — 448). Около 250 из них размещались на территории Гостиного двора, а около 60 на территории Мясных рядов, «Трубянки» и других рыночных мест. По данным Калужской казенной палаты более 200 лавок ежегодно вели свою торговую деятельность в домах местных жителей. В журналах Калужской городской думы и книгах для сбора денег в пользу города ежегодно фиксировались все владельцы лавок, их месторасположение, состояние, размер и торговая специализация, а также срок аренды помещения, и суммы дохода владельца дома, размер отчислений в городскую казну.

В одном доме могли размещаться несколько заведений самого разного характера: кузница, пекарня, цирюльня. Обычно в больших купеческих домах размещалось от 3 до 6 лавок. Для пополнения городского бюджета сдавался дом, принадлежащий Управе, в нем располагались пекарня и лавка, за которые воротынский ме-

шанин Василий Прокофьев по контракту платил 125 руб. серебром аренды и 12 руб. 15 коп. акциза за год. Там же находились цирюльня и аптека (где, главным образом, продавалась парфюмерия), содержанием которых значился московский купец III гильдии Илья Кожемякин. За оба заведения он платил, в общей сложности, 165 руб.⁷⁴

Не менее бойко велась торговля в уездных городах. О состоянии мелочной торговли составлялся ежегодно отчет, который должны были представлять ратуши или городские думы в двух экземплярах Калужской казенной палате и губернатору.

Наибольшее внимание из уездных городов уделялось самым значимым в экономическом отношении Козельску и Боровску. Данные по основным показателям, отражающим состояние розничной торговли в динамике с 1819 по 1852 г. приводятся в таблице 7.

Для сравнения приведем из «Статистического изображения городов и посадов» сведения по уездным городам других губерний. Например, г. Скопин Рязанской губернии в 1825 г. насчитывал 42 лавки, 5 трактиров и 9 питейных домов при числе жителей 7512 человек, г. Старица Тверской губернии — 30 лавок, 1 трактир и 5 питейных домов на 2631 человек, а г. Торжок той же губернии, с числом жителей 9433 человек — 146 лавок, 6 трактиров и 16 питейных домов. Иными словами, в среднем уездные города центральных губерний имели близкие показатели по торговым заведениям. Отличительным моментом является то, что города Тверской и Рязанской губерний лидировали по числу питейных заведений.

Подводя итог изучению торговли в уездных городах, можно выделить три основные группы в зависимости от преобладавшего в них вида предпринимательской деятельности. Пять из двенадцати городов губернии с уверенностью можно отнести к чисто торговым городам. Это — Малоярославец, Мещовск, Мосальск и заштатные города Серпейск и Сухиничи. Основным занятием их жителей была торговля, в Малоярославце — мелочными товарами и съестными припасами, в Мещовске — небольшими партиями пеньки, конопляным маслом, щетиной, невыделанной кожей. В Мещовске проходила самая крупная в губернии ярмарка — Петровская. В отличие от Серпейска, Малоярославца и Мосальска, чье значение как коммерческих центров постепенно падало, Сухиничи выделились в торговом отношении только во второй четверти XIX в. и были переведены из статуса экономического села в заштатный город по указу 1840 г. Сухиничи являлись важным складочным местом для товаров, отправляемых на Волгу и Западную Двину. В 1830-е гг. Сухиничи стали главным рынком пеньки, конопляного масла и семени. На торговле этого рода продуктами были созданы миллионные состояния некоторых представителей калужского купечества. Торговый оборот сухинических товарных складов в 1830-е гг. достигал 25 млн руб. ассигнациями⁷⁵.

Города с равномерно развитой торговой и промышленной сферой относятся ко второй группе. Ассортимент товаров, вывозимых купцами Боровска, Медыни, Козельска и Жиздры на рынки соседних губерний мало, чем отличался от товаров других уездов, за исключением продукции местной промышленности. В Санкт-Петербург поставлялись полотна с боровских мануфактур, на территории Медынского уезда действовало несколько спичечных фабрик, Козельск был крупным производителем и поставщиком брезента, канатов, палаток и вино-водочных изделий. Самым развитым в промышленном отношении был Жиздринский уезд, территория которого входила в состав Мальцевского промышленного округа.

Ряд городов губернии, с замирающей торговлей и неразвитой промышленностью, превращаются во второй четверти XIX в. в центры сосредоточения крестьянских и ремесленных промыслов. К таким городам можно отнести Тарусу, Перемышль, Лихвин и Воротынский.

В заключение следует сказать, что конец XVIII в. — первая четверть XIX в. стали временем расцвета Калуги как торгового города, интенсивной экономической и общественной жизни, периодом благосостояния его жителей. Ни до, ни после этого времени Калужская губерния уже не достигала столь высокого уровня в промышленности, торговле, не играла такой важной роли в жизни страны. Одновременно это был и период максимального подъема калужского купечества. По описанию современника: «Еще в первой четверти, до 1830-х гг. Калуга во многих отношениях могла сравниться с торговлею известнейших русских городов, но и в некоторых отношениях даже превосходила их. Многие из калужских купцов имели обширные сведения о торговле и мануфактурах и бывали сведущи в самых политических переворотах. Некоторые содержали корреспондентов и поверенных в лучших торговых городах иностранных и русских»⁷⁶. Обмеление судоходных рек — Оки и Угры, и строительство железных дорог, связывавших центр с другими регионами, а вслед за этим усиление конкуренции со стороны более активных предпринимательских элементов соседних губерний привело к снижению торговой активности калужского купечества.

Проводя сравнение предпринимательской деятельности калужского купечества в сфере торговли с купечеством соседних губерний, выделим общее и особенное. Для промышленных губерний центрального региона России характерна тесная связь торговли и промышленности. Средства, полученные купечеством в результате торговой деятельности, уходили в промышленный сектор, таким образом, была основана частная промышленность в противовес государственной, заложенной Петром Великим. В XIX в. уровень торговых оборотов губернии напрямую зависел от количества действующих заводов и фабрик и степени конкурентоспособности, производимых на них товаров. Общей чертой, характерной для промышленности этого региона, можно считать ори-

ентацию на местную сырьевую базу. Наиболее развитыми отраслями в большинстве центральных губерний являлись парусно-полотняная и чугунолитейная, обеспечивающие главным образом военный заказ.

Изменившийся спрос на международном и российском рынке потребовал от промышленников расширения ассортимента выпускаемых товаров и улучшения их качества. Однако только отдельные купцы смогли перестроиться в соответствии с новыми экономическими требованиями и тем самым вывести торгово-промышленные отношения своей губернии на новый уровень. Например, техническое переоснащение полотняной мануфактуры московского купца II-й гильдии П.Александрова расположенной на территории Боровского уезда, привело к улучшению качества выпускаемой продукции и повышению ее конкурентоспособности. Как отмечалось в отчетах министру финансов: «...по совершенству своего устройства и отличному механическому ткачеству, фабрика Александра стоит наряду с первыми русскими фабриками такого рода»⁷⁷. Усовершенствование заводов и фабрик купцами В.О.Говардом, С.Аристарховым и Х.Билибиным, позволило, несмотря на падение цен на парусину, продолжать поставки этого товара в Санкт-Петербург⁷⁸.

В переходный период развития социально-экономических отношений 1840—1850-е гг. для губерний центрального региона характерно ослабление экономической значимости губернских центров как основных поставщиков и производителей традиционных товаров. Рост торгово-промышленных показателей Владимирской, Рязанской, Тверской губерний происходил за счет новых промышленных центров, расположенных в уездных городах и экономических селах. Для Калужской губернии такими центрами стали — в торговом плане — Сухиничи, в промышленном — с. Людиново, где располагались заводы и фабрики Мальцева.

Другой общей чертой экономического развития центрального региона в изучаемый период являлось наличие двух важных факторов, заметно влияющих на состояние торгово-промышленной сферы. Это, во-первых, время проведения железной дороги, связывающей отдельную губернию с другими регионами и с центром, и, во-вторых, присутствие прогрессивных деятелей купеческого мира, чьи действия формировали новое отношение к торговле. Позднее появление железной дороги на территории Калужской губернии (1899 г.) и деловая консервативность и даже косность губернского купечества явились серьезными факторами, тормозящими экономическое развитие. Они привели в конечном счете к полному упадку торговли и промышленности на территории губернии.

Для Калужской, Тверской, Владимирской, Ярославской, Орловской губерний было характерно преобладание постоянной (стационарной) торговли над ярмарочной. К этому выводу мы пришли, анализируя продолжительность работы ярмарок, суммы, на которые привозились и реализовывались товары через постоянно

действующие заведения и через ярмарки, численность покупателей пользующихся услугами ярмарок, лавок, магазинов. Совокупность названных факторов отражает достаточно высокий уровень развития торговли не только в губернском, но и уездных городах.

Что касается розничной торговли, то она получила большее распространение в городах центральных губерний в форме лавок, а не магазинов. Причина коренится в том, что цены в магазине были фиксированными, в отличие от лавок, где покупатель имел право «поторговаться».

Важно отметить, что подобная схема развития торгово-промышленной сферы и предпринимательства в XVIII — первой половине XIX в. типична для некоторых губерний центральной России. Можно выделить два варианта развития экономических отношений. Для первого характерно снижение темпов развития торгового предпринимательства, сужение масштабов деятельности купечества и как следствие — уменьшение капиталов и падение экономических показателей по губернии в целом. Второй вариант определяется ростом торговых оборотов, увеличением числа промышленных заведений и расширением сектора занимаемого губернией в экономической сфере страны. В таких губерниях, как Владимирская, Костромская, Тверская, Тульская наблюдается бурное развитие промышленности и связанной с ней торговли. В пользу этого свидетельствуют статистические данные, отражающие состояние промышленности, оптовой, ярмарочной и розничной торговли, изменения в численности и составе губернского купечества.

Сокращение торговых операций и уменьшение численности купечества наряду с Калужской, отмечается в Смоленской и Рязанской губерниях. Схожие процессы в истории торговли объясняются, с одной стороны, особенностями российского купечества в целом, с другой — примерно одинаковыми условиями социально-экономического развития. Консервативность мышления, связанная с недостатком образования, деловая инертность и невосприимчивость к инновациям мешала купечеству перестроиться в соответствии с новыми требованиями времени. В свою очередь это приводило к падению спроса на предлагаемый ими товар, уменьшению торговых оборотов, и, как результат, к финансовому краху. Нежелание вкладывать деньги в техническое переоснащение фабрик, уклонение от передовых форм организации производства и торговли приводило к вытеснению с общероссийского рынка купца-одиночки и, в конечном счете, к потере дел. Поэтому 1830—1850-е гг. с этой точки зрения являются переходным периодом. Статистические источники указанного времени зафиксировали уменьшение численности купечества в некоторых центральных губерниях, сокращение числа лавок, магазинов и питейных домов, падение торговых оборотов ярмарок, почти полную утрату связей с зарубежными партнерами.

Изменение численности предпринимательского сословия по Калужской губернии (без дворян)

Города	1819 (ГАКО)						1824 (ГАКО)					
	Гильдии			иногородним купцам 3-й гильдии	торгующим крестьянам	иностранным фабрикантам и ремесленникам по 3-й гильдии	Гильдии			иногородним купцам 3-й гильдии	торгующим крестьянам	иностранным фабрикантам и ремесленникам по 3-й гильдии
	1-я	2-я	3-я				1-я	2-я	3-я			
1. Калуга	12	31	270	11	7	3	9	27	180	5	3	3
2. Боровск	2	10	117	8	10	5	2	9	111	7	4	3
3. Козельск	7	16	312	9	17	3	6	12	209	7	5	4
4. Таруса	—	—	34	—	2	—	—	—	33	—	3	—
5. Лихвин	—	—	20	—	1	—	—	—	19	—	3	—
6. Малоярославец	—	1	144	1	4	—	—	1	140	2	5	—
7. Жиздра	—	—	30	—	—	—	—	—	25	—	—	—
8. Мещовск	—	—	108	4	5	—	—	—	100	7	9	—
9. Мосальск	11	154	6	8	—	—	1	5	117	1	10	—
10. Перемышль	—	—	39	—	5	—	—	—	21	—	4	—
11. Серпейск	—	—	13	—	—	—	—	—	11	—	—	—
12. Воротынский	—	2	89	—	7	—	—	1	74	—	5	—
13. Медынь	—	—	16	—	4	—	—	—	11	—	5	—
Итого:	24	71	1326	39	70	11	18	55	1051	29	56	10
Итого предпринимателей:	1541						1219					

Составлено по: ГАКО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 34 (Списки о составе семейств калужских купцов и о предмете их торговли за 1812—1814 гг.), Д. 273 (Списки за 1842 г.), Д. 21, 321, 392, 645 (Журналы городской думы за разные годы); Ф. 404. Оп. 1. Д. 96, 161—169, 1009 (Ведомости Калужского губернского магистрата о числе купцов по г. Калуге с указанием их капиталов и доходов с них; Ведомости городских магистратов Калужского наместничества о числе купцов и доходов с их капиталов за разные годы).

Таблица 5 (Продолжение)

Города	1859 (ГАКО)						1860 (ГАКО)						1861 (ГАКО)					
	Гильдии			иностранцам купцам 3-й гильдии	торгующим крестьянам	иностранцам фабрикантам и ремесленникам по 3-й гильдии	Гильдии			иностранцам купцам 3-й гильдии	торгующим крестьянам	иностранцам фабрикантам и ремесленникам по 3-й гильдии	Гильдии			иностранцам купцам 3-й гильдии	торгующим крестьянам	иностранцам фабрикантам и ремесленникам по 3-й гильдии
	1-я	2-я	3-я				1-я	2-я	3-я				1-я	2-я	3-я			
1. Калуга	2	12	231	—	2	1	1	12	276	—	2	1	2	16	290	—	2	2
2. Боровск	—	2	102	—	2	—	—	1	138	1	—	2	—	1	145	1	2	—
3. Козельск	—	4	50	1	—	—	—	4	56	—	1	—	—	2	66	3	4	1
4. Таруса	—	1	36	1	2	—	—	1	49	—	—	—	—	2	55	—	1	—
5. Лихвин	—	—	35	—	1	—	—	—	32	—	—	—	—	—	31	—	—	—
6. Малоярославец	—	—	43	—	2	—	—	—	51	2	3	—	—	—	59	—	2	—
7. Жиздра	—	1	103	—	2	—	—	1	119	—	2	—	—	1	124	—	2	—
8. Мещовск	1	1	95	—	1	1	1	1	116	—	2	—	1	1	118	—	3	—
9. Мосальск	1	4	78	—	4	1	1	4	84	—	4	1	1	5	95	—	6	—
10. Перемышль	—	—	31	—	5	—	—	—	27	—	4	—	—	—	43	—	1	—
11. Серпейск	—	—	18	—	—	—	—	—	19	—	—	—	—	—	25	—	—	—
12. Заштатный Воротынский	—	—	39	—	7	—	—	—	56	—	5	—	—	—	81	—	6	—
13. Медынь	—	—	38	1	1	—	—	—	40	—	1	1	—	—	57	—	3	1
14. Заштатный Сухиничи	—	2	85	—	4	—	—	—	37	—	—	—	—	—	30	—	—	—
Итого:	4	27	984	39	33	3	3	24	1100	3	24	5	4	30	1219	4	32	4
Итого предпринимателей:	1090						1159						1293					

Таблица 6

**Обороты капиталов в разных формах торговли
по Калужской губернии на 1824 год**

Оборот капиталов	Калужский уезд	Козельский уезд	Мосальский уезд	Мещовский уезд	Жиздринский уезд	Боровский уезд	Малоярославецкий уезд	Лихвинский уезд	Медынский уезд	Перемышльский уезд	Тарусский уезд	Итого
В оптовой и лавочной торговле (руб.)	9 млн.	1266 тыс.	—	310 тыс.	1545 тыс.	536050	106500	34238	51707	81800	50000	12981195
В ярмарочной торговле (руб.)	3 млн.	17500	400 тыс.	35 тыс.	75 тыс.	70 тыс.	40700	12500	21475	41800	100 тыс.	3813975
Количество рынков и торгов	3	2	156	6	28	4	3	52	156	52	1	463
Ярмарки	—	5	27	1	15	7	10	4	5	1	5	80
Лавки	562	70	124	175	25	99	38	17	54	9	22	1195
Хлебные амбары	143	—	5	—	—	—	13	—	—	—	4	165

Источник: ГАКО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 1283. Л. 228—231.

Таблица 7

**Численность заведений розничной торговли в губернском и уездном городах
по Калужской губернии**

Города	1819 год			1824 год			1852 год		
	лавки	трактиры	питейные дома	лавки	трактиры	питейные дома	лавки	трактиры	питейные дома
Калуга	563+3 рынка*	25	29	595	34	31	686	39	30
Козельск	30+1 рынок	1	7	44	2	7	71	2	7
Боровск	46	4	6	71	3	7	87	7	6
Мешовск	6	1	5	6	1	5	34	3	5
Малоярославец	3	—	1	15	1	2	42	2	3
Медынь	10	1	2	16	2	4	36	4	4
Таруса	8	1	1	10	1	2	16	2	3
Лихвин	12	2	2	20	5	1	28	14	4
Мосальск	17	1	3	29	1	3	30	4	3
Сухиничи	13	1	2	35	2	2	38	2	2
Серпейск	15	1	1	10	1	1	7	1	3
Воротынский	12	1	2	8	—	2	4	—	2
Перемышль	9	—	—	14	1	2	17	2	3
Жиздра	12	—	5	33	4	5	35	5	5
Итого	756	39	66	906	58	74	1131	87	70

Составлено по: ГАКО. Ф. 68. Оп. 2. Д. 328, 347, 362; Статистические таблицы о состоянии Российской империи. СПб., 1852.

* В источнике еженедельно действующие рынки — продуктовый, вещевой и сенной, вносились в графу «лавки».

**Калужская губерния в сравнении с городами Центральной России
(численность населения и торгово-промышленных заведений)**

Город	Губерния	Всего жителей		Купцов М/П		Фабрики и заводы		Лавки		Трактиры		Питейные дома	
		1825	1842	1825	1842	1825	1842	1825	1842	1825	1842	1825	1842
Калуга	Губернский	26431	35290	1028	920	57	55	563	487	25	37	39	40
Боровск	Калужская	6844	8102	405	718	5	39	46	77	4	9	6	6
Козельск	Калужская	4541	6479	183	150	11	4	30	71	1	2	7	7
Мещовск	Калужская	2955	3168	182	132	—	—	6	34	1	3	5	5
Орел	Губернский	26816	32600	1514	1058	53	47	315	509	14	31	43	43
Мценск	Орловская	8961	8221	573	742	36	11	194	72	8	8	19	19
Рязань	Губернский	18326	18951	350	257	23	17	297	188	11	26	20	18
Сапожок	Рязанская	2536	3472	158	326	1	—	—	37	2	3	5	4
Тверь	Губернский	33119	17085	467	598	53	43	25	406	12	17	22	24
Торжок	Тверская	10493	11525	442	477	1	—	146	110	6	—	16	—
Тула	Губернский	38391	51735	168	740	85	44	457	279	21	26	40	40
Владимир	Губернский	9859	12035	278	328	5	16	12	156	5	10	16	20
Ярославль	Губернский	20271	34913	340	460	67	56	15	864	29	29	27	27

Составлено по: Статистическое изображение городов и посадов Российской империи по 1825 г. СПб., 1830. С. 25—30; Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи, великого княжества Финляндского и царства Польского. Статистический отдел совета МВД. СПб., 1842. С. 145—147.

* В первой половине XIX в. к фабрикам и заводам относили заведения с числом рабочих более 16 человек и с наличием хотя бы одной машины, или другого технического средства.

**Сравнительная таблица Калужской губернии
с другими губерниями Центральной России на 1852 г.**

Города и губернии	Число лавок	Число тракти- ров	Число питей- ных- домов	Купечество по гильдиям				Число фабрик и заво- дов	Число рабо- чих	Ценность изде- лий выпущенных на предприятиях за год
				1-й	2-й	3-й	итого:			
				М/П	М/П	М/П				
Калуга	686	39	30	6	54	616	676	41	464	2079999
Калужская губерния	1416	76	79	32	100	3098	3230	180	3052	3467803
Орел	1634	20	40	11	23	514	548	87	518	201520
Орловская губерния	2591	57	160	56	194	6791	7041	348	2838	1596,65
Рязань	306	18	15	—	5	290	295	10	53	10871
Рязанская губерния	942	60	73	18	71	3710	3799	79	1786	985456
Владимир	198	5	36	23	75	653	751	29	301	26689
Владимирская губерния	999	28	129	54	128	4141	4323	127	655	168777
Тверь	468	13	23	1	58	462	521	55	360	1645997
Тверская губерния	2030	47	120	36	163	4488	4687	317	3678	1762781
Тула	567	33	44	32	41	710	783	94	1795	705905
Тульская губерния	1281	62	124	32	86	4867	4985	165	3413	1906577
Ярославль	894	36	47	18	86	581	685	56	1562	705410
Ярославская губерния	2910	102	125	61	238	2571	2870	155	2442	1792902

Источник: Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи, составленные в стат. отделении совета МВД. СПб., 1852.

Примечания

¹ Баяндина Н.П. Пермь купеческая. Пермь, 1997; Бойко В.П. Томское купечество конец XVIII — XIX вв.: Из истории формирования Сибирской буржуазии. Томск, 1996; Кускова И.Г. Рязанское купечество. Очерки истории XVI — начало XX вв. Рязань, 1996; Парамонова И.Ю. Промышленная деятельность тульского купечества XIX вв. // Купечество в России XV — первая половина XIX вв. Сб. ст. М., 1997; Старцев А.В., Гончаров Ю.М. История предпринимательства в Сибири XVII — XX вв. Барнаул, 1999.

² Аксенов А.И. Генеалогия московского купечества. М., 1988; Он же. Очерки генеалогии уездного купечества XVIII в. М., 1993; Бовыкин В.И. Зарождение финансового капитала. М., 1967; Гиндин И.Ф. Русская буржуазия в период капитализма // История СССР. 1963. № 2, 3; Киняпина Н.С. Политика русского самодержавия в области промышленности. М., 1968; Лаверычев В.Я. Военный государственно-монополистический капитализм в России. М., 1988; Лаверычев В.Я. Крупная буржуазия в пореформенной России 1861—1900. М., 1974; Миронов Б.Н. Внутренний рынок России во второй половине XVIII — первой половине XIX вв. М., 1981; Рындзюнский П.Г. Утверждение капитализма в России. М., 1973.

³ Военно-статистические обозрения Российской империи. Т. 1—17. СПб., 1848—1858; Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генштаба. Т. 1—25. СПб., 1859—1868; Статистическое изображение городов и посадов Российской империи. СПб., 1800, 1807, 1811, 1825, 1842, 1863.

⁴ Голицын И.А. Статистические таблицы Всероссийской империи. М., 1807; Описание и алфавиты к Калужскому атласу. СПб., 1782; Попроцкий М. Материалы для географии и статистики России. Часть 2. Калужская губерния. М., 1864; Чаплин С. Опыт статистического обозрения Калужской губернии. М., 1838.

⁵ Малинин Д.И. Опыт исторического путеводителя. Калуга, 1992. С. 50.

⁶ Полное собрание узаконений о губерниях. СПб., 1818. С. 8.

⁷ Государственный архив Калужской области (далее: ГАКО). Ф. 404. Оп. 1. Д. 90. Л. 7 об.

⁸ Там же. Ф. 404. Оп. 1. Д. 96. Ведомости Калужского губернского магистрата за 1789 г.

⁹ Подсчитано по: ГАКО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 36, 37, 40, 45, 47, 50, 55, 57, 409, 410, 411, 412, 415.

¹⁰ Малинин Д.И. Калуга: опыт исторического путеводителя по Калуге и главным центрам губернии. Калуга, 1992. С. 56.

¹¹ ГАКО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 46, 46а, 50.

¹² Там же. Ф. 404. Оп. 1. Д. 168.

¹³ Там же. Ф. 49. Оп. 1 Д. 107, 118, 253; Ф. 404. Оп. 2. Д. 36, 57, 301; Ф. 372. Оп. 7. Д. 12, 45.

¹⁴ Данные получены при обработке документов ГАКО (Ф. 49; Ф. 404).

¹⁵ Свод законов Российской империи. Т. II. Устав торговли. Ст. 75, 76 и 94.

¹⁶ Аксенов А.И. Очерки генеалогии... С. 43.

¹⁷ Памятные книги Калужской губернии (далее: ПККГ). Тарасенков И. Обзорение фабричной и заводской промышленности Калужской губернии. Калуга, 1861. С. 142.

- 18 По анализу данных ГАКО (Ф. 49. Оп. 1. Д. 24, 36, 37, 48, 54, 102; Ф. 62. Оп. 17. Д. 50, 92; Ф. 404. Оп. 1. Д. 7, 29, 44; Ф. 372. Оп. 1. Д. 46а, 86).
- 19 Данные собраны ГАКО (Ф. 49. Оп. 1. Д. 128, 279, 281, 282, 480, 696; Оп. 14. Д. 307, 309, 1308; Ф. 46. Оп. 4. Д. 62).
- 20 Описание и алфавиты к Калужскому атласу.
- 21 ГАКО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 38, 39, 40.
- 22 Киняпина С.Н. Политика русского самодержавия... С. 91.
- 23 ГАКО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 300.
- 24 Там же. Ф. 132. Оп. 1. Д. 27, Отчет губернатора о состоянии губернии на 1824 г. Л. 159—160 (с сохранением орфографии).
- 25 ГАКО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 273. Л. 24.
- 26 Купечество в России XV — первая половина XIX вв. Сб. ст.
- 27 Репин Н.Н. Купцы-капиталисты и внешняя торговля России в XVIII вв. // Купечество в России XV — первой половины XIX. С. 185.
- 28 Там же. С. 179.
- 29 Новицкий К.П. Ярмарки и их роль во внешней торговле в первой половине XIX в. С. 102.
- 30 Рожкова М.К. К вопросу о значении ярмарок // Торгово-промышленный регион Центральной России в XVIII—XIX вв. Предпринимательская деятельность. Сб. ст. Тула, 1972.
- 31 Рубинштейн Н.Л. Русская ярмарка XVIII в. М., 1939. С. 20.
- 32 Миронов Б.Н. Внутренний рынок России во второй половине XVIII — первой половине XIX в. М., 1981. С. 25.
- 33 Малинин Д.И. Опыт исторического путеводителя С. 78.
- 34 ГАКО. Ф. 32. Оп. 20. Д. 131. Л. 80.
- 35 Там же. Д. 105. Л. 41 об.
- 36 Там же. Ф. 32. Оп. 19. Д. 460, 973, 1283.
- 37 Некрылова А.Ф. Русские народные городские праздники. Л., 1988. С. 36.
- 38 ГАКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 9—15.
- 39 Там же. Ф. 45. Калужского городского магистрата; Ф. 404 Калужского губернского магистрата; Ф. 297—306. Фонды уездных магистратов.
- 40 ГАКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 56. Л. 37.
- 41 Там же. Ф. 32. Оп. 19. Д. 1283. Л. 228—231.
- 42 64 важнейшие ярмарки, с оборотом от 500 тыс. до 5 млн руб, были выделены Коммерц-коллегией в 1806 г.
- 43 Материалы для статистики Российской империи. СПб., 1839. С. 180.
- 44 Там же. С. 45.
- 45 В период, на который приходится исследование, к крупной промышленности можно отнести заведения с числом рабочих не менее 100 человек и с использованием различных машин.
- 46 ГАКО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 46 а. Л. 327.
- 47 Там же. Д. 34, 37, 38, 40.
- 48 Там же. Л. 121.
- 49 Там же. Д. 34, 37, 38, 39.
- 50 Там же. Д. 319. Л. 16.
- 51 Калужские губернские ведомости. 1846. № 144 (неофициальная часть). С. 7.

- 52 Бурьшкин П.А. Москва купеческая. М., 1991. С. 122.
- 53 ГАКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 114. Л. 210 об.
- 54 Там же. Ф. 32. Оп. 1. Д. 68. Л. 436.
- 55 Материалы для статистики Российской империи. СПб., 1839. С. 202.
- 56 Бурьшкин П.А. Указ. соч. С. 119—152.
- 57 ГАКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 11, 103, 204; Ф. 23. Оп. 20. Д. 148.
- 58 Там же. Ф. 32. Оп. 2. Д. 165. Л. 10.
- 59 Там же. Оп. 1. Д. 20. Отчет о состоянии губернии на 1854 г. Л. 60—62.
- 60 Там же. Ф. 371. Оп.1. Д. 1901. Л. 11.
- 61 Там же. Ф. 46 а. Оп. 2 Д. 76 Л. 176—180 об.
- 62 Там же. Л. 185 об.
- 63 Краткий очерк торговой и промышленной деятельности Калужской губернии / Сост. В.В.Шангин. Калуга, 1897. С. 12.
- 64 Для сравнения: казенная ж/дорога Москва—Тула была проведена в 1866 г., Москва—Тверь в 1851 г., Москва—Владимир в 1861 г., Москва—Орел в 1868 г., Москва—Ярославль и Москва—Вязьма в 1870 г. По данным: Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия. М., 1996. Т. 2. С. 169—173.
- 65 Краткий очерк торговой и промышленной деятельности Калужской губернии. С. 60.
- 66 ГАКО. Ф. 62. Оп. 19. Д. 189. Л. 2—4.
- 67 Краткий очерк торговой и промышленной деятельности Калужской губернии. С. 61.
- 68 Свод законов. Т. 11. Устав Торговый. Ст. 308. СПб., 1842.
- 69 Там же. Ст. 251. СПб., 1842.
- 70 Малинин Д.И. Калуга. Опыт исторического путеводителя по Калуге. Калуга, 1992. С. 84.
- 71 КГВ. 1846. № 144 (неофициальная часть). С. 7.
- 72 Там же. 1847. № 18 (неофициальная часть). С. 32.
- 73 Вусович Ю.А. Медико-топографическое описание г. Калуги. Калуга, 1829.
- 74 ГАКО. Ф.49. Оп. 1. Д. 321 Л. 15.
- 75 Там же. Ф. 32. Оп. 19. Д. 1283. Л. 228—230.
- 76 Цит. по: Малинин Д.И. Опыт исторического путеводителя. С. 51.
- 77 ГАКО. Ф. 372. Оп. 1. Д. 25. Л. 73 об.
- 78 Там же. Д. 147.

**Дело о несостоятельном должнике
М.С.Кузнецове 1876—1881 гг.
(эпизод из жизни «фарфорового короля»)**

История русского предпринимательства, интерес к которой если не возродился, то значительно вырос за последнее десятилетие, содержит еще множество неразрешенных теоретических вопросов и просто фактических пробелов. Один из таких вопросов — существование региональных особенностей предпринимательства. В частности, нас интересует вопрос: имело ли некие качественные отличия ведение дел старообрядческими купеческими, торгово-промышленными домами Московского региона? Решение подобной исследовательской задачи связано с естественными трудностями: и с недостатком историографического опыта и, что существеннее, с ограниченностью источниковой базы. Ведь сохранившиеся архивные фонды, как известно, далеко не всегда и не полно освещают историю отдельных предприятий¹. Впрочем, определенные наработки, в том числе и в методологических подходах, в нашем распоряжении уже есть².

Что касается некоторых сфер торгово-промышленной деятельности, связанных с художественными промыслами России, то здесь внимание исследователей традиционно было сосредоточено в основном на историко-культурной, эстетической, часто сугубо искусствоведческой стороне дела. С одной стороны, это привлекало к соответствующим отраслям и предприятиям интерес достаточного числа авторов (например, коллекционеров), с другой стороны, непосредственно хозяйственная деятельность русских промышленников оставалась в тени. Так, практически вся литература, немалая по объему, которая затрагивала историю «кузнецовского» фарфора, в той или иной степени позволяет отнести ее к области искусствоведения³, в особенности это касается советского периода.

В обширной хозяйственной и коммерческой деятельности «Товарищества производства фарфоровых и фаянсовых изделий Матвея Сидоровича Кузнецова» наш интерес привлек один любопытный эпизод, связанный с довольно неожиданным финансовым провалом этой известнейшей фирмы и ее тогда еще молодого хозяина. Как представляется, сам образ действий участвовавших в

* Смирнов Игорь Павлович — кандидат исторических наук (Центр общественных наук при МГУ им. М.В.Ломоносова).

этой истории крупных московских предпринимателей, относящихся к одной и той же страте своего класса, в этой по-своему неординарной, но по-своему и стандартной ситуации может представлять интерес. Но не менее важным при выборе темы стало другое соображение: именно этот эпизод сравнительно полно обеспечен источниками, составляющими компактный архивный блок.

Документальной базой для настоящего сюжета послужили материалы двух фондов Центрального исторического архива Москвы — «Товарищества производства фарфоровых и фаянсовых изделий М.С.Кузнецова» (№ 337) и Московского коммерческого суда (№ 78). В первом речь идет о деле № 53, содержащем материалы к отчету о деятельности Администрации по делам М.С.Кузнецова: балансы, счета, списки кредиторов и дебиторов, векселя, заявления о взыскании долга и другую делопроизводственную и финансовую документацию. Из 78 фонда использованы дела с 2736 по 2743, т.е. Журналы Администрации, после ее закрытия сданные в суд. Делопроизводство фиксирует, в данном случае зачастую выборочно и отрывочно, формальные итоги деятельности участников событий, позволяя делать более или менее спекулятивные выводы о ее характере и движущих силах, причинах и последствиях. Матвей Сидорович Кузнецов, будущий «фарфоровый король», собравший в своих руках наибольшую часть крупных фарфорово-фаянсовых предприятий России и контролировавший чуть ли не все производство фарфора в стране, к рассматриваемому моменту уже сделал первые шаги к основанию своей промышленной и торговой империи. Но и на его пути случилась заминка, и продолжилась она больше четырех лет: предприятие попало в долги, выбраться из которых самостоятельно оказалось не в состоянии.

Это само по себе довольно странно, потому что все шаги, предпринимаемые хозяевами фирмы со времени основания до сего момента, были на редкость успешными и результативными. Фирма существовала с начала XIX в. и происходила из Гжели, старинной промысловой области вблизи Москвы, населенной старообрядцами-поповцами. О Гжели вообще стоит сказать особо.

В этом районе процветали промыслы — в первую очередь ткачество, хмелеводство с центром в Гуслицкой волости и гончарное производство, славившееся своими искусными мастерами. Гончарный промысел бытовал здесь издавна; уже в XVII в. по указу Алексея Михайловича Гжель вместе с крестьянами была закреплена за Аптекарским приказом для изготовления глиняной посуды. После открытия в 1802 г. местной светлой глины, сделавшего возможным производство здесь фарфора, Гжель представляла собой в XIX в. район сплошной мануфактуры с потоварным разделением труда, т.е. специализацией по производству разных видов работ внутри своих границ. Гжельские заводы носили полукустарный характер, были мелкими, изготавливали ходовой рыночный товар грубой выделки. Близость Москвы открывала широкие возможности сбыта продукции, местность изобиловала лесом, в избытке были

и дешевые рабочие руки — все условия для керамического производства. Связь с Москвой имела и еще одну прочную основу: как сказано в очерках А. Нентцеля, нижегородскую дорогу гжельцы предпочитали коломенской потому, что «от московской станции этой дороги ближе, чем от коломенской, находится Рогожская — постоянный приют гжельцев в Москве»⁴.

В начале XIX в. в этой местности, в деревне Ново-Харитоново Бронницкого уезда, в 1810 г., зародилось крупнейшее керамическое дело России, будущая фирма «Товарищество М.С.Кузнецова», в виде маленького завода для выделки фарфоровой посуды. Своим основанием оно обязано предприимчивому лесопромышленнику и кузнецу Якову Васильеву с сыновьями Терентием и Анисимом, впоследствии принявшими фамилию Кузнецовых.

У каждой купеческой династии своя судьба, но вот присущая всем им типичная характерность, схематично намеченная еще В.П.Рябушинским в его «Русском хозяине», полнее всего отразилась, пожалуй, на семье Кузнецовых. Поэтому остановимся на истории происхождения дела подробнее. Как водится, с ним связана легенда. Завязывается она в первое десятилетие XIX в., когда между деревнями Речица и Ново-Харитоново возникает незатейливая кузня крестьянина Якова Васильева. Вместе с сыновьями Терентием и Анисимом ковали они деревенских лошадей, чинили телеги, крестьянский инвентарь, приторговывали пиломатериалами, принимали постояльцев на постой. Молва утверждала, что неожиданно резкий рост их богатства связан с ограблением и убийством одного из постояльцев, проезжего татарского купца. На берегу речки Дорки быстро вырос новый завод с двумя горнами, вчерашний коваль с сыновьями приняли фамилию Кузнецовых, дела у них пошли в гору.

С 1812 г. во главе предприятий стал старший сын, Терентий Яковлевич Кузнецов; завод работал полным ходом. В 1845 г. на нем было 4 горна и 44 рабочих. В 1852 г. завод был расширен, организовано производство фаянса и полуфаянса. В начале 1850-х гг. он перешел в совместное владение сыновей Терентия Сидора и Емельяна с сыновьями его брата Анисима, Николаем и Адрианом. В 1853—1854 гг. наследники разделились, и Ново-Харитоновская фабрика осталась за Николаем и Адрианом Анисимовичами. В 1856 г. завод числился за Николаем, а на рубеже 1850—1860 гг. был закрыт (в 1876 г. Семен Николаевич основал новый завод, вскоре опять закрытый).

Терентьевичи сосредоточились на других фабриках — в Дулеве и Риге, которые достались Сидору Терентьевичу и наследникам Емельяна Терентьевича.

Очень прибыльная торговля посудой в Риге подала Т.Я.Кузнецову мысль поставить производство в этом городе — сначала для полуфаянсовой посуды. В 1845 г. Рижская фабрика была пущена в ход: мастерами были опытные рабочие из Гжели, а сырые материалы подвозились морем из Германии. На окраине Риги, недалеко от Западной Двины, появились небольшие деревянные избы

подмосковных рабочих. С годами здесь выросла улица, названная Московской, а выходцы из Гжели составили основу рижской старообрядческой общины поповского толка.

Дулевский завод был основан Терентием Яковлевичем еще раньше, в 1832 г., в пустоши Дулево Покровского уезда Владимирской губернии. В его планы входило завести такое обширное дело, какого еще не было не только в Гжели, но и во всей России. Выезжая на базары и ярмарки, он изучал встречавшиеся на пути фарфоровые предприятия, стремился выведать, как ведет дело заводчик, посуда которого в цене. Новый завод решил ставить не в Гжели, где нужно было мириться с сильнейшей конкуренцией других промышленников, а где-нибудь подальше, в глуши, где рабочие руки не так дороги, достаточно леса и нет конкурентов. Но чтобы и от Гжели не очень далеко, ведь Т.Я.Кузнецов рассчитывал на искусство гжельских гончаров.

Вскоре он узнал, что обедневшие помещики Сарычевы ищут покупателя на земли в пустоши близ деревни Ликино. Место оказалось низким, болотистым, окруженным лесами. Сосновые и еловые боры перемежались березовыми рощами. Крестьянам на таких землях хлеба не хватало даже до Рождества. В 1832 г. Т.Я.Кузнецов приобретает земли пустоши и начинает набирать по деревням кустарей. Пригласив артели рязанских плотников, он начал валить лес, расчищать площади для будущего завода. Строители поселились в деревне Короткой, откуда рукой подать до Дулева, как называли здешние крестьяне это место по имени жившего на опушке лесника Дулева. В Ново-Харитонове была основана специальная контора для вербовки («переманивания») гжельских мастеров.

В 1840—1850-х гг. Т.Я.Кузнецов сначала арендовал, а потом приобрел в собственность фарфоровый завод А.Т.Сафронова в Короткой, получив таким образом квалифицированных коротковских рабочих-живописцев, владевших особым секретом приготовления красок. После смерти Терентия Яковлевича и уже упомянутого раздела между наследниками, произошедшего в 1853—1854 гг., завод в Короткой перешел к сыну Терентия Сидору. Он значительно расширил производство, доведя число рабочих до 400, но затем закрыл завод, полностью переведя его в Дулево и сосредоточив там все производство.

Много потрудившийся над расширением дела Сидор Терентьевич Кузнецов умер 30 января 1864 г. Его наследник, Матвей Сидорович, действовал сначала при поддержке своего двоюродного брата Ивана Емельяновича Кузнецова, а потом самостоятельно и весьма энергично развивал дело. Завод в Дулево уже в конце 1850-х гг. пользовался значительной известностью. Деятельность Сидора и особенно Матвея Кузнецовых совпала с периодом прекращения действия оградительного тарифа 1822 г. и последствий этого прекращения с большим наплывом на русский рынок зарубежных изделий. В борьбе за существование, развернувшейся в керамической промышленности России во второй половине XIX в., прекратили деятельность многие мелкие и средние фарфорово-фа-

яновские предприятия. Сохранились лишь те заводы, владельцы которых сумели приспособиться к новым условиям. Кузнецовы оказались наиболее способными и деятельными. М.С.Кузнецов внимательно следил за развитием экономических и технических условий производства и за счет этого побеждал своих конкурентов на рынке фарфора. Причиной была дешевизна и хорошее техническое качество его товара. В середине века, при Сидоре Терентьевиче, изделия Дулева не отличались высоким техническим и художественным качеством. Типичным в его продукции был так называемый «серенький» фарфор, главное достоинство которого находили в дешевизне. Улучшение качества произошло в основном при Матвее Сидоровиче.

Сразу заметим, что Матвей Сидорович, правнук основателя дела, занял особое место во всей истории отечественного фарфорового производства. Он родился 2 августа 1846 г. в Ново-Харионове. Получив домашнее воспитание, в 15 лет он был отправлен в Ригу на фабрику отца для изучения фабричного дела под руководством управляющего Рудакова. Здесь будущий фабрикант во всех тонкостях познакомился с производством фарфора и фаянса. Ему пришлось рано осиротеть, что делало его окончательно самостоятельным в столь юном, перед лицом ответственных задач, возрасте. Поскольку Матвей Сидорович был единственным сыном и по духовному завещанию единственным наследником, то он немедленно по смерти отца вступает в управление всеми делами под попечительством трех зятей (мужей сестер): бронницкого купца Матвея Васильевича Анисимова, павлопосадского купца Андрея Яковлевича Щепетильникова и богородского купца Сергея Васильевича Балашова. С 1865 г. М.С.Кузнецов женат на богородской купеческой дочери Надежде Вуколовне Митюшиной. После наступления совершеннолетия в 1867 г. он ведет дело уже самостоятельно. Его деловой почерк весьма напоминает хватку деда. В 1870 г. им приобретен известный высоким качеством изделий фаянсовый завод лифляндского уроженца помещика Ауэрбаха при селе Кузнецово Корчевского уезда Тверской губернии, основанный в 1839 г. В эти годы дулевский завод М.С.Кузнецова, как и фабрика Ауэрбаха, входят в число восьми на всю Россию в своей отрасли, использовавших паровой двигатель.

Динамика основного капитала на кузнецовских фабриках по десятилетиям такова: в 1835 г. он составлял 200 000 руб.; в 1845 г. — 400 000 руб.; в 1855 г. — 500 000 руб.; в 1865 г. — 800 000 руб.; в 1875 г. — 1 400 000 руб.⁵

Продукция фирмы начинает получать награды: Похвальный лист выставки сельского производства и фабричных изделий в Риге 1853 г.; а при М.С.Кузнецове — Почетный отзыв мануфактурной выставки в Санкт-Петербурге 1870 г.; Государственный герб, Золотая медаль и Большая серебряная медаль политехнической выставки в Москве 1872 г. Но к этому времени предприятие уже сталкивается с финансовыми трудностями.

1860—1870-е гг. были непростым временем для керамического производства в России. Если говорить о тенденциях производства фарфора в стране в целом, то до 1861 г. развитие этой отрасли промышленности шло по нарастающей, но после реформы произошло резкое уменьшение количества предприятий. Затем число вновь открываемых фабрик стало неуклонно расти, достигнув пика в 1890-е гг. Кроме того, начало 1860-х гг. было тяжелым временем именно для гжельского производства: дороговизна дров и повышение цены на привозную глуховскую глину (ее необходимо было подмешивать к местной) сильно на нем отразились, уменьшив объемы производимой продукции. Вряд ли, правда, такое положение вещей могло создать проблемы для дела М.С.Кузнецова, которое как раз и росло за счет кризиса и краха множества мелких предприятий.

Причины финансового расстройтва фирмы не совсем ясны. Возможно, к ним следует отнести состоявшуюся в 1870 г. покупку знаменитой фабрики Ауэрбаха. 9 июня 1870 г. М.С.Кузнецов Высочайше возведен в звание Потомственного Почетного Гражданина за приобретение без всякой ссуды и без перевода долга имения Юховичи в Дриссенском уезде Витебской губернии от помещика Игнатия Храповицкого. Может быть, это столь социально значимое приобретение тоже послужило началом его денежных проблем. Рождение первых трех детей в 1868, 1869 и 1870 гг., безусловно, увеличило расходы на содержание семьи. И все же мы делаем предположение, что одной из главных причин возникшего дефицита денег стали расстроившиеся дела непосредственно на фабрике.

Об этом косвенно свидетельствует появление в фирме М.С.Кузнецова нового лица — Петра Ивановича Ануфриева. Купец Павловского Посада, он состоял бухгалтером на фабрике Викулы Елисеевича Морозова. Именно по рекомендации В.Е.Морозова он был приглашен двоюродным братом М.С.Кузнецова Иваном Емельяновичем Кузнецовым в Москву. Впоследствии он станет одним из ближайших сотрудников и помощников М.С.Кузнецова и даже, в числе только ближайших родственников, пайщиком товарищества. Что же касается начала его деятельности у М.С.Кузнецова, из историко-статистического описания И.Ф.Томакова нам известно, что П.И.Ануфриев прибыл в Москву 1 декабря 1874 г. для «устройства и упорядочения счетоводства как главной конторы, так и фабрик и торговли фирмы»⁶. Бухгалтерский учет был, надо понимать, в плачевном состоянии, что вытекает из следующих слов: «устанавливая формы ведения фабричных книг, П.И.Ануфриеву необходимо было... сообразовать счетоводство с практическим ходом на фабриках самого производства»⁷.

То же самое подтверждают и цифры. 19-м апреля 1876 г. датирован составленный в Москве «Счет убытка и прибыли с 16 апреля 1875 г. по 18 января 1876 г.»⁸ — с окончания 1874—1875 операционного года до учреждения по делам товарищества Администрации. Этот документ свидетельствует о неудовлетворительном

состоянии дел на фабриках М.С.Кузнецова. За 9 месяцев, предшествующих объявлению несостоятельности, Рижская фабрика при общих расходах в 21 930 руб. 40 коп. принесла всего 28 руб. дохода; Новохаритоновская контора — 181 руб. 23 коп. при расходах в 3089 руб. 43 коп.; фабрика в Дулево — 25 руб. 54 коп. при расходах в 413 руб. 53 коп. Символические суммы валового дохода говорят о глубоком кризисе, переживаемом всеми кузнецовскими фабриками. Только недавно приобретенная Тверская фабрика, бывшая Ауэрбаха, работала в эти месяцы без убытка, хотя и принесла всего лишь 1923 руб. 85 коп. дохода.

Соответственно, убыточными были и торговли фирмы — общие их расходы составили 9771 руб. 41 коп., тогда как доходы, согласно счету прибылей и убытков, исчислялись опять же символическими суммами: 122 руб. у Ростовской-на-Дону торговли; 650 руб. у Харьковской; 76 руб. у Астраханской ярмарки.

Из валового дохода в 207 803 руб. 57 коп. сумма 199 164 руб. 92 коп., т.е. основная часть, получена не за счет производства, а за счет списания в актив капитала Товарищества, что явилось формой покрытия убытков. Кризисное состояние фабричных и торговых дел было просто катастрофичным для ориентированного исключительно на производство бизнеса М.С.Кузнецова. Он так и не нашел, чем восполнить нехватку оборотных средств.

Максимальную статью денежных расходов, согласно «Счету убытка и прибыли с 16 апреля 1875 г. по 18 января 1876 г.», составил дисконт — 61 881 руб. 70 коп. ушли на выплаты по векселям. Операции с векселями, в самом деле, в это время активизируются: М.С.Кузнецов активно кредитует. Речь идет в основном о четвертом квартале 1875 г. Векселя Рижскому биржевому банку выписаны 15 и 25 июля, 15 октября, 1 ноября, 8 декабря. Рижскому коммерческому банку — 1, 5 и 15 октября, 6, 11, 20 и 25 ноября, 12, 15, 17 и 20 декабря. Торговому дому «Винекен и Ко» — 10 и 20 октября, 1 ноября. Рижскому городскому учетному Банку — 20 октября. Торговому дому «Роберт Гилес Лодер» — 5 ноября. Торговому дому «П.Серк и Ко» — 5, 10, 13, 15, 18, 20, 23 и 28 ноября. Рижскому обществу взаимного кредита — 25 ноября⁹. Видно, что предприятие лихорадит от нехватки денег. И в последнем квартале 1875 г. М.С.Кузнецов их непрерывно занимает, в основном в Риге, где его фирма имела большое влияние.

Не эти займы, однако, стали решающими и сделали финансовый крах М.С.Кузнецова неминуемым. 5 февраля и 4 июня 1873 г. он заложил земли в Московской губернии за 130 000 руб. и во Владимирской губернии вместе с Дулевской фабрикой за 150 000 руб. богородскому купцу Сидору Мартыновичу Шибаеву. Еще гораздо большую сумму денег он задолжал тому же кредитору по векселям.

Что же представлял из себя С.М.Шибаев? Он родился в 1825 г., т.е. был старше М.С.Кузнецова на 21 год. Если М.С.Кузнецову на момент объявления его несостоятельным должником не исполнилось еще 30 лет, то его главному кредитору было 50. С.М.Шибаев принадлежал к одному из самых влиятельных кланов

московских староверов. Церковные публицисты, авторы статей о Рогожской общине, писали в своих направленных против старообрядцев полемических материалах не иначе как о «ревнивой охране церковно-иерархических дел от влияния разных господ Шибаевых»¹⁰.

С.М.Шибаев был старшим служащим на Богородско-Глуховской фабрике З.С.Морозова, пока в 1844 г. не основал с помощью своего друга Ивана Саввича Морозова отбельной фабрики в местечке Светлое Озеро, в 20 верстах от Богородска. Отбельных фабрик было тогда совсем немного, и он отбеливал товар не только для Морозовых, но и для многих других фабрикантов. Дело быстро пошло в рост, в 1857 г. в сельце Истомкине С.М.Шибаев пустил в ход ткацко-механическую, ситценабивную и красильную фабрики, перевел туда же отбельную. Он же был вместе с группой московских и богородских купцов основателем Тверской мануфактуры, но вскоре продал свою долю Тимофею Саввичу Морозову по его просьбе. В 1861—1865 гг. Истомкинские фабрики переживают серьезный кризис, происходит сокращение рабочих. С конца 1860-х гг. дела существенно поправляются. С.М.Шибаев прибегает к кредитам Московского Купеческого Банка и, главным образом, членов старообрядческой общины Рогожского кладбища. В 1868 г. продано товара на 1,2 млн руб., а в 1873 г. (когда и выданы ссуды М.С.Кузнецову) — уже на 2 млн руб. С.М.Шибаев имел всероссийскую известность не только как текстильный фабрикант, но и как пионер бакинской нефтедобычи, основатель нефтяного общества «С.Шибаев и Ко», перешедшего позднее в руки англичан. Портрет основного кредитора М.С.Кузнецова не будет полным, если мы не добавим, что после смерти первой жены вторым браком он был женат на Евдокии Вуколовне Митюшиной, сестре Надежды Вуколовны — супруги М.С.Кузнецова.

* * *

Дело о несостоятельном должнике М.С.Кузнецове началось его неожиданным письмом на имя кредиторов, направленным во Второе отделение Московского Коммерческого суда:

«1876 года января 18 дня я нижеподписавшийся Потомственный Почетный Гражданин Рижский 1-й гильдии и временно Московский 2-й гильдии купец Матвей Сидорович Кузнецов, представляя при сем гг. кредиторам моим баланс к настоящему числу о своих долгах, имуществе и капитале своем, имею честь объявить гг. кредиторам моим, что хотя по балансу мною представляемому, актив мой превышает мой пассив, но несмотря на это я объявляю, что положительно не могу производить срочных платежей по долгам моим торговым и другим и все свое имущество, вследствие сего, в чем бы оно не заключалось, представляю в полное распоряжение гг. кредиторов моих»¹¹.

В тот же день 18 января в доме должника собрались главные его московские кредиторы. От этого собрания в Московском ком-

мерческом суде сохранилось сообщение: «1876 года января 18 дня мы, нижеподписавшиеся кредиторы решили собраться в квартиру г. Кузнецова, состоящую 1-го квартала Мещанской части по 1-й Мещанской в доме Кузнецовой, по полудни от 6 до 7 часов, для избрания из среды себя в администрацию г. Кузнецова четырех администраторов»¹². Основная часть кредиторов сосредоточивалась в Москве. Список их фамилий (всего из 26 лиц) несет, на первый взгляд, скудную информацию. Крупнейшим кредитором был богородский купец Сидор Мартынович Шибаев, сумма долга которому составила согласно балансу 468000 руб. по векселям и 315 000 руб. по закладным, следующим по весу кредитором выступал Торговый Дом Братьев Рябушинских — 237 225 руб., затем шел генерал-майор Сергей Иванович Мальцов — 110 000 руб., остальным М.С.Кузнецов задолжал гораздо меньшие суммы.

Однако более детальное изучение списка рисует весьма характерную ситуацию. Ведь С.М.Шибаев и М.С.Кузнецов были женаты на родных сестрах; кредитор Н.В. Кузнецова (77 430 руб. долга) — не кто иная, как жена должника; И.Е.Кузнецов (66 067 руб.) — его двоюродный брат и соуправляющий делами фирмы до снятия опеки; А.Я.Щепетильников (56 000 руб.) — свояк и в прошлом, по достижении М.С.Кузнецовым совершеннолетия, опекун наследованного им состояния; П.С.Балашова (43 200 руб.) — его сестра; Я.Е.Лылов (42 000 руб.) — по-видимому, один из его управляющих в Риге; С. и Г. Балашовы (Торговый дом С. и Г. Василия Балашова сыновья, 40 000 руб.) — его родные племянники; М.В.Анисимов (29 175 руб.) — брат жены и в прошлом второй опекун М.С.Кузнецова; Н.С.Щепетильникова (11 200 руб.) — его сестра; Т.В.Митюшин (10 000 руб.) — шурин, к тому же попечителем Т.В.Митюшина выступал С.М.Шибаев; Ф.Ф.Нырков (8000 руб.) играл важную роль в старообрядческой общине Рогожского кладбища, вместе с самим должником. Разумеется, это же следует сказать и о кредиторе П.М.Рябушинском, занимающем место общинного выборного на протяжении всего рассматриваемого периода.

Через день, 20 января, кредиторы подали прошение в Московский Биржевой Комитет об учреждении Администрации по делам М.С.Кузнецова. Просьба эта могла по закону исходить лишь от самих заимодавцев, не от должника. Создание Администрации означало, что имущество М.С.Кузнецова не поступало в конкурсную продажу, не распродалось кредиторами с молотка в счет погашения долгов. Более того, должник даже не считался несостоятельным. Статьи Устава судопроизводства торгового гласили: «392. Не считается несостоятельностью, когда по добровольному согласию заимодавцев и должника учинена ему будет, в виде частной и домашней сделки, рассрочка в платежах, с предоставлением права нескольким из заимодавцев принять участие в управлении его делами. 393. Управление (администрация) объемлет только прежние дела должника; в новые дела он, состоя под таким надзором, вступать не может. 396. Просьбы об учреждении администрации могут исходить только от кредиторов, а отнюдь не от

самого должника. 397. Когда большинство наличных кредиторов по количеству долгов усмотрит из предоставленного должником баланса, что недостаток (deficit) простирается не свыше пятидесяти процентов, то сии кредиторы могут обратиться в Биржевой Комитет и, представив оному баланс пришедшего в упадок, просить об учреждении администрации, которая вступила бы в полные права хозяина»¹³.

Состав фактически принимающих решение кредиторов говорит о том, что речь шла о самой что ни на есть «частной и домашней сделке», в распродаже фарфорово-фаянсовых фабрик и таким образом ликвидации самого дела никто из собравшихся, очевидно, заинтересован не был. 23 января Московский коммерческий суд получил из Биржевого комитета письмо следующего содержания:

«Кредиторы рижского и временно московского купца Матвея Сидоровича Кузнецова на долговую сумму 969552 руб. 29 коп. подали в Биржевой Комитет прошение об учреждении по делам его администрации, при чем представили баланс торговых дел его Кузнецова и подписку его о невозможности производить срочные платежи и о предоставлении в распоряжение кредиторов всего его имущества.

Усматривая из представленного баланса, что сумма долга Кузнецова простирается до 2382831 руб. 24 коп., а имущества на покрытие этого долга имеется на 3078771 руб. 23 коп., и что прошение подписано большинством, по сумме долга, наличных кредиторов, а затем принимая во внимание, что сам должник, несмотря на большую стоимость имущества против долга, предоставляет все свое имущество в распоряжение кредиторов, прося их распорядиться таковым по их усмотрению, Биржевой Комитет, на основании 1871 ст. XI Т. Уст. Торг. допустил рассмотрение вопроса об учреждении администрации по делам Кузнецова, по каковом рассмотрении приглашенными из среды Купечества лицами учреждение сказанной администрации разрешено.

Уведомляя о сем Московский Коммерческий Суд, Биржевой Комитет имеет честь препроводить при сем на дальнейшее распоряжение копии: а) с прошения кредиторов Кузнецова и б) баланса его торговых дел, с реестром кредиторов, и подписки».

Далее следовал текст прошения:

«Потомственный Почетный Гражданин Рижский 1-й гильдии и временно Московский 2-й гильдии купец Матвей Сидорович Кузнецов объявил нам о расстройстве торговых дел своих и представил нам баланс, из которого видно, что имущества его в настоящее время не представляет недостатка для полного удовлетворения всех его кредиторов, почему руководствуясь 1870 ст. 1 ч. XI Т. Св. зак. Уст. Торг. изд. 1857 г. и представляя при сем означенный баланс, имеем честь покорнейше просить Московский Биржевой Комитет допустить по делам г. Кузнецова учреждение администрации и сделать надлежащее распоряжение для открытия оной. Причем долгом считаем заявить, что мы кредиторы на слу-

чай могущего оказаться на г. Кузнецове долга Гос. Банку или Конторам его, обязуемся, согласно 1876 ст. 1 ч. того же XI Т., в случае если административное Управление по делам г. Кузнецова не успеет восстановить дел его и должно будет учредить Конкурсное Управление, внести при самом учреждении Конкурса всю сумму банкового долга».

После перечисления 17 присутствовавших кредиторов с указанием (не у всех) сумм долга значилось:

«Прошение сие верим подать кредитору чиновнику XII класса Николаю Павловичу Малюкову.

Подписали: Торг. Дом П. и В. Рябушинские
Торг. Дом С. и Г. Василия Балашова сыновья
Н.А.Шапошников (доверенный В.И.Брауна)

Ф.И.Поляков

Матвей Анисимов

Иван Емельянович Кузнецов

Сидор Шибаев

Действительный Статский Советник Дмитрий Янович
Т.Митюшин — попечитель Шибаев»¹⁴.

23 января 1876 г. во Втором отделении Московского Коммерческого Суда было начато дело о допущении Администрации по делам М.С.Кузнецова, окончательно решенное 27 января. 24 января в «Московских ведомостях» согласно действующим законам помещается официальное объявление, публично извещающее о расстроенном состоянии дел М.С.Кузнецова: «Московский коммерческий суд, получив от Московского Биржевого комитета уведомление о допущении администрации по делам потомственного почетного гражданина рижского 1-й гильдии и временно московского 2-й гильдии купца Матвея Сидоровича Кузнецова, объявляет об этом кредиторам его, с тем чтоб они, по избрании администраторов и по составлении в руководство им акта, представили оный в Коммерческий Суд, на точном основании 1873 ст. XI Т. Св. Уст. Торг. (изд. 1857 г.)»¹⁵. Объявление публикуется еще дважды, 26 и 28 января. Но уже на следующий день после первой публикации состоялось собрание кредиторов, выработавшее следующий акт:

«1876 года января 25 дня мы нижеподписавшиеся кредиторы потомственного почетного гражданина рижского 1-й гильдии и временно московского 2-й гильдии купца Матвея Сидоровича Кузнецова, на основании 1873 ст. 2 ч. XI Т. Уст. Торг., изд. 1857 г., и согласно публикации, учиненной от Московского Коммерческого Суда 24 сего января в № 19 Московских Полицейских Ведомостей, — об учреждении по делам г. Кузнецова администрации, — в общем собрании нашем, избрав из среды себя в звание администраторов:

московского купца Павла Михайловича Рябушинского
почетного гражданина Федора Васильевича Полякова
крестьянина Ивана Емельяновича Кузнецова
и чиновника XII класса Николая Павловича Малюкова

уполномочиваем их сим актом действовать по управлению фабричными делами и торговлею г. Кузнецова и по удовлетворении кредитских претензий, на нижеследующих основаниях, не выходя; впрочем, из общего законами установленного порядка»¹⁶.

Перед администраторами акт очертил конкретный круг обязанностей и ближайших мер, в числе которых вызов всех кредиторов к предъявлению в назначенный срок документов и требований и призыв всех должников М.С.Кузнецова к платежу должных ими сумм, немедленное истребование от М.С.Кузнецова всех наличных денег, долговых обязательств, контрактов, условий и прочего. Было решено, что долги будут выплачиваться, не разделяя претензии по качеству долговых документов, поровну между кредиторами — т.е. «по сколько на каждый рубль претензии приходится из общей массы» денег, и оговорено, что администрация имеет право по усмотрению продавать фабрики. Деятельность администрации предписывалось оплачивать из расчета 2% от прибыли; что же касается расходов на домашнее содержание М.С.Кузнецова и его семьи, решение этого вопроса откладывалось до особого постановления общего собрания кредиторов.

Вслед за подписями участников собрания, под записью «На принятие звания администратора согласен» расписались выбранные господа Н.П.Малюков, П.М.Рябушинский, Ф.В.Поляков и И.Е.Кузнецов.

Один из пунктов акта предоставлял им и необходимые гарантии: «Будучи вполне уверены в совершенной безукоризненности и стараниях гг. администраторов к общей пользе нашей мы, кредиторы, не возлагаем на них никакой ответственности за последствия их действий и распоряжений по делам фабричным, торговым и кредиторской массы, ни за убытки, могущие последовать не от злого их умысла или противу законных деяний их, а от кражи, пожара, упадка цен на товары...»¹⁷.

Чтобы прояснить ход и общую картину этого собрания и попробовать представить механизм избрания четырех администраторов, взглянем на еще один документ, составленный в тот день, а именно постановление об их избрании, присланное в Московский коммерческий суд:

«1876 года января 25 дня мы, нижеподписавшиеся кредиторы потомственного почетного гражданина рижского 1-й гильдии и временно московского 2-й гильдии купца Матвея Сидоровича Кузнецова, собравшись вследствие публикации, учиненной от Московского Коммерческого Суда в № 19 Московских Полицейских Ведомостей, и согласно постановления нашего от 18 сего января в Общее собрание, для избрания из среды себя четырех администраторов <...> составили настоящее постановление в том, что администраторами в сказанную администрацию избираем:

[и дальше рукой С.М.Шибаетова вписаны фамилии]:

московского купца Павла Михайловича Рябушинского почетного гражданина Федора Васильевича Полякова крестьянина Ивана Емельяновича Кузнецова и чиновника XII класса Николая Павловича Малюкова [и подпись]: Сидор Шибаев.

[ниже каждый приписал своей рукой]:

С мнением Шибаева согласен Торг. Дом П. и В. Рябушинские.

С мнением Шибаева согласен кредитор Дмитриев.

Согласен с мнением подписавшихся прежде кредитор Яков Емельянович Лылов.

Согласен с мнением подписавшихся прежде кредиторов, исключая того, что на место Николая Павловича Малюкова заявляю присяжного поверенного Петра Михайловича Вышеславцева, доверенного С.И.Мальцова. По доверенности С.И. Мальцова Александр Михайлович Вышеславцев.

С мнением Шибаева согласен. Еще выбираю Матвея Васильевича Анисимова, Андрея Яковлевича Щепетильникова. Торговый Дом С. и Г. Василия Балашова сыновья и Пелагеи Балашовой.

С мнением Шибаева согласен Шапошников.

С мнением Шибаева согласен, еще Щепетильникова. Матвей Анисимов.

С мнением Шибаева согласен Щепетильников.

С мнением Шибаева согласен Т.В.Митюшин.

С мнением Шибаева согласен И.Е.Кузнецов.

С мнением Шибаева согласен Малюков.

С мнением Шибаева согласен Ф.Нырков.

Выбираю г. Шибаева, г. Рябушинского, г. Кузнецова, г. Полякова. В.Сычев.

С мнением Шибаева согласна Надежда Кузнецова». ¹⁸

С.М.Шибаев, и материально более всех других заинтересованный в конечном успехе Администрации, и по-родственному, хотел, разумеется, видеть администраторами людей, которым бы доверял, и мог, по мнению большинства собравшихся, на это претендовать. Основная часть участников собрания представляла собой более или менее тесный круг людей, близких не только родственными связями, но и единым корпоративным сознанием, особенно сильным среди московских предпринимателей, и конфессионально. С такими из них, как Рябушинские, М.С.Кузнецова связывали общие дела и общественные обязанности в Рогожской старообрядческой общине. В этом контексте тем более закономерной представляется неудача попытки третьего по сумме долга кредитора, принадлежащего к господствующей православной церкви С.И.Мальцова, заручиться личным влиянием в Администрации через свое доверенное лицо. Генерал смотрелся явно чужеродным элементом в компании кредиторов-старообрядцев.

На следующий день, 26 января, администраторы начали свою деятельность, подав на Высочайшее Имя прошение:

«Всепресветлейший Державнейший Великий Государь
Император Александр Николаевич Самодержец Всероссийский,
Государь Всемиловитейший!

Просят администраторы
Администрации по делам М.С.Кузнецова
московский купец Павел Михайлович Рябушинский
почетный гражданин Федор Васильевич Поляков
крестьянин Иван Емельянович Кузнецов
и чиновник XII класса Николай Павлович Малюков,

а в чем наше прошение, тому следуют пункты:

1. Собравшиеся 25 числа сего января вследствие публикации Московского Коммерческого Суда кредиторы потомственного почетного гражданина рижского 1-й гильдии и временно московского 2-й гильдии купца Матвея Сидоровича Кузнецова, избрав нас в администраторы администрации по его делам, уполномочили нас особым актом на управление делами Кузнецова. Представляя при сем означенный акт, мы Всеподданнейше просим

Дабы повелено было передать нам присланное из Московского Биржевого Комитета дело об учреждении по делам М.С.Кузнецова администрации вместе с подлинным актом и опубликовать во всеобщее сведение об избранных в ту администрацию администраторов»¹⁹.

Свою работу Администрация начала в доме родной сестры жены должника, жены главного кредитора, Евдокии Вуколовны Шибаевой (урожденной Митюшиной), и там же продолжала заседать в течение нескольких лет до конца своего существования. «Московские ведомости» извещали об этом публикациями от 30 и 31 января и 1 февраля: «Администрация учрежденная по делам потомственного почетного гражданина рижского 1-й гильдии и временно московского 2-й гильдии купца Матвея Сидоровича Кузнецова сим извещает, что она открыла заседания свои в Москве, Басманной части, 1 квартала, по Ново-Басманной улице в доме Шибаевой, № 83, и будет продолжать оные еженедельно по субботам, от 6 до 7 часов пополудни, за исключением праздничных и табельных дней»²⁰.

Ряд организационных решений был еще принят общим собранием кредиторов. М.С.Кузнецову и его семье решили выделять по 10000 руб. серебром в год из имеющих поступать в распоряжение Администрации сумм начиная с 18 января 1876 г.²¹ (Надо сказать, семья Матвея Сидоровича как раз в это время существенно пополнилась. За два месяца перед объявлением несостоятельности родился четвертый сын Георгий — 23 ноября 1875 г., во время деятельности Администрации родились Павел — 21 августа 1877 г. и близнецы Иван и Михаил — 7 января 1880 г.). Были также разделены функции и обязанности между администраторами. На владельца крупных фарфорово-фаянсовых производств, опытного промышленника И.Е.Кузнецова возлагалась ответственность за производственную сторону дела и торговлю, что подтверждалось

письмом Администрации: «Поручается Вам сделать все необходимые и нужные, по Вашему мнению, распоряжения и изменения по фабричному производству, по торговле, по отправке в места торговли выработанных произведений, по найму и увольнению рабочих людей, по расценке товаров...»²².

Ф.В.Поляков стал заведующим кассой Администрации; Н.П.Малюков — ее делопроизводителем и юристом. Влиятельный П.М.Рябушинский, по сути, второй кредитор М.С.Кузнецова, каких-либо определенных обязанностей в качестве администратора не получил, предпочитая, видимо, роль наблюдателя. Двое из администраторов по решению общего собрания вознаграждались дополнительно: «Кроме того, мы кредиторы, за принятием г. администратором Иваном Емельяновичем Кузнецовым обязанности личного наблюдения за производством на фабриках г. Кузнецова фарфорово-фаянсовых произведений в качестве директора фабрик и наблюдения за торговлей оными произведениями, а г. администратором Николаем Павловичем Малюковым, за наблюдение производства дела администрации с его Малюкова канцелярскими принадлежностями и наймом письмоводителя, а также за ведение всех судебных дел администрации, имея при том в виду, что принимаемые гг. администраторами Кузнецовым и Малюковым обязанности не входят в круг неперенных обязанностей администраторов, положили: назначить гг. Кузнецову и Малюкову, сверх вознаграждения, следуемого им как администраторам, первому по шести тыс. руб. в год, а второму т.е. Малюкову по три тыс. руб. сер. в год»²³.

На означенный адрес (Москва, Ново-Басманная, дом Шибавой, Администрация Кузнецова) и стекались деловые письма и телеграммы от управляющих, вроде телеграммы из Риги от Я.Е.Лылова с просьбой прислать доверенность для переговоров с рижскими банками²⁴. В «Производстве Администрации М.С.Кузнецова» Московского Коммерческого Суда сохранились однотипные письма подобного содержания:

«В Санкт-Петербургский магазин, приказчику NN.

Администрация по делам М.С.Кузнецова, вступив в полное распоряжение всеми делами, касающимися имущества, торговли и фабрик г. Кузнецова, сим предписывает Вам: 1. Производить продажу во вверенной Вам торговле от имени учрежденной по делам его Администрации 3. Со всеми делами и требованиями, касающимися вверенной Вам торговли, обращаться прямо от себя в Администрацию, или же к уполномоченному наблюдать за фабриками и торговыми администратору Ивану Емельяновичу Кузнецову»²⁵.

Образец того, как принялась за дела Администрация, представляет, например, следующий документ:

«Милостивый государь,
Спиридон Петрович!

Уполномочиваю Вас иметь надзор за всеми моими лесными участками при фабрике моей, именуемой Дулево, состоящей Вла-

димирской губернии, во Покровском уезде. Охранять их от порубок, если же окажутся какие-либо злоупотребления, порубка и присвоение принадлежащего мне леса в оных дачах, то с виновными поступать по законам, подавать от имени моего за Вашим подписом в Присутственные и Судебные места <...> Находящихся под ведением Вашим сторожей содержать в строгости, наблюдая за их поведением, на оказавшихся неблагонадежными доносить Конторе моей, находящейся при Дулевской фабрике. Равно уполномочиваетесь Вы наблюдать за разработкой торфа и леса и лесных материалов, нанимая для сего рабочих, наблюдая за ними, в случае же надобности по сему производству обращаться к содействию Суда. Доверенность сия принадлежит Московской губернии, Богородского уезда, Карповской волости села Карпова Спиридону Петровичу Безсмертному.

1874 г. апреля 25. Нотариус Павлов. Москва».

К этой старой, двухгодичной давности доверенности М.С.Кузнецов приписал в конце, ориентируя новых управителей: «Еще нужно прибавить о торфяном производстве, есть порядочный долг за рабочими торфа, которые убежали без расчета. Матвей Кузнецов». Вмешательство же самих администраторов в прежний ход дела выразилось лишь в том, что слово «мой» везде было исправлено на «Администрации», «уполномочиваю» — на «уполномочиваем» и т.д.²⁶ Документ этот может служить подтверждением, что М.С.Кузнецов в действительности не стал отстраненным свидетелем происходящего с его производством, а консультировал и, очевидно, активно оказывал всяческое иное содействие Администрации по его делам.

Журнал Администрации от 7 февраля 1876 г., содержащий протокол очередного заседания администраторов, раскрывает структуру главного долга М.С.Кузнецова — С.М.Шibaеву:

«Имели суждение о нижеследующем: в числе документов и разных бумаг, принятых Администрацией от М.С.Кузнецова, оказались две копии с закладных, совершенных на имя Богородского 1-й гильдии купца Сидора Мартыновича Шibaева на заложенные ему М.С.Кузнецовым земли с лесами и строениями, состоящие:

1. Московской губернии Богородского уезда при сельце Слободище с деревнями и пустошами за 130000 руб. сер. по закладной, совершенной 5 февраля 1873 г. и

2. Владимирской губернии Покровского уезда при сельце Дулеве с фарфоровым заводом за 150000 руб. сер. по закладной, совершенной 4 июня 1873 г.

и кроме того оказалось нотариальное условие, совершенное 28 февраля 1873 г. между Кузнецовым и Шibaевым, из которого видно, что Кузнецов за несвоевременный платеж Шibaеву по вышепрописанным закладным денег, обязан заплатить Шibaеву неустойку по 1-й закладной в 130000 руб. — 35000 руб. и по 2-й в 150000 руб. — 30000 руб., и при этом оказалось, что срок платежа по 1-й закладной истекает 15 сентября сего 1876 г. и что долг

Кузнецова по вышепрописанным закладным значится в балансе М.С.Кузнецова, представленном 18 января 1876 г. своим кредиторам. Постановили: о вышеизложенном записать в журнал и принять по возможности все меры к уплате денег г. Шибаеву по вышеуказанным закладным, если не по обеим, то по крайней мере по закладной в 150000 руб. сер., срок платежа по которой наступит в сумме 100000 руб. 15 марта, а в сумме 50000 руб. 15 сентября сего г., для сего отчисляя от имеющих поступить в распоряжение Администрации денежных сумм суммы, потребные для вышесказанных уплат, вносить их г. Шибаеву с распискою на имеющихся у него подлинных закладных; в виду же того, что заведывание, распоряжение и вообще отчетность по денежным суммам Администрации, постановлением оной, состоявшимся 29 января с. г., возложены на администратора г. Полякова, поручить ему, по мере накопления в кассе Администрации потребных сумм для уплаты по закладным г. Шибаеву, а в случае изъяснения последним желания и меньшие суммы, то таковые вносить г. Шибаеву в уплаты с распискою на подлинных закладных, но с тем, чтобы таковые уплаты не наносили фабричному и торговому делу Администрации ущерба и не обременяли бы оную личными долгами, сверх долгов М.С.Кузнецова.

Вышепрописанные же копии закладных и условия приобщить к делу.

Администраторы Малюков, Кузнецов И.Е., Поляков»²⁷.

Впрочем, Администрация принуждена была сделать новые краткосрочные долги и от своего имени. В нужный момент необходимые средства предоставил четвертый администратор, П.М.Рябушинский. Всего через несколько дней после расчета по первой закладной с С.М.Шибаевым, 27 марта 1876 г., журнал Администрации содержит запись: «Сего числа администратор г. Поляков довел до сведения Администрации, что в виду предстоящих к празднику Пасхи расчетов рабочих и выдачи жалования служащим и прочие при фабриках и торговых Администрации, в кассе Администрации недостаточно денег, так что необходимо прибегнуть к займу до 30000 руб., не далее как до Нижегородской ярмарки с.г.; что он по этому предмету имел уже переговоры с Торговым Домом Братья Рябушинские, который изъявил согласие ссудить Администрацию суммою до 30000 руб. сер., сроком до Нижегородской ярмарки с. г. по расчету интересов по 8% в год, под имеющиеся в портфеле Администрации векселя...»²⁸

Но при этом следует указать, что вообще долг Торговому дому Рябушинских погашался относительно быстро. Если на момент открытия действий Администрации он составлял, напомним, 237 225 руб., то уже к началу мая 1876 г. сократился более чем на 55 000 руб.: 8 мая Торговый дом «Братья П. и В. Рябушинские» зачислен, согласно журналу Администрации, кредитором по бланковым надписям М.С.Кузнецова на 36 векселях, выданных последнему разными лицами в сумме 182 058 руб. 45 коп.²⁹ Фабрики М.С.Кузнецова работали без сбоев, и торговля их продукцией в

империи и за границей шла успешно. Настоящая волна расчетов Администрации с кредиторами приходится на весну следующего 1877 года. Отдельные сведения о том, как протекали эти расчеты, содержатся в «Материалах к отчету о деятельности Администрации по делам несостоятельного должника, рижского и московского купца Кузнецова М.С.» из архивного фонда «Товарищества М.С.Кузнецова». 18 марта оплачены векселя Рижскому биржевому банку на сумму 52 000 руб.³⁰; Рижскому городскому учетному банку на сумму 10 000 руб.³¹; Второму Рижскому обществу взаимного кредита на сумму 5000 руб.³²; в апреле учинен расчет с фирмой «П.Серк и К^о» (обозначенной в бумагах М.С.Кузнецова как коммандитство Северного акционерного банка для торговли и промышленности) по векселям на сумму 45 000 руб., перешедшим к этой фирме от Торгового дома «Ценкер и К^о» (в одной из сделок в качестве доверенного М.С.Кузнецова выступал его же кредитор Я.Е.Лылов)³³; с Торговым домом «Винекен и К^о» на сумму 26 000 руб.³⁴; 21 мая погашены векселя Рижскому коммерческому банку на сумму 81 000 руб.³⁵; 24 мая — Торговому дому «Роберт Гилес Лодер» на сумму 50 000 руб.³⁶.

Документы эти однотипны, схема сделок может быть отражена следующим типичным образом: «Г. Рига 1877 г., мая 24 дня. Торговый Дом гг. Роберт Гилес Лодер выдали настоящее обязательство чиновнику XII класса Николаю Павловичу Малюкову в нижеследующем: 26 июня 1876 г. по поручению Торгового Дома гг. от Рижского Торгового Дома Верман и Сын заявлена в Администрацию, учрежденную по делам Потомственного Почетного Гражданина Матвея Сидоровича Кузнецова, претензия к М.С.Кузнецову по надписям его Кузнецова в принятии к платежу по следующим пяти переводным векселям, выданным А.Вульф и К^о

- 1) 5 ноября 1875 г. сроком 3 месяца на сумму 12000 руб. сер.
- 2) 5 ноября 1875 г. сроком 3 месяца на сумму 15000 руб. сер.
- 3) 5 ноября 1875 г. сроком 3 месяца на сумму 3000 руб. сер.
- 4) 5 ноября 1875 г. сроком 3 месяца на сумму 10000 руб. сер.
- 5) 5 ноября 1875 г. сроком 3 месяца на сумму 10000 руб. сер.,

а всего в сумме по пяти векселям пятидесяти тысяч руб. сер. Векселя эти гг. Верман и Сын переданы обратно нам Лодер.

Ныне мы Торговый Дом Лодер заявленную от Торгового Дома Верман и Сын претензию к М.С.Кузнецову по вышепрописанным векселям в сумме 50 тысяч руб. сер. передаем в собственность чиновника XII класса Николая Павловича Малюкова, от которого за эту передачу удовлетворение нами Торговым Домом Лодер получено, и которому следовательно мы должны передать и подлинные вышепрописанные векселя, а так как на вышепрописанных векселях, кроме подписей М.С.Кузнецова имеются подписи и бланки А.Вульф и К^о и Лессер и К^о, объявленных в Риге должниками несостоятельными, и от нас Торгового Дома Лодер заявлено в учрежденные по делам А.Вульф и К^о и Лессер и К^о конкурсы, претензии по этим векселям, вследствие чего мы Торговый Дом

Лодер в настоящее время передать подлинные векселя г. Малюкову не можем, то сим обязуемся пред г. Малюковым:

1) о передаче ему претензии к М.С.Кузнецову по сказанным выше векселям заявить учрежденной по делам М.С.Кузнецова Администрации письменно, прося оную по вышепрописанным векселям в сумме 50 тысяч руб. сер. зачислить кредитором М.С.Кузнецова, вместо Торгового Дома Верман и Сын, г. Малюкова

и 2) подлинные пять векселей, выше сего подробно описанные, передать г. Малюкову по миновании в них надобности в конкурсе их А.Вульф и К и Лессер и К, или же по окончании дела о несостоятельности А.Вульф и К и Лессер и К; причем при передаче векселей г. Малюкову мы Торговый Дом Лодер должны сделать на подлинных векселях передаточные надписи. При этом мы Торговый Дом Лодер присовокупляем, что по состоявшемуся между нами Торговым Домом Лодер и г. Малюковым соглашению, все, что получится в удовлетворение по этим векселям из конкурсной массы А.Вульф и К и Лессер и К, поступает в нашу собственность Торгового Дома гг. Лодер. [подписи]

1877 года мая 24 дня в г. Риге сия декларация в конторе нотариуса явлена и в книгу за № 670 записана, и что она действительно именем и по доверенности Торгового Дома Роберт Гилес Лодер лично мне знакомым прокурантом оного Вильямом Генри на основании доверенности, явленной у Лондонского Нотариуса Залема Кинотаделя Гариса 3/15 июля 1876 года и засвидетельствованной Императорским Генерал-Консулом в Лондоне Адгон-Бергом 3/15 июля 1876 г. за № 261 дана и собственноручно подписана, в том по личному мне его объявлению и по признании им содержания сей декларации сим свидетельствую. Тунульсман.

[далее Н.П.Малюков]:

Получение поименованных в настоящем обязательстве векселей от Торгового Дома гг. Роберт Гилес Лодер передаю в полную собственность Богородского 1-й гильдии купца Сидора Мартыновича Шибаева, которому передана от меня претензия к М.С.Кузнецову по этим векселям. Чиновник Николай Павлович Малюков.

[далее С.М.Шибаев]:

Право на получение означенных в сем обязательстве векселей передаю Потомственному Почетному Гражданину Матвею Сидоровичу Кузнецову. Богородский купец Сидор Мартынович Шибаев»³⁷.

Так же и в каждом из имеющихся обязательств порядок один: подлинные векселя получивший расчет кредитор передавал администратору Н.П.Малюкову, тот передавал их в собственность С.М.Шибаева, последний передавал право на их получение М.С.Кузнецову.

Таким образом, претензии постепенно сосредоточивались в руках одного человека, стоявшего за всеми действиями Администрации, С.М.Шибаева. 14 июля 1877 г., желая сначала побыстрее покончить дело с остальными заимодавцами М.С.Кузнецова, он отделяет собственный расчет с должником. Кроме того, Админи-

страция, добиваясь скорейшего удовлетворения возможно большего числа кредиторов, а фактически выполняя волю Сидора Мартыновича, предлагает им часть суммы долга получать не деньгами, а товаром — изделиями кузнецовских фабрик. В журнале Администрации зафиксировано решение общего собрания кредиторов:

«1877 года июля 14 дня мы нижеподписавшиеся кредиторы потомственного почетного гражданина рижского 1-й гильдии и временно московского 2-й гильдии купца Матвея Сидоровича Кузнецова, прибыв вследствие приглашения Администрации по делам М.С.Кузнецова <...> в Общем нашем собрании, выслушав возбужденный некоторыми из кредиторов М.С.Кузнецова в сем же собрании вопрос о предоставлении Администрации права входить в миролюбивые соглашения (сделки) по претензиям к М.С.Кузнецову с теми из кредиторов последнего, кои не желая ожидать окончания действия Администрации и выдачи удовлетворения по претензиям кредиторов М.С.Кузнецова, пожелают получить в удовлетворение своих претензий по соглашению с Администрацией часть товаром производства Администрации, или другим имуществом, находящимся в ведении и распоряжении Администрации, и имея при том в виду, что большинство претензий на М.С.Кузнецова по векселям находится в настоящее время в собственности кредитора Богородского 1-й гильдии купца Сидора Мартыновича Шибаева, изъявившего в сем собрании через поверенного своего г. Прокофьева желание на предоставление вышепрописанного права Администрации, с тем, что получение удовлетворения по имеющейся в настоящее время у него претензии к М.С.Кузнецову по векселям он отдаляет впредь до миролюбивого окончания с остальными из кредиторов»³⁸.

Отметим, что одним из первых воспользовался предложенным способом расчетов С.И.Мальцов, третий по значению кредитор М.С.Кузнецова. Хозяин знаменитого Общества Мальцовских заводов, он легко мог распорядиться крупными партиями товара Администрации. Конечно, в этот момент трудно было предвидеть, что основанная им Песоченская фаянсовая фабрика в Жиздринском уезде Калужской губернии в будущем будет сначала арендована (в 1898 г.), а затем полностью скуплена М.С.Кузнецовым (в 1911 г.), ставшим настоящим виртуозом подобных операций³⁹. Вскоре после решения Администрации с генералом Мальцовым было заключено соглашение:

«1877 г. июля 26 дня. Администрация, учрежденная по делам Почетного гражданина М.С.Кузнецова, с одной стороны, а с другой — поверенный Генерал-майора Сергея Ивановича Мальцова Титулярный Советник Александр Михайлович Вышеславцев составили между собою настоящую домашнюю запись в нижеследующем: вследствие состоявшегося согласно постановления кредиторов М.С.Кузнецова, учиненного в общем их собрании 14 июля сего года, мирового соглашения по претензии Генерала Мальцова к М.С.Кузнецову в сумме по векселям 135200 руб. Администрация,

выдав денежное удовлетворение по этим векселям, кроме того обязалась заплатить Генералу Мальцову сорок тысяч пятьсот руб. товаром производства Администрации из складов оной и вследствие того получив от меня Вышеславцева векселей М.С.Кузнецова с платежными надписями на сумму семьдесят четыре тысячи двести руб., по которым от Администрации удовлетворение Генералом Мальцовым сполна сего числа получено, остальные векселя М.С.Кузнецова на сумму шестьдесят одну тысячу руб. сер. оставила у Генерала Мальцова в обеспечение сорока тысяч пятисот руб., следуемых получить Генералу Мальцову не наличными уже деньгами, а товаром производства Администрации из складов оной. При этом Администрация обязалась пред Генералом Мальцовым

1. на вышепрописанную сумму 40 тыс. 500 руб. отпускать г. Мальцову фарфоровый, фаянсовый и опакový товар производства означенной Администрации из складов или фабрик оной тех сортов и в том количестве, как будет требуемо Генералом Мальцовым или уполномоченными от него лицами.

2. Цену товару, отпускаемому Генералу Мальцову, Администрация должна назначать не выше существующих у ней на фабриках и торговлях цен, присоединяя, конечно, в известных случаях расходы по упаковке и доставке товара в места, назначенные Генералом Мальцовым или его уполномоченными.

3. По требованию Генерала Мальцова или его уполномоченных Администрация обязана лично или чрез уполномоченное лицо сводить счета с Генералом Мальцовым в количестве отпущенного ему товара. Генерал же Мальцов со своей стороны обязан

4. пред Администрацией при расчете за товар возвращать Администрации за каждый рубль взятого от Администрации товара по одному рублю пятидесяти копеек векселями М.С.Кузнецова, оставшимися у него ныне в сумме 61 тыс. руб. в обеспечение следуемых к получению товаром сорока тыс. 50 руб.

5. Не требовать от Администрации по векселям на сумму 61000 руб. в обеспечение доставки товара платежи (если со стороны Администрации будет исполняемо обязательство) наличными деньгами и

6. По требованию Администрации сводить проценты»⁴⁰.

С течением времени Администрация по делам М.С.Кузнецова все больше и больше приобретает характер внутрисемейного дела С.М.Шибаета, в доме супруги которого она пребывает. В текущих реестрах заимодавцев все чаще напротив фамилий сторонних кузнецовскому делу людей напротив записи «учинен расчет» появляется приписка «сполна». П.М.Рябушинский окончательно теряет интерес к должности администратора. Гораздо более ощутимым для каждодневной практической работы Администрации была потеря этого интереса «директором фабрик» И.Е.Кузнецовым. Характерно, что после его отхода от дел управление производством Администрация передает (или, может быть, дает свое молчаливое согласие) его же недавнему протезе — приглашенному им самим еще до объявления несостоятельности М.С.Кузнецова счетоводу

П.И.Ануфриеву. Но не менее характерно, что по документам Администрации это назначение не проходит. Однако в очерке И.Ф.Токмакова читаем: «В 1877 г. П.И.Ануфриев был назначен главным распорядителем делами фирмы и при его непосредственном и ближайшем сотрудничестве — расширены фабричные и торговые обороты фирмы, улучшен быт служащих, мастеровых и рабочих людей увеличением заработной платы и окладного жалования и устройством квартир, заведены на фабриках школы грамотности, технические и рисовальные, уничтожены или удалены от фабрики питейные заведения, устроены на двух фабриках церкви, а на прочих молитвенные дома, открыты больницы, библиотеки и читальни и вообще сделано все возможное как для благоустройства фабрик, так и вообще для улучшения и развития фабрично-торговой деятельности фирмы М.С.Кузнецова»⁴¹.

Если мы будем рассматривать эти меры как продолжение той санации фирмы, ради которой П.И.Ануфриев был приглашен еще в 1874 г., то следует признать, что Администрация не вмешивалась в его деятельность. Наоборот, он был наделен гораздо большими полномочиями. При этом «главный распорядитель делами фирмы» никак не участвовал в самой Администрации. Судя по всему, формально под сенью Администрации, фабрики и магазины продолжали жить своей жизнью, а кредиторы, действуя через администраторов, лишь распределяли доходы между собой, в счет погашения долгов.

К 1878 г. два деятеля — П.М.Рябушинский и И.Е.Кузнецов (который в этом году основывает собственный завод близ станции Волхов в Новгородском уезде Новгородской губернии и полностью сосредотачивается на новом производстве; в будущем он станет важным конкурентом Матвея Сидоровича, отношения между родственниками резко обостряются, дойдя до судебных разбирательств) — сочли и свои личные интересы соблюденными, и свою общественную миссию исчерпанной. Обращает на себя внимание, что, во-первых, двоих администраторов после этого заменил один, а во-вторых, что это был уже упомянутый г. Прокофьев, поверенный С.М.Шибаяева, выступающий на собраниях кредиторов от его лица. 6 мая 1878 г. в Московский коммерческий суд было направлено письмо:

«Администрация по делам М.С.Кузнецова имеет честь донести Коммерческому Суду, что из числа избранных кредиторами М.С.Кузнецова в общем их собрании 25 января 1876 г. в означенную Администрацию администраторов, московский 1-й гильдии купец Павел Михайлович Рябушинский и крестьянин Иван Емельянович Кузнецов отказались от звания и исполнения обязанностей администратора сей Администрации, о чем и поданы ими письменные в Администрацию заявления, и что впредь до избрания кредиторами М.С.Кузнецова из среды себя новых администраторов на место выбывших, — для соприсутствования в заседаниях Администрации вместе с оставшимися в оной администраторами и подписи необходимых дел и бумаг, согласно 12 пункта

Акта кредиторов М.С.Кузнецова, составленного на основании 1873 ст. XI т. Уст. Торг. 25 января 1876 г., приглашен один из кредиторов М.С.Кузнецова, а именно Воскресенский купеческий сын Иван Александрович Прокофьев, изъявивший письменно согласие на присутствие в заседаниях Администрации и исполнение всех обязанностей, сопряженных со званием администратора.

Администраторы Н.Малюков, Ф.Поляков»⁴².

Впоследствии И.А.Прокофьев так и не был сменен другими вновь избранными администраторами, выполняя свои функции вплоть до окончания действий Администрации.

Между тем, на 1 апреля 1879 г. долг С.М.Шибяеву по закладным сокращен с 315 000 руб. до 215 000 руб. (долг по векселям остался прежним)⁴³. С подавляющим большинством других кредиторов Администрация рассчиталась к этому дню на 65, 70, 75, 80, 85%, или же полностью⁴⁴.

Следующим выбывшим из числа администраторов стал заведующий кассой Администрации Ф.В.Поляков, произошло это примерно через год после ухода со своих постов первых двух. Так что из первоначально избранных Н.П.Малюков оставался в этот момент в единственном числе. Письмо в Московский коммерческий суд направлено 30 мая 1879 г.:

«Администрация согласно заключения своего от 30 сего мая имеет честь донести Суду, что из состава оной выбыл администратор Почетный Гражданин Федор Васильевич Поляков, отказавшийся в объявлении своем, поданном в Администрацию 30 сего мая, по расстроеному здоровью, от звания администратора сей Администрации и сопряженных с этим званием обязанностей; вследствие чего общее собрание кредиторов М.С.Кузнецова для выбора, на место выбывшего, нового администратора, имеет быть в сентябре сего года, так как по состоявшемуся 5 мая сего года заключению Администрации, с 30 мая по 15 сентября сего г. заседания в Администрации не будет.

Администратор Малюков»⁴⁵.

Сложное технически оснащенное фабричное производство с множеством межотраслевых связей и разветвленная торговая сеть с огромными оборотами должны быть налажены весьма четко и строго, чтобы жить в автономном режиме и позволить правлению столь долгие каникулы. Иначе говоря, опека Администрации, которая, вероятно, выполняла в основном представительские функции, в практической сфере носила к этому времени характер все более номинальный. Да и сами формальности соблюдались Администрацией со все большей небрежностью.

Общее собрание кредиторов, состоявшееся лишь 13 октября 1879 г., разрешило вопрос с администраторами — в их состав был добавлен еще один человек, И.П.Зверев. В постановлении собрания сказано:

«Находя избрание четвертого администратора излишним, поручаем им администраторам, гг. Малюкову, Звереву и Прокофьеву,

с настоящего же числа втроем продолжить дальнейшее ведение дел торговых и фабричных Администрации М.С.Кузнецова во всем согласно с актом кредиторов Матвея Сидоровича Кузнецова, составленного 25 января 1876 г. Так как выбывшими следуемое им на основании акта вознаграждение получено и оставшемуся администратору г. Николаю Павловичу Малюкову следуемое ему как администратору вознаграждение отчислено и имеет быть ему выдано по окончании всех дел Администрации и по сдаче их в Коммерческий Суд, то вновь избранным администраторам гг. Звереву и Прокофьеву никакого определенного вознаграждения за их труды в настоящее время не назначаем, оставляя за собою право определить им таковое вознаграждение впоследствии, смотря по дальнейшему и полезному участию их в ведении дел Администрации. Настоящее постановление поручаем администраторам представить к сведению в Московский Коммерческий Суд, и о вновь избранных администраторах объявить чрез публикацию в ведомостях».

Подписали постановление общего собрания, кроме трех администраторов, кредиторы С.М.Шибяев, жена должника Н.В.Кузнецова и брат ее Т.В.Митюшин.⁴⁶

15 декабря 1879 г. Администрация направила в Коммерческий суд письмо, из которого видно, что в установленный срок суд не был извещен ею о принятых решениях. Более того, делопроизводителям Администрации пришлось пойти на обман, ссылаясь на публикацию, которой пока еще не существовало:

«Вследствие требования Суда, Администрация имеет честь представить при сем подлинное постановление кредиторов г. Кузнецова, состоявшееся 13 октября сего года, о выборе на место отказавшихся от звания администраторов оной Администрации гг. Полякова, Рябушинского и Кузнецова администраторами: Коллежского Ассесора Ивана Петровича Зверева и Воскресенского купеческого сына Ивана Александровича Прокофьева, которые совместно с администратором г. Николаем Павловичем Малюковым и приступили уже к исполнению своих обязанностей.

При этом Администрация имеет честь присовокупить, что о вновь избранных администраторах объявлено во всеобщее сведение, чрез публикацию в ведомостях.

Администраторы: Н.Малюков, Ив.Прокофьев, И.Зверев.

[на том же документе ниже приписано]:

29 января 1880 г. Резолюция: Об избранных администраторах публиковать в публичных ведомостях обеих столиц». ⁴⁷

Статус несостоятельного должника в это время нисколько не лишал М.С.Кузнецова заслуженного уважения и общественного признания. Положение уважаемого члена общества подтверждалось и подчеркивалось, например, широкой благотворительностью. 31 января 1880 г. он был награжден избранием в члены Общества попечения о раненых и больных воинах.

Конец 1880 г. стал, впрочем, временем завершения деятельности Администрации по делам М.С.Кузнецова. Постепенная оплата

долгов, рутинная работа могли бы продолжаться еще долго. Но, как и во всей деятельности Администрации, в резком ее прекращении и ликвидации определяющую роль сыграл С.М.Шибает. Ведь на этом этапе он был не просто крупнейшим из кредиторов, а держал в руках львиную долю долговых обязательств. 4 октября 1880 г. М.С.Кузнецов адресовал учрежденной по его делам Администрации заявление, в котором излагал согласованный со своим главным кредитором способ окончательного удовлетворения оставшихся претензий. Для этого предлагался новый крупный займ денежных средств под залог имущества М.С.Кузнецова:

«Учрежденная в январе месяце 1876 года по делам моим Администрация, задавшись исключительно вопросом не ликвидировать, а восстановить мое фабричное и торговое дело по производству и сбыту фарфорово-фаянсовых произведений, как вижу я, с успехом не прибегая к продаже моих фабрик и принадлежащих к ним земель и лесов, из одних лишь торговых барышей, успела по настоящее время удовлетворить, с согласия настоящих наличных кредиторов моих, большинство претензий, заявленных на меня в Администрацию от разных мест и лиц, а также привести в лучшее положение мои фарфорово-фаянсовые фабрики, и самую торговлю произведениями этих фабрик, в настоящее время, как известно мне, не оплаченных Администрацией долгов моих осталось менее половины той суммы долгов, какая была при учреждении по делам моим Администрации, ценность же моего имущества, находящегося в распоряжении Администрации, значительно увеличилась. Отдавая полную справедливость тому способу, посредством которого Администрация удовлетворяла и удовлетворяет претензии моих кредиторов, я тем не менее нахожу, что при этом способе потребно слишком долгое время к совершенному удовлетворению остальных еще не оплаченных моих долгов, а следовательно к существованию Администрации и к продолжению непроизводительного расхода, сопряженного с ее существованием. Стремясь к отысканию способа, посредством которого предстояла бы возможность к более скорому и полному удовлетворению остальных не оплаченных еще моих долгов, не прибегая при том к продаже фабрик и при них земель и лесов, я, заручившись ниже сего описанным соглашением от кредиторов моих: Богородского 1-й гильдии купца Сидора Мартыновича Шибаета и жены моей Потомственной Почетной Гражданки Надежды Вуколовны Кузнецовой об отсрочке мне моего им долга, пришел к убеждению, что лучший для этого способ — залог всех мне принадлежащих фарфорово-фаянсовых фабрик и всех находящихся при этих фабриках земель и лесов, на продолжительный срок, из небольших процентов, с уплатою взятого капитала под этот залог ежегодно по частям, а именно таким частям, уплата каковых не обременяла бы торгового дела. Имея согласие жены Богородского купца 1-й гильдии Евдокии Вуколовны Шибаетовой, дать заимообразно под залог принадлежащих мне фабрик и при них земель и лесов серебром один миллион сто тысяч руб. из 6% в год, по следующему расчету:

[Под залог Дулевской фабрики М.С.Кузнецов просил 300000 руб. на 6 лет с уплатой 50000 руб. ежегодно; под земли и леса под этой фабрикой — 175000 руб. на 6 лет; под Тверскую фабрику — 300000 руб. на 6 лет; под земли под ней и леса при ней — 125000 руб. на 4 года; под Рижскую фабрику — 200000 руб. на 4 года]

я нахожу, что займом этих денег 1100000 руб. Администрация вполне удовлетворит свои долги по обязательствам и документам разным лицам, подробно в книгах Администрации описанным, и неоплаченные еще ею остальные долги мои разным лицам, значащимся в ее торговых книгах, кроме претензии ко мне Богородского 1-й гильдии купца Сидора Мартыновича Шибаева и жены моей Потомственной Почетной Гражданки Надежды Вуколовны Кузнецовой, из которых первый изъявляет согласие получить в уплату долга моего ему ту часть денег, какая останется от удовлетворения помянутых выше кредиторов Администрации и моих, а на остальную сумму получить долговые документы сроком платежа по оным не ближе 12 месяцев со дня их выдачи, а последняя, т.е. госпожа Кузнецова, на всю сумму моего ей долга изъявляет согласие получить долговые документы сроком также не ближе 12 месяцев со дня их выдачи и таким образом, без ущерба интересам моим и моих кредиторов Администрация исполнит и окончит возложенную на Администрацию обязанность. Объяснив вышеизложенное, я покорно прошу Администрацию, обсудив предложенный способ к удовлетворению остальных, не оплаченных еще Администрацией долгов моих и затем, следовательно, к прекращению действительной самой Администрации, представить оный на рассмотрение и решение гг. кредиторов моих, для чего и прошу, возможно в непродолжительном времени, созвать общее собрание моих кредиторов. Представляя затем, при настоящем моем заявлении, письменное заявление на имя Администрации от жены Богородского 1-й гильдии купца Евдокии Вуколовны Шибаевой о желании и согласии ея дать заимообразно под залог вышеперечисленных моих имуществ серебром миллион сто тысяч руб. на срок и условиях, в заявлении ее объясненных, я считаю долгом объяснить, что если гг. кредиторам моим угодно будет изъявить согласие на предлагаемый способ к удовлетворению их претензий и для исполнения его разрешить Администрации произвести у госпожи Шибаевой займ вышепрописанной суммы под залог моих фабрик и земель, с прекращением за сим действий Администрации и с передачею фабричных и торговых всех дел в мое единственное и полное распоряжение, то я принимаю на себя обязанность и ответственность в платежах денег, как занятых под залог имуществ моих у госпожи Шибаевой, так и по всем документам и обязательствам, имеющим быть выданными от Администрации, как сказано выше, Богородскому 1-й гильдии купцу Сидору Мартыновичу Шибаеву и жене моей Надежде Вуколовне Кузнецовой, равным образом принимаю на себя ответственность в исполнении всех обязательств, договоров, контрактов, актов и условий по всем текущим

торговым и фабричным делам Администрации; в удостоверение всего этого, кроме настоящего заявления моего, я готов по первому требованию Администрации или кредиторов моих, выдать особое письменное обязательство»⁴⁸.

К заявлению прилагалось также письменное согласие жены С.М.Шibaева, Евдокии Вуколовны, ссудить М.С.Кузнецову требуемую сумму по указанной в его заявлении расценке и за указанные проценты. Кредиторам формально предстояло выразить свое отношение к делу, на самом деле уже успешно решенному. Общее собрание состоялось 15 ноября 1880 г. Собравшиеся заслушали отчет Администрации во всех ее действиях со времени открытия по настоящий момент; заявления М.С.Кузнецова и Е.В.Шibaевой; а также мнение Администрации, «последовавшее на вышеизложенные заявления М.С.Кузнецова и Е.В.Шibaевой, из коего видно, что Администрация находит возможным посредством вышеприведенного способа оплатить долги свои по документам и обязательствам разным лицам, подробно означенным в Балансе Администрации на настоящее 15 ноября 1880 г., и удовлетворить претензии кредиторов М.С.Кузнецова, еще поныне Администрацию не оплаченные, и затем, прекратив действия Администрации, все торговое и фабричное дело передать в собственность и распоряжение М.С.Кузнецова, а производство Администрации с журналами и книгами представить в Московский Коммерческий Суд»⁴⁹. Рассмотрев эти документы, собрание вынесло решение, зафиксированное в «Отпуске дела Коммерческого Суда об администрации Кузнецова»:

«Решили выдать госпоже Шibaевой закладные, а на полученные деньги (1100000 руб.) удовлетворить:

- 1) всех должников, кроме С.М.Шibaева и Н.В.Кузнецовой;
- 2) все долги по обязательствам, выданным Администрацией лично разным лицам.

Затем всю оставшуюся от этих удовлетворений сумму денег выдать в уплату долга М.С.Кузнецова Богородскому 1-й гильдии купцу С.М.Шibaеву; в остальной же сумме, недостающей для полного удовлетворения его претензии, а равно и жены потомственной почетной гражданки Н.В.Кузнецовой, выдать им гг. Шibaеву и Кузнецовой, согласно изъявленного ими согласия и желания, долговые от Администрации документы, сроком уплаты по ним не более 12 месяцев со дня выдачи.

Из суммы, полученной от Е.В.Шibaевой, Администрация выдает ей сначала положенные проценты за год вперед»⁵⁰.

Надо сказать, неоплаченных кредиторов у М.С.Кузнецова на этот момент оставалось совсем не много: кроме собственной супруги и С.М.Шibaева, еще три действующих администратора и Т.В.Митюшин. Кроме того, за Администрацией числились долги по обязательствам, выданным ею самой:

Анастасии Сидоровне Щепетильниковой — 5000 руб.

Анне Яковлевне Андреевской — 18 000 руб.

Александру Никитичу Иванову — 1250 руб.

Ивану Емельяновичу Кузнецову — 8000 руб.

Бр. Д. и С. Воробьевым — 19 550 руб.⁵¹

Все эти претензии удовлетворялись. По поводу не получившего пока расчета Н.П. Малюкова было решено: «сполна может быть выдано вознаграждение, причитающееся администратору чиновнику XII класса Николаю Павловичу Малюкову, в размере двенадцать тысяч девятьсот три руб. 34 коп»⁵².

В итоговом постановлении общего собрания кредиторов одобряться и утверждались действия Администрации за все время ее существования. Кредиторы уполномочивали администраторов 1) произвести займ 1 100 000 руб. у Е.В.Шибавой; 2) оплатить из полученной суммы оставшиеся долги; 3) действия Администрации прекратить, дела передать М.С.Кузнецову, а журналы и книги Администрации — в Московский Коммерческий суд, сообщить об этом во всеобщее сведение через объявление в «Ведомостях»; 4) предложить М.С.Кузнецову выдать расписку в приеме им на себя всех платежей, договоров и контрактов⁵³.

Формальным актом, подводящим итог существованию Администрации по делам М.С.Кузнецова, стало письмо в Московский коммерческий суд от 1 апреля 1881 г.:

«Администрация, учрежденная по делам потомственного почетного гражданина рижского 1-й гильдии и временно московского 2-й гильдии купца Матвея Сидоровича Кузнецова, исполнив все обязанности и удовлетворив всех кредиторов его, Кузнецова, действия свои с 1 сего апреля прекратила, все же бывшее в ее распоряжении и оставшееся от удовлетворения долгов Кузнецова имущество, как то: фарфорово-фаянсовые фабрики, в разных местах недвижимые имущества, товары, долговые на разных лиц документы и наличные деньги, передала в распоряжение собственника г. Матвея Сидоровича Кузнецова, под расписку в получении им всего описанного в свое распоряжение; каковая расписка г. Кузнецова вместе со всем делопроизводством Администрации и товарными книгами, тотчас по изготовлении описей последнему имеет быть представлена в Суд. О вышеизложенном для должного со стороны Суда распоряжения Администрация имеет честь донести Суду.

Администратор Н.Малюков
Администратор И.Прокофьев
Администратор И.Зверев»⁵⁴.

Деятельность Администрации была в целом успешной. Подчеркнем, что она не просто расплатилась со всеми долгами фирмы, но целиком сохранила перспективы дела. О прибыльности предприятия и о ее динамике за годы действия Администрации мы можем судить лишь по Тверской фабрике, вырабатывающей фаянс и полуфаянс, свод сумм по выпуску товара которой сохранился в Приложении к отчетам фабрики за 1876—1894 гг. Напомним, именно Тверская фабрика принесла М.С.Кузнецову основную часть прибыли за год, предшествующий учреждению Админи-

страции. В течение всех четырех лет сохранялась тенденция устойчивого роста ее прибыли. «Свод сумм по выработке фаянсового товара» к Пасхе 1877 г. фиксирует «барыш от производства» 193 677 руб., в 1878 уже 213 830 руб., в 1879 — 254 363 руб., в 1880 — 427 684 руб.⁵⁵ Соответственно, по полуфаянсу эти цифры составили: 1877 г. — 44 557 руб., 1878 г. — 55 675 руб., 1879 г. — 77 783 руб., 1880 г. — 125 713 руб.⁵⁶ Такой уровень дохода вывел М.С.Кузнецова в 1880-е гг. на очередной виток в наращивании и развитии производства.

Последний баланс, хранящийся в материалах Администрации, датирован 10 февраля 1882 г. и включает список всех кредиторов М.С.Кузнецова с 18 января 1876 г. по 1 марта 1881 г. Всего за время своих действий, т.е. за четыре года, Администрация удовлетворила 224 кредитора, заявивших претензий на общую сумму 2 404 256 руб. 86 коп. С.М.Шибавев вынесен в этом балансе из алфавитного списка кредиторов в отдельную графу⁵⁷. В общем, можно сказать, что «дело о несостоятельном должнике М.С.Кузнецове» в значительной степени сводится к делу между двумя этими крупными московскими старообрядческими купцами.

Дело между ними, впрочем, на этом не закончилось; история имеет свой эпилог. Тесная связь двух фирм не прерывалась и в дальнейшем. В 1884 г. учреждается «Товарищество русских минеральных масел и химических продуктов С.М.Шибавев и К^о», в числе учредителей которого был Николай Николаевич Соколов⁵⁸. Его брат Александр Николаевич Соколов еще в 1876 г. значился в балансе фирмы в счете служащих, а к 1889 г. он — зять М.С.Кузнецова и вместе со своей женой Клавдией Матвеевной состоит пайщиком «Товарищества М.С.Кузнецова» (наряду лишь с ближайшими родственниками последнего — женой, сыновьями, невестками), а вместе с самим Матвеем Сидоровичем и его сыновьями — одним из пяти директоров товарищества⁵⁹. Участие таких заметных в старообрядческом мире Москвы персон, как Н.Н. и А.Н.Соколовы, в обоих товариществах в одни и те же годы может свидетельствовать только в пользу сохранения взаимного доверия и укрепления близких отношений между фирмами. А А.Н.Соколов выступит в 1913 г. членом-учредителем Московской Старообрядческой общины Рогожского кладбища вместе с сыновьями М.С.Кузнецова Николаем и Александром (как и с Александром Федоровичем Нырковым — сыном еще одного из фигурировавших в нашем повествовании кредиторов Кузнецова).

В последующие годы контакты двух старообрядческих предприятий укрепились еще больше. В 1888 г. скончался С.М.Шибавев. Дело полностью унаследовала вдова Евдокия Вуколовна Шибавева. После ее смерти в 1899 г. оно перешло к шести сыновьям. В 1904 г. учреждается Товарищество «Истомкинские мануфактуры С.М.Шибавева» с 4,2 млн руб. основного капитала, и теперь уже его соучредителем выступает М.С.Кузнецов, а также его сын Сергей Кузнецов и Тимофей Вуколович Митюшин, дядя детей С.М.Шибавева⁶⁰. С этого времени по 1909 г. последует очень ди-

намичный рост компании, годовой оборот капитала достигнет 7 млн руб. Т.е. ситуация повторилась через четверть века, но в своем зеркальном отображении. В конце 1870-х гг. контроль над кузнецовским делом принадлежал С.М.Шибяеву, а в начале XX в. свою долю в управлении предприятием наследников С.М.Шибяева получил Матвей Сидорович.

Именно московских предпринимателей исследователи данного общественного слоя считают олицетворением «национального» капитала. Если в советской историографии, в соответствии с концепцией И.Ф.Гиндина, предприниматели Московского региона рассматривались как носители патриархально-консервативного начала в традициях и приемах ведения дел, по сравнению с петербургской банковско-промышленной буржуазией, то в работах последних лет возобладал иной взгляд на специфику московского предпринимательства — как на типологические особенности, а не признаки отсталости. Особенности эти носят характер не только региональный, но отчасти и конфессиональный. Так, согласно типологии по этноконфессиональному признаку, предложенной Ю.А.Петровым, преобладающим типом московских предпринимателей были великороссы, «вышедшие из крестьянских и посадских низов (с подразделением на православных и старообрядцев)»⁶¹. Этому типу присуще органическое развитие семейного дела от крестьянских промыслов до крупного промышленного производства. Вторую часть из них, старообрядцев, как известно, отличала высочайшая степень солидарности и взаимовыручки, сознательного единства и даже некоторой замкнутости — черта, сформированная всей историей их осложненного преследованиями существования в Российской империи. Глубокая связь предпринимателей из старообрядчества с национальной традицией еще допетровской, московской эпохи отмечена также и в нашей философии истории. По формулировке Г.П.Федотова: «Крепче, строже других оставались старообрядческие слои купечества, закаленные в гонениях, в борьбе за веру, поставленные на место былого боярства во главе подпольной старой Руси»⁶².

Вряд ли можно представить, что «свои» же купцы-старообрядцы позволили бы погибнуть делу М.С.Кузнецова. Наоборот, действия представителей этой категории предпринимателей носили особенно клановый, семейственный и в какой-то степени общинный характер. Важным для них результатом, который и был достигнут, явилось то, что капиталы остались в старообрядческой среде, хотя в случае распродажи фабрик могли уйти на сторону. В действиях старообрядцев просматривается, таким образом, не только внутренняя солидарность гонимой конфессиональной общности, но и прямые расчет и выгода. Только выгода эта — общая, коллективная. То, что их отношения имели явные признаки круговой поруки, подтверждает финансовая поддержка М.С.Кузнецовым наследников С.М.Шибяева уже в начале XX в. Распад фарфорового производства был к тому же недопустим и по причине уникальности и тонкости самого дела. Без огромного

практического опыта, личных деловых связей, хозяйственной интуиции, художественного вкуса и знания самых разнообразных запросов потребителя, которыми обладал хозяин фирмы М.С.Кузнецов, дальнейшее ее существование на рынке, как цельного предприятия, под любым иным руководством не представлялось возможным. Ценность фабрик и магазинов М.С.Кузнецова во многом обусловлена самой его личностью — вот что прекрасно понимали его коллеги и конкуренты по бизнесу.

К известному в литературе тезису о семейном характере организации производства среди московских промышленников, которых отличала практика «внутреннего самофинансирования» фирмы из средств семьи, мы могли бы прибавить наблюдение о внутреннем финансировании попавшей в кризис фирмы М.С.Кузнецова практически из средств старообрядческой общины Москвы, т.е. ее купеческой, промышленной части. А учитывая весьма расширительное понимание семьи и родственных связей в старообрядческой и вообще купеческой среде, можно говорить и об упомянутом семейном самофинансировании. Такую практику следует признать вполне обычной.

С другой стороны, в этой истории остается много открытых вопросов. В частности, документы все-таки не проливают света на то, как и почему успешный промышленник и торговец М.С.Кузнецов, имя которого является одним из самых громких имен в истории русской промышленности, проделав к 1876 г. уже немалый путь в бизнесе, попал в долги. Известные нам источники не позволяют с полной уверенностью сказать, что могло привести его денежные дела к расстройству и как получилось, что основную долю в расходах фирмы заняли расчеты с кредиторами. Не до конца здесь ясна, может оспариваться и быть предметом обсуждения роль его заимодавца, С.М.Шибарева, которому в феврале и июне 1873 г. были заложены два крупных участка земли и знаменитая Дулевская фабрика. Но и при этом четырехлетняя деятельность Администрации по делам М.С.Кузнецова остается одним из наиболее освещенных источниками эпизодом в ненаписанной истории старообрядческой династии Кузнецовых. Нельзя, кстати, не отметить сам язык делопроизводственных бумаг, так выгодно отличающийся от современного канцелярита ясностью и, пожалуй, известной литературностью.

Работа, кроме всего прочего, подтвердила неизбежность и плодотворность дополнения архивных источников делопроизводственного типа, имеющих весьма односторонний характер и просто неполных, информацией представительских документов, рекламной продукции, материалов периодической печати. В целом ряде случаев эти опубликованные, но не вовлеченные в научный оборот сведения могут хотя бы частично восполнить отсутствие в архивном фонде предприятия незаменимых в данной ситуации источников личного происхождения.

Примечания

- ¹ Об источниковедческих сложностях, связанных с работой по этой тематике, см. подробно: Наумова Г.Р. Русская фабрика (проблемы источниковедения). М., 1998.
- ² Петров Ю.А. Московская буржуазия в начале XX века: Предпринимательство и политика. Автореферат дис... докт. ист. н. М., 1999. С. 15.
- ³ Федченко Г. Гончарное производство (фарфор и фаянс) // Обзор различных отраслей мануфактурной промышленности. Т. 1. СПб., 1862; Нентцель А. Очерки Гжели // Сборник материалов для изучения Москвы и Московской губернии. Вып. 1. М., 1864; Шишмарев Д.И. Краткий очерк промышленности в районе Нижегородской и Шуйско-Ивановской железной дороги. СПб., 1892; Сведения о торговой деятельности Высочайше утвержденного Товарищества производства фарфоровых и фаянсовых изделий Матвея Сидоровича Кузнецова в Москве. М., 1898; Селиванов А.В. Фарфор и фаянс Российской империи. Описание фабрик и заводов. Владимир, 1903; Скибневский А.И. Фарфорово-фаянсовое производство Гжельского района Московской губернии в санитарном отношении. М., 1904; Лазаревский И.И. Среди коллекционеров. СПб., 1914; Салтыков А.Б. Русская керамика. М., 1952; Черный Н.В. Фарфор Вербилко: из истории русского и советского фарфора. М., 1969; Сказ о дулевском фарфоре. М., 1975; Попов В.А. Русский фарфор: Частные заводы. Л., 1980; Фарфор Гжели: Каталог выставки. М., 1981; Логинов В.М., Скальский Ю.П. Эта звонкая сказка — Гжель. М., 1994; и др.
- ⁴ Нентцель А. Указ. соч. С. 4.
- ⁵ Сведения о торговой деятельности Высочайше утвержденного Товарищества производства фарфоровых и фаянсовых изделий Матвея Сидоровича Кузнецова в Москве. М., 1898.
- ⁶ Токмаков И.Ф. Историко-статистические сведения о производстве фарфоровых и фаянсовых изделий Высочайше учрежденного товарищества Матвея Сидоровича Кузнецова. М., 1893. С. 25.
- ⁷ Там же. С. 37.
- ⁸ ЦИАМ. Ф. 337. Оп. 2. Д. 53. Л. 57—57 об.
- ⁹ Там же. Л. 94—106.
- ¹⁰ Братское слово. 1883. № 1. С. 22.
- ¹¹ ЦИАМ. Ф. 78. Оп. 4. Д. 2736. Л. 8.
- ¹² Там же. Д. 2737. Т. 2. Л. 1.
- ¹³ Торгово-промышленный сборник (свод действующих законов) / Сост. С.А.Просьбин. СПб., 1904. С. 197.
- ¹⁴ ЦИАМ. Ф. 78. Оп. 4. Д. 2736. Л. 5—7.
- ¹⁵ Московские ведомости. 1876. № 22 (24 января).
- ¹⁶ ЦИАМ. Ф. 78. Оп. 4. Д. 2736. Л. 16.
- ¹⁷ ЦИАМ. Ф. 337. Оп. 2. Д. 124. Л. 5.
- ¹⁸ ЦИАМ. Ф. 78. Оп. 4. Д. 2737. Т. 2. Л. 4—4 об.
- ¹⁹ Там же. Д. 2736. Л. 15—15 об.
- ²⁰ Московские ведомости. 1876. № 28 (30 января).
- ²¹ ЦИАМ. Ф. 78. Оп. 4. Д. 2737. Т. 2. Л. 9—9 об.
- ²² Там же. Л. 17 об.
- ²³ Там же. Л. 9—9 об.
- ²⁴ Там же. Л. 6—6 об.
- ²⁵ Там же. Л. 5—5 об.

- 26 Там же. Л. 39.
- 27 ЦИАМ. Ф. 78. Оп. 4. Д. 2740. Л. 12—13.
- 28 Там же. Л. 45.
- 29 Там же. Л. 64 об.
- 30 ЦИАМ. Ф. 337. Оп. 2. Д. 53. Л. 106—107.
- 31 Там же. Л. 104—104 об.
- 32 Там же. Л. 102—102 об.
- 33 Там же. Л. 98—99.
- 34 Там же. Л. 100—101.
- 35 Там же. Л. 96—97.
- 36 Там же. Л. 94—95.
- 37 Там же.
- 38 ЦИАМ. Ф. 78. Оп. 4. Д. 2741. Л. 36 об—37 об.
- 39 ЦИАМ. Ф. 337. Оп. 2. Д. 14.
- 40 Там же. Д. 53. Л. 108—108 об.
- 41 Токмаков И.Ф. Указ. соч. С. 37—38.
- 42 ЦИАМ. Ф. 78. Оп. 4. Д. 2743. Л. 34.
- 43 ЦИАМ. Ф. 337. Оп. 2. Д. 53. Л. 134.
- 44 Там же. Л. 131—133.
- 45 ЦИАМ. Ф. 78. Оп. 4. Д. 2743. Л. 35.
- 46 Там же. Л. 37—37 об.
- 47 Там же. Л. 36.
- 48 ЦИАМ. Ф. 337. Оп. 2. Д. 53. Л. 270—272 об.
- 49 Там же. Л. 294 об.—295.
- 50 ЦИАМ. Ф. 78. Оп. 4. Д. 2743. Л. 58.
- 51 ЦИАМ. Ф. 337. Оп. 2. Д. 53. Л. 293.
- 52 Там же. Л. 296.
- 53 Там же. Л. 297—300.
- 54 ЦИАМ. Ф. 78. Оп. 4. Д. 2743. Л. 47—47 об.
- 55 ЦИАМ. Ф. 337. Оп. 2. Д. 376. Т. 1. Л. 20 (об.)—21.
- 56 Там же. Л. 21 об.—22.
- 57 ЦИАМ. Ф. 337. Оп. 2. Д. 53. Л. 347 об.
- 58 ЦИАМ. Ф. 450. Оп. 8. Д. 552. Л. 3.
- 59 ЦИАМ. Ф. 337. Оп. 2. Д. 18. Л. 8.
- 60 ЦИАМ. Ф. 450. Оп. 8. Д. 544. Л. 1.
- 61 Петров Ю.А. Указ. соч. С. 15.
- 62 Федотов Г.П. Судьба и грехи России. СПб., 1991. Т. 1. С. 151.

Советская экономика

**Бизнесмены и бюрократы:
американская техническая помощь в строительстве
Нижегородского автозавода, 1929—1931 гг.**

На предприятиях, например, Форда, работающих исправно, может быть, и меньше воровства, но все-таки они работают на Форда, на капиталиста, а наши предприятия, где иногда бывает воровство, и где не всегда складно идут дела, все же работают на пролетариат. Вот эту принципиальную разницу забывать нельзя.

И.В.Сталин. Соч. Т. 7. С. 307.

Изучение того, как западные промышленные и строительные компании помогали выполнить сталинскую программу индустриализации, раскрывает один из ключевых механизмов построения материально-технической базы социализма. Исследование на микроуровне, в рамках отдельно взятого предприятия, или в масштабе отрасли дает возможность лучше рассмотреть кооперирование советских и иностранных организаций, а также их сотрудников, специалистов и рабочих¹. Сумма историй «великихстроек», написанная с учетом «инопомощи», как ее тогда называли, создаст, со временем, достоверную общую картину социалистического строительства. Она имеет колоссальное значение для понимания хода истории XX столетия.

Иностранные и советские организации и их сотрудники взаимодействовали в рамках двух различных деловых культур — «заграничной» (западной) и советской. Поэтому необходимо сопоставить их навыки и умения, отношение к труду, поведение на рабочих местах; определить, насколько иностранцам удавалось сработать с русскими, обучить их, и в какой степени эти уроки усваивались; понять, что сближало и разделяло тех и других; как иностранцы реагировали на советские условия труда и быта, оценивали деловые качества русских, и какое мнение об инороботниках складывалось у их советских партнеров.

Говорят, что новое — это основательно забытое старое. В свое время о советских стройках многое (хотя далеко не все) открыто говорили, писали, показывали в кинохронике. Фотоснимок выез-

* Шпотов Борис Михайлович — доктор исторических наук (Институт всеобщей истории РАН).

жающего из заводских ворот грузовичка с плакатом «Выполняем пятилетку. Первый советский форд»² увидела вся страна, его напечатали и американские газеты. Вышла брошюра с сенсационным названием «140 000 советских фордов»³. Но не только автомобили американского образца научилась строить наша страна — можно сказать, все новые и реконструированные предприятия периода советской индустриализации базировались на переносе западных технологий⁴.

В конце 1920-х гг. советские заказчики отдавали предпочтение продукции и технологиям американских фирм. Производительность труда в Соединенных Штатах росла за счет развития крупносерийного и поточного производства. Наборы готовых стандартов, специализированные станки, работать на которых можно было научиться за короткий срок, конвейерная сборка вместо ручной — все это завораживало советских руководителей, мечтавших о «большом скачке». Огромной стране с невиданными масштабами и темпами промышленного строительства отвечал, по мнению многих советских хозяйственников, именно американский опыт. Временный разрыв дипломатических и торговых отношений с Великобританией в 1927 г. также способствовал росту заказов за океаном⁵.

С импортом американских технологий связана модернизация нефтяной, горнодобывающей, машиностроительной, электротехнической, сталелитейной, химической промышленности, строительство автомобильных и тракторных заводов, Днепрогэса, Магнитогорского металлургического комбината, развитие радиовещания и звукозаписи, и т.д. Новейшая заокеанская техника работала, хотя и со скрипом, в еще неумелых руках, при неэффективной организации, дефиците сырья и материалов, нехватке обученных кадров. Но чтобы пустить завод, его нужно было запроектировать и построить.

До 1930-х гг. советские архитекторы, инженеры и рабочие не умели возводить крупные индустриальные объекты современными методами. Их опыт оставался на дореволюционном уровне. До 1917 г. российское промышленное зодчество славилось разнообразием архитектурных и инженерных решений, быстротой и высоким качеством работ, применением новых материалов — бетона, металлических и железобетонных конструкций, но предприятия строились меньшего размера, каждое здание проектировалось как уникальное, а конструкции тщательно рассчитывались, что до перехода на индустриальные методы строительства отвечало мировой практике. Специальные работы велись подрядным способом. Применялись образцы первоклассной землеройной и строительной техники, но почти весь объем изготовления стройматериалов и строительных работ выполнялся вручную⁶.

К началу XX в. массовое производство потеснило уникальность и индивидуальное мастерство. Лидировали в этом процессе Соединенные Штаты. Стандартизация и типовые решения распространились и на индустриальное зодчество. За годы Первой мировой

войны архитектурно-строительные компании США перешли на ускоренное проектирование, использование стандартных конструкций, механизацию строительных и монтажных работ, и все это силами одной интегрированной фирмы, не привлекая подрядчиков. Это позволяло возводить колоссальные промышленные объекты за невиданно быстрые сроки.

Без заимствования американских методов капитального строительства модернизация советской индустрии была бы невозможна. Но элементарная неподготовленность к большим современным стройкам — отсутствие инфраструктуры, нехватка квалифицированных рабочих, отставание инженерно-технических кадров, дефицит стройматериалов, слабая механизация, неорганизованность, ужасающие условия труда и быта создавали столь неблагоприятный климат, что иностранцы не всегда могли работать с полной отдачей и испытывали чудовищные затруднения. Однако факт остается фактом, что «сотрудничество коммунистов с капиталистами» все же состоялось, и ряду инофирм удалось внести крупный и даже решающий вклад в создание промышленного потенциала СССР.

История больших строек тем и интересна, что при проектировании, приемке проектов и в ходе строительства возникало гораздо больше контактов и живого общения между разными работниками, чем в заводском цеху. Над созданием одного из крупнейших объектов первой пятилетки — Нижегородского автозавода, работали ряд советских организаций и две американских компании — «Форд Мотор» и «Остин». Там трудились и иностранные рабочие, главным образом из США. Первенец советского автомобилестроения уступал по размерам только некоторым американским автозаводам. Его проектная мощность — 140 тыс. легковых и грузовых машин в год. Строительство «советского Детройта» стало тяжелым испытанием для всех его участников — и русских, и иностранцев.

Поиски технических помощников

В связи с принятием первого пятилетнего плана на смену концессиям пришли так называемые договоры о технической помощи, или о техническом содействии. Капитал и рабочая сила были советскими, а иностранная фирма выполняла следующее: (1) разрабатывала детальный строительный и технологический проект с указанием всего необходимого оборудования; (2) передавала советскому заказчику свой производственный опыт в виде патентов, производственных секретов, приемов и т.д.; (3) присылала своих лучших специалистов для непосредственного руководства строительством предприятия и монтажом оборудования; (4) предоставляла возможность советским специалистам, инженерам и рабочим изучить на своих заводах организацию и процессы производства. Советская сторона возмещала фирме расходы по выполнению проекта и выплачивала вознаграждение, а фирма не рисковала своим капиталом.

Все это вместе взятое считалось наиболее быстрым способом перенесения в СССР иностранного опыта. Но, как утверждали юристы Всесоюзного объединения автотракторной промышленности (ВАТО), приходилось идти на большие уступки инофирмам из-за различий в методах проектирования и создания новых предприятий в СССР и за рубежом, где не знали советских условий строительства и производства. Считалось, что проектирующая инофирма может скрыть часть своих секретов, командировать в СССР не лучших своих работников, рекомендовать оборудование того поставщика, который ей за эту услугу заплатит (куртаж). Поэтому советская сторона стремилась уже на начальном этапе изготовления проекта получить все данные по оборудованию, чтобы самостоятельно приобрести его.

У зарубежных проектировщиков это требование нередко вызвало возражения. По мнению юристов ВАТО, лучше направлять на зарубежные заводы советских стажеров и проектировать своими силами, а услуги инофирм использовать лишь в крайних случаях⁷. Советских чиновников смущали, конечно, и большие расходы на приглашение иностранных специалистов, особенно американских, так что результатам инопомощи уделялось особое внимание.

Советским организациям приходилось содержать за границей свои технические бюро, изучавшие конкретные фирмы и заводившие с ними контакты. В США при отсутствии дипломатических отношений с Советским Союзом оформление всех сделок контролировал Амторг — созданная в 1924 г. формально независимая корпорация American Trading Corporation, которой руководили из Москвы. Она являлась торгово-финансовым представителем СССР и выполняла целый ряд функций, в том числе пропагандистские и разведывательные. Через нее велись расчеты с американскими фирмами, и с нею они должны были согласовывать все свои действия.

Переговоры о строительстве крупного автозавода с использованием уже не иностранных капиталов, а технической помощи велись весной 1929 г. с «Форд Мотор компани», «Дженерал Моторс», а также с фирмой Артура Дж. Брандта, занимавшейся консультированием и инженерно-конструкторскими разработками (A.J.Brandt. Consulting and Engineering Management). Брандт выдвинулся из плеяды автомобилестроителей штата Мичиган, где размещались крупнейшие автозаводы США, и был некоторое время вице-президентом компании «Окленд». Его фирме чуть было не досталась ведущая роль в создании автомобильной промышленности СССР. Согласно справке Амторга от 23 апреля 1929 г., с «группой Брандта» договаривались не только о реконструкции старого автозавода АМО в Москве, но и о постройке нового⁸.

Политбюро ЦК ВКП(б) давало указания то возобновить, то прервать переговоры, имея в виду организовать с американской помощью постройку «не позже 4-летнего срока собственного автомобильного завода». Наиболее перспективной в плане технической помощи считалась компания Форда. 3 мая Политбюро дало дирек-

тиву советским представителям в США через две недели завершить переговоры с «Дженерал Моторс» и с «Фордом», а фирму Брандта назначить генеральным консультантом Автостроя. В случае неудачи с первыми двумя — приступить к проектированию Брандтом своей модели автомобиля⁹.

25 апреля — 24 мая 1929 г. руководители Гипромеза и Автостроя¹⁰ переписывались с Брандтом по вопросам проектирования автозавода. Ему предлагалось изготовить полные комплекты рабочих чертежей автомобиля, идентичного марке «Форд» (легковой модели А и грузовой АА выпуска 1928 г.), полный проект завода, выпускающего в год 30 тыс. легковых и 70 тыс. грузовых машин. Как вариант, планировалось построить предприятие меньшей производительности с двумя отдельными заводами по изготовлению кузовов. Глава инженерной фирмы согласился также помочь установить оборудование, пустить заводы в эксплуатацию и обучить группу работников Автостроя производственным методам. Брандт назвал проект осуществимым, хотя предупредил, что строить в СССР автомобили так же дешево и качественно, как в Америке, удастся лишь при том условии, что исходные материалы, рабочая сила и менеджмент будут аналогичны американским¹¹.

Но ситуация изменилась в пользу компании Форда. В мае 1929 г. переговоры с ней пошли в желательном для Советского Союза направлении. Обаятельный и свободно говоривший по-английски зампред ВСНХ В.И.Межлаук согласовал с ее президентом Эдселом Фордом (сыном Генри) основные положения предстоящего договора. Принципиальное согласие руководство компании дало 17 мая¹². «Дженерал Моторс» осталась ни с чем, а Брандт занялся реконструкцией АМО¹³.

Борьбу за право помочь советской автоиндустрии выиграл Генри Форд. Чем же объяснялось стремление «автомобильного короля» сотрудничать с Советской Россией? Сыграли свою роль не только крупный размер сделки, отвечавший интересам американских промышленных магнатов, но и мечта Форда улучшить мировую экономику за счет индустриального развития отсталых стран и превращения их в равноправных деловых партнеров. Американский бизнес, считал Форд, от этого только выиграет, поскольку экономически неразвитые страны, зависящие от импорта готовой продукции, не могут участвовать в масштабных деловых отношениях.

«Россия начинает строить, — заявил Генри в интервью еженедельнику Nation's Business. — Неважно, какая теория за этим стоит. Будущее покажет. Но я считаю своей обязанностью помогать любому народу, который хочет начать работать и обрести самостоятельность... Система экономической зависимости одних стран от других должна исчезнуть, и это уже началось. Теперь, когда известно, что может делать каждая страна, мы впервые увидим цивилизованную экономическую практику...»¹⁴. В другом выступлении Форд подчеркнул, что Америка, черпавшая энергию и дух первенства (pioneering spirit) у народов Европы, перед ними в

долгу и обязана возвратить им часть этого духа. «Речь идет не только о восстановлении промышленности, а о новых настроениях и новых начинаниях». Необходимо распространить там американские приемы производства и управления, что даст возможность людям получать хорошие деньги за хороший труд. «Русские предприимчивы и честолюбивы, и у них будет со временем не меньше автомобилей, чем у американцев. Почему бы и нет?» Форд предсказывал быстрый прогресс России по мере распространения там автомобилей и тракторов¹⁵.

Согласно договору от 31 мая 1929 г., который компания Форда заключила с ВСНХ и Амторгом, она должна была оказать техническую помощь в постройке завода или заводов по выпуску фордовских автомобилей¹⁶. Компания предоставляла лицензию на выпуск «фордов» образца 1928 г. (легковые модели А и грузовые АА), патенты и всю техническую документацию — рабочие чертежи и описания продукции, технологических операций и процессов, инструментов, станков и оборудования, планы заводских зданий, а также обязалась прислать своих специалистов, техников и мастеров для консультаций и инструктажа и принимать до 50 советских практикантов в год (фактически их приезжало намного больше). Советский Союз возмещал компании расходы на изготовление документации и чертежей, платил жалование и командировочные ее консультантам и оплачивал командировки своих стажеров.

По фордовским чертежам и спецификациям советский заказчик мог приобретать оборудование у любой фирмы по своему усмотрению. Часть его была закуплена у «Форда», часть у других, в том числе европейских, поставщиков. Кроме того, ВСНХ обязался закупить у компании (через Амторг) в течение 4-х лет различную автомобильную продукцию и запчасти, кроме шин, на сумму, равную стоимости 72 тыс. разобранных автомобилей. Советский Союз мог приступить к сборке автомобилей окончания строительства основного завода, а компания Форда получала законную прибыль.

Два сборочных завода с конвейером предшествовали Нижегородскому автогиганту. Автосборочный завод № 1 был в Канавине, на окраине Нижнего, и для него реконструировали здание небольшой фабрики «Гудок Октября». Этот завод выпускал из импортных комплектующих фордовские грузовики, первый из которых торжественно выехал из заводских ворот 1 февраля 1930 г. Через полгода начал работу автосборочный завод № 2 в Москве, выпускавший как грузовые, так и легковые «форды». Ему присвоили имя КИМ (Коммунистический Интернационал Молодежи), впоследствии — АЗЛК (Автозавод им. Ленинского Комсомола).

Постройку трех этих заводов — сборочных и основного — обычно связывают только с компанией Форда, что, конечно, неправильно. Любой промышленный объект имеет, как минимум, двух проектировщиков — технологического и строительного. Первый делает планы цехов и их оборудования согласно требованиям

производственного процесса, а второй, руководствуясь этими данными, выполняет архитектурно-строительную часть проекта.

Завод КИМ был новостройкой. Его строительную часть проектировала давно сотрудничавшая с компанией Форда фирма Альберта Кана (Albert Kahn, Inc.) — знаменитого промышленного зодчего из США, разработавшего новый тип заводского здания для поточных линий — в один этаж, вытянутого в длину, с наполовину стеклянными стенами и стеклянным потолком. Несущими конструкциями были изготовленные в США стандартные металлические фермы, которые доставлялись на стройку в разобранном виде и монтировались на месте. Фирма Кана участвовала и в реконструкции «Гудка Октября». В США она выстроила многие заводы и цеха автопромышленности, а в Советском Союзе принимала участие в строительстве Сталинградского и Челябинского тракторного заводов и более 500 других промышленных объектов. В становлении советского промышленного зодчества в межвоенный период опыт Кана играл ведущую роль¹⁷.

За проектирование и руководство строительством основного автозавода в Нижнем взялась «Остин компани» из Кливленда, штат Огайо (The Austin Company. Architects, Engineers and Builders)¹⁸. Непосредственным заказчиком являлось управление «Автострой». Оно вошло в систему ВАТО, созданную в конце 1929 г. как специальный орган союзного значения, ведавший вопросами создания, реконструкции и развития автомобильной и тракторной промышленности.

Компания «Остин» являлась первоклассной строительной фирмой, основанной в 1878 г. англичанином-иммигрантом Сэмюелом Остином. Уже в начале XX в. она выделялась новаторскими приемами проектирования и строительства промышленных сооружений. Так называемый остинский метод (The Austin Method) заключался в том, что компания самостоятельно выполняла весь комплекс работ — архитектурных, инженерных, строительных и монтажных, несла полную ответственность за смету и график строительства и сдавала объекты «под ключ». Клиенты могли целиком и полностью положиться на нее, не заключать контракты с несколькими исполнителями, экономя на транзакционных издержках, и не содержать собственных проектно-строительных отделов. Скоростное выполнение работ позволяло компании увеличивать количество заказов и снижать себестоимость строительства к обоюдной выгоде для себя и для заказчика. Ее метод переняли и другие крупные строительные фирмы США.

В 1913—1916 гг. компания «Остин» освоила и передовые приемы строительства. Готовый набор стандартизованных стальных и железобетонных конструкций позволял заменить трудоемкие расчеты подбором нужного ассортимента материалов из каталогов. Стальные конструкции изготовлялись на собственном заводе. Чертежи и планы делались и утверждались одновременно с рытьем котлована, арматурная сталь отгружалась на следующий день после подписания контракта, в разных городах США имелись

склады материалов, чтобы без промедления приступить к строительству. Широко использовалась техника: экскаваторы, подъемные краны, бетономешалки, подъемники шахтного типа для подачи материалов на этажи строящегося здания, переносные ленточные транспортеры для кирпича и сыпучих материалов, электрический ручной инструмент, и т.д.¹⁹ Экономический аспект такой организации проектных и строительных работ сродни интеграции по вертикали и эффекту масштаба.

Принципиальная разница между советскими и американскими методами строительства заключалась в том, что американцы выигрывали за счет скоростных приемов монтажа стандартных конструкций. Они экономили не на стали и бетоне, которые были дешевы, а на снижении трудоемкости работ, и некоторый перерасход материала не играл существенной роли. Советские же проектировщики придерживались дореволюционного опыта снижения веса несущих конструкций. Они скрупулезно рассчитывали каждую ферму и балку, чтобы сэкономить дефицитные сталь и бетон.

В 1920-е гг. популярностью в СССР пользовались приемы немецких инженеров, которые старались из одного и того же количества металла выкроить не одну, а две конструкции. При дороговизне стали и бетона рабочая сила была дешевой, а трудоемкостью работ пренебрегали. Советский инженер А.А.Дзержкович так охарактеризовал «распределение внимания» проектировщиков в США и СССР, в % затрачиваемого ими времени²⁰.

Требования к проектированию:	в США	в СССР
по эксплуатации сооружения	45	40
по экономии металла	10	50
по легкости и скорости строительства	45	10

Различалась и техника проектирования. Американцы избегали подробных рабочих чертежей, выполняли многие в карандаше, а размножали на светокопировальных машинах (светокопии назывались синьками). В СССР множительная техника была редкостью и чертежи переносили с ватмана на кальку, что отнимало массу времени, не гарантировало от ошибок и повышало себестоимость проекта.

Одновременность различных стадий проектирования, использование каталогов типовых решений, совмещение проектных и строительных работ позволяли американцам возводить громадные и технически сложные объекты сверхскоростными методами. Так, фирма Кана возвела в 1940 г. цех площадью 2,2 га для авиационного завода в Балтиморе всего за 11 недель с момента получения заказа до пуска объекта в эксплуатацию. Но степень сопротивления «поточным» методам в проектировании у советских зодчих и инженеров была велика. Они презирали методы американцев, применявших, вместо тонких расчетов, стандарты и спецификации, а вместо индивидуальных творческих решений — каталоги и справочники²¹.

Но обратимся к компании «Остин». Последним ее достижением, которое, видимо, и привлекло внимание советских заказчиков, было сооружение в 1927 г. за семь месяцев крупнейшего в мире автозавода The Pontiac Six factory, превзошедшего даже завод «Форда». 1 апреля 1929 г. Амторг предложил руководителям ВСНХ СССР и Главмашинстроя рассмотреть вопрос о привлечении этой компании к строительству Сталинградского тракторного завода. Она могла руководить строительством за 10% стоимости построек и оплату расходов на изготовление чертежей. Не обещая уложиться в предварительную смету, она гарантирует своевременное окончание работ, а при заключении договора, вероятно, пойдет на уступки в вопросах вознаграждения, сообщал Амторг²². Предложение не прошло, поскольку строительную часть проекта СТЗ выполнила фирма Кана.

Так состоялось заочное знакомство советских хозяйственных органов с будущим проектировщиком Нижегородского автогиганта. После заключения договора с «Фордом» завязались отношения и с фирмой «Остин». 24 июля 1929 г. ее вице-президент Джордж А. Брайант уже был в Москве и послал из Гранд-отеля в Президиум ВСНХ предложение о проектировании и постройке завода по выпуску автомобилей «форд» в Нижнем Новгороде²³. За 4% от стоимости работ плюс 250 тыс. дол. за планы и спецификации компания соглашалась «взять на себя полную, нераздельную ответственность» за сроки проектирования, постройки и сдачи «под ключ» завода со всей необходимой инфраструктурой — ТЭЦ, дорогами, водопроводом, канализацией и др. Кроме того, она бралась за проектирование рабочего городка со всеми общественными зданиями — театром, библиотекой, клубом, школой, стадионом, больницей и др. Командировку своих специалистов в СССР она оплачивала сама, а советская сторона должна была предоставить им бесплатно подходящие жилые помещения.

После подписания договора с «Фордом» медлить было нельзя, тем более что фирма «Остин» снизила процент вознаграждения. Но Брайант предъявил жесткие требования к срокам предоставления ей необходимых данных: от «Форда» — планировки завода в течение 15 дней, а от советского заказчика — немедленной топографической и гидрографической съемки территории с указанием начальных и конечных пунктов подъездных путей. Все строительные работы, подчеркнул он, должны вестись в быстром темпе, без задержек и с наивысшей производительностью. При соблюдении этих условий Автостроем она обязалась закончить всю работу за 15 месяцев. Письмо заканчивалось категорически — «настоящее предусматривает немедленное принятие Вами наших условий».

Комиссия ВСНХ с участием представителей компании «Остин» выехала в Нижний Новгород, осмотрела предполагаемые участки строительства и 26 июля сделала окончательный выбор — на левом берегу Оки, между заводом «Двигатель Революции» (бывший завод Фельтера) и деревней Монастырка. 30 июля руководитель Главмашинстроя А.Ф.Толоконцев распорядился к 5 августа

выполнить съемку местности, огородить площадку шириной 2 км и составить «выверенную ведомость» требуемого количества камня, песка, цемента, леса, металла и др., выяснить цены, условия транспортировки и поставщиков этих материалов у местных строительных организаций. Осенью планировалось приступить к заготовке материалов и постройке подъездных путей, складов и других вспомогательных сооружений²⁴. 11 августа выбранный участок посетила комиссия ВСНХ с участием представителей «Форда», которые одобрили выбор участка.

По предложению В.В.Куйбышева Политбюро ЦК ВКП(б) 8 августа 1929 г. решило заключить с фирмой «Остин» договор, гарантирующий окончание постройки автозавода в августе 1931 г. Оно обязало ВСНХ СССР «организовать постройку и развитие всех подсобных предприятий, чтобы они могли выпустить продукцию в более короткий срок, в соответствии с ускорением срока пуска автомобильного завода», и обеспечить своевременную поставку строительных материалов. ВСНХ также должен был подписать специальную инструкцию о порядке взаимоотношений между советским и американским техническим персоналом²⁵.

Договор подписали 23 августа 1929 г. в Москве вице-президент Дж.А.Брайант и член коллегии Главмашинстроя М.Г.Островский, уполномоченный Президиумом ВСНХ заключить договор от имени Автостроя²⁶. Компания, или, как ее именовали в договоре, Концерн, должна была составить эскизный и полный технические проекты всех зданий и сооружений автозавода, рассчитанного на выпуск 100 тыс. машин в год; изготовить рабочие чертежи, смету и спецификации строительных материалов; дать полный технологический проект литейного цеха, котельной и трансформаторной станции; руководить постройкой зданий и сооружений, включая подъездные пути и коммуникации; сделать чертежи жилых и других зданий рабочего поселка не менее чем на 12 тыс. человек, руководить всеми постройками и монтажом оборудования.

Автострой обязался предоставить Концерну до 1 января 1930 г. все данные для проектирования. Проектирование и обсуждение проекта должно было вестись в США, где находилось техническое бюро Автостроя. Все чертежи и спецификации, изготовленные Концерном, переходили в полную собственность Автостроя. После утверждения проекта Автострой лишался права вносить в него существенные изменения.

В договоре содержалось требование к инофирме — передать Автострою в кратчайший срок подробный перечень и спецификации необходимой строительной техники, оборудования и инструментов. Приемку готового к эксплуатации завода назначили на 1 августа 1931 г., если не произойдет задержек не по вине Концерна. Последний должен был работать «по наилучшим способам и методам», применяемым им в США, и оказать содействие СССР в удешевлении добычи строительных материалов (расходы на это содействие нес Автострой). В течение года со дня приемки работ компания обязывалась безвозмездно устранить возникшие по ее

вине дефекты. Ей предстояло командировать на стройку не менее 15 своих специалистов, и после вступления договора в силу — двух инженеров для управления подготовительными работами.

Концерн обещал руководствоваться советскими ценами на материалы и рабочую силу, метрической системой мер и советскими госстандартами, чтобы чертежи можно было легко использовать. На компанию возлагалась обязанность помочь Автострою подобрать в США материалы и оборудование, необходимые для строительства, не извлекая для себя никаких дополнительных выгод, и посылать все коммерческие запросы другим фирмам только через Амторг. Концерн получал право передавать выполнение отдельных частей договора (не всего проекта) другим фирмам, но не освобождался от ответственности за договор. Компания «Остин» должна была принимать до 10 стажеров Автостроя в год, командируемых за его счет, и выполнять проектирование в США в контакте с Автостроем.

Размер вознаграждения — 4% от стоимости работ и 250 тыс. долл. за изготовление чертежей. Автострой оставлял за собой право увеличивать или уменьшать объем работ. При определении их стоимости учитывались расход строительных материалов, заработная плата советским рабочим и служащим, стоимость установки механизмов и оборудования (частично и стоимость самих механизмов), прокладки подъездных и подкрановых путей, и т.д. 90% вознаграждения выплачивалось, в установленные сроки, долларами в Кливленде, и 10% рублями в СССР. Автострой должен был бесплатно предоставить командируемым в Нижний инженерам компании с семьями 3—5 комнатные квартиры в коттеджах, которые проектирует Концерн и строит Автострой, и обеспечить американцев квалифицированным вспомогательным персоналом — переводчиками, машинистками, стенографистками и т.д.

Все распоряжения Концерна, касающиеся строительных и монтажных работ, являлись обязательными для Автостроя или другой организации, которая будет заниматься строительством. Претензии, связанные с договором, Концерн должен был предъявлять исключительно Автострою. Разногласия предписывалось устранять «совместными усилиями, дружеским образом», а в случае невозможности — передавать на рассмотрение арбитражного суда, назначаемого правлением Союза шведских инженеров в Стокгольме. Договор вступал в силу после утверждения его Советом народных комиссаров и правлением компании, но не позднее 25 сентября.

В день заключения договора московская контора Амторга прислала в ВСНХ и Главмашинстрой телеграмму с упреками за ее отстранение от переговоров, за непонимание того, что 4% от стоимости работ могут означать громадную сумму, и за то, что «Остину» оставлена лазейка для сношения с другими американскими фирмами по коммерческим вопросам²⁷. Амторговцы рекомендовали воздержаться от подписания договора и сообщили, что фирма Кана может предложить более благоприятные условия, и ее пред-

ставитель Моррис Кан выезжает в Москву 15 сентября²⁸. Но было уже поздно, да и руководство ВСНХ и Главмашинстроя выступало за скорейшее начало строительства²⁹.

Текст договора все же пришлось частично пересмотреть и включить Амторг в число участников сделки. Так обычно и делалось по договорам о технической помощи. Соглашение об изменениях и дополнениях подписали 30 октября 1929 г. Дж.А.Брайант, начальник Автостроя С.С.Дыбец и председатель Амторга С.Г.Брон³⁰. Годовая производительность завода увеличивалась до 120 тыс. автомобилей и оговаривалось дополнительное вознаграждение Концерну, если цифра будет увеличена и придется переделывать проект (потом ее подняли до 140 тыс.). Концерну предстояло также оказать, в случае необходимости, содействие Автострою в производстве строительных конструкций в СССР.

В договор включалось положение, что в США все закупки оборудования и материалов для строительства, как и переписка по этому вопросу, будут производиться только Амторгом. От «Остина» могло потребоваться лишь участие в наблюдении за выполнением заказов и в их приемке. Срок окончания работ — 1 августа 1931 г. сопровождался (видимо, по настоянию Брайанта), оговоркой: «при условии, что Автострой выполнит свои обязательства». Был поднят и «квартирный вопрос»: если Автострой не сможет обеспечить подходящим бесплатным жильем командированных в СССР сотрудников «Остина» с семьями, то обязуется оплатить их расходы по найму квартир. Руководители компании уже беспокоились по поводу бытовых условий для своих специалистов в России. И, как вскоре выяснилось, беспокоились не напрасно.

Подготовительные работы

Осенью 1929 г. на будущей стройплощадке закипела работа. Баржами по Оке подвозили песок, гравий, камень. К зиме надо было успеть расчистить площадку, построить грузовой порт, выстроить склады, где запасенные материалы могли бы пролежать до весны, соорудить временные жилища для рабочих, пробурить скважины или сделать колодцы для водоснабжения, провести канализацию, проложить дороги с твердым покрытием, железнодорожную ветку, построить Американский поселок с коттеджами для группы инженеров «Остина», приезда которых ожидали к маю 1930 г. Подготовительными работами занимался Металлострой — Государственный трест по производству строительных работ в металлической промышленности.

Инженеры Фред Коулмен и Эдвард Палмер вели, согласно договору с Автостроем, технический надзор над этими работами, проверяли их соответствие графику и давали, по ходу дела, оперативные указания. Для специалистов «Остина» это стало настоящим «боевым крещением». Их отчеты заместителю начальника Автостроя А.Т.Ценциперу выглядели по большинству позиций не-

утешительно. Налицо были все признаки нарастающего беспорядка.

Американцы писали о сильном отставании от графика на ряде важных участков, прежде всего на разгрузке барж и переброске материалов с пристани на склады. Два разгрузочных крана должны были начать работать с 3 октября, но их не подготовили и к 5 ноября, а зимой, когда Ока замерзнет, они бесполезны. Деньги на них, сказал Палмер, выброшены на ветер. Пристань завалена горами материала. Нет парового копра для забивания свай будущего грузового причала. Дорога от реки до стройплощадки «в ужасающем состоянии», и к весне ее вряд ли удастся построить. Доставлять гравий из Плеса, из-под Серпухова, слишком долго и дорого, карьер в Юрьевце гораздо ближе. Палмер привел простые расчеты по экономии средств: только замена природного камня бетоном позволит сберечь 367 тыс. руб., а механизация добычи, погрузки и разгрузки гравия с помощью ленточных транспортеров во много раз увеличит объем поставок и даст экономию в 7,5 руб. на кубометр.

21 ноября американцы предупредили Ценципера, что если Металлострой не изменит своих методов, то весной сорвется начало строительных работ. Через два дня они писали о том же. Не предпринимается никаких попыток навести порядок, пристань завалена стройматериалами, баржи негде разгружать, на них и на пристани накопилось 9,5 тыс. кубометров песка и гравия. Разгрузка ведется вручную. Новый причал непрочен, он может не выдержать тяжелую строительную технику, которую привезут весной. Палмер одобрил схему узкоколейки от пристани к стройплощадке, предложенную русским инженером. Американский поселок еще не начали строить и даже не завезли материал³¹.

В Американском поселке требовалось соорудить автономную систему отопления, водопровода и канализации, провести холодную и горячую воду в кухни и умывальники и сделать ванны в каждом доме. Решено было возвести пять одноэтажных одноквартирных коттеджей, один двухэтажный на 4 квартиры и двухэтажный клуб, а также котельную и прачечную исключительно для персонала компании «Остин». На совещании по обустройству Американского поселка присутствовали руководители Автостроя и Металлостроя.

Американцы старались вникнуть в причудливый механизм советского руководства строительными работами и добивались получения максимально полного и точного задания. Мы понимаем, писал Палмер руководству Автостроя, что ваши профсоюзы также будут давать свое заключение о проекте городка для рабочих, но не знаем, насколько компания свободна в выборе материалов, чтобы строить прочно и экономично, какой этажности должны быть дома, и т.д. Они просили передать все недостающие данные не позже 20 ноября и сообщить, будет ли этот проект разрабатывать только компания «Остин», для чего потребуется его утверждение в США, или возможны другие варианты³².

В договоре с компанией «Остин» речь шла об обычном рабочем городке при автозаводе. Для его проектирования и постройки, как и для завода, предполагалось использовать лучший американский опыт. Но советское правительство решило построить там образцовый город нового типа, «город-коммуна». Идея города, где весь образ жизни — коллективистский, стала активно разрабатываться в конце 20-х гг. в связи с бурным промышленным строительством. Журнал «Советская архитектура» щеголял похожим на военный термин — «плацдармы социального контакта». Речь шла о домах-общежитиях, централизованном общественном питании и бытовом обслуживании, клубах и дворцах культуры, широких площадях и общественных зонах отдыха, стадионах, детских садах и яслях, развитие которых считалось признаком социалистического города³³.

Лучшие рабочие городки в России начала XX в. отличались высоким уровнем благоустройства, цивилизованности и социальной инфраструктуры³⁴. Но для проектирования соцгорода буржуазный опыт, понятно, не годился. Шесть советских архитектурных коллективов представили на закрытый конкурс свои эскизы и планы. Победил проект группы студентов Московского высшего технического училища под руководством архитектора А.Г.Мордвинова. Предварительные переговоры по поводу жилого городка и начатое проектирование обернулись для американцев потерянными временами. Вместо собственного проекта специалистам «Остина» предстояло доделывать чужой, устранять недоработки, а затем руководить постройкой первой очереди соцгорода почти на 30 тыс. жителей. В будущем его население предполагалось довести до 60 тыс. человек. В соответствии с исторической традицией американцы прозвали его «город-утопия» (The City of Utopia).

В соцгороде создавались не просто общежития, а жилые комплексы. В окончательном варианте каждый комплекс состоял из пяти спальных корпусов на 200 мест в каждом, которые соединялись переходами друг с другом и с клубным зданием. От лифтов Автострой отказался. На первых трех этажах — комнаты на одного человека, в том числе для членов семей старше 16 лет, площадью до 9 кв. м, с балконом, кроватью, шкафом, книжной полкой и умывальником с холодной и горячей водой. На четвертом этаже комнаты побольше, на 3—4 человек. Душевые и туалеты были общего пользования и располагались в коридорах. Питаться можно было в буфетах спальных корпусов и в просторной столовой при клубном здании. В нем были зал для собраний, киноаудитория и спортзал, библиотека, «красный уголок», комнаты для кружковых занятий, детский сад и ясли, и т.п.

Между корпусами предстояло разместить игровые площадки, посадить деревья, разбить цветочные клумбы, поставить скамейки. Школы располагались рядом с жилой зоной. На генеральном плане города, выполненном архитекторами компании «Остин», композиционным центром являлась площадь с выходящими на нее главными общественными зданиями. Это Дом Советов, Дво-

рец культуры, музей, гостиница, универмаг. Были обозначены железнодорожный вокзал, фабрично-заводское училище, университетский городок, стадион, больница, гаражи для автотранспорта, лодочная станция и пляж на берегу Оки. Ближе к автозаводу — фабрика-кухня, хлебопекарня, прачечная, склады, плодоовощная база, холодильник. За чертой города с противоположной стороны — крематорий и мусоросжигательный завод³⁵.

Подробное описание соцгорода и его генеральный план опубликовал в 1931 г. в американских газетах участник строительства, молодой инженер Алан С.Остин, сын президента компании. Он, в частности, отметил, что советских проектировщиков не смущает совместное проживание мужчин и женщин в спальных корпусах, похвалил озеленение, которое пошло бы на пользу любому американскому мегаполису. «Не нужно было бы каждое воскресенье мчаться за город, чтобы показать детям цветы, головастиков и кузнечиков. Внимание к молодому поколению поставлено в Советском Союзе на солидную практическую основу». В клубах ему понравились кабинеты и лаборатории для технического творчества. Вскоре, решил Остин-младший, Советы обойдутся без иностранных специалистов³⁶.

На ватмане все выглядело грандиозно, красиво и убедительно. Оставалось только претворить это в жизнь. Что же происходило на стройплощадке и в кабинетах ответственных работников?

После первых месяцев неопределенности и раскочки организация работ стала не лучше, а хуже. Когда 13 января 1930 г. СНК СССР утвердил договор Автостроя с компанией «Остин», ведение строительных работ окончательно перешло к Металлострою. Согласно договору Автостроя с Металлостроем от 19 января 1930 г. первый являлся заказчиком, второй — производителем работ³⁷. Техническое руководство «Остина» считалось для Металлостроя обязательным, но осуществлялось через Автострой. В договоре не упоминалось об участии в его проработке представителей компании или о согласовании с нею пунктов, ее касающихся. На самых важных звеньях требовались дополнительные согласования — например, рабочих чертежей, сверхнормативных работ и т.п. Металлострой отвечал за своевременную доставку на строительство советской техники и механизмов, а Автострой — заграничных. Металлострой освобождался от ответственности за те работы, выполненные по указаниям «Остина», с которыми он был не согласен и которые опротестовал перед Автостроем. Допускалась отмена указаний американцев Автостроем, и в этом случае последний возмещал Металлострою стоимость переделок.

Для связей с работниками «Остина» и внедрения их методов работы «в трудовые и организационные процессы» Металлострой обязался пригласить в свой аппарат некоторое количество американских специалистов по собственному выбору. Но приглашение на кабинетную работу не означало их присутствия на стройплощадке. Согласно американской практике, supervision — это руководство непосредственно на месте работ и оперативное устранение

недостатков. Технический надзор за ходом работ поручался Автострою, тогда как этим должны были заниматься представители компании.

На строительной площадке установилось двоевластие Автостроя и Металлостроя, которые подчинялись разным ведомствам. Где-то сбоку маячила компания «Остин» — фактически на правах консультанта. Автострой стал передаточной инстанцией между нею и Металлостроем. Договор давал право Металлострою передавать часть работ на подряд, а это лишь увеличило количество «хозяев» и «хозяйчиков» на строительстве. Появились Трансстрой, Водоканалстрой, Промсантехстрой и др. Каждый из этих «строев» имел «свои» ресурсы, которыми распоряжался как монополист и подчинялся собственному руководству в центре, так что координация по горизонтали отсутствовала. От подобной неразберихи положение остинцев стало совсем незавидным.

О бесхозяйственности на стройке резко, правдиво и без прикрас писали советские газеты. Так, «Известия» сообщали, что американский темп работ заменен «нижегородскими темпами». Не достроены подъездные пути, затягиваются земляные работы, не хватает водопроводных труб, фасонных частей, насосов. «Положение с кирпичом можно считать угрожающим». Недостает даже лопат и ломов. Не оборудована сушилка для лесоматериалов. Работы совершенно не механизированы. Велика текучка рабочей силы — люди уходят в деревню на посевную. Фактически работы идут самотеком. Вместо 250—300 вагонов материалов в день прибывает всего 60—70, и «это понимают все, кроме, видимо, Металлостроя»³⁸.

13 апреля 1930 г. управляющий стройсектором Металлостроя В.Ольхов заявил, что подготовительные работы приходится вести без проекта и плана, даже без предварительной наметки — на свой страх и риск. Окончательный проект будет выполнен компанией «Остин» не ранее 15 апреля — 1 мая, что чрезвычайно затрудняет ведение подготовительных работ. До начала строительства нужно провести точную планировку территории, построить водопровод, соединительную железнодорожную ветку, составить точный план завода материалов, расположить в определенных пунктах бетонные заводы и мастерские. Как все это сделать, если нет плана завода? Хотя Ольхов сообщил, что к середине апреля подготовительные работы выполнены на 74% (процент затрат к общей стоимости подготовительных работ, исчисленной в 4 млн руб.), эта средняя цифра ни о чем не говорила и никого не обнадеживала. Приведенные им качественные показатели говорили о том, что положение скорее катастрофическое.

ВАТО опоздало с закупкой землеройной техники в Германии и США. Это означало ее доставку не в апреле, а в лучшем случае к июню, когда строительство должно вестись с полным размахом. Наиболее трудоемкие земляные работы — рытье котлованов, траншей и т.д. пришлось вести «дедовским способом». Металлострой тоже не особенно преуспел — из 8 паровозов удалось получить

«после упорной борьбы» только 5, и то старых, часто выходявших из строя. Из 70 грузовиков «выбили» всего 26 и без запчастей. Грузевой транспорт сократился из-за нехватки овса и начавшихся полевых работ. К 1 мая потребуется 40 тыс. куб. м бутового камня, а завезено лишь 6,5 тыс. Вместо 60 тыс. бочек цемента на складе примерно половина. Недостает 17 тыс. кубометров пиломатериалов. Позарез нужны экскаватор и землечерпалка.

Положение с квалифицированными кадрами еще хуже: требуется 78 инженеров-строителей, а их всего 30, и только четверо работали ранее на крупных объектах. Из 1600 плотников не более 700 — мастера 5 и 6 разряда, а остальные — «мертвый груз для строительства». Техническое руководство постройкой и монтажом завода будут вестись по новейшим американским методам, но «самый технологический процесс строительства почти незнаком нашим специалистам». Так что, резюмировал Ольхов, мы вряд ли сумеем быстро подготовиться³⁹. В общем, нельзя валить все шишки на строителей. ВАТО согласилось, что в середине апреля сделано три четверти подготовительных работ, но завезено только 60% материалов⁴⁰.

Как сообщили «Известия», 7 апреля Автострой получил из Америки план общего расположения завода и утвердил его⁴¹. Досрочно, 20 апреля, в Нижний прибыли специалисты компании «Остин», которым предстояло осуществлять техническое руководство, а трое включились в работу до них. Первый камень автозавода торжественно заложили днем позже, чем планировалось — 2 мая. При этом коллектив строителей поклялся партии и правительству закончить постройку завода на 140 тыс. автомобилей в год к 1 августа 1931 г.

Никакие клятвы и обещания, конечно, не помогли. Стройку все больше лихорадило. Подготовительные работы приходилось завершать в условиях начавшегося строительства. Газеты писали об анархии на стройплощадке и конфликтах между Автостроем и Металлостроем. Взаимные препирательства, сваливание ответственности друг на друга, формальные отписки — в этом и состоит их «деятельность», сообщали корреспонденты с мест. Но к виновным в развале строительства стали относить и компанию «Остин». Ее ругали как за срыв сроков изготовления проекта, так и за слабое техническое руководство. Почему первоклассная заокеанская фирма попала в такое положение?

Как проектировали автозавод

Осенью 1929 г. компания «Остин» убедилась, что теряет темпы, ибо вынуждена перестраиваться на ходу. Она лишилась своего главного преимущества — единой ответственности, единого руководства и интеграции работ, не говоря уже о качестве материалов и рабочей силы. Проектирование города при автозаводе перешло в руки советских зодчих, а доведение чужого проекта «до ума» требовало помощников, дополнительных согласований и всевозмож-

ных утрясок. Посланцам «Остина» предстояло руководить людьми, совершенно незнакомыми с американскими методами, столкнуться с невозможностью внедрить их в нужном объеме и в сжатые сроки, считаться с бездорожьем и дефицитом, пользоваться советскими стандартами и нормативами на стройматериалы, терять время на бесконечные согласования, да еще терпеть множество бытовых неудобств.

Но у компании не опустили руки. Доминировали финансовые соображения, профессиональная репутация, давление Великой депрессии, желание помочь загадочным русским, которые строили грандиозные планы, не боялись трудностей и аккуратно платили по счетам. Русские являются перспективным деловым партнером, решил Дж.А.Брайант, побывав летом 1929 г. в Москве. Как бизнесмен, он был настроен оптимистично: его внимание привлекли всеобщая занятость, расширение и асфальтирование улиц, возведение благоустроенных многоквартирных домов с применением кирпича и железобетона, магазины с множеством товаров и стоящими в очередях покупателями. Побывав на автозаводе АМО, Брайант похвалил дисциплину в цехах и желание рабочих перенять новейшие методы производства. Русские, писал он, вовсе не такие радикалы, как иногда о них думают⁴².

Тем не менее, весной 1930 г. отношения «Остина» и Автостроя резко ухудшились. Пока на стройплощадке шли подготовительные работы, техническое бюро Автостроя — группа инженеров, проходивших выучку в компании Форда, обсуждала со специалистами «Остина» детали проекта. Для проектирования автозавода компания создала специальный конструкторский отдел⁴³. После отъезда начальника Автостроя Дыбеца в Нижний, его заместитель С.З.Бондарчик послал ему в конце мая подробнейший отчет с приложением. Из него явствует, что по вине американцев большую часть чертежей удалось получить с большим опозданием, только в мае, а по некоторым объектам согласование еще не завершено. Отчеты напечатаны на английском языке — видимо, возникли проблемы с русской машинкой или машинисткой⁴⁴.

Не углубляясь в понятные лишь специалистам технические аспекты проектирования, отметим, что «Остин» полагался на превосходство своих методов и решений и опыт строительства крупных промышленных объектов в США. Советские же инженеры возвращали безупречные, по мнению остинцев, проекты на переработку. Об удлинении более чем вдвое сроков проектирования Автострой беспокоился меньше всего, считая, что это проблема американцев. Советские заказчики вели себя не как робкие ученики, а как самые требовательные клиенты. Часто переговоры шли на повышенных тонах и напоминали желание «забить гол в ворота противника».

Отчет Бондарчика преисполнен самыми нелестными отзывами в адрес «Остина» — «неспособность», «неумение», «плохая работа», «неприемлемый план» и т.п. Бондарчик сообщал Дыбецу, что мы не меньше американцев озабочены сроками и изо всех сил помо-

гаем завершить проект, снабжая их всеми данными, но не собираемся проектировать за них. Когда «Остин» начал заваливать нас письмами и нарочно отрывать от работы, чтобы, по всей вероятности, притупить нашу бдительность и выиграть время, мы категорически потребовали от них прекратить «чрезмерную и большей частью бесполезную писанину» (excessive and often useless correspondence) и немедленно завершить работу.

Компания ссылаясь на график сдачи проектов, обвиняя советскую сторону в его нарушении, но инженеры Автостроя стояли на своем. Они даже решили наказать «Остин» за строптивость, задержав очередной взнос в 50 тыс. долл. Тогда компания обратилась к Амторгу. Конфликт разбирался в Кливленде 25 апреля, и представители «Остина», по словам Бондарчика, повернули дело так, будто они одни болели душой за дело. Новый руководитель Амторга П.А.Богданов (опытный хозяйственник, возглавлявший в 1921—1925 гг. ВСНХ РСФСР, а затем Концессионный комитет) все же решил, учитывая интересы всех сторон, уплатить требуемую сумму⁴⁵.

Как Палмер и Коулмен в ноябре 1929 г. передали Автострою в Москве график работ, нарушенный Металлостроем, так и группа Бондарчика составила справку об отставании «Остина». По ней выходило, что компания работала даже хуже Металлостроя: если к середине апреля строители сделали почти 75% работ и завезли 60% стройматериалов, то хваленая американская фирма выполнила, и то к 26 мая, три четверти проектных работ. На разработку и утверждение проекта большинства цехов уходило, с момента получения задания, 3—4 месяца, а то и больше! С учетом проекта ТЭЦ, который был забракован, переделывался и рассматривался заново с участием представителей Энергостроя и компании Форда, она выполнила задание на 60—65%, да еще и опоздала почти на месяц. При этом фирма изготовила только чертежи зданий, а нужны еще схемы вентиляции, отопления, электросетей, водопровода и др.⁴⁶ Такого «прокола» у нее еще не бывало.

В тезисах ВАТО об итогах иностранной техпомощи, написанных 17 июня 1930 г., говорилось, что фирма выбрана неудачно, что «Остин» никогда не проектировала серьезных промышленных объектов, и она не проектировщик, выдающий творческие идеи, а подрядчик, которому нужно давать указания. Как на грех, в это время на заводе АМО фирма Брандта тоже «завалила» сроки. Но если расторгнуть контракт с Брандтом сочли возможным потому, что на старом московском заводе нашлись свои специалисты, рискнувшие продолжить реконструкцию, то в Нижнем Новгороде таких не оказалось.

«Весь смысл возникших трений сводился к тому, что фирма [“Остин”], не будучи достаточно компетентной в проектировании, обращалась к нам с запросами о выдаче заданий. Снабженной полностью запрашиваемой информацией фирме, собственно, оставалось сделать очень немногое. Наши попытки сократить объем информации и предъявить фирме требования в проявлении своей

собственной инициативы в большем масштабе сводились к тому, что работы задерживались... Мы были вынуждены снабжать фирму достаточно полной и детальной информацией, чтобы не замедлять темпов работы. Тем не менее, фирма безнадежно запуталась в проектировании внутрицеховых устройств в силу того, что в этой части мы сами не обладали достаточно квалифицированными работниками, чтобы взять руководство над работниками фирмы в свои руки».

Далее проводилась мысль, что американские проектные организации мало подходят для советских условий. В Советском Союзе приняты многочисленные согласования, существенные исправления и пересмотр проектов «в различнейших инстанциях», и это дает право фирме добиваться дополнительной платы за каждое изменение проекта, как за работу по специальному требованию. (Заметим сразу, что «Остин» никакой доплаты не требовал). «Все эти изменения являются причиной всякого рода трений во взаимоотношениях с иностранцами». Да и американские инженеры «не любят вести тонких расчетов по экономии материалов и более склонны в каждом отдельном случае вместо детального подсчета обойтись ближайшим стандартом, каким их может снабдить американская промышленность»⁴⁷.

Последнее замечание раскрывает суть конфликта технического бюро Автостроя с компанией «Остин». Обвинять ее в некомпетентности, конечно, нелепо, но в адрес «капиталистов» высказывались и более резко. Мы не располагаем данными о том, какие именно технические поправки вносил Автострой, но нетрудно догадаться, с какой целью они делались. Это, конечно, адаптация проекта к советским условиям, т.е. попытка совместить быстрое, высококачественное и технически передовое проектирование с нехваткой стали и бетона, строительной техники, ручным трудом и др. Все это в полной мере проявилось на стройплощадке, о чем пойдет речь ниже.

Специалисты «Остина» не привыкли к решению *таких* задач. Они заранее предупредили инженеров Автостроя, что американские строительные конструкции отвечают проекту и приобретение их в других странах или отказ от них затормозит стройку. Вынужденное возвращение к давно забытым в США методам проектирования уже задерживало работу. Американцы не сумели быстро и в полной мере овладеть советскими строительными нормативами и терминами, возможно, делали ошибки, выдавали недостаточно подробные чертежи. Как сообщал Бондарчик, причиной отклонений и многочисленных переделок стали «неполнота и низкое качество чертежей» (insufficient and unsatisfactory presentation of the structures).

Адаптация к советским условиям заключалась и в отказе автостроевцев копировать фордовскую схему автозавода, т.е. строить второй Ривер-Руж. Советские специалисты, и не только из Автостроя, критиковали тесное расположение оборудования в цехах и отсутствие столовой (фордовским рабочим привозили на тележках

холодную еду в упаковках, которую они съедали садясь где попало, а на весь обеденный перерыв выделялось 15 минут и ни секунды больше). На фордовских заводах только работали: там не было клуба, актового зала и даже свободного угла для перекуров и отдыха. Курить там никто не осмеливался, это строгойше запрещалось. Отсутствовала и проходная, где вахтер проверяет пропуска. Рабочие быстро проходили сплошным потоком в широкие ворота и двое охранников смотрели только на левую сторону их груди, где прикреплялся жетон (badge), служивший пропуском.

На любом советском заводе имелись столовая, партком и заводом, бухгалтерия, конторы и кабинеты для различного начальства. У «Форда» в цехах был минимум служащих, а во время рабочего дня управляющие цехом или участком ходили и наблюдали за работой, им даже табуретов не полагалось. Командированные в США специалисты, в том числе из Автостроя, бывали на разных заводах и сравнивали планировку цехов, расположение оборудования и машин, сами машины, технологические приемы, освещение, вентиляцию и благоустройство — словом, как учил Ленин, «брали все самое лучшее у капиталистов». Возвращаясь в СССР, они везли чемоданы собственных записей, зарисовок и копий чертежей. Американцы охотно делились с ними технической информацией⁴⁸.

Это также могло задержать составление заданий для «Остина» и внесение поправок. Согласно отчету Бондарчика, американцы получили проектное задание в срок, т.е. до 1 января 1930 г., по 23 объектам завода из 29, хотя по некоторым — только в конце декабря 1929 г. Но по шести сооружениям сам Автострой задержал проектирование, сообщив данные в январе и феврале 1930 г. Над проектом ТЭЦ и актового зала компания начала работу, а потом ее передали советским проектировщикам.

Автострой, в отличие от «Остина», подчинялся директивам сверху. Вначале речь шла о рабочем поселке, потом о соцгороде. Проектная мощность завода пересматривалась трижды: 100 тыс., 120 тыс., 140 тыс. автомобилей в год. Принятое на этапе строительства решение делать не цельнометаллические, как у Форда, а деревянные кузова с минимумом металлических частей потребовало изменения уже запроектированного технологического процесса, постройки нового кузовного цеха, замены части инструментов и оборудования, и т.д. Когда завод достраивали, закупки оборудования были неожиданно перенесены в Европу. То, что считали решенным сегодня, завтра могло полететь в мусорную корзину.

Как повели себя американцы, получив устное предупреждение Автостроя о возможном расторжении контракта? Руководитель группы сотрудников «Остина» на строительстве автозавода, инженер Гарри Ф. Майтер написал 28 июня 1930 г. подробное письмо начальнику инносектора ВАТО П.Я. Зиву (ранее Зив работал в Амторге и сумел в 1925 г. добиться продажи фордовских тракторов в кредит). Майтер предложил обсудить вопрос «в дружеском духе», не заниматься мелочным копанием в договоре и взаимной крити-

кой, а просто рассмотреть факты. Его письмо добавляет немало любопытных деталей к истории проектирования автозавода⁴⁹.

Компания обязалась руководствоваться всеми правилами и нормами советского промышленного строительства, и поэтому нуждалась в самой полной информации. На часть вопросов ответ был дан по-английски, а остальные сведения содержались в переданных Палмеру и Коулмену 40 книгах на русском языке (видимо, справочниках). В Москве их не позаботились перевести, и компании самой пришлось этим заниматься. Найти нужные сведения и переводить технические термины оказалось чрезвычайно трудным делом.

Если внесение инженерами Автостроя поправок занимало более шести дней, то, согласно договору, срок сдачи проекта должен был автоматически продлеваться. Так и происходило. Кроме того, автостроевцы требовали выполнить часть проектов в нескольких вариантах, с подробными пояснительными записками, и такого объема работ, подчеркнул Майтер, мы просто не ожидали. Некоторые конструкции, измененные и утвержденные в США Автостроем, были в конце концов восстановлены в первоначальном виде или переделаны без участия специалистов компании. По прибытии в Нижний 20 апреля 1930 г. инженеры «Остина» запросили данные о стоимости материалов и количестве рабочих, которых предполагалось использовать в строительстве, но достаточной информации не поступило.

По рабочему поселку следовало получить все исходные задания к 15 ноября 1929 г. Компания даже командировала своего архитектора в Москву, чтобы найти образец такого поселка. В конце ноября пришло сообщение, что они вскоре поступят из Москвы, где и будет утверждаться проект, но по почте ничего не пришло, и архитектора снова отправили в Москву. Когда он прибыл туда в середине февраля 1931 г., то увидел проект, полностью отличный от того, над которым компания трудилась в Кливленде. Вот как он отреагировал на это: «Мы подготовили около 100 эскизов различных зданий и жилых домов. Квартиры были с ваннами и со всеми удобствами. Мы надеялись, что вы это одобрите». Весь труд пошел насмарку. 12 марта Автострой предложил компании отправить семь специалистов в Москву руководить доработкой проекта, пообещав дать в помощь группу инженеров, архитекторов и чертежников. Однако группа оказалась малочисленной, ее отрывали для других заданий, и большую часть работы пришлось делать без них, а заканчивать — в Нижнем.

Получив «добро» из Москвы, продолжал Майтер, мы начали руководить постройкой общежитий, но в последний момент пришлось изменить конструкцию фундаментов. Когда и это было сделано, и проект утвердил местный Совет, начальник Автостроя потребовал внести изменения в планировку зданий. «Вы представляете, что эта новая переделка означает для наших инженерно-технических работников, а также для Автостроя и Металлостроя, когда дома уже начали возводить». До сих пор нет полных данных

по строительству пекарни, универмага, бани, прачечной, поликлиники и фабрики-кухни. Завершить их постройку необходимо в 1930 г., но из-за недостаточного числа помощников и медленного хода работ на наших людей ложится чрезмерная нагрузка. Да и время их пребывания в СССР ограничено. Таким образом, резюмировал Майтер, никакие планы и чертежи, даже самые точные, не влияют на темпы строительства.

Американский инженер употребил и моральные аргументы. Он подчеркнул, что компания «Остин» безотказно выполняла все требования Автостроя и делала все, что в ее силах. «Мы могли бы настаивать на наших правах и цитировать договор, отказываться выполнять некоторые работы, предъявлять требования об удлинении сроков. Но поймите, что мы искренне хотим помочь Автострою достичь лучших результатов... Нам все время приходилось работать больше, чем нужно при выполнении подобных проектов в Америке; из-за требований инженеров Автостроя составление проекта заняло гораздо больше времени, чем мы ожидали, и ни один проект не стоил нам больших денег и времени, чем этот. Он совсем не соответствует американской практике. А теперь все, на что мы пошли и что мы сделали, хотят обратить против нас»⁵⁰.

Вникали или нет советские заказчики в моральную сторону дела, но строительство автозавода сдвинулось с мертвой точки, а все бросающиеся в глаза изъяны и промахи произошли не по вине американцев. На других стройках дела шли не лучше. Везде нехватка материалов, людей, денег, неразбериха в руководстве, торопливость на одних участках и застой на других, плохое качество работ. А главное — невероятный рост стоимости строительства против всех ранее утвержденных смет. Высшие инстанции, в том числе ЦК ВКП(б) обвиняли в удорожании строительства, срыве жилищной программы и невыполнении подготовительных работ не компанию «Остин», а Автострой и Металлострой⁵¹. Конфликт с ней решили замять, понимая, что на данном этапе искать нового технического помощника обойдется дороже, да и времени потребуется уйма. Руководители «Остина», в отличие от фирмы Брандта, покладисты, не отказываются работать дальше, а если жалуются, то пускай жалуются. Кому сейчас легко? Но вознаграждение ей было решено урезать, а часть недоделанных проектов передать советским организациям.

О согласии уменьшить вознаграждение «Остину» Майтер сообщил Зиву через два дня, сославшись на вызванный «ненормальными условиями бизнеса в СССР» многократный и непредвиденный рост затрат. Фирма не собиралась наживаться на этом. Начальник сектора инополитики ВСНХ М.Г.Гуревич решил, что «фирма чувствует свою вину и боится разрыва», и потому готова пересмотреть условия договора. Конечно, считал он, следовало бы вначале заключить с ней новое соглашение о сроках, а потом угрожать разрывом в случае невыполнения. Теперь остается договориться о замене 4% стоимости работ значительно меньшей твер-

дой суммой, чем те 4 млн. дол., которые причитались бы ей по старому договору⁵².

Американцы снова пошли на уступки: вначале Майтер писал о 1250 тыс. дол., но в черновиках нового соглашения, которое обрабатывали Брайант и Дыбец, речь шла уже о 900 тыс.⁵³ Во втором дополнительном соглашении от 18 июля 1930 г.⁵⁴ устанавливался помесечный график оплаты руководством строительством, с полным погашением к 1 декабря 1931 г. (Финансовые обязательства советская сторона выполнила в срок). 250 тыс. долл. за проектирование оставались в силе, и из них 200 тыс. компания получила. Остаток суммы причитался ей за доработку злополучного проекта литейного цеха. Компанию освободили от проектирования поликлиники, бани, хлебозавода, универмага, фабрики-кухни и др., но обязали проверить их чертежи, делаемые Автостроем. Проектирование и наблюдение за постройкой ТЭЦ передавались Энергострою. Соглашение подвело черту под основными проектными работами, в которых участвовала компания «Остин».

До 15 августа она обязалась сдать Автострою окончательные сметы строительных и монтажных работ, и в течение недели — «списки потребных материалов». Подтверждались полномочия инженерно-технического персонала «Остина»: он «издает приказы по строительству и дает все необходимые указания в процессе работы прорабам Автостроя и других организаций, работающих на строительстве». Появились и пункты, важные для компании — новое соглашение не ставит под сомнение репутацию фирмы, а ее сотрудники в Нижнем могут получать продуктовые посылки «в умеренном количестве» из США. Голодно становилось на стройке: не только русским, но и американцам приходилось все ту же затягивать пояса.

Так сотрудники «Остина» работали до ноября 1931 г., когда завод был вчерне построен — на три месяца позже намеченного срока, и все еще не готовый к эксплуатации (смонтировали только 57% оборудования). Рапорт строителей правительству и приветствие И.В.Сталина и В.М.Молотова напечатали в газетах, соответственно, 1 и 4 ноября.

В последние недели строительства подводились его итоги и анализировались недостатки. Один из лучших знатоков и летописцев стройки, спецкор газеты «За Индустриализацию» Б.Агапов по свежим впечатлениям написал статью «Некоторые уроки Автостроя»⁵⁵. Помимо чудовищной бесхозяйственности и отсутствия единого руководства он указал на отсутствие заранее подготовленного проекта и детального плана строительства. Конечно, наличие какой-то системы могло бы уменьшить объем дорогостоящих переделок и напрасных работ. Но прав был и Майтер, считавший, что на этой стройке ни один, даже самый точный план, ничего бы не значил. Проекты и графики не обладают магической силой, чтобы обеспечить стройку техникой и материалами, а людей научить работать и управлять работами.

Сложилась невероятная ситуация: громадный объем работ *фактически* выполнялся без плана, поскольку и проекты, и планы пересматривались и нарушались на всех этапах строительства. На ряд положений договора Автострой, а потом и «Остин» махнули рукой, поскольку они тоже не выполнялись. Были безнадежно нарушены сроки сдачи объектов, в уже утвержденные проекты вносились изменения, указания специалистов компании игнорировались, у них не было элементарных условий для работы, а их руководитель Майтер стал обращаться в вышестоящие инстанции через голову Автостроя (единственное нарушение договора со стороны «Остина»). В создавшихся условиях американцы делали что могли.

На стройплощадке

Переделки и изменения стали сущим наказанием для всех участников строительства автозавода. «Смена коней на переправе» усугубляла сложности с текущими работами. Но таков был стиль и высшего руководства. 10 октября 1930 г. Политбюро решило поручить П.Я.Зиву добиться покупки у «Форда» в кредит подержанного оборудования, через месяц с небольшим оно отменило это решение и командировало в Америку С.С.Дыбеца для размещения заказов на новое оборудование, а в 1931 г. потребовало переместить все заказы в Европу. В начале 1930 г. Амторг безуспешно пытался добиться в США долгосрочного кредитования советских заказов, полагая, что в условиях кризиса американские фирмы ухватятся за любую возможность заработать. Огромные расходы валюты и падение, из-за того же кризиса, спроса на советское сырье на внешних рынках истощили финансовые ресурсы СССР.

Весной 1931 г. ВСНХ стал давать указания делать заказы в Европе, а в августе Сталин категорически потребовал «порвать» все заключенные и предстоящие контракты с американскими фирмами и перенести их в Европу или на советские предприятия⁵⁶. Автострою приказали, не считаясь ни с какими трудностями, в кратчайшие сроки заказать в Европе строительные конструкции, станки, инструменты, даже запчасти к станкам, сняв чертежи с американских образцов. Туда отправили целый контингент заказчиков и приемщиков оборудования. Президиум ВСНХ 18 августа 1931 г. утвердил размещение на автозаводе 2350 единиц американского оборудования, 2300 единиц изготовленного в Европе, и 550 — советского производства⁵⁷.

В ноябре 1930 — феврале 1931 г. Политбюро приняло секретную программу танкостроения, дав указание проработать вопрос о производстве на Нижегородском автозаводе танкетки Т-27 с мотором от грузового «форда». При острой нехватке грузовиков под выпуск боевой машины предполагалось отдать 20—25% производственной мощности завода⁵⁸. От исходной установки на максимальное использование американского опыта не так много осталось.

Баталии между «Остином» и Автостроем, начавшиеся на этапе проектирования, продолжались на строительной площадке. Инженеры «Остина» добивались (и все-таки добились) механизации изготовления бетона прямо на месте. Майтер писал Зиву: «работа» (подчеркнуто в документе. — Б.Ш.) страдает не из-за нехватки планов, а из-за нехватки материалов, из которых бетон — первейший и жизненно необходимый, ибо без него ничего нельзя построить выше нулевой отметки». Необходимы арматурная сталь, механические бетономешалки и чистый, мытый гравий. Если он поступает с грязью, то это лишний вес и плохое качество бетона⁵⁹.

В вопросе о методах строительства советская пресса была на стороне американцев и со всем журналистским пылом обрушилась на консерватизм и косность специалистов, даже молодых, которые должны ценить любую возможность учиться у американцев и бороться за технический прогресс.

Огромное большинство советских ИТР — молодежь, ученики, но они возомнили себя учителями, возмущались «Известия»⁶⁰. «Десятники, техники, инженеры, администраторы — все почти поголовно учат американцев, как строить, и упорно препятствуют американцам осуществлять свои конструкции в проектах, осуществлять свои методы в работах, применять свои типы строймеханизаций. Каждое, даже пустяковое предложение американцев подвергается жестокой критике; дискуссии продолжаются по отдельным пунктам от 2 дней до 2 месяцев. Каждый студент вносит свое контрпредложение. Все это называется "здоровой критикой". 22 американских инженера недоумевают. Зачем их позвали? Терпеливо объясняют, что предлагаемые контрметоды оставлены в Америке 20—25 лет назад и объясняют, почему именно оставлены. Ругать американцев становится хорошим тоном...

Особенно упорно идет борьба за вытеснение американских железобетонных конструкций, как "очень дорогих". Наша бутовая кладка⁶¹ "дешевле и никакой механизации не требует". Вместо того, чтобы научиться получать механизированным способом гравий по 2—3 рубля за кубометр (вместо нынешней стоимости 12—13 руб. за кубометр), вместо того, чтобы научиться строить мощные бетонные заводы и получать железобетон по 40—50 руб. за кубометр (вместо нынешней стоимости 150—200 руб. за кубометр), упорно доказывают, что американцы не учитывают стоимости бетона в русских условиях...».

Гравий или щебень, наряду с песком и цементом, является бетонным заполнителем и необходим при дорожных работах. Его добывали и просеивали по старинке, на примитивных ситах (грохотах), возили баржами с Плеса, погружали и выгружали вручную, а до появления бетономешалок бетон замешивали в ящиках. Этого количества было ничтожно мало, а кроме того, получалась каждый раз неоднородная смесь.

Б.Агапов бичевал нижегородских инженеров за головотяпство. «Вы устроили в Плесе добычу гравия, того гравия, который есть фундамент всех работ на стройке. Вы прислали туда землечерпалку

и гравиемойку. Старую, скверно отремонтированную гравиемойку, вы ухитрились подвесить на консолях, как первокурсник-студент подвешивает на веревочках полку для своих книжек. Когда старушка завертелась, ее начало качать и бросать из стороны в сторону, она закашлялась, поперхнулась и стала. Тогда вы сели и начали глядеть на окружающую природу. Вы сидели так, пока ваш достойный начальник в Москве, председатель Металлостроя т. Немец убаюкивал всех романсами о том, что на Плесе все спокойно и что гравий, даст бог, будет.

На Плесе было действительно все спокойно: вы получали громадные деньги, плевали в реку, глядели на разбитую машину и любовались, как местная артель лопатами ковыряла гравий. Никто из вас даже не почесал в затылке, чтобы придумать что-нибудь, хотя вы обязаны были знать, что стройка требует ровно в десять раз больше гравия, чем могла приготовить артель. Так вы сидели с 8-го июня по 16-е июля, когда в Плес приехал новый начальник строительства, тов. Царевский, послал вашу «механизацию» к чертовой матери и поставил под землечерпалку обыкновенный грохот, ибо другого выхода не было...

Укажите мне тот район, где бы не жаловались на техническое руководство. Вот гавань. Здесь лежит 15 000 тонн гравия, здесь сложены целые пирамиды песка, сюда приходит цемент, механизмы, лес... Обдумали ли вы план их разгрузки и методы их подачи на участки работ? Каждый день работники гавани получают от вас новые распоряжения. Каждый день вы заставляете ломать и перedelывать то, что было сделано вчера. Драгоценные дни лета бегут, а вы тихо вздыхаете, пока комсомольцы со всего района в порядке субботника таскают на плечах мешочки с гравием, пока переносные конвейеры ржавеют на ваших складах, пока какой-нибудь несчастный насос перетаскивается по нескольку раз с места на место (потому что вы не удосужились поставить его сразу там, где нужно), пока великолепный "норд-вест" (мощный подъемный кран на гусеничном ходу. — *Б.Ш.*), который может заменить собою работу 200 грузчиков, лежит разбитый у эстакады, потому что некому было следить, чтобы не поломали его моторы при разгрузке.

Загляните в ваши склады. Они похожи на свалки железного лома, а между тем здесь лежат части драгоценных зарубежных машин. Загляните в районы, пойдите туда в первый раз в жизни, ибо там вы никогда не бываете, — пройдите, например, на постройку проходной конторы, не бойтесь запачкать вашу обувь. Именно здесь ведь был конфликт с американцами, когда те требовали сломать часть перекрытий потому, что бетон мешали вручную. Бетон мешали вручную, а рядом, за четверть километра, 3 месяца стояла вполне готовая к работе бетономешалка...»⁶².

По отношению к иностранной технической помощи советские администраторы и специалисты поделились на «прагматиков» и «скептиков». Первые, в основном из ВАТО и других московских учреждений, считали необходимым как можно полнее использо-

вать американцев, а местные хозяйственники, утонувшие в текущих делах, отмахивались от остинцев как от надоедливых мух. Между тем в постановлении ВАТО об иностранной технической помощи от 5 декабря 1930 г. говорилось: «Всякие действия, мешающие нам использовать иностранную техническую помощь, должны самым решительным образом пресекаться. Это указание относится не только к непосредственно соприкасающимся с иностранными специалистами техникам и администраторам, но ко всем работникам аппарата ВАТО, заводов и строителств». Подчеркивалась и необходимость устранить трения между компанией «Остин» и строителями автозавода⁶³.

Начальник стройсектора ВАТО И.Г.Чучин был явным «прагматиком»: он делал все от него зависящее, чтобы увеличить отдачу от американских специалистов, которых используют всего на 25% их возможностей. Он требовал пересмотреть структуру Автостроя и включить туда американских инженеров «как оперативных руководителей и оперативных ответственных исполнителей», создать нормальную обстановку для их работы, чтобы распоряжения отдавались либо ими, либо сверху, но через них, чтобы они знали, что делается на площадке и кто распоряжается.

Побывав в середине января 1931 г. на стройке, Чучин лично познакомился с американцами. Среди них, отметил он, имеется целый ряд специалистов, советы которых отличаются большой целесообразностью. Это был критический момент для всей стройки: шахту водозабора, плотину, трубопровод и другие гидротехнические сооружения для постоянного снабжения завода водой из-за различных задержек приходилось делать в лютые морозы. Ведение работ Водоканалстроем в печати называли «преступным». Зам. начальника Автостроя Горин требовал людей, техники и наказания виновных. Шла мобилизация «палочки-выручалочки» — ударных штурмовых бригад. Про компанию «Остин» как будто забыли. «Постановка дела у Водоканалстроя, осуществляющего эту работу, до сего времени отличалась большой дефективностью», докладывал Чучин правлению ВАТО, и в столь ответственный момент недопустимо игнорировать указания американской фирмы, у которой первоклассные специалисты.

Чучин решил передать им руководство гидротехническими работами. Майтер, «указав на то, что слишком много времени упущено, все же взялся за это дело» и высказал предположение, что к весеннему разливу все будет закончено, если выделить достаточное число рабочих, инвентарь, материалы, спецодежду и продукты питания. Иначе потери во много раз перекроют стоимость всего этого. К концу марта, когда прорыв удалось ликвидировать, руководители Автостроя отметили активное участие фирмы «Остин»⁶⁴.

В докладных записках Чучина правлению ВАТО с 24 декабря 1930 г. по 3 февраля 1931 г. и в проекте постановления ВАТО по итогам его поездки на стройку⁶⁵ говорилось о необходимости через Президиум ВСНХ заставить 3-й Госстройтрест (новое название Металлостроя) соблюдать договор с Автостроем и подчиняться

руководству специалистов компании «Остин». Они «должны быть полностью использованы как руководители строительством. Никакое игнорирование их технических указаний недопустимо». Предлагалось даже снимать с работы и отдавать под суд за игнорирование американской техпомощи. В феврале 1931 г., когда американцы «достали» руководителей ВАТО своими письмами и телеграммами о том, чего они добиваются от Автостроя и каковы результаты, состоялся, наконец, «разговор по душам», отчет о котором появился в газетах. Новый председатель ВАТО П.И.Михайлов и руководитель группы американских инженеров Г.Ф.Майтер вполне откровенно обменялись мнениями о происходящем на стройке⁶⁶.

Майтер сказал, что видит желание русских с нами сотрудничать, но почему они нарушают технологические требования? В Америке законченные проекты передаются для прямого оперативного выполнения. Здесь их начинают обсуждать и исправлять «люди, привыкшие к старинке». Они соглашаются с нами на словах, а потом заменяют наши распоряжения своими, не предупреждая нас об этом. Администрация стройки пообещала, что бетонный завод будет работать в три смены, ибо этого требовал объем работ, а сама пустила его в две смены, потом в одну. Но самое уязвимое место — это отсутствие координации. Органы снабжения и транспорт не подчинены строителям. Неясно, что привезут или чего не привезут завтра, и куда перебросят рабочую силу. Начаты работы приходится бросать. Водоканалстрой составил план работ в расчете на 14 экскаваторов, но он сам не знает, где их достать.

На вопрос, как усваиваются американские приемы строительства, ответ был таков: «Все еще плохо. Но несомненно все лучше и лучше». Когда Михайлов попросил его сказать откровенно, принял бы он в Америке работы такого качества, как на Автострое, Майтер ответил: «Не сомневаюсь ни на секунду — нет! Во всю свою жизнь я не видел более плохих бетонных работ, чем на Автострое. Но снова заявляю, — это относится к прошлому; сейчас несравненно лучше. Но за прочность, в общем, беспокоиться не следует».

Майтер критиковал русских инженеров-прорабов за привычку отсиживаться в конторе. Они «смотрят в планы, начертанные на бумаге, вместо того, чтобы следить за их выполнением на строительной площадке». Их часто бывает трудно найти на работе. Участники диалога договорились, что американцев распределяют по участкам работ в качестве руководителей, дав им в помощь русских. Майтер оговорил условие: помощники и переводчики должны быть компетентными. Руководитель ВАТО пообещал дать жесткую инструкцию, чтобы «раз навсегда» прекратить недоразумения между русскими и американцами и повысить степень использования иностранных специалистов.

Когда Михайлов возвратился в Москву, дела на стройке пошли по-старому. 21 февраля Майтер предупредил Царевского, что в рабочем городке слишком мало общественных туалетов, и при пере-

населенности домов это грозит эпидемией уже весной⁶⁷. 1 марта инженеры Автостроя и Водоканалстроя устроили важное совещание без нас, жаловался Майтер и.о. начальника Автостроя С.И.Мозголову. Все, что делает Водоканалстрой, вызывает большие сомнения. Мы не знаем, принимаются ли наши предложения, и кто за что отвечает. «Мы хотим, наконец, понять, в чем дело. Если Вы собираетесь передать все инженерные работы на этом участке Водоканалстрою и возложить всю ответственность на него, дайте нам знать». 19 апреля Майтер опротестовал приказ Автостроя поставить некоторых инженеров «Остина» в его прямое подчинение (under the direct supervision of Autostroy)⁶⁸.

Словом, ни деловых, ни товарищеских отношений между группой американских специалистов и советскими организациями так и не сложились. Авторитет американцев понизила и развернувшаяся весной 1931 г. «борьба за экономию», т.е. пересмотр предложенных «Остином» строительных конструкций, проектов жилых зданий и т.д. «Все американские проекты будут пересмотрены для максимального удешевления строительства», объявила «Экономическая жизнь», умолчав о том, что проекты выполнялись по советским заказам и много раз исправлялись и утверждались советскими инстанциями⁶⁹. Ради экономии металла и снижения веса американские металлоконструкции были перепроектированы и изготовлены в Германии. Изменениям подверглись и другие объекты, включая жилые дома. Это позволило сэкономить, как с гордостью писал один инженер, более 5% от общей стоимости строительства⁷⁰. Но как реально выглядела эта экономия?

Программа жилищного строительства разваливалась на глазах. В июне 1931 г. член бригады народного контроля ЦКК—РКИ обнародовал в той же «Экономической жизни», что план 1930 г. по жилью не выполнен до сих пор. Бой кирпича составляет 60% вместо допустимых 7%. Фактически ни один дом соцгорода еще не сдан в эксплуатацию. Восемь домов-коммун заселили, не успев подключить к водопроводной и канализационной сети. Из 30 деревянных стандартных домов программы 1930 г. заселены пока только два. «Целый ряд недочетов и грубых ошибок, отмеченных актами, говорит за то, что строили не только медленно, но и скверно. Эту скверную работу стремились замазать, чтобы как-нибудь сдать. Технический персонал не проявлял ни внимания, ни инициативы к [жилищному] строительству». Стало быть, «утопическим мечтаниям о постройке «по щучьему велению» соцгорода нужно положить конец»⁷¹.

Из-за нехватки жилой площади, писала газета «Труд» 17 октября 1931 г., невозможно вербовать новых рабочих, и часть станков в готовых корпусах не работает. К середине октября 1931 г. полностью или частично возвели коробки 30 кирпичных домов постоянного типа из запланированных 60; из 50 «полупостоянных» (каркасных и стандартных) домов — 28. Главная причина — нехватка силикатного кирпича. Чтобы смягчить жилищный кризис, Автострой в августе того года решил собрать 150 деревянных щитовых

домов, однако по вине поставщиков их постройка опоздала на месяц. С мертвой точки дело сдвинулось лишь после указания нового председателя ВСНХ Г.К.Орджоникидзе поставлять щитовые дома только автозаводу. Но детали для их сборки приходили из сырого дерева, а на естественную просушку времени уже не осталось. Сооружение временок отвлекло строителей от постройки капитальных домов. Начали строить утепленные бараки, однако слишком поздно, в октябре, и из 60 бараков выстроили за неделю всего 18. Наконец, додумались утеплять временные склады и делить там нары⁷².

Специалисты «Остина» пытались вести борьбу с потерями на строительной площадке. Летом 1930 г. инженер Чарлз Вулф несколько раз обращался в Автострой с предложением создать отдел материальной инспекции — поделить территорию стройки на участки, сортировать все бесхозное имущество и отправлять на базисный склад, где в специальной мастерской чинить то, что представляет ценность, и предавать гласности стоимость найденного и виновных в потерях. Но Автострой не отреагировал на эту инициативу. История попала в газеты. «Строителям мало горя от этого. Они по-прежнему считают, что "потери неизбежны"»⁷³.

В феврале 1931 г. Чучин докладывал правлению ВАТО, что целые партии стекла, батареи отопления, лесоматериалы разбросаны как поало по всей территории и зданиям завода. «Правление ВАТО и американцы неоднократно обращали внимание Автостроя и его контрагентов на эту бесхозяйственность, но положительных результатов нет». Разгневанный начальник предупредил строителей, что прекратит снабжать их материалами, если «столь хищническое отношение к ним не изменится»⁷⁴. Оно не изменилось и на завершающей стадии работ.

Чудовищная вакханалия потерь, воровство — например, кража муки для хлебозавода из незапломбированных вагонов⁷⁵, плохой учет и незнание, чего и сколько надо заказывать, толкали хозяйственников на путь приписок и рвачества. Не только Металлострой завышал заявки на материалы и получал излишнее авансирование, но и само Автотракторное объединение. Это разбиралось на Президиуме ВСНХ в октябре 1931 г. Под предлогом ударной стройки ВАТО завышало и без того завышенные заявки Автостроя на дефицитные изделия проката в два и более раз, а на балки и швеллеры — более чем в 12 раз (!). Якобы для нужд Автостроя заказывали и то, чего он вовсе не требовал, а это более тысячи тонн металла. При этом, как сообщала пресса, «строители сплошь и рядом ногами ступают по тем материалам, которых они настойчиво требуют»⁷⁶.

Репортажи со стройки осенью 1931 г. невозможно читать без содрогания⁷⁷. 12 октября 1931 г. контрольный пост «Экономической жизни» писал о 40 ящиках электроприборов, валявшихся под открытым небом и залитых проливным дождем. Присланные из США рельсы для формовочных конвейеров литейного цеха случайно обнаружили под кучей глины и песка около прессовочного

цеха, а то уже собирались послать запрос в Америку, выслала она рельсы ли нет. Сиротливо мокло под осенними дождями оборудование кузнечного и механосборочного цехов. Разобраться в том, какому цеху какое оборудование предназначено, представляло собой головоломную задачу, так как при погрузке в вагоны сваливали все подряд, а наряды посылали отдельно. Десятки неразгруженных вагонов стояли на подъездных путях. Когда бывало невозможно определить, свое или чужое оборудование приходит, вагоны переадресовывали и... возвращали к местам первоначальной отправки. Так, 17 сентября было возвращено 13 вагонов. Наряды и накладные приходили потом, а то и вовсе не приходили.

Завоз импортного оборудования совпал с запоздалой прокладкой канализации и теплотрассы, что парализовало все наружные работы. Траншеи по 5—8 метров ширины и до 7 метров глубины перерезали территорию. Почти миллион кубометров вынудой земли лежал между цехами, а дожди превратили ее в непролазную грязь. «Грузы можно перебрасывать только на аэроплане», невесело шутили транспортники. Строители разрыли в нескольких местах шоссе, не пощадили и железную дорогу: в один прекрасный день паровозу с составом отрезали путь в депо. Транспортное управление даже выставило свою милицию для охраны путей от строителей. Хотя все отделы и организации, ведавшие стройкой, снабжением, разгрузкой и перевозками, находились в одном здании, они никак не могли между собой договориться.

Американская школа производства вырабатывала стойкую привычку к порядку и рациональной работе, и иностранные рабочие, приезжавшие в СССР, проявляли не меньшую нетерпимость к разгильдяйству и бесхозяйственности, чем дипломированные специалисты. Особенно болели душой за дело политэмигранты, численность которых на стройке перевалила в 1931 г. за сто человек. Это плотники и каменщики высшей квалификации, главным образом финны, эмигрировавшие в США, а затем добровольно приехавшие в СССР со своими семьями. Они привезли из Америки самые лучшие инструменты, чтобы помочь «братьям по классу» строить социализм. С остинцами они не общались, жили в коммуне «Цемент», прилежно учили русский язык, участвовали во всех субботниках, ходили на политзанятия и жертвовали деньги на подводную лодку «Воинствующий безбожник». Они вступали в ВКП(б) и переходили в гражданство СССР, а трудились с большевистским энтузиазмом и американским качеством.

Б. Агапов так описал их культуру труда на стройке Нижегородского автозавода. Там, где опалубку для бетонирования делали плотники из Америки, он не увидел ни одной щели, ни одной зря торчащей доски. «Я не вижу стружек и обрезков дерева на крыше, ни брошенных гвоздей, ни забытых инструментов... Работа движется, как налаженный конвейер... Легко и приятно работать, когда занозы необрезанных и лишних досок не вонзаются в мозг, когда не приходится собственными нервами подтягивать неверно посаженный хомут и ругательствами подпирать провисшую опа-

лубку». А вот русские строители за аналогичной работой. «Лес подпорок пучится во все стороны... Горы мусора, лужи воды, болота раствора вокруг. Люди, перепрыгивающие через них, балансирующие на дрожащих мостках, вставляющие латки в щели между досками, выпрямляющие косые перекрытия клиньями, приколачивающие деревянные нащепки на всякий случай, чтобы не разлезлось, не покосилось. Сколько волнений и суеты и сколько конфуза, когда, содрвав опалубку... видят, что бетонные балки прогнулись в сторону земли... Но зато — какой грохот молотков, какой лес лесов, какие тучи строительной пыли, какие темпы... суетны и какой мат в воздухе!»⁷⁸

Иностранные мастера не только подавали пример. Когда их ставили инструкторами и бригадирами, то русские охотно учились у «товарищей американцев». Совместные бригады плотников работали, писал Агапов, с высокой организованностью, без шума и гама, перебрасываясь лишь «международными словами» — о'кей, ол райт!

В Советском Союзе американские строители хвалили всеобщую занятость, ударные бригады и соцсоревнование как «лучшую форму рабочего сотрудничества», но отмечали низкое качество работ, отсутствие стандартных материалов и консерватизм инженеров старой школы⁷⁹. Фотографии «товарищей американцев» появлялись в газетах вместе с описанием их рекордов. Каменщик Грауден стал абсолютным чемпионом стройки: он уложил за 8 часов работы под дождем 2300 кирпичей при норме в 500—600, обогнал двух каменщиков из Германии и описал свой способ кладки в местной газете. В дело шли даже половинки битого кирпича. На стройке формировались лучшие бригады, умевшие строить хорошо и дорожившие званием ударника труда. Это был реальный механизм обучения на рабочем месте и подтягивания отстающих до среднегруппового уровня.

Распространение передового опыта упиралось в нехватку стройматериалов — повышение производительности труда обернулось бы катастрофой для снабжения. Но и то, что могло помочь строить без капитальных затрат, в том числе использование битого кирпича, сдерживалось бюрократическими рогатками. Весной 1931 г. советские газеты писали о зажиме рационализаторских предложений иностранцев на целом рядестроек и предприятий страны. Эти истории получили широкую огласку и осуждение в трудовых коллективах и среди иностранных рабочих.

На строительстве автозавода остались без внимания 42 ценных предложения, в том числе по усовершенствованию кирпичной кладки, по рационализации плотницких работ, по обучению американскими строителями больших групп русских рабочих и даже инструкторов Центрального института труда. Энтузиазм рабочих-интернационалистов наталкивался на непробиваемую стену бюрократизма и некомпетентности. Злостных «зажимщиков» на стройке отдали под суд, но они отделались исключительно мягкими наказаниями. Один из них утверждал, что «от американцев поступа-

ли не предложения, а разговоры в частной среде, которые могли быть забыты»⁸⁰. По разумению бюрократов, поданная не по форме заявка рассматриваться не должна.

Эффективность же работы остинцев зависела также от наличия переводчиков и машинисток, автомобилей, чтобы ездить по огромной территории строительства, от канцтоваров и от бытовых условий. Обеспечить все это был обязан, согласно договору, Автострой, но он и тут проявил полную несостоятельность.

Инженерам «Остина» приходилось самим печатать на машинках деловые документы или писать их от руки, на что уходило до 30% их рабочего времени. В мае 1930 г. американцам дали два «форда» и двое дрожек, но вскоре урезали их «транспорт» наполовину. От студенток-переводчиц американцы отказались — они не справлялись с работой и не выдерживали многочасовой беготни по стройплощадке, а переводчиков-мужчин дали всего 6 на 15 инженеров. Продукты приходилось привозить издалека — чтобы купить яиц, жаловался Майтер Зиву, нашим людям пришлось поехать за 50 км от стройки. Чтобы не ждать милостей от Автостроя, американцы приобретали за счет своей фирмы канцелярские принадлежности, а также выписали из США «форд» и «бьюик»⁸¹.

Но настоящая «робинзонада» началась зимой 1931—1932 гг. Когда грянули холода, система отопления и водоснабжения Американского поселка отказала, хотя Майтер еще 28 июня предупредил Зива о том, что трубы с плохой изоляцией. Переписка на тему получения посылок из США, а затем отопления и снабжения тянулась до середины февраля 1931 г., но сигналы бедствия поступали и позже. Первая телеграмма (на англ. яз.) была такого содержания: «В нашем поселке не действует отопление. Никто не желает снабжать нас какими-либо принадлежностями для работы. Нам только обещают, но ничего не делают. Мы не знаем, к кому обратиться, чтобы был результат. Из-за полного равнодушия Автостроя наши люди работают всего на половину своих возможностей».

В феврале 1931 г. Майтер буквально вопил об угрозе пожара для всей стройки при сильных морозах, когда люди топят печки-буржуйки в комнатах, а водопровод не работает, но его никто не слушал. Пожарные запретили американцам воспользоваться насосом с другого колодца. Отчаявшись добиться каких-то действий от Автостроя, он стал телеграфировать в Москву относительно механической помпы, на что Зив отвечал «делаем все возможное чтобы раздобыть мотор и помпу»⁸².

Неразбериха в руководстве строительством была непостижимой для американцев, привыкших к четкому распределению функций и возможности связаться с любым менеджером в рабочее время. Если перевести с телеграфного языка на обычный депешу Майтера Чучину от 14 февраля 1931 г., она гласила следующее: «Строительство страдает от недостатка материалов, которые в ведении Вишнева. Вишнев подчинен Кайгородову, Кайгородов подчинен Горину, и все трое отсутствуют на работе. Материалы должны находиться в ведении строительного управления, чтобы можно было

принимать нужные меры во всякое время...». 16 февраля Чучин переслал председателю ВАТО Михайлову полученные им телеграммы с запиской, что невзирая на все принятые решения создать нормальные условия американцам, «опять все изменилось к старому и организационный вопрос остается большим»⁸³.

Тем не менее, остинцы ни разу не отказались работать и контактировать с русскими. Когда в декабре 1930 г. был объявлен месячник освоения иностранной техники, газеты сообщили, что специалисты из «Остина» собираются провести ряд лекций, докладов и бесед⁸⁴. Строителям явно импонировало появление на участках прорыва не только американских рабочих-ударников, но и специалистов. Журналистка из США М.Беннетт, писавшая о проблемах на стройке, подчеркнула, что руководители Автостроя не могли упрекнуть остинцев за промедление и бездействие, а инженер К.Ф.Эплтон стал настоящим кумиром русских. «Нам нужен Эплтон! Он совсем как русский! Это наш человек!» — восклицали они. Тот не терялся в трудный момент, не искал виновных, а невозмутимо делал все, что нужно. Он участвовал в самых рискованных операциях, связанных с аварийными гидротехническими работами, и даже спускался под воду вместе с начальником Металлостроя М.М.Царевским и руководителем американской коммуны Сойкинеом⁸⁵.

Положение с продуктами у остинцев постепенно улучшилось — видимо, благодаря их настойчивости и посылкам из Кливленда, а над обустройством быта они потрудились сами. Во всяком случае, журналистка из США обратила внимание на комфортабельное жилье, хорошую меблировку, отдельные ваннные комнаты для мужчин и женщин, а на обеденном столе мясо и овощи, сливочное масло, натуральный кофе, булочки. American Village — настоящий кусочек Америки, писала она, есть даже теннисный корт. Не всем русским это нравилось, но за рубежом специалисты из Соединенных Штатов всегда устраиваются отдельно. После них в Американском поселке разместились инженеры и техники компании Форда.

Когда строительство закончилось и остинцы готовились к отъезду, Майтер дал короткое интервью корреспонденту РОСТА, в котором не стал поминать старое и называть виновных. Он одобрил строительство, сказав, что никаких технических ошибок не допущено, ничего не приходилось переделывать, а лично он встретил в Советском Союзе «самое внимательное отношение»⁸⁶.

Уроки технической помощи

В лихорадке сталинской индустриализации техническая помощь Запада являлась единственным рациональным и организованным элементом. Эффективность ее, понятно, снижалась внешним окружением. Американский проект не соответствовал возможностям строителей и его пришлось переделывать и «подгонять». Разногласия между американскими и советскими инжене-

рами и между различными советскими организациями лихорадили стройку. Высокоэффективная команда остинцев не могла работать с полной отдачей. Дала ли что-нибудь их техническая помощь строительству автозавода?

Прежде всего она дала ясное видение того, как надо и как не надо проектировать и строить. Новый начальник сектора капитального строительства ВАТО, ранее главный инженер объединения П.Я.Макаровский составил 10 ноября 1931 г. аналитический отчет для своего руководства и ЦКК-РКИ⁸⁷. В нем он доказывал, что американские методы проектирования и строительства, при всех трудностях их внедрения в СССР, являются самыми эффективными. Конструкции не рассчитываются, а подбираются из готовых стандартов проката, заказ делается по телефону или телеграфу, доставка производится за несколько часов до сборки, а для установки этих конструкций используется богатый парк техники. Однако их стоимость в США за тонну веса эквивалентна 160—180 руб., а в СССР это 600—650 руб.

Отсюда упреки советских инженеров в адрес американцев, что те проектируют слишком дорогие и тяжелые конструкции, и упреки американцев, что советские инженеры без конца меняют проект и переделывают каждую конструкцию, теряя на этом и время, и деньги. Аналогичное положение с бетоном и железобетоном, который в 6—8 раз дороже чем в Америке. Работая над проектом в Америке, остинцы, конечно, понятия не имели о таком дефиците всего, что требуется для большой стройки.

Но отметив все эти несовпадения, Макаровский заявил, что в изготовлении такого большого проекта помощь «Остина» «была не только существенной, но и решающей (подчеркнуто в документе. — Б.Ш.). Без американской помощи несомненно мы бы проектировали и до сего времени, т.е. 2 года и не имели бы все-таки строительного проекта...». Пример — Уфимский моторостроительный завод, где идут бесконечные препирательства между инженерами. Прежде чем критиковать американские проекты, необходимо овладеть американскими темпами проектирования. Американцы считают строительную часть автозавода удовлетворительной, а советские специалисты до сих пор критикуют его за «излишние объемы» железобетона и металлоконструкций.

Крупным просчетом советских строителей и инженеров явилось отсутствие механизации изготовления стройматериалов. Это дало бы такую экономию и удешевление работ, по сравнению с которой излишние объемы материалов не играли бы никакой существенной роли. Но вместо механизации они увлеклись критикой американского проекта.

Американский опыт доказал необходимость технического оснащения земляных работ, замены бутовой кладки бетонированием, внедрение шахтных подъемников вместо примитивных укосин, и использование такого метода кирпичной кладки, когда в дело идет до 30% битого кирпича. На данный момент советские инженеры были правы, стараясь заменить стандартные металлоконструкции

железобетонными с индивидуальным расчетом каждой из них, но в будущем необходимо перейти на стандартизованные металлокаркасы и развивать производство современных кровельных и изоляционных материалов. Только в одном Макаровский согласился с советскими строителями — это использование не металла, а дерева для изготовления стандартных стропильных ферм.

Он призвал сменить огульную критику американского опыта тщательным его изучением, уменьшить количественный объем техпомощи, так как «кое чему в строительном деле мы уже научились», использовать иностранцев не в качестве консультантов, а ставить их ответственными прорабами на отдельных участках, и решить проблему квалифицированных переводчиков. Что касается фирмы «Остин», то она оказала решающую помощь в отношении темпов проектирования, а для руководства работами «была использована в ничтожной мере». Причина тому, по его мнению — личное недоброжелательное отношение к ней начальника Автостроя С.С.Дыбеца и начальника Металлостроя М.М.Царевского, что отразилось на отношении инженерных коллективов к указаниям американцев. Сам Макаровский нашел группу сотрудников «Остин» «выше среднего, а отдельных работников первоклассными».

Те же соображения Макаровский высказал заместителю председателя ВАТО С.С.Дьяконову и предложил не расставаться с компанией «Остин», а постараться использовать ее людей на постройке завода по производству двигателей в Уфе и завода тяжелых грузовиков в Ярославле, но уже в качестве прорабов и специалистов по сантехническим устройствам. Он также предложил давать работающим в СССР инофирмам права генеральных подрядчиков, чтобы те компании, которые будут под их руководством монтировать заводское оборудование, сами вербовали в своих странах квалифицированных монтажников, а последние чтобы руководили русскими бригадами. Это ускорит работы, сократит поломки и поможет обучить советских монтажников, пока «и на этом фронте мы не пройдем через тот этап изучения процессов, которым мы уже овладели на фронте строительства»⁸⁸. Но «Остин» больше ничего не строила в СССР. И хотя впоследствии фирма получила несправедливо низкую оценку в советской истории Горьковского автозавода⁸⁹, основные черты остинского проекта воплотились в жизнь.

Строительство Нижегородского автозавода представляло собой «баланс» позитивных усилий и противодействующих факторов. С позиций системного подхода, перед нами так называемый архетип торможения роста, когда ускорение порождало торможение⁹⁰. Это можно представить в обобщенном виде:

Факторы ускорения	Факторы торможения
Повышение производительности труда	Нехватка стройматериалов
Привлечение специалистов из США	Сопrotивление американским методам, плохие условия для проживания и работы специалистов

Факторы ускорения	Факторы торможения
Борьба с потерями на стройке	Уверенность в фатальной неизбежности потерь
Экономия материалов и бережное обращение с техникой	Нерациональное использование техники и материалов, плохое хранение и неумелое обслуживание
Увеличение численности рабочих	Низкая трудовая дисциплина, неполное использование имеющихся рабочих
Стремление выдержать сроки и графики работ	Переделка планов и проектов, согласование во многих инстанциях
Ведение строительства «широким фронтом»	Масса незавершенных объектов, задержки с окончанием работ, низкое качество
Единоначалие и концентрация ответственности	Частая смена руководителей, распыление ответственности, множество подрядных организаций

Коробки цехов с не полностью смонтированным оборудованием, недостроенный жилой городок, частью которого стали «временные» бараки, нехватка квалифицированных кадров, отставание многих смежных производств — в таком состоянии «советский Детройт» находился еще несколько лет. Первые автомобили стали сходиться с конвейера в начале 1932 г., но только через четыре года *вся* советская автоиндустрия дала около 136 тыс. машин в год⁹¹, т.е. почти дошла до проектной мощности одного только Нижегородского автозавода.

Американцы не сомневались, что русские быстро идут вперед, но стиль их работы вызывал у них, мягко говоря, недоумение. Американцев удивляло, почему русские хотят строить так много и такими бешеными темпами. Невозможно за три месяца превратить крестьянина, никогда не видевшего электродрели, в квалифицированного рабочего. И не лучше ли расширить и переоборудовать старый завод, чем возводить новый? Русские, говорил Дж.А.Брайант, работают рывками — вместо плавного движения вперед дожидаются какого-нибудь ЧП, и тогда создают ударные бригады. Их производственная демократия вредит работе. Иногда на митинге рабочие вынуждали инженеров переделывать проект. Если, скажем, бригадир прикажет русскому рабочему засыпать канаву, не зная, что на дне ее остался лед, то рабочий молча выполнит приказ, а когда лед растает и канава наполнится грязью, пойдет в профком и обвинит своего начальника. Американский же рабочий обязательно объяснит ситуацию бригадиру и вначале уберет лед, а потом засыплет канаву.

Начальник Автостроя Дыбец отмечал, что американцам трудно приспособиться к психологии и условиям труда русских. В России нужны специалисты из США, но их следует нанимать на индивидуальной основе, включать в советские организации на равных правах с советскими инженерами и перебрасывать туда, где они

больше нужны. Брайант утверждал, что если русские приобрели проект у фирмы с хорошей репутацией, то она обязана послать для его осуществления компетентную группу. Отдельные специалисты, даже самые опытные, не смогут действовать слаженно, на подобие футбольной команды.

Русские доказывали, что трудности строительства в СССР — это болезни роста, издержки быстрого развития. Остинцы отвечали им: вы одержимы идеей «кнопки». Увидев, что в США достаточно нажать кнопку — и все сделано, вы хотите иметь такую же. Однако ваша «кнопка» без механизма: чтобы она сработала, нужна, наверное, волшебная лампа Аладдина. В Америке множество чудесных «кнопок», но прежде чем они появились, прошло не менее четверти века индустриального прогресса⁹².

На переломном, критически важном этапе появления первенцев советской индустрии имели место не только сотрудничество, но и ожесточенная борьба нового и старого, западной и молодой советской деловых культур. В последней перемешивались бесхозяйственность и энтузиазм, «закрепощение» и текучка кадров, в том числе руководящих, стремление учиться у Запада и оковы устаревшего опыта. Мелочная экономия, затруднявшая принятие решений, уживалась с колоссальными потерями, к которым относились достаточно спокойно, вера в волшебную силу решений партии и правительства — с технической необеспеченностью «великихстроек», головотяпство — с уверенностью в преимуществах советской системы.

Экономия на качестве, упор на количество, на выполнение плана любой ценой, обращение с техникой как с «железом» скрадывались цифрами экономического роста и отдельными «рекордами». Это, вероятно, и заложило долговременную основу проявившихся позже «нештатных ситуаций» и техногенных катастроф.

Примечания

¹ Журавлев С.В. «Маленькие люди» и «большая история»: Иностранцы московского Электростроительного завода в советском обществе 1920—1930-х годов. М., 2000; Косторниченко В.Н. Иностранный капитал в советской нефтяной промышленности (1918—1932 гг.). Волгоград, 2000.

² Шугуров Л.М. Автомобили России и СССР. Ч. 1—2. М., 1993. Ч. 1. С. 70.

³ Семин Г. 140 000 советских «фордов». Нижний Новгород, 1931.

⁴ Sutton A.C. Western Technology and Soviet Economic Development, 1917—1930. Stanford (Calif.), 1968; idem. Western Technology and Soviet Economic Development, 1930—1945. Stanford, 1971. Я не нахожу оснований не доверять выводам этого исследователя о зависимости советской индустрии от переноса западных технологий, но данную проблему важно правильно понимать. Техническая помощь была абсолютно необходима для «первой волны» модернизации, а дальнейшее превращение «модельных» предприятий в базы развития отраслей, создание на их основе центров распространения производственного опыта, подготовки кадров, и наконец, развитие смежных и вспомогательных производств являлись в основном внутренним процессом, хотя сотрудничество с инофирмами по отдельным вопросам продолжалось.

⁵ Россия и США: экономические отношения 1917—1933 гг. Сб. документов. М., 1997. С. 207—302.

⁶ Очерки истории техники в России, 1861—1917. Т. 1, 2. М., 1973—1975. Т. 1. С. 205—251.

⁷ Российский государственный архив экономики (далее: РГАЭ). Ф. 7620. Оп. 1. Д. 68. Л. 301—306.

⁸ Россия и США... С. 298.

⁹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее: РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 162. Д. 7. Л. 40, 45, 53, 69, 75.

¹⁰ Гипромез — Государственный институт проектирования новых металлических заводов. Автострой — Государственное управление по постройке автомобильного завода.

¹¹ Государственный архив Нижегородской области (далее: ГАНО). Ф. 2431. Оп. 1. Д. 26. Л. 1—2; 3—5; 24—29; 35—40. Я благодарю директора Музея ГАЗ Н.В. Колесникову и архивиста компании «Остин» Х. Макелу за любезное разрешение использовать находящиеся в совместном банке данных копии ряда документов ГАНО.

¹² Henry Ford Museum and Greenfield Village Research Center Collections. (Далее: HFM) // Acc. 199. Box 1A. Fld. Amtorg Trading Corporation, 1929—1930.

¹³ Данное ей задание, как утверждается в советской литературе, фирма Брандта провалила, из-за чего с ней аннулировали контракт и завершили реконструкцию завода своими силами.

¹⁴ Цит. по: Wilkins M., Hill F.E. American Business Abroad. Ford on Six Continents. Detroit, 1964. P. 226. См. также: Форд Г. Моя жизнь, мои достижения. М., 1989. С. 190—193.

¹⁵ Ford's Views on Europe's Needs // New York Times. June 23, 1929. Newspaper clipping. HFM. Acc. 572. Box 17. Fld. Foreign Agencies and Plants.

¹⁶ РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 68. Л. 97—99.

¹⁷ Касьяненко И. Использование американского опыта в период становления советского промышленного зодчества (сотрудничество с фирмой Альберта Кана) // Взаимодействие культур СССР и США, XVIII—XX вв. М., 1987. С. 111—121.

¹⁸ В некоторых американских работах ошибочно говорится о проектировании основного автозавода в Нижнем Новгороде фирмой А.Кана. Сожалею, что повторил эту ошибку в статье: Шпотов Б.М. Компания Форда и Россия, 1909—1929 гг. // США и Канада. Экономика, политика, культура. 1999. № 5. С. 87.

¹⁹ Greif M. The New Industrial Landscape. The Story of the Austin Company. Clinton (N. J.), 1978. P. 34—97.

²⁰ Держкович А.А. Американская проектировка железных конструкций: автосборочная в Москве // Строительство Москвы. 1930. № 2. С. 4.

²¹ Касьяненко И. Указ. соч. С. 117, 120—121, примеч. 22.

²² РГАЭ. Ф. 5735. Оп. 1. Д. 788. Л. 52.

²³ РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 68. Л. 102 об.—103.

²⁴ РГАЭ. Ф. 5735. Оп. 1. Д. 788. Л. 24—24 об., 31—31 об.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 752. Л. 1.

²⁶ РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 68. Л. 123—138 (с приложениями I, II и IV). Приложение III см. там же. Д. 708. Л. 35.

27 В п. 15 договора от 23 августа сказано, что все коммерческие запросы американским фирмам по поводу строительных материалов и оборудования должны посылаться Концерном через Амторг.

28 РГАЭ. Ф. 5735. Оп. 1. Д. 792. Л. 10, 11.

29 О разногласиях в советском руководстве относительно темпов и масштабов автостроения см.: Schultz K.S. Building the «Soviet Detroit»: The Construction of the Nizhni-Novgorod Automobile Factory, 1927—1932 // Slavic Review. 1990. Summer. Vol. 49. № 2. P. 200—205.

30 РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 708. Л. 32—34.

31 ГАНО. Ф. 2431. Оп. 2. Д. 7. Л. 2—4; 12—19; 52—55; 57.

32 Там же. Л. 31—32; 46. Оп. 1. Д. 36. Л. 24.

33 Ряд материалов о соцгородах и конкурсные проекты соцгорода при автозаводе см.: Строительство Москвы. 1930. № 1. С. 5—9, 27—29; № 4. С. 20—24; Советская архитектура. 1931. № 1—2. С. 21—35.

34 Например: Поткина И.В. Юзовский завод — первенец южной металлургии России // Экономическая история. Предпринимательство и предприниматели. М., 1999. С. 54—57. Численность населения Юзовки была в конце XIX в. около 25 тыс. человек, а в 1911 г. 50 тыс., что сопоставимо с запроектированным числом жителей соцгорода при автозаводе.

35 Greif M. Op. cit. P. 106, 109.

36 A.S. Austin Tells of Soviet Russia's «Model City» // The Cleveland Press. April 25, 1931. Communism Builds Its City of Utopia // The New York Times Magazine. August 9, 1931. Newspaper clippings. The Austin Company Archives.

37 РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 630. Л. 39—54 об.

38 См. обширную коллекцию статей из советских газет «О Нижегородском автозаводе и о Нижегородском автосборочном заводе» за 1930 — 1931 гг. РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 75. Л. 4, 5. Дальнейшие ссылки на газетные статьи даются нами по этому источнику (д. 75).

39 Там же. Л. 5 об.

40 Там же. Л. 6.

41 Там же.

42 How Soviet Russia Looks to an American Business Man // NEA Service. 1 October. 1929. Newspaper clipping. The Austin Company Archives.

43 Greif M. Op. cit. P. 108.

44 ГАНО. Ф. 2431. Оп. 1. Д. 87. Л. 298—310.

45 Там же. Л. 300—302.

46 Там же. Л. 310.

47 РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 701. Л. 47—49, 56.

48 Шейнман И.Б. Что я видел в Америке. Что я сделал в СССР. М., 1934. С. 28—29.

49 РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 709. Л. 43—48.

50 Там же. Л. 46.

51 Об этих решениях сообщали газеты // Там же. Д. 75. Л. 3.

52 Там же. Д. 709. Л. 34; 31.

53 Там же. Л. 1—19; 24, 25.

54 Там же. Л. 25—31.

55 Там же. Д. 75. Л. 79 об.

56 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 9. Л. 48, 71. Россия и США... С. 322, 326—329, 348, 356.

57 РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 65. Л. 18.

- 58 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 9. Л. 61, 151.
- 59 РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 709. Л. 51—54.
- 60 Там же. Д. 75. Л. 11.
- 61 Кладка из природного камня, обтесанного для пригонки и скрепленного цементом. Такая работа делалась вручную.
- 62 См.: Агапов Б. По бездорожью // За Индустриализацию. 1930. 2 августа. № 179. Эта статья была переведена на англ. яз. под названием «Proceeding Blindly Without Methods» и цитировалась в ряде американских работ. Машинописный оригинал перевода хранится в: The Austin Company Archives.
- 63 РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 701. Л. 33—34.
- 64 Там же. Д. 75. Л. 37 об.
- 65 Там же. Д. 605. Л. 178—213.
- 66 Там же. Д. 75. Л. 28.
- 67 ГАНО. Ф. 2431. Оп. 1. Д. 168. Л. 5 об.
- 68 Там же. Л. 12 об., 13 об.
- 69 РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 75. Л. 34.
- 70 Там же. Л. 71 об.
- 71 Там же. Л. 50.
- 72 Там же. Л. 82.
- 73 Там же. Л. 13 об.
- 74 Там же. Д. 605. Л. 179—179 об.
- 75 Там же. Д. 75. Л. 82.
- 76 Там же. Д. 84 (вырезки из газет о Нижегородском автозаводе за октябрь 1931—1932 гг.). Л. 61 об.
- 77 Там же. Д. 75. Л. 73 об., 79.
- 78 Там же. Л. 14 об.
- 79 Там же. Л. 27 об., 30.
- 80 Там же. Л. 32—34 об., 44, 44 об. Двоих «зажимщиков» приговорили к 2 месяцам принудительных работ, двоих к общественному порицанию, одному сделали предупреждение, остальных оправдали.
- 81 Там же. Д. 709. Л. 51—52. ГАНО. Ф. 2431. Оп. 1. Д. 87. Л. 324. David Kempler's interview with M.Greif. November 8. 1976 // The Austin Company Archives.
- 82 РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 708. Л. 79—108 об.
- 83 Там же. Л. 90—94; Д. 605. Л. 161, 162.
- 84 Там же. Д. 75. Л. 19 об., 21.
- 85 Perplexing Problems of the Twenty U.S. Engineers at Nizhni Novgorod // Every Week Magazine. August, 1931. Newspaper clipping. The Austin Company Archives. Статья была перепечатана в ряде крупных американских газет.
- 86 РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 75. Л. 87 об.
- 87 Там же. Д. 605. Л. 13—18.
- 88 Там же. Л. 39—40.
- 89 Алешина П. и др. Горьковский автомобильный. М., 1964. С. 20, 40.
- 90 Сенге П. Пятая дисциплина. Искусство и практика самообучающейся организации. М., 1999. С. 77—82, 370.
- 91 Шугуров Л.М. Указ. соч. С. 160.
- 92 Perplexing Problems ...

Антиквариат (Об экспорте художественных ценностей в годы первой пятилетки)¹

«Есть люди, коммунисты и марксисты, которые заражены таким понятием, что нам нужны Рембрандты и Рафаэли и что этого нельзя продавать. А мне гораздо дороже Госбанк и золотая валюта и черт с ним, с этим Рембрандтом. Нужно чтобы не было косности».

(Из протокола заседания
Правительственной комиссии по наблюдению
за отбором и реализацией антикварных
ценностей. Июнь, 1929 год)

В конце 1920-х гг. в СССР началась форсированная индустриализация. Она требовала немалых средств: оборудование, а зачастую и сырье для строящихся индустриальных гигантов предстояло покупать за границей. Между тем золотой запас России, оказавшийся в руках большевиков в момент взятия власти, был растрочен. Так, если в октябре 1917 г. наличность золота, в монетах и слитках, в Государственном банке составляла около 1,1 млрд золотых руб., а вместе с золотом румынской казны, которая находилась на хранении в России, более 1,2 млрд, то к началу 1922 г. по сведениям Наркомфина свободная наличность в золоте и иностранной валюте составляла лишь немногим более 0,1 млрд руб.² Фактически весь золотой запас Российской империи был использован всего за четыре года.

К середине 1920-х гг. советскому руководству удалось несколько поправить положение с золотым и валютным резервами. Благодаря экономическим мероприятиям, связанным с проведением денежной реформы и введением червонца, а также кампаниям по конфискации церковного имущества, золотой и валютный резерв страны на 1 января 1925 г. несколько превысил 0,3 млрд руб. Однако уже к концу года положение вновь стало катастрофическим. Чрезмерно завышенный импортный план привел к валютному кризису. Чтобы покрыть дефицит внешней торговли правительство стало продавать золото, и к концу 1925 г. свободные валютные ре-

* Осокина Елена Александровна — кандидат исторических наук (Институт российской истории РАН).

зервы страны упали до 0,09 млрд, а свободные валютные резервы Госбанка за границей составляли всего лишь 400 тыс. руб.³

СССР приступал к форсированной индустриализации, не имея достаточных валютных накоплений. По тем отрывочным данным, которые сохранились в материалах заседаний СНК и СТО можно определить, что на 1 октября 1927 г. золотой и валютный запас СССР составил 173,5 млн руб. По данным на 16 июля 1928 г. он снизился до 96,5, на 11 ноября 1928 г. — до 78 млн руб. В то время как в официальной прессе осенью 1928 г. золотой запас Госбанка был объявлен 280 млн руб., председатель Госбанка, Георгий Пятаков, в секретной записке докладывал о плачевном валютном состоянии страны. По его мнению, к началу 1929 г. СССР должен был иметь нулевой золотой запас⁴. «Золотая» проблема в конце 1920-х гг. стала одной из самых острых.

«Валютная надежда» советского руководства на экспорт была слабой. Хотя с началом индустриализации руководство страны стало стремительно наращивать объемы экспорта, желаемых результатов это не давало. Невезеньем для большевиков стало то, что начало форсированной индустриализации в СССР практически совпало с мировым экономическим кризисом. Конъюнктура мирового рынка не благоприятствовала развитию советской внешней торговли. В советском экспорте преобладало сырье, цены на которое катастрофически падали, а в импорте — машины и оборудование, цены на которые росли.

Политбюро лихорадочно искало источники валюты для финансирования развития промышленности. В золотой лихорадке не брезговали и малым⁵, но стремились найти большую золотоносную жилу. Массовый экспорт художественных ценностей и антиквариата в этой связи казался многообещающим. В царской России бедность подавляющей части населения соседствовала с богатством дворянской аристократии и великолепием императорского двора. История шутит порой довольно жестоко: представители дворянских и царской фамилий, украшая свои дворцы, не могли и предположить, что этим создавали валютный фонд для социалистической индустриализации. В этой статье рассказывается о начальном периоде продажи художественных ценностей за границу.

Рождение Антиквариата

Продажа за рубеж художественных, исторических, да и просто ценностей, накопленных в России в течение веков, началась практически сразу после прихода большевиков к власти⁶. Однако массовый экспорт требовал создания предварительных условий — проведения конфискации и национализации «художественных и антикварных ресурсов» страны: ценностей казны, церкви и царской фамилии, музеев, дворянских усадеб, частных коллекций и просто личных сбережений граждан. Конфискация и национализация начались вместе с Октябрем и продолжались на всем про-

тяжении 1920-х гг. Они привели к созданию огромного государственного фонда ценностей.

Начало форсированной индустриализации в конце 1920-х гг. ознаменовало не только «скачок» в развитии промышленности, но и скачок в экспорте художественных и антикварных ценностей. Развитие государственного аппарата по экспорту ценностей и рост объемов его деятельности следовали за приступами форсированной индустриализации. Рост валютных запросов пятилетки вел к тому, что планируемый в начале экспорт художественных ценностей немусейного значения превратился в распродажу главных музейных фондов страны.

Рубежным стал 1927 г. Вместе с дебатами об индустриализации в Политбюро началось обсуждение вопроса о наращивании экспорта художественных ценностей, как одного из валютных обеспечений первой пятилетки. Совет Народных Комиссаров СССР в декрете 8 июня 1927 г. поставил задачу использовать все ресурсы страны для развития промышленности. Тогда же в июне 1927 г. СНК СССР предложил Наркомторгу «организовать вывоз из СССР предметов старины и роскоши, как-то: старинной мебели, предметов домашнего обихода, религиозного культа, предметов из бронзы, фарфора, хрусталя, серебра, парчи, ковров, гобеленов, картин, автографов, русских самоцветов, кустарных изделий и прочих, *не представляющих музейных ценностей*» (выделено мной. — Е.О.). Следует сказать, что и ранее правительственные органы, СНК и СТО, неоднократно обращались во Внешторг с предложениями развивать экспорт антиквариата, однако, это не приводило к сколько-нибудь серьезным последствиям. Теперь «предложения» правительства подстегивались ростом планов валютного дохода и твердым намерением сталинского Политбюро любыми средствами провести индустриализацию в кратчайшие сроки.

В декабре 1927 г. XV съезд ВКП(б) рассмотрел первые варианты пятилетнего плана. Даже по начальным пометкам пятилетки, существенно затем завышенным в окончательном амбициозном варианте 1929 г., было ясно, что валютные затраты предстояли огромные. Именно в это время Наркомат внутренней и внешней торговли СССР «откликнулся» на предложения правительства и обратился в Совнарком с проектом постановления об усилении «экспорта предметов искусства и старины». При этом Внешторг пошел дальше СНК, взяв на себя инициативу предложить продавать и «ценности музейного характера». Проект Внешторга был одобрен СНК и СТО СССР 23 января 1928 г., однако, с поправкой о запрете экспорта предметов старины и искусства «из основных музейных коллекций». Гарантом выполнения этого условия должен был стать контроль Наркомата просвещения РСФСР, в ведении которого и находился основной музейный фонд страны. С начала 1928 г. экспорт художественных ценностей приобрел плановый характер.

Правительственное решение о расширении экспорта художественных ценностей было принято, но аппарата для его реализации

не существовало. «Лихорадочная спешность», с которой приступили к наращиванию экспорта антиквариата, вела к тому, что «лошадь бежала позади телеги». Фактически вся работа проводилась Ленинградской и отчасти Московской конторами Госторга (Государственная импортно-экспортная торговая контора), которая, по словам официального документа, чем только не занималась — «и пух-пером, и сусликами, и крысами». Контроль над экспортом художественных ценностей осуществлял уполномоченный СТО — А.М.Гинзбург.

Только в конце лета 1928 г., когда экспорт художественных ценностей уже шел полным ходом, наконец, появился специальный орган. В Госторге РСФСР была образована «Главная контора по скупке и реализации антикварных вещей» — сокращенно «Антиквариат» — прообраз будущей Всесоюзной конторы. Антиквариат имел довольно автономное положение, практически не зависел ни от руководства Наркомторга, ни Госторга и в своей деятельности, по словам официального документа, «был предоставлен сам себе».

История Антиквариата показывает, что его аппарат буквально «вылупился» из Госторга. Работники, которые продавали лен, кожу и другое сырье, стали заниматься «заготовкой» и продажей «художественного товара». Однако по мере развертывания экспорта художественных ценностей соседство Антиквариата с Госторгом, хотя часто лишь формальное, стало выглядеть странно. Кроме того, индустриализация набирала ход, валютные планы росли и Антиквариату становилось тесно в Госторге. Надо сказать, что и руководство Госторга хотело освободиться от беспокойного и быстро растущего хозяйства Антиквариата.

В ноябре 1929 г. решением СТО «Главная контора по скупке и реализации антикварных вещей» была преобразована во Всесоюзную Государственную Торговую Контору «Антиквариат» и перешла от Госторга РСФСР в ведение Внешторга СССР.

Преобразование «Антиквариата» во Всесоюзную контору с широкими полномочиями не случайно совпало по времени с принятием окончательного и амбициозного варианта первого пятилетнего плана. Это — свидетельство той миссии, которую ему предстояло выполнить. Как выразился Хинчук, заместитель наркома торговли и председатель правительственной комиссии по наблюдению за отбором и реализацией антикварных ценностей, «от кустарного периода следовало перейти к серьезной реализации».

Связь между форсированием индустриализации и быстрым развитием антикварного экспорта не вызывает сомнений. Конечно, ни по радио, ни в печати об этом открыто не говорилось. Сам факт вывоза национальных ценностей за границу многие годы оставался в секрете. Официальная версия, которой советское руководство держалось после смерти Сталина, винила войну, пожары и прочие стихийные бедствия в потере части музейного достояния. Однако архивные документы конца 1920-х гг. — межведомственная переписка, секретные постановления партии и правительства,

протоколы заседаний «антикварных» комиссий, письменные протесты руководства Наркомпроса РСФСР и музейных работников — все связывают наращивание антикварного экспорта с необходимостью добыть валюту для выполнения первой пятилетки.

Ведомственная принадлежность Антиквариата Внешторгу также говорила о многом — ему предстояло стать официальным каналом массовой продажи художественных ценностей за границу. Более того, Антиквариат получил монополию экспорта ценностей. Секретный протокол заседания СТО прямо определил задачу Антиквариата: «Предметом деятельности «Антиквариата» должна быть *заготовка* предметов старины и искусства и исключительное право реализации их за границей» (выделено мной. — *Е.О.*).

Аппарат Антиквариата был создан по образу и подобию других центральных организаций и учреждений. Руководящие позиции в нем заняли не специалисты, в данном случае искусствоведы и музейные работники, а политики — проверенные партийцы, большевики, весьма далекие от мира искусства. Партия и правительство, по словам одного из них, «посадила их на это реализационное дело», поставив задачу «добыть тракторную колонну за каждого Рембрандта», и они энергично взялись за работу. Иначе и быть не могло. Пятаков, председатель Госбанка и член правительственной комиссии по наблюдению за оборотом и реализацией антикварных ценностей, прямо сказал об этом: «Для того, чтобы иметь возможность преодолеть саботаж интеллигенции, которая сидит на этом деле, на музейном деле, на искусстве и т.д., нужно на реализацию и выделение посадить людей, которые в этом деле ничего не понимают». Оказавшись в Антиквариате, его руководители перенесли туда методы работы и терминологию известную им ранее.

Первым председателем правления Антиквариата стал А.М.Гинзбург, бывший заведующий антикварной конторы Госторга и уполномоченный СТО по реализации ценностей. «Гинзбург — хороший товарищ, — говорил о нем Пятаков на одном из заседаний, — но он только теперь начинает отличать Рафаэля от Рембрандта». Осматривая одну из коллекций Эрмитажа, Гинзбург как-то обмолвился: «Неужели же находятся дураки, которые за это платят деньги». Выяснить биографию Гинзбурга не удалось, но в партийном архиве сохранились личные дела других руководителей Антиквариата.

В 1930 г. председателем Антиквариата стал Н.Н.Ильин, который до этого работал в Ленгосторге «по отделу сырья». Ильин родился в 1887 г. в городе Сестрорецке в рабочей семье. Самостоятельную жизнь начал в 14 лет, когда ушел из дома «искать счастья». Образования, как видно, не получил. По его словам «в 1907 г. держал экзамен на аттестат зрелости (не известно, выдержал ли. — *Е.О.*), был несколько месяцев в Спб. университете, на юридическом факультете». В возрасте 17 лет вступил в РСДРП, сразу же к большевикам. Принимал участие в первой русской революции, вел агитацию на Сестрорецком заводе, где в то время работал слесарем—шлифовальщиком. Видимо, степень «левизны»

большевиков не вполне устраивала Ильина. Еще подростком под впечатлением рассказов о народовольцах он мечтал стать террористом, а в 1905 г., по собственному признанию, хотел перейти от большевиков к эсерам или анархистам. Товарищи по партии отговорили Ильина, сказав, что и большевикам не чужд террор. Ильин стал боевиком-профессионалом. «Боевая семерка», организатором и начальником которой он являлся, в течение 1906 и 1907 гг. совершила ряд террористических выступлений. Ильин принимал активное участие в транспортировке оружия и литературы из-за границы. После роспуска боевых организаций в 1907 г. Ильин написал в «Пролетарий» открытое письмо товарищу Ленину, в котором резко выступил против прекращения боевой работы партии. В ответ, как он пишет в своей биографии, Ленин вызвал его к себе в Териоки, «пожурил за резкость тона», но разрешил Ильину взять на себя организацию рабочих кружков по овладению боевой техникой. Выполняя это задание, если верить автобиографии, Ильин создал пять районных кружков в Петербурге, а также склад оружия и небольшую лабораторию по изготовлению бомб. Он также написал брошюру о боевой технике и тактике вооруженного восстания. Боевая активность Ильина не могла не привлечь внимания столичной полиции. Он несколько раз был арестован, отбывал кааторгу в Шлиссельбурге и ссылки в Иркутской и Енисейской губерниях. В ссылке сделал своеобразную карьеру — получил службу в частной фирме и стал управляющим рудниками. В общей сложности Ильин провел в тюрьме более 6 лет и два года в ссылке. Вместе с Февральской революцией пришла амнистия, и Ильин вернулся в Питер. Примкнул к «межрайонцам», митинговал, а затем, признав единственно правильной тактику большевиков, вернулся в их ряды. В Октябрьских событиях, как и в гражданской войне, видимо, не отличился, автобиография не содержит информации на этот счет. С приходом большевиков к власти началась хозяйственно-административная карьера Николая Ильина. Работал в Совнархозе, затем в 1919 г. был мобилизован в распоряжение Совнаркома Украины. После падения советской власти в Киеве вернулся в столицу и работал в Госконтроле. Был одним из организаторов Рабоче-Крестьянской Инспекции. До 1920 г. руководил РКИ в Ленинграде, затем вместе с Л.М.Кагановичем создавал Наркомат РКИ в Туркестане. Вернувшись в 1921 г. в Ленинград, работал в губернском профсовете заместителем председателя Комиссии по улучшению быта рабочих, затем перешел на работу в кооперацию (член правления Центросоюза, председатель Церабсекции и другие). Затем, по его словам, «был вышиблен из всех организаций и отправлен на товарную биржу». Причиной к тому, по его мнению, стало несогласие с политикой оппозиции Зиновьева. С 1918 по 1924 г. Ильин был членом Петроградского / Ленинградского Совета. В 1927 г. Н.Ильин перешел на работу в Ленгосторг (зав. Отделом разных товаров, директор экспортной конторы), а с 1930 г. — в Антиквариат. «Работая в Антиквариате, большую часть времени проводил в заграничных командировках».

В период 1930—1933 гг. Ильин побывал в Германии, Франции, Англии, Америке, Голландии, Австрии и других странах. Как он пишет в автобиографии, мог объясняться на немецком, французском и английском языках. В мае 1935 г. Ильин был освобожден с должности председателя Антиквариата и направлен торговым агентом в Румынию. В Бухаресте пробыл до марта 1937 г. Дальнейшая судьба неизвестна. Последняя запись в личном деле гласит, что Н.Н.Ильин был снят с партийного учета 25 января 1939 г. Это скорее всего означает, что в 1938 г. он был репрессирован.

Вот биография заместителя председателя правления Всесоюзного общества «Антиквариат» Самуэли (Самуэль) Георгия Людвиговича (1899—1937?). В период с мая 1929 до февраля 1931 г. он фактически руководил работой Антиквариата. Именно он провел все продажи Калюсту Гюльбенкяну (Calouste Gulbenkian), о которых будет рассказано в этой статье. Начало продаж Эндрю Мелону (Andrew W. Mellon) также было организовано им.

Самуэли родился в Венгрии. Отец заведовал складами одной из фирм, занимавшихся экспортом хлеба, затем был комиссионером в этой области. Г.Л.Самуэль закончил классическую гимназию и одновременно как практикант работал в крупной фирме. После окончания гимназии в 1917 г. был мобилизован в Австро-Венгерскую армию и служил в качестве унтер-офицера до августа 1918 г., но фронта избежал. После демобилизации в 1918 г. один год учился в Техническом университете в Будапеште. В Коммунистическую партию Венгрии вступил в 1918 г. в момент ее основания, вел агитационную работу среди солдат и рабочих. После победы социалистической революции в Венгрии стал заместителем начальника политотдела в Наркомате внутренних дел. После свержения советской власти в Венгрии в сентябре 1919 г. был арестован и приговорен к каторге. Советское правительство обменяло Самуэли «на буржуазных заложников», и в январе 1922 г. прямо из тюрьмы Самуэли приехал в Москву. До августа лечился в санатории. Некоторое время работал практикантом на Кудринской фабрике электрорамп и одновременно учился в Высшем Техническом училище (им. Баумана), где закончил два курса. Осенью 1924 г. ЦК направил Самуэли на работу в Наркомат внешней торговли. До мая 1928 г. он являлся председателем правления одного из акционерных обществ Наркомвнешторга. Затем в течение года был членом правления и уполномоченным в Берлине общества Рустрозит. Оттуда перешел на работу в Антиквариат. С приходом в Антиквариат нового председателя, Н.Н.Ильина, и нарастании между ними конфликта подавал одну за другой просьбы разрешить ему уйти из Антиквариата. Видимо, просьба Самуэли была удовлетворена и после кратковременной работы на должности заместителя начальника экспортного сектора во Внешторге, он был послан в качестве уполномоченного в торгпредство в Берлине, а затем стал заведующим отделом кадров и председателем общества «Книга» в торгпредстве в Лондоне. С августа 1935 до мая 1936 г. Самуэли работал консультантом в президиуме Моссовета. Его последним назначе-

нием стала должность управляющего треста «Мосгороформление». 3 сентября 1937 г. он был исключен из партии. За этой короткой записью в личном листке стоит арест и расстрел. Был расстрелян и его брат⁷.

«Торговцы» против «просвещенцев»

Анализ постановлений показывает, что кампания массовой продажи за рубеж художественных и антикварных ценностей была начата и официально оформлена решениями Политбюро и Совнаркома СССР. Непосредственное же осуществление этих «высоких» решений велось двумя основными ведомствами: Наркомторгом (затем Внешторгом) СССР, в чьем подчинении находился Антиквариат, и Наркомпросом РСФСР.

Трудно представить две другие организации, чьи функции и ведомственные интересы в художественном экспорте находились бы в столь остром противоречии, чем Наркомпрос и Наркомторг. В задачу первого входило сохранение и развитие национального музейного фонда, в задачу второго — наращивание «художественного» экспорта и выполнение валютного плана любой ценой. Если первый руководствовался принципом продавать ненужное и что похуже, то второй исходил из материальных выгод реализации, что требовало вывоза наиболее ценных предметов. Не случайно вся история художественного экспорта пронизана борьбой между руководством Наркомпроса и Наркомторга.

Наркомпрос РСФСР, в чьем ведении находились главные музеи страны, обязан был составлять и передавать Наркомторгу списки предметов из музейных фондов, а также обязывал музеи «выделять для продажи предметы» в соответствии с валютными планами и сроками, установленными правительством. Эта работа осуществлялась через Сектор науки, чаще именуемым Главнаука.

Получив план от правительства, Главнаука Наркомпроса РСФСР производила «раскладку» задания по музеям, определяя кто, что и сколько должен выделить и к какому сроку. Музеи силами своих работников проводили инвентаризацию фондов, отбирали предметы для реализации и проводили первичную оценку их стоимости. В соответствии с правилами, музеи представляли списки на «выделенное имущество» в Главнауку с тем, чтобы там провели проверку компетентности лиц, проводивших отбор и оценку, а также отсутствие в числе выделенных предметов из основных коллекций. С развитием экспорта последнее правило все чаще не выполнялось, и в ход шли основные музейные экспонаты, которые забирали прямо из залов экспозиции.

Излишне говорить, что отношение основной массы музейных работников к продаже было крайне отрицательным. Для многих из них эта кампания стала профессиональной и личной трагедией. Антиквариат постоянно жаловался на то, что ему приходилось ежедневно преодолевать сопротивление и саботаж «музейщиков». В архивных фондах сохранились протесты против распродажи

главных музейных коллекций, написанные хранителем Государственного музея Изящных искусств В.Лазаревым и директором Эрмитажа Тройницким, который вскоре был отстранен от должности за «допущенные ошибки», протест заведующего музейным отделом Наркомпроса Феликса Кона, протест Комитета по заведыванию учеными и учебными учреждениями против продажи мировых и «советских уникалов», подписанный председателем комитета В.Милютиным и членом президиума В.Тер-Оганезовым (1934 г.). Музейные работники обвиняли не только Антиквариат, но и Наркомпрос за пассивность в сопротивлении продажам.

Сопротивление интеллигенции, конечно, сыграло определенную роль в судьбе художественных ценностей, однако, оно не могло остановить маховик, запущенный Политбюро. Как ни трагично и не парадоксально это звучит, но именно руками музейных работников проводился отбор предметов и подготовка их к продаже. Не партийные функционеры и бюрократы из наркоматов снимали картины со стен Эрмитажа и доставляли их по указанному адресу, а сами музейные специалисты. Сотрудница Эрмитажа, Татьяна Чернявина, после того, как ей удалось эмигрировать из СССР, рассказала в западной прессе, что в 1930 г. директор Эрмитажа приказал ей остаться после рабочего дня в музее, снять со стены «Благовещение» Ван Эйка и отвезти картину в тот вечер в Наркомат внешней торговли. Ей также было дано задание перевезти картины на стене так, чтобы изъятие «Благовещения» не бросалось в глаза посетителям. При этом ей было запрещено задавать какие-либо вопросы⁸. Как мы знаем теперь, эта картина была продана Антиквариатом Государственному казначею США Эндрю Меллону и в настоящее время находится в Национальном художественном музее в Вашингтоне.

После передачи в распоряжение Главнауки отобранные из музеев ценности должны были проходить вторичную оценку. Её осуществляла Экспертно-Оценочная комиссия Главнауки, состоявшая из работников музеев под руководством представителя Наркомпроса. В назначении цены комиссия руководствовалась продажами аналогичных предметов на мировом рынке. Комиссия не только определяла рыночную стоимость предметов, но давала рекомендации экспертов о методах продажи, информацию об аналогах продажи, возможных покупателях и странах продажи, условиях продажи, ожидаемой реакции на Западном рынке и другое. Хотя Наркомторг всячески подстегивал кампанию по вывозу ценностей, вплоть до спешного вывоза предметов без предварительной оценки, Комиссия Главнауки прилагала усилия против вывоза ценностей без экспертизы.

После экспертизы и оценки, проведенной Экспертно-оценочной комиссией Главнауки, художественные ценности поступали в распоряжение Наркомторга и Антиквариата, который должен был их продать либо приезжавшим в СССР иностранцам, либо через аукционы за границей, либо через комиссионеров и дилеров. С крупными покупателями или их представителями руководители

Антиквариата вели переговоры через торгпредства или лично, для чего периодически выезжали за рубеж.

Разногласия между Наркомторгом и Наркомпросом, также как и стремление каждого из них к монополии, обнаружались в самого начала организации массового экспорта художественных ценностей. Нарком просвещения А.В.Луначарский решительно высказывался против вывоза музейных предметов, требуя ограничиться только экспортом второстепенного антиквариата из госфондовского имущества, пополнявшегося предметами, «выбракованными» экспертами, как не имеющие музейного значения. Луначарский протестовал против попыток Наркомторга вторгнуться в «святая святых» деятельности Наркомпроса — получить право изменять состав музейных коллекций, а также лишить Наркомпрос права контроля над вывозом музейных ценностей за границу. Одновременно Луначарский предостерегал руководство страны от иллюзий, указывая на специфику рынка художественных и антикварных ценностей, где многое зависит от моды, вкусов, умелой рекламы. Выгоды от реализации окажутся ничтожными, — пророчески писал он, — в то время как музеи будут обескровлены.

Наркомат просвещения РСФСР представлял оппозицию не только Наркомторгу, но в определенном смысле и главному партийному и советскому руководству. На одном из заседаний правительственной комиссии Луначарский говорил: «Я с очень тяжелым сердцем соглашался на эту операцию и указывал тогда же и т. Микояну и т. Рыкову (к сожалению, я не был в Политбюро тогда, когда обсуждался этот вопрос) на те причины, по которым я являюсь в значительной мере противником этой операции»⁹. Хотя ни Луначарский, ни сменивший его на посту наркома А.С.Бубнов, не могли протестовать против экспорта антиквариата, как такового, они призывали «держатъ его в разумных пределах». В начале 1928 г. Луначарский вновь обращался к руководству и предупреждал, что выделение и продажа предметов старины и искусства потребует гораздо больше времени и умения, чем предполагает Наркомторг, что ожидаемый материальный эффект сильно преувеличен, нанесенный музеям ущерб и отрицательный политический эффект подобного мероприятия не окупятся предполагаемыми материальными выгодами. Преемник Луначарского, Бубнов, сражался за каждую ценную вещь. В архиве сохранились его докладные записки в Совнарком с протестами против продажи произведений искусства. Он выступил инициатором и участвовал в составлении так называемого «заповедника» — списка картин, которые ни при каких обстоятельствах не могли быть проданы за рубеж.

Антиквариат не мог смириться с ролью простого торговца. Не доверяя специалистам Главнауки, Антиквариат проводил свою оценку стоимости предметов. Для этого Антиквариат создавал свои оценочные комиссии, где были представлены не только знатоки антиквариата, но и торговые работники. Хотя и Главнаука, и Антиквариат считали свои оценки ориентировочными, они понимали значение этого слова по-разному. Музейные специалисты

считали, что цены на произведения искусства имеют тенденцию возрастать со временем и что даже самые высокие цены, назначенные сегодня, через некоторое время будут выглядеть до смешного низкими. Торговцы же, говоря о приблизительности цен, имели в виду возможность их существенного понижения, если конъюнктура рынка будет требовать того. Позицию Антиквариата в вопросе оценки ценностей точно выразил Гинзбург, сказав: «Оценка — это не так важно. Важно знать **наскоро** приблизительную стоимость, а там посмотрим». В свою очередь музейные работники оценочной комиссии Главнауки, отстаивая свои цены, писали: «Мы понимаем: он (Гинзбург) хочет поучиться на этом деле, но к тому времени, когда он научится, если вообще он научится, от товара ничего не останется, он уйдет за полцены, если не за меньшее. Полагаем, что это обучение нам не по средствам».

Разногласия о ценах были не единственным камнем преткновения между Главнаукой и Антиквариатом. Торговцы пытались диктовать музейным работникам свое мнение в отборе предметов для продажи. При этом искусствоведы и хранители коллекций, а также под их нажимом и сам Наркомпрос, исходили из интересов защиты художественного фонда страны, Антиквариат же стоял на страже «интересов реализации». Пытаясь освободиться от постоянных склок и разбирательств, оба ведомства стремились отделаться друг от друга, получив полную монополию в отборе и реализации ценностей, и возможность максимально удовлетворить свои ведомственные интересы.

Взаимное недовольство Антиквариата и Главнауки было поводом постоянных раздражительных докладных записок правительству. В них обе организации показали себя мастерами ведомственной борьбы, вскрывая слабые места в работе друг друга. «Работники просвещения», эксперты комиссий обвиняли «торговцев» в разбазаривании национального достояния, вандализме, отсутствии профессионализма не только в области искусства, но и торговле. Они указывали на отсутствие специального торгового аппарата, плана, спешку в вывозе без изучения и оценки предметов, наличие огромных расходов. Музейные работники оценивали уровень работы Антиквариата, как «базарную торговлю». Антиквариат, в свою очередь, жаловался на завышенные цены Главнауки, организованный саботаж и срыв планов советского руководства. Он обвинял Главнауку и музеи в сокрытии, преуменьшении и даже незнании своих фондов, требовал выделения более ценных предметов, обольщал руководство страны разговорами о возможности выполнения гораздо более высоких показателей валютного плана, если музеи перестанут выделять «барахло», а предоставят первоклассные вещи. Антиквариат обвинял Наркомпрос и музеи в преступной халатности и плохом хранении своих фондов. По его оценкам, при существовавшем уровне хранения картин в Эрмитаже, «они должны были погибнуть в течение 50 лет». Антиквариат постоянно подстегивал темпы работы Главнауки по отбору и оценке. Работники Антиквариата не останавливались и перед прямым

доносом. Так, в одной из записок в Совнарком Гинзбург писал о том, что ходят слухи будто бы работники Эрмитажа, ожидая «лучших времен», сберегают в запасных комнатах вещи, переданные туда на хранение бывшими великими князьями. Помощь «бывшим», как и ожидание «лучших времен» возвращения старой власти вполне могли послужить основанием обвинений в контрреволюционной и антисоветской деятельности.

Вначале споры между Главнаукой и Антиквариатом о ценах, отборе предметов, методах продажи решались на «согласительных» совещаниях, где руководители Наркомторга и Наркомпроса были представлены в равной мере. Затем в качестве арбитра между этими ведомствами стала выступать правительственная комиссия под руководством заместителя наркома внешней торговли Л.М.Хинчука, что сразу же перевесило чашу весов в пользу Антиквариата.

Наркомпрос проиграл схватку с Наркомторгом. Он не смог предотвратить продажу высокоценных произведений искусства из коллекции Эрмитажа и других музеев страны. Поражение Наркомпроса произошло не потому, что торговое ведомство было могущественнее просветительского, а потому, что оно более точно отражало валютные интересы и стремления Политбюро. Не случайно во главе правительственной комиссии, которая осуществляла контроль за выделением и продажей художественных ценностей, был поставлен представитель торгового ведомства. Жалуясь на Гинзбурга, Ильина, Самуэли и других работников Антиквариата и Наркомторга, Наркомпрос и Главнаука не видели или делали вид, что не видят, что за ними стоит Политбюро и Сталин. Именно при поддержке Политбюро непрофессионалы одолели профессионалов.

В конечном итоге функции Наркомпроса свелись к тому, чтобы заставлять Антиквариат продавать как можно дороже. Политбюро сознательно сохраняло Наркомпрос в качестве определенной силы в экспорте художественных ценностей. Исходя из профессиональных знаний и музейных соображений эксперты Наркомпроса оценивали стоимость предметов высоко, что было определенной гарантией против вывоза быстро и за бесценок, которую фактически отстаивал Наркомторг. Однако в дуэте Наркомторга и Наркомпроса торговое ведомство явно солировало.

Антиквариату было предоставлено право свободного маневрирования, имеющимися в его распоряжении художественными ценностями. Антиквариат был вправе снижать цены, установленные экспертными комиссиями, на 20%, если того требовала быстрая реализация. Разногласия между Антиквариатом и Главнаукой по оценкам стоимости предметов должны были разрешаться в двухдневный срок, причем в случае задержки с ответом Главнауки, Антиквариат имел право действовать по своему усмотрению. Кроме того, минимальные лимиты, ниже которых торгпредства не могли продавать художественные товары, также устанавливались Антиквариатом.

Антиквариат при поддержке руководства страны получил и больше полномочий в отборе произведений искусства, вторгаясь в сферу деятельности Главнауки. Если важный покупатель требовал конкретную вещь, то Антиквариат, несмотря на возражения Наркомпроса, настаивал и чаще всего добивался ее выделения для продажи. Тогда как Антиквариат и Наркомторг выиграли по всем основным позициям, Главнаука и Наркомпрос, которые пытались ограничить торговую монополию Антиквариата, не только не смогли этого сделать, но потеряли и часть своей монополии в отборе и оценке предметов, которую имели в начале организации художественного экспорта.

При продаже шедевров Эрмитажа в начальный период массового художественного экспорта Антиквариат вел переговоры с коллекционерами, музеями и ведущими антикварами мира по спискам, составленным Наркомпросом. Однако от списков вскоре пришлось отказаться и перейти к продаже по индивидуальному запросу. При достижении договоренности о цене, как бы не было уникально произведение искусства, Антиквариат его продавал и возражения Наркомпроса к рассмотрению не принимались. Так были проданы из собрания Эрмитажа картины Ван Эйка, Рафаэля, Боттичелли, Тициана, Рембрандта, Веласкеса, Веронезе. Благодаря отсутствию договоренности о ценах, Эрмитаж уберег находящиеся в его коллекции картины Леонардо да Винчи и Джорджоне, которые тоже предлагались на продажу. Назначая цены на шедевры Эрмитажа, Антиквариат руководствовался оценками экспертных комиссий. Но окончательная цена определялась в ходе переговоров и представляла компромисс интересов покупателя и продавца.

Планов громадье

Анализ правительственных постановлений и планов экспорта художественных ценностей показывает, что путь от продажи антиквариата второстепенного и немусейного значения к продаже уникальных произведений искусства из собраний ведущих музеев был не таким уж быстрым и легким, как можно заключить из опубликованных работ по этой теме. Решение о продаже уникальных произведений искусства далось не сразу. Руководство страны, приступая к массовому экспорту художественных ценностей и антиквариата, начало не с шедевров Эрмитажа. Более того, документы свидетельствуют, что существовала надежда, что до распродажи Эрмитажа дело не дойдет. Политбюро до поры отклоняло поступающие из-за границы предложения о продаже шедевров.

Два фактора привели к принятию решения о продаже шедевров — стремительный рост планов индустриализации и низкие доходы от продажи антиквариата в 1927/28 г.

План Совнаркома по реализации художественных ценностей на 1927/28 г. составил 8 млн руб. Фактически же из всех предоставленных музеями и закупленных на частном рынке антиквар-

ных вещей (стоимостью около 6 млн руб.) к лету 1928 г. Госторг, который в то время занимался художественным экспортом, продал только на 700 тыс., а по данным Наркомпроса и того меньше — на 500 тыс. руб. Большую часть этой суммы составила продажа дворца Палей. Ленинградгосторг выручил за него 455 тыс. руб.

Несмотря на явный срыв экспортного плана 1927/28 г., а может быть именно по причине пробуксовки антикварного бизнеса, Совнарком летом 1928 г. вновь увеличил контрольные цифры экспорта. План художественного экспорта на 1928/29 г. составил 11 млн руб. Однако и эта цифра не удовлетворяла масштабам индустриализации. Политбюро, явно недовольное результатами художественного бизнеса, создало свою комиссию под руководством Томского, которая должна была осуществить прорыв в деле «ликвидации художественных запасов страны». Решения комиссии Политбюро ознаменовали переход от продажи «второстепенного» антиквариата к спешной продаже шедевров Эрмитажа. Комиссия Томского постановила выделить 30 миллионный фонд антикварных ценностей для реализации в течение 2 лет. Из них 25 млн обеспечивалась продажей мировых шедевров. Вскоре появились и первые покупатели, потенциальные и реальные.

Жермен Селигман (Germain Seligman)

В то время как музеи старались защитить от продажи свои шедевры, поиск покупателей и посредников, которые взяли бы на себя организацию продаж за рубежом, шел полным ходом. Первой страной, где была произведена предварительная разведка, стала Франция. Серьезный контакт был опробован там еще осенью 1927 г. Именно тогда в Париже группа советских торговых представителей явилась к известному антиквару Жермену Селигману и пригласила его приехать в Москву, чтобы обсудить возможности сотрудничества в антикварном бизнесе. При этом «торговые представители» отказались обсуждать в Париже какие-либо детали.

Выбор фирмы Селигмана в качестве первого контакта для ведения переговоров не был случайным. Советскому руководству, очевидно, было известно, что основатель фирмы Жак Селигман, еще будучи молодым начинающим парижским антикваром, одним из первых приехал в царскую Россию, в Санкт-Петербург, для выяснения перспектив ведения антикварного бизнеса. Ему удалось получить доступ во дворцы русской аристократии, откуда он затем вывез на западный рынок немало произведений искусства. Он нашел в России состоятельных клиентов, среди которых был российский император Николай II и Великий князь Николай Михайлович, для которых он затем поставлял произведения искусства из Европы. Сын Жака Селигмана, Жермен, также побывал в России в 1910 г. Отец поручил ему вести переговоры с М.П.Боткиным о продаже фирме Селигмана коллекции русско-византийских эмалей. Это поручение Жермен выполнил.

Спустя десять лет после Октябрьской революции именно к Жермену Селигману, ссылаясь на репутацию его фирмы в царской России, и обратились представители советского руководства. Большевики не брезговали, как видно, использовать деловые контакты расстрелянного ими императора. Жермену Селигману было сказано, что, если он примет приглашение приехать в СССР, то советская виза будет ему выдана немедленно. Подобное заявление свидетельствовало о многом. В то время получить советскую визу либо вообще было невозможно, либо при положительном ответе приходилось ждать месяцами. Было ясно, что приглашение приехать в Россию шло от самых верхов советской власти.

Несмотря на заманчивость предложения, Селигман колебался, вспоминая все неудобства своего путешествия в Россию в 1910 г., и не будучи расположенным к новой власти. Окончательное решение за него принял его друг из Министерства Иностранных дел Франции, который настойчиво рекомендовал ехать. Главным доводом при этом было то, что СССР в то время обладал лучшей коллекцией французского искусства XVIII в. за пределами Франции и поездка Селигмана имела, таким образом, национальный интерес. Селигман согласился.

Воспоминания Жермена Селигмана о его переговорах с советскими представителями интересны тем, что хорошо показывают эволюцию планов руководства СССР в развитии антикварного экспорта¹⁰. При пересечении границы Селигману был оказан исключительный прием, на уровне приема дипломатических представителей, что вновь свидетельствовало о надеждах, которое советское руководство возлагало на эти переговоры. После размещения в гостинице «Савой», одной из лучших в Москве, и обязательного ритуала посещения мавзолея Ленина начались деловые переговоры. Однако их начало разочаровало парижского антиквара, который в глубине души, видимо, надеялся сразу получить шедевры Эрмитажа. Советское руководство вовсе не торопилось продавать шедевры. Хранилище, которое ему было показано, представляло громадный зал с рядами раскладных столов, заваленных безделушками личного характера — «письменными и туалетными приборами, коробочками для содержания ароматизированных веществ, табака, косметики и сотни других целей, некоторые из них были серебряные или посеребренные, другие декорированные камнями или эмалью». Было также несколько картин среднего качества.

Первый же раунд переговоров показал, что советское руководство выбрало фирму неправильно — Селигмана не интересовал антиквариат такого свойства, его фирма продавала шедевры. Вполне вероятно, что ошибка была допущена потому, что люди осуществлявшие торговлю антиквариатом в СССР имели мало представления о том, что такое шедевры, считая, что присутствие драгоценных металлов и камней в изделии уже превращает его в произведение искусства.

Несмотря на все протесты Селигмана, торговые представители (видимо, работники Госторга, через который в это время осуществлялся художественный экспорт) продолжали еще в течение нескольких дней пичкать его показом ценностей все того же качества. Только после его ультимативного заявления о немедленном возвращении в Париж, если истинные произведения искусства не будут ему показаны, демонстрации второстепенного антиквариата прекратились.

После этого тактика по форме, хотя и не по существу, несколько изменилась. Французского антиквара пригласил на разговор народный комиссар, видимо, А.В.Луначарский. Селигман описывает его, как образованного и приятного джентльмена, свободно владеющего английским и французским языками. В процессе разговора выяснилось, что цель этой встречи была все той же — убедить фирму взять на продажу второстепенный антиквариат. В качестве доказательства Луначарский показал Селигману каталоги аукционов в Нью Йорке и Калифорнии, где подобного рода антиквариат продавался по вполне хорошим ценам. Хотя нарком просвещения прекрасно понимал, что Селигман хочет получить шедевры, он упорно продолжал убеждать его согласиться на предложение советского правительства.

Только исчерпав все доводы и приличия, видя несокрушимость позиции Селигмана, советские представители наконец согласились показать ему, как было сказано, «резервы». Среди них он немедленно узнал сокровища, виденные им во дворцах аристократии в 1910 г. Осмотр «резервов» продолжался несколько дней. Это был именно тот антиквариат, за которым Селигман приехал в СССР — картины, скульптура, прекрасная мебель, драгоценности, подсвечники и канделябры из хрусталя и золота, столики, инкрустированные полудрагоценными камнями. Однако ему тут же было заявлено, что показ не означает, что советское правительство будет продавать эти произведения искусства. В качестве экскурсии Селигману также была показана коллекция картин импрессионистов и постимпрессионистов из частных собраний Морозова и Щукина.

На своей последней встрече с Луначарским Селигман заявил, что только произведения искусства из «резервов» могут стать предметом сделки и после этого уехал ни с чем. Его рассказ позволяет сделать вывод, что в конце 1927 г., когда советское руководство приступало к организации массового художественного экспорта, речь не только не шла о распродаже национального музея Эрмитаж, но даже частные собрания из дворцов русской аристократии не были предметом переговоров о продаже. Руководство рассчитывало решить валютную проблему распродажей дорогих, но художественно и исторически мало значимых «безделушек». Первый шаг в выборе западного партнера для реализации второстепенного антиквариата, однако, был сделан неудачно. Впоследствии главной фирмой, через которую будет распродаваться второстепенный (на-

ряду с первостепенным) антиквариат станет «Торговый дом Лепке» (Rudolf Lepke House) в Германии.

Тем временем индустриализация шла вперед полным ходом, и валютные проблемы СССР стремительно росли. Буквально через несколько месяцев после первого визита, весной 1928 г. в офис к Селигману в Париже вновь пришла группа советских представителей. На этот раз без всяких околичностей Селигману было предложено взять на себя посредничество в распродаже не только произведений искусства, показанных ему в Москве в составе «резервов», но и многого другого, что ему не удалось посмотреть. Коллебания советского руководства по поводу продажи произведений искусства, таким образом, к этому времени были преодолены. Как стало ясно из предложения, речь шла о переправке во Францию целых составов поездов с антиквариатом, и Селигману были обещаны права решать, что и в какой последовательности будет отгружено из СССР.

По его собственному признанию, это предложение лишило его дара речи. Однако государственный порядок, принятый во Франции требовал получить одобрение, официальное или неофициальное, для проведения столь широкомасштабной кампании. Селигман попросил тайм-аут. Сделке века, однако, не суждено было осуществиться. Юристоконсульт Министерства иностранных дел рекомендовал Селигману отказаться от предложения по причине пока еще напряженных дипломатических отношений с СССР (они были заключены в конце 1924 г., но многие спорные вопросы советско-французских отношений все еще дискутировались), а также потому, что французское правительство не могло взять обязательств физически и юридически защитить имущество СССР против притязаний его прежних владельцев, многие из которых находились в парижской эмиграции. Селигман отказался.

Впоследствии, когда публично прошли аукционы в Германии и Австрии, включая распродажу Строгановского дворца, а особенно после того, как были официально подтверждены продажи шедевров Эрмитажа Государственному казначею США (Secretary of the Treasury of the USA) Эндрю Меллону (это был уже следующий этап эволюции художественного экспорта из СССР), Селигман горько жалел, что не продолжил деловых контактов с советским правительством.

Однако сожаление об упущенных возможностях было не единственным чувством, которое Селигман испытал как профессиональный антиквар. Признавая, что Советское правительство имело юридическое право продавать произведения искусства из Эрмитажа, коль скоро это был национальный музей, он был шокирован, как впрочем и весь художественный мир, узнав о продаже шедевров. Он назвал распродажу Эрмитажа наиболее волнующим, возбуждающим и в то же самое время разочаровывающим и сокрушительным предприятием того времени. Сумма, полученная советским правительством от продажи, была сама по себе немалой, но решить финансовые проблемы СССР с ее помощью было не-

возможно — пытаться сделать это, было все равно что пытаться закрыть дыру в плотине пальцем. «Но потери России были нашими приобретениями», — не преминул тут же добавить Селигман.

Калюст Гюльбенкян (Calouste Gulbenkian)

Поиск покупателей во Франции тем не менее продолжался. Довольно скоро появился новый потенциальный клиент. Им стал создатель и один из владельцев Иракской нефтяной компании — Iraq Petroleum Company — Калюст Гюльбенкян. У своих современников он получил прозвище «таинственный миллиардер», «наиболее таинственный человек нашего времени». Он воистину являлся гражданином мира. Армянин по национальности и турецкий подданный по рождению, затем гражданин Великобритании, имевший однако и иранский дипломатический паспорт, Гюльбенкян в то время, к которому относится этот рассказ, жил в Париже. Его называли «армянским нефтяным Крезом». Гюльбенкян контролировал значительную часть иракской нефти и считался самым богатым человеком в Европе.

Как и многие другие миллионеры, он был страстным коллекционером. О своей страсти он сам говорил: «Эта страсть как болезнь», картины в своей коллекции называл «мои дети». Впоследствии его собрание, включая и шедевры Эрмитажа, составило музей в Лиссабоне. В течение десяти лет, с 1947 по 1957 г., в то время главный куратор, а впоследствии директор Национальной художественной галереи в Вашингтоне (National Gallery of Art), Джон Уолкер, делал все возможное, чтобы коллекция Гюльбенкяна осталась после смерти ее создателя в Америке (в течение шести лет она выставлялась в Национальной галерее), как и благотворительный фонд, созданный на его деньги. Этим планам не удалось осуществиться, но Гюльбенкян тем не менее считал, что он немало сделал для Америки. По мнению Гюльбенкяна, картины из Эрмитажа, купленные Меллоном и переданные затем в Национальную галерею в Вашингтоне, изначально предназначались для продажи Гюльбенкяну, вследствие огромной заинтересованности советского руководства в экономической помощи нефтяного магната. Не будь этой заинтересованности, как он говорил, может быть, продажи и вообще бы не начались.

Безусловно, Гюльбенкян косвенно и вопреки своему желанию содействовал продажам Меллону, раскрыв тайну своих покупок главе Матиссен Геллери Затзенштейну (Matthiesen Gallery, Zatzenstein)¹¹, о чем в дальнейшем искренне сожалел. Однако, представляется, что он переоценивал степень своего значения в осуществлении массового экспорта антиквариата из СССР. Планы такого экспорта вынашивались задолго до начала переговоров с Гюльбенкяном и главной причиной их, как и потребности в экономическом содействии Гюльбенкяна, была начатая Политбюро форсированная индустриализация. Однако Гюльбенкян стал первым, кому советское руководство стало продавать шедевры Эрмитажа.

Шедевры из русских коллекций давно привлекали внимание Калюста Гюльбенкяна. Еще в 1920 и 1921 г. при посредничестве всемирно известного антиквара Дювина (Joseph Duveen) Гюльбенкян пытался купить две картины Рембрандта у их владельца князя Феликса Юсупова, который кутил в эмиграции и остро нуждался в деньгах. Покупатель и продавец не сошлись в цене и сделка не состоялась. Картины были проданы в 1921 г. американскому бизнесмену Джозефу Уайднеру (Joseph Widener), в настоящее время они находятся в Национальной художественной галерее в Вашингтоне¹².

Неудача Гюльбенкяна с покупкой Рембрандтов у князя Юсупова в известной мере окупилась в конце 1920-х — начале 1930-х гг. покупкой шедевров Эрмитажа у советского правительства. Неизвестно, от кого исходила инициатива переговоров, но точно можно сказать, что возможность покупки шедевров Эрмитажа активно обсуждалась в 1928 г. во время встреч и бесед Гюльбенкяна с советским торговым представителем в Париже Георгием Пятаковым. Переписка между ними продолжалась и после того как Пятаков покинул Париж в 1929 г. и стал председателем Государственного Банка СССР. Продолжение переговоров с Гюльбенкяном после отъезда Пятакова взяло на себя парижское торгпредство. Их вели глава экспортного отдела торгпредства М.В. Биренцвейг и представители Антиквариата во время их поездок за рубеж.

После того как летом 1928 г. комиссия Политбюро (Томского) приняла постановление о переходе к продаже шедевров, поиск покупателей активизировался. Во исполнение пункта постановления о немедленном командировании за границу «авторитетного партийного товарища» для выявления рынка, в Европу зимой 1928/29 г. поехал председатель Антиквариата Гинзбург. Он вел переговоры с Калюстом Гюльбенкяном в Париже о продаже коллекции серебра из Эрмитажа, «столике, выделенном Москвой», одной из картин из «списка Пятакова»¹³ и двух картин Г.Робера (Hubert Robert), которые, видимо, были куплены Антиквариатом на частном рынке. В результате переговоров Гюльбенкян купил картины Робера за 6 тысяч фунтов стерлингов. По остальным предметам предстояло продолжение переговоров. Поездка Гинзбурга показала, что Калюст Гюльбенкян был единственным реальным покупателем шедевров Эрмитажа в Европе в наступавшем 1929 г.

В архивных материалах Антиквариата и Наркомторга имя Калюста Гюльбенкяна встречается довольно часто, хотя не всякий раз читатель может его узнать. В документах Гюльбенкян выступает под кодовым обозначением «наш друг», «наш парижский покупатель» или даже просто «Г». В случаях, когда его фамилия упоминается полностью, ее русское написание советскими бюрократами так сильно меняется, что требуется определенное усилие понять, что речь идет об одном и том же человеке — Гюльбенкион, Гульбентан, «Г».

Судя по материалам, Гюльбенкяна интересовало многое из собрания Эрмитажа. В одной из записок упоминается предложение Гюльбенкяна купить 18 лучших картин Эрмитажа за 10 млн руб., по мнению специалистов, цена смехотворно низкая. В архивных фондах сохранился список картин на французском языке, которые Гюльбенкян хотел купить в СССР. Он включал восемь шедевров Эрмитажа: «Возвращение блудного сына»* и «Портрет Титуса» Рембрандта, «Юдифь»* Джорджоне, Боттичелли «Поклонение волхвов»*, «Портрет Елены Фурман»* и «Пейзаж с радугой» Рубенса, «Мадонна Альба» Рафаэля, «Меццетин» Ватто. Гюльбенкян предлагал советскому руководству за эти восемь картин 200 тысяч фунтов стерлингов, что было, безусловно, очень низкой ценой. («Мадонна Альба» Рафаэля была, например, продана Меллону за 1,6 млн долларов).

Справедливости ради следует сказать, что советское руководство не торопилось продавать картины Гюльбенкяну за первую же предложенную им цену. Понимало ли оно, что цены Гюльбенкяна низкие или на всякий случай осторожничало, не доверяло ему, трудно сказать. Но торг шел не только о цене. Советская сторона, в первую очередь Наркомпрос, старалась предложить Гюльбенкяну менее ценные, если такое определение допустимо к шедеврам, картины из более широкого списка, составленного по заказу комиссии Томского. Этот советский «список Гюльбенкиона» также сохранился в архиве на русском языке в одном деле с французским вариантом. Он датирован августом 1928 г. и включает 20 картин ведущих мастеров итальянской, голландской, фламандской и французской школ. Кроме уже названных шедевров в списке значились четыре картины Рембрандта («Молодая женщина с цветами»*, «Афина Паллада», «Подметальщица», «Портрет пожилой женщины»*), две картины Рубенса (Портрет пожилой дамы»*, «Персей и Андромеда»), Ватто «Затруднительное предложение»*, «Тайный поцелуй» Фрагонара, «Мадонна Латта» Корраджо, «Праздник Клеопатры» Тьеполо, «Проповедь» Ван Эйка, «Проведь»* Дирка Бутса, и «Святой Лука, рисующий портрет Богородицы» Роже ван дер Вендена. Звездочками в списке и здесь в тексте отмечены картины, которые советская сторона старалась продать Гюльбенкяну в первую очередь. Конечно, по ценности они уступали восьми шедеврам из списка «Г». Гюльбенкян же в переговорах явно настаивал на продаже ему вполне определенных картин. Под нажимом коллекционеров и обострения валютной проблемы Политбюро вскоре пойдет на новые уступки. От продажи картин по утвержденному Наркомпросом списку Антиквариат перейдет к продажам по списку, составленному самими покупателями. О такой возможности есть намек и в самом постановлении комиссии Томского — Политбюро могло вносить в утвержденный Наркомпросом список изменения, если того требовали «интересы реализации».

Пока с Гюльбенкяном велся торг, в конце 1928 г. Наркомторг одновременно начал переговоры о продаже шедевров с известным

антикваром лордом Джозефом Дювином. Они, однако, не привели к практическим результатам.

Провал переговоров с Дювином ускорил продажу шедевров Калюсту Гюльбенкяну. Переговоры с ним к этому моменту шли уже несколько месяцев, но не выяснив предложений Дювина, советское руководство не принимало окончательных решений в Париже, так как надеялось получить более высокие цены. Переговоры о первой сделке, начатые еще Пятаковым, а затем продолженные председателем Антиквариата Гинзбургом во время его поездки в Европу зимой 1928/29 г., были завершены начальником экспортного отдела советского торгпредства в Париже, Биренцвейгом, который регулярно информировал Гинзбурга и Пятакова о ходе дел.

Так, 11 января 1929 г. Биренцвейг сообщал Гинзбургу: «Третьего дня "Г" возвратился в Париж и сейчас же мне позвонил, спрашивая есть ли ответ на его последнее предложение, в котором он за все три предмета (исключая столик) предлагает 45 тыс. фунтов (первое предложение Гюльбенкяна было 41 тыс., советская сторона хотела получить 60 тыс. фунтов стерлингов. — *Е.О.*). Я ему ответил, что ответа нет, что Вы выясняете цену на Диркса, но навряд ли эта его цена подойдет. Картины Робера он окончательно просит отправить в Лондон, где он их примет.

"Г" напомнил мне, что Вы обещали ему прислать сведения о книгах в старых переплетах, а также о других предметах из серебра, которые он выбрал по каталогу и номера которых Вы себе записали. Я считаю целесообразным и желательным не оставлять его без сведения относительно этих его предложений и думаю, что необходимо как можно скорее направить для него необходимое предложение».

К лету 1929 г. согласие по первой партии продаж, наконец, было достигнуто. В соответствии с первым контрактом, заключенным агентами Гюльбенкяна с Антиквариатом, ему была продана коллекция из 24 золотых и серебряных предметов французского искусства XVIII в. из коллекции Эрмитажа (приобретения Екатерины Великой), две картины Гюбера Робера, «Благовещение» Дирка Боутса и письменный стол Луи XVI из коллекции князя Борятинского. Покупка обошлась в 54 тыс. фунтов стерлингов. Предметы паковались в Ленинграде в присутствии агента Гюльбенкяна, затем были перевезены в Берлин, где предметы и соответствующие документы на таможне были обменены на банковские чеки в фунтах стерлингов, выписанные на имя советского торгового представителя во Франции. После обследования агентом Гюльбенкяна в Берлине, проданные предметы были им переправлены в Париж.

«Нефтяная начинка» переговоров с Гюльбенкяном

Интерес советского руководства в переговорах в Гюльбенкянском состоял не только в возможности получить валюту за продаваемые шедевры, но и в деловых связях и влиянии главы крупнейшей

нефтяной компании — от Гюльбенкяна требовалось экономическое содействие СССР на мировом рынке. Эта «деловая начинка» переговоров подтверждается документами из советских архивов.

Уже в первых переговорах с Гюльбенкяном, которые вел в Париже Пятаков, был поставлен вопрос об экономической помощи Гюльбенкяна СССР. Как свидетельствуют документы, речь шла о посредничестве Гюльбенкяна в создании международного объединения банков, которые согласились бы финансировать развитие советской тяжелой промышленности. Вот выдержки из письма Биренцвейга, написанного из Парижа 17 января 1929 г. председателю Госбанка СССР Г.Пятакову. Копии письма были посланы полпреду (В.С.Довгалецкий) и торгпреду (Н.Г.Туманов) СССР во Франции:

«Из разговора с "Г" (часовой беседы, которую вел Биренцвейг с Гюльбенкяном.— *Е.О.*) вытекало, что во время многократных Ваших (имеется в виду Пятаков.— *Е.О.*) встреч с ним шла речь о привлечении его "Г", а также целого ряда крупных финансовых кругов для проведения финансовых операций крупного масштаба и также об инвестициях капиталов в нашу промышленность (подчеркнуто в документе.— *Е.О.*), при чем «Г» выразил согласие принять при осуществлении этих операций самое активное участие. По его словам, речь шла о финансировании нашей крупной промышленности и о займах. Для того, чтобы очистить путь для этих крупных операций он предложил в первую очередь поставить вопрос о привлечении международного финансового капитала к нашим нефтяным операциям, считая, что вопрос участия финансового капитала в нефтяной промышленности был бы удобным предложением для создания такого объединения банков. Во всем разговоре со мной он неоднократно возвращался к тому, что его интересовали и интересуют лишь вышеуказанные крупные операции и что только в такой плоскости он будто бы вел переговоры с Вами.

Для проведения планов, о которых он с Вами говорил "Г" вел переговоры с крупными представителями банковского мира, с некоторыми из них (доктор Мельхиор) Вы лично тоже встречались.

Для проведения финансовых операций такого масштаба "Г" заручился согласием банков: шведского, швейцарского, голландского, американского, английского (роль этих последних незначительна) и германских (Варбурга, Данатбанка, Хагена и других). На предложение "Г" обратиться в Дойче Банк, Вы выразили опасения, что вряд ли этот Банк согласится в виду недружелюбного отношения к нам доктора Бона и, что в таком случае возможно, что этот Банк будет мешать нашей работе. "Г" был другого мнения и вел переговоры с доктором Боном, и хотя последний был мнения, что с нами трудно работать, что мы постоянно меняем наши предложения, что нельзя добиться от нас конкретных результатов, однако, при участии в этом деле "Г", он, доктор Бон, готов вопрос участия Дойче Банка подвергнуть обсуждению со стороны Вассермана и других главных директоров. В результате этого обсуждения

доктор Бон сообщил, что Вассерман согласился принять участие в этом деле, что Дойче Банк отклонил предложение Детердинга, направленное против нас, что принимая во внимание роль Дойче Банка, несмотря на позднее присоединение его к этой операции, этот банк просит "Г" предоставить ему руководящую роль среди германской группы банкиров в этой операции».

Таким образом, «второе дно» в переговорах с Гюльбенкяном существовало. В деловом мире фигура Гюльбенкяна была могущественной и его поддержка могла оказаться очень действенной. Однако, как показывает все то же донесение Биренцвейга, советская и французская стороны по-разному понимали размеры и последствия экономической помощи, которую предполагалось международное объединение банков должно было оказать индустриализации в СССР. Гюльбенкян вел речь о крупной операции иностранных инвестиций в советскую промышленность, которая могла заинтересовать западных банкиров, иначе кто бы из них стал вообще обсуждать эту тему. Он постоянно подчеркивал эту сторону дела, вспоминая переговоры с Пятаковым.

Неизвестно, действительно ли Пятаков в Париже вел с Гюльбенкяном речь о крупных операциях иностранных капиталовложений в советскую промышленность, но явно, что в 1929 г. представления советского руководства о возможном экономическом сотрудничестве с Западом были другими. Речь не шла о широком допущении иностранных банков к участию в советской индустриализации, а лишь только о выгодных займах. Складывается впечатление, что в то время как Гюльбенкян добивался или делал вид, что его и представителей мирового финансового капитала интересует активное и крупное участие в создании индустрии в СССР, сталинское руководство вело речь лишь о косвенном содействии. В подтверждение этого приведу следующую выдержку из донесения Биренцвейга Пятакову:

«"Г", развивая дальше свою мысль, говорил, что таким образом построенная им схема имела шансы на успех. Удельный вес каждого из банков и международный характер такого объединения должны были вызвать определенные отношения к нам со стороны правительств отдельных государств. С другой стороны, участие "Г" в этом деле, его отношение к нам могли, по его мнению, служить нам гарантией того, что все элементы "политики" (то есть антисоветского, антикоммунистического настроения в деловых отношениях. — *Е.О.*) будут исключены. Создав такое объединение "Г" имел ввиду крупные операции, и здесь привожу точные слова "Г", если бы речь шла о железнодорожном займе или другой операции такого масштаба, то это удалось бы провести.

Но, говорит "Г", нельзя было начать сразу с таких больших операций и поэтому переговоры о нефти (проталкивание советской нефти на мировой рынок. — *Е.О.*) и предполагаемое соглашение по этому поводу должно было служить предлогом к созданию такого объединения Однако полученное от Вас предложение о нефти его не удовлетворяет. "Г" утверждает, что он Вас понима-

ет, читая между строк Вашего письма слово «займ». Ваш ответ он считает неудовлетворительным, ибо такие маленькие (нефтяные) дела его не интересуют и он сожалеет, что большое дело не движется вперед...

"Г" Вам написал и ждет Вашего ответа. По его мнению, самым лучшим выходом явился бы Ваш приезд сюда с Вашими техническими советниками для окончания всего дела...

"Г" спросил также мое мнение об условиях работы концессионных обществ и сообщил о тех затруднениях, которые он встречает в концессии около Владивостока, в которой он состоит главным акционером».

Дальнейший ход событий показал, что международное объединение банков для крупных инвестиций в советскую промышленность не было создано, однако, Гюльбенкян все же оказал практическую помощь в экспорте советской нефти на мировой рынок. Давая практические советы советскому руководству, он при этом не забывал и о своих интересах. Поступление советской нефти на мировой рынок, чему способствовал Гюльбенкян, обесценивало запасы компаний, с руководством которых Гюльбенкян был не в ладах (например, Royal Dutch Shell).

Заметим, что Биренцвейг вел с Гюльбенкяном деловые переговоры об экономической поддержке СССР на мировом рынке одновременно с заключением сделки о продаже антиквариата. Обе стороны, и советская и французская, не делали тайны из того, что оба вопроса тесно связаны между собой. За помощь в нефтяном деле Гюльбенкян ожидал большей сговорчивости советского руководства в антикварном вопросе. Советская же сторона часто использовала антикварный сюжет как приманку для ведения деловых переговоров об экономической поддержке СССР на мировом рынке. В частности и эту беседу Биренцвейг планировал начать именно с вопроса об антиквариате и лишь затем перейти к обсуждению «нефти».

Где же искать истинную цену «Елены Фурман»?

Письма, написанные Гюльбенкяном Пятакову в период продажи ему шедевров Эрмитажа, свидетельствуют о том, что он пытался ускорить процесс переговоров и сохранить монополию первого покупателя шедевров. Гюльбенкян всячески подчеркивая, что он является чуть ли не единственным, готовым платить столь высокие цены. Представители Антиквариата преследовали свои интересы в переговорах с Гюльбенкяном, что порой вело к расторжению сделки. Предметом споров и постоянных жалоб Гюльбенкяна Пятакову были не только цены. Антиквариат пытался продавать предметы не по одиночке с индивидуальной ценой, а группами, включая что-то «в нагрузку» и назначая общую цену. Гюльбенкян же, естественно, стремился покупать только то, что хотел, угрожая расторгнуть все сделки.

Зимой 1929/30 г. между Гюльбенкяном и Антиквариатом начались переговоры о второй партии продаж, которые закончились заключением сделки в Париже с заместителем председателя Антиквариата Самуэли. В архиве сохранился доклад Самуэли о его поездке за границу. Он посетил Берлин, Париж, Лондон, Вену. Уже первые впечатления заместителя председателя Антиквариата свидетельствовали о том, что к концу 1929 г., в результате биржевого краха в Америке и начала мирового экономического кризиса, положение на антикварном рынке резко ухудшилось — «полнейшее воздержание в покупках и в связи с этим общее понижение цен». Это не предвещало советским продавцам ничего хорошего, но о прекращении художественного экспорта не могло быть и речи — индустриализация продолжалась. Более детальное ознакомление с рынком показало, что «покупки прекратились только в так называемых «средних слоях» и что вещи выше среднего качества могут быть реализуемы в Америке». Самуэли оценивал это известие как утешительное, но для Эрмитажа оно было страшным. Оно означало, что при падении спроса на второстепенный антиквариат, валютный план будет выполняться за счет массовой продажи шедевров, причем за бесценок (общее снижение цен, по оценкам Самуэли, произошло на треть).

В результате переговоров Самуэли с Гюльбенкяном о второй сделке, ему были проданы 13 предметов французского серебра, 2 канделябра и картина Рубенса «Портрет Елены Фурман»¹⁵. Все из Эрмитажа. Стоимость сделки составила 155 тыс. фунтов стерлингов, из них 50 тыс. Гюльбенкян заплатил за «Елену Фурман». Кроме того Гюльбенкяну за 3 тыс. ф.ст. была продана картина Вихе Либрена (название не указано), которая была куплена Антиквариатом у частного лица. Попытка Гюльбенкяна включить в сделку «Юдифь» Джорджоне, за которую он предлагал смехотворную цену в 40 тыс. фунтов стерлингов, была категорически отвергнута.

После завершения сделки Гюльбенкян писал Пятакову: «Наши переговоры были болезненны и я могу сказать Вам, что мои волосы стали значительно более седыми с тех пор как Вы уехали, и что если бы не моя страсть к произведениям искусства (то сделка бы не состоялась. — *Е.О.*), никакие другие финансовые проекты не могли бы измотать меня более, чем этот».

Однако, несмотря на такие тяжелые переживания, Гюльбенкян стремился продолжить переговоры с Антиквариатом. В своем докладе Самуэли писал:

«По окончании сделки он (Гюльбенкян. — *Е.О.*) начал говорить о продаже новых вещей. Я ему заявил, что никаких предложений сделать не могу, но готов выслушать и передать все его конкретные предложения. Из названных им около 25 картин 15 были мною немедленно отвергнуты, как непродаемые нами»¹⁶.

Он просил, кроме того, сделать ему еще предложение на старинные монеты из золота из собрания Эрмитажа, на некоторые

египетские вазы, а также на одну персидскую вазу 14 века, изображенную в книге Макаренко "Художественные сокровища императорского Эрмитажа" на 127 стр.»

После консультации с экспертами Самуэли через Биренцвейга сделал Гюльбенкяну предложение на четыре картины. Интересно вновь заглянуть в его отчет и посмотреть на цены и те негативные характеристики, которые заместитель председателя Антиквариата дает мировым шедеврам, превращая их тем самым в товар, который может быть без сожаления продан:

«Рембрандт — Титус (находится в очень плохом состоянии, немецкий антиквар Заценштейн (Заценштейн. — *Е.О.*) предложил по фотографии за нее 40.000 ф., но после осмотра в Ленинграде оказался совершенно от нее) — по цене 40.000 ф.

Рембрандт — Ян Собесский (совершенно нерыночный товар, максимальная цена, по моему мнению, 40.000 ф.) — по цене 50.000 ф.

Тер-Борх — Стакан лимонада (картина обрезана, максимальная цена от 12 — 15.000 ф.) — по цене 25.000 ф.

Ланкрэ — Купающиеся женщины за 15.000 ф.»

Таким образом, сразу же после заключения второго контракта с Гюльбенкяном начался третий тур переговоров. Он был продолжен затем все тем же Биренцвейгом из советского торгпредства в Париже.

Сам того не зная, Самуэли в своем докладе обозначил имя появившегося нового покупателя шедевров Эрмитажа — Эндрю Меллона. Советское руководство, читая доклад Самуэли о его поездке в Европу, и не подозревало, что продажи государственному казначею США, бизнесмену и миллионеру Эндрю Меллону уже начались. Если бы знали, то назначали бы, наверно, другие, более высокие цены. «Немецкий антиквар Заценштейн» (в другой транскрипции Заценштейн или Цаценштейн), о котором пишет Самуэли и которому предлагались картины «Портрет Титуса» Рембрандта и, видимо, ранее «Портрет Елены Фурман» Рубенса являлся главой антикварной фирмы «Матиссен Геллери» в Берлине. Эта фирма, как показали дальнейшие события, была посредником в продаже шедевров Эрмитажа Эндрю Меллону. В том же докладе Самуэли сообщает о продаже Матиссен Геллери картины Ван Дейка «Лорд Уортон» по цене 20 тыс. фунтов стерлингов и о предложении этой фирмы купить картину Ван Эйка «Благовещение» за 80 тыс. фунтов (отчет Самуэли свидетельствует, что он не понимал, что речь шла о разных художниках, так как называл их одним и тем же именем). Обе картины предназначались для Эндрю Меллона и вскоре оказались в его коллекции.

Тем временем торг по третьей сделке с Гюльбенкяном, начатый еще зимой 1929/30 г. во время поездки Самуэли по Западной Европе, продолжался. Как свидетельствует Биренцвейг, «парижский покупатель» был не очень доволен сделанным предложением и старался уклониться от обсуждения выбранных Самуэли четырех картин, настаивая на обсуждении более интересных для него ва-

риантов. Но Биренцвейг твердо стоял на своем. В результате Гюльбенкян согласился и за первые три картины (без Ланкрэ) предложил Антиквариату 80 тыс. ф.ст., что было меньше цены, 115 тыс., назначенной Самуэли. При этом картины Рембрандта он оценил в 30—35 тысяч ф. ст.

Переговоры продолжались до весны и список шедевров, о которых шел торг менялся. Видимо, чтобы оживить ход переговоров советская сторона согласилась продать Гюльбенкяну статую Гудона «Диана», которую он очень хотел получить. Однако вместе с тем «в нагрузку» был дан Ватто, который Гюльбенкяна не очень интересовал. Биренцвейг так описывает торг:

«...покупатель заявил мне, что он хотел бы от покупки Ватто отказаться, ибо он за это время купил в Берлине картины этого художника по более дешевым ценам. Я с его точкой зрения не согласился и сказал, что мы не можем вести переговоров с музейным ведомством о передаче нам тех или иных картин и потом заявить, что продавать этих картин не можем. Поэтому он должен эту картину взять, а если мы возьмем (видимо, «а если не возьмет». — *Е.О.*), то мы в таком случае не дадим статуи («Диана» Гудона. — *Е.О.*). В конце концов покупатель согласился взять картину Ватто и за все предложил 123 000 фунтов».

Хотя эта цена устраивала советских продавцов, переговоры вновь застопорились, потому что от Гюльбенкяна потребовали 100 тыс. в качестве аванса. Сделка, наконец, завершилась весной. Самуэли полностью приписывал ее «успех» себе и тем тактическим изменениям, которые он провел. Он писал:

«Через два месяца мне удалось продать Рембрандта «Человек с усами» (имеется в виду «Портрет поляка» или так называемый «Портрет Яна Собесского», картина была продана Матиссен Геллери для Меллона. — *Е.О.*) вместо 35 000 ф. за 50 000 ф., заменить эту картину в группе парижского покупателя картиной «Паллада» («Афина Паллада» кисти Рембрандта. — *Е.О.*), вместо Тер-Борга дать менее ценную Питер де Гоог (Питер Хоох. — *Е.О.*) «Завтрак» (по данным биографа Гюльбенкяна ему была продана другая картина — Тер Борх «Урок музыки». — *Е.О.*) и за Гудона вместо 13 000 ф. получить 20 000 фунтов».

Таким образом, в результате третьей сделки коллекция Гюльбенкяна пополнилась статуей «Диана» Гудона и пятью картинами — «Портрет Титуса» и «Афина Паллада» Рембрандта, «Вестник» Ватто, Тер Борх «Урок музыки» (по другим источникам — Питер Хоох «Завтрак») и «Купальщицы» Никола Ланкре. Общая стоимость сделки составила 140 тыс. фунтов стерлингов, из них 120 тыс. приходились на картины. Гюльбенкян позже перепродал все эти картины, кроме «Афины Паллады», Галерее Уилденстайна в Нью-Йорке.

Хотя сделка была оформлена в мае 1930 г., но отправка купленных предметов откладывалась. Агент Гюльбенкяна, приехавший как обычно в Ленинград наблюдать за отправкой, был вынужден ждать несколько недель — Антиквариат просто игнориро-

вал его присутствие. Очевидно, в то время как он ожидал известий в номере отеля, а Гюльбенкян писал обиженные письма Пятакову, представители Антиквариата пытались продать те же картины Матиссен Геллери (фактически Эндрю Меллону) по более высокой цене. Только после того, как стало ясно, что Меллона эти картины не интересуют, отправка в Берлин состоялась. Говорят, что паковка в Ленинграде велась спешно при свете свечей и в отсутствии специалистов.

Судя по всему, переговоры с представителями Антиквариата стоили Калюсту Гюльбенкяну немалой выдержки. Хотя те, кто его лично знал, характеризуют Гюльбенкяна как человека бесконечно-го терпения, его письма к Пятакову полны обид и раздражения. Антиквариат пытался успокоить покупателя. Вот письмо Самуэли, написанное в октябре 1930 г. председателю Госбанка Г.Пятакову:

«М. (видимо, меcье, господин. — *Е.О.*) Гюльбенкиан некоторое время тому назад через тов. Биренцвейга обратился к нам с просьбой продать ему какую-то золотую чернильницу, находящуюся в Петропавловском музее. Одновременно с этим мы купили в Ленинграде одну золоченую чернильницу, находившуюся в Петропавловском музее, за 150 р. Я послал фотографию этой чернильницы в Париж, на которую Гюльбенкиан ответил, что это не та чернильница, но тоже интересует его. Так как стоимость этой чернильницы небольшая, может быть около 1000 р., у меня возникла мысль послать ему чернильницу в подарок от Вашего имени.

Я запросил тов. Биренцвейга как он думает об этом. Он ответил следующее:

«Мне чрезвычайно понравилась Ваша мысль преподнести ее (т.е. чернильницу. — *Е.О.*) в качестве подарка от имени тов. Пятакова. Это несомненно доставит ему большое удовольствие и на некоторое время избавит нас от его постоянных жалоб и нареканий. Постарайтесь добиться согласия и заставьте тов. Пятакова написать ему несколько слов.

Прошу Вас, черкните мне свое мнение. Если Вы согласитесь, то мы пошлем Гюльбенкиану чернильницу. Конечно, франко, без расходов для Вас».

Заканчивая историю продаж Калюсту Гюльбенкяну, следует сказать о его последней, четвертой, сделке с Антиквариатом, которая завершилась осенью 1930 г. Гюльбенкяну был продан «Портрет старика» Рембрандта за 30 тыс. ф. ст.¹⁷. Значение «французского покупателя» к этому времени существенно упало, хотя в истории советского экспорта шедевров он навсегда останется первым покупателем. К концу 1930 г. Гюльбенкян уже не был главным и наиболее значимым покупателем. Пальма первенства перешла к Эндрю Меллону. При посредничестве Матиссен Геллери к лету 1930 г. в его коллекции оказались уже многие шедевры Эрмитажа.

Документы свидетельствуют, что ответственным за переговоры с Гюльбенкяном и проведение продажи ему названных выше шедевров Эрмитажа являлся заместитель председателя Антиквариата Г.Самуэли. Сам Самуэли описывает сделку с Гюльбенкяном в

таких выражениях: «я предложил», «я заменил», «я продал» и т.д. Он считал, что «покупатель платит неплохие цены». Другого мнения был новый председатель Антиквариата Н.Ильин, который занял этот пост в апреле 1930 г., уже после завершения главных сделок с Гюльбенкяном. В своем письме руководству Наркомвнешторга он резко обвинил Самуэли в разбазаривании шедевров. Склока между Самуэли и Ильиным и спор о том, кто прав, а кто виноват продолжалась все время их пребывания в Антиквариате. Та и другая сторона написали на имя высшего руководства немало едких обвинительных писем. Каждый твердо верил в свою правоту: Самуэли в то, что он выторговал наиболее высокие по тем временам и условиям цены, и продал наименее ценное из шедевров Эрмитажа; Ильин — в то, что продать можно было дороже, не ограничиваясь одним покупателем и используя конкуренцию на мировом антикварном рынке.

Оценивая валютный итог продаж Гюльбенкяну в 1929—1930 г., можно сказать, что СССР за проданные шедевры Эрмитажа получил от него немногим более 380 тыс. фунтов стерлингов (или около 4 млн руб.), что было лишь каплей в планируемой Политбюро реализации на 30 млн руб.

По окончании сделок Гюльбенкян не отказал себе в удовольствии высказать в письме к Пятакову свое истинное мнение по поводу продаж:

«Вы знаете, что я всегда придерживался мнения, что предметы, которые составляли многие годы коллекции Ваших музеев не следует продавать. Они не только составляют национальное достояние, но они также — великий источник культуры и предмет гордости нации. Если продажи совершатся и этот факт станет известен, то престиж Вашего правительства пострадает. Будет сделан вывод, что Россия в самом деле находится в плохом состоянии, коль скоро Вам приходится распродавать предметы, которые в действительности не дадут Вам достаточно больших сумм для улучшения финансового положения государства.

Продавайте что угодно, но только не из музеев. Если продажи затронут национальное достояние это только вызовет серьезные подозрения. Если у Вас нет потребности в получении иностранных кредитов, Вы можете делать что пожелаете, но Вы нуждаетесь в таких кредитах и в тоже самое время делаете все, чтобы навредить себе. Не забывайте, что те, у кого Вы собираетесь просить кредиты есть в то же самое время потенциальные покупатели предметов, которые Вы желаете продавать из Ваших музеев.

Я откровенно говорю, что Вам не следует продавать даже мне и тем более другим. Я говорю это, потому что я не хочу, чтобы Вы думали, будто я пишу это с тем, чтобы Вы продавали только мне одному»¹⁸.

Подобные предостережения, высказанные уже после проведения сделки, звучат довольно странно, особенно в связи с одним обстоятельством. В своих воспоминаниях о встречах с Гюльбенкяном директор Национальной художественной галереи в Вашингто-

не, Джон Уолкер (John Walker), пишет, что, по собственному признанию Гюльбенкяна, предложение купить художественные ценности из Эрмитажа шло изначально от него самого, как ответ на вопрос советских представителей, что он бы хотел получить взамен за содействие в продвижении советской нефти на мировой рынок¹⁹. Думается, что порицание распродажи российского национального художественного достояния, высказанное Гюльбенкяном уже после завершения сделок, хотя и могло быть искренним, скорее всего было вызвано появлением нового покупателя — конкурента, Эндрю Меллона.

Время новых покупателей

В развитии советского художественного экспорта Калюст Гюльбенкян выполнил роковую миссию. Сделки с ним свидетельствовали, что советское руководство действительно было готово продавать шедевры. Конечно, Антиквариат по требованию советского руководства пытался сохранить в тайне продажи Гюльбенкяну. Сам покупатель по договоренности должен был держать язык за зубами. Он, возможно, и старался выполнить это условие, но гордость коллекционера за приобретенные шедевры брала порой верх. Именно от Гюльбенкяна Матиссен Геллери получила информацию о купленных им шедеврах Эрмитажа, следствием чего стали продажи Эндрю Меллону. Утечка информации могла происходить и по линии торгпредства. Так или иначе, но к осени 1930 г., времени завершения сделок с Гюльбенкяном, слухи о продажах, которые циркулировали уже давно, приобрели более определенную форму. Парижское торгпредство тревожно доносило:

«Мы считаем необходимым обратить Ваше внимание на появляющиеся в последнее время в заграничной печати сведения о наших продажах картин.

Если до сих пор все эти сведения носили характер слухов, то прилагаемые при сем три вырезки из газеты «Возрождение» носят уже другой характер. Рассматривая эти заметки, вы сами убедитесь, что они сообщают уже конкретные сведения, причем как видно, сведения получены из достоверного источника. Нас поразило то, что в этих сведениях имеются данные, которые показывают, что информатор газеты знает не только о якобы состоявшихся продажах, но даже о некоторых картинах, которые трактовались для продажи. Мы имеем в виду два названия, картины — это «Купальщицы» Вижье Лебрэна²⁰ и картина Джорджони». Появились в разных концах мира и авантюристы, которые, выдавая себя за уполномоченных советских торгпредств, стали предлагать для покупки шедевры из Эрмитажа «на выбор».

Советское торгпредство в Париже, видимо, по приказу обеспокоенной Москвы продолжало поиск каналов утечки информации. Проведенное расследование позволило директору экспортного отдела торгпредства Биренцвейгу сделать следующее предположение. В своем донесении из Парижа в октябре 1930 г. он писал:

«У нас был разговор с известным Вам покупателем (видимо, Гюльбенкяном. — *Е.О.*), который сообщил нам следующее.

Агенты Дивина (Дювина. — *Е.О.*), которые были в Ленинграде и в Москве, зашли к нему и сообщили, что они осмотрели Эрмитаж и сделали себе выписку всех картин, которых в Эрмитаже не оказалось (по заявлению этих агентов им не удалось проверить состояние скульптуры и др. предметов). На вопросы сотруднику музея, где находятся недостающие картины в Эрмитаже, им было заявлено, что они пересланы в московский музей, при чем даже агенты Дивина заявили нашему покупателю, что во время их пребывания в Ленинграде или за несколько дней до их прибытия была снята картина за № 149 при чем сотрудник музея спросил этих агентов во сколько они оценивают эту картину. Весь список изъятых картин они передали нашему покупателю».

Антикварный мир, видимо, был не на шутку взбудоражен слухами о продаже шедевров Эрмитажа. Антиквары прибегали к различным тактикам, чтобы получить необходимую информацию. Об этом свидетельствует продолжение истории с агентами Дювина:

«Они (агенты. — *Е.О.*) направились тогда в Москву и в Москве посетили все музеи, стараясь найти те картины, причем на вопрос, заданный сотрудникам московских музеев, где находятся эти картины, последние не зная в чем дело сказали, что эти картины находятся в Эрмитаже и никаких картин московские музеи из Эрмитажа не получают».

Советское руководство явно недооценило энергию и предприимчивость антикваров, ограничив инструктаж сотрудниками Эрмитажа. Следовало бы послать любопытных не в Москву, а подальше, сказав, например, что картины отправлены в Магнитогорский или Новосибирский музеи для поднятия культурного уровня рабочих на великих стройках коммунизма. Появление в западной прессе статей о продажах шедевров Биренцвейг напрямую связывал с разыскной активностью агентов Дювина:

«По словам нашего покупателя Дювин поставил себе целью найти следы, куда картины ушли и кто их купил. Поэтому они будут помещать во всей прессе заметки, стараясь вызвать опровержения» (читай, получить подтверждение. — *Е.О.*). Кроме того Биренцвейг сообщал, что Дювин решил в ближайшем будущем опять послать своих людей в СССР, чтобы на месте «различными путями» узнать судьбу пропавших из Эрмитажа картин, и просил не давать агентам Дювина разрешения на въезд. Однако в данном случае пожелания Биренцвейга шли в разрез с планами нового председателя правления Антиквариата Ильина, который искал новых покупателей. Наступало время Эндрю Меллона.

Некоторые итоги

Массовый экспорт художественных ценностей, включая продажу шедевров Эрмитажа, продолжался до середины 1930-х гг. Цены, полученные за шедевры, хотя в условиях депрессии на За-

паде и казались немалыми, сейчас выглядят до смешного низкими. Так, например, диптих Ван Эйка «Распятие» и «Страшный суд», проданный Антиквариатом в мае 1933 г. за 195 тыс. долларов, в 1978 г. был оценен в 2 млн долларов. В настоящее время этот диптих украшает музей «Метрополитен» в Нью-Йорке, как когда-то украшал российский Эрмитаж.

В первой половине 1930-х гг. СССР вывозил антикварные и художественные ценности за рубеж буквально тысячами тонн. Однако валютные результаты этой кампании оказались незначительными, а ущерб, нанесенный российским музеям, и особенно Эрмитажу, огромен. Наиболее болезненной для Эрмитажа стала покупка Меллона — 21 картина из числа лучших в Эрмитаже. Все они в настоящее время входят в основную экспозицию Национальной художественной галереи в Вашингтоне.

По приблизительным оценкам наркома просвещения Бубнова антикварный экспорт выручил порядка 40 млн руб. Если оценить эту сумму в «индустриальном» выражении, то она равна примерной стоимости импортного оборудования для Горьковского автомобильного завода или Магнитки. Примерно за тот же период времени, например, магазины Торгсина, которые продавали продукты и товары советским гражданам в обмен на иностранную валюту, драгоценные металлы и камни, выручили для индустриализации существенно больше — порядка 300 млн руб. Так, золотые царские монеты, бытовое золото, обычные ювелирные изделия сделали для индустриализации больше, чем продажа рембрандтов и французского серебра²¹.

Дальнейшее развитие событий, однако, показало, что не Торгсин, и тем более не Антиквариат решили проблему золотого и валютного резервов, а разработка, силами заключенных ГУЛАГа, золотых месторождений Сибири. Благодаря сибирским рудникам во второй половине 1930-х гг. СССР стал активно продавать золото на мировом рынке. Бесплезность художественного экспорта на фоне роста золотодобычи страны стала очевидной.

Примечания

¹ Данная статья представляет собой сюжет из новой книги Елены Осокиной об экстраординарных источниках финансирования советской индустриализации. Статья написана на материалах центральных Российских архивов: Российского Государственного архива экономики (РГАЭ), Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Используются фонды Центрального Комитета ВКП(б), Политбюро ЦК ВКП(б), Совета Народных Комиссаров СССР, Центрального Исполнительного Комитета СССР, Народного комиссариата внешней торговли СССР, Народного комиссариата финансов СССР, Народного комиссариата просвещения РСФСР, Государственного банка СССР, личные фонды В.М.Молотова и А.И.Микояна. Более детальная информации об архивных источниках будет приведена в книге.

² Значительная часть золотого запаса России (более 240 млн руб.) была растратчена в годы гражданской войны в результате перехода золота «из

рук в руки» — от большевиков к чехам, от чехов к Колчаку, атаману Семенову, а затем обратно к большевикам. Другие статьи расхода, ответственность за которые лежит полностью на большевиках, составили: расчеты с Германией по Брестскому миру (по данным, опубликованным в секретных материалах комиссии СТО — 124,8 млн руб.), выплаты по мирным договорам с прибалтийскими государствами в 1920 г. (22 млн), по мирному договору с Польшей 1921 г. (более 5 млн), закупка хлеба, семян и продовольствия за границей в 1921 г. (77 млн), финансирование работы Коминтерна в 1920 г. (более 2 млн), по смете Внешторга, через который шли заказы различных народных комиссариатов (в 1920 и 1921 гг. около 540 млн) и другие. Подробно о золотой казне России см.: Васильева О.Ю., Кнышевский П.Н. Красные конкистадоры. М., 1994. С. 79—92; Smele J.D. White Gold: The Imperial Russian Gold Reserve in the Anti-Bolshevik East, 1918—? (An Unconcluded Chapter in the History of the Russian Civil War) // *Europe-Asia Studies*. Vol. 46. № 8. 1994. P. 1317—1347.

³ Об этом подробно см.: Yu. Goland. Currency Regulation in the NEP Period // *Europe-Asia Studies*. Vol. 46. № 8. 1994. P. 1251—1296.

⁴ Выражаю благодарность Андреа Грациози за то, что он позволил мне ознакомиться и использовать результаты его исследования о кредитной реформе 1929—1931 г.

⁵ В 1925 г. в СССР, например, была прекращена чеканка серебряного рубля, а в 1928 г. — полтинника. Никелевая монета заменила денежное серебро. О других способах валютной экономии смотри, например: Goland Yu. Currency Regulation in the NEP Period. P. 1277.

⁶ Об этом более подробно см.: Васильева О.Ю., Кнышевский П.Н. Красные конкистадоры. М., 1994.

⁷ Биографии других руководящих работников Антиквариата, Наркомата внешней торговли СССР, Наркомата просвещения РСФСР, советских торговых представителей за рубежом, которые участвовали в организации и проведении экспорта художественных ценностей в годы индустриализации будут приведены в книге.

⁸ *Newsweek*, March 2. 1935. P. 23. Описание этого случая см.: Williams R.C. Russian Art and American Money. P. 147.

⁹ Оппозицию в вопросе массового экспорта художественных ценностей заняло и Экономическое управление ОГПУ. В июле 1928 г. об этом сообщалось в письме заместителя председателя ОГПУ Ягоды.

¹⁰ Germain Seligman. *Merchants of Art, 1880—1960: Eighty Years of Professional Collecting*. New York: Appleton—Century—Crofts, 1960. P. 169—176.

¹¹ Затзенштейн станет одним из посредников в продаже шедевров Эрмитажа Меллону.

¹² До революции особняк Юсуповых на Мойке в Петербурге блистал великолепием. Их художественное собрание включало немало шедевров европейского искусства. В числе прочих ценностей во владении Юсуповых были две известные картины Рембрандта: «Портрет дамы со страусовым веером» и «Портрет господина с перчатками и в высокой шляпе». Эти картины привлекали внимание западных коллекционеров и Юсуповы получали предложения продать их. Так, перед началом Первой мировой войны во дворце Юсуповых побывал бизнесмен из Филадельфии Уайднер (P.A.V. Widener), основатель фамильной коллекции произведений искусства. Он был очарован картинами и предпринял через своего агента попытку купить в 1911 г. двух юсуповских Рембрандтов. Юсуповы в то время были значительно богаче любого американского миллионера. Они ответили отказом и якобы даже указали незадачливому коллекционеру на дверь.

Революция заставила Феликса Юсупова, как и многих других представителей российской аристократии, бежать из страны. Покидая в апреле 1919 г. на пароходе Крым и Россию, Феликс тайно вывез картины Рембрандта. Всего один год, проведенный в эмиграции, существенно подорвал финансовое положение Феликса Юсупова, который несмотря на изменившиеся условия продолжал привычный для него расточительный образ жизни. В 1920 г. он начал переговоры с Дювином о продаже Рембрандтов. Дювин в данном случае выступал агентом Калюста Гюльбенкяна, который хотел пополнить этими шедеврами свою коллекцию европейской живописи. Дювин предлагал Юсупову за Рембрандтов 150 тыс. ф. ст., тот же хотел получить за картины 200 тыс. Переговоры продолжались 6 месяцев, но покупатель и продавец так и не сошлись в цене. Сделка не состоялась.

Между тем финансовое положение Юсупова все ухудшилось и в 1921 г. он начал новые переговоры о продаже картин. На этот раз покупателем был Джозеф Уайднер, сын филладельфийского бизнесмена, получившего от Юсуповых отказ продать картины в 1911 г. Ход переговоров показывает, что Феликс Юсупов не хотел расставаться с картинами и пытался не продать их, а отдать под залог с сохранением возможности выкупа. Уайднер отклонил все предложения Юсупова о займе под залог картин и вел речь только об их продаже. Предметом обсуждения были не только условия продажи, но и цена. Уайднер предлагал 100 тыс. ф. ст. и твердо стоял на своем. Видимо финансовое положение князя Юсупова было неважным — в июле 1921 г. он согласился продать картины Уайднеру за 100 тыс. ф. ст., цену меньшую, чем год назад ему предлагал Дювин. Однако Юсупов еще еще пытался оставить для себя возможность вернуть фамильных Рембрандтов. Договор о продаже содержал следующее условие: за князем сохранялась возможность выкупить картины за ту же сумму плюс 8% годовых в любое время до 1 января 1924 г. «в случае, если существующее ужасное положение в России будет изменено» и Юсупов «будет вновь в состоянии хранить и наслаждаться этими прекрасными произведениями искусства». Видимо, князь серьезно верил в то, что советская власть долго не продержится в России, в то время как американский бизнесмен, заключая сделку, был уверен, что условия в России в ближайшие годы не изменятся. В августе 1921 г. договор о продаже был подписан.

Осенью 1923 г. Феликс Юсупов захотел получить Рембрандтов назад. Старался ли он для себя или нашел более выгодного покупателя трудно сказать. Скорее всего второе, так как деньги для выкупа картин он одолжил у Калюста Гюльбенкяна, которому не удалось получить эти картины в 1921 г. за 150 тыс. ф. ст. По условиям денежного займа между Юсуповым и Гюльбенкяном последний должен был хранить у себя в течение года картины до возвращения занятых Юсуповым денег.

После заключения сделки с Гюльбенкяном Юсупов приехал в Филадельфию к Уайднеру, но получил от него отказ вернуть картины. Дело было передано на рассмотрение в суд. Слушания длились довольно долго, но в 1925 г. Верховный суд Нью-Йорка отклонил иск Юсупова. Принимая такое решение, суд указал, что условия договора о продаже, при котором картины могли бы быть возвращены Юсупову, не было выполнено: ни исторические условия в России, ни финансовое положение Юсупова, который вынужден был занимать деньги у Гюльбенкяна, не изменились. Апелляционный суд в 1927 г. подтвердил ранее принятое решение. Юсупов, однако, был не в накладе. Деньги Гюльбенкяна обеспечили ему существование в Париже и Нью-Йорке. Гюльбенкян не получил их назад. Фактически Юсупов получил за две картины больше, чем просил — более 200 тыс. ф. ст. (100 тыс. от Уайднера и 100 тыс. плюс 8% годовых от Гюльбенкяна для выкупа картин). Уайднер тоже был не в обиде. Он наслаждался

своим приобретением и в конце жизни передал коллекцию Национальной художественной галерее в Вашингтоне. Из участников этой истории пострадал только Гюльбенкян, который не получил ни картин, ни денег.

¹³ Так называемый «список Пятакова» включал картины из Эрмитажа, о которых он, в бытность свою советским торговым представителем, вел переговоры о продаже с Калюстом Гюльбенкяном в Париже.

¹⁴ В примечании к списку Гюльбенкян писал: «Я готов купить все эти картины. Если это невозможно, то две, три или четыре из тех, что отмечены звездочкой, за указанную цену». За «Мадонну Альбу» он предлагал наиболее высокую цену — 50 тыс. ф. ст., Ватто и «Пейзаж с радугой» Рубенса оценивались в его списке по 15 тыс., «Портрет Титуса» — 20 тыс., за остальные картины Гюльбенкян предлагал по 25 тыс. ф. ст.

¹⁵ В письме Г. Самуэли на имя наркома внешней торговли СССР А. П. Розенгольца рассказывает история продажи этой картины. Оценку картины проводила эксперт Берлинского посольства Розенталь. Она оценила картину не очень дорого (80 тыс. марок). Как пишет Самуэли, «высокую цену получили только потому, что покупатель был прямо «влюблен» в эту картину. Зная это, Самуэли и Биренцвейг не торопились продавать картину, пытаясь получить за нее 60 тыс. ф. Однако Хинчук настаивал на немедленной продаже, опасаясь, что Гюльбенкян откажется от своего предложения, что случилось ранее. Картина находилась в постоянной музейной экспозиции и по завершении сделки она перекочевала буквально со стены Эрмитажа в частную коллекцию Калюста Гюльбенкяна. После продажи соответствующая информация и фотография «Елены Фурман» появились в заграничной печати. Эта картина предлагалась также и Матиссен Геллери. В случае успеха этой сделки она могла оказаться в коллекции Меллона, а затем в Национальной художественной галерее в Вашингтоне. Матиссен Геллери предлагала взять эту картину на комиссию по цене 55—60 тыс. фунтов, из которых должна была получить 10%, но без всякой гарантии, что картина будет продана. Советскую сторону эти условия не устроили.

¹⁶ После этого в списке, как писал Самуэли, остались: «Франс Галс — Портрет офицера — предложил необязательно 25.000 ф.; Рембрандт — Паллас — 30—40000 ф. Рембрандт — Титус — 30—32000 ф. Рембрандт — Ян Собесский — 30000 ф. Тер—Борх — Бокал лимонада — 20—25000 ф. Фрагонар — Семья фермера — 15000 ф. Ланкрэ — Весна, Ланкрэ — Лето, Ланкрэ — Камарго, Питер де Хох — Дама и кухарка, Статуя Гудона — Зверь, Статуя Гудона — Диана — 12—15000 ф.

Кроме того ему понравилась картина Ланкрэ — Купающиеся женщины — числящаяся в каталоге Эрмитажа и обмененная нами ранее с Эрмитажем, оцененная в 25000 руб., за которую после того, что он назвал приблизительно цену в 10000 ф., мною была назначена цена 15000 ф.»

¹⁷ Самуэли сообщал по поводу продажи этой картины: «Наркомпрос выделил нам эту картину с оценкой в 300 000 р. и был очень доволен с выроченной ценой». Эта картина была снята со стены Эрмитажа 13 сентября 1930 г.

¹⁸ Perdigao J., Calouste Gulbenkian. Collector. Lisbon: Gulbenkian Museum, 1975. P. 121.

¹⁹ Walker J., Self-Portrait with Donors. Confessions of an Art Collector. Little, Brown and Company. Boston—Toronto, 1974. P. 242.

²⁰ Так в источнике.

²¹ Более подробно о деятельности Торгсина см.: Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927—1941. М.: РОССПЭН, 1998.

Краткая библиография

- Васильева О.Ю., Кнышевский П.Н. Красные конкистадоры. М., 1994.
- Мосякин А. Продажа // Огонек. 1989. № 6, 7, 8.
- Мосякин А. Антикварный экспортный фонд // Наше наследие. 1991. № 2, 3.
- Behrman, S.N. Duveen. Random House. New York, 1952.
- Epstein, E.J. Dossier. The Secret History of Armand Hammer. New York: Random House, 1996.
- Habsburg, Geza von. When Russia Sold Its Past // Art & Auction. March. 1995.
- Hersh B. The Mellon Family: A Fortune in History. New York: William Morrow and Company, Inc., 1978.
- Hoving, Thomas. The Chase, the Capture. New York: Metropolitan Museum of Art, 1975.
- Jones, R.A. Battle for the Masterpieces // Los Angeles Times Magazine. May 22. 1988.
- Perdigao, J. Calouste Gulbenkian. Collector. Lisbon: Gulbenkian Museum, 1975.
- Seligman, Germain. Merchants of Art, 1880—1960. New York: Appleton-Century-Crofts, 1960.
- Walker, John. Self-Portrait with Donors. Boston and Toronto: Little, Brown, 1969.
- Williams, R.C. Russian Art and American Money, 1900—1940. Cambridge, Massachusetts, and London, England: Harvard University Press, 1980.

Роль ГУЛАГа в предвоенных пятилетках

Анализ развития института лишения свободы в России дает основание утверждать, что важнейшим фактором, определяющим формирование государственной пенитенциарной политики, является экономический. Значение этого фактора стало проявляться не сразу. Первоначально, по введению тюремного заключения как наказания (в Судебнике 1550 г.), государство никаким образом не покушалось на труд тюремных «сидельцев». Не происходит этого и в последующие десятилетия.

Положение начало меняться в XVII в. с распространением ссылки в Сибирь и другие «украинные» места, где осужденные обязаны были отбывать трудовую повинность. При этом преследовалась цель колонизации новых земель. К концу столетия в пенитенциарную практику стало входить использование для государственных нужд не только ссыльных, но и заключенных в тюрьмах. С этого времени многие аспекты назначения и исполнения наказаний, предусматривавших лишение свободы, определялись не чисто социально-правовыми целями (устрашение, возмездие, пресечение преступной деятельности), но и экономическими.

В эпоху Петра I этот фактор заявил о себе в полную силу¹. Именно экономические соображения были решающими при определении места отбывания тюремного заключения и ссылки, которая к тому времени уже представляла собой фактически разновидность лишения свободы. Такими местами становились территории, где требовалась рабочая сила для сооружения различных объектов и выполнения прочих работ государственного назначения (порт Рогервик, крепость Трубецкого, города Петербург, Екатеринбург, Оренбург и др.).

Заданная Петровской эпохой экономическая обусловленность исполнения наказания (лишения свободы) сохраняла свое значение вплоть до рубежа 1990-х гг., т.е. включая новейшую историю. Это свидетельствует, по меньшей мере, о весомости данного фактора, а также, в определенной степени, о его объективном характере.

I

К концу XIX — началу XX в. развитие в России капиталистических отношений привело к определенной избыточности рабочей

* Рассказов Леонид Павлович — доктор исторических наук, доктор юридических наук (Кубанский государственный аграрный университет).

силы, в связи с чем государство снизило активность в привлечении осужденных преступников для решения экономических задач. Осужденные преступники (каторжане) в этот период использовались преимущественно в работах по добыче полезных ископаемых, рубке леса, устройстве дорог, в соляном промысле. Значительная часть каторжан привлекалась к труду на Сахалинской каторге². Можно предположить, что если бы не было известных событий 1917 г. и рыночные отношения продолжали углубляться, то, вероятно, с государственной эксплуатацией труда осужденных было бы покончено еще в то время.

Однако произошло обратное, Советское государство активизирует эксплуатацию, причем в необычайно широких масштабах — под стать Петру I. Начиная с 1920-х гг., заключенные в массовом количестве привлекаются к строительству многих крупных народнохозяйственных объектов; акцент вновь смещается на строительное дело, и в этом еще одно сходство с Петровской эпохой. Но на сей раз привлечение заключенных к решению экономических задач осуществлялось на идейной основе, заключающейся в том, что именно труд позволит сбившемуся с пути человеку вернуться к честной жизни в новом социалистическом обществе; данное положение отражено, в частности, в ИТК РСФСР 1924 и 1933 гг. Как подчеркивал П.И.Стучка, один из руководителей Наркомюста, «тюремное законодательство мы переняли из чисто буржуазного права, но мы все-таки сразу поставили вопрос иначе и сделали ударение на трудовых началах»³.

Указанная мысль (разумеется, без «социалистической» направленности), как известно, содержалась в уголовно-исполнительных актах периода империи. Но дело в том, что привлечение заключенных к труду в Советском государстве фактически диктовалось иными целями, и прежде всего возможностью использования дешевой рабочей силы для восстановления и укрепления социалистической экономики⁴. Особенно широко принудительные работы стали применяться с 1930-х гг., когда управление всеми местами лишения свободы было передано в ведение НКВД, и в деятельности ИТУ начался отход от принципа законности.

Между тем в советском исправительно-трудовом законодательстве труд заключенных формально, т.е. юридически, был отрегулирован на основе достаточно прогрессивных пенитенциарных принципов.

Так, уже в 1918 г. было издано Постановление НКЮ РСФСР «О тюремных рабочих командах». В этом документе указывалось, что из числа трудоспособных лиц, содержащихся в тюрьмах, образуются команды для производства работ, не превышающих по тяжести работы чернорабочего. Здесь же закреплялся принцип оплаты труда осужденных в соответствии с оплатой труда вольнонаемных, а также устанавливался порядок распределения и выплаты заработанных денег⁵ (эти положения, однако, так и не были реализованы).

Согласно ИТК РСФСР 1924 г., составной частью исправительного процесса являлось привлечение осужденных к труду, который по-прежнему был обязателен и имел «воспитательно-исправительное значение, ставя своей целью приучить их к труду и, обучив какой-либо профессии, дать им тем самым возможность по выходе из места заключения жить трудовой жизнью» (ст. 51). Здесь наблюдается преемственность с соответствующими нормами дореволюционных уголовно-исполнительных правовых актов. Условия труда заключенных с точки зрения охраны труда, продолжительности рабочего времени и отдыха должны были соответствовать общему трудовому законодательству (ст. 57 ИТК). Эти принципы в основном также сохраняют свою силу в последующем исправительно-трудовом законодательстве.

В ИТК РСФСР 1933 г.⁶ следует выделить положение о том, что «в местах лишения свободы организуются предприятия **индустриального** (выделено мной. — Л.Р.) типа, причем оборудование их, сырье и транспортные средства предоставляются в общем централизованном порядке». Обосновывалось это тем, что организация труда лишенных свободы «должна содействовать сохранению и повышению их квалификации и получению квалификации не имеющими ее» (ст. 70). Определенный период это законодательное предписание в силу разных причин не выполнялось, однако с 1960-х гг. промышленное производство в ИТУ стало бурно развиваться, и в большинстве колоний появились так называемые собственные производства (предприятия), которые сделали ИТУ нашей страны уникальными в мировой пенитенциарной практике.

Заслуживает также внимания положение кодекса о том, что «труд, политико-воспитательная работа, режим и система льгот во всех исправительно-трудовых учреждениях строятся исходя из основных задач исправительно-трудовой политики пролетарского государства и не могут сопровождаться ни причинением физических страданий, ни унижением человеческого достоинства» (ст. 7). В этом смысле ИТК РСФСР 1933 г. воспринял соответствующие правовые нормы последних лет Российской империи, Временного правительства, а также положения первых уголовно-правовых и уголовно-исполнительных актов Советского государства.

В то же время кодекс свел к минимуму разновидности мест отбывания наказания в виде лишения свободы, ограничившись, согласно ст. 28, исправительно-трудовыми колониями (фабрично-заводскими, сельскохозяйственными, массовых работ и штрафными), а также учреждениями для отбывания лишения свободы несовершеннолетними (фабрично-заводские училища (ФЗУ) индустриального и сельскохозяйственного типа). Это также важный этап развития пенитенциарных учреждений в нашей стране.

В конце 1920-х гг. делались попытки использовать заключенных на предприятиях при местах заключения. Этот вопрос обсуждался, в частности, на I Всесоюзном совещании пенитенциарных деятелей в октябре 1928 г. В качестве положительного примера отмечался тот факт, что ежедневно на производстве было занято

50 тыс. заключенных. Вместе с тем в порядке критики указывалось, что наряду с крупными фабрично-заводскими предприятиями имелись очень мелкие ремесленные мастерские, а также места лишения свободы, где вообще не было никакой производственной базы. В резолюции совещания ставилась задача занять всех осужденных трудом на собственном производстве и внутрихозяйственных работах и иметь в виду самокупаемость исправительно-трудовых учреждений. В 1929 г. появился опыт массового использования заключенных на лесозаготовительных работах⁷.

Однако данное направление — расширение собственной производственной базы — в тот период развития не получило (это произойдет значительно позже, в 1960—1970-е гг.).

Верх взяли иные потребности советской экономики. Для реализации широко провозглашенных планов индустриализации требовалось огромное число рабочей силы. Именно поэтому руководство страны обратилось к использованию дешевого труда лиц, содержащихся в исправительно-трудовых лагерях и колониях.

Вспомним, что еще в годы Гражданской войны были организованы концентрационные лагеря и лагеря принудительных работ, предназначенные прежде всего для содержания «классово-чуждых элементов». Эти «элементы» уже тогда частично использовались для выполнения неотложных хозяйственных работ, необходимых государству.

С введением нэпа, в 1922 г. места заключения были объединены в единую систему с подчинением Главному управлению местами заключения (ГУМЗ) при НКВД РСФСР. Отпала необходимость в лагерях принудительных работ, в связи с чем они были упразднены⁸. Но для «классово-чуждых» элементов оставили несколько специальных лагерей, находившихся в ведении ВЧК. При этом в циркуляре ГУМЗ НКВД РСФСР от 31 января 1923 г. отмечалось, что «рационально поставленный труд заключенных должен быть максимально использован»⁹.

Ф.Э.Дзержинский, бывший тогда наркомом внутренних дел, считал, что «республика не может быть жалостлива к преступникам и не может тратить на них больших средств — они должны покрывать своим трудом расходы на них, ими должны заселяться пустынные, бездорожные местности — на Печоре, в Обдорске и пр.»¹⁰

Однако существовавшая в период нэпа безработица не позволяла полностью реализовать дешевую рабочую силу заключенных. В 1926 г. трудом было занято лишь 39% всех заключенных, или 55% из тех, которые могли быть привлечены к работам по состоянию здоровья¹¹.

В связи с указанным обстоятельством осужденных все чаще стали использовать для выполнения тяжелых работ в отдаленных, малообжитых местностях. Речь в данном случае идет прежде всего о лесозаготовительных работах. Впервые вопрос о направлении заключенных на лесоразработки был поставлен промышленным бюро президиума ВСНХ Урала в августе 1923 г. Принципиальная возможность положительного решения этого вопроса была

достигнута в личной беседе Дзержинского с председателем Урал-промбюро. Однако в то время эта идея не была реализована ввиду освобождения значительного количества лиц из мест заключения¹².

В декабре 1926 г. ВСНХ РСФСР и ГУМЗ НКВД рекомендовали региональным совнархозам, трестам и инспекциям мест заключения использовать на лесозаготовительных работах максимальное количество заключенных, не занятых в трудовых процессах. Несмотря на старания ГУМЗ НКВД РСФСР, к 1928 г. удалось занять трудом только 39,1% заключенных¹³. По другим данным, до 1929 г. по РСФСР было охвачено трудом лишь от 34 до 41% заключенных¹⁴.

С переходом к индустриализации ситуация с использованием труда заключенных качественно меняется. В 1928 г. заместитель наркома Рабоче-Крестьянской Инспекции (РКИ) РСФСР Н.М.Янсон в письме к И.В.Сталину предложил использовать труд осужденных преступников для освоения отдаленных местностей (тем самым повторялась политика Московского государства и Российской империи). Большое место в письме отводилось обоснованию использования заключенных на земляных работах, стройках, заготовке леса. Предлагалось развернуть лагеря (в тексте письма они обозначены как «экспериментальная емкость») с общим числом наполнения до 1 млн человек. Идея «экспериментальных емкостей», видимо, понравилась Сталину: инициатор идеи был назначен наркомом юстиции РСФСР. Под его председательством была образована комиссия, выработавшая предложения по использованию труда заключенных¹⁵. 27 июня 1928 г. Политбюро рассмотрело этот вопрос и одобрило идею «экспериментальных емкостей».

В дальнейшем Политбюро неоднократно возвращалось к вопросу о трудоустройстве заключенных. Так, 10 декабря 1929 г. был обсужден вопрос «Об использовании заключенных на Сахалине». Комиссии Н.М.Янсона было поручено выработать соответствующее решение¹⁶. В дальнейшем тезис о необходимости обязательного трудоустройства заключенных на сооружении различных объектов и других работах, необходимых экономике страны, будет периодически повторяться на самых разных государственных уровнях. Например, в 1931 г. на VI съезде Советов СССР В.М.Молотов — глава правительства — говорил так: «Мы делали это (использовали труд заключенных. — Л.Р.) раньше, делаем теперь и будем делать впредь. Это выгодно для общества. Это полезно для преступников»¹⁷.

В апреле 1930 г. был принят 5-летний план развития лесной промышленности европейского Севера РСФСР (экспорт леса давал валюту, необходимую для реализации грандиозных планов индустриализации). Правительство поставило перед НКВД, ВСНХ, Народным комиссариатом труда и оргкомитетом Северного края задачу — привлечь заключенных для обеспечения высоких темпов заготовки древесины¹⁸.

В уголовное и исправительно-трудовое законодательство вносятся изменения, направленные на более эффективное использование осужденных. Так, в мае 1928 г. ВЦИК и СНК РСФСР ввели новую норму в действовавший ИТК РСФСР, согласно которой принудительные работы должны были отбываться на предприятиях, стройках, лесоразработках, как правило, бесплатно¹⁹. А в ноябре 1929 г. появилось новое положение в уголовном законодательстве: приговоренные к лишению свободы на срок свыше трех лет должны были отбывать наказание не в общих местах заключения, а в исправительно-трудовых лагерях ОГПУ²⁰.

Содержащиеся в лагерях заключенные использовались для выполнения задач по реализации грандиозных планов первых пятилеток: сооружали заводы, добывали нефть и уголь, строили дороги... Большое количество заключенных занималось лесоповалом. Так, экспорт деловой древесины увеличился с 1 млн кубометров в 1928 г. до 6 млн кубометров ежегодно в первой половине 1930-х гг.²¹ Использовались заключенные и на строительстве крупнейших народнохозяйственных объектов. Первой великой стройкой заключенных стал Беломорканал. Для его постройки при Совете Труда и Оборона был учрежден так называемый Особый комитет по сооружению Балтийско-Беломорского водного пути. 3 июня 1930 г. было решено «при определении стоимости работ... учесть возможности привлечения уголовного труда к этим работам»²². В связи с этим «при проектировании стройки было уделено большое внимание удешевлению всех сооружений и доведению до минимума расхода дефицитных привозимых материалов»²³.

По указанию И.В.Сталина канал длиной в 227 км должен был быть построен за двадцать месяцев — с сентября 1931 г. по апрель 1933 г. (для сравнения: Панамский канал длиной 80 км строился 28 лет, Суэцкий канал длиной 160 км — 10 лет). Нужно также учесть, что на сооружение Беломорканала не было выделено валюты, ОГПУ должно было обеспечить строительство канала без лишних материальных издержек²⁴. Люди в счет не шли. Эшелоны заключенных непрерывно поступали на «великую стройку».

Руководить сооружением канала поручили верным сталинцам. Начальником строительства был назначен Л.И.Коган. Курировали стройку Г.Г.Ягода и начальник ГУЛАГа М.Д.Берман. На Беломорканале в полной мере проявились незаурядные организаторские способности одного из известных деятелей ГУЛАГа Н.А.Френкеля.

В апреле 1932 г. заместитель председателя ОГПУ Г.Г.Ягода и заместитель прокурора Верховного суда СССР Катаньян утвердили «Положение об особых правах начальника ГУЛАГа тов. Когана Л.И. и помощника начальника ГУЛАГа тов. Рапопорта Я.Д. на строительстве Беломоро-Балтийского водного пути, выполняемого силами заключенных». В соответствии с Положением им предоставлялось право в административном порядке единолично увеличивать срок заключения в лагерях лицам, нарушающим установленный порядок и дисциплину. Перечень включал 15 конкретных нарушений. Вместе с тем допускалось применение такой меры и

за иные проступки. Важно подчеркнуть, что решение об увеличении срока заключения обжалованию не подлежало²⁵.

История сооружения Беломоро-Балтийского канала — это история страданий огромного количества советских людей. К 1 мая 1932 г. на строительстве канала было занято 100 тыс. рабочих, из которых 60 тыс. размещалось в бараках. Остальные жили в палатках и иных постройках временного типа²⁶. Без современной техники, без достаточного материального обеспечения руководство стройкой добилось «по многим объектам... нормы выработки, превышающие единые всесоюзные нормы»²⁷.

В мае 1933 г. Г.Г.Ягода докладывал И.В.Сталину о готовности Беломорканала. В июле этого же года И.В.Сталин, К.Е.Ворошилов и С.М.Киров совершают прогулку на катере по новому рукотворному водному пути. А в августе на Беломорканал направляется десант из 120 писателей и журналистов для ознакомления с чудом социалистической экономики. Они беседуют с заключенными, которые, конечно же, хвалят партию и великого вождя за предоставленную им возможность искупить свою вину ударным трудом на великой стройке, с руководителями сооружения объекта, совершают прогулки по каналу.

В результате этой поездки 36 писателей (среди них М.Горький, В.П.Катаев, В.В.Иванов, В.М.Инбер, А.Н.Толстой, М.М.Зощенко и др.) выпускают книгу о героическом труде создателей Беломорканала и посвящают ее XVII съезду ВКП(б)²⁸. Писатели поведали читателям советской страны о необычайно высоких темпах роста социалистической экономики, об ударном труде производственников на сооружении канала, об ущербности европейско-американского капитализма, о героических усилиях чекистов по организации работ и по «перековке» заключенных. Ничего не говорится только о жестокости порядков, о голоде, о холоде, о гибели тысяч людей, унижении их человеческого достоинства.

В связи с окончанием строительства Беломоро-Балтийского водного пути ЦИК СССР постановил досрочно и без всяких ограничений освободить значительное число заключенных, «особо проявивших себя ударниками, имеющих особые заслуги по указанному строительству». Вместе с тем в п. 2 постановления ЦИК говорилось о том, что для лиц, осужденных за шпионаж, вредительство, терроризм, политический бандитизм, членство в антисоветских политпартиях, а также руководителей церковно-сектантских организаций, провокаторов и бывших чинов охраны и контрразведки, руководителей контрреволюционных организаций устанавливается особый порядок освобождения (требовалось ходатайство начальника Главного управления лагерями ГПУ и начальника строительства Беломорканала). ОГПУ, в свою очередь, направило всем своим полномочным представительствам и начальникам краевых, областных управлений рабоче-крестьянской милиции циркуляр, в котором предписывалось не допускать в отношении этой категории лиц и членов их семей «никаких ограничений... в их правовом отношении только за прошлую судимость»²⁹.

Во время строительства канала администрация использовала различные методы повышения эффективности выполняемых работ: соревнование между бригадами, трудколлективами, шлюзами. Объявлялись всеобщие дни рекордов. Этому способствовала и изощренная пропагандистская кампания по восхвалению государственной пенитенциарной политики, что характерно для 1920 — начала 1930-х гг.

Типичнейшим пропагандистским роликом был и художественный фильм «Заключенные» о быстром и чудодейственном превращении преступников в передовых строителей нового общества. По воспоминаниям одного из заключенных, на строительстве Беломорканала нередко выступали досрочно освобожденные «передовики», которые «по бумажке» читали заявления, подобные следующему: «Я всю жизнь воровал, из тюрем не вылезал, и вот спасибо Советской власти, спасибо товарищу Сталину, которые научили меня честно трудиться и стать полезным человеком. Я решил остаться в родной бригаде еще на месяц, чтобы доказать всем гадам, врагам народа, что никакие их вредительства не мешают нам, рабочему классу, успешно выполнить план и закончить великую стройку коммунизма — наш родной Беломорканал! Я призываю всех не терять бдительности и разоблачать вредителей, которые и здесь притаились и хотели сорвать наши планы. Да здравствует товарищ Сталин! Да здравствует наш начальник стройки, товарищ Рапопорт!»³⁰ Учетом при этом, что всеобщий трудовой энтузиазм, охвативший значительную часть населения нашей страны, очевидно, в определенной мере имел место и среди заключенных.

Накопленный опыт использования заключенных на сооружении народнохозяйственных объектов был учтен при разработке и принятии ИТК РСФСР 1933 г. В частности, Исправительно-трудовой кодекс устанавливал, что труд заключенного должен строиться на началах приближения его к труду добровольному на основе соцсоревнования и ударничества; труд лишенных свободы должен служить приобщению их к участию в социалистическом строительстве.

Кодекс определил и основной контингент заключенных, работающих на «ударных стройках социализма» в отдаленных районах страны: «В колонии для массовых работ, находящихся в отдаленных местностях, направляются лишенные свободы из среды классово-враждебных элементов, а также те трудящиеся, которые по характеру совершенного преступления являются наиболее классово-опасными, вынуждающими применение к ним более сурового режима»³¹.

Таким образом, начало второй пятилетки в пенитенциарной сфере было ознаменовано принятием нового Исправительно-трудового кодекса, в котором был учтен опыт ОГПУ по использованию труда заключенных. Кроме того, как было отмечено, произошла реорганизация исправительно-трудовой системы — в июле 1934 г. все исправительно-трудовые учреждения ОГПУ и НКЮ со-

озных республик были переданы общесоюзному НКВД, который этот опыт развил и закрепил во второй и последующих пятилетках (для руководства принятыми ИТУ в ГУЛАГе был образован Отдел мест заключения).

Как известно, во второй пятилетке ставились задачи ликвидации эксплуататорских капиталистических элементов, уничтожения причин, порождающих эксплуатацию, искоренения пережитков капитализма в сознании людей. Большевики стремились рывком приблизиться к бесклассовому обществу. Но «отмирание государства, — учил И.В.Сталин на январском (1933 г.) Пленуме ЦК и ЦКК РКП(б), — придет не через ослабление государственной власти, а через ее максимальное усиление, необходимое для того, чтобы добить остатки умирающих классов»³². Данные установки активно претворялись на практике, что выражалось в увеличении и укрупнении управлений исправительно-трудовых лагерей.

К концу первой пятилетки начало функционировать одно из известных подразделений ОГПУ—НКВД — трест «Дальстрой». Для обеспечения руководства его деятельностью был создан специальный Отдел ОГПУ по Дальстрою, переименованный в 1934 г. в Отдел НКВД по Дальстрою³³. На Колыме силами заключенных создавались золотодобывающие предприятия. Спустя некоторое время Дальстрой занял первое место среди золотопромышленных районов СССР. Территория, на которой действовали подразделения Дальстроя, только за первые шесть лет его существования увеличилась с 400 тыс. до 1 млн кв. км.³⁴

С развитием ГУЛАГа хозяйственные наркоматы начинают переключать возведение и эксплуатацию наиболее сложных и отдаленных объектов на ОГПУ—НКВД.

Так, в апреле 1932 г. СНК СССР поручает Наркомату путей сообщения (НКПС) построить к концу 1935 г. Байкало-Амурскую магистраль (БАМ). К середине 1932 г., когда нереальность поставленной задачи стала очевидной, начала обсуждаться идея свертывания строительства. Но в октябре этого же года был найден иной выход из положения — передача строительства БАМа из подчинения НКПС в ведение НКВД³⁵.

В соответствии с приказом ОГПУ от 10 ноября 1932 г. началось формирование Байкало-Амурского исправительно-трудового лагеря. Были созданы Бушуйский, Зейский, Норский, Ушумунский, Усть-Ниманский и другие лагпункты. Численность заключенных в этом огромном подразделении ГУЛАГа стремительно росла: в январе 1933 г. насчитывалось несколько тысяч человек, в декабре 1933 г. — 62 тыс., в 1934 г. — 117 тыс., во второй половине 1935 г. — уже более 190 тыс.³⁶

Эшелоны с заключенными со всех концов страны направлялись на БАМЛАГ. Среди прибывших более половины были разуты и раздеты; многие приезжали с признаками истощения и малокровия. Но и на месте, т.е. на БАМЛАГе, их ждала не лучшая участь. Об этом свидетельствуют, например, сохранившиеся заметки начальника управления НКВД СССР по Дальневосточному краю

Т.Д.Дерибаса, который в августе 1934 г. побывал на строительстве железной дороги. Он, в частности, писал: «Первое, что бросается в глаза, — это совершенно нечеловеческие условия труда». Корчевку мелкого кустарника, пней люди вели «голыми руками и босыми ногами, и без рубашек, в одних трусах, без единой рукавицы»³⁷.

Естественно, в таких условиях люди гибли в массовом порядке. Но огромные потери не смущали руководителей ГУЛАГа. Необходимое количество заключенных без задержек продолжало поступать на строительство железнодорожного пути. Так, только в течение трех месяцев (конец 1937 — начало 1938 гг.) БАМЛАГ принял около 120 тыс. заключенных³⁸. НКВД вел работу и по заселению и созданию сельскохозяйственной базы в районах Байкало-Амурской магистрали. В третьей пятилетке по принятым планам предстояло расселить 83 800 сельских семей³⁹.

Условия работы заключенных, как отмечалось, были очень суровыми. На этом фоне в значительной мере лицемерным выглядело стремление стимулировать труд осужденных посредством идеологических лозунгов. Так, в «Строителе БАМа» (орган культурно-воспитательной части и штаба 5-го отделения БАМЛАГа) № 18 от 19 марта 1934 г. был опубликован призыв к заключенным бороться за звание значкиста «Лучшему ударнику Байкало-Амурской магистрали», идти «в бой за переходящее красное знамя». О значении подобной идеологической работы свидетельствует то обстоятельство, что положение о нагрудном знаке было утверждено Президиумом ЦИК СССР⁴⁰.

В Приказе № 6 по строительству БАМЛАГа ОГПУ от 19 марта 1934 г. следующим образом описывались условия получения этого нагрудного значка:

«Президиумом ЦИК СССР утверждено положение о нагрудном значке "Лучшему ударнику Байкало-Амурской магистрали".

1. Данный нагрудный значок выдается за ударную самоотверженную работу по строительству Байкало-Амурской железной дороги.

2. Правом на получение этого значка пользуются заключенные Байкало-Амурских исправительных лагерей ОГПУ, проявивших высокую производительность труда, давшие образцовое качество, примеры дисциплинированности и участвующие в общественной работе».

В упомянутом выше «Строителе БАМа» указывалось, что «только путем честного и энергичного отношения к работе, примерным дисциплинированным поведением можно заслужить почетное звание значкиста. Новые прибывающие к нам путармейцы (на строительстве водных каналов заключенных называли, как известно, каналаармейцами; вполне вероятно версия о том, что сочетание слов «заключенный каналаармеец» и привело к сокращенному "ЗЭКА", а затем — "ЗЭК", "ЗЕК". — Л.Р.), запомните, что путь к получению этого значка — это путь трудового исправления. Самоотверженный ударник, примерный лагерник, хороший обще-

стенник, — вот кто достоин этого значка. Путем широко развернутого трудсоревнования и ударничества, путем перевыполнения производственных планов бороться за высокое звание значкиста — задача каждого ударника путармейца. Лучшая слава, лучший почет, — тому, кто заслужит этот значок!»⁴¹

Нужно признать, что организация трудсоревнования формально была поставлена на высоком уровне. В частности, регулярно печатались сводки с «фронта скальных работ» и с других производственных «фронтов», указывались бригады и отдельные путармейцы, заносимые на «красную доску». Была и «черная» доска, куда заносились нарушители; например, в том же номере «Строителя БАМа» сообщалось, что «заносятся на черную доску воспитатели Ткаченко и Куприянов, лишенные значка ударника за пьянство, картежную игру и разложение работы ф-ги (фаланги — производственного подразделения. — Л.Р.) № 10».

Культурно-воспитательная работа среди заключенных на строительстве БАМа также отличалась достаточно высокой активностью. Так, только за 1933—1934 гг. театр БАМЛАГа поставил 226 спектаклей, дал 195 концертов и более 60 представлений кукольного театра. В частности, ставилась комедия В.В.Шкваркина «Чужой ребенок», «Чудесный сплав» В.М.Киршона, «Слуга двух господ» К.Гальдони, «Моцарт и Сальери» А.С.Пушкина⁴².

Предвоенная история БАМа свидетельствует не только о жестокости ГУЛАГовской системы, но и об ее неэффективности. Сотни тысяч подневольных, истощенных людей так и не смогли перед войной построить Байкало-Амурскую магистраль.

Как и в Петровскую эпоху, места отбывания лишения свободы определялись прежде всего расположением строительных объектов и предприятий, т.е. исходя из экономических соображений. О принципе отбывания наказания в районе места жительства в рассматриваемый период не могло быть и речи. В приказе НКВД СССР от 17 марта 1940 г. подчеркивалось, что задачей исправительно-трудовых лагерей и колоний, наряду с изоляцией преступников, является наиболее эффективное и рациональное использование труда заключенных⁴³.

В официальных правительственных и партийных документах, оценивающих деятельность лагерей и определяющих перспективные направления их развития, заключенный как личность вообще игнорируется. Так, в Постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 8 сентября 1935 г. «О строительстве канала Москва—Волга» отмечалась важность и успешность развернувшихся в течение 1934—1935 гг. работ, объемы которых составили: земляные — 61,7 млн м³, или 45,7% общего объема работ; бетонных и железобетонных — 638 тыс. м³ (22%); построено жилых, коммунальных и других зданий — 4,5 млн м³. Однако о тех, кто выполнял эти работы, не сказано ни слова, что видно из постановляющей части рассматриваемого документа:

«1. Отметить, что согласно заключению технической экспертизы Госплана СССР развернутые на строительстве канала Москва—

Волга строительные работы в целом организованы рационально и продуманно, с применением новейших достижений техники. На строительстве широко применены экскаваторные работы и гидромеханизация.

2. Одобрить разработанный Москва—Волгостроем НКВД СССР схематический проект канала Москва—Волга.

3. Установить общий размер капиталовложений, потребных для сооружения канала Москва—Волга, по представленному схематическому проекту...

4. Обязать Москва—Волгострой НКВД СССР закончить строительство и сдать в эксплуатацию канал Москва—Волга к навигации 1937 г.»⁴⁴

По иным направлениям деятельности Дмитровлага, осуществившего строительство канала, в Постановлении ничего не говорилось. Вместе с тем сам факт выхода такого Постановления лишний раз свидетельствует о роли ГУЛАГа в развитии народного хозяйства нашей страны. Опыт Дмитровлага, одобренный высшими государственно-партийными органами, использовался в дальнейшем на других крупных стройках. Так, руководители Дмитровлага (в частности, его начальник Я.Д.Рапопорт) были переведены на Урал, где в конце 1930-х гг. разворачивалось грандиозное строительство важнейших заводов и других предприятий, составивших костяк индустрии нашего государства. Туда с разных концов страны перебрасывались тысячи заключенных. Только на территории Свердловской области были образованы следующие подразделения ГУЛАГа: Ивдельлаг, Севураллаг, Тагиллаг, Богословлаг, Лобвинлаг, Востураллаг, Тавдинлаг⁴⁵.

Помимо Урала высвобожденные на строительстве канала заключенные использовались во многих других местах. Так, Постановлением СНК от 12 августа 1937 г. было открыто 7 лесозаготовительных лагерей с общим наполнением — 140 тыс. заключенных. В конце этого же года принимается решение о строительстве вторых железнодорожных путей Байкало-Амурской магистрали протяженностью 5 тыс. километров, для чего создается 6 новых лагерей. Громадный объем работы потребовал создания специализированного Управления железнодорожного строительства при ГУЛАГе НКВД СССР.

Заключенные в огромных количествах привлекались на строительстве крупнейших целлюлозно-бумажных комбинатов в Архангельске и Соликамске, а также на многих других объектах⁴⁶. С.И.Кузьмин пишет о том, что отсутствовал действенный контроль за деятельностью ИТЛ со стороны прокуратуры: «Отделы по надзору за ИТУ представляли собой самый отсталый и заброшенный участок прокуратуры, куда назначались самые слабые и безнадёжные прокурорские работники»⁴⁷. Мы можем добавить, что такой подход вполне отвечал наметившейся в конце 1920-х гг. пенитенциарной политике, предусматривающей, в частности, закрытость и неподотчетность общегосударственным органам контроля исправительно-трудовой системы. Периодически появлявшиеся в

недрах НКВД грозные циркуляры о недопустимости злоупотреблений не меняли картины⁴⁸ и были не более чем формально-показными, предназначенными для органов партийного контроля, перед которыми НКВД также формально отчитывался.

Заключенные использовались и на многих других объектах. Так, во второй половине 1930-х гг. началось сооружение крупнейших целлюлозно-бумажных комбинатов — Архангельского и Соликамского. На Ухтопечорский ИТЛ возлагались задачи по строительству шахт, добыче угля, нефти, газа, прокладке железной дороги и т.д. В течение 1937—1939 гг. этот ИТЛ должен был обеспечить добычу 950 тыс. т нефти, 1550 тыс. т угля, проложить 7552 км железнодорожных путей. Сотни тысяч заключенных трудились на сооружении объектов и работали на предприятиях горно-металлургической, золотодобывающей, топливной, химической и других отраслей народного хозяйства. По сути дела по масштабам своей деятельности ГУЛАГ был полиотраслевым народнохозяйственным ведомством. Кроме того, рабочая сила из числа заключенных поставлялась 38 наркоматам⁴⁹.

Так, на строительстве Джезказганского комбината было задействовано около 11 тыс. заключенных, на сооружении Актюбинского металлургического комбината — более 8 тыс., на строительстве предприятий топливной промышленности в Коми АССР: Ухтижемлаг — 22 тыс., Воркутапечорлаг — более 19 тыс. заключенных⁵⁰.

Заключенные были главными поставщиками леса. С 1 июля 1938 г. ГУЛАГу НКВД СССР предоставили право основного лесозаготовителя. В Ленинграде было создано бюро по промышленному освоению лесных массивов с непосредственным подчинением ГУЛАГу⁵¹. В лесных лагерях в 1940 г. было занято 280 465 заключенных⁵².

Нередко складывалась практика, когда отраслевые народные комиссариаты вынуждены были обращаться за помощью к НКВД для решения своих задач. Характерной в этом отношении была ситуация, связанная со строительством Норильского комбината. Геологическая разведка показала, что под Норильском находится самое богатое в СССР никеле-кобальтовое месторождение. Однако его освоение, учитывая расположенность за полярным кругом, представлялось чрезвычайно сложным делом. Наркомат тяжелой промышленности, в ведении которого находилась отрасль, практически отказался от выполнения необходимых работ. Нарком Г.К.Орджоникидзе направил в ЦК ВКП(б) письмо на имя И.В.Сталина, в котором говорилось: «Учитывая особые трудности в проведении изыскательских и исследовательских работ, осуществлении строительства и освоении производства в условиях заполярного круга, а также колоссальный опыт ОГПУ в осуществлении сложнейших строительно-производственных работ в крайне тяжелых условиях, Наркомтяжстрой полагает целесообразным организацию работ и строительство предприятия поручить ОГПУ на базе специального лагеря»⁵³. Так и было сделано.

Процесс создания промышленных ИТЛ сопровождался крупными организационными неувязками, неустройством быта заключенных, слабым обеспечением специалистами, низким уровнем профессиональной подготовки рабочих. В лагерях повсеместно отмечались низкие темпы работ. Вместе с тем отдельные стройки, имевшие первостепенное значение, оснащались современной по тому времени техникой; для подготовки соответствующих специалистов организовывались курсы машинистов, экскаваторщиков, трактористов, железнодорожных мастеров, слесарей и т.д.⁵⁴

Хозяйственные ведомства охотно использовали труд заключенных на своих предприятиях. Исправительно-трудовые колонии существовали на многих объектах, не принадлежавших ОГПУ—НКВД. Так, на строительстве Магнитогорского комбината в середине 1934 г. работало 12 тыс. заключенных. А в 1939 г. НКВД направил на стройки и предприятия других ведомств более 130 тыс. заключенных⁵⁵. Эти люди трудились в самых неблагоприятных условиях, на самых тяжелых работах: в Караганде, Дзезказгане, Канске...

Со второй половины 1930-х гг. происходит замена вольнонаемных рабочих заключенными на строительстве основных дорог. Так, в приказе НКВД СССР № 0012 от 1936 г. указывалось, что в целях максимального удешевления стоимости строительства и капитального ремонта автогужевых работ, осуществляемого местными органами Центрдортранса, возложить строительство их на ГУЛАГ НКВД, организовав для этого колонии, укомплектованные лицами, осужденными до трех лет, подчинив в административном отношении отделу мест заключения⁵⁶.

Занимались заключенные и строительством жилых домов во многих городах нашей страны. Например, в Москве для строительства 11 жилых домов НКВД были организованы специальные лагерные пункты. НКВД разрешалось временно размещать заключенных в зданиях, подлежащих сносу и освобожденных от жильцов. Часть заключенных располагалась в палатках⁵⁷.

Значительное число заключенных привлекалось также для работ в сельском хозяйстве. Показательным в этом отношении являлась деятельность Карлага (Карагандинского лагеря) в 1930—1940-е гг. Карлагу было поручено построить образцовое животноводческое хозяйство в полупустынной местности Казахстана. Уже на начальном этапе лагерь располагал 93 тракторами СТЗ, 435 плугами, 1048 боронами. Было закуплено около 3 тыс. лошадей, пригодных для тяжелых полевых и обозных работ, столько же голов крупного рогатого скота и почти 22 тыс. овец. Все это позволило в 1932 г. посеять полевые культуры на площади около 19 тыс. га, а под огородные культуры занять 1085 га земли⁵⁸.

О масштабах и технологическом уровне животноводческого производства Карлага свидетельствует тот факт, что при управлении было создано научно-исследовательское подразделение. В круг его задач входило изучение природной и экономической обстановки в районе расположения лагеря, организация самого про-

изводства, рационализация сельского хозяйства в целом и по отдельным технологическим отраслям. Исследователями были, разумеется, заключенные. В 1933—1936 гг. Карагандинский ИТЛ под названием совхоза «Гигант» участвовал в выставках достижений народного хозяйства, проводившихся в Москве и Алма-Ате, и занимал вторые-третьи места по результатам своей производственной деятельности. В 1949 г. хозяйство Карлага насчитывало уже 30 тыс. голов крупного рогатого скота, свыше 21 тыс. овец, а общая его территория занимала около 20 тыс. кв. км.⁵⁹

ГУЛАГ и его «министерства» играли заметную роль в экономической жизни страны. Заключенные добывали золото и железную руду, уголь и нефть, заготавливали лес и строили дороги. Огромное их количество было задействовано на сооружении важнейших народнохозяйственных объектов. Государственным планом на 1937 г. предусматривалось освоение НКВД 5% средств, в целом направляемых на капитальное строительство в нашей стране. В 1940 г. доля НКВД СССР в капитальном строительстве составила уже 13%. В следующем году этот показатель увеличивался еще на 1%⁶⁰.

Так, из 80 электростанций, перечисленных в Государственном плане 1941 г., сооружение десяти находилось в ведении НКВД⁶¹. Как видно, НКВД превратилось в крупнейшее строительное ведомство. Равным образом можно говорить о том, что НКВД было также и мощным лесозаготовительным, железнодорожным, автодорожным, угледобывающим, золотодобывающим ведомством. Более того, в 1930-е гг. стали создаваться ГУЛАГовские научно-исследовательские центры. В них под бдительным оком НКВД трудились многие видные ученые и конструкторы страны, которых не миновала участь «неблагонадежных элементов».

Из данных, приведенных в таблице 1, можно составить представление о роли ГУЛАГа в производстве промышленной продукции во второй и третьей пятилетках.

Таблица 1

Роль ГУЛАГа в производстве промышленной продукции во второй и третьей пятилетках, тыс. руб.

Отрасли промышленности	Вторая пятилетка	Третья пятилетка
1. Машиностроение и металлообработка	331891	1143565
2. Химическая промышленность	38472	204353
3. Стройматериалы	48202	75795
4. Лесоразработка и лесосплав	334490	448769
5. Деревообрабатывающая промышленность	332125	1082244
6. Целлюлозно-бумажная промышленность	5797	14665
7. Полиграфическая промышленность	6154	—

Отрасли промышленности	Вторая пятилетка	Третья пятилетка
8. Текстильная промышленность	70154	213125
9. Швейная промышленность	228910	376675
10. Кожеобувная и меховая промышленность	100477	212714
11. Пищевая промышленность	61705	78145
12. Жировая промышленность	50455	88335
13. Прочие промышленные отрасли	125588	323760
Всего	1733440	4078137

Источник: ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 29—31. Л. 4, 8.

По мнению В.М.Кириллова, уже в 1930-х гг. ГУЛАГ превратился в крупнейшую производственную организацию страны. Его деятельность распространялась на 17 отраслей народного хозяйства: тяжелую и металлообрабатывающую, лесную и черно-металлургическую, топливную и рыбную промышленность, сельское хозяйство, капитальное строительство, дорожное и аэродромное строительство, транспорт и т.д.⁶² Бюджет ГУЛАГа исчислялся миллиардами рублей.

Эксплуатация труда заключенных позволяла получать огромные прибыли, обходясь при этом сравнительно небольшими государственными дотациями на содержание исправительно-трудовых лагерей. Например, по плану 1940 г. бюджет ГУЛАГа составлял 7 млрд 864 млн руб., его доходная часть — 7 млрд 375 млн руб.⁶³ Таким образом, государство покрывало его расходную часть в объеме 488 млн руб. В докладной записке, обосновывающей бюджет, говорилось, что ГУЛАГ имеет от государства только такие ассигнования, которые получает любая другая хозяйственная организация. В документе утверждалось также, что если бы не производственная деятельность лагерей, то расходы на содержание заключенных составили бы 3 млрд руб. в год. При этом производственные планы составлялись в соответствии с пятилетними планами развития СССР⁶⁴ (по данным С.И.Кузьмина, это началось с 1931 г.⁶⁵).

Каковы были масштабы применения принудительного труда в предвоенные пятилетки? Сколько человек находилось в местах лишения свободы?

Авторы приводят различные цифры. Причем некоторые из них свои цифровые выкладки обосновывают только свидетельствами заключенных и своими умозаключениями. Так, эмигранты Д.Дамин и Б.Николаевский в работе «Принудительный труд в СССР», вышедшей в Лондоне в 1948 г., считают, что в 1931 г. во всей системе лагерей было около 2 млн заключенных, в 1933—1935 гг. — около 5 млн, а к 1942 г. — от 8 до 16 млн⁶⁶.

Леонард Шапиро в работе «Коммунистическая партия Советского Союза» отмечает, что, по оценкам специалистов, количество заключенных «варьировалось в различные периоды от нескольких до 20 млн чел.»⁶⁷

Некоторые советологи называют цифру заключенных в СССР, исходя из анализа Государственного плана развития народного хозяйства СССР на 1941 г. Текст не подлежавшего оглашению Государственного плана развития народного хозяйства на 1941 г. был захвачен немцами в Смоленске и позднее был напечатан в США. Так, профессор Сваневич дает цифру 7 млн заключенных в 1941 г.⁶⁸

Автор книги «Большой террор» Р.Конквест считает, что по самым осторожным оценкам численность лагерников в довоенный период составляла: в 1930 г. — свыше 600 тыс., в 1931—1932 гг. — около 2 млн, в 1933—1935 гг. — 5 млн, в 1935—1937 гг. — 6 млн⁶⁹. Он дает раскладку заключенных на 1941 г. по видам работ: 400 тыс. занимаются лесоповалом; 1 млн — горно-шахтными работами, 200 тыс. сельским хозяйством, 600 тыс. — сооружением и обслуживанием лагерей, 600 тыс. изготовлением лагерного инвентаря, 3 млн 500 тыс. — строительными работами⁷⁰.

Примерно такую же раскладку дают М.Геллер и А.Некрич. У них, правда, отсутствует 600 тыс. заключенных, изготавливающих лагерный инвентарь. Зато есть дополнительная графа — поставка заключенных по договорам предприятий — 1 млн человек⁷¹.

На основании каких данных сделаны такие выводы? К сожалению, авторы на этот вопрос не ответили. Да и вряд ли смогли бы ответить. Ибо архивные материалы позволяют сделать вывод, что оценки приведенных авторов (и не только их: список авторов как наших, так и зарубежных, пытающихся поразить читателей огромными цифрами, достаточно велик) не точны.

Обратимся к документам. По данным помощника начальника ГУЛАГа Леонюка (он подготовил справку о численности заключенных, содержащихся в лагерях, тюрьмах и колониях НКВД) на 1 февраля 1937 г. насчитывалось заключенных⁷²:

в лагерях (включая находящиеся в пути к лагерям)	— 1127 тыс. чел.;
в тюрьмах	— 545 тыс. чел.;
в колониях	— 340 тыс. чел.;
Итого	— 2012 тыс. чел.;
Из числа следственных числилось:	
за органами УГБ	— 193,4 тыс. чел.;
милиции	— 72 тыс. чел.;
суда и прокуратуры	— 80 тыс. чел.;
Итого	— 347 тыс. чел.

В работах В.Н.Земскова, А.Н.Дугина, А.Н.Малыгина, основанных на архивных материалах, дана численность заключенных ГУЛАГа в предвоенные годы⁷³ (Таблица 2).

Таблица 2

**Количество заключенных в лагерях и колониях ГУЛАГа
(по состоянию на 1 января)**

Годы	В исправит.-труд. лагерях (ИТЛ)	В исправит.-труд. колониях	Всего
1935	725483	240259	965742
1936	839406	457088	1296494
1937	820881	375488	1196369
1938	996367	885203	1881570
1939	1317195	355243	1672438
1940	1344408	315584	1659992
1941	1500524	429265	1929729

Численность заключенных в тюрьмах (на середину января каждого года) составляла: 1939 г. — 350 538 чел.; 1940 г. — 190 266 чел.; 1941 г. — 487 739 чел.

Кроме того, официальная статистика указывает, что в январе 1932 г. в спецпоселениях (трудпоселениях) находилось 1,4 млн высланных кулаков и членов их семей. В 1937 г. в трудпоселениях насчитывалось 917 тыс. чел., в 1939 г. — 939 тыс., в 1941 — 930 тыс.⁷⁴.

Вместе с органами изоляции в систему ГУЛАГа входили так называемые «Бюро исправительных работ» (БИРы), задачей которых являлось обеспечение выполнения судебных решений в отношении лиц, приговоренных к отбыванию на принудительных работах без лишения свободы. В марте 1940 г. на учете БИРов состояло 312,8 тыс. чел. Из них 97,3% отбывали наказание по месту своей основной работы, а 2,7% — в других местах по назначению органов НКВД. К началу Великой Отечественной войны на учете БИРов находилось 1264 тыс. чел.⁷⁵ (Такое резкое увеличение приговоренных к исправительно-трудовым работам без лишения свободы связано с принятием Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г.).

Итак, по официальным данным, взятым исследователями из архивов, в 53 лагерях (включая лагеря железнодорожного строительства) со множеством лагерных отделений, в 425 исправительно-трудовых колониях перед Великой Отечественной войной насчитывалось около 2 млн заключенных. Около 500 тыс. людей находилось в тюрьмах, около 1 млн в спецпоселениях и, наконец, 1 млн 264 тыс., отбывали наказание без лишения свободы на принудительных работах.

Миллионы заключенных, спецпоселенцев, людей, отбывающих принудработы, были брошены на решение планов форсированной индустриализации. Они были нужны и для поддержания состояния страха (без которого административно-командная система не могла нормально функционировать), и для ударного строительства объектов индустриализации, находившихся на севере и востоке страны. Этот «дешевый» метод осуществления индустриализации очень дорого обошелся стране. Сотни и сотни тысяч погибших, миллионы заключенных в ГУЛАГе явились жертвами такого метода.

Однако, следует подчеркнуть, что развитие пенитенциарной системы непосредственно связано с общим социально-экономическим развитием страны. А оно, начиная с конца 1920-х гг., неизменно характеризовалось возвышением роли труда в жизни всего общества. Деятельность человека, трудового коллектива оценивалась прежде всего по «кубам», «тоннам», «метрам» и т.д. Государство в этот период эксплуатировало труд всего работающего населения. На этом фоне эксплуатация труда заключенных выглядела как вполне нормальное явление.

II

В ноябре 1929 г. было принято Постановление ЦИК и СНК СССР, согласно которому вводилось в действие два вида лишения свободы, отличающиеся друг от друга местами отбывания и сроками:

- 1) лишение свободы в исправительно-трудовых лагерях в отдаленных местностях страны на срок от трех до десяти лет;
- 2) лишение свободы в общих местах заключения на срок до трех лет с отбыванием по общему правилу в исправительно-трудовых колониях⁷⁶.

Такое решение было принято потому, что действующее пенитенциарное законодательство в силу своего излишнего «человеколюбия» не позволяло руководству государства проводить более жесткую и суровую политику в отношении «врагов народа».

В принятом 7 апреля 1930 г. СНК СССР Положении об исправительно-трудовых лагерях⁷⁷ указывалось, что эти учреждения «имеют задачей охрану общества от особо социально-опасных правонарушителей путем изоляции их, соединенной с общественно полезным трудом, и приспособление этих нарушителей к условиям трудового общежития» (ст.1). В ИТЛ направлялись только лица, осужденные особым постановлением ОГПУ, в ведении которого и должны были находиться ИТЛ (ст. 2, 3).

В 1929—1930 гг. проходила реорганизация мест лишения свободы. В связи с принятым постановлением ЦИК и СНК СССР «О ликвидации народных комиссариатов внутренних дел союзных и автономных республик» (опубликованным 15 декабря 1930 г.) места заключения, находившиеся в ведении НКВД, организация ссылок с принудительными работами и принудительные работы без содержания под стражей перешли в ведение народных комиссариатов юстиции союзных и автономных республик. При НКЮ РСФСР

было создано Главное управление исправительно-трудовых учреждений. Ему подчинялись краевые, областные управления и управления автономных республик, в ведение которых передавались расположенные на их территории места лишения свободы⁷⁸.

Временное положение о местах лишения свободы ГУИТУ (Главного управления исправительно-трудовых учреждений) НКЮ РСФСР (1931 г.) определило принципы организации системы колоний, в которых находились приговоренные к лишению свободы на срок не свыше трех лет: фабрично-заводские и сельские колонии (за менее опасные преступления); колонии массовых работ (для классово-враждебных элементов); штрафные колонии⁷⁹.

Но с появлением «экономической выгоды» использования заключенных увеличивается количество лагерей, подчиненных ОГПУ, что связано также с изменением структуры заключенных. В связи с усилением борьбы против нэпманов, кулаков и прочих «капиталистических элементов» процент лишенных свободы «классово-чуждых», не превышавший в 1929 г. 3—4%, вырос в 1931 г. до 35%⁸⁰.

ОГПУ до реорганизации мест заключения уже имело опыт использования заключенных для решения хозяйственных задач. Еще в начале 1920-х гг. в Архангельской губернии были организованы Холмогоро-Пертолинские концентрационные лагеря ОГПУ, осенью 1923 г. передислоцированные на Соловецкие острова в Белом море и получившие название СЛОН (Соловецкие лагеря особого назначения).

С первых же дней перед лагерями была поставлена задача создать базу для трудоустройства заключенных. Оставшееся от Соловецкого монастыря хозяйство было почти полностью уничтожено пожаром в начале лета 1923 г. Силами заключенных были заново построены кирпичный, механический и кожевенный заводы, организовано несколько совхозов; велись также лесоразработки и торфоразработки. Определенная часть заключенных привлекалась для лесозаготовительных и дорожных работ на территории Карелии. Указанные работы финансировались государством. А с 1927 г. Соловецкие лагеря перешли на самоокупаемость⁸¹. На 1 октября этого года общее число заключенных Соловецких лагерей (на островах и в лагерных пунктах на материке) составляло 12896 чел., подавляющая часть которых состояла из «социально-вредных и опасных элементов» и осужденных за «шпионаж, контрреволюцию и преступления против порядка управления»⁸².

ОГПУ активно пропагандировало работу своего детища. В издаваемых по его инициативе газете «Новые Соловки» и журнале «СЛОН» писалось о том, как хорошо живут, работают и перевоспитываются заключенные. Об этом же поведал в начале 1930-х гг. документальный фильм о СЛОНе, который демонстрировался по всей стране⁸³.

Опыт СЛОНа использовался ОГПУ при создании других лагерей, первая группа которых появляется в 1929 г. на севере страны в бассейне рек Печора, Воркута, в Ухте. 5 августа 1929 г. было создано управление Северных лагерей особого назначения ОГПУ в г. Сольвычегодске. В это Управление входили: Севитлаг, Котласский, Усть-Вымский, Пинюгинский, Сыктывкарский лагеря с общей численностью заключенных 33 511 человек. Перед этими лагерями ставилась задача: освоить силами заключенных природные богатства Северного края — добычу угля в бассейнах рек Печора и Воркута, нефти в Ухте, разработку лесных массивов... Созданное управление возглавлял А.П.Шайрон⁸⁴.

Число лагерей постоянно росло. В 1930—1932 гг. лагеря появляются в различных районах страны: Беломоро-Балтийский (Белбалтлаг) — начальник Л.И.Коган, Сибирский — начальник Бискон, Казитлаг — начальник Израилев, Карагандинский — начальник Шаверский, Дальжелдорстрой — начальник Мартинелли, Темниковский — начальник Сенкевич, Дмитровский — начальник Филин, Нижегородский, Сызранский, Кунгурский, Свирский, Вишерский.

Для руководства лагерями 24 апреля 1930 г. при ОГПУ создается Управление лагерей (УЛАГ ОГПУ), вскоре преобразованное в Главное управление лагерей (ГУЛАГ) ОГПУ. Первое письменное упоминание об этом органе содержится в приказе ОГПУ от 15 февраля 1931 г. Приказ об образовании ГУЛАГа не обнаружен. В июле 1934 г. все исправительно-трудовые учреждения ОГПУ и НКЮ союзных республик были переданы общесоюзному НКВД. Его управление, ведающее местами заключения, стало называться Главным управлением исправительно-трудовых лагерей и трудовых поселений НКВД СССР. В соответствии с приказом НКВД от 29 октября 1934 г. оно стало именоваться Главным управлением лагерей, трудпоселений и мест заключения. 29 октября 1938 г. и 26 февраля 1941 г. НКВД вносит новые изменения в название Управления, ведающего исправительно-трудовыми учреждениями. Оно соответственно называется Главным управлением исправительно-трудовых лагерей и трудпоселений НКВД СССР и Главным управлением исправительно-трудовых лагерей и колоний НКВД СССР⁸⁵. (В дальнейшем в тексте используется название ГУЛАГ. — Л.Р.).

В связи с увеличением количества осужденных расширяется сеть лагерей. Во второй половине 1930-х гг. ГУЛАГ становится таким огромным, что возникает необходимость в создании новых отделов и отраслевых управлений (как в Наркомтяжпроме, где каждый главк руководил целой отраслью).

Приказом НКВД СССР 4 марта 1936 г. (на основании постановления СНК СССР от 3 марта 1936 г.) было образовано Главное управление шоссейных дорог (ГУШОСДОР) НКВД СССР. На него было возложено строительство, ремонт и эксплуатация дорог общесоюзного, республиканского, краевого и областного значения по особому списку, утвержденному СНК СССР⁸⁶. Начальником ГУШОСДОР НКВД СССР был назначен Г.И.Благовров⁸⁷.

9 октября 1936 г. в составе ГУЛАГа организован Отдел карьерного хозяйства, снабжающий «каменными материалами канал Москва-Волга, Волгострой, сооружение Северного канала, р. Яузы, южной гавани, аэродрома, водной станции "Динамо"... а после 1 января 1937 г. и автомагистрали»⁸⁸.

28 мая 1938 г. в структуре ГУЛАГа появился Целлюлозно-бумажный отдел, ведающий строительством и эксплуатацией предприятий целлюлозно-бумажной отрасли⁸⁹.

Для руководства лесными лесоразработками 9 марта 1939 г. в системе ГУЛАГа организуется Управление лесной промышленностью⁹⁰. 26 февраля 1941 г. оно получает название Управление лагерей лесной промышленности, а 4 марта 1947 г. — Главное управление лагерей лесной промышленности (ГУЛЛП)⁹¹.

Во второй половине 1939 г. в структуру ГУЛАГа входили следующие отделы, ведавшие хозяйственно-экономическими задачами⁹²:

- Управление лесной промышленности;
- Управление ИТК и сельскохозяйственных лагерей;
- 1 отдел железнодорожного строительства;
- 2 отдел железнодорожного строительства;
- Гидротехнический отдел;
- Отдел морского строительства;
- Отдел топливной промышленности;
- Отдел цветной металлургии;
- Целлюлозно-бумажный отдел;
- Отдел технического снабжения;
- Отдел общего снабжения;
- Отдел особого строительства;
- Отдел трудовых колоний.

В систему ГУЛАГа входило и Главное управление шоссейных дорог, в которое, в свою очередь, входили: Технический отдел, Отдел нового строительства, Отдел эксплуатации⁹³. (Перечислены только отделы, занимавшиеся строительством, решением хозяйственно-экономических задач. Всего же в структуре ГУЛАГа и ГУШОСДОР насчитывалось соответственно 35 и 15 различных подразделений)⁹⁴.

Штатная численность только центрального аппарата ГУЛАГа и ГУШОСДОР на 1 января 1940 г. составляла соответственно 2040 и 920 чел. Кроме того, в Московском управлении «Дальстроя» насчитывалось 117 чел., в Московской конторе снабжения ГУЛАГа — 151 чел., в центральной базе ГУЛАГа — 486 чел., в Дальстройснабе — 192 чел.⁹⁵

В предвоенные годы возникают новые подразделения ГУЛАГа, что говорит об увеличении масштабов использования заключенных в решении экономических задач. 19 сентября 1939 г. (в это время Красная армия перешла границу Польши и стала брать в плен поляков) на основании положения о военнопленных было образовано Управление НКВД по военнопленным и интернированным (УПВИ НКВД СССР). Его начальником был назначен

П.К.Сопруненко. Для содержания военнопленных приказом НКВД от 19 сентября 1939 г. было образовано 8 лагерей: Осташковский, Юхновский, Козельский, Путивльский, Козельшанский, Старобельский, Южский, Оранский⁹⁶. Впоследствии количество лагерей возросло.

С первых же дней военнопленные привлекались к работе. Уже в сентябре 1939 г. они строили шоссейную дорогу Киев—Львов⁹⁷. В январе 1941 г. военнопленные перебрасываются на различные народнохозяйственные объекты⁹⁸.

Постановлениями СНК СССР от 14 мая, ЦК ВКП(б) и СНК от 28 мая 1940 г. НКВД было поручено восстановить разрушенные в ходе советско-финской войны целлюлозно-бумажные предприятия и фабрику искусственного волокна, расположенные на Карельском перешейке, отошедшем к СССР от Финляндии. Для руководства работами по срочному восстановлению этих предприятий ГУЛАГ организовал специальное Управление особого строительства на Карельском перешейке с количеством заключенных более 7 тыс. человек⁹⁹.

4 января 1940 г. на базе отдела железнодорожного строительства и Управления железнодорожного строительства на Дальнем Востоке ГУЛАГа было образовано Главное управление железнодорожного строительства (ГУЛЖДС) НКВД СССР. Его начальником был назначен Н.А.Френкель — бывший начальник Управления железнодорожного строительства на Дальнем Востоке, «прославившийся» ранее на Беломоро-Балтийском канале¹⁰⁰.

В августе 1940 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР поручили НКВД выполнить в кратчайшие сроки задание по строительству авиационных заводов в Куйбышевской области. В связи с этим 28 августа 1940 г. появляется приказ НКВД об организации Управления особого строительства (Особстрой) НКВД СССР. Его начальником был назначен (по совместительству) заместитель начальника ГУЛАГа НКВД СССР А.П.Лепилов. В распоряжение Особстроя СССР было решено перебросить в августе и сентябре по 10 тыс. заключенных и в октябре — 5 тыс. заключенных и тем самым обеспечить «полную потребность этого строительства в рабочей силе за счет лагерного контингента ГУЛАГа»¹⁰¹. 13 сентября 1940 г. появилось еще одно отраслевое управление НКВД. На базе Гидротехнического отдела ГУЛАГа было образовано Главное управление гидротехнического строительства (Главгидрострой) НКВД СССР. Его начальником и заместителем начальника ГУЛАГа (по совместительству) был назначен бывший начальник Волгостроя Волголага НКВД СССР Я.Д.Рапопорт¹⁰². 26 февраля 1941 г. «на свет» появились еще три отраслевых управления НКВД: Главное управление лагерей промышленного строительства (Главпромстрой); Главное управление лагерей горнометаллургической промышленности (ГУЛГМП); Управление технического снабжения, строек и лагерей¹⁰³.

В соответствии с решением СНК СССР и ЦК ВКП(б) о возложении на НКВД СССР задания по строительству аэродромов

для военно-воздушных сил Красной армии 27 марта 1941 г. было образовано Главное управление аэродромного строительства (ГУАС) НКВД СССР, начальником которого назначили военного инженера I ранга В.Т.Федорова¹⁰⁴. Аэродромы строило и ГУЛЖДС. Согласно приказу НКВД от 11 апреля 1941 г., «потребность в рабочей силе для строительства аэродромов, порученных ГУЛЖДС, определена в 176500 человек, из них — 143725 контингентов НКВД (заключенных и осужденных к исправработам). На указанное выше количество заключенных и осужденных к исправработам, ГУЛАГом НКВД выданы наряды»¹⁰⁵.

В предвоенные годы процесс образования структурных подразделений ГУЛАГа завершился образованием Управления лагерей по строительству предприятий черной металлургии НКВД СССР. Данное Управление было выделено из Главного управления лагерей промышленного строительства приказом НКВД от 14 мая 1941 г. На организуемое управление было возложено руководство строительством Актюбинского ферросплавного комбината, Череповецкого металлургического завода, Енских горнорудных предприятий, сырьевых баз Амурстали и т.д.¹⁰⁶

Таким образом, в предвоенные годы сложилась сложная ГУЛАГовская структура. Помимо самого ГУЛАГа с его многочисленными подразделениями были созданы отраслевые управления (ГУШОСДОР, УЛЛП, УПВИ, ГУЛЖДС, Особстрой, Главгидрострой, Главпромстрой, ГУЛГМП, Управление технического снабжения, ГУАС, Управление лагерей по строительству предприятий черной металлургии) НКВД СССР. Отраслевые управления были своего рода «министерствами» ГУЛАГа, которые подчинялись напрямую руководству НКВД СССР. За ГУЛАГом сохранялись управленческие функции в отношении исправительно-трудовых лагерей и колоний всех управлений¹⁰⁷.

Следует отметить, что порядок и условия отбывания наказания в исправительно-трудовых лагерях в исследуемый период ужесточались. Так, Положение об исправительно-трудовых лагерях, принятое СНК СССР 7 апреля 1930 г, содержало целый ряд достаточно гуманных предписаний: для заключенных, находившихся на облегченном и льготном режимах, допускались работы в учреждениях, предприятиях и на промыслах, проживание в общежитиях, прикрепленных к предприятиям, имелось право для «льготников» выходить за пределы лагеря¹⁰⁸. Но и в самом Положении, а главным образом в ведомственных документах содержались оговорки, которые ограничивали осужденных (прежде всего «врагов народа») во многих правах¹⁰⁹.

В самом конце 1930-х гг. после очередной реорганизации НКВД СССР порядок и условия отбывания наказания в лагерях и колониях определялись не ИТК РСФСР 1933 г., а ведомственными нормативными актами. В этой сфере из наиболее заметных можно выделить Временную инструкцию о режиме содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях 1939 г. и такую же инструкцию применительно к исправительно-трудовым колониям,

принятую годом позже (помимо этого, были приняты такие нормативные акты, как Временная инструкция о режиме содержания заключенных в штрафных изоляторах ИТЛ и ИТК НКВД СССР 1939 г., Положение о тюрьмах НКВД СССР 1940 г. и др.).

В рамках настоящей работы представляется целесообразным рассмотреть одну из них — Временную инструкцию 1939 г., поскольку в исследуемый период наказания в виде лишения свободы приводилось в исполнение прежде всего в исправительно-трудовых лагерях (см. Приложение). Кроме того, необходимо учитывать, что вышеуказанные инструкции во многом были схожими.

Инструкция содержала следующие разделы:

1. Общие положения.
2. Обязанности и права заключенных.
3. Порядок передвижения заключенных.
4. Свидания.
5. Передачи (посылки).
6. Переписка.
7. О порядке допуска заключенных на административно-технические должности.
8. Меры поощрения и взыскания.
9. Штрафной режим.
10. Порядок содержания следственных заключенных.
11. Порядок передачи и направления жалоб и заявлений заключенных.
12. О порядке извещения о смерти заключенных и выдаче вещей умерших родственникам.

Всего в Инструкции было 152 статьи. Такой солидный объем свидетельствует о достаточно подробном регулировании порядка и условий содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях. По структуре данный документ сходен с Инструкцией смотрителю губернского тюремного замка 1831 г., а также Общей тюремной инструкцией 1915 г. Часть норм сходна и по содержанию, что и не удивительно, поскольку во всех случаях речь идет об изоляции общественно опасных лиц. Однако сразу бросается в глаза то обстоятельство, что если инструкции времен империи не были секретными, то Инструкция НКВД «закрыта» сразу двумя «засекречивающими» нулями. В дальнейшем такого рода документы (под названием Правила внутреннего распорядка исправительно-трудовых учреждений) также будут в своей основной части оставаться закрытыми для осужденных и всех граждан, правда, уже под грифом не «совершенно секретно», а «для служебного пользования», а открытыми они станут лишь с 1992 г. Кроме того, следует отметить, что значительная часть норм Инструкции взята в переработанном виде из ИТК РСФСР 1933 г. Основное содержание Инструкции комментируется в Приложении к данной статье.

Анализ Временной инструкции 1939 г. и сравнение ее содержания с предшествующими и последующими подобными нормативными актами показывает, что из ее содержания не следует, что

в исправительно-трудовых лагерях царили произвол и беззаконие, а заключенные находились в тяжелых бытовых условиях.

Напротив, в Инструкции немало вполне нормальных пенитенциарных норм, и более того, некоторые из этих норм выглядят даже прогрессивнее, чем в ныне действующем Уголовно-исполнительном кодексе РФ. Это, в частности, касается положений о свиданиях и посылках. С точки зрения защиты прав человека не может не вызывать удовлетворения блок норм о жалобах и заявлениях заключенных, в том числе об ответственности должностных лиц за недоставку писем заключенным, вскрытие закрытых жалоб и др.

В этом смысле на первый взгляд выглядит более чем странным решение государственных органов сделать Инструкцию совершенно секретной — ведь содержание ее позволяло использовать выигрышный пропагандистский тезис о том, что в СССР вполне соблюдается большинство общепризнанных пенитенциарных норм.

Однако все становится на свои места, если иметь в виду следующие обстоятельства.

Во-первых, большинство норм Инструкции, и прежде всего касающиеся прав заключенных, были не более чем декларацией. Здесь положение обстояло аналогично тому, как действовавшая Конституция СССР обеспечивала всем гражданам страны фундаментальные права и свободы — красиво изложенные в Основном законе, они в своем большинстве оставались «бумажными». Но если нормы Конституции носили общий характер и их «бумажность» проявлялась не столь заметно, то нормы Инструкции, будь они опубликованы для всеобщего сведения, сразу же показали бы свою несостоятельность. Власти, видимо, это хорошо понимали и поэтому предпочли спрятать инструкцию за секретные «нули».

Во-вторых, в Инструкции содержались и такие нормы, которые все же отражали всесилье в стране командной системы. Речь идет, в частности, о возможности запрета свиданий и переписки заключенных со своими родственниками и о предоставлении руководителям исправительно-трудовых лагерей достаточно больших прав в определении как условий жизни и труда заключенных, так и их судьбы в целом.

В-третьих, данную Инструкцию нельзя вырывать из контекста общей уголовно-правовой политики Советского государства того периода, предполагающей осуждение и направление в исправительно-трудовые лагеря за любые, даже минимальные, оппозиционные проявления. Определяемое ВКП(б) и советской властью отношение общества к «контрреволюционерам» как к врагам народа не могло предполагать гуманного к ним отношения в местах лишения свободы, и в этой связи опубликование инструкции вряд ли было бы одобрительно воспринято большей частью населения.

Практическая деятельность исправительно-трудовых лагерей убедительно показывает, что условия жизни и труда заключенных довольно часто не соответствовали предписаниям рассмотренной Временной инструкции о режиме содержания заключенных 1939 г. В этом смысле данная Инструкция не отличается, например, от Инструкции

смотрителю губернского тюремного замка 1831 г., которая также разительным образом отличалась от тюремной действительности.

Обратимся к некоторым примерам. Так, об условиях содержания заключенных на строительстве БАМа могут свидетельствовать приказы по Южному ИТЛ, изданные в 1941 г., с красноречивыми названиями: «О проведении двухнедельника по ликвидации вшивости среди лагерников», «Об организации команд слабосильных», «О форсировании строительства недостающих и недооборудованных жилых, санитарно-бытовых, хозяйственных и лечебных учреждений», «О быте колонии, очистке территории, помещений, уборных, обеспечении лагерников кипяченой водой и ликвидации вшивости», «О проведении санитарно-противоэпидемиологических и лечебно-профилактических мероприятий по борьбе с острыми желудочно-кишечными заболеваниями» и др.¹¹⁰

Достаточно много примеров расхождения действительности с нормами Инструкции содержится в книге «Архипелаг ГУЛАГ» А.И.Солженицына¹¹¹, а по свидетельствам В.Т.Шаламова 90% заключенных не выдерживали норм обыкновенной человеческой морали¹¹² (имеется в виду, что голод и другие трудности пребывания в лагере толкали многих заключенных на подлость, обман и другие низменные поступки).

Но если в отношении указанных авторов имеются определенные сомнения в силу их неизбежной предвзятости, то по поводу приводимых ниже фактов сомнений быть не может.

В частности, произвол по отношению к заключенным, скотские условия содержания в некоторых лагерях доводили многих из них до отчаяния, и они поднимали восстания, которые жестоко подавлялись. Сведения об этих явлениях в исправительно-трудовых учреждениях длительное время были совершенно секретными, и лишь сравнительно недавно стали предаваться гласности многие подробности волнений осужденных в Норильске, в Воркуте, Дзержинске и других местах. Характерно, что абсолютное большинство требований, выдвигаемых восставшими, касалось лишь улучшения бытовых условий содержания и питания.

Весьма наглядно характеризуются условия содержания заключенных в документах прокуратуры. Так, в письме прокурора отдела по надзору за местами заключения Прокуратуры Союза ССР Седова от 9 августа 1937 г. на имя начальника Ухтопечерского ИТЛ сообщалось: «При обследовании жилищно-бытовых условий и питания заключенных 1-го промысла мною в июле 1936 г. было установлено:

1. В большинстве помещений заключенные размещаются тесно, а в отдельных домах и палатках большая скученность, вместо 4—5 человек в комнате 8—9.

2. Койками большинство не обеспечено и спят на голых нарах.

При обследовании вторично в июле 1937 г. установлено, что указанные нарушения не только не устранены, но ввиду увеличения количества заключенных на промыслах (до 4 500 человек) жилищно-бытовые условия, вещевое довольствие резко ухудшились. 1 200 заключенных размещены в 9 палатках. В них тесно, двойные

нары, постелей нет, спят на голых досках. До 2000 заключенных размещены в 35 деревянных помещениях. В них тесно, грязно и много клопов. По всему промыслу обеспеченность постельными принадлежностями на 40%, вещевым довольствием и верхней одеждой на 60%, обувью на 55%, летней одеждой на 70%. Заключенные, прибывшие из других лагерей, почти совершенно раздеты — свыше 800 человек. Кухня и столовая еще в прошлом году требовали капитального ремонта и расширения, но ничего не сделано. Заключенные в течение нескольких часов стоят в очереди в столовую по 100—200 человек. Посуда и ложки имеются на 50%.

Предлагаю: дать распоряжение о строительстве столовой и кухни, снабдить бельем, одеждой, принять меры к улучшению жилищных условий. О принятых мерах прошу сообщить»¹¹³.

В ответе в адрес прокуратуры сообщалось, что приняты меры по утеплению палаток, поставлены печи, проведена обшивка стен, устроены тамбуры и заваленки, поставлены бочки для воды. Приведены в порядок выгребные ямы. Построена столовая на 1000 мест. Ведется строительство бани и прачечной, ремонтируется клуб. За июль — сентябрь и половину октября выдано бушлатов — 1000, шаровар — 600, телогреек — 66, гимнастерок — 360, шаровар летних — 1000, сапог — 21 пара, ботинок — 800, лаптей — 6000, постельного белья — 2000, одеял — 200, простыней — 560, матрацев — 30, но эти вещи пришлось выдавать поступившим с новых этапов заключенным. По-прежнему ощущается острый недостаток в предметах первой необходимости, так как потребность удовлетворена только на 60%¹¹⁴.

В 1931 г. было утверждено Положение о штрафизоляторах исправительно-трудовых лагерей ОГПУ. В ст. 1 положения определялись цели и задачи штрафизоляторов, где значилось прежде всего применение более жестких мер к нарушителям порядка в лагерях. Штрафизолятор предназначался для содержания трех категорий заключенных: 1) осужденных по постановлениям судебных троек ОГПУ и коллегии ОГПУ на определенный срок; 2) осужденных на срок не более шести месяцев в административном порядке по распоряжению начальника управления лагеря; 3) находящихся под следствием. В особом помещении при штрафизоляторах предусматривалось содержание лиц, арестованных в административном порядке на 20 суток. В ст. 3 положения регламентировался и порядок содержания заключенных, требующих усиленного надзора. Они подлежали направлению в особые роты с усиленной охраной, но без каких бы то ни было материальных ограничений. Устройство штрафных изоляторов предусматривалось только в отделениях или управлениях лагерей. Вместе с тем на отдельных лагпунктах допускалось оборудование арестных помещений для содержания арестованных в административном порядке до 20 суток и для временного содержания лиц, совершивших преступления. Основанием для помещения заключенного в штрафной изолятор служили: выписка из постановления судебных троек ПП ОГПУ и

коллегии ОГПУ; приказ начальника лагеря; копия постановления для подследственных.

По условиям содержания все заключенные, кроме больных и подследственных, подлежали выводу на работу. В зависимости от характера работы выполняющие нормы получали общий или усиленный паек. Систематически выполнявшие норму выработки могли получать и отправлять одно письмо в месяц и один раз в три месяца получать посылку.

Итак, в рассматриваемый период государство предпочитало идти по пути сокрытия от общества информации о деятельности ГУЛАГа, усиливая действие ведомственных нормативных актов. Такое положение порождало многочисленные случаи нарушения прав заключенных и произвола администрации мест заключения¹¹⁵.

Негативно на морально-психологическую обстановку в среде заключенных действовало также смешанное содержание «политических» и так называемых общеуголовных преступников, причем администрация ИТЛ нередко использовала последних для «поддержания порядка», предоставляя им различные льготы.

На наш взгляд, создание лагерей, подчиненных органам государственной безопасности, вытекало не только из собственно карательной политики государства, но из изначального общего стратегического направления развития Советского государства, решительно уничтожавшего прошлый государственный строй. Это как раз и выражалось в репрессиях против представителей «старого режима». В этом смысле советская власть ничего нового не изобрела: на протяжении всех последних веков противники власти неизменно подвергались опале, изоляции, гонениям в разных формах (напомним, что ИТЛ вначале предназначались прежде всего для «контрреволюционеров»); другое дело, что в нашей стране репрессии приобрели невиданные до этого масштабы.

Факты беззакония в местах лишения свободы в рассматриваемый период безусловно имели место, об этом свидетельствуют многочисленные публикации. Однако времена, когда делались однозначные оценки в зависимости от конъюнктурных установок, ушли в прошлое. И в этом смысле работы С.И.Кузьмина, И.В.Упова, М.Г.Деткова, В.М.Кириллова, А.С.Смыкалина, П.Соломона и других авторов, где достаточно подробно и на высоком научном уровне исследована деятельность советских ИТУ, в совокупности позволяют выделить вполне объективные, на наш взгляд, характеристики развития системы лишения свободы в самый, пожалуй, сложный и противоречивый период, называемый периодом репрессий.

Каковы эти характеристики?

Во-первых, представляется совершенно очевидным факт, что в 1930-е гг. в СССР верховенство закона, как важнейший признак правового государства, в значительной мере утратило свою роль, уступив место нормотворчеству государственных исполнительных органов, и прежде всего ГУЛАГу.

Во-вторых, создание ИТЛ преследовало цель, с одной стороны, усилить карательную политику против «классово-чуждых элементов» и других опасных для общества преступников, а с другой стороны, использовать сравнительно дешевую рабочую силу заключенных для решения народнохозяйственных задач.

В-третьих, содержащиеся в Положении об ИТЛ 1930 г., ИТК РСФСР 1933 г. нормы сами по себе в целом (за исключением классового признака) с точки зрения пенитенциарной науки были вполне прогрессивны на тот период. Возмездие не было заложено в эти правовые нормы в той степени, в которой оно проявилось в действительности.

В-четвертых, в указанных нормативных актах были заложены положения, определившие на последующие годы, вплоть до настоящего времени, организационно-педагогические основы исправительного процесса в местах лишения свободы.

Примечания

¹ История государства и права России / Под ред. Ю.П.Титова. М., 1988. Ч. 1. С. 293.

² Плотников А.А. Сахалинская политическая каторга и ее антинародная сущность: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1986. С. 133—139.

³ См.: Уголовно-исполнительное право России: Учеб. для юрид. вузов и фак. / Под ред. А.И.Зубкова. М., 1999. С. 161.

⁴ Росси Ж. Из истории советских лагерей // Карта. 1996. № 10, 11. С. 58.

⁵ См.: Уголовно-исполнительное право России. С. 161.

⁶ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917—1952 гг.). М., 1953.

⁷ Росси Ж. Указ. соч. С. 164, 165.

⁸ Сборник нормативных актов по советскому исправительно-трудовому праву. М., 1959. С. 106—107.

⁹ ГА РФ. Ф. 4042. Оп. 1. Д. 13. Л. 10.

¹⁰ Цит.: Стручков Н.А., Жарый В.Д. и др. Завершение первой кодификации и развитие советского исправительно-трудового права до принятия Основ исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик. Рязань, 1987. Вып. 2. Ч. 1. С. 66.

¹¹ История советского государства и права. М., 1968. Т. 2. С. 594.

¹² Кузьмин С.И. Исправительно-трудовые учреждения в СССР (1917—1953 гг.). М., 1991. С. 76.

¹³ Кузьмин С.И. Исправительно-трудовые учреждения в СССР. С. 77.

¹⁴ От тюрем к воспитательным учреждениям / Под ред. А.Я.Вышинского. М., 1934. С. 115.

¹⁵ Стручков Н.А. «Зона», приоткрытая для критики // Коммунист. 1989. № 18. С. 89; См. также: Наше Отечество. М., 1991. Т. 2. С. 236.

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 768. Л. 6.

¹⁷ Доклад В.М.Молотова на VI съезде Советов СССР // Известия. 1931. 9 марта.

¹⁸ Кузьмин С.И. Политико-правовые основы становления и развития исправительно-трудовых учреждений. М., 1988. С. 48.

¹⁹ СУ РСФСР. 1928. № 57. С. 426.

- 20 СЗ РСФСР. 1929. № 72. С. 786.
- 21 Наше Отечество. Т. 2. С. 236.
- 22 ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1806. Л. 4—11.
- 23 Там же. Л. 48.
- 24 Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ // Новый мир. 1989. № 10. С. 112.
- 25 Кузьмин С.И. Исправительно-трудовые учреждения в СССР... С. 90, 91.
- 26 ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1806. Л. 50.
- 27 Там же.
- 28 Солженицын А.И. Указ. соч. С. 107, 108, 135, 136.
- 29 ЦА ФСК РФ. Циркуляр ОГПУ о досрочном освобождении заключенных Белтбалтлага ударников строительства Беломоро-Балтийского водного пути (№ 87 от 5 июля 1933 года).
- 30 Дворжецкий В.Я. Путь больших этапов // Воля. 1993. № 1. С. 38.
- 31 Сборник документов по истории уголовного законодательства... С. 367, 371.
- 32 Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 211.
- 33 ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1 а. Д.5. Л. 27.
- 34 Николаев К. Чудная планета Колыма // Наука и жизнь. 1990. № 1. С. 48—54; № 2. С. 40—49. См. также: Некрасов В. Николай Ежов // Советская милиция. 1990. № 2. С. 23—24.
- 35 Еланцева О.П. БАМ: малоизвестные страницы истории 30-х гг. // Известия ЦК КПСС. 1991. № 8. С. 144—145.
- 36 Еланцева О.П. Кто и как строил БАМ в 30-е гг. // Отечественные архивы. 1992. № 5. С. 72.
- 37 Там же. С. 73; Еланцева О.П. БАМ: малоизвестные страницы истории 30-х гг. // Известия ЦК КПСС. 1991. № 8. С. 147.
- 38 ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 15. Л. 216.
- 39 РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 183. Л. 104.
- 40 Еланцева О.П. БАМ: страницы трудной истории // Карта. 1995. № 7, 8. С. 14.
- 41 Там же. С. 15.
- 42 Там же. С. 18.
- 43 Детков М.Г. Содержание карательной политики советского государства и ее реализация при исполнении наказания в виде лишения свободы в 30—50-е гг. Домодедово, 1992. С. 31.
- 44 Там же.
- 45 Кириллов В.М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала. 1920—1950-е годы. Нижний Тагил, 1996. Ч. 2. С. 7.
- 46 Кузьмин С.И. ИТУ: история и современность // Человек: преступление и наказание. 1996. № 2. С. 59.
- 47 Там же. С. 54.
- 48 Кузьмин С.И. ИТУ: история и современность. С. 54.
- 49 Уголовно-исполнительное право России. С. 169.
- 50 ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 30. Л. 45—48.
- 51 ГА РФ. Ф. 9404. Оп. 12. Д. 14. Л. 180, 211.
- 52 ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 30. Л. 63, 65.
- 53 Цит. по: Кузьмин С.И. От ГУМЗа до ГУИНа // Преступление и наказание. 1997. № 5. С. 11.

- 54 Детков М.Г. Содержание карательной политики советского государства... С. 95, 96.
- 55 Хлевнюк О.В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992. С. 87.
- 56 Отделение спецфондов информационного центра республики Башкортостан. Ф. 2. Оп. 1. Д. 20. Л. 2.
- 57 ГА РФ. Ф. 9404. Оп. 12. Д. 14. Л. 304, 305.
- 58 Кузьмин С., Иванова Е. Продукты для Карлага // Преступление и наказание. 1996. № 12. С. 24.
- 59 Кузьмин С., Иванова Е. Указ. соч. С. 25.
- 60 Хлевнюк О.В. 1937-й: Сталин, НКВД и Советское общество. С. 88. См. также: Военно-исторический журнал. 1991. № 1. С. 19.
- 61 Шапиро Л. Коммунистическая партия Советского Союза. Лондон, 1990. С. 646.
- 62 См.: Кириллов В.М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала. 1920—1950-е годы. Нижний Тагил, 1996. Ч. 2. С. 5.
- 63 Там же. С. 6.
- 64 Там же. С. 5.
- 65 Уголовно-исполнительное право России. С. 167.
- 66 См.: Дугин А.Н., Малыгин А.Я. Солженицын, Рыбаков: технология лжи // Военно-исторический журнал. 1991. № 7. С. 67.
- 67 Шапиро Л. История Коммунистической партии Советского Союза. Лондон, 1990. С. 646.
- 68 См.: Конквест Р. Большой террор. Рига, 1991. С. 365.
- 69 Там же. С. 88.
- 70 Там же. С. 117.
- 71 Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. Лондон, 1989. С. 344.
- 72 ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1138. Л. 21.
- 73 См.: Земсков В.Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. № 6. С. 11; Дугин А.Н., Малыгин А.Я. Солженицын, Рыбаков: технология лжи // Военно-исторический журнал. 1991. № 7. С. 69.
- 74 Земсков В.Н. Об учете спецконтингента НКВД во всесоюзных переписях населения 1937 и 1939 гг. // Социологические исследования. 1991. № 2. С. 75; Наше Отечество. Т. 2. С. 297.
- 75 Там же.
- 76 Астемиров З.А. История советского исправительно-трудового права. Рязань, 1975. С. 24.
- 77 Сборник документов по истории уголовного законодательства... С. 320—323.
- 78 Кузьмин С.И. Политико-правовые основы становления и развития исправительно-трудовых учреждений. М., 1988. С. 48.
- 79 Мурзин Д.М. Развитие исправительно-трудовой колонии как основного вида ИТУ. Рязань, 1978. С. 13—14.
- 80 Анисимков В.М. Указ. соч. С. 59.
- 81 Становление советского исправительно-трудового права (октябрь 1917—1925 гг.). Рязань, 1983. Вып. 1. Ч. 1. С. 13, 14.
- 82 ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 2918. Л. 3—6.
- 83 Филимонов М. Глазами очевидца // Сборник материалов по перевоспитанию осужденных. 1957. № 5. С. 59—61.

- 84 Кузьмин С.И. Крестные отцы ГУЛАГа // На боевом посту. 1991. № 7. С. 61.
- 85 ГА РФ. Предисловие к перечню фонда № 9414. Оп. № 1. Л. 2, 3; Дугин А.Н. Неизвестные документы о репрессиях 30—50-х годов (по фондам ЦГАОР) // Административно-командная система управления. Проблемы и факты. М., 1992. С. 71.
- 86 Отделение спецфондов информационного центра республики Башкортостан. Ф. 2. Оп. 1. Д. 20. Л. 57.
- 87 ГА РФ. Приказ НКВД № 196 от 27.03.1936 г.
- 88 Там же. Ф. 9404. Оп. 12. Д. 14. Л. 130.
- 89 ГА РФ. Приказ НКВД № 196 от 27.03.1936 г. Л. 196.
- 90 Там же. Л. 253.
- 91 Там же. Приказ НКВД № 00212 от 26 февраля 1941 г.; Там же. Приказ НКВД № 00241 от 4 марта 1947 г.
- 92 Там же. Ф. 9401. Оп. 8. Д. 11. Л. 59—60.
- 93 Там же. Л. 58.
- 94 Там же. Л. 55—60.
- 95 Там же. Ф. 9404. Оп. 4. Д. 101. Л. 44—45.
- 96 Там же. Оп. 1а. Д. 409. Л. 143—144.
- 97 Там же. Оп. 12. Д. 223. Т. 1. Л. 9.
- 98 Приказ НКВД № 00212 от 26 февраля 1941 г.; Там же. Приказ НКВД № 00241 от 4 марта 1947 г. Л. 57, 57 об.
- 99 Там же. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 30. Л. 2.
- 100 Там же. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 192. Т. 1. Приказ НКВД № 0014 от 04.01.1940 г.
- 101 Там же. Оп. 1а. Д. 58. Л. 170—173.
- 102 Там же. Д. 59. Л. 41—42.
- 103 Там же. Приказ НКВД № 00212 от 26 февраля 1941 г.
- 104 Там же. Приказ НКВД № 00328 от 27.03.1941 г.
- 105 Там же. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1166. Л. 82.
- 106 Там же. Ф. 9401 Оп. 12. Д. 192. Т. 1; Приказ НКВД № 00576 от 14 мая 1941 г.
- 107 Там же. Предисловие к перечню фонда № 9414. Оп. 1. Л. 9.
- 108 СЗ СССР. 1930. № 22. Ст. 248.
- 109 Стручков Н.А. «Зона», приоткрытая для критики // Коммунист. 1989. № 18. С. 89.
- 110 Еланцева О.П. БАМ: страницы трудной истории // Карта. 1995. № 7, 8. С. 13—22.
- 111 Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. С. 331 и др.
- 112 Шаламов В.Т. Левый берег. С. 66; Дворжецкий В.Я. Путь больших этапов. С. 34, 35.
- 113 Архив Ухтопечерского ИТЛ. 1937 г. Д. 4. Л. 2, 3.
- 114 Там же. Л. 118.
- 115 Соломон П. Советская юстиция в Советской России. М., 1997. С. 402—408.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Основные принципы организации труда заключенных в соответствии с положениями «Временной инструкции о режиме содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях» 1939 г.

Временная инструкция о режиме содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях НКВД СССР была подписана заместителем начальника ГУЛАГа НКВД СССР майором государственной безопасности Г.П.Добрыниным и объявлена совершенно секретным приказом 2 августа 1939 г. Приказ был подписан заместителем народного комиссара внутренних дел СССР комдивом В.В.Чернышовым. Свою визу «Согласен» поставил прокурор Союза ССР М.И.Панкратьев. В преамбуле указывалось: «Все ранее изданные директивы и указания по вопросам режима содержания заключенных отменить».

Таким образом, ведомственный нормативный акт фактически принял силу закона, причем это было сделано, подчеркнем, с согласия союзной прокуратуры.

Как обычно бывает в подобных случаях, начальникам исправительно-трудовых лагерей предписывалось организовать изучение настоящей инструкции всем начальствующим составом лагеря, инженерно-техническим персоналом и всем личным составом охраны.

В первой же статье Временной инструкции указывалось, что режим содержания заключенных должен обеспечить:

- а) надежную изоляцию преступников, осужденных за преступления, предусмотренные уголовным кодексом;
- б) организацию порядка содержания заключенных в лагере, обеспечивающего наиболее эффективное использование труда заключенных.

Как видно, о какой-либо задаче, связанной с исправительным воздействием на заключенных, речи нет. Главное было надежно изолировать заключенных и максимально «выжать» возможный хозяйственно-экономический потенциал.

Особо оговаривалось, что осужденные за контрреволюционные (т.е. государственные) преступления должны направляться, как правило, в лагеря, находящиеся в отдаленных местностях (ст. 2 инструкции). В этом смысле Советское государство действовало точно так же, как российские императоры, а до империи — великие князья, отправляя политических преступников в отдаленные от столиц места. А вот режим для «политических» изменился: если раньше для них в местах лишения свободы и ссылки создавались обычно более легкие условия жизни, то согласно инструкции 1939 г. для таковых «применяется усиленный режим» (ст. 2).

Заключенные исправительно-трудового лагеря размещались по лагерным пунктам (участок, колонна, командировка), которые организовывались вблизи объектов работ. Территория расположения лагерного пункта должна была быть предварительно обследована и отвечать следующим основным положениям:

- а) максимально приближена к месту работ;
- б) максимально удалена от общегражданских населенных пунктов;

в) сухая местность, обеспечивающая естественный или искусственный сток поверхностных вод;

г) иметь в наличии доброкачественную и удободобываемую питьевую и хозяйственную воду.

Лагерный пункт (участок, колонна, командировка) изолировались одним из следующих видов ограждения:

а) забором из колючей проволоки;

б) забором-чостоколом;

в) сплошным деревянным забором.

Деревянный забор должен был быть достаточной прочности, а колючую проволоку надлежало обязательно натягивать (ст. 6).

При определении границ лагерного пункта (участка, колонны, командировки) зона ограждения имела форму прямоугольника или квадрата, обеспечивающую лучший просмотр. Для наблюдения и охраны территории лагпункта с внешней стороны устанавливались посты-вышки для часовых. В мелких подразделениях (командировках, подкомандировках) устройство вышек было не обязательно. Для пропуска заключенных в лагпункт и обратно устанавливались вахты. При большом количестве заключенных на пункте допускалось открытие подсобных рабочих вахт.

Заключенные размещались в бараках. Имеющие право бесконвойного передвижения размещались отдельно от остальных заключенных (по этому поводу заметим, что с 1960-х гг. указанные категории осужденных стали содержаться вместе, что, с учетом специфики контингента, являлось ошибкой, которая была исправлена лишь в 1992 г.). Бараки не запирались круглые сутки (это положение действует и до сих пор). Несовершеннолетние заключенные размещались на отдельных участках, изолированно от взрослых. Причем несовершеннолетние заключенные рецидивисты, а также осужденные за контрреволюционные преступления размещались в отдельных бараках изолированно от других несовершеннолетних заключенных.

В зоне лагпункта допускалось свободное передвижение заключенных до сигнала к отходу ко сну, после чего всякое передвижение по лагпункту прекращалось, за исключением лиц, имевших на это разрешение начальника лагпункта, участка, колонны, командировки. Ходжение заключенных из барака в барак запрещалось. Посещение женских общежитий заключенными мужчинами и наоборот также запрещалось, за исключением лиц административного персонала (ст. 8—10).

Совместное расположение в зоне досягаемости осужденных мужчин и женщин противоречило сложившемуся к тому времени общепризнанному пенитенциарному принципу, согласно которому эти категории должны размещаться абсолютно изолированно. В послевоенное время мужские и женские отделения на территории одного лагерного подразделения стали перегораживаться колючей проволокой. И лишь с середины 1950-х гг. стали устраиваться отдельные мужские и женские исправительно-трудовые учреждения.

Согласно ст. 12 Инструкции категорически запрещалось всем без исключения заключенным проживание за зоной в деревнях, на частных квартирах или в домах, принадлежащих лагерю. В отдельных случаях вследствие производственной необходимости в местах, удаленных от населенных пунктов разрешалось проживание бесконвойных

заклученных за зоной в служебных помещениях под систематическим наблюдением охраны. Однако ни при каких обстоятельствах не разрешалось проживание за зоной осужденных за контрреволюционные преступления.

Категорически запрещалось также направлять заключенных в командировки в различные учреждения и организации, а также бесконвойное передвижение, связанное с заездом в города и промышленные центры. Вместе с тем в отдельных случаях, вызываемых производственной необходимостью, могло иметь место направление заключенных, имеющих бесконвойное хождение, из одного лагподразделения в другое или в Управление лагеря (если оно не расположено в городах и промышленных центрах) по особому пропуску с точным обозначением маршрута и в радиусе не свыше 50 км. При этом запрещалось бесконвойное передвижение заключенных поездами, пароходами и автотранспортом общего пользования (в последующем радиус передвижения был значительно уменьшен).

Запрещалось использование заключенных в качестве домашних работниц (домашних работников). Однако тут же делалась оговорка, что отдельные исключения все же могли допускаться — с разрешения начальника ГУЛАГа НКВД СССР (ст. 13). На практике эта лазейка использовалась довольно активно. В этом смысле положение заключенных в советских исправительно-трудовых лагерях мало отличалось от положения каторжан, содержащихся в острогах в период империи, которые также использовались в качестве обслуги (Якубович П.Ф. (Мельшин). В мире отверженных. Записки бывшего каторжника. СПб., 1907. С. 312.) В дальнейшем, уже с 1950-х годов, администрации исправительно-трудовых учреждений ни при каких обстоятельствах не разрешалось использовать заключенных в личных целях, однако фактически это происходило все время, включая современный период, хотя, конечно, в гораздо меньших масштабах.

Согласно ст. 15 Инструкции проживание в зоне лагподразделения вольнонаемного состава, охраны и нахождение в зоне лагподразделения каких бы то ни было посторонних лиц категорически запрещалось.

Распорядок дня заключенных в период отбывания наказания в исправительно-трудовых лагерях определялся следующим образом.

Подъем заключенных производился по сигналу достаточной слышимости в часы, установленные приказом по лагерю, исходя из местных, производственных и других условий. От подъема по сигналу освобождались заключенные, находившиеся на работах в ночной смене и получившие освобождение от работы по болезни. После подъема заключенные обязаны были оправить свои постели и прибрать личное имущество, после чего направлялись на завтрак. После приема пищи, по второму сигналу, подаваемому дежурным по лагерному пункту, заключенные строились для утренней поверки и развода. Поверка производилась дежурным по лагерному пункту (участку, командировке) побригадно, в строю и должна была занимать не более 15 минут. После поверки заключенные во главе с бригадирами направлялись к месту работы. При разводе обязаны были присутствовать (в порядке дежурства) лица из руководящего состава лагерного подразделения

(ст. 16—23). Следует заметить, что такой порядок в своей основе сохраняется до сих пор.

После развода остающиеся в бараках дневальные производили тщательную уборку, во время которой бараки проветривались. Умывальники и баки для питьевой воды также должны были быть чисто вымыты и наполнены водой. Вода в питьевые баки ежедневно наливалась свежая (кипяченая). После уборки дежурный по лагпункту производил обход помещений, пекарни, кухни и т.д. и принимал меры к устранению всех замеченных недостатков или непосредственно, или через администрацию лагерного пункта.

В середине рабочего дня устанавливался перерыв продолжительностью один час для принятия пищи и отдыха. Время обеда и ужина определялось приказом по лагерю в зависимости от производственных и иных условий. Раздача обеда производилась непосредственно на производстве либо на лагпункте. При раздаче обеда администрация обязана была не допускать очередей и обеспечить правильное распределение пищи. В случае, если питательные пункты находились далеко от места работ и когда это требовалось по условиям производства, администрация должна была обеспечить своевременную доставку и раздачу обеда на месте работ. Закладка в котел продуктов и раздача пищи производилась в присутствии дежурного по лагерному подразделению (ст. 25—31).

Перед отходом ко сну до отбоя производилась вечерняя поверка, для чего заключенные выстраивались перед баракom, а зимой — в бараке. Поверка производилась поименно дежурным по лагерному подразделению и должна была занимать не более 30—40 минут. По окончании поверки подавался сигнал отхода ко сну, после которого все заключенные лагпункта (за исключением работающих в ночной смене) обязаны были быть в своих бараках и ложиться спать, прекратив шум, разговоры, всякое движение по лагерю. Отбой и подъем устанавливались с таким расчетом, чтобы заключенные имели для сна не менее 7 часов (сейчас — не менее 8 часов). Освещение баракoв производилось с наступлением темноты, после отбоя в бараках оставался только дежурный свет.

Согласно ст. 35 Инструкции каждый заключенный обязан был работать по назначению администрации лагеря. По своему содержанию данная норма должна, безусловно, иметь законодательный характер, поскольку регулирует фундаментальное экономическое право гражданина. Здесь же данное положение закреплено в ведомственном акте (это касается и ряда других прав, о которых пойдет речь ниже). В последующем обязанность осужденных трудиться была закреплена законодательно — в ст. 37 ИТК РСФСР 1970 г., а затем — в ст. 103 УИК РФ 1997 г. Заключенные, отказывающиеся от работы, подлежали переводу на штрафной режим, а злостные отказчики, своими действиями разлагающие трудовую дисциплину в лагере, привлекались к уголовной ответственности.

Заключенные обязаны были содержать в чистоте помещение, в котором они находились, бережно относиться к инвентарю, оборудованию и вещам личного пользования, состоящим у них на арматурной книжке, следить за сохранностью вещей и не допускать их порчи. Все вещи, выданные заключенному в личное пользование (верхняя одеж-

да, обувь, белье, постельные принадлежности и т. д.), обязательно заносились на его личный счет и в арматурную книжку (инвентаризационная карточка) с указанием количества, состояния (срока носки), стоимости.

При изъятии вещей у заключенного, выданных в личное пользование, производилась соответствующая отметка в арматурной книжке. При направлении заключенного из одного лагеря (лагподразделения) в другой или в колонию производилась сверка полученных вещей в личное пользование и необходимые изменения вносились в арматурную книжку, которая пересылалась вместе с личным делом заключенного. За порчу инвентаря и оборудования и за причиненный материальный ущерб (хищение, сбыт на сторону находящихся в личном пользовании вещей) заключенные несли материальную, дисциплинарную или уголовную ответственность (ст. 36—39).

Каждый случай причиненного материального ущерба подлежал расследованию с обязательным допросом заключенного и, в зависимости от результатов расследования решался вопрос о мере взыскания. В специальном заключении, помимо меры взыскания, должна была определяться и сумма, подлежащая удержанию на погашение причиненного материального ущерба. При этом недостача устанавливалась путем сличения записей в арматурной книжке с наличием вещдоговория у заключенного и его опросом. Специальное письменное расследование производилось только в необходимых случаях. Для взыскания причиненного материального ущерба начальнику Управления лагеря и начальнику отделения разрешалось снятие денег с текущего счета заключенного и удержание из сумм премиального вознаграждения (ст. 39—41).

В соответствии со ст. 42 Инструкции заключенным разрешалось хранение и пользование продуктами питания, носильными вещами по норме, постельными принадлежностями, металлической посудой (ложки, чашки, миски), шахматами, шашками, книгами, журналами и газетами, спичками, папиросами, починочными материалами (иголки, нитки и т. д.), туалетными принадлежностями (мыло, зубная щетка и порошок) и принадлежностями для письма. С небольшими вариациями этот список действовал до начала 1990-х гг., а с принятием новой редакции Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений 1992 г. перечень разрешаемых к пользованию предметов и вещей был заметно расширен.

Право пользования деньгами разрешалось только работающим заключенным, а также временно нетрудоспособным, больным, инвалидам и беременным. Все поступающие на имя заключенных деньги, а также премиальное вознаграждение обязательно зачислялось на личный счет заключенного. В течение месяца работающим заключенным деньги выдавались в сумме, не превышающей месячного премиального вознаграждения. Кроме премвознаграждения заключенным, в зависимости от поведения их на производстве и в быту, могли быть выданы с разрешения начальника лагерного подразделения и личные деньги в сумме не более 100 руб. в месяц. Выдачу премвознаграждения и личных денег предписывалось производить одновременно по частям с таким расчетом, чтобы на руках у заключенного сумма денег не превышала 50 руб.

Деньги, обнаруженные в письмах, присланных заключенным, если они не превышали 25 руб., конфискации не подлежали и зачислялись на личный счет заключенного с удержанием с него в двойном размере страхового сбора за пересылку этой суммы, о чем объявлялось заключенному. При обнаружении в письмах денег свыше 25 руб. конфисковались 25% пересланной суммы, о чем составлялся акт, и конфискованная сумма (25%) сдавалась в доход государству (ст. 43—47).

Согласно ст. 47 заключенным запрещались:

а) выходы без разрешения за пределы территории, отведенной для свободного хождения;

б) картежные и другие азартные игры;

в) распитие спиртных напитков;

г) хранение запрещенных предметов, спиртных напитков, наркотиков и т.п.;

д) отправка корреспонденции неустановленным порядком.

Все разрешенные вещи и предметы предписывалось хранить в специально отведенных для этой цели местах (шкафы, тумбочки, вешалки и т.п.). Все громоздкие вещи и предметы (корзины, сундуки, чемоданы и т.п.) должны были храниться в камере хранения. При этом категорически запрещалось хранить в бараках производственный инструмент. Последний по окончании работ должен быть сдан под ответственность бригадира в специальное хранилище зоны.

При обращении к администрации лагеря заключенные обязаны были держать себя вежливо. При посещении лагподразделения начальствующим составом лагеря, а также должностными лицами, имеющими право посещения лагеря и его проверки, заключенные по команде «внимание» обязаны были вставать (ст. 51). Эта норма в несколько измененном варианте сохранялась до 1997 г. В новой редакции Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений (§ 4) подобной формулировки уже нет.

В свободное от работы время до отбоя заключенным разрешалось посещение в пределах лагпункта медико-санаторных, культурно-воспитательных учреждений (больниц, амбулаторий, бань, школ, кружков, библиотек и т.д.) и отдых в бараках.

При переводе из одного помещения в другое заключенным разрешалось брать с собой лишь лично принадлежащее им имущество, выданное им в лагере, значащееся на их арматурных книжках. Мелкую починку белья и одежды производили сами заключенные. Администрация лагеря обязана была на разводе и поверке следить за опрятностью заключенных и сохранением ими вещевого довольствия (ст. 54).

Администрации лагерного подразделения не реже 2-х раз в месяц предписывалось производить в помещениях заключенных обыски на предмет изъятия запрещенных к хранению предметов и результаты обыска фиксировать соответствующим актом (ст. 55).

Заключенные обязаны были выполнять имеющиеся в лагере правила внутреннего распорядка, разработанные в точном соответствии с настоящей инструкцией Управлением лагеря. Правила внутреннего распорядка надлежало вывешивать в каждом бараке.

Передвижение заключенных во время отбывания наказания в исправительно-трудовых лагерях регулировалось следующим образом.

Начальник лагерного пункта совместно с командиром подразделения военизированной охраны составлял ежедневную заявку на наряд, необходимый для охраны заключенных на производстве. Разнарядка на вывод рабочей силы должна была поступать командиру подразделения охраны для ночных работ к 14 часам, для дневных работ следующего дня — к 18 часам. При организации новых мест работ заявка сообщалась начальнику конвоя за сутки для изучения путей следования и места работ.

Заключенные, следующие под конвоем, должны были строиться побригадно и пропускаться через вахту на основании разнарядки, утвержденной начальником лагерного пункта, в которой указывалось наименование бригад, число подлежащих выпуску заключенных, фамилия старшего конвоя, куда следует бригада и на какой срок. К пропуску, предъявленному старшим конвоя на вывод людей, прилагался именной список заключенных, направляемых на работу. Дежурный по вахте обязан был сверить количество выведенных на работу заключенных, записать в дежурной книге их количество и фамилию старшего конвоя, который расписывался в приеме заключенных и по возвращении — в их сдаче.

По прибытии на место работы начальник конвоя, в соответствии с выданной разнарядкой, определял участок свободного передвижения заключенных и организовывал построение охраны. В случае обнаружения побега на месте работ старший конвоя выяснял у бригадира фамилию бежавшего заключенного и принимал немедленные меры к его задержанию. Одновременно он должен был сообщить о побеге дежурному по лагерному подразделению.

При возвращении заключенных с работы в случае количественного расхождения между числом выведенных на работу и возвратившихся, дежурный по вахте, не распуская бригаду, выяснял через старшего конвоя причину отсутствия заключенных, производил поименную проверку, выяснял фамилию бежавшего и сообщал о случившемся дежурному по лагподразделению.

При переброске заключенных через населенные пункты должен был быть обеспечен усиленный конвой. При наличии машин переброска заключенных производилась в закрытых машинах. Однако автомобильная перевозка заключенных на работы и обратно осуществлялась в то время редко. Пешее передвижение осужденных сохранялось до середины 1970-х гг., и во многих населенных пунктах нашей страны не редкостью были картины, когда колонна осужденных направлялась под конвоем на объект или назад в зону; внешне это было похоже на конвоирование пленных фашистов времен Великой Отечественной войны. В дальнейшем массовое передвижение осужденных на объекты, расположенные вне исправительно-трудового учреждения (обычно это были стройплощадки и лесные делянки), осуществлялось на специально оборудованных автомашинах, называемых в просторечии «автозаками».

Бесконвойное передвижение за пределы зоны лагерного подразделения допускалось в исключительных случаях, когда это вызывалось особыми условиями производства, и при обязательном соблюдении следующего порядка:

а) категорически запрещалось расконвоирование осужденных за террор, шпионаж, измену родине, диверсию, участие в контрреволюционных троцкистских, зиновьевских, правых организациях, а также в других антисоветских преступлениях, перебежчиков, членов антисоветских партий (меньшевики, эсеры и др.) и иноподданных, независимо от состава их преступления, а также осужденных за бандитизм и вооруженный разбой;

б) заключенные, осужденные за контрреволюционные преступления, не перечисленные в п. «а» настоящего параграфа, могли быть расконвоированы только по разрешению начальника управления лагеря, по согласованию с начальником 3-го Отдела и при условии, если эти заключенные не замечены в антисоветской и дезорганизаторской деятельности в лагере, и если они выполняют работу, связанную с необходимостью бесконвойного передвижения за зону лагеря;

в) расконвоирование заключенных, не перечисленных в п. «а» и «б» разрешалось начальникам отделений (районов) и отдельных лагпунктов. При расконвоировании начальники отделений, районов и отдельных лагпунктов обязательно должны были учитывать характер совершенного преступления и поведение заключенного в лагере;

г) всякое расконвоирование заключенных должно было быть согласовано с 3-м Отделом, отделениями, частями, уполномоченными участка (лагпункта);

д) бесконвойное передвижение допускалось только от лагпункта до места работ, и только для лиц, имеющих групповые (бригадные) или индивидуальные пропуска. В каждом пропуске обязательно указывался маршрут движения и срок действия выданного пропуска.

Охрана обязана была систематически проверять маршруты движения бесконвойных и наблюдать за поведением бесконвойных заключенных. За нарушение маршрута движения заключенные привлекались к дисциплинарной ответственности.

Бесконвойные бригады выпускались из лагерного подразделения на основании пропуска, выданного на определенное количество людей бригады и на имя бригадира. К пропуску прилагался именной список заключенных, составляемый начальниками лагерных подразделений после согласования их с 3-м Отделом. Пропуска подписывались начальниками лагподразделений.

Вахта пропускала бесконвойные бригады, указанные в пропуске, сверяя при этом наличие заключенных с имеющимся у бригадира именованным списком состава бригады. Индивидуальное бесконвойное передвижение допускалось только по пропуску с фотокарточкой заключенного, выданному на месячный срок. По окончании работы заключенные, переведенные на бесконвойное передвижение, должны были находиться в зоне лагерного подразделения.

На право бесконвойного передвижения устанавливались пропуска единой для всего лагеря формы (отпечатанные в типографии). Выдача пропусков не установленного образца (на клочках бумаги и т.п.) запрещалась. Образец установленного по лагерю пропуска на бесконвойное передвижение заключенных должен был находиться на вахте. Категорически запрещалось дежурным по вахте выпускать за пределы лагерного подразделения заключенных по пропуску не установленного

формы, по телефонным звонкам или запискам, от кого бы они ни исходили.

По истечении срока действия пропуска отбирались и уничтожались, о чем составлялся акт. При возвращении в лагерь все расконвоированные заключенные подвергались личному обыску на вахте. У заключенных, имеющих бесконвойное передвижение, пропуска и списки отбирались и хранились на вахте. Там же должны были быть копии списков на заключенных, имеющих право бесконвойного передвижения, подписанные начальниками участков и начальниками подразделений ВОХР (ст. 58—72).

А вот как обстояло дело со свиданиями заключенных с родственниками. Таковые разрешались (в расположении лагеря) только при условии выполнения заключенными производственных норм и соблюдения лагерного режима.

Свидания заключенным с прибывшими родственниками могли быть предоставлены в свободное от работы время. Предусматривались свидания как в присутствии охраны, так и личные свидания. Заключенным, находящимся на излечении в стационарах и больницах, свидание разрешалось в том случае, если они до болезни выполняли производственные нормы и соблюдали установленный режим в лагере.

Свидания предоставлялись 1 раз в 6 месяцев, а в порядке поощрения лучшим производственникам 1 раз 2 месяца. Заключенным, осужденным за государственные и иные тяжкие преступления, свидания разрешались только с санкции начальника ГУЛАГа НКВД. По ряду других преступлений — только с разрешения начальника лагеря по обязательному согласованию с 3-м Отделом.

Свидания в присутствии охраны допускались с письменного разрешения начальника района (отделения) или отдельного лагерного пункта на срок до 8 часов, но не более 2 часов в сутки. Таким образом, краткосрочные свидания могли иметь место в течение 4-х суток. Личные свидания (по нынешней терминологии — длительные) предоставлялись с письменного разрешения начальника управления лагеря только с прямыми родственниками заключенных (женой, мужем, родителями, детьми) на срок не более 5 суток (в последующем длительные свидания были уменьшены до 3 суток, это относится и к настоящему времени).

При получении разрешения на свидание заключенный должен был сообщить своим родственникам о возможности приезда в лагерь. На время личного свидания и в свободное от работ время заключенные, которым предоставлено свидание, находятся совместно с родственниками (в дальнейшем длительные свидания стали предоставляться без вывода осужденных на работы). Личные свидания производились в изолированном от зоны, охраняемом помещении, или специально оборудованном помещении при вахте.

Приезжающие на свидания регистрировались, их вещи осматривались, документы подлежали сдаче на хранение. Заключенные, получившие свидание, подвергались обыску как до, так и после свидания. Пропуск лиц, прибывших на свидание, в зону лагпункта (участка) запрещался.

При нарушении заключенными правил внутреннего распорядка и при невыполнении приехавшими на свидание установленных для них правил свидание прекращалось (ст. 73—82).

Что касается передач (посылок), то они разрешались:

- а) при предоставлении свиданий;
- б) по почте раз в месяц.

Заключенным, осужденным за контрреволюционные преступления, получение передач (посылок) разрешается 1 раз в 3 месяца.

К передаче не допускались вещи и предметы по следующему перечню:

1. оружие,
2. все виды алкогольных напитков,
3. наркотические средства,
4. лекарства,
5. острорежущие предметы (ножи, бритвы, ножницы и т.п.),
6. игральные карты,
7. одеколон,
8. различные документы,
9. деньги, свыше разрешенной к пользованию суммы,
10. ценные вещи, облигации,
11. военно-топографические карты, планы местности и карты районов и областей, на территории которых расположен лагерь и лагподразделение.

Полученная передача (посылка) вскрывалась экспедитором обязательно в присутствии получателя и представителя охраны. При обнаружении в посылках запрещенных предметов, таковые изымались, о чем составлялся акт. Акт должен был объявляться заключенному. Обнаруженные в посылках деньги подлежали конфискации в доход государства.

Если в передаче обнаруживалась в замаскированном виде большая сумма денег, которая могла быть использована заключенным в преступных целях (совершение побега, подкуп стрелков охраны и т. д.), то помимо составления акта должно было производиться расследование. При подтверждении факта пересылки денег в преступных целях, наряду с привлечением виновных к ответственности, ведущий расследование должен был принять соответствующие меры к обеспечению сохранности денег до суда.

Посылки, поступившие на имя заключенных, лишенных в порядке административного взыскания права получения посылок, выдавались заключенным после снятия наложенного взыскания. Находящиеся в посылках скоропортящиеся продукты по акту сдавались в ларек для реализации по существующим ценам, а полученные от реализации деньги зачислялись на личный счет заключенного (ст. 83—85).

Переписка регулировалась следующим образом. Указывалось, что заключенным разрешается вести переписку без ограничения. Осужденным за контрреволюционные преступления: террор, шпионаж, измену родине, диверсию, участие в контрреволюционных троцкистских, зиновьевских, правых организациях, а также в других антисоветских преступлениях, перебежчиков, членов антисоветских партий (меньшевики, эсеры и др.), — разрешалась переписка раз в три месяца. Заключенным, осужденным за контрреволюционные преступления

ния, не перечисленные выше, допускалась переписка один раз в месяц.

Вся входящая и исходящая переписка в обязательном порядке просматривалась специально выделенным вольнонаемным работником (цензором). Письма просматривались и вручались адресатам, или возвращались отправителям в 5-дневный срок с момента их поступления на просмотр.

В письмах заключенных запрещалось помещение сведений о количестве заключенных в лагере, о всех вопросах, связанных с режимом содержания заключенных, охраной лагеря и характером производства. Такие письма подлежали конфискации, о чем составлялся акт, который приобщался к личному делу заключенного.

Сдаваемые для отправки личные письма должны были находиться в незапечатанных конвертах. Переписка заключенных — иностранных подданных — и переписка заключенных с границей определялась специальными указаниями. При обнаружении нелегальной отправки писем заключенный лишался права переписки на срок до 6 месяцев, при повторных случаях, помимо лишения права переписки, он водворялся в штрафной изолятор. Лица, осужденные за контрреволюционные преступления, уличенные в нелегальной переписке, переводились на штрафной режим до 6 месяцев. Как видно, государство бдительно следило за тем, чтобы политзаключенные не могли влиять на умонастроение находящихся на воле советских граждан.

Заключенным, лишенным в порядке административного взыскания права переписки, полученные письма не выдавались на срок наложенного взыскания. Уничтожать письма категорически запрещалось. После снятия административного взыскания все письма, поступившие на имя заключенного, должны были быть вручены адресату.

В каждом лагере создавалась почтово-посылочная экспедиция, которая получала все виды корреспонденции и посылки, поступающие в адрес заключенных, хранила их, вела строгий учет и обеспечивала немедленную рассылку в пункты местонахождения заключенных, контролируя вручение адресатам. В случае выбытия заключенного в другой лагерь, тюрьму или колонию посылки и письма в течение 3-х суток направлялись по месту его пребывания. В случае смерти заключенного посылки и письма возвращались отправителю.

В Инструкции 1939 г. указывалось, что каждый работник почтово-посылочной экспедиции и, в первую очередь, начальник экспедиции несут строжайшую ответственность за каждое недоставленное письмо или посылку и тем более за утерю или хищение — вплоть до предания суду (ст. 83—96).

Рассматриваемая инструкция запрещала использование в аппарате Управления лагеря на какой бы то ни было работе заключенных, осужденных по всем пунктам ст. 58 УК РСФСР 1926 г. (об этой статье выше уже говорилось — она предусматривает уголовную ответственность за антисоветскую деятельность), перебежчиков, членов антисоветских партий (меньшевики, эсеры и т. д.), иноподданных, независимо от состава их преступления, а также осужденных за бандитизм и вооруженный разбой.

Однако отдельные заключенные, высококвалифицированные специалисты, по согласованию с 3-м Отделом, независимо от состава

преступления могли быть использованы в Управлении лагеря в качестве консультантов по отдельным отраслям работы или на работе в специально-организованных проектных бюро. Данная оговорка также использовалась на практике довольно часто.

Согласно другим примечаниям, заключенные инженерно-технические работники, осужденные по пунктам 7, 10, 12 и 14 ст. 58 УК РСФСР 1926 г. (противодействие нормальной деятельности государственных учреждений или соответствующее использование их для разрушения и подрыва промышленности, торговли и транспорта, в целях экономической контрреволюции; шпионаж; укрывательство и пособничество всякого рода антисоветским преступлениям, не связанным с непосредственным их совершением или при неосведомленности об их конечных целях; использование религиозных предрассудков с целью свержения рабоче-крестьянской власти или для возбуждения к сопротивлению ее законам и постановлениям), могли быть использованы по специальности на инженерно-технических должностях только в лагерных подразделениях, районах, отделениях, лагпунктах, участках, колоннах, но не на руководящей работе.

Использование на инженерно-технических должностях заключенных, осужденных за контрреволюционные преступления: террор, шпионаж, измену родине, диверсию, участие в контрреволюционных троцкистских, зиновьевских, правых организациях, а также в других антисоветских преступлениях, перебежчиков, членов антисоветских партий (меньшевики, эсеры и др.) — производилось только с разрешения начальника лагеря по согласованию с 3-м Отделом.

Заключенных врачей разрешалось использовать по специальности, причем осужденные за измену родине, шпионаж, диверсию, террор и участие в антисоветских организациях должны были использоваться в больницах, амбулаториях, находящихся внутри зоны. Не допускались к использованию в аппарате Управления лагерных подразделений на работе, связанной с выдачей, хранением и учетом материальных ценностей заключенные, осужденные за растрату, подлог, взятку, мошенничество.

На должности начальников отделов и частей в Управлении лагеря и лагерных подразделений, а также на должности начальников лагпунктов и отдельных командировок, заключенные не могли допускаться, независимо от характера их преступления. Категорически запрещалось использование заключенных на какой бы то ни было работе в охране, в аппаратах отдела режима, отдела кадров, учетно-распределительного, культурно-воспитательного и общеадминистративного отделов Управления лагеря и лагерных подразделений, за исключением нарядчиков и культорганизаторов.

Использование заключенных в качестве культорганизаторов не допускалось из числа осужденных по всем пунктам ст. 58 (преступления против Советской власти), ст. 59 п. 3 (бандитизм), ст. 82 (погреб), ст. 117—118 (взятка), ст. 151—155 (половые преступления), ст. 167 (разбой) УК РСФСР 1926 г. и соответствующим статьям УК союзных республик.

Заключенные, вторично осужденные за преступление, совершенное в лагере, должны были использоваться, как правило, на общих работах. Исключение допускалось только с разрешения начальника

Управления лагеря при условии хорошего поведения заключенного (ст. 97—103).

Немалый интерес вызывает регулирование дисциплинарной практики по Инструкции 1939 г. (ст. 104—137). За нарушение правил внутреннего распорядка, недобросовестное отношение к труду или отказ от работы на заключенных налагались взыскания. При этом четко распределялась компетенция разных должностных лиц.

Так, начальником Управления лагеря могло быть наложено одно из следующих взысканий:

а) лишение свиданий, переписки, передач на срок до 6 месяцев, ограничение в праве пользования личными деньгами на срок до 3-х месяцев и возмещение причиненного ущерба;

б) перевод на общие работы;

в) перевод на штрафной лагпункт сроком до 6 месяцев;

г) перевод в штрафной изолятор сроком до 20 суток;

д) перевод в худшие материально-бытовые условия (штрафной пачек, менее благоустроенный барак и т. п.).

Начальник отделения (района) мог наложить одно из нижеследующих взысканий:

а) лишение свиданий, переписки, передач на срок до 3-х месяцев, ограничение в праве пользования личными деньгами на срок до 2-х месяцев и возмещение причиненного ущерба;

б) перевод на общие работы;

в) перевод в штрафной изолятор до 10 суток;

г) перевод в худшие материально-бытовые условия (штрафной пачек, менее благоустроенный барак и т. п.).

Начальник лагерного пункта мог наложить одно из нижеперечисленных взысканий:

а) лишение передач и переписки на срок до 2-х месяцев, ограничение в праве пользования личными деньгами на тот же срок;

б) перевод в штрафной изолятор до 5 суток;

г) перевод в худшие материально-бытовые условия (штрафной пачек, менее благоустроенный барак и т. п.).

Всякое взыскание, наложенное начальником лагпункта на заключенного, санкционировалось начальником отделения (района). В случае необходимости начальник лагпункта накладывал взыскание с последующим получением санкции.

Командный состав на производстве (главный инженер, начальник работ, прораб) пользовался дисциплинарными правами в пределах, установленных соответственно для начальника лагеря, начальника отделения, начальника лагпункта в отношении следующих видов взысканий:

а) перевод на общие работы;

б) ограничение в пользовании личными деньгами;

в) возмещение причиненного ущерба;

г) перевод в худшие материально-бытовые условия.

Право водворения заключенных в штрафной изолятор, штрафной пункт, карцер и право лишения заключенных свиданий, переписки, передач (посылок) им не предоставлялось.

Десятником могло быть наложено одно из следующих взысканий:

а) перевод на общие работы;

б) перевод в худшие материально-бытовые условия (питание по штрафному котлу, менее благоустроенный барак).

О наложении взыскания на заключенного во всех случаях выносилось мотивированное постановление за подписью начальника лагеря или лагерного подразделения, которое по исполнению приобщалось к личному делу заключенного. При решении вопроса о наложении взыскания начальник лагерного подразделения обязан был заслушать личное объяснение заключенного, нарушившего правила.

Важной представляется норма, согласно которой заключенному разрешалось обжалование наложенного на него взыскания перед вышестоящими начальниками. Начальник Управления лагерей и лагерного подразделения имел право досрочно отменить или снять наложенное взыскание, если работа заключенного на производстве, его поведение в быту и дисциплинированность свидетельствовали о его исправлении.

Кроме того, каждый начальник лагерного подразделения мог возбудить перед вышестоящим начальником как по своей инициативе, так и по заявлению заключенного ходатайство о досрочной отмене или снятии наложенного взыскания, если поведение заключенного и его ударный труд свидетельствовали о его исправлении.

Наложное взыскание должно было быть оформлено приказом (приказанием), в котором указывалось, когда и какое нарушение (поступок) допущено заключенным, какое и на какой срок налагается взыскание. Выписка из приказа (приказания) прилагалась к личному делу заключенного вместе с постановлением.

В отношении заключенных, соблюдающих режим, хорошо проявивших себя на производстве, перевыполняющих установленную норму, могли применяться следующие меры поощрения в зависимости от ранга лагерного руководства.

Начальник управления лагеря:

- а) объявить благодарность в приказе с занесением в личное дело;
- б) выдать премию (денежную или натуральную);
- в) предоставить внеочередное свидание;
- г) предоставить права получения посылок и передач без ограничения;
- д) предоставление право перевода денег родственникам в сумме, не превышающей 100 руб. в месяц.

Начальник отделения, района, отдельного лагерного пункта:

- а) объявить благодарность с занесением в личное дело;
- б) выдать премию (денежную или натуральную);
- в) разрешить внеочередное свидание и внеочередную передачу (посылку);
- г) предоставить право перевода денег родственникам в сумме, не превышающей 50 руб.

Начальник лагерного пункта:

- а) объявить благодарность перед строем без занесения в личное дело;
- б) выдать премию (денежную, натуральную);
- в) разрешить внеочередную передачу (посылку);
- г) предоставить право перевода денег родственникам в сумме, не превышающей 50 руб. в месяц.

Заключенным, работающим стахановскими методами труда, помимо указанных мер поощрения, начальником управления лагеря, начальником отделения (района), отдельного лагпункта и начальником лагерного пункта (участка) могли быть предоставлены следующие льготы:

а) лучшие и благоустроенные бараки, обрудованные топчанами и кроватями, обеспечение постельными принадлежностями, культуголом и радио;

б) специальный улучшенный паек;

в) отдельная столовая или отдельные столы в общей столовой с первоочередным обслуживанием;

г) вещевое довольствие в первую очередь и 1-го срока носки;

д) преимущественное право пользования лагерным ларьком;

е) первоочередное получение книг, газет и журналов из библиотеки лагеря;

ж) постоянный клубный билет на занятие лучшего места для просмотра кинокартин, художественных постановок и литературных вечеров;

з) командирование на курсы внутри лагеря для получения или повышения соответствующей квалификации (шофера, тракториста, машиниста и т.д.).

Главный инженер, начальник работ, прораб в отношении хорошо работающих заключенных применяли все меры поощрения, установленные соответственно для начальника лагеря, начальника отделения, начальника лагерного пункта, за исключением внеочередных свиданий, а в отношении заключенных, работающих стахановскими методами труда, и льготы предусмотренные для стахановцев.

Десятник в отношении хорошо работающих заключенных применял следующие меры поощрения:

а) перевод на более квалифицированную работу;

б) предоставление права перевода денег семье в сумме, не превышающей 50 руб.;

в) ходатайство перед прорабом или начальником лагпункта о предоставлении заключенному льгот, предусмотренных для стахановцев.

В отношении отдельных, особо отличившихся заключенных начальник Управления лагеря и начальник политотдела могли возбудить ходатайство перед Коллегией или Особым совещанием НКВД об условно-досрочном освобождении.

Помимо указанных мер взыскания действовали следующие нормы, содержащиеся в Инструкции 1939 г. В каждом лагере организовывался центральный штрафной лагерный пункт. Он должен был располагаться в наиболее отдаленном от населенных мест и путей сообщения районе с обеспечением усиленной изоляции и охраны, причем охрана комплектовалась из особо проверенных, дисциплинированных и хорошо знающих службу стрелков из вольнонаемного состава.

В центральный штрафной лагерный пункт переводились заключенные:

а) осужденные судами к дополнительным срокам за контрреволюционную деятельность в лагере, за лагерный бандитизм, разбой и побег — сроком на один год;

б) осужденные к дополнительным срокам за прочие преступления в тех случаях, когда начальник лагеря признает необходимым перевод их в штрафной режим на срок до шести месяцев;

в) систематически нарушающие лагерный режим и неоднократно подвергавшиеся взысканиям — на срок до одного года распоряжением начальника ГУЛАГа и на срок до шести месяцев приказом начальника Управления лагеря.

Основанием для перевода в центральный штрафной лагерный пункт являлся письменный приказ начальника Управления лагеря с точным указанием, за что и на какой срок заключенный переводится на штрафной режим. В течение всего времени содержания в центральном штрафном лагерном пункте заключенные использовались только на подконвойных работах. Свидания с родственниками, передачи и переписка им не разрешались. На время нахождения на штрафном режиме заключенные не могли использоваться на административно-хозяйственной работе.

Заключенные, содержащиеся на центральном штрафном лагерном пункте, получали питание по нормам, установленным ГУЛАГом в соответствии с выработкой. При условии примерного поведения и добросовестного отношения к труду распоряжением начальника Управления лагеря заключенные могли быть досрочно переведены на общелагерный режим.

Помимо центрального штрафного лагерного пункта в лагерных подразделениях (лагпункте, отделении, районе) организовывались штрафные изоляторы, расположенные за зоной. При наличии глухого забора возле штрафизолятора последний мог быть расположен и в зоне. В эти изоляторы водворялись заключенные, нарушающие лагерный режим, совершившие различные проступки и отказывающиеся от работы.

Право перевода в штрафной изолятор имел начальник Управления лагеря на срок до 20 суток, начальник отделения (района, отдельного лагпункта) — до 10 суток и начальник лагерного пункта (участка) — до 5 суток. Основанием для перевода в штрафной изолятор служила выписка из приказа или приказания с точным указанием, за что и на какой срок заключенный переведен в штрафной изолятор.

В течение всего времени содержания в штрафном изоляторе заключенные использовались только на подконвойных работах, свидания с родственниками, передачи и переписка не разрешались. Заключенные лишались также табака, бумаги и спичек. Они могли получать питание по нормам, соответствующим их выработке, а отказывающиеся от работы получали питание по нормам штрафного пайка. Заключенные, содержащиеся в штрафизоляторе, до и после работы должны были обыскиваться.

На буйствующих заключенных разрешалось надевать смирительную рубашку в присутствии врача и начальника лагпункта (колонны) на время, установленное врачом в каждом отдельном случае.

При условии примерного поведения и добросовестного отношения к труду распоряжением начальника Управления лагеря, начальника отделения и начальника лагерного пункта заключенные могли быть досрочно переведены на общелагерный режим.

На центральном штрафном лагерном пункте, кроме штрафизолятора, создавались также одиночные камеры (карцер), куда водворялись «особо злостные элементы», нарушающие порядок и режим штрафного лагерного пункта и отказывающиеся от работы. Направление в одиночную камеру применялось в случаях, когда все другие меры воздействия были исчерпаны.

Водворять в одиночную камеру имели право:

- начальник Управления лагеря — на срок до 10 суток;
- начальник района (отделения), в составе которого находился центральный штрафной лагерный пункт, — на срок до 5 суток;
- начальник лагпункта — на срок до 3 суток.

В каждом случае следовало выносить мотивированное постановление, являющееся основанием для водворения в одиночную камеру. Заключенные содержались в одиночных камерах без выхода на работу в помещениях, закрытых на замок. Они лишались прогулок, права пользования табаком, бумагой, спичками.

Находящимся в одиночных камерах заключенным ежедневно выдавались хлеб, кипяток и один раз в три дня жидкая горячая пища.

Для содержания следственных заключенных до направления их в следственный изолятор 3-го Отдела, в штрафном изоляторе выделялась одна или несколько камер. Основанием для содержания заключенного в камере для следственных было постановление 3-го отделения (3-й части), санкционированное прокурором. Питание следственных заключенных, содержащихся в штрафизоляторах, производилось по нормам, установленным для следственных заключенных.

Довольно подробно в Инструкции регулировались вопросы, связанные с жалобами и заявлениями заключенных. Указывалось, в частности, что каждый заключенный имеет право подавать жалобы и заявления как в письменной, так и в устной форме.

Кроме непосредственного приема жалоб и заявлений администрацией лагпункта в каждом лагерном пункте должны были быть ящики для жалоб, адресованных Народному комиссару внутренних дел Союза ССР, начальнику ГУЛАГа, Прокурору Союза ССР, начальнику лагеря и прокурору по надзору за лагерем.

Ящики предписывалось опечатывать печатью Управления лагеря или района (отделения). Они могли вскрываться только доверенными лицами от начальника Управления лагеря, начальника района (отделения) или заместителей не менее 1 раза в 5 дней.

Жалобы и заявления заключенных, адресованные членам Политбюро, секретарям ЦК ВКП(б), ЦК ВКП(б), КПК республик, СНК СССР, Комиссии советского контроля, судебным органам и прокуратуре, а также органам НКВД и поданные в закрытом виде, надлежало немедленно направлять в Управление лагеря для пересылки непосредственно адресатам без ознакомления с содержанием.

Должностные лица, допустившие вскрытие таких конвертов, ознакомление с их содержанием, должны были нести ответственность. На закрытых конвертах заключенные обязаны были указывать свою фамилию имя и отчество. Принятые жалобы и заявления должны были направляться по назначению в 3-дневный срок.

О времени направления жалобы обязательно уведомлялся жалобщик.

К жалобам и заявлениям, поданным как в открытом, так и в закрытом виде, прилагались справки, содержащие следующие сведения: фамилия, имя и отчество заявившего, год рождения, кем, когда, по какой статье и на какой срок осужден заключенный. В отношении следственных заключенных, кроме того, необходимо было указывать: за каким органом числится заключенный. Характеристика об отношении заключенного к труду, соблюдении установленного режима в лагере, наличии административных взысканий и поощрений, наряду со справкой, прилагалась только к заявлениям заключенных о помиловании, адресованным в Президиум Верховного Совета Союза ССР и союзных республик.

К жалобам и заявлениям на незаконные действия лагерной администрации полагалось прилагать исчерпывающие объяснения по существу жалобы или заявления.

Не задерживая отправления жалобы или заявления, содержание которого известно начальнику лагпункта, последний обязан был принять немедленно все зависящие от него меры к устранению указанных в жалобе нарушений, о чем следовало сообщать одновременно с отправкой жалобы в Управление лагеря.

Все жалобы и заявления, подаваемые на имя начальника лагпункта, подлежали расследованию не позднее чем в трехдневный срок. Принятые жалобы и заявления заключенных брались на учет путем регистрации в специальной книге, в которой указывалось время подачи жалобы, краткое ее содержание, куда направлена жалоба и какие по ней приняты меры. В ту же книгу заносились жалобы, изъятые из ящика, с указанием, кому адресованы жалобы и с росписью лица, производившего вскрытие ящика. Указанная книга должна была быть пронумерована, прошита, скреплена печатью и храниться у начальника лагпункта.

О результатах разбора жалобы-заявления следовало объявлять заключенному под расписку, приобщая последнюю к личному делу заключенного (ст. 137—148).

Смерть заключенного и ее причины обязательно должны были удостоверяться актом медицинского осмотра умершего. Извещение родственников о смерти заключенного производилось через УНКВД в порядке, предусмотренном Приказом по НКВД СССР № 00674 от 11 июня 1939 г.

Извещение о смерти заключенного посылалось в судебные или административные органы, вынесшие приговор. Оставшиеся после смерти заключенного вещи и ценности должны были быть выданы его родственникам. Вещи, оставшиеся от приговоренных к высшей мере наказания, родственникам не передавались, а сдавались по акту в фонд государства.

Продовольственная проблема и пути ее разрешения в Восточной Сибири в 1940-е гг.

Проблема продовольственного снабжения населения являлась предельно сложной на протяжении всех 1940-х гг. Особенно острый характер она приобрела в период 1944—1947 гг., когда население многих районов Восточной Сибири балансировало на грани голодной смерти. Серьезные перебои в снабжении населения продуктами появились еще в конце 1930-х гг. Но тогда решением этой проблемы занимались в основном органы центральной власти. С первых же месяцев войны заботы по изысканию дополнительных источников питания легли на плечи местных органов власти. Это объяснялось несколькими причинами.

Распределение промышленных товаров и продуктов питания в 40-е годы, особенно в период действия карточной системы, было жестко лимитировано. Городское население имело право приобретать продукты и товары в пределах установленных норм, которые, однако, не удовлетворяли потребностей жителей региона. Этого не позволяли объемы выделяемых фондов, товары и продукты в соответствии с которыми практически никогда полностью не поступали. К тому же значительная их часть уходила в сферу теневого перераспределения. Недопоставки товаров по фондам часто объяснялись транспортными трудностями, особенно это было характерно для северных районов. Сказывалось отсутствие тары, но чаще всего этих товаров просто не было на складах в местах отправки. Несмотря на то, что уровень недопоставки товаров чрезвычайно трудно отследить в целом по всем отраслям и учреждениям, т.к. сведения не полны, отрывочны, приводятся в различных показателях: процентах, тоннах, рублях, не вызывает сомнения факт, что недополучение товаров и продуктов по выделенным фондам — это постоянное явление 1940-х гг.

В частности, недопоставки по фондам Рыбкооппотребсоюза Бурят-Монгольской АССР в третьем квартале 1943 г. по мясу составили 7,2 т, по маслу — 33 т. Из 199,5 т сахара было поставлено только 74,5, из 520 т соли — 43 т¹. Не изменилось, а даже ухудшилось положение в 1944 г. На 25 сентября 1944 г., т.е. к концу навигации, не были отгружены товары для районов Крайнего Севера по «Рыболовпотребсоюзу» в следующих объемах: 1493,8 т

* Шалак Александр Васильевич — доктор исторических наук (Иркутская Государственная экономическая академия).

муки (потребность — 2062,2 т), крупы — 310,8 т (потребность — 453,8 т) и др.² Если нормы на муку, крупу, сахар, жир, табачные изделия, промышленные товары, выделяемые для рыбаков, перевести в натуральный вид и пересчитать, то их вполне хватило бы семье в пять—шесть человек. Однако ассортимент снабжения рабочих рыболовных заводов осенью 1942 г. в Бурят-Монгольской АССР ограничивался только хлебом, да и тот поступал с перебоями.

Даже в магазинах инвалидов Отечественной войны до конца 1947 г. продажа продуктов осуществлялась в основном карточками-«заменителями». Мясо заменялось яичным порошком, масло животное — маслом растительным и т.д.³ Установленные нормы снабжения, как правило, никогда не выдерживались. Имелись случаи, когда из-за серьезных перебоев в снабжении люди даже отказывались выходить на работу⁴.

Кроме того, с 1943 г. и вплоть до отмены карточной системы правительство постоянно сокращало контингент населения, находящийся на карточном снабжении, и урезало нормы снабжения. Особенно широко это стало практиковаться с конца 1944 г., когда исход войны уже не вызывал сомнения. В начале 1945 г. из 120 тыс. населения г. Читы на карточном снабжении находилось 42 тыс. (35%). Остальные получали только хлеб и сахар⁵. С октября 1946 г. сняли с централизованного снабжения хлебом 71 тыс. населения БМАССР, при этом одновременно сократили расход муки по коммерческой торговле с 617 т в месяц до 289,6 т⁶. В Красноярске в 1946 г. из 200 тыс. населения только 60% имело гарантированное продовольственное снабжение по карточкам. С сентября по декабрь 1946 г. в крае с централизованного снабжения хлебом было снято 648 524 чел., что составляло 50% получающих до этого хлеб по карточкам. Расход пайкового хлеба за этот период в Красноярском крае уменьшился на 7954 т⁷. Руководители Иркутской области в письмах на имя председателя правительства России А.Косыгина и секретаря ЦК ВКП(б) Г.Маленкова сообщали, что жители городов области вообще не получают карточки на жиры, мясопродукты и крупу (кроме г. Иркутска, где выделялись карточки на крупу)⁸. А в сентябре 1946 г. более чем в шесть раз, с 251,4 тыс. чел. до 40 тыс., сократился контингент сельского населения, снабжаемый по карточкам хлебом. Не изменилась ситуация и после отмены карточной системы распределения. По фондам, выделенным области на осень 1948 г., можно было обеспечить население по норме не более 450 г хлеба в день и 600 г крупы и макарон в месяц на человека. Поэтому крупа и макароны отсутствовали в продаже, а в хлебные магазины выстраивались огромные очереди. Таким же положение оставалось и в 1949 г.⁹

При этом нужно учитывать, что увеличение государственных поставок сельскохозяйственной продукции при одновременном ослаблении производительных сил деревни способствовало резкому сокращению объемов колхозной продукции на рынках городов. Прибытие эвакуированных и переселенцев, а в послевоенный период репатриированного населения, развертывание новых произ-

водств на территории Восточной Сибири также потребовало срочно изыскивать дополнительные источники питания. Решение продовольственной проблемы, опираясь на местные ресурсы, стало важным фактором, влияющим на социальное положение жителей региона.

Одним из основных путей решения продовольственной проблемы явилось развитие подсобных хозяйств предприятий, учреждений, а также коллективных и индивидуальных огородов. О важности этого вопроса свидетельствует тот факт, что за четыре года войны вышло шесть совместных постановлений ЦК ВКП(б) и СНК СССР по развитию подсобных хозяйств и огородничества. За 1942—1944 гг. численность семей, имеющих индивидуальные огороды, или участвующих в коллективном огородничестве, по стране увеличилась более чем в три раза (с 5 млн до 16,5 млн), а потребление картофеля и овощей — в два раза¹⁰.

О необходимости развития подсобных хозяйств неоднократно говорилось в решениях местных органов власти уже с самого начала войны. Однако целенаправленный характер с ориентацией на местные резервы и источники эта работа приобрела только после выхода 7 апреля 1942 г. постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О выделении земель под подсобные хозяйства и под огороды рабочих и служащих». К этой работе широко подключались отделы рабочего снабжения предприятий (ОРС). Они существовали в 1932—1936 гг. и вновь были воссозданы решением СНК СССР от 19 февраля 1942 г. Начальники ОРСов являлись заместителями директоров предприятий и входили в номенклатуру обкомов партии. В функции отделов рабочего снабжения входило распределение промышленных и продовольственных товаров, поступающих по централизованным фондам, организация общественного питания на предприятиях за счет продукции, получаемой от подсобного хозяйства и децентрализованных заготовок.

В соответствии с постановлением правительства от 7 апреля 1942 г. на местах решался прежде всего вопрос о выделении земель. До этого значительное количество земель отвели далеко от предприятий, часто они были истощены или даже требовали мелиоративных работ. Руководители предприятий не занимались вопросами аграрной культуры, строительством помещений для скота, подготовкой кадров для подсобных хозяйств. Все это замедляло быструю отдачу от их введения. После выхода упомянутого постановления весной 1942 г. развернулась широкая работа по выявлению свободных земель в пригородной зоне, пустующих участков в городах и поселках, а также свободных земель государственного фонда. Подсобным хозяйствам передавались во временное пользование неиспользованные земли колхозов и совхозов. В Бурятии под индивидуальные и коллективные огороды отводились даже полосы отчуждения шоссейных и железнодорожных дорог.

Одновременно на местах была организована работа по изготовлению необходимого сельскохозяйственного инвентаря. Его производство осуществлялось за счет внутренних резервов предпри-

ятий, дополнительные фонды для этого им не выделялись. На протяжении войны до промышленных предприятий региона доводились планы по производству сельскохозяйственного инвентаря. Местная промышленность Иркутской области только к весенней посевной кампании 1943 г. изготовила и продала 11 599 тяпок, 4479 лопат, 2130 грабель, 4577 железных ведер, 5500 котелков, 2020 железных вил, 500 поливальных установок¹¹. Однако полностью обеспечить потребности предприятий и населения в сельскохозяйственных орудиях труда местная промышленность не могла. Основная причина этого — отсутствие необходимых материалов для их изготовления. Поэтому сельскохозяйственные кредиты, отпущенные на развитие материальной базы подсобных хозяйств, полностью никогда не использовались. По Красноярскому краю из 3957 тыс. руб., выделенных на 1942 г., на 1 октября израсходовали только 38,7% суммы¹². Работа на огородах к этому времени практически завершилась. К решению этой проблемы привлекались также колхозы и совхозы, которые продавали или передавали не используемый ими сельскохозяйственный инвентарь подсобным хозяйствам.

Приходилось также срочно решать задачу снабжения подсобных хозяйств и огородников исходным растительным материалом, прежде семенным картофелем и рассадой. В Красноярском крае выделили для этих целей на 1942 г. 200 т зерна из 10-процентного фонда хлебозакупа и 100 т зерна из излишков семенного фонда, а также за счет этих фондов 2,5 ц капусты, 13,1 ц огурцов, 51 ц моркови, 214,6 ц лука и др.¹³ Впоследствии предприятия ориентировались на выращивание рассады собственными силами. Для этого использовались кухни, квартиры рабочих и служащих, свободные помещения учреждений и предприятий. В Бурятии эта проблема решалась через выращивание рассады в уже действующих подсобных хозяйствах предприятий, в Читинской области — через трест пригородных совхозов. В Иркутской области вначале рассада для огородников и подсобных хозяйств выращивалась в совхозах и ОРСах. Всего на период посевов 1943 г. в области выдали 25 тыс. ц семенного картофеля, передали рабочим выращенных для этой цели 22,5 млн корней рассады капусты, помидоров¹⁴. Посадочным материалом для картофеля чаще всего являлись срезанные верхушки клубня картофеля. Готовились они зимой в столовых либо в индивидуальном порядке. К середине 40-х годов был определен ряд подсобных хозяйств и ОРСов, специализирующихся на выращивании рассады¹⁵.

В связи с широким развитием подсобных хозяйств в регионе была организована подготовка кадров для них, а для индивидуальных огородников — пропаганда агротехнических знаний. В Бурят-Монгольской АССР план на 1942 г. предусматривал подготовку 143 чел., на 1943 г. уже 354¹⁶. Готовились такие специалисты, как заведующие фермами, бригадиры-животноводы, доярки, свиноводы, птичники, ветфельдшеры, телятницы, трактористы, чабаны. Основным источником получения агротехнических знаний рабочих и

служащих, имеющих огороды, являлись статьи, регулярно публикуемые в местной печати, а также лекции, беседы. Особенно большое значение имели публикации в газетах, с которыми выступали ученые, специалисты, просто люди, имевшие практический опыт. В местной печати в первой половине 40-х гг. организовали настоящий ликбез по основам сельскохозяйственных знаний. Создавались и специальные комиссии содействия проведению сева на индивидуальных и коллективных огородах. Принятые меры позволили значительно расширить посевные площади подсобных хозяйств, а также личных и коллективных огородов. На примере Иркутска эта тенденция отражена в таблице 1.

Таблица 1

Развитие подсобных хозяйств, коллективного и индивидуального огородничества по г. Иркутску, 1941—1945¹⁷

Год	Кол-во		Площадь посевов (га)		Валовой сбор картофеля и овощей (т)	
	подсобных хозяйств	охваченных семей	подсобных хозяйств	коллект. и инд. огородов	подсобных хозяйств	коллект. и инд. огородов
1941	48	29384	1901	1212	нет св.	1205
1942	96	47405	5690	1860	22900	1847
1943	123	58238	8310	2481	18000	2481
1944	165	63236	9304	3419	10190	3384
1945	175	нет св.	10620	3481	20000	нет св.

По Иркутску количество подсобных хозяйств к началу 1946 г. выросло в 3,6, а их посевная площадь — почти в 5,6 раза. В то же время валовой сбор картофеля и овощей был подвержен значительным колебаниям, но не превышал уровня 1942 г. Валовой же сбор картофеля и овощей, полученный на индивидуальных и коллективных огородах, стабильно рос и в 1944 г. превысил уровень 1941 г. в 2,8 раза. Низкий валовой сбор в подсобных хозяйствах в 1944 г. объясняется крайне неблагоприятными климатическими условиями (жесточайшая засуха).

Посевы подсобных хозяйств г. Улан-Удэ увеличились с 1011 га в 1941 г. до 4883 га в 1944 г., а поголовье скота в них выросло за этот период с 1505 до 5576. За 1944 г. подсобные хозяйства города заготовили 16 907 т картофеля и овощей¹⁸. Следовательно, темпы роста подсобных хозяйств здесь были выше, чем по г. Иркутску. И, несмотря на то, что их общая посевная площадь почти в два раза уступала аналогичным показателям по г. Иркутску, собираемый урожай картофеля и овощей вполне сопоставим с ними. Объясняется это тем, что в структуре посевов удельный вес картофеля и овощей по Бурятии был значительно выше, чем по Иркутску.

Тенденция увеличения посевных площадей и количества лиц, занимающихся огородничеством в Восточной Сибири, проявлялась достаточно отчетливо. Основной культурой оставался карто-

фель. Его удельный вес в общих посевах, особенно в первый период войны, резко вырос. Если к концу 1942 г. посевная площадь подсобных хозяйств Иркутской области увеличилась по сравнению с 1940 г. в 2,5 раза, то посадки картофеля — в шесть раз. В 1942 г. в подсобных хозяйствах области собранный урожай картофеля составил 24 тыс. т. Столько же тогда область получила по централизованным фондам¹⁹. Еще более быстро росли посевные площади под картофель в Красноярском крае. Там в 1942 г. этот показатель в 20 раз превысил уровень 1941 г.²⁰ Это объяснялось прежде всего бурным развитием личного и коллективного огородничества, где картофель являлся основной культурой. По подсобным хозяйствам предприятий и учреждений края рост посевов как картофеля и овощей, так и их удельный вес в общих посевах был значительно ниже. В качестве примера можно привести данные по Красноярскому краю.

Таблица 2

Удельный вес картофеля и овощей по Красноярскому краю в общих посевах подсобных хозяйств, 1941—1944 гг.²¹

Показатель	1941	1942	1943	1944
Общая посевная площадь подсобных хозяйств (тыс. га)	44,1	73,2	80,2	66,92
Посевы под картофель (тыс. га)	4,56	11,5	16,7	11,90
Посевы под овощи (тыс. га)	1,4	3,5	7,06	4,06
Удельный вес картофеля и овощей в общих посевах подсобных хозяйств (%)	13,5	20,6	29,6	22,36

Как видно из данных таблицы, несмотря на увеличение удельного веса посевов под картофель и овощи в крае к середине 40-х гг. почти на 10%, они, тем не менее, почти в 4,5 раза уступали площади посевов под зерновые. В Читинской области в 1943 г. посевные площади подсобных хозяйств составляли 37458 га, из них посадки картофеля занимали 7443 га, или 19,8%²². Несколько выше удельный вес картофеля и овощей в общих посевах подсобных хозяйств был в Бурятии. План на 1943 г. предусматривал общие посевы в 9295 га, в том числе по картофелю — 3205, овощам — 1763, что составляло более 50% общих посевов, в то время как под зерновые планировалось засеять 2219 га. Это соотношение не изменилось в 1944—1945 гг.²³ Основные площади подсобных хозяйств занимали посевы зерновых. Их удельный вес по Красноярскому краю в 1943 г. составлял 62,4%, по Читинской области — 67%²⁴.

На индивидуальных и коллективных огородах основными культурами являлись овощи и картофель. Из 9314 га общих посевных площадей огородов рабочих и служащих городской местности Красноярского края в 1942 г. 7361 тыс. занимал картофель и 1248 тыс. овощи²⁵. В 1944 г. количество рабочих и служащих, имеющих огороды, выросло по краю на 9,5%, а площадь земельных участков — на 26%. При этом их рост под картофель составил

24%, а под овощи — 42%²⁶. Урожайность картофеля и овощей на индивидуальных огородах значительно превосходила аналогичные показатели в подсобных хозяйствах. Это характерно для всех районов Восточной Сибири. В частности, площадь индивидуальных огородов в Иркутской области выросла к началу 1946 г. в сравнении с 1942 г. в полтора раза, а валовой сбор картофеля и овощей на них — в два раза²⁷. Индивидуальное огородничество быстро развивалось, несмотря на то что до июня 1943 г. доходы рабочих и служащих, полученные с огородных участков, облагались сельскохозяйственным налогом. В сравнении с колхозами и подсобными хозяйствами индивидуальные хозяйства оказались очень устойчивыми даже в экстремальных условиях. Именно в 40-х гг. огородничество стало массовым явлением и прочно вошло в быт горожан. Однако индивидуальным огородникам требовалось охранять свои посевы, ибо на полях процветало воровство.

Наиболее быстрый рост количества подсобных хозяйств и индивидуальных огородов наблюдался на протяжении первых двух лет войны. В Читинской области в течение 1941—1943 гг. их посевные площади увеличились с 12 040,3 га до 37 055²⁸. К концу 1943 г. почти все крупные предприятия не только областных, но и районных центров имели подсобные хозяйства. В Зиминском районе Иркутской области осенью 1943 г. из 15 предприятий в 12 имелись подсобные хозяйства²⁹. При этом в лучшем положении оказались предприятия, заложившие их еще до начала войны. Пик отдачи от таких хозяйств приходился на 1942 г. На заводе им. Куйбышева летом 1942 г. подсобное хозяйство обеспечивало сеть общественного питания по мясу — на 71%, молоку — на 93%, рыбе — на 83%, картофелю — на 100%. Особыми обедами за счет подсобного хозяйства обеспечивались стахановцы, добавочным питанием — работающие сверхурочно, 2-разовым питанием — молодежь до 18 лет. Осенью 1942 г. на каждого человека, работающего на заводе, ежемесячный расход продуктов, включая и отпуск обедов на дом, составлял 3,56 кг мяса и рыбы, 410 г жиров, 1 кг крупы и макарон, 10 кг картофеля и овощей³⁰.

Однако полностью обеспечить продуктами питания трудящихся предприятий за счет их собственной продовольственной базы, как этого требовали директивные документы центральных органов власти, ни одна область Восточной Сибири не смогла, да и вряд ли это представлялось возможным.

Крайне низкой оставались рентабельность подсобных хозяйств, урожайность зерновых и корнеплодов, а также продуктивность животноводства. За всю первую половину 40-х гг. на плановые цифры по этим показателям не удалось выйти ни одной области Восточной Сибири. Для промышленных предприятий и учреждений городов создание собственной продовольственной базы являлось новым направлением их деятельности. На организацию и развитие подсобных хозяйств влияло отсутствие опыта. Прежде всего это относится к предприятиям, развертывающим подсобные хозяйства в условиях военного времени. Несмотря на принимае-

мые решения, не удалось решить проблему кадров, снабдить подсобные хозяйства соответствующим инвентарем, катастрофически не хватало кормов для животноводства.

В качестве примера можно привести подсобные хозяйства торгов и системы общественного питания. Их посевные площади в начале 40-х гг. быстро росли, но материальная база являлась еще более слабой, чем у подсобных хозяйств промышленных предприятий. В середине 40-х гг. подсобное хозяйство Улан-Удэнского треста столовых имело всего 12 плугов, шесть борон, столько же окучников, две сенокосилки, одни конные грабли. Примерно то же имелось в наличии и у других подсобных хозяйств³¹. Возможности по привлечению дополнительных рабочих рук также являлись ограниченными. Поэтому эффективность этих хозяйств была невысокой. За три с половиной года войны подсобные хозяйства торговли, ОРСов, потребкооперации Бурят-Монгольской АССР увеличили поголовье овец в 12,2 раза, крупного рогатого скота — в 5,6 раза, посевные площади — в 3,76 раза, но при этом мяса было произведено больше всего в 2,26 раза, молока — в 2,3 раза³². Земли им выделялись за десятки километров от городов, а для вывоза выращенного урожая не имелось транспортных средств. У Иркутского треста столовых, который в конце 1943 г. обслуживал 55 тыс. чел., не было ни одной машины, ни одной лошади. Кроме того нужно было срочно строить овощехранилища, а это требовало немалых капиталовложений и привлечения дополнительной рабочей силы.

Торги и тресты столовых имели наибольшие возможности для развития животноводства, прежде всего для откорма свиней, поскольку могли в качестве кормов использовать отходы от своего производства. Тем не менее именно по их подсобным хозяйствам поголовье скота росло низкими темпами. Весной 1945 г. из 46 торгов и ОРСов г. Иркутска свинооткормом занималось всего девять организаций³³. По итогам 1944 г. Читинский городской торг получил убытков от своего подсобного хозяйства на 1715 тыс. руб., трест столовых и ресторанов — на 624 тыс. руб. В середине 40-х гг. практически все тресты столовых региона отказались от выращивания свиней в своих подсобных хозяйствах³⁴.

Развитие животноводческой отрасли являлось наиболее сложным делом для всех подсобных хозяйств. В соответствии с планами первоначально предполагалось резко увеличить в них количество крупного рогатого скота. Однако заготовительные конторы не могли справиться с таким объемом работ. Тогда на некоторое время разрешили продажу скота подсобным хозяйствам со стороны колхозов в счет государственных поставок. Однако это привело к бесконтрольному уменьшению численности колхозного стада. Поэтому, например, в БМАССР подобное решение отменили уже в июле 1942 г.³⁵ Еще одним источником поступления скота в подсобные хозяйства являлась контрактация его у рабочих и служащих. За каждую голову выращенного и сданного крупного рогатого животного в возрасте от шести месяцев до одного года им вы-

плачивалась его стоимость по государственной цене и кроме этого полагалось выдавать от 5 до 10 ц грубых кормов в зависимости от качества продаваемого молодняка. За голову овцы или козы старше пяти месяцев полагалось от 0,5 до 1,5 ц грубых кормов³⁶. Рыночные цены в десятки раз превосходили государственные, и поэтому предлагаемые условия не могли являться стимулом для рабочих и служащих выращивать скот по контрактации. Органы власти, настаивая на увеличении поголовья скота в подсобных хозяйствах, действовали в основном административными мерами. Несмотря на все трудности, поголовье скота удавалось наращивать. По подсобным хозяйствам Иркутска конское поголовье увеличили с 1265 голов в 1944 г. до 1711 голов по итогам 1945 г. Рост по крупному рогатому скоту составил 407 голов, овец и коз — 1345 голов³⁷.

Оставалась низкой и эффективность животноводческой отрасли в подсобных хозяйствах. Ожидаемых результатов от нее не было получено. В подсобном хозяйстве завода № 540 Иркутской области надои молока на одну корову по итогам 1942 г. составили всего 200 л. В подсобных хозяйствах торговых организаций из планируемых 9990 ц мяса было получено лишь 27%, при этом вынужденный забой и падеж составил свыше 2600 голов скота³⁸. Основной причиной низкой продуктивности животноводства являлась неразвитость кормовой базы, и создать ее за такое короткое время на планируемое поголовье скота не представлялось возможным. В Читинской области весной 1944 г. 10% валового сбора картофеля разрешили использовать на корм скоту³⁹, но и это не помогло изменить положение.

Не лучше обстояло и с урожайностью зерновых. В особенно тяжелом положении оказались подсобные хозяйства маломощных предприятий. Например, посеы швейной фабрики Иркутска осенью 1941 г. составили 70 га картофеля, 3 га капусты, 3 га корнеплодов. При этом после подведения итогов себестоимость оказалась выше планируемой по картофелю почти в 3 раза, по капусте — в 17 раз, по корнеплодам — в 6 раз⁴⁰. В Бурятии по итогам 1942 г. урожайность по картофелю от плановой составила 16—50%, по капусте — 30—60%, моркови — 2—55%, свекле — 9—40%, огурцам — от 2 до 74%. Только одно подсобное хозяйство «Кумысолечебница» перевыполнило план по урожайности по ряду основных культур⁴¹.

В Красноярском крае из-за засухи самая низкая урожайность в подсобных хозяйствах была получена в 1944 г. Поэтому в столовых многих предприятий уже в декабре этого года не имелось картофеля и овощей⁴². Средняя урожайность в подсобных хозяйствах Читинской области по итогам 1944 г. по картофелю составила 37 ц, по овощам — 43 ц, по зерновым — 2,4 ц с га⁴³. Сказывалось отсутствие необходимых агротехнических знаний, не хватало удобрений, отсутствовала возможность широко привлекать рабочих на прополку и обработку посевов. Результатом этого являлись невы-

сокое качество посевов, засоренность почв сорняками и как результат — низкая урожайность.

Следует также отметить, что особенно в начальный период планирование развития подсобных хозяйств в регионе слабо увязывалось с реальными возможностями предприятий и организаций. Быстро нарастив посевные площади, предприятия и организации оказались не в состоянии качественно обрабатывать посевы. Это также в значительной мере способствовало распылению сил и, как следствие — низкой урожайности. Постепенно формировалось понимание, что требуется длительная, кропотливая работа в этом направлении и что стать высокоэффективными за один-два года подсобные хозяйства не смогут. Поэтому плановые показатели по урожайности для подсобных хозяйств постепенно снижались. В качестве примера этой тенденции можно привести данные по подсобным хозяйствам Бурят-Монгольской АССР.

Таблица 3

Задания по урожайности по подсобным хозяйствам Бурят-Монгольской АССР, 1943—1945 гг. (ц с га)⁴⁴

Культура	1943	1944	1945
Картофель	100—130	100	70
Овощи	120—180	110	100
Зерновые	10—11	9	7
Корнеплоды	140—170	—	—

По республике к середине 40-х гг. задания по урожайности были снижены на 20—30%. В Иркутской области аналогичные показатели по урожайности на 1945 г. снизили в среднем на 20%⁴⁵.

Сложным делом являлось развитие подсобных хозяйств и огородничества в северных районах региона. Основная причина этого — отсутствие земель с плодородным слоем, пригодных для посевов. Не имелось и условий для внесения удобрений, повышения плодородности земель. Тем не менее здесь также наблюдался рост посевов подсобных хозяйств предприятий, но отдача от них была еще ниже, чем в других районах. Основные посевные площади подсобных хозяйств в этих местах занимали посадки под картофель и овощи. Посевы зерновых развития не получили. Так же как и везде, значительно выросли площади посевов коллективных и индивидуальных огородов.

Из-за отсутствия кормов с серьезными трудностями в этих районах сталкивалось и развитие животноводства. Для крупного рогатого скота и лошадей силосовали траву «Иван-чай» или «Коневик». В качестве силоса использовали и картофельную ботву. Для откорма свиней заготавливали мох ягель. В Бодайбинском районе Иркутской области это позволило поддерживать поголовье крупного рогатого скота на уровне 1940 г.⁴⁶

В течение 1942—1944 гг. все близлежащие земли вокруг городов были заняты под подсобные хозяйства и огороды. Поэтому дальнейшее их развитие столкнулось с серьезными трудностями. Развитие по экстенсивному пути за счет новых площадей исчерпало свои возможности. Мелкие организации и предприятия не могли осваивать земли за десятки километров от городов. В то же время предприятия имели ограниченные возможности для ведения подсобного хозяйства на интенсивной основе. Причины этого кроются прежде всего в отсутствии серьезных экономических стимулов (во второй половине 40-х гг. подсобные предприятия облагались натуральными налогами), неразвитости их материальной базы, вследствие чего предприятия и организации несли серьезные убытки.

С чисто экономической точки зрения, оторванной от конкретно-исторической ситуации, может показаться, что подсобные хозяйства в 40-е годы не играли особой роли в продовольственном снабжении населения. Как уже отмечалось, их характеризует низкая урожайность, плохие надои, незначительный привес, высокий падеж скота, и, как правило, солидные убытки. При значительном увеличении площадчества реальной продукции. Кроме того в течение 1946—1947 гг. собранный ей и поголовья скота подсобные хозяйства в регионе практически не наращивали объемов производ подсобных хозяйствах урожай зерновых за исключением семенного фонда полностью изымался в фонд государства, предприятиям ничего не оставалось. Это еще более подрывало кормовую базу для развития животноводства в них и лишало всяких стимулов для наращивания продукции.

Однако при всем этом необходимо учитывать следующее. Централизованно выделяемые промышленным предприятиям фонды продовольствия сокращались и поступали нерегулярно. Производительные силы деревни были серьезно подорваны войной, и выращенного урожая не хватало для выполнения планов по государственным поставкам. Поголовье скота в колхозах сократилось, что резко ограничивало возможность заключения договорных отношений с ними через рынок. В такой ситуации наиболее реальным путем решения продовольственной проблемы являлось быстрое развитие собственного подсобного хозяйства. Несмотря на то что 50% выращенного урожая изымалось в счет государственных поставок, все же оставался определенный реальный физический продукт, который стал важным подспорьем в питании рабочих и служащих. Например, подсобное хозяйство Иркутского противочумного института, находящееся в 70 км от города, в 1944 г. обеспечило доход в денежном эквиваленте в 70,4 тыс. руб. Расходы же на ведение составили 107 тыс. руб., из чего можно сделать вывод о его полной нерентабельности. Так ли это на самом деле? Руководство института оценило заготовленное сено для скота и лошадей по 180 руб. за т., килограмм свеклы — по 75 коп., турнепса — 95 коп. и т. д.⁴⁷ Если бы данное учреждение попыталось приобрести продукцию на стороне, то фактические за-

траты были бы в несколько раз выше. Нарядов на получение такого объема продукции из государственных фондов института никто бы не выдал. В данном же случае за счет продукции от собственного подсобного хозяйства работала столовая института, еще оказывалась помощь семьям фронтовиков. Поэтому развитие подсобных хозяйств и огородничества, особенно в период 1941—1947 гг., сыграло чрезвычайно важную роль в обеспечении сети общественного питания продуктами питания, явилось одним из важнейших направлений решения продовольственной проблемы. Расчеты, проведенные по г. Иркутску показывают, что из необходимых населению картофеля и овощей около 30% этой продукции в течение 1941—1945 гг., за исключением неурожайного 1944 г., город получал за счет подсобного хозяйства предприятий и учреждений. Это во многом способствовало обеспечению того уровня питания, который позволял труженикам промышленных предприятий выполнять плановые задания.

Однако в той форме, в какой получили развитие подсобные хозяйства в регионе, они имели массу издержек. Стремление заставить каждую организацию и учреждение иметь собственную продовольственную базу приводило к огромной растрате материальных и физических ресурсов. Вряд ли имело смысл заставлять заниматься этим маломощные организации, выделяя им участки земли за десятки километров от городов. Очень часто ничего, кроме засорения почв сорняками, траты семян и действительно солидных убытков, это не приносило. Для трестов столовых вообще было целесообразнее сконцентрироваться на откорме свиней, не заниматься выращиванием картофеля. Что же касается крупных предприятий, имеющих материальную базу для содержания подсобного хозяйства, то им правильнее было в тех условиях первоначально сосредоточиться на полевых работах, а животноводческую продукцию выращивать на договорных условиях с колхозами, оказывая им помощь в заготовке кормов, техникой, рабочей силой. И только по мере подготовки материальной базы, прежде всего соответствующих помещений, кормов, подготовки специалистов в области животноводства развивать и эту отрасль подсобных хозяйств. Естественно, что эти вопросы требовали для своего решения времени, продуманной работы, в том числе и по подготовке кадров, но в экстремальных условиях 40-х гг. большинство проблем решалось по команде, наскоком, ценой огромных усилий, растраты материальных и человеческих ресурсов. И это отчетливо проявилось в решении продовольственной проблемы посредством развития подсобных хозяйств предприятиями и учреждениями.

Наряду с этим направлением большую роль в Восточной Сибири в решении продовольственной проблемы имели заготовка мяса диких животных и водоплавающей дичи, сбор дикорастущих плодов и ягод. Для этого начиная с 1942 г. на предприятиях в охотничий сезон создавались специальные бригады. Аналогичные бригады создавались для лова рыбы на второстепенных водоемах и сбора дикорастущих растений. Из планируемой заготовки рыбы

по Иркутской области на 1942 г. в объеме 1200 т 756,5 т приходилось на собственный лов. Мяса в подсобных хозяйствах требовалось заготовить 234 т, в том числе мяса диких животных 191 т, убой водоплавающей и боровой дичи составлял 109 тыс. штук, сбор дикого лука — 35 т, черемши — 212 т⁴⁸. Таким образом, по своим объемам данный источник продовольствия сопоставим по ряду параметров с подсобными хозяйствами предприятий. В последующие годы заготовке природных продуктов питания также уделялось серьезное внимание. В сентябре 1943 г. в области было принято специальное решение об отстреле диких животных в осенне-зимний период 1943 г. Предприятиям разрешалось освобождать от работы желающих выйти на охоту на срок до месяца. За перевыполнение плана отстрела диких животных охотникам выделяли промышленные товары в размере 15% стоимости сданного мяса. Половина мяса, заготавливаемого в выходные дни, шла в их личное пользование⁴⁹. В годы войны этот источник питания играл важную и все возрастающую роль. В качестве примера можно привести данные по Красноярскому краю.

Таблица 4

Заготовка природных продуктов питания по торгам и трестам столовых Красноярского края, 1941—1943 гг.⁵⁰

Вид продукции	1941	1942	1943
Рыба (т)	616	—	2506
Мясо диких животных (т)	38	214	410
Отстрел дичи (шт.)	15323	44905	99460
Дикорастущая зелень (т)	158	1045	1700

Как видно из приведенных данных, заготовка рыбы в крае за два года выросла в 4 раза, мяса диких животных и дикорастущий зелени более чем в 10 раз. Заготовки мяса домашних животных от собственного хозяйства треста столовых и торговых организаций края составили в 1943 г. 1896 т. Таким образом, каждый 4—5-й кг. мяса в то время в крае появлялся на столе трудящихся в результате отстрела диких животных.

Значительная часть мяса животных, водоплавающей дичи, а также рыбы для местных нужд заготавливалась в северных районах региона. Главная трудность заключалась в доставке заготовленных продуктов питания в города. Как правило, основную часть продукции можно было переправить в города весной с открытием навигации, но к этому времени значительная часть рыбы и мяса нередко приходила в негодность. Не хватало также овощехранилищ, тары для заготовки овощей, грибов, ягод. И если районы выходили из положения за счет ремонта старой тары, то торги областных центров иногда просто отказывались принимать отгруженную продукцию, ссылаясь на отсутствие мест для ее хранения⁵¹. Поэтому с начала 40-х гг. органы власти значительное внимание в целях

решения продовольственной проблемы уделяли строительству овощехранилищ в городах. К середине войны напряженность с овощехранилищами в основном была снята. Лишь по г. Иркутску к декабрю 1943 г. с помощью населения удалось полностью закончить строительство 12 овощехранилищ емкостью 2400 т⁵².

К сбору дикорастущих в регионе широко привлекались пионеры и школьники, формировались бригады в райцентрах и городах. Только из Иркутска в 1942 г. на заготовку дикорастущих плодов и ягод было отправлено 98 бригад (всего 1361 чел.)⁵³. В целях материального стимулирования сборщиков предусматривался ряд мер. В Красноярском крае разрешалось оставлять у себя до 20% собранной продукции. Школьников премировали письменными принадлежностями, и до 5% собранной продукции выдавали им на руки⁵⁴. В Бурятии сборщики и сдатчики дикорастущих при выполнении плановой нормы обеспечивались нормой хлеба 500 г, орехов — 600 г. При перевыполнении нормы полагалось 50 г хлеба за каждый дополнительно собранный килограмм, а при перевыполнении плана по сбору орехов устанавливалась суточная норма хлеба в 700 г. При невыполнении норм сбора дикорастущих и орехов нормы хлеба снижались на 100 г⁵⁵.

В первой половине 40-х гг. удалось найти способ витаминизировать питание. В качестве заменителя витамина «С» широко использовался экстракт из настоя хвой сосны. Особенно широкое распространение он получил в Бурятии. Решением местной власти от 3 июня 1942 г. на Улан-Удэнском ликеро-водочном заводе была организована ежедневная выработка хвойного настоя в количестве 10 тыс. декалитров. Ежемесячно под выпуск этого напитка заводу отпускалось 2 т сахара. Только с июля по ноябрь 1942 г. завод изготовил 80 тыс. декалитров хвойного настоя. Он с успехом потреблялся в детских и лечебных учреждениях, в госпиталях, шел в продажу также и через торговую сеть⁵⁶.

Одновременно в глубинных районах производилась заготовка и переработка на месте соков дикорастущих плодов и ягод в экстракты. Отходы от них шли на приготовление чая и кофейных напитков. Всего по Восточной Сибири было создано 12 таких пунктов⁵⁷. В определенной степени решению этой задачи способствовало также развитие садово-ягодных культур в подсобных хозяйствах.

Следует подчеркнуть особо важную роль всех этих источников питания в экстремальных ситуациях. Часто именно они позволяли спасать людей от голодной смерти. Когда весной 1943 г. в Газимуро-Заводском районе Читинской области возник голод, были сформированы бригады по отстрелу диких животных, для которых органы НКВД выделили 24 винтовки⁵⁸. В результате многие жители района получили помощь.

Серьезным источником питания для жителей Восточной Сибири являлся лов рыбы, в том числе и на второстепенных водоемах. Работа в этом направлении была развернута параллельно с созданием подсобных хозяйств. В 1943 г. в регионе была проведена большая организационная работа по созданию специальных рыбо-

ловецких колхозов, которыми изготавливалась основная масса рыбы. Кроме этого к лову рыбы широко привлекались сельскохозяйственные артели. Орудия лова для них поставляли рыбозаводы. В 1946—1947 гг. план по рыбодобыче для колхозов не доводился, но с 1948 г. сельскохозяйственные артели вновь привлекались к лову рыбы. В 1948—1949 гг. по Иркутской области план доведен до 394 колхозов, т.е. до каждого третьего колхоза области. К лову рыбы привлекалось примерно столько же колхозников, сколько было занято на лове рыбы в рыболовецких колхозах. Однако проблема материального стимулирования не решалась и в рыболовецких колхозах. На протяжении 40-х гг. рыба сдавалась по расценкам, установленным в 1936 г. Мелкий чистик принимался по цене 25 коп. за килограмм, крупный — за 75 коп., а лососево-сиговая рыба — от 80 коп. до 1,7 руб., в то время как от рыбаков государственных предприятий та же самая рыба принималась по цене соответственно 1 руб., 2,2, руб., 3,5 руб. В связи с этим заработная плата по рыболовецким колхозам являлась очень низкой, а в зимний период времени она исчислялась в месяц несколькими рублями. Например, в рыболовецких колхозах Иркутской области средняя заработная плата за февраль 1950 г. составила 20 руб. 11 коп.⁵⁹ Рыба, выловленная сверх плана, вся изымалась и распределялась государственными органами. Как только колхозы выполняли план, до них органы власти доводили новые обязательства. Кроме основного плана каждый колхоз имел еще два-три плана (от местного райисполкома, рыбозавода и т.д.).

В этих условиях рыболовецкие колхозы вынуждены были ориентироваться на развитие собственных подсобных хозяйств, и они в самообеспечении играли все возрастающую роль. В конце 40-х годов основная часть членов этих колхозов была занята в сельскохозяйственном производстве. Что же касается сельскохозяйственных артелей, то для них рыбный промысел обернулся сплошными убытками. Многие колхозы, до которых доводился план по рыбе, находились в десятках километрах от водоемов, либо же вообще не имелось водоемов для промыслового лова рыбы. Иногда отдельные колхозы, не приступая к лову рыбы, закупали ее в других районах, где лов рыбы велся наиболее интенсивно, или обменивали на сельскохозяйственную продукцию. Были даже попытки просто закупить ее в магазинах и таким образом выполнить план. Таким образом подобная практика планирования лова порождала «двойную бухгалтерию», когда за одну и ту же рыбу могли отчитываться дважды различные хозяйства. Только в начале 1951 гг. правительство в жесткой форме потребовало не доводить план по лову рыбы до колхозов, основанных на Уставе сельскохозяйственной артели, которые не имели расположенных вблизи промысловых водоемов.

Этот источник питания по объемам продукции не уступал заготовкам мяса, а в первые годы даже значительно превосходил их. Так же как отстрел диких животных, сбор дикорастущих плодов и ягод, лов рыбы имел большое значение в экстремальных условиях,

когда из-за засухи получали низкие урожаи в подсобном хозяйстве или не получали фонды по централизованным поставкам. В Читинской области в тяжелейшем 1947 г. на местных водоемах улов рыбы составил 877 т, в то время как децентрализованные закупки торговлей мяса составили 691 т, а рыбы 355 т⁶⁰. В значительной степени на этот источник питания ориентировались также подсобные хозяйства детских домов и Домов инвалидов. В ряде случаев им разрешался лов рыбы и на тех водоемах, где ее добычу вели рыбозаводы и рыболовецкие колхозы⁶¹. Несмотря на запрет ловли рыбы для любителей на тех водоемах, где велся лов рыбы государственными организациями, рыбу ловили и продавали на сторону. И это было широко распространенным явлением. Лишь в начале 50-х гг. государственные органы узаконили этот процесс, официально разрешив лов рыбы для любителей, но в строго определенных местах на период не более месяца, и при этом 70% выловленной рыбы они должны были сдавать в государственное рыбное хозяйство⁶².

Наиболее широко лов рыбы в 40-х годах был развернут на Ангаро-Енисейском водном бассейне, в северных районах Восточной Сибири, а также на оз. Байкал в годы войны. В Ямало-Ненецком округе Красноярского края почти все колхозники и коренное население использовали на круглогодичном лове рыбы. Это являлось одной из причин значительного сокращения там поголовья оленей, а также того, что до 40% колхозников не имели их в тот период и в личном хозяйстве⁶³. В Ольхонском районе из 22 колхозов 21 осуществлял свою деятельность на уставе рыбацкой артели и в конце 40-х гг.⁶⁴. Органы власти в начале 40-х годов пытались довести планы по лову рыбы до всех организаций, не считаясь с их реальными возможностями, обеспеченностью транспортом, орудиями лова. Эта попытка обернулась сплошными убытками по причине объективных трудностей. Например, по гастроному г. Иркутска улов рыбы за пять месяцев 1942 г. составил 100 кг при плане 10 т, при этом себестоимость килограмма рыбы оказалась 120 руб. Другие мелкие организации и учреждения вообще не приступали к лову рыбы⁶⁵. Среди городских предприятий региона ловом рыбы занимались наиболее крупные предприятия. Однако в первой половине 40-х гг. лов рыбы в регионе велся бесконтрольно. Главным являлись объемы ее добычи, причем ловили рыбу и в период нереста. В Читинской области только торгами и ОРСами в течение 1942—1944 гг. было выловлено 4150 т рыбы⁶⁶.

Поэтому уже к середине 40-х гг. в местах наиболее интенсивного лова запасы промысловых рыб резко сократились. Это имело отношение и к оз. Байкал. В 1942 г. лов омуля здесь составил 6938,9 т, и в то время практически вся рыбодобыча в Бурятии сводилась к этому. Но в дальнейшем, несмотря на увеличение количества рыбаков и орудий лова, наблюдалось постоянное снижение добычи омуля. В 1945 г. его было выловлено только 2334,6 т, что составляло 33,6% к уровню 1942 г., но благодаря организации лова рыбы на других водоемах республики общий улов рыбы составил

6781,1 т⁶⁷. В послевоенный период в местах, где лов рыбы в период войны велся наиболее интенсивно, ввели жесткие ограничения на лов рыбы в период нереста. На Байкале запретили даже ловить рыбу подсобным хозяйствам детских домов и Домов инвалидов и приступили к строительству рыбоперерабатывающего завода на р. Селенга. Во второй половине 40-х гг. роль этого дополнительного источника питания снизилась. В послевоенный период не увеличивались и планы по рыбодобыче для госрыбтрестов. В местах, где лов рыбы велся наиболее интенсивно (Байкальский водный бассейн, Таймыр), не удалось достигнуть показателей военных лет даже к 1950 г.

Серьезное значение для решения продовольственной проблемы в 40-е гг. имели децентрализованные заготовки продуктов питания, осуществляемые торговыми организациями (таблица 5). Однако по удельному весу они значительно уступали объемам получаемой продукции от подсобных хозяйств. Широкого развития из-за острейшего дефицита продовольствия они не получили. На протяжении 1945—1948 гг. удельный вес децентрализованных фондов в общем поступлении товаров по Восточной Сибири колебался в пределах 10%. В связи с налаживанием коммерческой торговли, а затем последовавшей отменой карточной системы внимание властных структур к этому дополнительному источнику питания ослабевает.

Таблица 5

Объем децентрализованных заготовок в Восточной Сибири по отдельным видам продуктов питания, 1947 г. (т)⁶⁸

Продукт	Красноярский край	Иркутская обл.	Читинская обл.	БМАССР
Мясо и птица	439,5*	26,6	5,7	17,63
Мясо диких животных	368,5	1,3	5,6	—
Рыба	330,8	11,3	6,3	0,94
Картофель	1674,3	—	15,8	—
Дикорастущие плоды и ягоды	625,3	156,0	166,0	18,79
Грибы сухие	—	4,0	1,9	2,0
Грибы соленые	—	17,0	4,9	—

Примечание: *В живом весе.

Для сравнения отметим, что по Красноярскому краю всего за счет подсобных хозяйств и децентрализованных заготовок торговых организаций в 1946 г. получили 19 700 т картофеля, 790 т овощей, 2190 т молока, 944 т мяса, 1850 т мяса, 375 т ягод, 400 т грибов⁶⁹. Также значительно уступали децентрализованные закупки продуктов питания торгами в сравнении с общими объемами заготавливаемой продукции в подсобных хозяйствах предприятий, а

также сбор ими дикорастущих и отстрел диких животных и птицы по другим областям Восточной Сибири⁷⁰.

Одним из направлений решения продовольственной проблемы являлись меры по развитию колхозной торговли на городских рынках. С началом войны, как уже отмечалось, завоз продуктов со стороны колхозов и сельского населения в города сократился. Ослабленные войной производительные силы деревни не могли обеспечить хотя бы довоенного уровня поставок сельскохозяйственной продукции на рынки городов. Ограничены были и возможности личных приусадебных хозяйств жителей села. В 1942 г. по Читинской области удалось заключить только 13 договоров с колхозами на поставку продукции на городские рынки⁷¹. Значительно сократился завоз продукции и на рынок областного центра.

Таблица 6

Завоз продуктов на рынок Читы, 1941—1942 гг. (т)⁷²

Продукт	1941	1942	в т.ч. колхозы
Мясопродукты	735	160,5	108,9
Молочные	140	121,6	17,1
Картофель	766	356,5	6,9
Овощи	210	186,7	37,4

Особенно существенно, в 4,5 раза, сократилось поступление на рынки города мясопродуктов, а также картофеля (сокращение в 2,1 раза). При этом удельный вес колхозной продукции являлся существенным только в поставках мясопродуктов, по молочным видам продуктов он составил 14%, по картофелю — меньше 2%, по овощам — 20%.

В Улан-Удэ из-за отсутствия завоза сельскохозяйственной продукции с начала 1942 г. прекратили работу рынки завода № 99 и паровозоремонтного завода. На 1 марта в городе на поставки продуктов для рынков удалось заключить только пять договоров. На это же время 1941 г. их имелось 163. Во многом этому способствовало штатное расписание рынков, по которому из 38 работников только один являлся районным агентом, т.е. практически отсутствовала связь между управлением рынков и колхозами. Поэтому штатное расписание рынков в республике пересмотрели, количество разъездных агентов было увеличено до четырех-пяти. Одновременно в целях упорядочения торговли, чтобы товары не реализовывались вне рынка по более высоким ценам, в Улан-Удэ создали дополнительно три рынка⁷³.

С началом войны резко сократилась выездная торговля на рынках Иркутска. В денежном выражении колхозы уже в 1941 г. продали продуктов населению областного центра на 38% меньше в сравнении с предшествующим годом. Удельный вес торговли колхозов в начале 1942 г. составлял не более 15%⁷⁴. Поэтому здесь также были внесены существенные изменения в организацию кол-

хозной торговли. Договоры на поставки продуктов питания стали заключаться между районами и крупнейшими предприятиями области⁷⁵. Одновременно создавались условия для заинтересованности колхозов и сельских жителей в торговле на городских рынках. С этой целью органы власти стремились организовать встречную продажу товаров широкого потребления, для которой выделялись фонды и открывались торговые точки. Принимались решения по вопросам бытового обслуживания колхозников, приезжающих на городские рынки. Предусматривалось открытие для этого общежитий, Домов колхозников, чайных, складов, снабжение весами. В пригородных поездах обеспечивался беспрепятственный проезд. В то же время вводился жесткий контроль и ограничения в торговле продуктами на рынках. В частности, в феврале 1942 г. постановлением бюро Улан-Удэнского горкома партии для проезда в город колхозников на поезде «Наушки — Улан-Удэ» выделялся специальный вагон, и провоз багажа не должен был превышать 100 кг. За превышение нормы устанавливался штраф⁷⁶. Едва ли такая мера способствовала расширению колхозной торговли и наполнению рынка продовольственными товарами. Спрос же на продукты питания был значительно выше, чем в довоенный период, из-за недопоставок по выделенным фондам, а также в связи с тем, что большая часть населения осталась вне нормированного снабжения и не имела возможности приобрести продовольственные товары в магазинах. Поэтому цены на продукты питания быстро росли.

Таблица 7

**Цены на основные продукты питания
на рынках Читы и Улан-Удэ, 1941—1943 гг. (руб. за кг)⁷⁷**

Наименование	1941		1942		1943	
	Чита	Улан-Удэ	Чита	Улан-Удэ	Чита	Улан-Удэ
Масло	30	32	150	150	800	—
Мука	—	2,2	7	75	45	120
Картофель	2	0,9	20	15	35	25
Мясо	20—28	16—20	60—80	100	220—350	200—300
Сало	35	20	180	100	600	300
Молоко (л)	3	6	30	40	70	60
Яйцо (10 шт.)	10	13	80	—	200	120
Лук	3	5	7	—	45	—
Капуста	2	—	20	—	40	—

Как следует из приведенных данных, цены на основные продукты питания в областных центрах в течение 1941—1943 гг. выросли более чем в 20 раз. Цены на продукты питания в небольших городках были значительно ниже, чем в областных центрах. В первом квартале 1943 г. килограмм мяса в Чите стоил 220—350 руб., в г. Бабушкине — 130—160 руб., в г. Кабанске — 80—120 руб., ки-

лограмм сливочного масла в Чите — 800 руб., 400 руб. в Бабушкине и 150—180 руб. в Кабанске⁷⁸. Жители малых городов имели гораздо больше возможностей для ведения личного подсобного хозяйства, что снижало высокий спрос на продукты питания. Кроме того следует отметить, что цены существенно повышались там и тогда, когда местные власти принимали решения о запрещении торговли продуктами колхозам и колхозникам до полного выполнения планов по поставкам зерна и мяса государству. Это подтверждается анализом статистических отчетов о базарных ценах на сельскохозяйственные продукты по городам и районным центрам Восточной Сибири. Как правило, большинство товаров в этом случае вообще исчезало с рынков, и в статистических отчетах стоят сплошные прочерки. Так было, например, в Красноярском крае в период заготовительной кампании 1946 г.⁷⁹ Картина с продажей продуктов на базарах по статистическим отчетам выглядит предельно пестрой. В г. Чите из-за неурожая начиная с 1943 г. колхозы практически прекратили завоз продуктов на рынки города. Во многих других районах региона в отдельные периоды вся торговля на базарах сводилась к продаже свеклы и картофеля. При этом цены на продукты питания были значительно выше в северных районах Восточной Сибири⁸⁰. Подсобные хозяйства там не получили широкого развития, а поставки по централизованным фондам срывались из-за транспортных трудностей. Как правило, доставить все товары в период навигации не успевали. Летняя навигация в регионе носила кратковременный характер, а фондируемые товары поступали с большим опозданием. Поэтому сроки летней навигации постоянно оттягивались с громадным риском заморозить суда на случайных отстоях. Несмотря на это, северные районы постоянно недополучали товары и технику. Для нормального хода навигации требовалось концентрировать в портах отправки не менее 90% всех товаров, предназначенных для северных районов, к маю, т.е. к началу открытия навигации на сибирских реках⁸¹.

В послевоенный период колхозы постепенно наращивали объемы продажи продуктов питания на рынках. В 1949 г. по колхозам Иркутской области было выделено для продажи на рынках мяса и молока чуть более 70% к уровню 1940 г.⁸² Но в целом по объемам колхозной торговли на рынках на уровень предвоенных лет к 1950 г. не вышла ни одна область региона.

Анализ продовольственной проблемы в 40-е гг. свидетельствует, что ее решение не сводилось к государственному закупу сельскохозяйственной продукции у кооперации и поставкам по централизованно выделяемым фондам. Именно дополнительные источники питания, изыскиваемые на местах, позволяли в значительной степени снимать напряженность в продовольственном снабжении. В этих вопросах органы власти в регионе обладали определенной самостоятельностью и действовали порой весьма оперативно. Потребности населения в продуктах питания удовлетворялись в регионе за счет децентрализованных заготовок, подсоб-

ных хозяйств, индивидуальных и коллективных огородов, личного подсобного хозяйства, сбора ягод и дикорастущих трав, отстрела диких животных и водоплавающей дичи, организованной ловли рыбы. В общем балансе снабжения тружеников промышленных предприятий их доля в отдельные периоды являлась весьма значительной. По итогам 1943 г. на заводе им. Куйбышева г. Иркутска по централизованным фондам было получено мяса 81,9 т, рыбы 121,2 т. В то же время от подсобного хозяйства и за счет децентрализованных заготовок удалось получить 76,9 т мяса, 39,1 т рыбы, 4,2 т сливок, а также значительное количество ягоды, черемши и др.⁸³ Несмотря на высокие цены, в снабжении городских жителей также важную роль имела торговля продуктами на колхозных рынках. В совокупности это обеспечило тот минимум питания, при котором прежде всего труженики промышленных предприятий смогли трудиться и который сделал возможным поддерживать через систему общественного питания такие слои населения, как дети, инвалиды Отечественной войны, семьи военнослужащих.

Примечания

¹ НАРБ (Национальный архив Республики Бурятия). Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 3740. Л. 68.

² Там же. Д. 4078. Л. 90. Д. 4371. Л. 89.

³ См., напр.: ЦХИДНИКК (Центр хранения и использования документов новейшей истории Красноярского края). Ф. 26. Оп. 4. Д. 34. Л. 120.

⁴ См., напр.: НАРБ. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 3727. Л. 6—7.

⁵ РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 17. Оп. 122. Д. 108. Л. 127.

⁶ Там же. Д. 725. Л. 16.

⁷ Там же. Д. 154. Л. 44; Оп. 88. Д. 749. Л. 75.

⁸ ЦДНИИО (Центр документов новейшей истории Иркутской области). Ф. 127. Оп. 14. Д. 275. Л. 1, 2.

⁹ Там же. Д. 271. Л. 60; Д. 578. Л. 240; Д. 682. Л. 22, 48.

¹⁰ Чернявский У.Г. Снабжение городского населения в Великую Отечественную войну. М., 1964. С.141, 145.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 178. Л. 20.

¹² ЦХИДНИКК. Ф. 26. Оп. 3. Д. 323. Л. 81.

¹³ Там же. Л. 315.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 178. Л. 20.

¹⁵ ЦДНИИО. Ф. 127. Оп. 14. Д. 78. Л. 182.

¹⁶ НАРБ. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 3730. Л. 27; Д. 3738. Л. 22.

¹⁷ ЦДНИИО. Ф. 159. Оп. 6. Д. 340. Л. 18—19; Д. 447. Л. 68; Оп. 7а. Д. 184. Л. 54. Д. 196. Л. 29; Д. 230. Л. 6; Д. 277. Л. 46; Д. 293. Л. 19.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 108. Л. 17.

¹⁹ ЦДНИИО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 692. Л. 9.

²⁰ ЦХИДНИКК. Ф. 26. Оп. 3. Д. 30. Л. 28.

- 21 Составлена и рассчитана по данным: ЦХИДНИКК. Ф. 26. Оп. 3. Д. 323л. Л. 80—81; Оп. 15. Д. 33. Л. 106.
- 22 ГАЧО (Государственный архив Читинской области). Ф. 3-п. Оп. 1. Д. 1212. Л.60.
- 23 НАРБ. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 3738. Л. 20; Оп. 7. Д. 4114. Л. 77; Д. 4314. Л. 86.
- 24 ЦХИДНИКК. Ф. 26. Оп. 3. Д. 323. Л. 82, 83. ГАЧО. Ф. 3-п. Оп. 1. Д. 1212. Л.60.
- 25 ЦХИДНИКК. Ф. 26. Оп. 4. Д. 34. Л. 19.
- 26 Там же. Оп. 15. Д. 28. Л. 48.
- 27 ЦДНИИО. Ф. 127. Оп. 14. Д. 336. Л. 152.
- 28 ГАЧО. Ф. 3-п. Оп. 1. Д. 1376. Л. 51; Д. 1502. Л. 8.
- 29 ЦДНИИО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 829. Л. 6.
- 30 Там же. Д. 687. Л. 164; Д. 697. Л. 9.
- 31 НАРБ. Ф. 196. Оп. 7. Д. 74. Л. 35.
- 32 Там же. Ф. 663. Оп. 1. Д. 907. Л. 1.
- 33 ЦДНИИО. Ф. 159. Оп. 70. Д. 172. Л. 42.
- 34 ГАЧО. Ф. 3-п. Оп. 1. Д. 1969. Л. 11.
- 35 НАРБ. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 3777. Л. 26.
- 36 Там же. Д. 3733. Л. 22.
- 37 ЦДНИИО. Ф. 159. Оп. 7а. Д. 172. Л. 43.
- 38 Там же. Ф. 127. Оп. 14. Д. 113. Л. 59, 60; Оп. 1. Д. 636. Л. 57.
- 39 ГАЧО. Ф. 3-п. Оп. 1. Д. 1717. Л. 94.
- 40 ЦДНИИО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 684. Л. 106.
- 41 НАРБ. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 3738. Л. 20.
- 42 ЦХИДНИКК. Ф. 26. Оп. 15. Д. 33. Л. 22.
- 43 ГАЧО. Ф. 3-п. Оп. 1. Д. 1969. Л. 11.
- 44 НАРБ. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 3738. Л. 56; Д. 4114. Л. 26.
- 45 ЦДНИИО. Ф. 159. Оп. 7а. Д. 184. Л. 54.
- 46 Там же. Ф. 29. Оп. 1. Д. 1287. 31 об.
- 47 ГАИО (Государственный архив Иркутской области). Ф. 2709. Оп. 2. Д. 28. Л. 33—34.
- 48 ЦДНИИО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 629. Л. 17; Д. 635. Л. 34.
- 49 Там же. Д. 817. Л. 20.
- 50 ЦХИДНИКК. Ф. 26. Оп. 14. Д. 608. Л. 8, 9, 12.
- 51 ЦДНИИО. Ф. 159. Оп. 6. Д. 298. Л. 2—3, 27.
- 52 Там же. Д. 484. Л. 68—69.
- 53 Там же. Д. 340. Л. 40.
- 54 ЦХИДНИКК. Оп. 3. Д. 323е. Л. 34—36; Д. 323а. Л. 70—71.
- 55 НАРБ. Ф. 663. Оп. 1. Ед. хр. 315. Л. 103.
- 56 НАРБ. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 3732. Л. 29; Д. 3722. Л. 22.
- 57 Там же. Д. 862. Л. 23, 24.
- 58 ГАЧО. Ф. 3-п. Оп. 1. Д. 1487. Л. 9
- 59 ГАИО. Ф. 2816. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 61, 171.
- 60 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 891. Л. 39.
- 61 ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 413. Оп. 1. Д. 852. Л. 52.

- 62 ГАИО. Ф. 2816. Оп. 1. Д. 16. Л. 9, 10, 19, 42—43, 78, 80, 92.
- 63 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 136. Л. 333.
- 64 ГАИО. Ф. 2816. Оп. 1. Д. 16. Л. 47.
- 65 ЦДНИИО. Ф. 159. Оп. 6. Д. 375. Л. 17.
- 66 НАРБ. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 4371. Л. 89.
- 67 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 136. Л. 56.
- 68 Составлено по данным: ГА РФ. Ф. 374. Оп. 8. Д. 786. Л. 27; Д. 676.
Л. 46; Д. 785. Л. 7, 17.
- 69 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 749. Л. 74.
- 70 Там же. Д. 843. Л. 35; Д. 891. Л. 39.
- 71 Там же. Д. 250. Л. 32.
- 72 Там же. Л. 176, 183.
- 73 НАРБ. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 3729. Л. 71—71.
- 74 Рассчитано по данным: ЦДНИИО. Ф. 159. Оп. 6. Д. 484. Л. 59.
- 75 Там же. Ф. 127. Оп. 1. Д. 623. Л. 38, 40; Д. 783. Л. 24.
- 76 НАРБ. Ф. 2-п. Оп. 1. Д. 1898. Л. 48.
- 77 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 250. Л. 32; НАРБ. Ф. 196. Оп. 7. Д. 118.
Л. 48; Д. 136. Л. 29, 39.
- 78 НАРБ. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 3946. Л. 122, 126.
- 79 ГА РФ. Ф. 374. Оп. 8. Д. 613. Л. 18—24; Д. 517. Л. 14.
- 80 Там же. Д. 1128. Л. 31, 33, 129, 152.
- 81 ЦДНИИО. Ф. 127. Оп. 14. Д. 578. Л. 255.
- 82 ГАИО. Ф. Р-2816. Оп. 1. Д. 10. Л. 140.
- 83 Подсчитано по: ЦДНИИО. Ф. 159. Оп. 7а. Д. 64. Л. 16.

Налоговая система России

Эволюция налоговой системы России в XIX веке

XIX в. составил особый, переломный период в истории налогов Российской империи. К середине столетия окончательно оформилась податная система, основы которой заложили преобразования Петра Великого. Во второй половине XIX в. наступила пора коренных изменений всей структуры налогов: Россия, ставшая на путь форсированного развития экономики, нуждалась в притоке ресурсов. Кроме того, социальные преобразования требовали реформирования патриархальных податей и появления принципиально новых сборов. Происходили эти изменения не просто, решение масштабной задачи сталкивалось с многочисленными препятствиями, главное из которых — хронический недостаток финансовых средств. Реформаторские замыслы, как с горечью отмечали современники, не могли не вступить в неминуемый конфликт с жизненными реалиями. По образному выражению крупного экономиста и финансового деятеля старой России П.Х.Шванебаха, «податная система складывается десятилетиями, если не веками, в теснейшей зависимости от политического, социального и бытового строя страны. Начертание податной системы на «рациональных началах» — дело настолько же беспочвенное, как несбыточна мысль о перекройке бытовых порядков по велениям логики и рассудка»¹.

Программа оздоровления финансов М.М.Сперанского

Девятнадцатому веку досталось от предыдущего столетия простое наследство. Создание Петром I могущественной державы и бесконечные войны его преемников были оплачены дорогой ценой: около $\frac{3}{4}$ всех государственных расходов на протяжении XVIII века шло на обслуживание нужд армии и флота. Расширение империи и рост административного аппарата требовали все новых средств, которые черпались из кармана российского обывателя. Создание податной системы, основой которой являлась введенная в 1721 г. «подушная» подать, на первых порах удовлетворило интересы фиска. Однако на протяжении второй половины XVIII в. рост тяжести податного обложения уже не смог покрыть

* Шацлло Михаил Корнельевич — кандидат исторических наук (Институт российской истории РАН).

недостатка в государственных средствах: за 34 года царствования Екатерины общая сумма расходов увеличилась в 4,3 раза, в то время как население выросло менее, чем в 2 раза². Именно поэтому правительство в 1769 г. обратилось к новым средствам — заключению займов за границей и выпуску бумажных денег, усиленная эмиссия которых могла служить легким способом покрытия бюджетных дефицитов (за период с 1769 по 1800 г. количество ассигнаций, находившихся в обращении, увеличилось почти в 100 раз).

В конце правления Екатерины II государственный долг превышал суммарный государственный доход за десятилетие, денежное обращение было расстроено, бюджет имел хронический дефицит. За несколько лет царствования Павла I мало что изменилось. Его сын Александр I, вступивший на престол в первый год девятнадцатого века, намеревался провести многочисленные реформы, в том числе, и финансовую. Для более эффективного государственного управления было создано восемь министерств, включая Министерство финансов, в ведении которого было общее заведование податным делом. Первым главой финансового ведомства стал А.И.Васильев (1802—1807), который применял традиционные финансовые меры: для покрытия ежегодных бюджетных дефицитов широко практиковались займы в казенных банках и выпуск ассигнаций.

Реформатором государственных финансов в условиях новой системы управления суждено было стать не руководству Минфина, а государственному секретарю М.М.Сперанскому. В 1809 г. по заданию Александра I он приступил к составлению программы реформ, получившей название «План финансов». Задача перед ним стояла непростая. Как писал барон М.А.Корф, один из ближайших сотрудников М.М.Сперанского, «...125000000 дохода, 230000000 расхода, 577000000 долга, ни одного готового источника — вот какую была исходная точка, от которой надлежало идти к исправлению наших финансов...»³ И действительно, в силу неблагоприятных внешних факторов (войны с Францией, Персией, Турцией, Швецией, разрыв традиционных связей с Англией из-за вынужденного присоединения к введенной Наполеоном континентальной блокаде) среднегодовой дефицит за 9 лет (1801—1809) составлял почти 50 млн руб., расходы ежегодно в среднем на одну треть превосходили государственные доходы. Чрезвычайная ситуация сложилась в 1809 г., когда дефицит достиг 157,5 млн рублей — суммы, значительно превышавшей годовой доход⁴.

«План финансов» — объемный доклад в 238 статей⁵ — был подготовлен к концу 1809 г. и состоял из двух частей, представлявших последовательные этапы реформирования: первая рассматривала план мероприятий на 1810 г., вторая — устройство финансов «на будущее время». Его главные предложения состояли в следующем: во-первых, оздоровление денежной системы страны, главным образом, путем пресечения выпуска новых партий ассигнаций, во-вторых, установление жесткого контроля над государст-

венными издержками и, наконец, сокращение расходов и ликвидация хронической финансовой болезни — дефицита бюджета. Таким образом, от ставшего традиционным способа покрытия бюджетных дефицитов — выброса ассигнаций — автор «Плана финансов» решительно отказывался, тогда как быстрых и эффективных источников дохода у государства не было. Выход из этого положения М.М.Сперанский видел в значительном увеличении налогового пресса. Повышение налогов рассматривалось М.М.Сперанским в качестве временной меры, устанавливаемой на один год⁶.

В начале 1810 г. «План» был передан для обсуждения в Государственный Совет, где получил одобрение, и 2 февраля был издан манифест, придавший концепции М.М.Сперанского силу закона. В «Манифесте» все находящиеся в обращении ассигнации признавались «действительным государственным долгом, обеспеченным всем богатством империи». Декларировалась отмена новых выпусков бумажных денег, а также предлагались две радикальные меры для выхода из кризиса: «всевозможное сокращение расходов и приумножение в существующих податях и налогах»⁷. Повышались подушная и оброчная подать, налоги с купеческих капиталов, таможенные пошлины, гербовый и паспортный сборы, увеличивалась цена на казенную соль; в столицах (т.е. Петербурге и Москве) вводился процентный сбор с торгующих в лавках крестьян, сбор с иностранных ремесленников. Новым элементом в фискальных преобразованиях было то, что правительство сделало попытку привлечь к платежу прямых налогов и поместное дворянство. Предполагалось «со всех помещичьих имений, не исключая и удельных и прочих императорской фамилии принадлежащих, собрать умеренную часть их чистого дохода, расчисляя оный по пятидесяти копеек с каждой ревизской души». Специально оговаривалось, что «все сии прибавки в податях устанавливаются на текущий ныне 1810 год»⁸.

Однако 1811 г. начался тем, что Манифестом 25 января налоги, установленные единовременно, в виде чрезвычайной меры, были преобразованы в постоянные⁹. «Умеренное», по словам М.М.Сперанского, повышение налогов на деле вылилось в весьма ощутимое усиление податного бремени — ставки сборов были увеличены в среднем в 1,5 раза, что дало существенное приращение доходной части бюджета.

В начале 1812 г. было решено вновь обратиться к усилению налогового пресса, однако ожидаемые средства предполагалось направить не на покрытие ежегодных расходов, а на оздоровление кредитной системы страны. Еще в 1810 г. по замыслу М.М.Сперанского была учреждена Комиссия погашения долгов, действовавшая независимо от управления финансов и отвечавшая за платежи по займам и погашение ассигнаций. Манифестом 11 февраля 1812 г. в распоряжение Комиссии предоставлялся специальный капитал, который складывался из двух частей: дохода от продажи государственных имуществ и новых прибавок к налогам, при этом

прибавки не должны были включаться в общую роспись государственных доходов, а предназначались «единственно на погашение долгов»¹⁰. Как и два года назад, повышались подушная и оброчная подати, сбор с купеческих капиталов, различные виды пошлин. Кроме того, были установлены новые налоги с торгующих крестьян и учрежден процентный сбор с помещичьих доходов по добровольному их объявлению¹¹.

Несмотря на принятый законодательный акт, Комиссия погашения долгов так и не приступила к своей деятельности, хотя новые подати и налоги были введены в действие. Предположения М.М.Сперанского об отдельном управлении долгами и источниками их обеспечения не осуществились. Налоговые поступления, предназначавшиеся для погашения долгов, пополнили общую массу казны, остро нуждавшейся в средствах для ведения войны 1812 г.¹²

Ни одна правительственная акция не вызывала столь единодушного неприятия всех слоев общества, как увеличение налогового бремени. По справедливому наблюдению одного из дореволюционных исследователей, «как ни старался Сперанский разъяснять свою теорию в введениях к манифестам, коими объявлялось то прекращение выпуска ассигнаций, то усиление прежних налогов, то введение новых, то учреждение банков и комиссии погашения долгов, то, наконец, продажа государственных земель, — все это было принято публикой и массой народа только с одной стороны — как сознание правительства в расстроеном состоянии финансов государства и как отягощение всех классов новыми налогами с целью увеличения государственных доходов»¹³. По словам другого автора, после очередного повышения налогов, «народ почувствовал новую тягость и виновником этого начал считать Сперанского; тогда заговорили: дерет этот попович кожу с народа»¹⁴.

Несогласие с курсом Сперанского, и, прежде всего, с повышением налогов высказывали и многие известные общественные деятели. Уже в 1810 г. В.П.Кочубей, член состоявшего из либеральных единомышленников царя Негласного комитета, подал Александру I записку «Об исправлении финансовой системы», в которой отмечалось, «что нельзя отнюдь ожидать, чтоб одни налоги могли вывести нас из затруднительного положения, в коем мы находимся. В настоящем распорядке вещей всякий год надобно будет их добавлять и правительство, обращаясь в круге порочном, никогда из оного не выйдет»¹⁵. Если даже сторонники умеренных реформ, вроде В.П.Кочубея, критиковали действия правительства, то консервативная оппозиция решительно высказалась против осуществления преобразований. Ее своеобразным манифестом стала «Записка о древней и новой России» историка Карамзина, в которой нелицеприятному разбору подвергались все начинания М.М.Сперанского, в т.ч. и его финансовые преобразования. Резких слов осуждения заслужил и указ о налогах 2 февраля 1810 г. «Умножать государственные доходы новыми налогами, — писал о

нем Н.М.Карамзин, — есть способ весьма ненадежный и только временный... Казна богатеет только двумя способами: размножением вещей, или уменьшением расходов — промышленностью или бережливостью... Миллион, сохраненный в казне за расходами, обращается в два; миллион, налогом приобретенный, уменьшается ныне вполовину, завтра будет нулем»¹⁶.

Несмотря на предпринимаемые М.М.Сперанским усилия, ему не удалось и оздоровить денежное обращение в стране. Резкое сокращение государственных расходов в 1810 г. должно было, согласно утвержденной смете, обеспечить положительное сальдо, однако бюджетный год и на этот раз завершился дефицитом в 65 млн руб. В 1810 г. выпущено было для покрытия прямых расходов новых банкнот на 43 млн руб.¹⁷, ассигнации упали до 70% номинальной стоимости. Правительство было вынуждено отложить планировавшееся прекращение ассигнационных выпусков.

Что же послужило причиной провала программы оздоровления отечественных финансов? По всей видимости, решающими стали два обстоятельства. Во-первых, для решения таких глобальных задач, как создание стабильной денежной системы и рационализация государственных расходов, было выбрано далеко не благоприятное время. Кризисная экономическая ситуация усложнялась вынужденным разрывом традиционных деловых связей в результате присоединения к системе «континентальной блокады» Англии, а также в связи с колоссальными военными расходами в преддверии неизбежного столкновения с наполеоновской Францией. Другой промах Сперанского заключался в том, что для борьбы с одним злом (бумажно-денежной инфляцией и ее последствиями) было выбрано зло едва ли не большее — существенное ужесточение налогового бремени. В итоге реформаторские начинания разбились о глухую стену всеобщего осуждения. Обвиняемый недоброжелателями в многочисленных грехах, еще недавно самый влиятельный сановник России попал в царскую немилость и в марте 1812 г. был выслан из Петербурга под надзор полиции.

От политики реформ — к частным мерам

Менее чем через два месяца после издания последнего финансового манифеста Сперанского была отменена одна из важных установок «Плана финансов» — сокращение объема бумажных денег. 9 апреля 1812 г. был издан манифест «О введении повсеместно единообразного обращения государственных банковых ассигнаций», согласно которому «повелевалось налоги, определенные на серебро, взимать ассигнациями по 2 рубля за рубль, а доходы таможенные, с казенных земель... — по 3 рубля за рубль»¹⁸. С помощью этих мер Министерство финансов предполагало восстановить упавшую стоимость ассигнаций. В результате в стране появились как бы два обособленных вида денег — металлические и бумажные, причем соотношение их ценности часто определялось со-

глашением частных лиц при заключении конкретных сделок (так называемый «простонародный лаж», продержавшийся до 1830 г.).

Манифест 9 апреля 1812 г. знаменовал собой отказ от попыток реформирования финансов и переход к новому правительственному курсу, нацеленному преимущественно на решение фискальных проблем. Проводником этого курса стал вышедший из тени после ухода Сперанского министр финансов Д.А.Гурьев, служивший в Министерстве финансов со времени его основания. Деятельность Д.А.Гурьева в качестве руководителя финансового ведомства (1810—1823 гг.) отличалась сугубым прагматизмом: министр умел легко отказываться от ранее принятых решений, если обстоятельства момента доказывали их неэффективность или ошибочность. Так, выступив в самом начале своей деятельности сторонником выпуска ассигнаций, Гурьев впоследствии активно проводил изъятие из обращения бумажных денег. Другим проявлением известной гибкости министра финансов стали его меры в области таможенной политики. В 1816 и в 1819 гг. были приняты либеральные тарифы, в результате которых западноевропейские товары наводнили рынки России. Многочисленные жалобы отечественных предпринимателей (русские купцы называли тариф 1819 г. «вторым разорением» после наполеоновского нашествия) убедили правительство в невозможности русской промышленности конкурировать с западноевропейской. Министр финансов был вынужден прибегнуть к противоположной крайности, подписав в 1822 г. строго запретительный протекционистский тариф, сохранившийся без существенных изменений до 1850 г.¹⁹

Существенные изменения за довольно короткий срок претерпели и взгляды министра финансов на принципы налоговой политики. Вначале он не только поддерживал жесткие меры Сперанского, но и выступал с собственными предложениями по ужесточению податного бремени. Но уже в скором времени стало ясно, что осуществленные в 1810—1812 гг. повышения ставок всех старых налогов и введение новых подорвали налоговоспособность населения. В тяжелом для страны 1812 г. общее количество недоимок достигло 120 млн руб., а в первую треть 1813 г. оно умножилось еще на 60 млн. В итоге 30 августа 1814 г. был опубликован манифест, согласно которому по всей империи аннулировались податные недоимки до 1-го января 1813 г., а для губерний, наиболее пострадавших от неприятеля, отменялись подушные подати за 1813 г. и процентные деньги с купеческих капиталов. Равным образом отменено было взыскание недоимок и штрафов по процентному сбору с помещичьих доходов за 1812, 1813 и 1814 гг., а также «всякого рода начисления по делам казенным, долее десяти лет продолжающимся, либо неумышленные утраты не свыше двух тысяч рублей»²⁰.

В подобной ситуации Д.А.Гурьев отказался от идеи ужесточения податного бремени. Во всеподданнейшем докладе 14 декабря 1816 г. он изложил свое мнение о необходимости обратиться к упрочению государственного бюджета, не прибегая к увеличению на-

логов, а единственно путем сокращения издержек²¹. Однако, не сумев выдержать предложенный им же курс, министр финансов разработал проект введения таких налогов, которые «справедливы и способны умножить государственный доход». Такими свойствами обладало, по мысли Гурьева, косвенное обложение.

Первой мерой, нацеленной на усиление эффективности косвенного обложения, стало усовершенствование сбора соляного налога. Для этого был принят ряд законодательных постановлений, изменивших традиционно казенный характер соляной регалии. Согласно Соляному уставу 1818 г. при общем сохранении государственной монополии частные предприниматели допускались как к продаже, так и добыче соли. Затем в 1821 г. Гурьевым были предложены новые налоги в виде пошлин с наследства, духовных завещаний, крепостных актов и гербовой бумаги, которые были введены в действие указом 24 декабря²². И, наконец, самым масштабным начинанием в налоговой сфере стала попытка введения винной монополии в 20 губерниях.

Д.А.Гурьев полагал, что утвердившаяся в 1795 г. в России система откупов была крайне неэффективной в фискальном отношении. Сумма выплачиваемого населением налога, который определялся разницей между стоимостью издержек производства и продажной ценой водки, не составляла чистого дохода казны, ибо значительная часть поступлений оседала в карманах откупщиков. По словам Д.А.Гурьева, «содержатели откупов, умножая свои прибыли за счет народа и казны и мало-помалу соединяя в небольшом числе рук великие капиталы из сборщиков дохода превратились в распорядителей оного в свою пользу»²³. Министр финансов считал, что все сборы с предметов потребления следовало бы перевести в форму акциза. Признавая сложность этой задачи, он предложил для начала изменить систему организации питейного налога, учредив как переходную меру казенное управление.

2 апреля 1817 г. состоялось принятие «Устава о питейном сборе», по которому изготовление и розничная продажа питей объявлялись свободными, а за казной оставлялись заготовка и оптовая продажа вина. Однако новый порядок сбора не оправдал себя в финансовом отношении: введение винной монополии оказалось плохо подготовленным, и, начиная с 1821 г., питейный налог стал безостановочно понижаться. Д.А.Гурьев принимал самые разнообразные меры для исправления положения: вице-губернаторы, у которых замечался резкий упадок дохода, смещались, избалованные в злоупотреблениях предавались суду, назначались многочисленные сенаторские ревизии. Тем не менее, никакие административные усилия не могли остановить падение дохода.

Характеризуя деятельность Гурьева на посту министра финансов, можно сказать, что она была типичной для бюрократа той поры царствования Александра I, когда наметился переход от либеральных начинаний к умеренному курсу. На место приверженцев решительных мер приходили чиновники, действовавшие преимущественно на основе эмпирических соображений. Так, Гурьев

на основании собственной практики пришел к идее о необходимости резкого сокращения государственных расходов. Что же касается возможностей пополнения доходов казны, то слабая платежеспособность большинства населения делала бессмысленным повышение прямых налогов. Однако увеличение косвенных налогов могло быть вполне эффективным с фискальной точки зрения. Подобная линия была продолжена и в значительной степени развита преемником Гурьева — Е.Ф.Канкриным, ставшим одним из самых ярких государственных деятелей николаевской эпохи.

Главные черты «науки управления» Е.Ф.Канкрин

В одной из своих записок в 1826 г. Е.Ф.Канкрин подробно изложил взошедшему на престол императору Николаю I свои принципы: «Главные черты ныне принятой финансовой системы основаны на том простом правиле, что народ ежегодно должен собрать обыкновенными способами то, что потребно на содержание государства». Канкрин сформулировал, по его словам, «частные правила системы», относившиеся к основам налоговой политики: «1) избегать новых займов, особливо заграничных, а еще более умножения массы ассигнаций, равно, по мере возможности, и новых налогов. 2) Делать всевозможные облегчения в повинностях, улучшить существующие источники доходов и приостановить упадок других»²⁴.

«Система» Канкрин была нацелена исключительно на упорядочение и рационализацию государственных финансов. При этом, не отличаясь радикализмом, она сочетала преемственность курса с новаторским подходом. В 1826 г. был издан новый таможенный тариф, основанный на тех же началах протекционизма, что и тариф 1822 г. Канкрин видел в высоком таможенном обложении ввозимых промышленных продуктов не только способ покровительства отечественной промышленности, но и своеобразное средство пополнения казны в первую очередь за счет привлечения к платежу налогов представителей привилегированных неподатных сословий, в большей степени ориентированных на потребление импортных товаров. В итоге, благодаря повышению пошлин на импортируемые товары таможенный доход с 11 млн руб. в 1824 г. поднялся до 26 млн руб. в 1842 г.²⁵ Одной из особенностей тарифа 1826 г. являлось обложение значительной пошлиной привозного сахара с целью поощрения русского свеклосахарного производства, что привело к быстрому росту этой отрасли промышленности. Если первый свеклосахарный завод в России возник в 1802 г., то в 1845 было уже 206 фабрик с производством в 484 тыс. пудов, а еще через три года — 340 заводов с производством в 900 тыс. пудов.

Самым радикальным начинанием Канкрин в налоговой сфере стала реформа обложения торгово-промышленной деятельности. Налогообложение торговли и промышленности по своей фискальной результативности значительно уступало сборам с сельскохо-

зайственного населения, составляя не более $1/10$ от них. Это объяснялось несколькими причинами. С одной стороны, аграрный сектор долгое время оставался ведущим в народном хозяйстве страны. С другой — правительство поддерживало зарождающуюся отечественную промышленность, содействуя ей за счет других областей экономики путем низких ставок налогообложения и осуществления протекционистской таможенной политики. Наконец, причиной низкой эффективности промышленного налога можно считать несовершенство его исчисления и сбора. Введенная в 1775 г. форма сбора налога в виде уплаты ежегодно 1% с объявленного ими «по совести» капитала имела тот недостаток, что единицей обложения служили не действительные масштабы торгово-промышленной деятельности, а объявленный капитал. При этом закон не предусматривал контроля властей за реальной величиной капиталов, предоставляя выявление этого показателя воле самих плательщиков. Неравномерность обложения усиливалась также из-за того, что некоторым представителям купечества позволено было записываться в «семейный капитал» без платежа отдельного купеческого сбора.

В начале XIX в. все изменения в системе торгово-промышленного обложения шли по трем направлениям: увеличение нижних пределов для купеческих капиталов всех трех гильдий, повышение процентного сбора с объявляемых капиталов и расширение круга плательщиков за счет привлечения к сборам предпринимателей, не принадлежавших к купеческому сословию (указы 1807, Манифест 11.02.1812). В итоге, доход от гильдейского обложения (после повышения ставки до $4\frac{3}{4}\%$ и привлечением к уплате крестьян) увеличился в 3,5 раза и достиг в 1813 г. суммы, превышавшей 15 млн руб. Однако, начиная со следующего года, он стал неуклонно падать, составив в 1824 г. лишь около 9 млн руб.²⁶ Снижение налоговых поступлений, а также явные недостатки системы сбора побудили правительство приступить к реформе промышленного обложения.

14 ноября 1824 г. было принято «Дополнительное постановление об устройстве гильдий и о торговле прочих состояний», со введением которого начался новый период в истории торгово-промышленного обложения. Предложенная Канкриним т.н. «патентная» система в основе своей сохранилась вплоть до 1917 г. Суть ее заключалась в том, что налог, вместо процентного сбора с объявляемых капиталов, уплачивался путем покупки «патента на право торговли и промыслов». Другой особенностью нового налога стало введение в обложение прогрессивного начала: в случае, если количество лавок (под «лавками» понимались не только торговые, но и промышленные заведения) превышало определенное число, дополнительно уплачивался билетный сбор. И, наконец, для мещан, прежде свободных от промышленного обложения, были установлены особые свидетельства²⁷.

«Положение» 1824 г. сначала способствовало увеличению поступлений промышленного налога — в 1825 г. он достиг более

13 млн руб. по сравнению с 9,5 млн в предыдущем году. Но затем началось неуклонное падение поступлений, составивших 10,8 млн в 1826 г., 8,1 — в 1827, 7,8 — в 1828²⁸, что было вызвано стремлением мелких предпринимателей (мещан и крестьян) уйти от излишне обременительного обложения. Правительство вынуждено было пойти на уступки и указами, принятыми в 1826 и 1827 гг., была сокращена стоимость патентов на мелкие предприятия. В результате в 1830 г. падение доходов от торгово-промышленного обложения прекратилось и наметился постепенный рост, составивший за десятилетие 1830—1840 гг. — 40%, 1840—1860 гг. — 20%, 1850—1860 гг. — 50%; в 1860 г. сумма промыслового налога составила 5,2 млн руб. против 2,2 млн в 1830 г.²⁹

Вторым крупным налоговым мероприятием Е.Ф.Канкрин на посту министра финансов стала отмена не оправдавшего себя в фискальном отношении казенного управления питейными сборами и возобновление откупной системы, которая поправила состояние бюджета, став вскоре самым крупным источником государственного дохода. Е.Ф.Канкрин приписывал падение питейного дохода двум основным причинам: во-первых, злоупотреблениям чиновников питейного управления, не исключая во многих случаях вице-губернаторов; во-вторых, контрабанде вина из Малороссии, Царства Польского и прибалтийских губерний (эти местности империи находились на особом положении и производство в них алкогольных напитков облагалось меньшей ставкой сборов)³⁰. В 1827 г. откупа в великорусских губерниях были восстановлены, что не только остановило наметившийся при казенном управлении упадок питейного налога, но способствовало увеличению его поступлений в государственный бюджет.

Одним из самых крупных успехов Канкрин стало установление рекордно малых показателей дефицита бюджета, достигнутых в первые годы царствования Николая I благодаря резкому сокращению государственных, в первую очередь, военных расходов. Сокращение расходов по бюджетной росписи 1827 г. против 1823 г. составляло 65 млн руб., причем наибольшее уменьшение приходилось на смету Военного министерства. Во всеподданнейшем отчете, посвященном 10-летию своего управления Министерством финансов, Е.Ф.Канкрин констатировал, «что только сим способом можно избежать новых налогов и что уменьшение расходов, поколику оно возможно, и облегчение тягостей народа составляют одно из важнейших правил науки управления»³¹. Однако неблагоприятные внешние обстоятельства затрудняли проведение Канкриным политики оздоровления отечественных финансов. Так, войны с Персией (1826—1828 гг.), Турцией (1828—1829 гг.) и подавление восстания 1831 г. в Царстве Польском требовали дополнительных расходов.

Активная российская внешняя политика и содержание самой крупной армии в мире ставили крест на сокращении государственных расходов и на попытке создания бездефицитного бюджета. Министр финансов прекрасно осознавал, что для быстрого попол-

нения казны иного средства, чем повышение налогов, не было. Однако неразвитая российская промышленность еще не могла служить полноценным источником государственного дохода, а крестьянство — основной плательщик податей — переживало не лучшие времена: низкий уровень агрикультуры и частые неурожаи резко снижали налогоспособность сельского населения. К 1829 г., несмотря на последовавшее в 1826—1828 гг. аннулирование около 82 млн руб. недоимок по манифестам и указам, Государственное казначейство недосчиталось поступлений в казну на сумму свыше 178 млн руб.; к 1834 г. этот показатель возрос до 201 млн руб., большую часть которых составляли недоимки в податях³².

Испытывая затруднения в исправном поступлении податей, правительство прибегло к карательным мерам. В начале 1835 г. Канкрин испросил разрешение у Николая I применить к неисправным плательщикам систему военной экзекуции. Начальникам 35 губернии было предоставлено право «в страх прочих неплательщиков» вводить в недоимочные селения специально командированные военные отряды и использовать местные гарнизонные батальоны. Продолжительность «экзекуции» определялась успехом порученной миссии: в некоторых селениях удавалось выколотить недоимку за пару дней, в других отряды задерживались на недели и даже целые месяцы, причем продовольствовались они за счет местного населения³³. По официальным данным, в течение 1836 г. «экзекуция» проводилась в 11 губерниях, но, тем не менее, накопление недоимок в 1836 и 1837 гг. не только не уменьшилось, но увеличилось на 2 623 000 руб. В довершение всех этих испытаний период конца 30-х — начала 40-х гг. XIX в. был отмечен тремя подряд неурожайными годами (1839, 1840, 1841 гг.). Значительное ухудшение экономического положения податного населения говорило о невозможности увеличения доходной части бюджета за счет резкого повышения ставок прямых налогов. Это заставило Канкрин прибегнуть к другим способам усиления налогового гнета.

В 1838 г. был принят указ об установлении табачного акциза (с 1762 г. в России существовала система свободной от обложения продажи табака). В законе оговаривалось, что «приготовление табаку как предмета роскоши, может, без всякого стеснения для народа, обложено быть умеренным акцизом»³⁴. Согласно указу 1838 г., разведение табака и торговля им в неприготовленном виде были свободны от всяких ограничений. Налог подлежали только нюхательный и курительный табак внутреннего приготовления (иностраный товар, как оплаченный таможенной пошлиной, акцизу не подвергался), величина акциза составляла около 20% продажной цены. Любопытно, что табачный акциз остался единственным новым сбором, введенным за двадцать лет пребывания Канкрин на посту министра финансов.

Другим способом укрепления доходной части стало повышение ставок уже существовавших косвенных налогов. В 1841 г. были увеличены гербовая и соляная пошлины и издан новый таможенный тариф, значительно поднявший процент обложения импорт-

ных товаров. И, наконец, Е.Ф.Канкрин пошел на значительное усиление земских сборов, которые были известны в России с XV в., но законодательно оформились только в начале XIX в., когда в 1805 г. было издано «Предварительное положение о земских повинностях». Главное отличие земских сборов от общегосударственных состояло в том, что они, во-первых, не вносились в государственный бюджет; во-вторых, земские повинности отбывались, главным образом, по усмотрению местной администрации.

Понятие земских повинностей не было четко определено в законодательном порядке, не указывались способы их исполнения, размеров и т.п. Во многом эта неопределенность объяснялось политикой правительства, которое ориентировало земские сборы на удовлетворение не только местных потребностей (школы, больницы, местная инфраструктура), но и общегосударственных нужд (содержание органов управления — полиции, администрации, обслуживание нужд арестантов и войск). Одной из самых тяжелых повинностей была подводная — необходимость поставлять подводы для проезжающих чиновников, военных команд, арестантских партий и провозимых казенных грузов. Такой же обременительной для крестьянства была дорожная повинность — обязанность строить и ремонтировать дороги. Крайне неравномерной было и распределение другой тяжелой повинности — постоянной или квартирной, от которой страдали в первую очередь деревни, расположенные в районах сосредоточения войск или прохода арестантов. При этом крестьяне вынуждены были не только содержать, но и кормить уголовных преступников³⁵.

Отбывались земские повинности в двух формах: денежной и натуральной. Последняя зачастую представляла для населения большую тягость, чем денежные сборы, т.к. не была строго регламентированной. Начиная с 1830-х гг., практика правительства по переложению общегосударственных расходов на земские средства по настоянию Канкринина была существенно активизирована. Параллельно с увеличением объема некоторых натуральных повинностей все большая часть земских обязанностей переводилась в форму денежных сборов, размер которых с каждым годом увеличивался.

Благодаря предпринятым мерам, росту питейных доходов и успешному осуществлению денежной реформы 1839—1843 гг., установившей серебряное обращение и обмен по фиксированному курсу кредитных билетов на серебро, Канкрину удалось в определенной степени улучшить финансовое положение страны. Однако эта стабилизация была крайне неустойчивой, поскольку министру финансов с большим трудом удавалось проводить в жизнь один из основных принципов его «системы» — сокращение государственных расходов. Россия все больше втягивалась в затяжную Кавказскую войну, наносившую ощутимые удары по государственному бюджету. Многочисленные требования министра финансов либо целиком прекратить военные акции на Кавказе, либо быстро ус-

мирить мятежных горцев оставались без внимания. Поэтому в мае 1844 г. он подал в отставку³⁶.

Тем не менее, преемники Е.Ф.Канкрин продолжали некоторые из его начинаний, а предлагаемые ими способы увеличения ресурсов казны ничем не отличались от методов предшественника. Непрерывный рост расходов, увеличение недоимочности сельского населения, обессиливаемого частыми неурожаями, чрезвычайные затраты во время военных действий на Кавказе, а также участие в так называемой «венгерской кампании» заставляли Министерство финансов вновь и вновь обращаться к увеличению косвенных налогов и земских сборов. 25 ноября 1846 г. был издан указ об увеличении с 1847 г. вспомогательного земского сбора с крестьян, мещан и купцов в два раза, в 1848 г. ставка этого побора возросла еще больше.

В 1847 г. в целях повышения доходности питейных сборов откупная система была заменена акцизно-откупным комиссионерством, комбиниовавшим методы казенного и откупного подходов и просуществовавшим до 1863 г. С введением в действие новой системы, доходность питейного налога резко возросла. Если в 1840 г. в казну поступило 36,4 млн руб. от питейного сбора, то в 1850 г. — 55,4 млн, в 1855 г. — 68,8 млн, 1860 г. — 103,6 млн. Сумма дохода особенно увеличилась в последнем откупном периоде 1859—62 гг., когда на торгах за откупа, в преддверии их ожидаемой отмены, было выручено на 40 с лишним миллионов рублей больше, чем в предыдущее четырехлетие. В среднем этот доход составлял около 1 руб. 80 коп. с души обоюго пола³⁷.

В 1848 г. состоялось предлагавшееся за семь лет до этого Канкриным введение акциза со свекловичного сахара внутреннего приготовления. В первый год своего существования этот сбор дал казне 70 тыс. руб. поступлений (в 1855 г. он увеличился более, чем в пять раз и составил 402 тыс. руб.). В том же 1848 г., с целью повышения табачного дохода был пересмотрен старый и введен новый устав об акцизе, согласно которому повышался патентный сбор за свидетельства на месте производства табака и отменялись льготы для ряда губерний. В результате, если в 1839 г. доход от этого налога приносил казне лишь 600 тыс. руб., в 1854 г. он поднялся до 1701 тыс. руб.

* * *

Однако перечисленные фискальные меры не приносили ожидаемого результата — избавления от хронических бюджетных дефицитов. Более того, несмотря на все преобразования, налоговая структура не протяжении первой половины девятнадцатого века оставалась прежней. Опубликованные в конце XIX в. росписи доходов и расходов показывают, что основными статьями государственных доходов были подушная подать, оброчные сборы и так называемый «питейный налог», поставлявшие в казну свыше половины всех государственных доходов. Подобная структура бюджета

России и его принципиальные основы сохранялись вплоть до начала Великих реформ. Несколько изменилось лишь процентное соотношение этих статей. Если на протяжении первой четверти столетия повышались оклады всех налогов, то впоследствии рост поступлений происходил почти исключительно за счет «питейного дохода», удельный вес которого, постоянно повышаясь, достиг в конце 1850-х гг. 40% всех обыкновенных государственных доходов.

Таблица 1

Налоговые поступления в первой половине XIX в.

Налоговые поступления	1815	1825	1835	1845	1855
Подати с крестьян и мещан	128202617	126075407	151285539	46927766	48164305
Питейно-откупные	Нет данных	125831059	140694564	52118933	82067234
Продажа соли	Нет данных	24996599	27234850	9431000	9000000
Подати с частных горных заводов	Нет данных	2605818	3498541	3558318	4360735
Таможенные сборов	Нет данных	48000000	81500000	29000000	12200000
Почтовый сбор	Нет данных	9181950	10998000	3500000	5420300
Гербовый сбор	Нет данных	7054950	9311500	13717000	4251100
Промысловый сбор	Нет данных	7405937	8500000	Нет данных	4000000
Паспортный сбор	Нет данных	4745850	4176900	Нет данных	1650000
Купчие и канцелярские сборы	Нет данных	9757550	8933300	Нет данных	3700420

Источник: Печерин Я.И. Исторический обзор росписей государственных доходов и расходов с 1803 по 1843 год включительно. СПб., 1896 <...> Он же. Исторический обзор росписей государственных доходов и расходов с 1844 по 1864 год включительно. СПб., 1898.

Налоги в дореформенной России являлись основой государственного бюджета, составляя значительную часть всех денежных поступлений империи. Другие источники не играли существенной роли. Согласно данным П.Н.Милюкова, государственные регалии (чеканка монеты, почтовая, телеграфная, горная и проч. регалии) составляли в 1850 г. 7,1% доходов (в 1825 — 3,9%), пошлины — 6,8% (1825 — 5,4%), доходы от государственных имуществ — 2,7% (1825 — 2,4%). Однако несмотря на значимость налогов в формировании бюджета, податная система носила ярко выраженный сословный характер. Основными плательщиками прямых налогов оставались «податные сословия» (в первую очередь — крестьяне и мещане). Число мужского населения, освобожденного от подуш-

ной подати, составляло в 1859 г. 3 млн душ, или около 10% от общего числа в Европейской России. Кроме привилегированного дворянского сословия (326 тыс. душ мужского пола) и духовенства (298 тыс.), прямые налоги не платили: чиновники (150 тыс.); мастеровые и крестьяне, приписанные к казенным промышленным предприятиям (326 тыс.), отставные солдаты (232 тыс.); купцы, платившие вместо подушного налога гильдейские пошлины (239 тыс.); а также следующие значительные по численности группы населения: казаки (500 тыс.), башкиры, татары и мещеряки (435 тыс.), ясачные инородцы (коренные народы Сибири — 280 тыс.), киргизы (85 тыс.)³⁸.

В начале XIX столетия была осуществлена попытка привлечь к платежу прямых налогов поместное дворянство. Еще в 1797 г. прямые подати были распространены на дворян в виде сбора на содержание присутственных мест. Но вскоре этот налог был уничтожен, точнее, поступающая от него в казну сумма дохода была разложена на помещичьих крестьян по 18 коп. на душу. В 1810 г. правительство вновь вернулось к мысли обложения дворянского сословия, введя налог в виде сбора с помещичьих имений. Однако этот налог был отменен в 1819 г. Как отмечал автор труда об истории подоходного налога в России, «будучи в нашей финансовой системе явлением чисто случайным, при резко сословном строе этой системы, при наличии подушной подати и крепостного права, подоходный налог не мог пустить глубоких корней и вскоре был отменен, не оставя никакого следа в русской финансовой системе»³⁹.

Вплоть до периода Великих реформ вся податная система основывалась исключительно на обременении налогами крестьянского населения. Государственные подати тяжелым грузом ложились на плечи русского крестьянина, отбывавшего кроме того натуральные и денежные земские повинности, а также платившего мирские сборы. Последние назначались мирскими сходами и являлись денежной заменой натуральных повинностей или дополнительной платой за выполнение общественных обязанностей крестьянскими выборными.

Комбинация разнообразных податей и сборов, по мнению хорошо информированных чиновников Министерства финансов, являлась непосильной для сельского населения. Так, после анализа собранных в 1848 г. данных стало ясно, что размер подушной подати, составляя в среднем по империи 95 коп. с души, «только по первому взгляду представляется не особенно тягостным... Если присоединить к нему земский сбор, натуральные повинности, налог на соль, рекрутские сборы, сборы на удовлетворение общественных и мирских надобностей, неизбежную часть питейного налога на каждого поселянина, то в совокупности придется на каждую ревизскую душу до 4 руб. 55 коп». А если добавить, что в состав учтенных переписью «мужских душ» попадали также малолетние и неработоспособные, то сотрудники Министерства финансов допускали, что сумма налогов, приходящихся на одного работ-

ника, поднималась до 11 руб. серебром в год, что не могло во многих губерниях не превосходить возможности обывателей⁴⁰.

Было ясно, что к середине XIX в. возможности старой податной системы оказались исчерпанными. Задуманная Сперанским реформа оздоровления финансов не была осуществлена, а регулярно проводившиеся повышения ставок прямых налогов не дали желаемого для казны результата. Курс на повышение косвенного обложения, связанный с именем Канкрин, смог несколько повысить эффективность податной системы. Однако ее сословные принципы, ориентированные в первую очередь на обложение сельского населения сдерживали потенциальный рост налоговых поступлений.

Налоги в пореформенной России. Первый этап преобразования податной системы

Крымская война со всей очевидностью обнаружила несостоятельность экономики крепостнической России. Империя вступила в полосу финансового кризиса: военные расходы составили свыше полумиллиарда рублей, что составляло почти два годовых бюджета страны. Следствием этого стало резкое обострение бюджетных дефицитов, для покрытия которых правительство вновь обратилось к испытанным средствам — внутренним займам и выпуску ассигнаций. Увеличение количества бумажных денег в обращении привело к неудержимому падению курса рубля и прекращению в 1858 г. обмена кредитных билетов на золото и серебро. Угроза финансового краха поставила правительство перед необходимостью коренного реформирования основ российского государства, в том числе и отсталой малоэффективной податной системы, основанной исключительно на обременении крестьянства питейными и подушными сборами.

В 1859 г. были образованы две постоянно действующие комиссии, ставшие своего рода мозговыми центрами финансовых реформ: одна, при Государственном контроле, для составления новых правил о порядке счетоводства, отчетности и ревизии; другая, при министерстве финансов, — для пересмотра податей и сборов. Работа первой комиссии оказалась успешной и плодотворной: по ее предложениям было осуществлено коренное обновление финансовой системы страны. Выработанная комиссией реформа, осуществленная в 1862—1863 гг., утвердила принципы бюджетного и кассового единства, провозгласила принцип гласности государственного бюджета. Менее эффективными оказались занятия Комиссии по пересмотру податей и сборов, задача которой была со всей определенностью сформулирована в Высочайшем указе об ее образовании: «уничтожение податной сословности и отмена подушной подати с понижением всякого рода сборов и повинностей, лежащих на крестьянах, до размера, соответствующего их платежным силам»⁴¹. Комиссия просуществовала 22 года и издала 27 томов трудов, посвященных теории и практике податного дела.

За это время был подготовлен ряд проектов, которые обсуждались различными министерствами, ведомствами и земствами, однако эта работа носила чисто академический характер. Как писал в 1871 г. известный общественный деятель А.И.Кошелев о деятельности податной комиссии, «приходится почти отчаиваться, окончатся ли когда-нибудь подготовительные по сему предмету работы, покинет ли комиссия область теоретических и иных соображений и перенесет ли она на почву применимости к делу свои по сим предметам предложения?»⁴² Столь резкое суждение было справедливым лишь отчасти — слабая результативность работы податной комиссии во многом определялась тем, что она имела лишь консультативный характер, а окончательные решения принимал министр финансов.

Начальный период преобразования налоговой системы был связан с деятельностью М.Х.Рейтерна, который еще до занятия в 1862 г. министерского поста выступил в периодической печати с рядом специальных статей, затрагивающих проблемы финансового кризиса и пути выхода из них. Программа Рейтерна выглядела достаточно решительной — сокращение армии и флота и снижение государственных расходов на содержание аппарата управления. В области налогового дела он считал необходимым отмену питейных откупов и преобразование податной системы на основе подоходности. Для этого предусматривалось введение налогов на помещичьи земли, недвижимость в городах, обеспечение более справедливой раскладки гильдейских сборов за право торгово-промышленной деятельности, обложение гербовой пошлиной тех коммерческих сделок, которые ранее были от нее освобождены⁴³. Из предложенной программы М.Х.Рейтерну удалось реализовать далеко не все, а главное — так и не была преодолена сохранившаяся с крепостнической поры сословность обложения. Наиболее успешными начинаниями в налоговой сфере стали отмена питейных откупов и преобразование некоторых других косвенных налогов.

Преобразования в области косвенных налогов стали самыми эффективными мероприятиями для увеличения налоговых поступлений. Особое значение имела замена винных откупов акцизом введение которого наталкивалось на сильное противодействие сторонников прежней системы. Еще при предшественнике Рейтерна А.М.Княжевиче в 1859 г. вопрос об откупах обсуждался в Государственном Совете, большинство членов которого высказалось в пользу акциза. На следующий год по решению Государственного Совета была создана специальная комиссия во главе с либеральным деятелем А.П.Заблоцким-Десятовским, состоящая из чиновников министерства финансов и винокуренных заводчиков, которая и подготовила основные положения реформы. Однако решение об отмене откупов откладывалось усилиями влиятельной группы откупщиков, убедившей Министерство финансов в необходимости рассмотреть сформулированную ими альтернативную программу. Суть ее состояла в том, что откупщики должны были продолжать сбор акциза со спиртных напитков на территории всей

страны и одновременно брали на себя перед правительством обязательство построить разветвленную сеть железных дорог протяженностью около 2800 верст. Это предложение летом 1862 г. было опубликовано в газетах и стало достоянием гласности. Лишь после того, как Министерство финансов возглавил М.Х.Рейтерн — противник проекта откупщиков — участь питейного налога была, наконец, решена⁴⁴.

В 1863 г. состоялась отмена откупов в великорусских губерниях, а в землях, пользовавшихся привилегиями (губернии Царства Польского, Малороссии и Белоруссии) было покончено с остатками «пропинационного права» (право свободного изготовления и продажи вина). В результате правительственный контроль за торговлей вином утвердился на всей территории империи. Отмена откупов прошла без неблагоприятных последствий для финансов, что подтверждало высказывавшиеся правительством мысли о негативной роли этой патриархальной формы сбора налога. Более того, уже в первый (1863) год действия акцизной системы питейные доходы казны составили 138 млн руб. против 126 млн руб., полученных от откупщиков в 1862 г. С этого времени величина питейных доходов перестала колебаться, получив устойчивую тенденцию к росту.

К числу малозаметных перемен, имевших тем не менее существенное значение с точки зрения фиска, следует отнести и другие преобразования в косвенном обложении. В 1862 г. было объявлено о прекращении казенной добычи и продажи соли. Государственные соляные источники передавались в частные руки, а соляной доход стал облагаться акцизом, что привело к повышению эффективности этого вида сбора. Характерным стало и то, что, начиная с 1860 г., удельный вес косвенных налогов в бюджетных доходах стал быстро возрастать и опережать поступления прямых податей, произошло значительное повышение акцизов на сахар и табак. В 1880 г. акциз с сахара достиг 4,2 млн руб. против 334 тыс. в 1856 г. Значительно увеличился и доход от обложения табака, достигнув соответственно 2,5 млн руб. против 151 тыс.⁴⁵, причем в 1871 г. табачный устав был распространен на Сибирь и Царство Польское, а в 1877 г. обложение распространено на махорку, до этого времени употреблявшуюся в нефабрикованном виде и не подлежавшую акцизу.

Сугубо фискальными соображениями были продиктованы такие меры правительства, как принятие в 1874 г. нового Устава о гербовом сборе, установление сбора со страхований, с пассажирских билетов и грузов большой скорости (с 1879 г). Последняя мера — налог на пассажиров в размере 25% с цены билетов 1 и 2 класса и 15% с цены билетов 3 класса, взимание 25% за провоз пассажирского багажа и товаров большой скорости — вызывала многочисленные нарекания специалистов в области теории и практики финансового дела. Введение этого налога повело к увеличению числа пассажиров 3 класса и убыли первого и второго,

что поначалу послужило причиной снижения выручки от пассажирского движения на многих железнодорожных линиях.

Изменения в системе прямых сборов не отличались финансовой эффективностью, являясь свидетельством о намерениях правительства в области податной реформы. Так, в 1863 г. была отменена подушная подать с мещан, что носило в значительной мере демонстративный характер и не было продиктовано фискальными соображениями. Доходы от сборов, вносимых мещанами, были не велики, и их отмена не нанесла сколько-нибудь заметного ущерба казне. Взамен отмененной подати с мещан был установлен налог на городские недвижимые имущества, общая сумма которого на протяжении 20 лет не изменялась и приблизительно равнялась 0,2% ценности недвижимости.

В 1863—1865 гг. был внесен ряд корректив в обложение торгово-промышленной деятельности, однако они не носили принципиального характера. В целом гильдейские принципы деления предпринимателей сохранялись, патентная система оставалась в силе: обложение по-прежнему строилось не на подоходной основе, а на внешних признаках. Наибольшие сдвиги произошли лишь в правовой сфере предпринимательской деятельности, и были смягчены слишком резкие ограничения, характерные для эпохи крепостного права. Декларировалась полная свобода для всех сословий занятий торговлей и промышленностью, приобретение купеческих прав становилось доступным для всех желающих, располгавших соответственным капиталом; иностранцы уравнивались в правах с российскими подданными. Общий уровень обложения был снижен, а большинство сельских промыслов вообще освобождено от налогов⁴⁶. Этим, в основном, и ограничиваются особенности нового законодательства. В системе и способах промышленного обложения в 1865 г. сравнительно с 1824 г. не произошло никаких существенных изменений. Ни размеры торговых или промышленных оборотов, указывающие на объем и силу предприятия, ни относительная их прибыльность, ни сумма вложенного основного капитала в расчет не принимались⁴⁷. Недостатком такой системы была крайняя неравномерность обложения, при которой мелкие плательщики несли одинаковое бремя налогов с более крупными. Это ущемляло интересы, как значительной части предпринимателей, так и казны, неспособной получать налоги со значительных капиталов.

Если изменения в системе прямых налогов были достаточно заметны в российском городе, то в деревне дело обстояло иначе. Подушная подать с крестьян, действовавшая в течение полутора веков и доказавшая свою неэффективность, при М.Х.Рейтерне так и не была отменена. Более того, осознавая необходимость изменений и рассматривая проекты отмены подушных сборов, правительство одновременно повышало их оклады. В частности, в 1862 г. были повышены душевые оклады по среднему вычислению на 0,9%, что должно было дать казне дополнительно 1 млн руб. В декабре 1862 г. был введен «временный», только на 1863 г., сбор

в среднем исчислении по 25 коп. на душу, что увеличило общий размер подушной подати еще на 6 млн руб. Как это часто случалось в российской налоговой практике, временный сбор стал постоянным, а в 1867 г. оклад был повышен дополнительно на 50 коп. с души, что принесло казне 10 млн руб.⁴⁸ И, наконец, последним изменением в области прямых налогов для крестьян, осуществленным в период руководства М.Х.Рейтерном Министерством финансов, было введение в 1875 г. государственного поземельного налога, которому подлежали как общинные, так и частновладельческие земли. Ухудшения материального положения крестьянства это не повлекло, т.к. в по сути данный налог существовал ранее под названием государственного земского сбора и включался не в общегосударственный, а местный бюджет.

М.Х.Рейтерн считал, что в аграрной стране, где главным плательщиком прямых налогов являлось крестьянство, во избежание расстройств финансовой системы необходимо «ограничиться теми мерами, которые облегчили бы слишком обремененную часть крестьянских сословий и вместе с тем приблизили бы время, когда осуществление общей реформы прямых податей окажется возможным». Именно поэтому министр финансов, сохраняя незыблемы основы патриархальной податной системы, пошел лишь на предоставление льгот некоторым категориям сельских налогоплательщиков. Так, в 1863 и 1867 гг. для достижения «некоторого соответствия подушной подати имущественным условиям плательщиков» взамен однообразного обложения ревизских душ была установлена шкала окладов, учитывавшая до известной степени местные условия. Кроме того, в 1865 г. было принято постановление не взимать подушной подати с «неспособных к работе дворовых людей», в 1869 г. была отменена круговая порука при уплате прямых налогов для селений, насчитывавших менее 40 ревизских душ⁴⁹.

Несмотря на эти незначительные смягчения, положение крестьянства в целом не только не улучшилось, но и значительно ухудшилось. Дело в том, что правительство, пойдя в 1861 г. на нарушение частновладельческих прав помещиков, решило возместить их потери за счет сельского населения. Реформа 1861 г. привела к появлению выкупных платежей. По форме они являлись погашением (с процентами) выданной казной ссуды за выкуп земли у помещиков. Однако, как констатировали современники, по способу взимания, раскладке и мнениям самих плательщиков эти сборы не отличались от прямых налогов⁵⁰. Выкупные платежи стали главной статьей расходов для крестьянства: по данным Податной комиссии, в русских губерниях на каждую ревизскую душу падало от 6 до 7 руб. 20 коп. выкупных платежей, тогда как подушные и земские сборы составляли от 4 до 5 руб. 80 коп.⁵¹

Отставка М.Х.Рейтерна, последовавшая в 1878 г., подвела черту первому этапу реформирования податной системы. Несмотря на появление нового начала — принципа равенства всех перед налогом и привлечения к обложению представителей неподатных при-

вилегированных сословий, — в целом налоги сохранили прежний характер. Вследствие повышения подушной и оброчной подати и постоянно происходившего увеличения питейного налога, податное бремя, лежавшее на крестьянском населении не только не уменьшилось, но и несколько возросло.

Реформы Н.Х.Бунге: переход к равномерному распределению налогов

Русско-турецкая кампания (1877—1878 г.) дестабилизировала финансовую ситуацию в стране, с 1877 по 1880 г. государственный долг возрос на 1,5 млрд руб., последовало значительное падение курса бумажного рубля. Правящим кругам было ясно, что усиление внешнего могущества страны невозможно без осуществления коренных преобразований народного хозяйства. Это обстоятельство предопределило общий протекционистский характер экономической политики и проведение целого комплекса мероприятий, стимулировавших промышленное развитие: усилия по финансовой стабилизации и созданию бездефицитного бюджета, подготовка денежной реформы, стимулирование притока иностранных капиталов. Реформа податной системы стала важнейшим звеном этой политики.

В 1879 г. решено было вернуться к подготовке реформы налоговой системы. На смену ушедшей со сцены Податной комиссии была учреждена новая, которая занималась обсуждением предложений об отмене подушных сборов под председательством министра финансов С.А.Грейга. В ходе ее работы был подготовлен проект введения вместо подушной подати трех видов налога, падавших на все сословия: 1) подоходного — в размере 3% с доходов от денежных капиталов, торговли, промыслов и личного труда; 2) личного по — 1 руб. со всех лиц мужского пола в возрасте от 18 до 55 лет; 3) усадебного — с владельцев всех сословий, который в окончательном варианте предложено было заменить увеличением окладов государственного поземельного налога и налога на недвижимые имущества в городах⁵². Предложенное комиссией введение новых налогов на сумму 70 млн руб., позволявшее уменьшить крестьянские платежи на 30 млн руб., не было осуществлено, поскольку не получило одобрения в правительственных кругах. Одним из критиков этой программы выступил Н.Х.Бунге, бывший ректор Киевского университета, приглашенный в 1880 г. Александром II на пост товарища министра финансов. Вскоре Н.Х.Бунге сформулировал гораздо более умеренную и менее рискованную с точки зрения фискальных потерь программу преобразования финансов и налоговой системы.

В сентябре 1880 г. на стол императора легла записка «О финансовом положении России», автором которой являлся недавний провинциальный профессор. В ней Н.Х.Бунге критиковал предложения комиссии С.А.Грейга: «Желательно, — писал он, — чтобы подоходный налог служил у нас не постоянным, а чрезвычайным

финансовым ресурсом, необходимым для внутренних реформ, в особенности податных, и для покрытия военных расходов...»⁵³ Здесь же была сформулирована концепция преобразований налоговой системы. Первоочередными мерами, как предполагал Н.Х.Бунге, должны были стать отмена соляного налога и понижение выкупных платежей. В целях «более равномерного распределения налогов» он считал возможным понизить налогообложение крестьянства на 10—20%, несколько повысив при этом обложение бурно развивавшейся промышленности. Все эти меры рассматривались автором записки прежде всего как средство получать налоги в полном объеме. Предложения Н.Х.Бунге получили поддержку нового министра финансов А.А.Абазы, при котором продолжалась разработка проекта о понижении выкупных платежей. Более широкие возможности для реализации программы преобразований появились после того, как Н.Х.Бунге в мае 1881 г. занял министерский пост. Немалая личная заслуга министра финансов состояла в том, что он решился реформировать налоговую систему в то время, когда государственный бюджет страдал ежегодными крупными дефицитами (в 1880 г. дефицит составил 42 млн руб., в 1881 г. — достиг 98 млн руб.).

Приступив в начале 80-х гг. к реорганизации податной системы, Н.Х.Бунге исходил из того, что для ее улучшения было не обойтись без принципиального отказа от сословности обложения и следования принципу распределения налогов соответственно действительной налогоспособности населения. С самого начала в этом направлении были приняты три последовательно осуществленные меры: отмена соляного налога, понижение выкупных платежей и упразднение подушной подати. Уже на склоне лет Бунге, уверенный в том, что старая налоговая система утратила эффективность даже в чисто фискальном отношении, объяснял побудительные мотивы своей реформаторской деятельности: «Когда постиг Россию неурожай 1880 г., тогда отмена налога на соль казалась делом наиболее соответственным для облегчения народного бедствия, — писал он. Когда было доказано, что выкупные платежи превышают земельный доход (ренту с крестьянских наделов) и что крестьяне бегут от земли, отказываясь от наделов, тогда здравый финансовый расчет потребовал понижения выкупных платежей. Наконец, когда сделалось очевидным, что подушный налог с крестьян обещает в будущем лишь громадное приращение недоимок, тогда надо было его заменить чем-нибудь другим»⁵⁴.

Итак, первым крупным шагом в реформировании податной системы стала отмена Высочайшим манифестом 1880 г. соляного налога, которая была совершена с одобрения Александра II, потрясенного, по свидетельству современников, последствиями неурожая и голода в Поволжье. Налог принадлежал к числу старейших в России и составлял 25—30 коп. на душу населения, а эта сумма, помноженная на число членов крестьянской семьи, увеличивала, по некоторым подсчетам, средний оклад подушной подати

примерно на одну пятую часть. Потерянные 10—12 млн руб. государственного дохода особым мнением Государственного Совета решено было компенсировать увеличением таможенных пошлин⁵⁵.

Еще до отмены соляного акциза, 23 марта 1879 г., было принято Высочайшее повеление о замене подушной подати другими сборами. Однако начавшиеся подготовительные работы обнаружили, что главную тягость крестьянского обложения составляют не столько подушные сборы, сколько выкупные платежи, которые не соответствовали ни доходности земельных наделов, ни совокупным заработкам крестьян. Свидетельством упадка крестьянского хозяйства был рост недоимок. К 1875 г. недоимок в податях оставалось около 23 млн руб., а к 1881 г. их накопилось бы до 38 млн руб., если бы государство не прибегало к особому способу погашения — т.н. «сложению со счетов»; такое списание было произведено в течение одного 1880 г. на сумму около 7 млн руб.⁵⁶ Именно поэтому до отмены подушной подати Высочайшим указом 28 декабря 1881 г. было установлено двойное понижение платежей на сумму до 12 млн руб., переводе оставшихся во временнообязанном состоянии крестьян на обязательный выкуп и причислении их к разряду собственников. Сложение недоимок происходило также и в 1883—1884 гг. Осуществленные меры изменили кредитный характер выкупной операции, поскольку введением принципа обязательности выкупа и снятием части крестьянского долга правительство давало понять, в его покрытии будут участвовать все налогоплательщики. Выкупные платежи стали восприниматься правительством уже не как погашение банковского долга, а как род прямого налога. Показателем этого стало совершенное в 1885 г. включение всех оборотов выкупной операции в общую бюджетную роспись⁵⁷.

Условия для следующего этапа податных преобразований — отмены подушной подати — были далеко не благоприятны. По росписи на 1882 г., несмотря на увеличение винного акциза, преобразование сахарного акциза, повышение ставок таможенного тарифа и увеличение гербового сбора, ожидался дефицит в сумме 10 млн руб. Однако Н.Х.Бунге и его сотрудники, как считал П.Х.Шванебах, «сознавали, что в ряду болезненных явлений государственного хозяйства бюджетный дефицит не есть худшее из зол; что несравненно опаснее — дряхлый и усугубляющийся недочет в народных силах, и что принесение этих сил в жертву бюджетному равновесию не создаст для финансов прочной почвы». Для проведения преобразований были намечены следующие принципы: 1) Налоги, заменяющие подушные сборы, должны вести к упразднению деления сословий на податные и неподатные. 2) Главным источником увеличения средств государственного казначейства до замены подушной подати, должны служить преимущественно налоги уже существующие; из новых же видов налогов могут быть допущены лишь те, которые способствовали бы установлению в существующем податном строе большей равномернос-

ти обложения всех доходов. 3) Вводя налоги с новых источников дохода, следует возможно менее облагать мелкие промыслы⁵⁸.

По первоначальному плану предполагалось упразднение подушной подати растянуть на 8 лет с таким расчетом, чтобы в первую очередь поставить категории крестьян, находившихся в наиболее тяжелых условиях. С 1 января 1883 г. подать была сложена с приписанных к волостям бывших дворовых людей, безземельных и с крестьян, получивших дарственный надел. В следующем году от платежей были освобождены еще несколько разрядов сельских обывателей, а общая ставка была понижена для всех остальных плательщиков. Хотя Н.Х.Бунге собирался завершить податную реформу только к 1891 г., уже в 1884 г. он пришел к выводу о необходимости сократить срок ее проведения. «Можно ожидать, — писал он в 1884 г., — что с отменой подушной подати, с одной стороны, прекратится накопление крупных недоимок, а с другой — возвысится благосостояние всего земледельческого населения, и оно уплатит свободно, по своим средствам, в виде косвенных налогов, акцизов с вина, пива, сахара, табака, таможенных пошлин с чая и других предметов значительную долю того, что взыскивается принудительно в виде подушной подати»⁵⁹. Новым указом 25 мая 1885 г. постановлено было совершенно прекратить с 1 января 1887 г. взимание этого налога во всей империи, кроме Сибири.

Одновременно Н.Х.Бунге для одной из категорий сельского населения, а именно государственных крестьян, осуществил значительное повышение прямого налога, преобразовав оброк в выкупные платежи. Дело в том, что государственные крестьяне по значительному ряду показателей (например, по степени обеспеченности земель, сельскохозяйственным инвентарем) находились в лучшем положении, чем бывшие помещичьи, а с отменой подушной подати эта разница еще больше увеличилась. Н.Х.Бунге решил уравнивать положение различных слоев сельского населения. В финансовом отношении эта акция выразилась в присоединении части лежавшей на государственных крестьянах подушной подати к оброчной. Юридически данное преобразование обосновывалось необходимостью обязательного выкупа земельного надела в крестьянскую собственность. Решено было в среднем увеличить оброчную подать с государственных крестьян на 45% (55% — для черноземных губерний, 35% — для нечерноземных и промышленных). Министром финансов был также установлен предел повышения оброчной подати при превращении ее в выкупные платежи: не более, чем на $\frac{2}{3}$ и ни в коем случае не выше выкупных платежей помещичьих крестьян близлежащих селений, находившихся в одинаковых поземельных условиях. Принятый 12 июня 1886 г. закон⁶⁰ о переводе государственных крестьян на выкуп оформил повышение налоговой ставки и дал возможность оппонентам Н.Х.Бунге иронизировать, что утрата государственными крестьянами своего преимущественного положения и есть, видимо, «та справедливость в обложении», за которую ратовал министр финансов⁶¹.

Отмена подушного налога, со времен Петра I составлявшего стержень российской налоговой системы, повела к ее существенным структурным изменениям. Преобразованный в выкупные платежи бывший оброк с государственных крестьян принимал на себя лишь 15 млн руб. из 55 млн руб. общего объема подушной подати. Для того чтобы компенсировать оставшуюся сумму были повышены акцизы на спирт, таможенные сборы, а также не изменявшиеся со времени их основания оклады двух налогов — государственного поземельного (на 3,8 млн руб.) и с городских недвижимых имуществ (на 1,9 млн руб.).

Намеченный Н.Х.Бунге курс на ликвидацию сословности обложения выразился в том, что понижение прямых налогов с крестьян сопровождалось все более активным привлечением к обложению имущих слоев населения, до этого освобожденных от прямого обложения. После принятия в 1882 г. «Положения о пошлинах, переходящих безмездными способами» в России стали взиматься налоги на наследство (до этого времени существовал лишь 6% сбор с наследств, переходящих по завещанию к лицам, не имеющим право на законное наследование)⁶².

В 1885 г. был введен 5% налог с денежных капиталов, объектом которого стал доход со всякого рода процентных бумаг (государственных и частных), а также получаемый от вкладов в банковские учреждения⁶³. Этот налог постоянно возрастал: в первый год он поступил в размере 9,5 млн руб., а через 12 лет увеличился в 1,5 раза. Другой мерой, способствовавшей усилению обложения имущих слоев, стало изменение в системе сбора промыслового налога. Как считал Н.Х.Бунге, значительный сдвиг в экономическом развитии страны, произошедший в пореформенные годы, давал возможность правительству без отказа от традиционной протекционистской политики добиться повышения доходов казны путем увеличения налогов с крупных торгово-промышленных предприятий. Однако существовавшая в это время система промыслового налогообложения в виде продажи патента на право производства торговли и промыслов не соответствовала росту акционерного учредительства, банковского дела и уровню концентрации капиталов в промышленности.

С целью устранения неравномерности обложения и увеличения государственных доходов в 1885 г. в законодательство был внесен ряд корректив, учитывающих не только внешние признаки торговых и промышленных заведений, но и их экономические характеристики. Наряду с сохранением прежней патентной системы в виде так называемого «основного» налога были установлены еще «дополнительные» — процентный и раскладочный, построенные уже на учете доходности предприятия. Первый сбор выплачивали предприятия, обязанные по закону публичной отчетностью (акционерные компании, паевые товарищества) в размере 5% с чистого дохода за истекший операционный год; второй сбор — все остальные предприятия в размере, определяемом для различных губерний законодательным порядком на каждые три года. Данные меры

несколько увеличили поступление налога (в 1890 г. дополнительные сборы дали 25% всего налога), но не смогли устранить неравномерность промыслового обложения. Оно по-прежнему занимало в бюджете незначительное место, увеличившись с 2,7% в 1875 г. до 3,2% в 1898 г. Показательно, что в 1898 г. промысловое обложение по отношению к бюджету составляло: в Италии — 6 %, в Англии — 5,9%, во Франции — 4,4%⁶⁴.

Результаты деятельности Н.Х.Бунге по совершенствованию налоговой системы были достаточно продуктивны: ему удалось отказать от отжившего принципа сословности. Впервые в истории России при распределении налогового бремени был использован критерий платежной способности различных слоев населения, к обложению привлечены доходы имущих групп. В отношении сельского населения была в определенной степени сглажена, хотя и не ликвидирована до конца, неравномерность обложения. Этому способствовали две меры: платежи крестьян нечерноземной полосы были снижены в большей степени, чем повинности с населения черноземной области. Кроме того, платежные оклады бывших помещичьих крестьян стали менее резко превышать повинности более обеспеченных земель государственных крестьян. Несмотря на рост земских и мирских налогов, увеличение поземельного сбора, совокупность платежей крестьянского населения уменьшилась на 37 млн руб. Своеобразной компенсацией за поднятие благосостояния народа, по мысли Н.Х.Бунге, служило увеличение доли косвенного обложения — повышение акцизов и таможенных сборов (в 1881 г. пошлины составляли 16,5% стоимости ввезенных товаров, в 1886 г. — уже 27,85%⁶⁵) — как относительно шадящей формы налогов. Податная система, сложившаяся в ходе реформ 1880-х гг. была доведена до совершенства ближайшими преемниками Н.Х.Бунге, и, в первую очередь, С.Ю.Витте.

Преемники Н.Х.Бунге: в поиске новых источников обложения

С января 1887 г. Н.Х.Бунге занял пост председателя Комитета министров, а финансовое ведомство возглавил И.А.Вышнеградский. Как отмечали современники, ни один из бывших в России министров финансов не начинал свою деятельность в столь благоприятных условиях — урожайные годы и мирный период развития страны позволили произвести серьезные преобразования финансовой системы. И.А.Вышнеградскому удалось в значительной степени побороть инфляцию, впервые обеспечить бездефицитность государственного бюджета, добиться активного платежного баланса внешней торговли, накопить значительные золотые запасы. Это позволило его преемнику С.Ю.Витте осуществить в 1897 г. успешную денежную реформу, установившую золотой монометаллизм.

И.А.Вышнеградский, добившийся значительных успехов в экономике, по существу продолжил курс на финансовую стабилиза-

цию и поощрение отечественной промышленности, проводимый либеральным реформатором Н.Х.Бунге. Однако в податной политике И.А.Вышнеградский произвел достаточно резкий поворот. В отличие от своего предшественника, он полагал, что текущими ресурсами казны должны быть не только обычные, но и чрезвычайные бюджетные расходы. Кроме того, для осуществления стабилизации валюты требовалось создание золотых запасов. Такая активная программа побуждала И.А.Вышнеградского повышать налоги и отыскивать новые источники обложения.

Еще до вступления на министерский пост он выступал сторонником введения табачной и водочной монополии. Возглавив финансовое ведомство, И.А.Вышнеградский инициировал составление соответствующих проектов, но подготовительные работы поставили под сомнение налоговую эффективность этих мер. Поскольку И.А.Вышнеградский был человеком осторожным и, по свидетельству С.Ю.Витте, каждое арифметическое вычисление «непреренно проверял сам и находил в этом большое наслаждение»⁶⁶, министр отказался от введения потенциально выгодной для казны водочной монополии, пойдя на усиление косвенного обложения и увеличение ставок некоторых прямых податей. В 1887 г. были установлены новые акцизы на керосин и спички, произошло повышение акциза на спирт, табак, состоялось увеличение гербового сбора и цены актовой бумаги, ставок поземельного налога, раскладочного сбора с торговых и промышленных предприятий, проведено дополнительное обложение акционерных обществ. От всех этих мероприятий ожидался дохода объемом в 52 млн руб.

В таможенной политике идеалом И.А.Вышнеградского был минимальный ввоз при возможно более крупных суммах таможенного дохода, ради чего ежегодно производились повышения тарифных ставок. В 1887 г. по протекционному соображению увеличены пошлины на каменный уголь, чугун, металлы и металлические изделия. Наряду с этим уже с чисто фискальной целью возросли пошлины на чай, апельсины, лимоны, пряности, сельдь, табак. В 1888 г. под предлогом, что временное улучшение курса рубля ослабило тарифную охрану, был установлен дополнительный таможенный сбор в размере 20% и произведен пересмотр таможенных пошлин, закончившийся изданием нового тарифа по европейской торговле 14 июня 1891 г. Таможенный тариф 1891 г. стал апогеем протекционизма в правительственной политике. По подсчетам авторитетного экономиста И.И.Янжула, пошлины оказались «увеличены в 164 случаях, уменьшены в 15 случаях, введены первый раз в 11 случаях, и, наконец, остались старые ставки в 173 случаях. Покровительственный характер политики достиг в тарифе 1891 г. своей крайней формы: очень мало товаров осталось беспошлинными, обложение по многим статьям увеличено на 100 и даже 300%, многие ставки носили случайный и малообъяснимый характер»⁶⁷. Следствием ужесточения правительственного курса стала так называемая «таможенная война» с главным торговым партне-

ром России — Германией, в результате которой обе стороны пошли на уступки и подписали договор 1894 г., предусматривавший уменьшение ставок обложения. Таким образом, таможенная политика России была несколько скорректирована, однако общий курс ее в целом не изменился. Покровительственные начала сыграли определенную роль на раннем этапе становления русской промышленности, но дальнейшее сохранение тепличных условий вело к снижению ее конкурентоспособности. В непростом положении оказались и рядовые налогоплательщики. С одной стороны, таможенное обложение способствовало повышению цен на товары, произведенные отечественной промышленностью, с другой, — именно они, в конечном счете, оплачивали весь таможенный доход.

Одной из отличительных черт фискальной политики И.А.Вышнеградского была активность при взыскании как текущих платежей, так и недоимок по уже отмененным сборам. Если, по предположениям Н.Х.Бунге, недоимки по подушной подати одновременно с упразднением следовало списать, облегчая, тем самым, положение плательщиков, то его преемник придерживался другого мнения. Так, в 1887 г. было взыскано около 7 млн руб. недоимок, в следующем году — уже свыше 9 млн руб. Усиленное взыскание недоимок и податей вынуждало крестьян к спешной распродаже хлебных запасов, в том числе и зерна, необходимого для посевов и питания, что грозило непредсказуемыми отрицательными последствиями. Казалось, активная податная политика оправдывала себя: с 1888 г. государственные бюджеты стали бездефицитными. Но вскоре в России разыгралась трагедия, поставившая под вопрос оправданность проводимого министром финансов курса. Голод, наступивший в 1891 г. в одном из основных зернопроизводящих районов страны — Поволжье, потребовал экстренных мер со стороны финансового управления, и в первую очередь выделения из казны 162,5 млн руб. на нужды бедствующего населения. По сути, расход на помощь пострадавшему населению поглотил почти все свободные средства казначейства, а расстройство пострадавших хозяйств увеличило недоимки и отразилось значительным недобором по основным статьям государственных доходов. «Голодные 1891 и 1892 годы с их разрушительными последствиями явились тяжелой расплатой за односторонний и суровый фискализм, которым была проникнута финансовая политика восьмидесятых годов»⁶⁸

Преемником ушедшего в 1892 г. в отставку И.А.Вышнеградского, стал С.Ю.Витте. В целом он продолжил преобразования Н.Х.Бунге, однако его мотивация необходимости реформ несколько отличалась. Н.Х.Бунге полагал, что целью податных преобразований является подъем благосостояния народа, который благоприятно скажется на экономике страны, поскольку возрастающий потребительский спрос стимулирует производство, а благодаря увеличению налогов на потребление пополняется казна. По мнению С.Ю.Витте, на первом месте должны были стоять интересы госу-

дарственного хозяйства и бюджета, рост которых опирается на развитие экономики и усиление податного бремени⁶⁹.

С самого начала своей деятельности С.Ю.Витте жестко выступил против бытовавших в обществе представлений о нежелательности усиления налогового бремени. Во всеподданнейшем докладе в 1892 г. он утверждал, что «не должно останавливаться даже перед некоторым временным напряжением платежных сил страны, которое, впрочем, с избытком вознаграждается умножением, вследствие того, способов к дальнейшему нарастанию и развитию этих сил»⁷⁰. Слово С.Ю.Витте не разошлось с делом — за последние 10 лет XIX в. сумма собранных налогов увеличилась с 701,8 млн руб. в 1892 г. до 1040,5 млн руб. в 1902 г. Небывалый рост налоговых поступлений был осуществлен, в первую очередь, за счет резкого увеличения косвенного обложения. Уже в 1892 г. были произведены следующие последовательные акции: повышен налог с пива на 50%, со спичек — на 100%, нефтяной акциз — на 50%, патентный табачный сбор — на 50% (установлен также дополнительный табачный акциз), подняты ставки налога с недвижимых имуществ и дополнительных торгово-промышленных сборов.

Дальнейшая деятельность С.Ю.Витте сочетала стремление к повышению эффективности налоговой системы с ее постепенным реформированием на основе последовательного осуществления принципа подоходности обложения. 14 мая 1893 г. был принят закон о квартирном налоге, который вошел в силу в следующем году. При его введении исходили из того соображения, что наем квартиры служит внешним признаком, на основании которого можно составить представление о совокупности доходов каждого плательщика. Как заявлял С.Ю.Витте, «государственный квартирный налог составляет лишь дальнейший шаг вперед в деле преобразования нашего податного строя и в основу его положена мысль об обложении более зажиточных плательщиков сообразно их достатку»⁷¹.

Вслед за учреждением нового налога С.Ю.Витте приступил к введению винной монополии, которую он с гордостью называл «мерой, по своему объему и своей новизне совершенно необычайной, чрезвычайно новой, не существовавшей, не известной в практике западных стран и вообще всего мира»⁷². Несмотря на то, что действовавшая с 1863 г. акцизная система, казалось, демонстрировала свою эффективность — за тридцать лет приносимый ею доход удвоился — тем не менее, в 90-х гг. начался поэтапный переход к винной монополии. В 1895 г. она была введена в Пермской, Уфимской, Оренбургской и Самарской губерниях, а к началу XX в. — в 75 губерниях. Отличие винной монополии от акциза состоит в том, что акцизная система предоставляла свободу как производства, так и продажи водки и спирта, а государство только наблюдало за правильным взиманием косвенного налога. При введении винной монополии государство сконцентрировало в своих руках всю торговлю крепкими спиртными напитками (как оптовую, так и розничную), которая была сосредоточена в казенных

заведениях — оптовых складах и винных лавках. Производство спирта-сырца допускалось как на государственных заводах, так и частных, но частные предприниматели были обязаны, во-первых, уплатить повышенный акциз, во-вторых, производить только заказанное казной количество спирта, которое должно было быть продано государству же.

Осуществление винной монополии стало грандиозным хозяйственным мероприятием. На оборудование монополии складами, заводами, оборудованием в пределах только Европейской России правительству с 1894 по 1902 гг. пришлось затратить 122 млн руб., в конце XIX в. вольнонаемный персонал, не считая рабочих, состоял из 20 470 человек, было открыто около 17 тыс. винных лавок. Проведение столь масштабной операции объяснялось в официальной прессе попечительством о народной трезвости и необходимостью борьбы с произволом частных предпринимателей и «кабатчиков», выражавшемся в завышении цен на водку, обмане при покупке, сознательном ухудшении качества вина. Эти соображения подтверждались демонстративными акциями. Так, в 1901 г. в Петербургском акцизном управлении была произведена публичная экспертиза, призванная подтвердить высокое качество казенной водки по сравнению даже с дорогостоящими сортами частного производства. Приглашенным из-за границы мастерам-дегустаторам на пробу было предложено казенное «столовое вино», особое вино, изготовленное для Высочайшего стола, а также водка московской фирмы «Смирнова № 40» самой высокой очистки. По единогласному заключению экспертизы, немедленно опубликованному в правительственном «Вестнике финансов, промышленности и торговли» за 1901 г., «казенное столовое вино» не уступало по достоинству вину для Высочайшего стола и превосходило водку фирмы Смирнова. Однако, соображения нравственного порядка при проведении глобальной фискальной операции, если и учитывались правительством, то, безусловно, находились на втором плане. Главный побудительный мотив заключался в стремлении государства направить прибыль от питейного дохода, получаемую частными лицами, в свой карман. Эффективность монополии оправдала себя уже в XX в., когда с увеличением числа питейных казенных заведений и дальнейшим ростом цен на спиртные напитки питейный доход стал резко расти как в абсолютном (денежном), так и относительном выражении.

Другой глобальной мерой С.Ю.Витте в налоговом деле стало существенное увеличение продуктивности налога на предпринимательскую деятельность (промысловый налог), уровень обложения которой почти на всем протяжении XIX в. был весьма невысок. Объяснение этому крылось в двух главных причинах: с одной стороны, российское правительство не хотело ставить препятствий развитию промышленности, находившейся в привилегированном, по сравнению с аграрным сектором, положении; с другой, — слабому обложению предпринимательства способствовало несовершенство формы существовавшего налога. Действовавшая, с опре-

деленными изменениями, с 1824 г. патентная система допускала крайнюю неравномерность обложения. Крупные предприятия пользовались преимуществами, не оправдываемыми ни фискальными, ни экономическими соображениями. Так, все кредитные и банковские учреждения с капиталом свыше 50 000 тыс. руб. обязаны были выкупать свидетельство 1-й гильдии. В результате, одинаковую сумму налога платили как единоличные предприниматели (физические лица) или общества взаимного кредита с капиталом 50—60 тыс. рублей, так и акционерные банки с капиталом в десятки миллионов рублей. К одной категории налогоплательщиков были отнесены как небольшой завод с 17 работниками, так и промышленный гигант с многотысячным персоналом⁷³.

Проведенные при Н.Х.Бунге реформы внесли элемент прогрессивности в обложение, однако его общий уровень по-прежнему оставался невысоким. По данным Министерства финансов, после введения дополнительного сбора торговцы и промышленники в среднем должны были уплачивать не более 4% с чистого дохода, в то время как земельные собственники платили от 4 до 5,5%, а владельцы других недвижимых имуществ — до 6,5%⁷⁴. Считая нормы обложения, утвержденные в 1885 г., недостаточными, С.Ю.Витте настоял на увеличении с 1893 г. размера процентного (с 3 до 5%) и раскладочного дополнительного сборов (на 25%) и на привлечении к платежу раскладочного сбора фабрик и заводов, уплачивающих акцизные сборы.

В 1894 г. по инициативе С.Ю.Витте министерством финансов был подготовлен новый проект промыслового обложения, в котором на принципах прогрессивности предусматривалось общее увеличение ставок как основного (патентного), так и дополнительного сборов. Проект положения о государственном промысловом налоге был направлен министерством финансов на отзыв в представительные организации — биржевые комитеты, купеческие общества, отраслевые предпринимательские объединения. Подавляющее большинство принявших участие в обсуждении проекта промышленников, коммерсантов и банкиров выступило решительно против увеличения обложения предпринимательской деятельности. Несмотря на это, в 1898 г. правительство приняло новое «Положение о государственном промысловом налоге», в котором обложение торгово-промышленной деятельности строилось на сочетании традиционной «патентной системы» с элементами подоходно-прогрессивного налога.

Как и прежде за право деятельности надо было заплатить т.н. «основной налог» в виде покупки патента, однако теперь он должен был выкупаться не на отдельного предпринимателя, а на каждое торгово-промышленное предприятие. Основной налог представлял собой пошлину лицензионного типа, стоимость которой зависела от класса местности (всего 5 классов) и разряда предприятия (для торговых предприятий — 5 разрядов, промышленных — 8). Прогрессивный элемент в обложение вносил «дополнительный налог», который взимался с отчетных (т.е. акционерных) и неот-

четных предприятий в разных формах. Первые платили налог с капитала и процентный сбор с прибыли (если она превышала 3%), который устанавливался на началах умеренной прогрессивности. Для предприятий неакционерных дополнительный налог был установлен по новому положению в виде раскладочного сбора и процентного сбора с прибыли, превышающей определенный размер.

Особенность нового «Положения» заключалась и в привлечении к обложению новых отраслей предпринимательской деятельности: лесопромышленности, скотопромышленности, хлеботорговли, горной и металлообрабатывающей промышленности, свеклосахарные заводы и нек. др. Кроме того, впервые подлежали налогообложению т.н. «личные промысловые занятия»: приказчики, коммивояжеры, биржевые маклеры, торговые посредники; а также лица, входившие в состав правлений, советов акционерных компаний⁷⁵.

Таким образом, представляя собой комбинацию нескольких систем, применявшихся и ранее — патентной, раскладочной и окладной, новый государственный промысловый налог привнес много новых элементов в обложение предпринимательства. «Положение», усилило прогрессивность обложения, увеличило оклады и привлекло к обложению новые отрасли экономики. В итоге, уже в первый год действия нового закона (1899) был получен 61 млн руб. против 48 млн в 1898, а в 1900 г. доход повысился до 69,8 млн руб. К концу XIX в. налог на предпринимательскую деятельность стал главной статьей прямого обложения.

В результате налоговой политики С.Ю.Витте податное бремя в значительной степени переместилось с крестьянства на относительно зажиточные городские слои. Странник активного пополнения государственных доходов, С.Ю.Витте ставил необходимость пересмотра положения крестьян в прямую связь с интересами государственного бюджета⁷⁶. С его точки зрения, главным путем повышения благосостояния, а значит, и способности платить налоги, было последовательное решение злополучного «крестьянского вопроса». В качестве решающих мер им предлагались отмена выкупных платежей, ликвидация общины с круговой порукой, а затем и стимулирование хуторянина-производителя, наделение крестьянства землей путем организации широкомасштабного переселения из центра на восточные окраины. В конце XIX столетия из всех предложенных С.Ю.Витте мер облегчения податного бремени крестьянства удалось осуществить только те, которые не носили радикального характера. В 1895 г. была облегчена уплата крепостных пошлин по переходу заложенных имений, понижена на одну треть пошлина со страховых имуществ. С 1896 г. установлено значительное облегчение по уплате крестьянами выкупного долга; наполовину понижен (на срок в десять лет) государственный поземельный налог, и, наконец, в 1898 г. была отменена подушная подать в Сибири. В полной мере программе С.Ю.Витте не суждено было воплотиться в жизнь в конце XIX столетия, ее реализация началась позже — при П.А.Столыпине, с именем которого она и вошла в историю.

Во второй половине XIX в. прямые налоги претерпели существенную трансформацию. В результате осуществленных реформ удалось отказаться от отсталой средневековой формы — сословности обложения. Если в 1867 г. «крестьянские» налоги — подушная и оброчная подати — составляли свыше 75% прямых налогов, то к концу XIX в. поступления от обложения всех слоев населения в соответствии с их платежной способностью стали самыми значительными. Наиболее продуктивным в фискальном отношении прямым налогом стал налог на предпринимательскую деятельность.

Однако это изменение структуры прямых налогов не означает того, что удалось добиться создания рациональной налоговой системы, характеризующейся справедливостью и пропорциональностью обложения. Так, лежавшее на крестьянах бремя едва ли стало легче: помещичьи крестьяне были вовлечены в выкупную операцию, расходы на которую значительно превышали тягость подушных сборов. Что касается государственных крестьян, то уплачиваемая ими оброчная подать была не ликвидирована, а трансформирована в увеличенном размере в выкупные платежи, официально не относящиеся к податям. В то же время отечественная промышленность пользовалась государственной поддержкой, которая выражалась не только в протекционистских мерах, но и в относительно низких ставках налогообложения предпринимательской деятельности. В 1895 г. российская торговля и промышленность давали 45% от произведенного богатства России, но платили не больше 3—4% всех налоговых поступлений⁷⁷. Несмотря на то, что в обложение торгово-промышленной деятельности после реформ 1885 и 1898 гг. было введено подоходно-прогрессивное начало, предприниматели по-прежнему несли относительно небольшое податное бремя.

Таблица 2

Налоговые поступления во второй половине XIX в., млн руб.

	1867	1877	1887	1897
Всего налогов и пошлин	302,2	429,7	616,5	773,0
Из них прямые налоги:				
Подушные подати	37,2	56,8	1,1	1,3
Оброчная подать	34,0	33,8	2,4	2,4
Налоги местные с земель	10,6	16,4	19,9	16,5
Налог на недвижимые имущества в городах	2,1	4,3	6,3	7,8
Гос. поземельный налог	—	7,7	12,4	8,0
Промысловый налог	9,5	15,0	28,9	46,6
Налог с денежных капиталов	—	—	11,7	15,6
Квартирный налог	—	—	—	3,2

	1867	1877	1887	1897
Косвенные налоги				
Таможенные пошлины	38,0	52,6	97,0	95,6
Акцизы:				
Питейный	133,9	190,9	257,7	280,1
Табачный	7,0	12,6	24,1	35,3
Сахарный	1,6	6,8	23,2	55,5
Соляной	6,8	9,1	—	—
Нефтяной	—	—	—	22,8
Спичечный	—	—	—	7,1
Пошлины:				
Гербовые	6,9	9,6	18,2	28,3
Крепостные, канцелярские, судебные	6,3	10,3	15,2	26,3
С имуществ, переходящих безмездными способами	—	—	3,8	5,4
С паспортов	2,0	2,6	3,6	2,3
С застрахованных от огня имуществ	0,2	0,1	3,5	3,1
С пассажиров и грузов большой скорости	—	—	8,6	9,7

Источник: Россия: Энциклопедический словарь. СПб.: Брокгауз—Ефрон, 1898. С. 199—202.

Значительные изменения произошли в системе косвенного обложения. Был отменен сохранявшийся с феодальных времен соляной налог, облагавший предмет первой необходимости и потому ложившийся на население обратно пропорционально платежной способности. Первое место среди косвенных налогов традиционно занимал питейный, являвшийся самой крупной статьёй доходного бюджета государства — его объем в два с половиной раза превышал поступления от всех прямых налогов. В течение последних тридцати лет XIX в. питейный доход более чем удвоился; что объяснялось двукратным увеличением самой нормы обложения. Однако с повышением значимости других косвенных сборов (обложение предметов импорта, табака, сахара) относительное значение питейного акциза сильно сократилось. Если в 1867 г. он дал почти 3/4 всех косвенных налогов, то в 1897 г. — менее половины, соответственно, упало его значение и в доле всех обыкновенных доходов. В сравнении с другими странами, доля питейного дохода в государственном бюджете России была в 1897 г. несколько выше, чем во Франции, но ниже, чем в Англии, так что часто встречающиеся в публицистике утверждения об уникальности русского «пьяного» бюджета не соответствуют действительности.

Следующее за питейным налогом место по величине поступлений занимал доход от таможенных пошлин. Отличительной чертой этой статьи дохода было то, что она почти целиком, начиная с 1877 г., поступала в золотом исчислении. Во второй половине

XIX в., по мере увеличения таможенных тарифов и развития оборотов внешней торговли значение таможенного налога в российской податной системе резко возросло: за десятилетие 1868—1877 г. он увеличился более, чем на треть, в течение последующих двух десятилетий — удваивался, а в 1897 г. давал около 40% всех поступлений от косвенного обложения.

Другие акцизы за период с 1867 по 1897 гг. также имели устойчивую тенденцию к повышению: поступления от сахарного акциза возросли в 34 раза, табачного — в 5 раз. О значении в российской податной системе налогового обложения предметов первой необходимости говорит то, что общая сумма названных акцизов с прибавлением налога на спички составляла 97,7 млн руб., т.е. почти достигала размера всех прямых налогов.

Пошлины, выделяемые официальной статистикой в особый отдел государственного бюджета и не считавшиеся налогами, традиционно были не самым крупным, но достаточно стабильным источником дохода. Как отмечали специалисты финансового дела, эти сборы можно лишь с большим допущением исключать из группы налогов; а такие статьи, как сборы с наследств и дарений, со страхований, с пассажиров и грузов большой скорости по сути представляют собой налоги на обращение. На протяжении пореформенного периода, подобно косвенному налогообложению, эти налоги увеличились в объеме почти втрое. Увеличение дохода от пошлин резко усилилось в последние два десятилетия XIX в. Это было обусловлено двумя обстоятельствами: во-первых, двукратным общим повышением гербового сбора (в 1878, 1882 и 1887 гг.) и увеличением сбора со страхований; во-вторых, установлении новых сборов — с имущества, переходящих безмездными путями в 1882 г. и с железнодорожного движения в 1879 г.

Итак, основной причиной резкого скачка в объеме податных поступлений стал принятый правительством курс на высокое развитие косвенного обложения. За период с 1861 по 1900 г. доход от косвенных налогов увеличился в 4,5 раза — со 170 до 775 млн руб.⁷⁸, в конце XIX в. они обеспечивали свыше 85% общей суммы дохода, доставляемого налогами. Преобладание косвенных налогов в податных поступлениях было характерно и для бюджетов других крупных государств Европы, однако ни в одной другой стране диспропорция не была столь ощутимой. Так, в конце XIX в. косвенные налоги превышали прямые во Франции только в 3 раза, в Англии — в 2,5, в Германии — почти в 2, в Италии, Австрии и Испании — менее, чем двукратно⁷⁹.

Современники по-разному оценивали эту особенность российской налоговой системы. Практики финансового ведомства, выступавшие инициаторами увеличения косвенного обложения, подчеркивали в первую очередь его эффективность. Как писал в 1893 г. министр финансов С.Ю.Витте, «косвенные налоги имеют существенные преимущества над прямыми налогами, ввиду того, что взимание их гораздо легче, не требует никаких принудительных мер, всегда тяжелых и нередко убыточных для плательщиков, и

что уплата косвенных налогов производится по мере потребления обложенных налогами продуктов небольшими взносами и в такое время, когда плательщик имеет средства для покупки этих продуктов, а следовательно, и для уплаты налогов»⁸⁰. В то же время многие теоретики финансового дела предостерегали об опасности непомерного увеличения косвенных налогов, наносивших серьезный ущерб народному благосостоянию. П.Шванебах в ответ на утверждения о справедливости косвенных сборов, основанной на их мнимой добровольности, с иронией отмечал, что «согласиться с этим можно бы в таком лишь случае, если признать потребление чая, сахара, керосина, ситца и водки факультативными... Но ...попробуем только представить себе мужика, который: не пил бы чая, не оещал избы керосином и не носил ситцевой рубахи»⁸¹.

Усиление косвенного обложения в конечном счете отрицательно сказывалось на уровне жизни российского потребителя. Переход от отсталых форм обложения к активному взиманию средств налогоплательщика, совершался, по выражению острословов того времени, не по принуждению, а как бы «под хлороформом». Как писали публицисты начала XX в. «благодаря таможенным пошлинам и высоким акцизам, мы переплачиваем против других стран вдвое и втрое на множестве предметов, часто даже и таких, поставщиками которых мы считаемся в других странах»⁸². Увеличение цен на объекты косвенного обложения по сравнению с Западной Европой, особенно с учетом более низкого уровня доходов населения, вело к прямо пропорциональному снижению уровня потребления жителей Российской империи в сопоставлении с более развитыми странами.

Сложившаяся к концу XIX в. налоговая система просуществовала без коренных изменений до Первой мировой войны. Несмотря на отсутствие подоходного обложения, уже введенного в Европе, несомненным достоинством системы российских налогов, с точки зрения правительства, являлся устойчивый приток средств в бюджет. Особенно значительный рост податей наметился в последние двадцать лет XIX в., когда налоги увеличились без малого вдвое: с 565 млн руб. в 1880 г. до 1 млрд 40 млн руб. в 1901 г. Прямые и косвенные налоги доставляли львиную долю государственных доходов⁸³, и финансовая стабилизация конца XIX в., в конечном итоге, была достигнута именно за счет средств российского налогоплательщика.

Примечания

¹ Шванебах П.Х. Наше податное дело. СПб., 1903. С. 48—49.

² Чечулин Н.Д. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. СПб., 1906. С. 378.

³ Корф М.А. Жизнь графа Сперанского. СПб., 1861. Т. 1. С. 189.

⁴ Печерин Я.И. Исторический обзор росписей государственных доходов и расходов с 1803 по 1849 год включительно. СПб., 1896. С. 11.

⁵ Вопреки принятой Сперанским практике, текст доклада, подготовленный при активном участии профессора политической экономии Пе-

тербургского педагогического института М.А.Балугьянского не был напечатан даже для членов Государственного совета, оставшись в рукописном виде. В полном объеме «План финансов» был опубликован 75 лет спустя в «Сборнике Русского императорского исторического Общества» (СПб., 1885. Т. 45).

⁶ Сборник императорского Русского Исторического общества. СПб., 1885. Т. 45. С. 10.

⁷ ПСЗ-1. Т. XXXI. 1830. № 24.116. С. 54—55.

⁸ Там же.

⁹ ПСЗ-1. Т. XXXI. 1830. № 24.494.

¹⁰ Там же. Манифест от 11 февраля 1812 года. № 24.992.

¹¹ Экономисты называют этот сбор опытом первого подоходного налога в России (налог существовал с 1813 по 1819 г.). По словам Болдырева, для помещиков он являлся чем-то вроде посильного взноса в казну, так как определение дохода предоставлялось самому плательщику, а со стороны правительства не было никакого контроля над правильностью указанной суммы. Сам налог был до известных пределов прогрессивным — возрастал на 1% каждый раз при увеличении дохода на 2 тыс. руб., затем (при доходе в 18 тыс. руб. и выше) становился пропорциональным. Болдырев Г.И. Подоходный налог в России и на Западе. Л., 1924. С. 170.

¹² Министерство финансов. 1802—1902. Т. 1. СПб., 1902. С. 180—181.

¹³ Калачов Н.В. О заслугах графа Сперанского в финансовом отношении // Юридический вестник. 1880. Январь—февраль. С. 13.

¹⁴ Печерин Я.И. Указ. соч. С. 37.

¹⁵ Блюх И.С. Финансы России XIX столетия. СПб., 1882. Т. 1. С. 102.

¹⁶ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России. М., 1977. С. 187.

¹⁷ Печерин Я.И. Исторический обзор росписей государственных доходов и расходов с 1803 по 1849 год включительно. СПб., 1896. С. 19—21.

¹⁸ ПСЗ-1. Т. XXXI. 1830. № 25.080.

¹⁹ См.: Княпина Н.С. Политика русского самодержавия в области промышленности. М., 1968. С. 96—97

²⁰ ПСЗ-1. Т. XXXI. 1830. № 25.671.

²¹ Министерство финансов... Т. 1. С. 184.

²² ПСЗ-1. Т. XXXI. 1830. № 28.214.

²³ Терский Н.С. Питейные сборы и акцизная система в России. СПб., 1897. С. 7.

²⁴ Божерянов И.Н. Граф Канкрин и его жизнь. СПб., 1897. С. 122.

²⁵ Ладыженский П. История русского таможенного тарифа. СПб., 1896. С. 209.

²⁶ Рудченко И.Я. Исторический очерк обложения торговли и промыслов в России. СПб., 1897. С. 109—112.

²⁷ Гензель П. Промысловое обложение в России. СПб., 1900. С. 7.

²⁸ Рудченко И.Я. Указ. соч. С. 132.

²⁹ Там же. С. 146.

³⁰ Терский Н.С. Питейные сборы... С. 17.

³¹ Министерство финансов. СПб., 1902. Т. 1. С. 363.

³² Там же. С. 368—371.

³³ См.: Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П.Д.Киселева. М., 1958. Т. 2. С. 130, 139 и др.

- 34 ПСЗ-11. № 11. 108.
- 35 Подробнее см.: Дружинин Н.М. Указ. соч.
- 36 Подробнее о деятельности Канкрин см.: Божерянов И.Н. Граф Канкрин и его жизнь. СПб., 1897.
- 37 Терский Н.С. Указ. соч. С. 18—20.
- 38 Руковский И.П. Историко-статистические сведения о подушных податях. СПб., 1862. С. 286—287.
- 39 Болдырев Г.И. Подходный налог в России и на Западе. Л., 1924. С. 170.
- 40 Министерство финансов... С. 286—287.
- 41 ПСЗ-2. Т. XXXVII. № 34.734. 10 июля 1859 г.
- 42 Цит. по: Погребинский А.П. Очерки по истории финансов дореволюционной России. М., 1954. С. 102.
- 43 Степанов В.Л. Михаил Христофорович Рейтерн // Отечественная история. 1994. № 6. С. 36—37.
- 44 Крисчн Д. Забытая реформа: отмена винных откупов в России // Великие реформы в России... С. 134.
- 45 Министерство финансов... С. 529—535.
- 46 Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1981. С. 96—97.
- 47 Рудченко И.Я. Исторический очерк обложения торговли и промыслов в России. СПб., 1893. С. 197—199.
- 48 Ананьич Н.И. К истории отмены подушной подати в России // Исторические записки. № 94. М., 1974. С. 185.
- 49 Там же. С. 186.
- 50 Тернер Ф.Г. Государство и землевладение. СПб., 1896. Ч. 1. С. 302—304.
- 51 Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе. 1861—1880 гг. М., 1978. С. 73.
- 52 См.: Ананьич Н.И. Указ. соч. С. 187.
- 53 Записка Н.Х.Бунге «О финансовом положении России» // Исторический архив. 1960. № 2. С. 139.
- 54 Бунге Н.Х. Исследование по вопросу восстановления налога на соль. СПб., 1893. С. 15.
- 55 Блюх И.С. Финансы России XIX столетия. СПб., 1882. Т. 2. С. 275.
- 56 Кованько П. Главнейшие реформы, проведенные Н.Х.Бунге в финансовой системе России. Киев, 1901. С. 5.
- 57 Степанов В.Л. Н.Х.Бунге. Судьба реформатора. М., 1998. С. 129.
- 58 Шванебах П. Наше податное дело. СПб., 1903. С. 5.
- 59 Ананьич Н.И. Указ. соч. С. 197.
- 60 ПСЗ-III. Т. 6. № 3807.
- 61 Ананьич Н.И. Указ. соч. С. 205.
- 62 ПСЗ-III. Т. 2. № 972.
- 63 ПСЗ-III. Т. 5. № 2961.
- 64 Гензель П.П. Промысловое обложение в России. СПб., 1900. С. 3.
- 65 Степанов В.Л. Н.Х.Бунге. Судьба реформатора. М., 1998. С. 165.
- 66 Витте С.Ю. Избранные воспоминания. М., 1991. С. 185.
- 67 Янжул И.И. Основные начала финансовой науки. 2-е изд. СПб., 1895. С. 386—388.

- 68 Витчевский В. Торговая, таможенная и промышленная политика России со времен Петра Великого до наших дней. СПб., 1909. С. 231.
- 69 См.: Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999. С. 83—97.
- 70 Шванебах П.Х. Указ. соч. С. 19.
- 71 Янжул И.И. Указ. соч. СПб., 1895. С. 287.
- 72 Витте С.Ю. Указ. соч. С. 256.
- 73 Критический обзор нашей системы патентного обложения // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1898. № 23. С. 631.
- 74 Шепелев Л.Е. Указ. соч. С. 175.
- 75 ПСЗ-II 1. Т. 18. № 15.601. Ст. 44.
- 76 Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Указ. соч. С. 73.
- 77 Bowman L. Russia's First Income Taxes: The Effects of Modernized Taxes on Commerce and Industry, 1885—1914. Volume 52. Number 2. 1993. P. 278.
- 78 Сабуров П. Материалы по истории русских финансов. СПб., 1899. С. 31
- 79 Голубев П. Податное дело. СПб., 1906. С. 10.
- 80 Десять лет экономической жизни России. СПб., 1902. С. 154.
- 81 Шванебах П.Х. Указ. соч. С. 45.
- 82 Голубев П. Указ. соч. С. 14.
- 83 По оценке Погребинского они составляли около 75% всех доходов (Погребинский А.П. Очерки истории финансов дореволюционной России. М., 1954. С. 96), П.Х.Шванебах приводит цифру в 90% (Шванебах П. Указ. соч. С. 31).

Налоги и налогоплательщики в России начала XX в.

Налоги и государственный бюджет

Основы экономической политики правительства, заложенные в конце XIX в. С.Ю.Витте, который исходил из приоритета индустриального развития, сохранили свою действенность и при его преемниках на посту министра финансов. Одним из краеугольных камней доктрины Витте являлось достижение бездефицитного бюджета — задача, над которой безуспешно бились российские финансовые деятели XIX в. «Бюджетное равновесие, — по словам Витте, — представляет основную цель при составлении государственной росписи»¹. Той же линии придерживался и наиболее даровитый после Витте руководитель финансового ведомства В.Н.Кокцов, который ликвидацию бюджетного дефицита считал «основой не только финансового, но и общеэкономического благополучия государства»².

Однако с началом Русско-японской войны 1904—1905 гг., расходы на которую превысили 2,3 млрд руб.³, с бюджетным равновесием пришлось повременить. Финансирование войны велось главным образом за счет роста государственного долга, который за 1904—1905 гг. увеличился с 6,6 до 8,7 млрд руб. «Новые займы последних трех лет, — докладывал по этому поводу государственный контролер П.Х.Шванебах Николаю II, — представляют собой сумму, близкую к той, которая была ассигнована на расходы, вызванные войной с Японией»⁴. Половину прироста, или около 1 млрд руб., составлял долг внешний, займы у европейских банкиров заключались на не самых выгодных условиях, но все же благодаря займовым операциям финансовому ведомству удалось сохранить финансовую стабильность в стране и свести к минимуму воздействие войны на бюджет.

Гораздо более серьезные испытания правительству пришлось пережить в 1905—1906 гг., когда разгоревшаяся революция поставила под угрозу существование золотой валюты в России и тем самым могла привести к государственному банкротству. Лишь благодаря беспрецедентному займу 1906 г. во Франции на сумму 2,25 млрд франков (около 843 млн руб.) удалось спасти империю

* Петров Юрий Александрович — доктор исторических наук (Институт российской истории РАН).

от финансового краха и относительно благополучно свести бюджет».

Крупным нововведением в российской жизни этого периода стало образование Государственной думы. Согласно принятым весной 1906 г. Основным законам Российской империи, Государственной думе было даровано право утверждать годовой бюджет и заключаемые правительством займы. С этого момента все законопроекты, касающиеся бюджета и его налоговых поступлений, должны были обсуждаться в Думе, заключения которой утверждались затем Государственным Советом и императором.

На Государственную думу было возложено рассмотрение и утверждение бюджетной росписи, подготовленной Министерством финансов. Полномочия российского парламента ограничивались, однако, положением закона, согласно которому «при обсуждении проекта государственной росписи не могут быть исключаемы или видоизменяемы такие доходы и расходы, которые внесены в проект росписи на основе действующих законов, положений, штатов, расписаний, а также от Верховного управления последовавших»⁶. Ряд бюджетных статей, например, смета Императорского двора, вообще не подлежали думскому обсуждению. И тем не менее с появлением Думы вопросы бюджетной политики впервые стали предметом широкого гласного обсуждения. То же касается и займов операций правительства, которые отныне должны были проходить процедуру утверждения в парламенте.

К проблеме бездефицитного бюджета Министерство финансов во главе с В.Н.Коковцовым смогло вернуться с 1907 г., когда наметилось политическое успокоение страны. Коковцов решил скорректировать прежний курс Витте на расширение государственной задолженности, прежде всего внешней, поскольку платежи по займам все более обременяли бюджет, доходя до 15% его расходной части. По традиции государственный бюджет России подразделялся на «обыкновенный» и «чрезвычайный». Основным источником «чрезвычайного» бюджета и являлись внешние займы, а расходовался он прежде всего на военные нужды и строительство казенных железных дорог. В.Н.Коковцовым же была поставлена задача «покрывать обыкновенными доходами, не прибегая к займам, обыкновенные, а поскольку возможно и чрезвычайные расходы государства»⁷.

«Мы должны, — заявлял министр финансов перед депутатами Государственной думы, — стремиться к тому, чтобы вне пределов крайней необходимости не заключать займов. Для этого есть единственное средство — это средство блюсти то, что я называю бюджетным равновесием, соразмерять потребности государства с его средствами и жить в соответствии с этим»⁸.

Свое кредо В.Н.Коковцов любил выражать русской пословицей: «По одежке протягивай ножки». Основанная на «режиме экономии» расходных статей бюджета политика финансового ведомства начала приносить ощутимые плоды с 1909 г., когда под влиянием общеэкономического подъема и роста налоговых поступле-

ний доходная часть российского бюджета наконец-то превысила расходную.

Суммарный бюджет 1913 г. (обыкновенный и чрезвычайный вместе) по сравнению с 1900 г. представлял собой следующую картину (см. таблицу 1, данные в млн руб.)⁹

Таблица 1

Суммарный государственный бюджет, 1900 и 1913 гг.

	1900	1913	% к 1900
Доходы	1736,7	3431,2	197,6
Расходы	1889,2	3382,9	179,1
Баланс	-152,5	+48,3	

Таким образом, доходная часть бюджета в начале XX в. выросла почти вдвое, или на 1,7 млрд руб., тогда как расходная — примерно на 1,5 млрд, или в 1,8 раза. За счет опережающего темпа роста доходов и был достигнут положительный баланс бюджета. Динамизм доходной части бюджета был предметом особой гордости В.Н.Коковцова, видевшего в нем «показатель того развития хозяйственной жизни страны, которое дало возможность покрывать столь же быстрое увеличение расходов государства»¹⁰.

За счет чего же было достигнуто бюджетное благополучие империи? Финансовое ведомство достаточно объективно оценивало свои успехи, подчеркивая, что «ускорению нарастания государственных доходов бесспорно, в значительной мере содействовало развитие двух крупных хозяйственных операций — железнодорожной и винной»¹¹. Действительно, львиную долю бюджетных средств приносили доходы от эксплуатации казенных железных дорог, протяженность которых превышала 40 тыс. км из 70 тыс. км общероссийской сети, а также от введенной Витте винной монополии.

Доходная часть «обыкновенного» бюджета по источникам поступления за 1900 и 1913 гг. выглядела следующим образом (см. таблицу 2, млн руб.)¹².

Таблица 2

Источники доходной части «обыкновенного» бюджета, 1900 и 1913 гг.

	1900	% к итогу	1913*	% к итогу	% к 1900
I. Налоговые источники					
1. Прямые налоги	131,9	7,7	272,5	8,0	206,6
2. Косвенные налоги	658,1	38,6	708,1	20,7	107,6
3. Винная монополия	117,9	7,0	899,3	26,3	762,8
4. Пошлины	88,3	5,2	231,2	6,8	261,8
ВСЕГО	996,2	58,5	2111,1	61,8	211,9

	1900	% к итогу	1913*	% к итогу	% к 1900
II. Неналоговые источники					
1. Железные дороги	361,7	21,2	813,6	23,8	224,9
2. Остальные доходы	346,2	20,3	492,7	14,4	142,3
ВСЕГО	707,7	41,5	1306,3	38,2	184,5
III. Все доходы	1704,1	100	3417,4	100	200,6

Примечание: * На 1913 г. без сметных остатков от предыдущих лет.

Итак, доля налоговых источников доходной части бюджета за 1900—1913 гг. выросла с 58,5% до 61,8%, хотя удельный вес неналоговых поступлений, связанных с хозяйственными операциями казны, оставался по-прежнему весьма высоким, на уровне 40%. Среди налоговых поступлений практически неизменной осталась доля прямых налогов и пошлин, зато в графе косвенного обложения падение удельного веса основных косвенных налогов с лихвой компенсировалось ростом доходов от казенной винной операции, ставшей основной статьей доходов государственного бюджета.

Винная монополия как средство избежать бюджетного дефицита служила предметом постоянных нападков на правительство со стороны думской оппозиции, окрестившей финансовое детище В.Н.Коковцова «пьяным бюджетом». В конце концов, выраженный «алкогольный» характер российского бюджета послужил предлогом для смещения В.Н.Коковцова с поста министра финансов накануне мировой войны. Сменивший его П.Л.Барк при официальном представлении императору так изложил свое кредо: «Нельзя построить благополучие казны на продаже водки, необходимо ввести скорее подоходный налог»¹³. Реальные шаги по осуществлению этой программы были предприняты уже в годы Первой мировой войны. В первое же десятилетие XX в. российская податная система сохраняла прежнюю структуру, хотя война с Японией и события революции 1905—1907 гг. потребовали внесения определенных коррективов.

В области прямого налогообложения (налоги прямые и пошлины) предвоенный период в истории России можно разделить на два этапа. На первом, вплоть до 1907 г., правительство было увлечено поиском налоговых поступлений для стабилизации государственного бюджета. В то же время под воздействием массового крестьянского движения 1905—1906 гг. было сделано несколько налоговых уступок для успокоения крестьянской массы.

Манифестом 3 ноября 1905 г. выкупные платежи, одна из наиболее тяжелых податных повинностей российского крестьянства, были уменьшены наполовину, а с 1907 г. их взимание вовсе прекращено. Крестьянство избавилось от громадного платежа на сумму около 90 млн руб. ежегодно. Кроме того, указом 5 октября 1906 г. была окончательно и повсеместно упразднена архаичная подушная подать, взимавшаяся до того в отдельных областях им-

перии, а население этих областей переведено на общее поземельное обложение. В качестве компенсации за утраченные бюджетные средства правительство повысило ряд прежних податей: в 1905—1906 гг. увеличены на 50% пошлины с переходящих имуществ, подняты ставки гербового сбора, а также размер промыслового налога и государственного поземельного, что в совокупности принесло казне 50 млн руб. в год.

На втором этапе, в условиях политического «успокоения» страны, Министерство финансов разработало целый пакет налоговых новелл, призванных пополнить доходную часть бюджета. Стратегическая линия финансового ведомства в обстановке наступившего экономического подъема заключалась «в возможном сообразовании податной тяготы с доходностью облагаемых объектов и в устранении неуравнительности обложения»¹⁴. Для приближения российской податной системы к лучшим европейским образцам предполагалось, среди прочего, ввести и подоходный налог, однако проект Министерства финансов встретил серьезную оппозицию со стороны имущих слоев, и так и не был введен до мировой войны¹⁵. Из всего пакета нововведений до войны удалось реализовать только один пункт: в 1910 г. осуществлена реформа обложения городских недвижимых имуществ.

Со времени введения в 1866 г. налог этот взимался по раскладочной системе: сумма налога на каждый населенный пункт «спускалась» из Министерства финансов, а на местах распределялась губернскими земскими собраниями и городскими самоуправлениями среди отдельных владельцев. Раскладочная форма весьма приблизительно улавливала действительную ценность недвижимости. С 1910 г. была установлена ставка государственного налога с городской недвижимости в размере 6% облагаемого налога, в том числе 1% отчислялся в пользу городов и земств. За счет более точного учета реальной стоимости недвижимости сбор этого налога в 1912 г. составил 37 млн руб., тогда как в 1911 г. — только 20 млн.

Таким образом, в начале XX в. правительство не вводило новых прямых налогов, но за счет увеличения ставок прежних податей сумело закрыть брешь, образовавшуюся в бюджете после отмены выкупных платежей. Той же цели служили нововведения в области косвенного обложения: в 1905 г. — повышение акцизов на пиво, дрожжи, керосин и спички, а в 1909 г. — на табак и папиросные гильзы.

Отличительной чертой российского налогообложения начала XX в. являлось гипертрофированное развитие косвенных налогов в противовес явно недостаточному прямому обложению. В России, как мы видели, в 1913 г. прямое налогообложение составило около 15% доходной части бюджета, а косвенное вместе с винной монополией — 47%. В большинстве же стран Западной Европы соотношение было иным: косвенные налоги не имели столь подавляющего превосходства над прямыми¹⁶. По имеющимся сравнитель-

ным данным на 1911 г. соотношение это выглядит следующим образом (см. таблицу 3, млн руб.):

Таблица 3

**Доля прямых налогов
в налоговой системе европейских стран, 1911 г.**

	Россия	Германия	Франция	Англия
Все налоги	1537,6	1250,7	1297,2	1437,1
Прямые налоги	210,9	354,0	293,6	452,5
%	13,7	28,3	19,5	31,5

Итак, среди стран «большой четверки» Россия по удельному весу прямых налогов занимала последнее место, более чем вдвое уступая Англии и Германии и не столь заметно, но все же существенно — Франции. Основная тяжесть податного бремени в России распространялась через систему косвенного обложения, а главной её статьёй в начале XX в. являлась «казенная винная операция», сосредоточившая в руках государства такой важнейший источник, как продажа «сорокаградусной». Относимая официальной статистикой к разряду хозяйственных операций государства, винная монополия по сути своей являлась разновидностью косвенного обложения, взимаемого путем установления государством цены на водку и запрета частной торговли этим продуктом.

К началу XX в. винная монополия была распространена на всю территорию империи за исключением ряда пограничных областей в Закавказье, Средней Азии и на Дальнем Востоке. Российский подданный мог приобрести любимый народный напиток в 25 тыс. казенных винных лавках. Расширение поступлений от винной операции было связано как с повышением акцизных ставок (в 1900 г. они подняты с 10 до 11 копеек с градуса), ростом продажных цен (в 1908 г. повышены в среднем на 42 коп. за ведро), так и обусловлено ростом населения страны и увеличением душевого потребления водки. В 1900—1913 гг. годовое потребление водки на душу населения выросло с 0,52 до 0,58 официального 12-литрового ведра. Винная монополия обеспечивала бюджетную стабильность государства, но вместе с тем объективно замедляла переход к более прогрессивным видам прямого обложения.

**Структура и региональные особенности
податной системы**

По общепринятой классификации в налоговой практике рубежа XIX—XX в. выделялись три основных вида податей — на владение, на потребление и обращение, которым в российских условиях того времени соответствовали налоги прямые, косвенные и пошлины¹⁷. Детальная структура российской налоговой системы в

1913 г. представляла собой следующую картину (см. таблицу 4, млн руб.)¹⁸.

Таблица 4

Структура российской налоговой системы, 1913 г.

Виды налогов	млн руб.	% к общему итогу
1. Прямые налоги	272,5	12,9
1.1. Поземельный налог и подати	41,7	2,0
1.2. С городских недвижимых имуществ	36,6	1,7
1.3. Квартирный налог	9,0	0,4
1.4. Промысловый налог	150,1	7,1
1.5. Сбор с доходов от денежных капиталов	35,1	1,7
2. Косвенные налоги	708,1	33,5
2.1. Таможенный доход	352,9	16,6
2.2. Сахарный доход	149,2	7,1
2.3. Табачный доход и сбор с папиросных гильз	83,7	4,0
2.4. Сбор с питей	53,7	2,5
2.5. Нефтяной доход	48,6	2,3
2.6. Спичечный доход	20,1	1,0
3. Доход от казенной винной операции	899,3	42,6
4. Пошлины	231,2	11,0
4.1. Гербовые, судебные и канцелярские	111,8	5,3
4.2. С переходящих имуществ	48,4	2,3
4.3. С товаров и судов в портах	11,0	0,5
4.4. С пассажиров и грузов, перевозимых по казенным железным дорогам	30,8	1,5
4.5. С застрахованных от огня имуществ	6,7	0,3
4.6. Разные пошлины	22,5	1,1
5. Все налоговые поступления	2111,1	100,0

Как можно заметить, особенностью прямого обложения в России являлось выраженное преобладание податей с торговли и промышленности над обложением земли и городской недвижимости. Если промысловый налог составлял 7,1% от общего итога, то поземельный вкупе с налогом с городских недвижимых имуществ — всего 3,7%. Отчасти такая ситуация была порождена интенсивным индустриальным развитием рубежа XIX — XX вв., но в не меньшей степени являлась и следствием политики правительства. В 1896 г. по случаю восшествия Николая II на престол оклад поземельного налога был уменьшен наполовину и восстановлен в прежнем объеме десять лет спустя, в 1906 г. Ставки же промыслового налога в начале XX в. постоянно росли.

Государственным поземельным налогом облагались все земли, за исключением казенных. Взимался он по раскладочной системе,

согласно которой министр финансов, исходя из количества десятин в губернии и их средней доходности, определял сумму налога с каждой губернии. Сумма эта разверстывалась уездными и губернскими собраниями между отдельными землевладельцами, причем весьма неуравнительно: с крестьянских земель — больше, с частновладельческих — меньше. Все губернии были разбиты на 6 групп в зависимости от плодородия почвы и приносимого ею дохода с окладом от 5 до 30 коп. с десятины, причем большинство губерний средней полосы вошло в группу с окладом 10—15 копеек. Архаичная раскладочная система далеко не отвечала действительной доходности земли, но замена ее на более прогрессивную, подоходно-окладную тормозилась незавершенностью работ по составлению единого земельного кадастра. К 1914 г. оценочные работы для земель и лесов были закончены только в 18% уездов¹⁹.

Другой налог на недвижимость — сбор с городских недвижимых имуществ — в 1910 г., как отмечалось, был подвергнут коренной реформе. Налог стал взиматься по окладной системе, платили его владельцы как жилых, так и нежилых строений, а также незастроенных участков в пределах городского поселения на основании данных об их чистой доходности или стоимости. Свод городской недвижимости с указанием доходности каждое пятилетие составлялся городским самоуправлением, которое и занималось взиманием налога. По свидетельству разработчиков реформы 1910 г., перейти ранее к окладной системе сбора правительство не могло из-за отсутствия приемлемых оценок недвижимости. Реформа стала важным шагом на пути перехода отечественной податной системы от реальных налогов (на вещь, независимо от того, кто ее хозяин) к обложению действительно полученного дохода, то есть к подоходному принципу²⁰.

Наиболее отчетливо тенденция перехода к подоходному обложению проступает в истории квартирного налога, который по форме представлял налог с недвижимости, на практике же являлся суррогатом подоходного налога. Принятый в 1893 г. вместо нереализованного проекта о введении подоходной системы обложения, он по замыслу законодателя призван был охватить всю совокупность доходов плательщика, которая отражалась в таком поддающемся учету показателе, как стоимость снимаемой квартиры. Налог этот должен был коснуться прежде всего тех слоев городского населения, кои не подпадали под действие других прямых налогов, поскольку не имели собственной недвижимости и не занимались коммерческой деятельностью, но вместе с тем обладали достаточными средствами для найма квартиры. К таким состоятельным горожанам относились крупные чиновники, так называемые «лица свободных профессий» (адвокаты, врачи, профессеры) и др. Ставка квартирного налога по прогрессивной шкале была установлена в пределах 2—10% от стоимости квартиры, определяемой на основе декларации домохозяина. Главный недостаток налога состоял в том, что касался он только городского населения, то есть носил выборочный характер. Суррогат подоходного налога,

в системе прямого обложения онносил факультативный характер, не достигая и 0,5% от общего итога всех налогов.

Основным видом прямых податей предреволюционной России являлся государственный промысловый налог, принесший в 1913 г. более половины (7,1 млн из 12,9 млн руб.) прямых налогов. По закону 1898 г. он состоял из двух частей — основного (патентного) и дополнительного сборов. Первый колебался от 500 до 1500 руб. для промышленных и от 12 до 500 руб. для торговых предприятий. Дополнительный налог был различен для неакционерных («неотчетных») и акционерных фирм. «Неотчетные», то есть не обязанные публичной отчетностью предприятия, в России были представлены главным образом торговыми домами. Они уплачивали так называемый раскладочный сбор, сумма которого устанавливалась Министерством финансов на 3 года и затем разверстывалась по губерниям, уездам и отдельным предприятиям, исходя из их экономического состояния. Неакционерные фирмы уплачивали также процентный сбор в размере 3,3% с части прибыли, в 30 и более раз превышавшей сумму основного промыслового налога.

Акционерные компании платили налог с основного капитала и с прибыли (процентный сбор). Налог с капитала составлял 0,15% или 15 коп. с каждой сотни рублей капитала, сбор с прибыли взимался по прогрессивной отчасти шкале: при уровне прибыли от 3 до 10% взималось 3—6% прибыли, при большей уплачивались 6% со всей суммы прибыли плюс 5% с излишка прибыли сверх 10%. По оценке дореволюционных отечественных экономистов, «обложение промысловой прибыли было по своему характеру всего ближе к подоходному налогу»²¹. В то же время сохранение раскладочной системы сбора с неотчетных предприятий придавало промысловому налогу крайне запутанный и противоречивый характер.

В начале 1900-х гг. правительство повысило ставки промыслового обложения, оставив в неприкосновенности саму система сбора, но усилив подоходный принцип налога. По закону 1906 г. был расширен круг неакционерных фирм, обязанных уплачивать процентный сбор с прибыли. Размер сбора был повышен с 3,3 до 5% с части прибыли, превышавшей в 20 раз (а не в 30, как ранее) оклад основного промыслового налога. Одновременно был увеличен налог с капитала акционерных предприятий до 0,2% вместо 0,15%, а также процентный сбор с их прибыли. Последний устанавливался в пределах 3—13% при прибыли 3—20%; в случае, если прибыль превышала 20% на капитал, сбор взимался в размере 14% со всей чистой прибыли плюс 10% с излишка прибыли сверх 20%²².

«Когда в 1906 г. понадобился сильный нажим податного винта, — отмечали современники, — возможно было обратиться только к промысловому налогу и в нем повысить только те сборы, которые были построены на подоходном или близком к подоходному началу»²³. Повышение ставок налога вызвало негативную реакцию

предпринимательских кругов, но правительство, обещая ввести новые нормы «временно», сохранило их вплоть до начала Первой мировой войны. Реальный рост объема налога по закону 1906 г. может быть проиллюстрирован следующим примером. Акционерные предприятия с капиталом 1 млн руб. при уровне прибыли соответственно 10 и 21% уплачивали по закону 1898 и 1906 г. (см. таблицу 5, тыс. руб.).

Таблица 5

Уровень промыслового обложения по законам 1898 и 1906 гг.

Уровень прибыли	10% прибыли		21% прибыли	
	1898	1906	1898	1906
Год	1898	1906	1898	1906
% прибыли, взимаемой в налог	10,0	14,0	8,6	16,5

Таким образом, по закону 1906 г. более интенсивно подверглась обложению высокая прибыль, уровень ставок которой вырос в два раза (16,5 против 8,6%), тогда как в отношении предприятий со средним уровнем прибыли — в полтора (с 10 до 14%).

Последний из прямых налогов — 5%-ный сбор с доходов от денежных капиталов — дополнял промысловый, служа средством обложения капиталов в денежной форме. По закону он взимался с доходов от процентных бумаг государственных, общественных и частных, от вкладов в банки, от частных ссуд предпринимателям, платящим промысловый налог. В то же время им не охватывались доходы от капиталов, ссуженных под недвижимость, под личные обязательства и т.д., от уплаты сбора были освобождены ряд поименованных в законе облигаций государственных займов, вклады в Государственный банк и сберегательные кассы, то есть он носил частичный, а не всеобщий характер. По объему сбора он впятеро уступал промысловому налогу (соответственно 35,5 и 150,1 млн руб. в 1913 г.).

Завершая обзор системы прямых налогов, следует отметить еще раз важнейшие ее особенности — раскладочный характер взимания в целом еще преобладал, продуктивность налогообложения, за исключением промыслового, вследствие этого была невысока, оклады отдельных налогов отличались большой неуравнительностью для разных групп плательщиков. И все же система в целом, не беря во внимание архаичный поземельный налог, отличалась выраженной тенденцией к постепенному превращению из реального в подоходное обложение²⁴.

В структуре косвенных налогов обращает на себя внимание безоговорочное лидерство таможенных сборов, составивших в 1913 г. 352,9 млн руб. или 16,7% всех налоговых поступлений казны. Столь значимый их уровень явился следствием как развития внешней торговли России начала XX в., так и результатом целенаправленной политики правительства, с конца XIX в. приобретшей выраженный протекционистский характер. За десятилетие 1904—1913 гг. российский экспорт вырос в 1,5 раза (с 1006,4

до 1520,1 млн руб.), а импорт — более чем вдвое (с 651,4 до 1374 млн руб.). Вывозила Россия по преимуществу продукты сельского хозяйства (до $\frac{1}{3}$ экспорта составляли зерновые культуры), а также сырье (лес, лен, нефть), отчасти изделия текстильной индустрии (хлопчатобумажные ткани). Ввозили же главным образом машины, продукты химического производства, хлопок-сырец, каменный уголь, чай и др., причем большинство импортируемых товаров облагалось высокой таможенной пошлиной²⁵.

Высокие тарифы на иностранные товары вынуждали жителей империи систематически за них переплачивать, поскольку импортер закладывал таможенную пошлину в продажную цену товара. В итоге же цены на ряд импортных товаров в отнюдь не богатой России оказывались выше, чем в Западной Европе. Чай, например, в России облагался таможенной пошлиной в 78 коп. с фунта, тогда как в Германии — 4,8 коп. В Петербурге поэтому чай стоил втрое дороже, чем в Берлине и Лондоне. Как справедливо отмечали дореволюционные исследователи вопроса, «интересы фиска совершенно заслоняют интересы потребителей, для которых чай успел сделаться предметом первой необходимости»²⁶.

Второй по значимости статьей косвенного обложения являлся «сахарный доход». Акциз и продажные цены на сахар в начале XX в. оставались в целом стабильными, так что рост дохода обеспечивался увеличением душевого потребления, объем которого в 1900—1913 гг. вырос на 47%. Табачный доход в основном прирастал благодаря введенному в 1909 г. новому акцизу на табачные изделия, причем наиболее высокие ставки были установлены для табака низших сортов, потребляемого малоимущими слоями города (деревня в основном курила низкосортную махру, на которую акциз не был повышен). «Сбор с питей» представлял собой акциз на слабоалкогольные напитки, не включенные в казенную монополию (пиво, виноградное вино и др.). «Нефтяной доход», то есть акциз на керосин, приносил казне сравнительно немного (48,6 млн руб. в 1913 г.), причем душевое потребление осветительного керосина осталось в 1900—1913 гг. на том же примерно уровне (15 фунтов в год на душу населения), зато цены на этот необходимый продукт поднялись весьма заметно (с 9 коп. за пуд керосина в Баку в 1901 г. до 42 коп. в 1912 г.)²⁷. Наконец, «спичечный доход» тоже представлял собой налог на массового потребителя, на увеличение сбора воздействовали как увеличение производства, так и проведенное в 1905 г. двойное повышение акциза.

О казенной винной монополии и ее значении в системе налогового обложения потребителя выше было сказано достаточно. Заметим лишь, что Министерство финансов, парируя обвинения думской оппозиции в «спаивании народа», подчеркивало, что «казенка» скорее благо для жителей империи, так как государство гарантирует потребителю высокое качество водки, и что душевое потребление алкоголя в стране растет медленнее, чем в других дер-

вахах: «По размерам душевого потребления вина Россия занимает предпоследнее место между государствами Европы»²⁸. Тем не менее ни для кого не было секретом, что главный резон введения монополии — фискальный: казенная продажа водки приносила чуть менее половины (42,6% в 1913 г.) всех налоговых поступлений государства. Хотя продажные цены на водку были повышены, она оставалась наиболее доступным для малосостоятельных слоев алкогольным напитком. Так, наиболее популярная емкость « $\frac{1}{20}$ ведра», то есть 600 гр., стоила 64 коп. вместе со стеклянной посудой. За 1913 г. каждый из 170 млн подданных империи, включая женщин, стариков и детей, уплатил косвенных налогов 2 руб. 07 коп., а на казенную водку потратил вдвое больше (4 руб. 23 коп.)²⁹.

Что касается такого своеобразного вида государственного обложения, как пошлинные сборы, то основным их видом являлись пошлины гербовые, судебные и канцелярские. По новому Гербовому уставу 1900 г. были повышены ставки гербового сбора и расширена сфера его применения. Взимаемый в виде гербовой бумаги и гербовых марок, этот сбор являлся наиболее часто вторгающимся в повседневную жизнь обывателя. «Куда ни повернешься, — сетовали по этому поводу современники, — непременно должен заплатить гербовую пошлину: попросил счет из лавки более чем на 5 рублей — пожалуйста гербовую марку, подписался на газету — гербовая марка, сделал заявление в участок о потере или пропаже вещей — две гербовые марки, служишь в казенном месте — в случае болезни подавай прошение об отпуске не иначе, как с двумя гербовыми марками, и свидетельство врача тоже с гербовой маркой»³⁰.

Второй по значению вид пошлинных сборов — с переходящих имуществ — в 1900-х гг. был существенно расширен: в 1905 г. за беззедный переход имущества (главным образом наследственный) пошлина была повышена вдвое, составляя от 4,7 до 9% стоимости имущества в зависимости от степени родства. Крепостные пошлины (за продажу или отчуждение имущества на денежной основе) с 1912 г. были увеличены до 5% его стоимости³¹. Третью позицию в пошлинной табели о рангах занимали сборы с пассажиров и грузов, перевозимых по казенным железным дорогам, представлявшие собой дополнительный тариф за пользование государственной железнодорожной сетью. В свою пользу казна также взимала пошлины с товаров и судов в портах, с застрахованных от огня недвижимых имуществ.

Такова в целом была структура государственного налогообложения, действовавшего на всей территории империи. Дореволюционная податная статистика содержит и региональные сведения, позволяющие судить о распределении налогового бремени между отдельными районами страны, где податная система существенно отличалась от общероссийской. Ниже приводятся сведения о населении, сумме налогов, и податном бремени (налоги на душу на-

селения) по основным регионам Российской империи на 1913 г. (см. таблицу 6)³².

Таблица 6

Региональная налоговая структура Российской империи, 1913 г.

Регион	Населе- ние (млн чел.)	%	Налоги (млн руб.)*	%	На душу наसे- ления (руб.)
Европейская Россия (48 губерний)	122,9	70,5	779,0	64,3	6,33
Привислинский край (Польша, 10 губерний)	12,0	6,8	174,8	14,4	14,56
Прибалтийский край (3 губернии)	2,8	1,6	78,9	6,5	28,17
Кавказ (14 губерний и областей)	12,5	7,2	63,5	5,2	5,02
Сибирь (10 губерний и областей)	10,0	5,7	31,5	2,6	3,15
Средняя Азия (9 губерний, краев и областей)	11,0	6,3	27,6	2,3	2,50
Прочие (Финляндия)	3,2	1,9	55,7	4,7	17,40
Всего:	174,4	100	1211,1	100	6,94

Примечание: Налоги прямые, косвенные и пошлины без дохода от казенной винной монополии.

Таким образом, основную массу податей платило население Европейской России, где проживала основная часть населения страны. В расчете же податного бремени на душу населения лидерами являлись экономически развитые европейские окраины империи — Польша, Прибалтика, Финляндия, у которых уровень налогов (и соответственно доходов) был в 2—4 раза выше среднего по России. Имея всего лишь 10% населения, эти регионы уплачивали в казну около четверти всех податей от общероссийского итога. На другом полюсе экономического развития находились обширные, но слабо заселенные азиатские владения (Кавказ, Сибирь, Средняя Азия). Здесь проживала треть всех жителей империи, которые приносили лишь 10% налоговых поступлений,

На окраинах страны, помимо общеимперских налоговых установлений, действовали и особые нормы, на которых следует остановиться подробнее. В Польше (Привислинском крае) существовал дворский поземельный налог с владельцев имений в Варшавской и Холмской губерниях, а в городах — налог с недвижимости в виде подымной подати со строений жилых, промышленных и пр. В 1904 г. подымная подать в польских городах была заменена общеимперским налогом с недвижимых имуществ в размере

10% чистой доходности (по России в целом — 6%). Подымный сбор распространялся на жителей сел и мелких городов-посадков, помимо него крестьяне и посадские платили дополнительный к основному поземельному налог в пределах 60% оклада основного сбора. Владельцы промысловых свидетельств на право торговли и промыслов уплачивали в пользу государства дополнительный 10%-ный сбор. Таким образом, высокий уровень налогообложения в Польше объяснялся не только уровнем экономического развития, но и целенаправленной политикой правительства, взимаемого с местного населения ряд дополнительных налогов³³.

Особые налоги на азиатских окраинах являлись главным образом пережитком подушной подати и призваны были компенсировать потери казны, связанные с ее отменой. Так, на Кавказе (в Закавказье, а также в Терской и Кубанской областях) в 1900 г. отменены были подымная и поземельная подать с оседлых и кочевых сельских обывателей, а взамен введен общероссийский поземельный налог. Уплачивался он всеми оседлыми земледельцами на надельной и частновладельческой земле за исключением генералов и старших офицеров Кубанского и Терского казачьих войск. С местных жителей взималась также оброчная подать, уплачиваемая всеми поселянами на казенной земле, кроме казаков. С горцев Кавказа взимался подымный сбор, исчисляемый по домам или дворам. Кочевые народы Северного Кавказа (калмыки и др.), а также другие народности региона, главным образом, мусульмане не служившие в русской армии, облагались особым денежным сбором взамен поставки новобранцев³⁴.

В губерниях и областях Сибири в 1899 г. подушная подать почти повсеместно за исключением некоторых районов (Приамурское генерал-губернаторство, Забайкальская и Якутская области) была заменена оброчной, взимаемой с крестьян и оседлых инородцев на казенной земле. За земли, принадлежащие крестьянам и другим частным владельцам на праве собственности, взималась поземельная подать по раскладочной системе в размере $\frac{1}{3}$ оброчной. В 1907 г. подушная подать с крестьян Сибири была отменена окончательно и повсеместно, а в качестве компенсации повышены ставки оброчной подати³⁵.

В отношении малых народов Сибири, «бродячих и кочевых инородцев» по официальной терминологии, продолжали действовать налоговые правила, восходящие еще к временам Екатерины II и Николая I. Главным налогом для них являлся ясак, уплачиваемый пушниной «окладным зверем» или деньгами, причем в случае оседания на землю ясак заменялся оброчной податью. Единицей обложения служил род, размер ясака исчислялся по числу взрослых работников в возрасте от 18 до 50 лет. Сбор взимался на ярмарках, куда кочевые охотники доставляли «мягкую рухлядь».

В зависимости от ценности меха пушнина делилась на «обыкновенную» (соболь, белка, красная лисица, волк и др.) и «дорогую» (черная и чернубуряя лисица). Система ясачного обложения была достаточно жесткой: если местное начальство, ответственное

за сбор ясака, решало, что по обилию промыслов с инородцев можно взять и недоимку, которая была обычным явлением, то по закону оно могло брать в заложники главу племени (старосту рода) или его родственников, а также отбирать у охотников привезенные на продажу шкуры³⁶. Вряд ли можно сомневаться, что местная администрация широко использовала эти статьи закона для выколачивания недоимок.

С кочевого населения южной Сибири, Приуралья и Средней Азии (Степное генерал-губернаторство, Акмолинская, Семипалатинская, Семиреченская, Тургайская, Уральская, Закаспийская области и др.) взималась так называемая «кибиточная подать». С кочевников-скотоводов собиралось по 4 рубля с кибитки или заменяющего ее помещения для жилья (юрта, сакля и т.п.). Кроме того, калмыки Астраханской губернии и киргизы «Внутренней Орды» платили так называемую денежную подать со скота. Например, за верблюда и лошадь вносили по 28 копеек о головы, с рогатого скота — по 14 коп.³⁷

Оседлое население Средней Азии (области Сыр-Дарьинская, Ферганская и Самаркандская) платили общеимперский поземельный налог в размере 10% средней валовой доходности земель, определяемой по уровню мелиорации (орошаемые или богарные, бесполивные земли), площади и средней урожайности. От платежа налога освобождались только вакуфные (переданные на религиозные цели) земли, доход от которых шел в пользу мечетей и медресе. С 1900 г. платить стали и за необработываемые земли, наряду с занятыми посевами хлопчатника и других культур. В городах Средней Азии, входивших в управление Туркестанского генерал-губернаторства, с 1910 г. был введен общий налог с недвижимых имуществ, тогда как ранее горожане платили один поземельный налог³⁸.

Такова в основных очертаниях была система государственного налогообложения в окраинных регионах империи накануне Первой мировой войны. Подчеркнем еще раз, что уровень налогообложения в западных областях был гораздо выше среднероссийского, тогда как на Кавказе, в Сибири и Средней Азии — существенно ниже. Расхождение объяснялось прежде всего разницей в уровне доходов европейского и азиатского населения страны, которая учитывалась законодателем при распределении налогового бремени.

Порядок взимания прямых налогов

На рубеже XIX—XX вв. организация сбора налогов в России претерпела значительные изменения, имевшие целью повысить ее эффективность и усилить поступление податей в казну. Прямыми налогами ведал Департамент окладных сборов Министерства финансов, косвенное обложение концентрировалось в Главном управлении неокладных сборов и казенной продажи питей, реорганизованном в 1900 г. из Департамента неокладных сборов в связи

с расширением казенной винной операции. В ходе реорганизации в Департамент окладных сборов из Главного управления были переданы функции сбора государственных пошлин, официально приравненных к прямым налогам. В 1912 г. в целях централизации налогового дела в Департамент окладных сборов перешло и взимание 5% сбора с доходов от денежных капиталов, которым ранее ведала Особенная канцелярия по кредитной части Министерства финансов.

На местах сбором всех видов окладных податей ведали Казенные палаты, в подчинении которых находился штат податных инспекторов. По новому положению о податной инспекции, принятому в 1899 г., была существенно расширена компетенция этого института, впервые возникшего в 1885 г. в связи с налоговыми реформами Н.Х.Бунге. По положению 1899 г. податным инспектором мог стать только имеющий высшее образование, в задачу инспектора входило наблюдение за взиманием прямых налогов и надзор за общественными и сословными учреждениями, обязанными уплачивать казенные сборы.

Податной инспектор, подчиненный непосредственно управляющему Казенной палатой, обязан был также следить за нарушениями в области сбора гербовых и крепостных пошлин, сообщая о них в Казенную палату, собирать статистические сведения о платежных возможностях населения и отбываемых им натуральных и денежных повинностях. В ходе реорганизации на податную инспекцию была возложена большая работа по взиманию платежей и недоимок с крестьян, в связи с чем был расширен штат инспекторов. Накануне Первой мировой войны наряду с центральным аппаратом Департамента окладных сборов (около 200 штатных единиц) налоговая инспекция насчитывала примерно 1300 служащих (1 тыс. податных инспекторов и 250 их помощников) и несмотря на относительную малочисленность успешно справлялась со своим делом³⁹.

До конца XIX в. инспекторы не занимались сбором налогов и недоимок с крестьян — самого массового податного сословия империи. Здесь безраздельно властвовало Министерство внутренних дел в лице местных органов полиции. Ситуация изменилась с принятием в 1899 г. Положения о взимании окладных сборов с надельных земель. Согласно Положению, полиция не занималась больше непосредственным сбором налогов. По признанию руководства Департамента окладных сборов, предыдущая практика показала порочность «передачи сбора низшим полицейским чинам, по своему образовательному и нравственному цензу не представлявших достаточных гарантий правильного выполнения ими дела»⁴⁰. С 1899 г. за полицией была оставлена чисто исполнительная роль, руководство же взиманием податей с крестьян перешло к податным инспекторам, действовавшим совместно с земскими начальниками.

Правда, Положение 1899 г. не было введено в Сибири, где и в дальнейшем становые приставы и урядники творили суд и распра-

ву при выколачивании крестьянских недоимок. Нередки были случаи, когда за недоимку реквизировалось имущество гораздо большей ценности — за рублевый неплатеж полиция отбирала самовар стоимостью 6 руб., за 3 руб. недоимки уводили со двора лошадь и т.д.⁴¹ По справедливой оценке податных инспекторов, «стремление обеспечить успешность поступления окладных сборов было единственной заботой полиции, нередко при полном забвении правильно понятых интересов дела, требующих бережного отношения к плательщикам. Подобный порядок взимания приводил в большинстве случаев к весьма печальным последствиям, а именно к полному разорению крестьян и к недопоступлению в казну колоссальных сумм сборов, кои при правильной постановке могли бы быть уплачены крестьянами без особого напряжения»⁴². Политике насильственного взимания податей отвечала и система круговой поруки, согласно которой сельское общество обязано было вносить недоимку за неисправного домохозяина. На практике это означало, что по постановлению сельских и волостных сходов недоимщики подвергались даже телесным наказаниям (публичной порке), и лишь в начале 1900-х гг. этот варварский обычай был законодательно запрещен⁴³.

Круговая порука уже давно обнаружила полную несостоятельность и в конце концов вслед за полицейским самоуправством пришел и ее черед: в 1903 г. министр финансов С.Ю.Витте пошел на радикальную меру, упразднив круговую поруку, а уплату окладных сборов возложил на каждого домохозяина. Вопрос о взыскании недоимки решал теперь только податной инспектор вместе с земским начальником, от которого единственно зависело, применять ли принудительные меры к покрытию задолженности или причислить непосильную для крестьянина недоимку к окладу следующего года, как чаще всего и бывало. Работы у податной инспекции, разумеется, прибавилось, но для крестьян деятельность инспекторов оказалась настоящим благом после полицейского произвола. Для переживших стихийное бедствие, например, погорельцев, инспектор мог или совсем отменить налог или рассрочить его уплату. Недоимка по выкупным платежам, отмененным манифестом 3 ноября 1905 г., в сумме 17,5 млн руб. была сложена с крестьян окончательно манифестом 21 февраля 1913 г. по случаю 300-летия дома Романовых⁴⁴.

Податная инспекция принимала активное участие и в сборе прямых налогов с состоятельных слоев населения. По закону о государственном поземельном налоге, взиманием его ведало соединенное губернское присутствие под началом губернатора, в состав которого наряду с местными землевладельцами входили и податные инспектора. Налогом с недвижимости в городах ведало Губернское присутствие во главе с управляющим местной Казенной палатой, куда наряду с чинами податной инспекции входили представители Министерства финансов, городской голова, председатель губернской земской управы и до трех депутатов от плательщиков. Непосредственно в городах действовали Городские по на-

логу с недвижимости присутствия под началом местного податного инспектора, представителей городского самоуправления и депутатов от плательщиков.

Наконец, основной налог прямого обложения — промысловый — находился в компетенции Особого присутствия под председательством директора Департамента окладных сборов, а на местах начисление и взимание налога осуществлялось податной инспекцией под надзором управляющего Казенной палатой. В состав созываемых им Общих и Особых присутствий помимо депутатов от городского и земского самоуправления входили и представители торгово-промышленных кругов, избираемые от купеческих и биржевых обществ данного города. Жалобы на неправильное обложение приносились в Губернское по промысловому налогу присутствие под председательством губернатора. Низовую структуру образовывали Раскладочные присутствия главе с местным податным инспектором, в заседаниях его принимали участие как представители государственных учреждений и местного самоуправления, так и сами плательщики налога. Та же схема коллегиального органа сбора (присутствия), обеспечивавшего максимальный баланс интересов казны и плательщиков податей, с возложением ответственности за сбор на аппарат казенных палат и податной инспекции практиковалась и при взимании государственного квартирного налога⁴⁵.

Коллегиальная форма налоговой администрации была действительно эффективна, объединяя интересы фиска с экспертизой общественных деятелей и депутатов-налогоплательщиков. Недовольство последних, особенно торгово-промышленных предпринимателей, вызывало засилье аграриев-латифундистов в присутствиях по поземельному налогу и недостаточное представительство буржуазии в органах обложения городской недвижимости и промыслов, где они оказывались в меньшинстве по сравнению с чинами налогового ведомства. После образования в 1905—1906 гг. всероссийских представительных организаций предпринимателей в лице Совета съездов представителей промышленности и торговли и Совета съездов представителей биржевой торговли и сельского хозяйства их лидеры активно хлопотали за предоставление этим объединениям права избирать своих депутатов в состав Особого присутствия по промысловому налогу⁴⁶. Однако допуская деловых экспертов к обсуждению проблем взимания налога, представители госаппарата в лице Департамента окладных сборов право принятия решения оставляли безоговорочно за собой.

Сложившаяся в начале XX в. система взимания прямых казенных податей просуществовала в основных чертах до 1917 г., будучи лишь расширена в годы мировой войны, когда перед налоговой службой была поставлена задача обеспечить бесперебойный приток в казну налоговых средств, необходимых для сохранения нормальной жизнедеятельности государства.

Российский налогоплательщик

Для характеристики предвоенной податной системы необходимо рассмотреть еще один важный аспект — социальные типы российских налогоплательщиков и уровень их обложения. В самом общем виде тяжесть податного бремени отражает соотношение между национальным доходом на душу населения и объемом платимых этой «душой» налогов. Имеющиеся сводные данные на 1912 г. демонстрируют средний уровень налогообложения в России на фоне других европейских стран (см. таблицу 7)⁴⁷.

Таблица 7

Уровень налогообложения в европейских странах, 1913 г.

Страна	Россия	Германия	Англия	Франция
Налогов на душу населения (руб.)	11,23	27,38	48,54	41,60
Национальный доход на душу населения (руб.)	83,3	292,3	463,5	354,8
Отношение налога к доходу (%)	13,5	9,4	10,5	11,7

Налоговое бремя в России в абсолютных цифрах, таким образом, оказывалось в 2—4 раза легче, чем в развитых западноевропейских державах, но легкость эта была обманчива, так как реальная тяжесть обложения, то есть отношение к доходу, была выше вследствие крайне малой величины национального дохода на душу населения. Из своего скудного бюджета средний россиянин платил в казну податей больше, нежели богатые немец, англичанин и француз.

Средние цифры, впрочем, не дают адекватного представления о распределении налогового бремени среди основных категорий плательщиков. Налоговая система России, по точному замечанию дореволюционных экономистов, страдала большой неуравновешенностью обложения, поскольку преобразования отдельных налогов производились не одновременно и без общего плана: «Одни налоги, как поземельный и с капиталов, остались без всякой реформы, другие, как промысловый, привлекали к себе внимание постоянно как обильный источник государственного дохода»⁴⁸. Уровень прямого обложения основных категорий налогоплательщиков (в процентах к доходу) на 1913 г. представлял собой следующую картину (см. таблицу 8)⁴⁹.

**Уровень прямого обложения основных категорий налогоплательщиков
в России, 1913 г. (в % к доходу)**

Вид налогов	Государственные налоги	Местные налоги	Всего
Поземельное обложение владельцев угодий:			
С частных владельцев земли	1	6	7
С крестьян (надельное землепользование)	1	13	14
С владельцев городской недвижимости	5	11,7	16,7
Промысловое обложение торгово-промышленных предпринимателей:			
Предприятия неотчетные	7,2—12,0	4,2	11,4—16,2
Предприятия отчетные	13,0	—	13,0
С собственников денежных капиталов (рантье)	5,0	—	5,0

Данные эти носят самый общий характер и в последующем изложении будут уточнены, но тем не менее они фиксируют весьма заметную неуравнительность обложения разных социальных групп. Крестьянская земля облагалась вдвое выше, чем частновладельческая помещичья, в торгово-промышленной сфере уровень обложения колебался от 11,4 до 16,2%, с владельцев городской недвижимости налогов взималось втрое больше, чем с живущих на доход от денежных капиталов (16,7 и 5%).

Обращает на себя внимание весьма высокий уровень местного обложения, который у отдельных категорий плательщиков (частных землевладельцев, крестьян, хозяев городской недвижимости) превышает даже ставки государственного налога. Но в то же время в сравнении с центральным государственным бюджет органов местного самоуправления (земского, городского и крестьянского), формировавшийся за счет налоговых сборов, заметной роли не играл. По имеющимся данным Министерства финансов на 1902 г. в целом по России земства получили доход от налогов в размере 121 млн руб., городские думы — 117,7 млн, крестьянские мирские и сословные органы — 70,8 млн, всего — 309,5 млн руб. Доходная же часть государственного бюджета за этот год выразилась цифрой 1428 млн руб., то есть доля местного бюджета составляла всего 22% от государственного⁵⁰.

Иная картина наблюдалась в западноевропейских странах. Например, в Англии с ее давними традициями самоуправления доходы местных органов власти на 25% превосходили государственный бюджет. Сопоставимые размеры государственного и местного бюджета наблюдались также в Германии и Франции, причем здесь существенную часть местного бюджета составляли субсидии со стороны государства. В России же, напротив, имел место крайний централизм бюджета, правительство концентрировало львиную долю платежных ресурсов государства, расходуемых на поддержание общеимперского величия в ущерб местным нуждам⁵¹.

К налогам в пользу местного бюджета в сельской местности относились земские (с земель и от торгово-промышленных предприятий), волостные и сельские сборы. В населенных пунктах городского типа в пользу муниципального управления взимался налог с недвижимых имуществ (городской оценочный сбор), а также разные пошлыны от торговли и промышленности (в том числе с трактирных заведений), специальные сборы с владельцев экипажей, собак и пр., а также сбор с недвижимых имуществ в пользу местного земства.

Главным видом земского обложения являлся налог с земли, исчисляемый по ее доходности, причем крестьянские земли были обложены, как правило, гораздо выше частновладельческих — следствие преобладания в земских собраниях аграриев-латифундистов. С торговых заведений земства по промысловому налогу 1898 г. могли взимать до 15% цены промысловых свидетельств крупных предприятий (I и II разряда) и до 10% с прочих, а с промышленных предприятий — исходя из их капитальной стоимости. Предельных норм земского обложения не было законодательно утверждено, но с 1900 г. установлен лимит роста земского обложения в размере 3% в год (ранее он составлял 7%, что правительству показалось излишне высоким).

Волостному и сельскому обложению подлежали только крестьяне, остальные землевладельцы были освобождены от этих налогов, хотя на практике от до этих сборов расходовались на нужды не крестьян, а представляли собой траты общегосударственного характера (постройка дорог, мостов и т.д.). На крестьянские медяки содержались и волостные и мирские органы самоуправления, исполнявшие в деревне среди прочего полицейско-административные и фискальные функции, то есть обслуживавшие государственную власть.

Городские самоуправления в отличие от земских управ были достаточно жестко ограничены нормами обложения, взимаемого в пользу городов. Городской оценочный сбор, обеспечивавший муниципалитетам около половины их доходов, взимался в пределах 10% чистого дохода недвижимости или 1% ее стоимости, с купеческих свидетельств 1-й и 2-й гильдии город брал 15% их цены, с прочих промысловых документов — 10%, сбор с трактирных заведений осуществлялся по раскладочной системе.

Такова была система местного обложения, действовавшая на всей территории империи за исключением ряда окраин (Польша, Кавказ, Средняя Азия, часть Сибири). Рассмотрим теперь проблему налогового бремени российского налогоплательщика с учетом местного обложения на материале основных податных групп населения страны — крестьянства, рабочих, торгово-промышленных предпринимателей и владельцев городской недвижимости.

Крестьянство в России являлось самой многочисленной и наиболее отягощенной налогами группой населения. Отмена выкупных платежей, как отмечалось, избавила земледельцев от тягостной подати, однако льгота фактически была сведена на нет ростом

ных налогов. За 1907—1913 гг. налоги на крестьянство, государственные и местные, возросли с 601 до 770 млн руб. или на 28%, тогда как сельское население увеличилось на 9%. Налоговый гнет, таким образом, в годы столыпинской реформы рос втрое быстрее, чем деревенское население, и происходил главным образом за счет косвенных налогов. Череда хороших урожаев позволила крестьянину поднять доходность своего хозяйства в среднем по России за 1907—1913 гг. на 28%, но рост налогов последовательно съедал эту прибавку, не позволяя существенно повысить уровень жизни этой самой большей части населения России. Валовой доход на душу сельского жителя возрос незначительно (с 31,6 до 36,7 руб.), а отношение налогов и арендных платежей составляло около 22% к валовой доходности крестьянского хозяйства, что следует признать весьма высокой нормой обложения⁵².

В отношении же к условно-чистому доходу крестьянского хозяйства (за вычетом семян, корма скоту и пр.), то есть фактически к фонду личного потребления норма обложения к 1913 г. равнялась 10,8% и еще 6,9% отнимали платежи неналогового характера (арендная плата за землю и др.). Прямые налоги при этом охватывали менее трети всех податей (3,1% из 10,8%), а остальное приходилось на долю обложения косвенного.

Российская деревня, по оценке советских историков, была максимально обложена податями. Этот вывод имеет под собой основания, однако все познается в сравнении: после Октябрьской революции, отменившей плату за аренду и покупку земли, крестьянин в 1918—1919 гг. отдавал в казну 16,7% своего фонда потребления, то есть примерно столько же, сколько до мировой войны; в 1920—1921 гг., в разгар «военного коммунизма» — 26,1%; с введением нэпа в 1921—1922 гг. — все еще 20,9%, и лишь в 1923 г. обложение снизилось до 18,6%, оставаясь, тем не менее, выше уровня 1913 г. Если до революции крестьянин стонал под тяжестью налогов, о чем справедливо писала либеральная публицистика, то в годы революции и Гражданской войны он был вконец ограблен новым режимом, давшим крестьянину землю, но обложившим его непосильными поборами⁵³.

Какие налоги платил русский крестьянин до революции? Член сельского общества, то есть деревенской общины, вносил с надельной земли следующие прямые налоги: казенные подати, главным образом выкупные платежи, земские сборы, мирские (общественные) сборы на нужды крестьянского самоуправления, страховые (взносы на общественное страхование строений), которые, как и собственно налоги, также взимались принудительно. Кроме того, с земли, приобретенной крестьянином в частное владение (купчие земли), взимался государственный поземельный налог и земские сборы, а также крепостные пошлины. Далее, существенную часть крестьянского расходного бюджета составляли платежи по косвенным налогам в виде акциза на водку, сахар, керосин, табак, спички. Соотношение основных видов налоговых платежей крестьянства по данным о платежах крестьян 50-ти губерний Ев-

ропейской России на 1912 г. представляло следующую картину (см. таблицу 9)⁵⁴.

Таблица 9

Основные налоговые платежи крестьянства Европейской России, 1912 г.

	млн руб.	% к итогу
Налоги прямые с наделных земель:		
1. Государственные	10,9	1,6
2. Земские	63,0	9,2
3. Мирские (общественные)	51,1	7,5
4. Страховые	27,7	4,1
Налоги прямые с купчих земель	18,2	2,7
Промысловый сбор в части, перелавшейся на крестьянство	25,8	3,8
Государственные пошлины	36,5	5,3
Итого прямых налогов и пошлин	233,2	34,2
Налоги косвенные:		
1. Обложение водки	256,3	37,5
2. Сахарный доход	46,6	6,9
3. Табачный доход	21,7	3,3
4. Нефтяной доход	14,3	2,1
5. Спичечный доход	5,4	0,8
6. Таможенный доход	103,3	15,2
Итого косвенных налогов	447,6	65,8
Всего:	680,8	100,0

Как видим, крестьянин Европейской России в канун мировой войны прямым налогам, государственным и местным, платил почти в два раза меньше, чем косвенным (233,2 и 447,6 млн руб.). Последние в его расходном бюджете занимают почти $\frac{2}{3}$ от общего итога, причем одни только траты на казенную водку превосходят платежи по всем видам прямого обложения. В структуре прямого обложения выделяются платежи в пользу земских и мирских органов самоуправления (в сумме 114,1 млн руб.), намного превосходящие поземельные подати с наделных и купчих земель, а также все виды пошлин и промысловый налог, взимавшийся с крестьян, которые занимались коммерческой деятельностью.

В сфере обложения косвенного вслед за «царь-водкой», безусловным лидером крестьянского расходного бюджета, шел таможенный доход, извлекаемый государством из крестьянского кармана в виде пошлин на приобретаемые сельским потребителем заграничные товары, прежде всего необходимые крестьянину в хозяйстве машины и орудия. Немало приходилось тратить сельскому домохозяину и на так называемые «факультативные» предметы потребления (сахар, табак, керосин, спички), которые обкладывались

высоким акцизом. На самом деле эти товары, государством рассматриваемые как необязательные, давно вошли в обиход крестьянской семьи, и высокая норма их обложения чувствительно отразилась на ее бюджете.

«Не хочешь спать зимой по 17 часов, а работать при огне, — писал по этому поводу один из земских деятелей того времени, — плати акциз на спички и керосин; хочешь покурить — плати акциз на спички и табак; хочешь выпить рюмку водки — плати в 15 раз дороже действительной ее стоимости, а если водку желаешь заменить чаем, плати за чай и сахар втрое дороже, чем они стоят на самом деле; хочешь пахать плугом — плати таможенную пошлину на железо и т.д. Куда ни повернешь, сельский обыватель везде чувствует, что с него берут, берут и берут»⁵⁵. Уровень обложения в расчете на душу сельского населения Европейской России представлен в таблице 10.

Таблица 10

Налогообложение в расчете на душу сельского населения
Европейской России, 1912 г.

Сельское население (млн чел.)	108,8
Налоговые платежи на душу населения (руб.)	6,26
Доход на душу населения (руб.)	42,96
Отношение налогов к доходу (%)	14,6
Остаток дохода после уплаты платежей (руб.)	36,70

Таким образом, показатель нормы обложения у крестьян Европейской России в канун мировой войны был выше, чем в среднем по России (соответственно 14,6 и 13,5%). После расчетов с казной у сельского домохозяина на руках оставался только минимум денежных средств, необходимых, чтобы свести концы с концами. И в начале XX в. крестьянство продолжало оставаться главным «податным» сословием российского общества. Налоговый гнет наряду с безземельем стали главными импульсами подъема крестьянского движения в 1905 г., принявшего выраженный антипомещичий и антигосударственный характер.

Либеральный экономист рубежа XIX—XX в. так живописал положение крестьянской массы, в 1905 г. вступившей на путь вооруженного сопротивления властям: «Голодающие и ведущие жизнь, по полному отсутствию тени удобств напоминающую быт французских крестьян конца XVIII в., наши сельские обыватели долгие годы и десятилетия покорно ждали облегчения своей участи, пока наконец не потеряли всякое терпение и не поднялись стихийной массой, опустошающей все на своем пути»⁵⁶. Чтобы успокоить эту стихию, правительство пошло на отмену выкупных платежей, но затем путем повышения косвенного обложения вернуло потерянные деньги, уровень же налогового бремени крестьян остался по существу прежним.

Рабочие на рубеже XIX—XX вв. на уплату прямых податей расходовали всего 0,5—0,6% годового бюджета, и эти пропорции сохранились вплоть до мировой войны. Главной статьёй расходов городских рабочих в 1899—1913 гг. являлись питание и жилье, у одиноких они составляли 52—60% бюджета, у семейных — 57—80%. Из остатка в 20—40% удовлетворялись все прочие потребности, в том числе уплачивались налоги, размер которых был невысок, так как не велик был и уровень доходов. В начале XX в., особенно после революции 1905—1907 гг., средняя заработная плата фабрично-заводских рабочих выросла на 7,5% — с 245 руб. в 1907 г. до 263 руб. в 1913 г. (при росте индекса розничных цен на 4—5%, то есть заработок реально повысился на 2,5—3,5%) — структура же расходов и объем платимых государству податей остались неизменными⁵⁷.

По сравнению с крестьянином городской рабочий имел более высокий денежный доход, но основную часть заработка вынужден был тратить на наем жилья и питание, при этом гораздо более приобретая городских товаров, облагаемых государственным акцизом. Поэтому хотя прямых налогов рабочие платили немного (в основном это были поземельные и мирские сборы с тех, кто отправился в город на заработки, но официально продолжал числиться в составе деревенской общины), но косвенному обложению «городские крестьяне» оказывались подвергнуты значительно сильнее по сравнению с деревенскими. В среднем же, с учетом прямых и косвенных налогов, уровень государственного обложения городских рабочих находился примерно на том же уровне, что и у крестьян, составляя примерно 6% всех расходов⁵⁸.

Официального статистического учета обложения рабочих не велось, но в середине 1900-х гг. по инициативе известного экономиста С.Н.Прокоповича было осуществлено анкетирование петербургских рабочих на предмет их расходных бюджетов. Среди обследованных относительно высокооплачиваемых рабочих (средний годовой доход 472 руб.) не окончательного порвали с деревней 45% семейных и 65% одиноких, которые имели землю или вели свое хозяйство. Эти лица, формально числившиеся в составе сельского общества, продолжали платить причитающиеся с них прямые налоги. Остальные, окончательно утратившие связь с деревней, являлись главным образом объектом косвенного обложения. Так, на спиртные напитки (пиво, водка) одинокий петербургский мастеровой тратил 10,2% своего бюджета, семейный — 5,3%, тогда как, например, на врачебную помощь соответственно всего 0,9 и 1,2%, а на культурно-просветительные цели — 4 и 2,5%. Тем не менее избегавший городских соблазнов имел возможность скопить денег и послать их родным в деревню, как регулярно поступали 11% одиноких и 2% семейных рабочих.

У среднего петербургского рабочего более 80% заработка уходило на материальные потребности и поддержание физического существования. Жил он в дешевых «угловых квартирах», питался в сомнительных трактирах, носил чужие обноски, покупая на тол-

кучках ношеную одежду, как правило, поддерживая связь с деревней, платя государственные, земские и мирские сборы, старался скопить денег для посылки родным в деревню, хотя это было не легко из-за городской дороговизны и тяжелого косвенного обложения, с которым рабочий сталкивался на каждом шагу⁵⁹.

Торгово-промышленные и финансовые предприниматели являлись основной податной группой среди городского населения, а коммерческая сфера в целом, как мы могли убедиться, служила главным поставщиком прямых налогов для казны. Повышение уровня промыслового обложения в 1906 г. вызвало острую полемику между предпринимателями, утверждавшими, что «обложение, созданное этим законом, непосильно для отечественной промышленности и торговли», и правительством, ставившим под сомнение их скептические оценки⁶⁰. Предприниматели справедливо указывали при этом, что обложение торговли и промышленности опережает поземельное: к 1914 г. сбор промыслового налога по сравнению с 1905 г. вырос на 150%, тогда как налоги земельные и с городской недвижимости — всего на 124%. Не могло не видеть этого обстоятельства и правительство, после 1906 г. и до начала мировой войны более не повышавшее ставок промыслового налога.

Не довольствуясь этим, деловые круги подчеркивали, что помимо государственных на торговле и промышленности лежит внушительное бремя податей земских и городских. По действовавшему закону, как уже отмечалось, предприниматели должны были выплачивать земствам и городам сбор, равный соответственно 10 и 15% стоимости выкупаемых сословных и промысловых свидетельств. Кроме того, в соответствии с временными правилами о земских повинностях уплачивался так называемый сбор с недвижимых имуществ — земли, леса, строений — сообразно с их ценностью и доходностью. Оценочный сбор, как он назывался, был существенно выше, чем 10%-ный и 15%-ный налог. Так, в пользу земств последний налог в 1906 г. составил 5,9 млн руб., а оценочный сбор — 22,1 млн руб.⁶¹

Земское обложение вызывало резкое недовольство предпринимателей, поскольку нормы обложения торгово-промышленных предприятий оказывались существенно выше, нежели собственно земель. По расчетам Московского Биржевого комитета земские сборы по отношению к ценности земли на 1906 г. составляли 0,42%, а для торгово-промышленных предприятий — 1,24%, то есть втрое больше. Земствами, где преобладали землевладельцы-помещики, реальная стоимость земель сознательно занижалась, а предприятий — завышалась. Предприниматели же выступали за уравнительность обложения на уровне 0,5% ценности земли и 0,5—0,7% стоимости торгово-промышленных заведений. «Наклонять чашу весов еще более в сторону обложения промышленности, — говорилось в официальном заявлении Биржевого комитета, — значит уже совершенно отступать от принципов справедливого распределения налогового бремени и покровительствовать одним группам населения за счет других, притом из мотивов, ни-

чего общего не имеющих с понятиями государственной пользы и здоровой экономической политики»⁶².

Выступление Биржевого комитета, выражавшего позицию широких предпринимательских слоев, было вызвано проектом закона об усилении обложения торговли и промышленности в пользу земств и городов, внесенным в 1911 г. Министерством финансов для обсуждения в Государственную думу. Законопроект, по отзыву одного из лидеров делового мира П.П.Рябушинского, «являлся знаменем времени, указывающим, что с торговлей и промышленностью считаться не намерены. У нас царствуют иные течения — аграрно-дворянские. С нас берут и будут брать, но на земские собрания в должном числе пускать не намерены»⁶³. Оппозиция со стороны предпринимателей затормозила продвижение законопроекта, и до войны он не вступил в действие. В итоге же налогообложение торгово-промышленной сферы в 1907—1914 гг. не было увеличено, но не было и сокращено, на чем настаивали предприниматели.

Официальная статистика Российской империи не содержит показателей уровня обложения торгово-промышленного и финансового сектора экономики, так как эти данные не слишком интересовали правительственных чиновников, озабоченных узкофискальными интересами. Поэтому о податном бремени торгово-промышленных и финансовых компаний можно судить лишь на основе их собственных подсчетов. Обобщенные данные были представлены Московским Биржевым комитетом в связи с обсуждением законопроекта Министерства финансов о подоходном налоге в России. Созданная в связи с этим комиссия под председательством П.П.Рябушинского, заседавшая в 1906—1907 гг., попыталась выяснить, сколько предприниматель в России платит податей, и как возрастет его обложение после введения подоходного налога.

Комиссией была подготовлена и разослана по предприятиям Центрального района специальная анкета с перечнем вопросов об уровне обложения. Ответы были получены от 146 фирм, среди которых 66 относились к неотчетным предприятиям (торговые дома) и 80 являлись акционерными компаниями, обязанными публичной отчетностью. Фирмы первой группы имели 80,1 млн руб. капиталов, 8,4 млн руб. чистой прибыли, то есть 10,3% к капиталу. Более крупные акционерные фирмы имели 186,5 млн руб. капитала, 20,8 млн руб. чистой прибыли или 11,6% к капиталу⁶⁴. Уровень обложения каждой из групп отражен в таблице 11 (млн руб.).

Таблица 11

Уровень налогообложения неакционерных и акционерных
торгово-промышленных предприятий, 1907 г.*

Налоги	Неакционерные (66 фирм)	% к прибыли	Акционерные (80 фирм)	% к прибыли
Государственные	1133,9	13,5	3026,4	14,5
Городские	233,2	2,8	538,4	2,6

Налоги	Неакционные (66 фирм)	% к прибыли	Акционерные (80 фирм)	% к прибыли
Земские	454,7	5,4	1272,6	6,1
Общественные	11,8	0,1	21,4	0,1
Итого	1833,6	21,8	4858,8	23,3

* Не включены сведения о гербовом сборе, так как не все опрошенные прислали ответ на этот пункт анкеты.

В таблице учтены сведения за 1905—1906 операционный год. Как легко заметить, более крупные предприятия заплатили налогов втрое больше, чем мелкие — результат прогрессивной шкалы промыслового налога. При этом лидеры оказались впереди и по удельному весу податей к прибыли, соответственно 23,3% и 21,8%. Реальный уровень обложения, по всей очевидности, был еще выше, так как в таблице не учтены данные о гербовом сборе. На первом месте в структуре обложения торгово-промышленных предприятий шли государственные налоги всех видов, занявшие соответственно 13,5 и 14,5% прибыли, затем земские сборы (5,4 и 6,1%), налоги в пользу городских самоуправлений (2,8 и 2,6%) и условно-общественные (0,1%).

Уровень обложения их предприятий представлялся лидерам отечественного делового мира достаточно высоким, и их беспокоило, что Министерство финансов планировало ввести подоходный налог не в качестве единого универсального, заменяющего все прочие сборы, а как добавочный. Уровень налогообложения коммерческой сферы в этом случае грозил вырасти до $\frac{1}{3}$ чистой прибыли, что, как подчеркивалось в отзыве Московского Биржевого комитета на проект подоходного налога, «совершенно неполезно для русской промышленности и может задержать ее развитие»⁶⁵.

С москвичами солидаризировалась и другая влиятельная группа в составе отечественного предпринимательского класса — петербургская, целиком разделившая позицию Московского Биржевого комитета⁶⁶. Объединенная оппозиция со стороны деловых кругов сыграла свою роль в том, что введение подоходного налога было отложено и вернулись к этому вопросу только в экстренной ситуации Первой мировой войны.

Домовладельцы, то есть собственники городской недвижимости, представляют последнюю рассматриваемую нами категорию российских налогоплательщиков начала XX в. Подобно торгово-промышленным предпринимателям, они платили несколько разновидностей казенных, городских и земских податей. Система и уровень налогообложения городской недвижимости анализируются здесь на примере Москвы⁶⁷. Основным налогом являлся государственный и земский с недвижимых имуществ, который взимался городским муниципалитетом (городской управой) в пользу казны и губернского земства. В 1908 г. размер государственного налога

составлял 14,1% чистого дохода московских домовладельцев, земского — 1,6%. Недоимки по налогу взыскивались через полицию вплоть до продажи с торгов недвижимости должников.

Вторым по значению выступал так называемый городской оценочный сбор в пользу города, взимавшийся в размере 10% чистого дохода или 1% стоимости имущества. Оценочный сбор обеспечивал городские самоуправления средствами, необходимыми для их деятельности и осуществления городского благоустройства. В среднем по России сбор этот, уплачиваемый собственниками городской недвижимости, приносил около половины городских налоговых сборов, а в крупных городах и больше. Так, в Москве он составлял в 1908 г. 5,8 млн руб. или 60% всех поступивших в городскую казну прямых налогов.

В пользу города, как отмечалось, взимался также сбор с торгово-промышленных заведений, с документов на право торговли и промыслов, с владельцев лошадей, экипажей и собак, больничный сбор и др. Подать с торгово-промышленных заведений являлась отчасти и налогом на домовладельцев, так как взималась как с помещений, используемых исключительно в коммерческих целях (в размере 3% чистой доходности владения), так и с жилых помещений, занимаемых самим домовладельцем (налог 1,5% с дохода). По существу то был сбор с мелких и средних ремесленников с годовым доходом свыше 200 руб., работавших на дому. В Москве этот налог уплачивали 32,5 тыс. хозяев мелких жилых строений на сумму около 1,7 млн руб.

Наконец, из своего кармана домовладелец оплачивал разного рода косвенные сборы в пользу города. Основными здесь являлись пошлины за прописку видов на жительство в полиции (если квартирьером оказывался дворянином, домовладелец платил 30 коп., за мещанина — 15 коп., а за разночинца — всего 3 коп.). С хозяина доходного дома взимались также судебные сборы по гражданским делам, за справки адресного стола, за утверждение планов постройки и т.д. Особый налог платили домохозяева, желающие пользоваться городской канализацией. Канализационный сбор служил целям частичной компенсации расходов городского самоуправления по строительству и эксплуатации необходимых очистных сооружений.

В нашем распоряжении нет сводных данных об уровне обложения городской недвижимости в целом, но легко заметить, что в крупных городах, таких как Москва, только государственный, земский и городской сборы достигали 25% чистого дохода. Цифра эта существенно выше упоминавшейся среднероссийской (16,7%) и соответствует норме налогообложения торгово-промышленной сферы. Именно для собственников городской недвижимости и предпринимателей ставки налогообложения в начале XX в. были существенно подняты, тогда как в отношении широких масс малоимущих плательщиков в городе и на селе правительство избегало повышения прямых податей, наверстывая упущенное более тонкими методами обложения косвенного.

Кардинальным вопросом теории и практики налогообложения была и остается дилемма, что целесообразнее: обеспечить формирование бюджета чисто фискальными методами или снижением ставки налогов добиваться стимулирования хозяйственной предпринимательской деятельности и расширения налоговой базы? Применительно к России дилемма эта обрела особую остроту в пореформенный период, когда бурное развитие частного предпринимательства вызвало повышение прежних (промысловый) и появление ряда новых налогов в торгово-промышленной и финансовой сферах. В предшествующую эпоху вплоть до середины XIX в. налоги от предпринимательской деятельности не играли существенной роли в формировании бюджета, поскольку сама эта деятельность в эпоху ранней индустриализации не достигла значительных масштабов. За полвека же от отмены в 1861 г. крепостного права и до 1917 г. Россия превратилась в аграрно-индустриальную державу, по объему промышленного производства входившую в пятерку ведущих индустриальных стран.

Какую же роль в индустриальном развитии прежде сплошь крестьянской страны сыграла система налогообложения? Служила ли она тормозом или катализатором экономического роста? Согласно современной экономической теории, налоговые поступления являются продуктом двух основных факторов: налоговой ставки и налоговой базы. Рост налогового бремени может приводить к увеличению государственных доходов только до какого-то предела, пока не начнет сокращаться облагаемая налогом часть национального производства. Когда этот предел окажется превышен, рост налоговой ставки приведет не к увеличению, а к сокращению доходов бюджета. Оживления деловой активности можно ожидать вновь после облегчения налогового гнета. Снижение ставки налогообложения приводит к росту производства, который в дальнейшем компенсирует временное уменьшение поступлений⁶⁸.

В России начала XX в., как мы видели, тяжесть налогового бремени (отношение национального дохода на душу населения к сумме налоговых платежей) являлось вполне сопоставимым с мировым уровнем (не забудем, правда, что Россия значительно отставала от западноевропейских стран по абсолютным размерам национального дохода). Общей линией правительственной политики в пореформенный период был постоянный рост обложения предпринимательских слоев населения, но рост этот по европейским меркам был умеренный, не лишавший предпринимателя стимула к развитию своего дела.

С другой стороны, обеспечивая правовые гарантии занятий частным предпринимательством, способствуя созданию транспортной и кредитной инфраструктуры, защищая молодую российскую промышленность от иностранной конкуренции таможенно-протекционистским барьером, государство безусловно способствовало экономическому росту и расширению налоговой базы. За содейст-

вие казны промышленности и торговле приходилось платить новыми налогами, объем которых в начале XX в. достиг половины всех прямых податей с населения империи.

Американский историк экономики Александр Гершенкрон в свое время выдвинул оригинальную концепцию, согласно которой государственное вмешательство сыграло решающую роль в индустриализации царской России. Наряду с иностранными инвестициями, экономическая политика правительства послужила, на его взгляд, компенсирующим фактором, позволив патриархальной империи за короткий исторический срок войти в число относительно развитых индустриальных держав⁶⁹. Стимулирование экономического роста, по Гершенкрону, помимо общепротекционистской политики достигалось путем бюджетного перераспределения налоговых средств из аграрного сектора в индустриальный. Вероятнее всего, это наблюдение явилось своеобразной экстраполяцией на дореволюционный период советской экономической системы, в рамках которой индустриальный рост действительно инициировался бюджетным перераспределением национального дохода; попыткой объяснения промышленного взлета в России XIX в. бюджетными механизмами по аналогии с советской экономикой.

Последующие исследования, впрочем, не подтвердили этого тезиса. Государство действительно играло весьма активную роль в экономической жизни предреволюционной России, но вряд ли можно говорить о «насаждении» им промышленности по каналам перераспределения налоговых средств. Не было обнаружено перелива капиталов через бюджет из аграрного в индустриальный сектор, бюджетная политика позднеимперской России в этом отношении была по крайней мере нейтральной⁷⁰. В государственном бюджете «непроизводительные», по терминологии того времени, расходы (главным образом, на армию и флот, содержание административного аппарата и обслуживание государственного долга) продолжали преобладать над «производительными» (вложения в государственные имущества и предприятия, бюджетные вливания в частный сектор, расходы на просвещение и т.п.). В канун Первой мировой войны «непроизводительные» расходы российского бюджета составлял около 60% от общего итога, а «производительные» — 40%⁷¹.

Конечно, по сравнению с петровской или екатерининской эпохой структура бюджета заметно изменилась в пользу «производительных» трат, но в целом и на закате империи приоритетными в нем оставались военные и административные расходы. Впрочем, та же картина наблюдалась и в экономически развитых европейских странах, где бюджетное финансирование экономического роста как осознанная политика берет свое начало не ранее кризиса рубежа 1920—1930-х гг. Именно тогда на смену теории «свободной руки» Адама Смита, т.е. саморегулирующейся модели экономического развития, приходит концепция Дж. Кейнса о необходимости государственного регулирования хозяйственной деятельности. До этого времени бюджетное финансирование ключевых от-

раслей не было свойственно ни одной из великих держав. Сходная ситуация имела место и в России, где индустриальный прорыв рубежа XIX—XX в. отнюдь не был заслугой правительства, во всяком случае — не только правительства.

Государство в дореволюционный период являлось не столько инвестором экономики (за исключением железнодорожного хозяйства, где казенные капиталовложения действительно были велики), сколько получателем дохода от экономического роста. С 1880-х гг., когда Россия вступила в стадию современного индустриального развития, произошел и решающий структурный сдвиг в податной системе: промышленно-торговая сфера становится главным источником прямого налогообложения, тяжесть налогового бремени смещается с сельского населения на предпринимательские слои города. Они стали основным объектом как прямого, так и косвенного обложения, поскольку являлись массовым потребителем товаров, облагаемых акцизом. Поэтому нет оснований для вывода, что крестьянам пришлось оплачивать ускоренную индустриализацию страны за счет снижения своего жизненного уровня (тезис этот верен опять-таки применительно к советскому периоду нашей истории, но никак не к дореволюционному)⁷². Доля горожан, особенно занимавшихся частным предпринимательством, в этом процессе во всяком случае не меньшая.

Экономический рост поддерживался не столько государственным вливанием, сколько хозяйственной деятельностью самих предпринимателей-налогоплательщиков. Возраставшее прямое обложение торговцев, фабрикантов и финансистов, с одной стороны, отражало их активное участие в экономической жизни, а с другой — использовалось правительством как средство пополнения скудеющих крестьянских податей, особенно после отмены выкупных платежей в ходе революции 1905—1907 гг. Роль промыслового обложения в общей структуре бюджетных доходов с 19% в 1890 г. выросла до 55% в 1913 г. По имеющимся подсчетам, удельный вес прямых налогов, так или иначе связанных с торговлей и промышленностью, за это время поднялся с 30 до 80% прямых податей бюджета⁷³. Рост налогов на предпринимательскую деятельность для историка служит косвенным, но весьма важным подтверждением победы в предреволюционной России рыночной системы хозяйства.

Пореформенная налоговая политика в торгово-промышленной области (промысловое обложение) была нацелена на то, чтобы в ходе прорыва создать преимущества для крупного производства, тогда как мелкая индустрия и торговля оказались поставлены в менее выгодное положение. Можно сказать, что приоритетной для законодателя являлась сфера производства, прежде всего крупного, а не сфера распределения и обращения. Мелкотоварное промышленное и ремесленное производство испытывали при этом больший налоговый гнет, что объективно препятствовало их технической модернизации и, что особенно важно, тормозило утверждение частнопредпринимательских начал на низовом эконо-

мическом уровне. Крупные же акционерные общества пользовались налоговыми льготами. Несомненно, что тенденция к крупнокапиталистическому типу развития, характерная для предреволюционной России, имела в основе и налоговые стимулы. В этом смысле за налоговой политикой Н.Х.Бунге и С.Ю.Витте следует признать значение важного структурообразующего фактора индустриального развития. Авторитарное государство вело гибкую политику, выступая одновременно как страж своих фискальных интересов, гарант свободы конкуренции и как защитник крупной индустрии⁷⁴.

Примечания

- ¹ Витте С.Ю. Конспекты лекций о народном и государственном хозяйстве. СПб., 1912. С. 485.
- ² Коковцов В.Н. Воспоминания. Из моего прошлого. Т. 2. Париж, 1933. С. 364.
- ³ Дементьев Г.Д. Во что обошлась нашему государственному казначейству война с Японией. Пг., 1917. С. 8.
- ⁴ Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1905 год. СПб., 1906. С. 11.
- ⁵ Подр. см.: Петров Ю.А. Система Коковцова // Русский рубль. Два века истории. М., 1994. С. 145—150.
- ⁶ См.: О порядке рассмотрения государственной росписи доходов и расходов // Реформы 1905—1906 гг. СПб., 1906. С. 222.
- ⁷ Коковцов В.Н. Воспоминания. Т. 2. С. 364—365.
- ⁸ Речи министра финансов статс-секретаря В.Н.Коковцова по бюджетным вопросам в заседаниях Государственной Думы 16, 20 и 28 февраля 1909 г. СПб., 1909. С. 66.
- ⁹ См.: Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1996. С. 153.
- ¹⁰ Коковцов В.Н. Воспоминания. Т. 2. С. 374.
- ¹¹ Министерство финансов. 1904—1913. СПб., 1914. С. 4.
- ¹² Россия. 1913 год. С. 154.
- ¹³ Воспоминания П.Л.Барка, министра финансов российского императорского правительства // Возрождение. Париж. 1965. № 147. С. 61.
- ¹⁴ Министерство финансов. 1904—1913. С. 103.
- ¹⁵ См.: Боханов А.Н. Подоходный налог и крупная буржуазия в России // Исторические записки. Т. 114. М., 1986.
- ¹⁶ См.: Кун Е. Опыт сравнительного исследования налогового бремени в России и других главнейших странах Европы. СПб., 1913. С. 54.
- ¹⁷ См.: Вебер А. Налоги. СПб., 1906. С. 65.
- ¹⁸ См.: Ежегодник Министерства финансов. Вып. 1915 года. Пг., 1915. С. 33—40.
- ¹⁹ Департамент окладных сборов. 1863—1913. СПб., 1913. С. 172—173.
- ²⁰ Справка к представлению Министерства финансов о пересмотре положения о налоге с недвижимых имуществ в городах, посадах и местечках. В Государственную Думу. 22 февраля 1907 г. СПб., 1907. С. 59—60.
- ²¹ Покровский Н.Н. О подоходном налоге. Пг., 1915. С. 115.

- 22 См.: Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия в 1904—1914 гг. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1987. С. 214—215.
- 23 Покровский Н.Н. О подоходном налоге. С. 118.
- 24 См.: Болдырев Г.И. Подоходный налог на Западе и в России. Л., 1924. С. 156—161.
- 25 См.: Ежегодник Министерства финансов. Вып. 1915 года. С. 550—551.
- 26 См.: Коломийцев Н.И. Чай, мировая торговля чаем и вопрос о казенной чайной монополии в России. М., 1916. С. 105—106.
- 27 Анфимов А.М. Налоги и земельные платежи крестьян Европейской России в начале XX в. (1901—1912 гг.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962 год. Минск, 1964. С. 494—495.
- 28 Министерство финансов. 1904—1913. С. 120.
- 29 Отчет Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей. 1913 г. Пг., 1914. С. 8, 15—16.
- 30 Голубев П. Податное дело. СПб., 1906.
- 31 Департамент окладных сборов. 1863—1913. С. 179—185.
- 32 Ежегодник Министерства финансов. Вып. 1915 года. С. 2—5, 66—67.
- 33 См.: Свод законов Российской империи. Изд. 1914 г. Т. V. Устав о прямых налогах. Пг., 1914. Ст. 196—327; Департамент окладных сборов. 1863—1913. С. 150—154.
- 34 Свод законов Российской империи. Т. V. Ст. 375—402, 815—825; Департамент окладных сборов. 1863—1913. С. 137—144.
- 35 Департамент окладных сборов. 1863—1913. С. 132—137.
- 36 Свод законов Российской империи. Т. V. Ст. 750—809.
- 37 Там же. Ст. 699—711, 714—749.
- 38 Там же. Ст. 56—77, 714—728; Департамент окладных сборов. 1863—1913. С. 144—148.
- 39 См.: Податная инспекция в России (1885—1910 гг.). СПб., 1910. С. 100—112; Департамент окладных сборов. 1863—1913. С. 190—193.
- 40 Департамент окладных сборов. 1863—1913. С. 162—163.
- 41 См.: Боголепов М.И. Финансы, правительство и общественные интересы. Пг., 1917. С. 133 и сл.
- 42 Податная инспекция в России. С. 128.
- 43 См.: Голубев П. Податное дело. С. 31.
- 44 Департамент окладных сборов. 1863—1913. С. 163—166.
- 45 См.: Свод законов Российской империи. Т. V. Ст. 11—28, 111—121, 404—446.
- 46 См.: Главные основания реформы государственного и местного обложения промышленности и торговли. СПб., 1909. С. 43—48.
- 47 См.: Вайнштейн А.Л. Обложение и платежи крестьянства в довоенное и революционное время. М., 1924. С. 127.
- 48 Покровский Н.Н. О подоходном налоге. С. 147.
- 49 Там же.
- 50 Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 143. Оп. 1. Д. 254. Л. 116—117 — Представление Министерства финансов в Государственную Думу о введении в России подоходного налога. 1907 г.
- 51 См.: Вебер А. Налоги. С. 82—83.
- 52 См.: Анфимов А.М. Неоконченные споры // Вопросы истории. 1997. № 7. С. 87—88.

- 53 См.: Вайнштейн А.Л. Обложение и платежи крестьянства в довоенное и революционное время. С. 116—117.
- 54 См.: Анфимов А.М. Налоги и земельные платежи крестьян Европейской России в начале XX в. С. 502.
- 55 Цит. по: Фридман М. Наша финансовая политика. СПб., 1905. С. 24—25.
- 56 Там же. С. 30.
- 57 См.: Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. М., 1983. С. 246—247; Рабочий класс России. 1907 — февраль 1917 г. М., 1982. С. 88—94; Кирьянов Ю.И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX — начало XX в.). М., 1979. С. 269.
- 58 Боголепов М.И. Финансы, правительство и общественные интересы. С. 194—196; Вайнштейн А.Л. Обложение и платежи крестьянства в довоенное и революционное время. С. 27—28.
- 59 См.: Прокопович С.Н. Бюджеты петербургских рабочих. СПб., 1909.
- 60 См.: Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия в 1904—1914 гг. С. 214.
- 61 Там же. С. 216, 218.
- 62 Московский Биржевой комитет. Земское обложение земель и торговых-промышленных заведений. М., 1911. С. 11.
- 63 Цит. по: Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия в 1904—1914 гг. С. 219.
- 64 ЦИАМ. Ф. 143. Оп. 1. Д. 253. Л. 46—47.
- 65 Там же. Д. 254. Л. 239—243.
- 66 Подр. см.: Боханов А.Н. Подоходный налог и крупная буржуазия в России. С. 285—292.
- 67 См.: Справочная книга для домовладельца. М., 1910. С. 44, 62, 63, 169.
- 68 См.: Черник Д.Г. Налоги. М., 1994. С. 32.
- 69 См.: Gerschenkron A. Economic Backwardness in Historical Perspective. A Book of Essays. Cambridge, Massachusetts, 1962.
- 70 См.: Gregory P. Russian National Income 1883—1913. Cambridge, 1982.
- 71 См.: Шебалдин Ю.Н. Государственный бюджет России в начале XX в. (до Первой мировой войны) // Исторические записки. Т. 65. М., 1959. С. 190 (Таблица 7).
- 72 Подр. см.: Plaggenborg St. Staatsfinanzen und Industrialisierung in Russland, 1881—1903. Die Bilanz der Steuerpolitik für Fiskus, Bevölkerung und Wirtschaft // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Hrgb. Hans-Joachim Torke. Berlin, 1990. S. 123—339.
- 73 См.: Bowman L. Taxation in Pre-revolutionary Russia // The Modern Encyclopedia of Russian and Soviet History / Ed. by J.Wieczynski. Vol. 54. Academic International Press, 1990. P. 30—33.
- 74 См.: Plaggenborg St. Op. cit. S. 318—326.

Аграрная история

Зарождение кооперативного движения в России: взлеты и падения (1860-е — середина 90-х годов XIX в.).

Кооперативное движение как феномен мирового порядка, возникнув во второй четверти XIX в., вскоре становится одним из мощных, еще, видимо, до конца не оцененных факторов реформирования социально-экономических, а отчасти и политических структур почти всех стран, вступивших на путь капиталистического развития. Постепенно охватив огромные массы населения, кооперация не только способствовала втягиванию их в товарно-денежные отношения, но и явилась средством экономической модернизации и социального структурирования гражданского общества.

Россия в этом плане не представляла исключения, хотя этот процесс в силу особенностей ее исторического развития имел свою специфику и фактически не получил завершения. Исследованию российского кооперативного движения, кооперативного строительства, деятельности различных видов и типов ассоциаций посвящена огромная литература — и дореволюционная, и советская, и современная. Однако ее основные наблюдения и выводы фактически до сих пор так и остались не востребованы практикой. Более того, неоднократно предпринимавшиеся на рубеже 1980—1990-х гг. попытки централизованного возрождения различных форм и типов кооперации (законы «О кооперации СССР», май 1988 г., «О потребительской кооперации в Российской Федерации», июнь 1992 г.) свидетельствуют, что законодателям не удалось преодолеть негативные последствия извращенного представления о характере, природе и предназначении кооперации, господствовавшие в советские годы, а последующая политика вообще привела к дискредитации этих хозяйственных форм. В связи с этим представляется целесообразным еще раз обратиться к периоду зарождения и становления российского кооперативного движения, к анализу богатейшего опыта и традиций, накопленных уже в этот период — в сложнейших условиях переходного этапа в жизни страны.

* Корелин Авенир Павлович — доктор исторических наук (Институт российской истории РАН).

Середина XIX столетия — одна из переломных, бурных эпох в отечественной истории. Это были годы разработки и реализации так называемых «великих реформ», время общественного возбуждения, надежд и поисков путеводных идей и практических мер по переустройству всего жизненного уклада страны. И вместе с тем — это время нарастания в обществе разочарования в предпринятых «сверху» преобразованиях, критики их, с одной стороны, за непоследовательность, половинчатость, приведших к непредвиденным социальным, экономическим и политическим последствиям; с другой стороны, нарастание «тупой реакции», полного неприятия нововведений. Страна стояла на перепутье. На этот идейный, институциональный и хозяйственный кризис общественная мысль и практика ответили целым веером мировоззренческих концепций, социальных и экономических проектов и практических начинаний — от социалистических и либеральных до консервативных и охранительно-реакционных. Одним из конструктивных замыслов по выводу общества из кризиса и продолжения его переустройства на новых началах была кооперативная идея.

Появилась она не случайно и не на пустом месте. Зародившись на Западе, кооперативная мысль к тому времени уже начала там реализовываться, воплощаясь в разнообразные по форме и задачам кооперативные объединения. Базой для нее послужили различные традиционные ассоциации типа трудовых, складских, сбытовых и т.п. артелей ремесленников, кустарей, мелких торговцев. Эта практика была осмыслена, поднята на высоту теории, руководящей идеи и уже в качестве таковой внедрялась в народное сознание, будучи привнесенной в массы как бы извне. Творцы и пропагандисты кооперативной идеи (Р.Оуэн, Ш.Фурье, С.Сисмонди, У.Кинг, Ф.Бюше, Л.Блан, Ф.Лассаль, Э.Пфейфер, Ф.-Г.Шульц, Ф.Раффайзен, Ш.Жид и др.) руководствовались различными, порой полярными по своим целям побуждениями — от филантропической помощи обездоленным, малообеспеченным слоям населения до рационалистической философии утверждения капиталистических начал и совершенствования буржуазного общества; от создания условий для вовлечения огромной массы мелких производителей и потребителей в рыночные отношения и демократизации всего строя общественной жизни до создания консервативной опоры для существовавших политических режимов в виде так называемого «среднего класса»; от попыток смягчения обострившихся социальных конфликтов до стремления коренного социалистического переустройства общества.

В Россию кооперативные идеи в различных западноевропейских вариантах, первоначально в основном с утопически-социалистическим уклоном, начали проникать еще с 1830—1840 гг., находя отклик прежде всего в интеллигентских слоях общества. В частности, увлечение идеями Ш.Фурье привело к созданию известного кружка «петрашевцев» (1842—1849 гг.). Руководитель

кружка М.В.Петрашевский сделал даже попытку реализовать замысел французского утописта, построив «кооперативную избу» — фаланстер у себя в имении. Вскоре кружок был разгромлен полицией. Позднее элементы кооператизма стали составной частью программ революционных демократов и народников (Н.Г.Чернышевский, Н.А.Добролюбов, М.А.Бакунин, П.А.Кропоткин и др.). Но первые практические шаги по внедрению кооперативных начал были сделаны, как мы увидим, представителями либерально-просветительного направления. Одновременно и даже несколько ранее, в правительственных кругах возникают проекты организации кредитной поддержки отдельных разрядов крестьян на принципах общинной самопомощи — мирские капиталы, вспомогательные и сберегательные кассы государственных крестьян, сельские банки в удельных деревнях и т.п. После 1861 г. эти сословно-общественные заведения появились и у бывших помещичьих крестьян. Учреждения эти, действовавшие на общинные капиталы, оказались малоэффективными, хотя они и сохранились в несколько модернизированном виде вплоть до 1917 г.¹

В начале 1860-х гг. предпринимаются отдельные, весьма разрозненные попытки учреждения различного рода ассоциаций (потребительских, промысловых, складских, страховых, сбытовых и т.п.), возникавших, как правило, в крупных городах — Петербурге, Риге, Дерпте, Харькове, Одессе. В какой-то мере это было данью моде, под влиянием которой оказались и вполне состоятельные лица, искавшие возможности приложиться к своим общественным устремлений или даже рассчитывавшие получить какую-либо выгоду от нового дела. Такие объединения («квази-кооперативы» по выражению С.Н.Прокоповича) обычно были неустойчивы и быстро угасали или перерождались в обычные предпринимательские заведения. Вместе с тем в определенных кругах российского общества возникло и крепло убеждение в необходимости насаждения подобных объединений прежде всего в среде «малодостаточных» слоев города и деревни. Нараставшие трудности и сложности с переходом экономики страны на рыночные отношения, с формированием нового типа социально-экономической структуры общества в условиях сохранения сословных пережитков, наиболее тяжело отражавшиеся на положении огромной массы малообеспеченных слоев населения, особенно крестьянства, послужили импульсом для поиска путей и средств выхода из создавшейся ситуации. В этих условиях кооперативные идеи Запада и западный опыт организации и функционирования кооперативных ассоциаций все более привлекает внимание российских общественных деятелей и практиков. И если попытки радикально настроенных разночинцев «пойти в народ» и использовать в целях революционной пропаганды артельные формы объединений успеха не имели, то либеральные помещики-земцы и цензовая интеллигенция действительно оказались у истоков российского кооперативного движения. Некоторые из них посетили с целью ознакомления с теорией, законодательством и практикой кооперативного строительства ряд запад-

ноевропейских стран — Англию, Германию, Бельгию, Данию, Голландию, Италию, Швейцарию, Францию, заложив традицию постоянного обогащения русской кооперативной мысли западноевропейским опытом. В российской периодике уже с конца 1850-х гг. появились статьи, рассказывавшие о состоянии кооперативного дела на Западе и анализирувавшие его достижения и просчеты². Затем хлынул поток переводной литературы, а также книг, брошюр и статей российских авторов, посвященных анализу зарубежного кооперативного опыта и первых попыток использования его на русской почве³.

Именно под влиянием этой литературы, подкрепленным практическим знакомством с опытом кооперативного строительства на Западе, и зарождается кооперативное движение в России, на первых порах еще не имевшее прочной социально-экономической и культурной базы для своего органического развития. Перелом в общественном настроении в пользу кооперации создал в значительной мере неурожай и голод 1867—1868 гг. С середины 1860-х гг. возникает ряд кредитных, потребительских и производительных кооперативов, в основу уставов которых были положены принципы, заимствованные из практики соответствующих зарубежных ассоциаций, а также несколько десятков, а может быть и сотен промысловых и трудовых артелей, природу которых определить не представляется возможным из-за отсутствия необходимых данных.

Огромную роль в становлении российской кооперации сыграло Московское общество сельского хозяйства (МОСХ)⁴, на заседаниях которого еще в начале 1860-х гг. обсуждалась проблема переустройства российской деревни, в том числе и посредством насаждения различного рода ассоциаций, основанных на принципах самостоятельности и взаимопомощи. В частности, эти вопросы стали предметом обсуждения на Всероссийском съезде сельских хозяев, созванном по инициативе МОСХ 21 декабря 1870 — 3 января 1871 г., на котором впервые публично обсуждались проблемы российской кооперации. Съезд высказался за необходимость распространения кооперативных ассоциаций среди крестьян и ремесленников, а в качестве первоначальной и наиболее удобной формы признал паевые ссудосберегательные товарищества, основанные на принципах равных паев и круговой ответственности и осуществляющих мелкий краткосрочный личный кредит. Было признано полезным всемерное содействие товариществам — материальное, организационное и пропагандистское — со стороны земств и частных лиц. В декабре того же 1870 г. при МОСХ был создан специальный Комитет о сельских ссудосберегательных и промышленных товариществах, а затем его Петербургское Отделение, ставшее на долгие годы всероссийским кооперативным центром. Созданное как общественное учреждение по оказанию теоретической и организационно-практической помощи прежде всего кредитной кооперации, оно становится средоточием интеллектуальных кооперативных сил страны. Ядро его участников составили либеральные помещики-земцы и известные общественные деяте-

ли, прекрасный коллективный портрет которых дан в диссертации и публикациях Б.И.Подколзина, посвященных роли петербургского кружка кн. А.И.Васильчикова в зарождении российской кооперации⁵.

Состав этого кружка, сложившегося на рубеже 1860—1870-х гг. и почти целиком вошедшего в Петербургское Отделение Комитета о сельских ссудосберегательных и промышленных товариществах, был очень характерен и весьма колоритен. Хозяин салона, где собирались его участники, и неформальный лидер всех его собраний кн. Александр Иванович Васильчиков (1818—1881 гг.) был представителем старинного аристократического рода⁶. После окончания юридического факультета Петербургского университета перед ним открывалась блестящая перспектива служебной карьеры. Однако, он предпочел ей неблагодарную и непредсказуемую, особенно по тем временам, стезю общественной деятельности, заняв скромную выборную должность гласного Новгородского земства. В 1860-е гг. он был уже известен как крупный общественный деятель либерально-демократического толка, мимо трудов которого позднее не прошел и В.И.Ленин, назвав князя «народничающим помещиком»⁷. Признанный «теоретик» кружка А.В.Яковлев (1835—1888 гг.), сын отставного генерала, потомственный дворянин, закончил престижное Училище правоведения, готовившее кадры для высоких и ответственных постов в государственном аппарате, но также предпочел служебной карьере скромный пост мирового судьи и гласного Петербургской городской думы. В.Ф. и С.Ф. Лугинины были богатыми костромскими помещиками. В начале 1860-х гг. они провели несколько лет за границей, пополняя свое образование в университетских центрах Англии, Германии, Франции и попутно изучая опыт организации зарубежной кооперации. Вернувшись на родину, Святослав Федорович (1838—1866 гг.), бывший офицер и участник Севастопольской кампании, в 1865 г. основал в своем имении в с. Дароватове Рождественской волости Ветлужского уезда Костромской губернии первый в России сельский кредитный кооператив — паевое ссудосберегательное товарищество, дав ему ссуду на образование основного капитала и разработав для него специальный устав. После его смерти дело продолжил Владимир Федорович (1834—1911 гг.), уже имевший репутацию талантливого химика и ставший не менее известным практиком и пропагандистом кооперации. Их земляк Н.П.Коллюпанов (1827—1894 гг.) также был помещиком, правда, менее обеспеченным, но не менее образованным. Он окончил юридический факультет Московского университета, побывал в Западной Европе и специально изучал, в том числе непосредственно под руководством известного немецкого кооперативного деятеля Г.Шульце, теорию и практику народного кредита. Вернувшись домой, Нил Петрович служил уездным предводителем дворянства, принимал активное участие в работе местного земства, часто публиковался, ратуя за насаждение в России кооперативов.

Подстать им были и другие участники кружка: Е.В. де Роберти (1845—1915 гг.), тверской помещик, выпускник престижнейшего Александровского лицея, также учившийся в ряде европейских университетов; Э.Р.Вреден (1835—1891 гг.) — выпускник Главного Петербургского Педагогического института, историк, статистик и политэконом, доцент Петербургского университета; В.Н.Хитрово (1834—1903 гг.) — представитель старинного боярского рода, лицеист, чиновник высокого ранга министерства финансов, автор ряда работ по истории, экономике, кооперативному делу; Н.Ф. Фан дер Флит (1840—1896 гг.) — потомок голландских переселенцев, сын тайного советника, также лицеист, один из сподвижников известного реформатора министра финансов М.Х.Рейтерна, глубоко веривший в преобразовательную силу кооперации и представивший свое имение в распоряжение кружка в качестве полигона для отработки «механизма» внедрения народного кредита. Все это были люди широкого кругозора, систематически знакомившиеся с литературой на многих иностранных языках, специалисты, профессионально разбиравшиеся не только в области своей подготовки, но и в самых разнообразных сферах экономики, финансов, сельского хозяйства, статистики, в социальных и политических проблемах. Поражает их эрудиция и высокая трудоспособность, фанатичная преданность делу, научная и практическая продуктивность — плод соединения природной одаренности, высокой профессиональной квалификации, трудолюбия и организованности.

Находясь под влиянием философии позитивизма, «васильчиковцы», видимо, сознательно стремились ограничить теоретизирование вокруг проблем народного кредита, места и роли кооперативных ассоциаций в судьбах российского общества. Их политэкономические и социологические высказывания, связанные с этими проблемами, как правило, достаточно отрывочны, носят фрагментарный характер. Однако изучение всей совокупности их взглядов на характер переживаемой эпохи, путей и средств обновления страны дает возможность шире оценить их идейное наследство, заложившее краеугольный камень в теорию и практику российского кооперативного движения. И в этом плане источниками являются материалы различного рода общественных организаций, в работе которых они принимали участие. Они часто выступали на заседаниях Вольного экономического общества, Русского географического общества, Петербургского собрания сельских хозяев, Московского общества сельского хозяйства, в земских собраниях, в городских думах, всюду пропагандируя и отстаивая свои представления о кооперации как важнейшем средстве переустройства страны на новых, буржуазно-демократических началах.

В целом «васильчиковцам» были присущи достаточно распространенные в образованных слоях российского общества XIX в. гуманистические либеральные воззрения, связанные с общественным течением просветительства или в значительной мере навеянные его идеями. Вместе с тем от сугубо культурнических акций по

повышению общего образовательного уровня народных масс они перешли к мерам экономического характера, справедливо полагая, что только материально обеспеченный человек может стать свободным и пользоваться благами культуры. «Мы приняли, — писал Васильчиков, — за исходное положение упрочение и развитие существующего порядка вещей, введенного новейшими реформами»⁸. Члены кружка рассматривали переживаемую эпоху как переходную от прежних феодальных порядков, от общества привилегий, сословий, цехов и вообще неравноправия к обществу равных прав и возможностей для всех, обществу, основанному на принципах формального права. Важнейшим инструментом осуществления новых отношений должна была стать частная собственность в широком смысле слова, включавшая не только отношения к средствам производства, но и, пожалуй, даже в первую очередь — предусматривавшая свободу труда. Причем переход этот должен совершаться постепенно, естественным, органическим и обязательно мирным эволюционным путем, сочетая, как писал Н.П.Колупанов, с одной стороны, «консервативное сохранение особенностей почвы», а с другой — охватывая «непосредственно или посредственно все слои народной массы»⁹.

Высоко оценивая реформы, либерал-демократы постепенно вынуждены были все же прийти к заключению, что проведенные преобразования не оправдывают возлагавшихся на них надежд. К концу 1860-х гг. либеральная эйфория спадает. Прежде всего обнаружилось издержки увлеченности идеей «полной экономической свободы». Промышленность и торговля забуксовали, в деловом мире процветало безудержное грюндерство, в деревне господствовало ростовщичество, многомиллионная масса крестьянства, несмотря на освобождение от крепостничества и вопреки ожиданиям, нищала, задыхаясь под гнетом налогов, податей, выкупных платежей, страдала от бесправия, забитости и темноты, показывала полную неспособность самостоятельно перейти к рыночным отношениям¹⁰. Нужны были дополнительные меры по организации перехода общества в «новое качество». И этот переход, по мнению «васильчиковцев», должно было организовать образованное меньшинство общества, частные лица — «просвещенное меньшинство». Выход, считали они, лежит на путях внедрения в массы, на базе частнособственнических отношений, принципов самодеятельности и самоуправления, которые в конечном счете и приведут к укреплению и процветанию нового, буржуазного общества. Этим целям, по их мнению, лучше всего соответствовали именно всесословные кооперативные ассоциации, способные объединить основную массу трудового населения, для которого они создают наиболее благоприятные возможности повышения культуры, развития предприимчивости, самодеятельности. «Именно правильная организация экономической жизни массы народной есть основа цивилизации», — считал Васильчиков¹¹. Экономическая самостоятельность и образованность, в свою очередь, явятся затем основой и залогом политического статуса всех граждан. По мысли кооперативных

теоретиков, именно кооперативы — потребительские, страховые, производственные и т.п., но в первую очередь кредитные — могут и должны стать не только одним из мощных факторов повышения эффективности народного хозяйства, но и, что крайне важно именно для переходного периода, послужить средством для предотвращения «язвы пролетариата, зарождающегося в России и особенно угрожающей ей в будущем»¹².

Выступая с докладом на заседании Вольного Экономического Общества 14 марта 1872 г. кн. Васильчиков утверждал, что все народы в своем развитии проходят «почти одинаковый путь», всем им приходится преодолевать в принципе одинаковые препятствия и, как показывает опыт истории, делали они это почти аналогичными средствами. Поэтому, считал он, России нет необходимости выработать свои, особенные формы кооперативных ассоциаций. Но тем не менее следует учитывать специфику условий каждой страны. В России, в частности, в отличие от Запада с его высоким удельным весом среди населения ремесленников и городского пролетариата, преобладает крестьянство, «бытовым условиям» которого более всего соответствует кооперативная организация и прежде всего — кредитная.

Выбор русскими кооператорами типа кредитных кооперативов и основных принципов их организации и деятельности совпал по времени с обсуждением и принятием в Германии первого прусского (27 марта 1867 г.), а затем и общегерманского кооперативного закона (4 июля 1868 г.) и полемикой между видными немецкими теоретиками и практиками кооперации о целесообразности и предпочтительности тех или иных видов ассоциаций. В споре между Ф.Лассалем, отдававшим предпочтение производственным объединениям, и Г.Шульце, фактическим родоначальником германской кооперации, возлагавшим основные надежды на кредитные кооперативы для ремесленников и вообще городских низов, русские заняли особую позицию. С одной стороны, они вроде бы поддержали Лассаля, утверждавшего, что кредитная кооперация по сути своей совершенно не соответствует социальному положению рабочих, не владевших никакими средствами производства и потому не имевших возможности вернуть ссуду да еще с процентами. Однако с другой стороны, они высказались именно за кредитные кооперативы, но в основном для сельского населения, считая их более всего подходящими для мелких сельских производителей, располагающих собственным хозяйством и возможностью использовать ссуды производительно, тогда как интересам рабочих и их возможностям более соответствуют производственные, страховые и потребительские ассоциации. Вместе с тем в споре между Г.Шульце, ратовавшим за паевые ссудо-сберегательные товарищества, и Ф.Райффайзенем, сторонником беспаявых кредитных товариществ, ориентированных преимущественно на посторонние средства (государственные и частные субсидии, займы, вклады), пионеры российской кооперации выбрали первый вариант.

Россия — и прежде всего российская деревня — с ее традиционной артельностью, «особыми условиями сельского быта», общиной, по их мнению, должна оказаться наиболее восприимчивой к кооперативной организации, которая призвана сыграть особую роль в переустройстве социальной и экономической структуры страны. Как отмечал Н.П.Колюпанов, этому способствуют, с одной стороны, «самый характер нашего народа, весь строй сельской жизни: крестьянский мир, община, привычка объединяться в артели и т.п., с другой стороны — самый характер нашей промышленности вообще и сельского хозяйства в частности (кустарная промышленность, промыслы)». При этом кооператоры ничуть не обольщались возможностями общины. Более того, А.И.Васильчиков считал, что в ней «кроется явная, осязательная опасность для нравственного прогресса и цивилизации нашего отечества, а в общинном землевладении — главнейшее препятствие к улучшению экономической культуры»¹³. Но, во-первых, все преобразования должны, по его мнению, вводиться постепенно, осторожно, чтобы «не расстраивать вековой ход нашего общественного построения», а община ни в коем случае не должна разрушаться искусственно. Во-вторых, сама народная привычка объединяться в артели, особенности общинного строя деревни с ее сходами, круговой порукой и т.п. могут, особенно на первых порах, облегчить внедрение и распространение кооперативных начал среди широких масс населения. Таким образом, общинные традиции представляли собой условие, облегчавшее переход к кооперативным ассоциациям. Именно они могут обеспечить восприятие народными массами основных кооперативных принципов — самостоятельности, независимости, самоуправления, взаимопомощи. Круговая порука в уплате налогов и отбывании воинской повинности должна была, как им казалось, облегчить внедрение принципа общей и личной ответственности по обязательствам кооперативов.

Важно отметить, что «васильчиковцы» не считали, будто в результате массового насаждения кооперативных ассоциаций должен установиться какой-то особый кооперативный строй народного хозяйства. Как говорил А.В.Яковлев, «ассоциация есть только средство для выхода единичных личностей из затруднительного положения. Сами кооперативы не должны быть обязательно постоянными, "вечными" объединениями. Они могут появляться и исчезать с возникновением или исчерпанием потребностей личностей в "сгруппировке сил" для преодоления неблагоприятных экономических условий или в силу других каких-либо потребностей "самозащиты"»¹⁴.

Руководствуясь в своих теоретических построениях общепринятыми постулатами, определявшими сущность кооперативного движения (самопомощь через взаимопомощь, самостоятельность, независимость, общедоступность, демократизм), российские кооператоры в практической своей деятельности вынуждены были сделать ряд важных отступлений от этих основополагающих принципов, что нашло отражение в первых же уставах товариществ.

Недостаток свободных средств у мелких производителей, особенно в деревне, остро ставил вопрос о необходимости пополнения их со стороны, а низкий культурный и образовательный уровень населения требовал привлечения для руководства кооперативами и налаживания делопроизводства представителей «образованных классов». Выступая на одном из заседаний ВЭО, А.И.Васильчиков с горечью отмечал: «Мы получили, например, от одного товарищества заявление, что из 118 членов его имеются только 2 грамотных и из них ни одного, знающего четыре правила арифметики — понятно, что в руках таких людей дело идти не может»¹⁵.

Организаторы кооперативного движения считали, что на первых порах местные землевладельцы и интеллигенция должны помочь становлению кооперативов, а земства, отдельные частные лица и государство — ссудить необходимые средства для образования основных и оборотных капиталов, облегчить формальности при учреждении ассоциаций. Впрочем, это не было особенностью российской кооперации. Сам Г.Шульце, провозглашая принципы самопомощи, самодеятельности и независимости кооперативов, в своей практической деятельности неоднократно обращался за помощью к властям и частным лицам, что отмечали и его российские последователи¹⁶. Но при этом было важно сохранить принцип составления основного капитала за счет внесения вступительных взносов и паев, что было необходимо не только с точки зрения создания материальной основы для будущей деятельности кооперативов, но и в целях воспитательных, т.к. это должно было создавать и поддерживать заинтересованность членов в самом объединении. И этот принцип российские кооператоры последовательно отстаивали.

От теории к практике

Заручившись поддержкой МОСХ, Политико-экономического комитета ВЭО, съезда сельских хозяев, кооператоры наряду с продолжавшейся пропагандой своих идей разрабатывают практические меры по их реализации. С энтузиазмом поддерживая все кооперативные начинания, они тем не менее главное внимание обращают на ссудосберегательные товарищества. В них они видели основную панацею от всех бед, поразивших пореформенную деревню. С их помощью предполагалось не только предотвратить обнищание деревни, оградить крестьянство от хищнического воздействия торгово-ростовщического капитала, но и приучить крестьян к рациональному ведению своего хозяйства и умелому пользованию кредитом, поднять культурный уровень деревни, внедрить в народные массы идеи самопомощи, самодеятельности, воспитать предприимчивость и деловую инициативу. При этом наряду с гуманистическими и филантропическими побуждениями помещиками-кооператорами двигал и трезвый расчет. На кредитные кооперативы возлагали надежды и либералы, стремившиеся к капиталистической перестройке своих имений, и консерваторы, система

ведения хозяйств которых (арендная или отработочная) требовала сохранения среднего слоя крестьянства, располагавшего определенным минимумом земли, рабочего скота и инвентаря.

Так, по постановлению сельскохозяйственного съезда в январе 1871 г. при МОСХ была создана Комиссия под председательством А.И.Васильчикова, которой было поручено собрать сведения о существующих кооперативах и разработать образцовый («нормальный») устав ссудосберегательных товариществ¹⁷. Комиссией была подготовлена программа для специального органа, который должен был заниматься проблемами этих товариществ, который и был образован при МОСХ 17 декабря 1871 г. в виде уже упомянутого Комитета о сельских ссудосберегательных и промышленных товариществах под председательством кн.В.А.Черкасского в составе 25 членов¹⁸. Но фактически рабочим органом МОСХ, занимавшимся проблемами кооперации, стало Петербургское Отделение Комитета, созданное 30 декабря того же 1871 г. и долгие годы выполнявшее функции всероссийского кооперативного центра. В задачу Комитета входило участие в разработке нормативных положений и уставов кооперативов, содействие учреждению различных типов ассоциаций, представительство перед властями, а также помощь в налаживании делопроизводства и отчетности кооперативов, сбор сведений о существующих заведениях, пропаганда кооперативных идей путем издательской деятельности, публикаций отчетов успешно действовавших кооперативов и т.д. С 1873 г. Отделение публиковало «Отчеты» о своей деятельности, установив контакты примерно с 80% всех действовавших товариществ.

Комиссия, разрабатывавшая «нормальный», типовой устав товарищества, располагала частными уставами двух типов кредитных кооперативов — Рождественского сельского ссудосберегательного товарищества, учрежденного братьями Лугиниными (утвержден 22 октября 1865 г.), и ссудосберегательной кассы небольшого уездного города Феллина Лифляндской губернии (утвержден 9 апреля 1869 г.). За основу был взят первый вариант, и этот так называемый «комитетский» образец, утвержденный 19 июля 1871 г., действовал практически вплоть до конца XIX в., выдержав 19 изданий¹⁹. В отличие от сословно-общественных учреждений мелкого кредита устав предусматривал всесословный характер товариществ, провозглашал независимость и равенство членов, выборность руководства (правления и поверочного совета), небольшой масштаб района деятельности (1—2 волости). Составители основной упор делали на следующих принципиальных положениях: 1) одинаковый для всех членов пай; 2) неотчуждаемость паев в другие руки; 3) недопущение благотворительности (пожертвований) при составлении основного капитала, пополнение оборотных средств вкладками и займами; 4) неограниченная (круговая) ответственность всех членов по обязательствам товарищества; 5) ссуда — только для членов товарищества и равная для всех и каждого; 6) кредит — личный, краткосрочный, беззалоговый; 7) поручительство за заем-

щика только членов товарищества и без лишения поручителей права на ссуду.

Товарищество не должно было ставить целью получение прибыли («барыша») от своих операций, его главным назначением должно было стать обеспечение участникам доступного, возможно более дешевого кредита. На пай, как верные последователи Шульце, составители смотрели не только как на способ составления необходимого капитала, но и с точки зрения воспитательной, видя в нем залог прочности товарищества, его независимости. В то же время, отстаивая в принципе независимость и самостоятельность объединений, они, учитывая почти поголовную неграмотность сельского населения и бедность деревни капиталами, допускали к руководству кооперативами представителей «образованных классов» — помещиков, духовенство, сельскую интеллигенцию, а также заимствование в основной капитал на тех или иных условиях посторонних средств. Неограниченная ответственность по обязательствам товарищества всех его членов должна была обеспечить кредитоспособность кооператива, укрепить к нему доверие населения и особенно вкладчиков и заимодавцев. Правда, это могло оттолкнуть от него состоятельных членов, которые могли опасаться рисковать своим имуществом. Но ставка была сделана не на них, а на среднее крестьянство. Главной гарантией кредитоспособности как всего товарищества, так и отдельных его членов объявлялась трудоспособность последних. Кредит должен был быть личным, мелким (как правило, размер ссуд не превышал 50—80 руб.), максимально приближенным территориально и краткосрочным (до 1 года).

Составители устава всячески стремились подчеркнуть демократический характер кредитной кооперации, выражавшейся, в частности, в равенстве паев, голосов (1 пай — 1 голос), ссуд. А.В.Яковлев по этому поводу писал: «Хотя ссудосберегательные товарищества в основаниях своих сходны с германскими кредитными ассоциациями, тем не менее в них отразилась одна черта, которая отличает их от германских и вносит в них колорит чисто местный, русский. Черта эта — безусловное равенство в правах членов на одинаковый кредит, вытекающие из особенностей распределения состоятельности в нашем сельском населении». Он объяснял это тем, что «в деревне, за исключением немногих богачей и известной части нищих, остальное население находится примерно на одном уровне. Необходимость открыть кредит большинству и гарантировать ему пользование кредитом от захвата кулаков и заставляет ввести одинаковый кредит для всех. Это и составляет коренное отступление от германского кредитного товарищества, где права членов на кредит изменяются сообразно нравственной и материальной оценке состоятельности их»²⁰. Несомненно, определенную роль в провозглашении и отстаивании этого принципа сыграли и уравнивательные настроения, свойственные патриархально-общинной традиции русской деревни, которые составители устава попытались учесть. Однако, как отмечал еще С.Н.Прокопо-

вич, практика показала нежизненность этой установки. Большинство товариществ под различными предлогами обходили этот пункт устава, сообразуясь именно с кредитоспособностью членов²¹. Тем не менее, формально необходимость определения кредитоспособности членов товариществ при выдаче ссуд была признана, как мы увидим, лишь спустя четверть века (Положение о мелком кредите 1 июня 1895 г.).

Учитывая разнообразие местных условий, в которых приходилось действовать товариществам, министерство финансов на основании «комитетского» устава и при участии представителей Петербургского Отделения Комитета в начале 1870-х гг. разработало несколько вариантов «образцового» устава. Так называемый первый министерский устав допускал ограничение ответственности членов по обязательствам товариществ в размере, равном десятикратному паю, лишал поручителей права на ссуду в размере поручительства. Второй министерский устав ограничивал число членов кооперативов (не более 300) и устанавливал размер ссуд пропорционально паевым долям. И, наконец, третий министерский вариант в качестве обеспечения ссуд допускал имущественный залог. В какой-то мере все эти варианты учитывали интересы зажиточных элементов населения, прежде всего городского (образцом в этом плане был устав Феллинской кассы) и представляли собой определенные отступления от попечительно-патриархального курса социальной политики правительства.

МОСХ, Комитет о сельских ссудосберегательных и промышленных товариществах и особенно его Петербургское Отделение стремились оказывать всяческую поддержку возникновению и становлению и других видов кооперации — потребительских обществ и различных артелей. Петербургское Отделение, игравшее координирующую роль в российском кооперативном движении, разрабатывало рекомендации для составления уставов отдельными кооперативами, делопроизводственные формы, рассылало анкеты и составляло на их основе сводные обзоры о состоянии кооперативного строительства. Были изданы несколько выпусков «Материалов об артелях» (М., 1875) и, в частности, специальный выпуск о потребительских обществах.

В уставах последних российскими кооператорами было также сделано немало отступлений от западных образцов, в том числе и весьма принципиальных. Исходными здесь являлись так называемые рочдельские принципы, исповедывавшиеся английскими кооператорами* — продажа товаров только за наличный расчет и по умеренным рыночным ценам, распределение прибыли между потребителями пропорционально их закупкам, равенство всех членов общества независимо от размеров пая, отчисление части прибыли на культурно-просветительные цели и взаимопомощь. Низкий

* Название идет от обществ потребителей рабочих-ткачей английского города Рочдейл, возникших в 1842—1844 гг.

уровень благосостояния населения, острая нехватка средств, слабое развитие торговой инфраструктуры заставили организаторов уже первых российских потребительных обществ внести в их уставы пункты, противоречащие рочдельским установкам и предусматривавшие возможность продажи товаров в кредит и часто по ценам ниже рыночных, выплату высоких дивидендов на паи и т.п., что крайне негативно сказывалось на финансовом состоянии кооперативов. В связи с отсутствием вплоть до конца 1890-х гг. типовых уставов практика потребительских обществ была весьма разнообразна, что во многом обуславливалось различными видами этих объединений. В целом же по своим особенностям российская потребительская кооперация была ближе к германскому варианту, для которого были характерны отступления от считавшихся классическими рочдельских принципов.

Усилия кооператоров-энтузиастов уже вскоре начали давать свои плоды. Численность кооперативов, особенно с начала 1870-х гг., быстро росла. В 1871—1877 гг. было разрешено 966 ссудосберегательных товариществ и касс. Инициативу МОСХ и его Комитета поддержали 67 губернских и уездных земств. В ряде губерний — Новгородской, Псковской, Тверской, Смоленской, Московской, Ярославской, Костромской, Владимирской — состоялись съезды земских деятелей по мелкому кредиту, земскими собраниями были приняты постановления о предоставлении товариществам займов. Почти половина возникших кооперативов (466) получили земские ссуды в основной капитал на сумму 437 тыс. руб. Была оказана им и организационная помощь: в правлениях и советах товариществ помещики и духовенство составляли до 25%, занимая, естественно, ключевые посты, на съездах же представителей ссудосберегательных товариществ присутствовали почти исключительно местные помещики. Не случайно этот период становления кооперативов назывался в литературе дворянским²². В 1876 г. Петербургское Отделение Комитета участвовало в международной кооперативной выставке и конгрессе, проходившем в Брюсселе, и получило медаль «за содействие устройству в течение четырех лет более 500 ссудосберегательных товариществ».

Поддержало кооператоров и правительство. Было удовлетворено ходатайство Петербургского Отделения от 25 февраля 1872 г. о разрешении Государственному банку кредитовать товарищества под векселя их правлений сроком до 9 месяцев и в размере пятикратной суммы паевого капитала. Само же Отделение получало от казны ежегодные субсидии в размере сначала 10—15 тыс., а затем 3 тыс. руб.²³ В 1883 г. его деятельность была удостоена «высочайшей» благодарности. Товарищества были освобождены от налогов и оплаты гербовых сборов. Местная администрация была привлечена к взысканию долгов заемщиков. К концу 1880-х гг. кредитные кооперативы были открыты в 295 из 500 уездов Европейской России и насчитывали около 270 тыс. членов. Общая сумма ссуд, выданных товариществами, составляла 226,5 млн руб. — сумма весьма значительная по тем временам²⁴.

Казалось, дело с насаждением ссудосберегательных товариществ и касс приобретает благоприятный оборот. Но со второй половины 1880-х гг. в развитии кредитной кооперации наступает спад. Значительная часть выданных ссуд фактически превратилась в долгосрочные и формально переписывалась от срока к сроку, в лучшем случае пополняя пустевшие кассы товариществ платежами процентов. Остро встал вопрос о недоимках, о сложностях, возникших при взыскании долгов по кредитам, что не могло не сказаться на притоке частных вкладов. Сказывались и последствия форсированного насаждения кооперативов, без достаточного учета подготовленности почвы для них. Еще в годовом отчете за 1874 г., в разгар учредительной кампании, секретарь Петербургского Отделения Комитета В.Н.Хитрово отмечал беспорядочный, случайный характер возникновения товариществ, «без ясного понимания членами их задач». Нередки были случаи, когда они устраивались «с затаенной целью воспользоваться ссудою из земства, которая тотчас же и разбиралась по рукам, как это произошло в 20 херсонских кооперативах. Имели место случаи, когда товарищества основывались кулаками с целью использовать ссуды для ростовщических операций»²⁵. Участились негативные явления в ведении кооперативных дел, неизбежные в период становления кооперативов. Посыпались обвинения в плутовстве, мошенничестве, растратах, подлогах, подтасовках в проведении общих собраний товариществ, использовании кооперативных ссуд в ростовщических целях, в том, что руководящие посты в правлениях и советах заняли кабатчики, трактирщики, лавочники, писари и т.п. Все это действительно имело место — и тогда, и позднее — и в значительной мере было обусловлено хозяйственной и культурной неподготовленностью населения. И хотя все же не этот негатив определял суть и лицо движения, он дал дополнительные мотивы и аргументы противникам как ссудосберегательных товариществ, так и кооперативов вообще.

Стремление перенести в Россию западноевропейский кооперативный опыт встретило немалое сопротивление и противодействие со стороны как части консервативно настроенных бюрократических и помещичьих, так и либеральных и народнических кругов. Критика в адрес ссудосберегательных товариществ прозвучала уже в ходе первых публичных выступлений «васильчиковцев». В частности, ожесточенным нападкам был подвергнут их коллективный доклад на заседании Петербургского собрания сельских хозяев в январе 1870 г. Идея внедрения в российскую деревню кредитных кооперативов была решительно отвергнута прежде всего на том основании, что ссудосберегательные товарищества разрушают общинные начала, приведут к ускорению имущественной и социальной дифференциации крестьянства, что российская деревня не готова к восприятию европейского опыта — более того, этот путь ей чужд. Потребность же в кредите, если уж он так необходим, вполне могут удовлетворить существующие сословно-общественные заведения, действующие на мирские капиталы и охватывающие сво-

ими операциями все крестьянство²⁶. И напрасно докладчики старались убедить собравшихся, что товарищества, на первых порах действительно призванные к объединению «самых здоровых, самых надежных сил народа», наиболее способных к производительному употреблению кредита, будут содействовать и общему подъему деревни, ее материального и культурного уровня, крестьянской предприимчивости, что запросы остальной, менее состоятельной и менее культурной части деревни, действительно, могут удовлетворяться сословными и различными филантропическими учреждениями — земскими, частными, государственными, что артельные и общинные традиции не противоречат, а, напротив, способствуют принятию деревней кооперативных начал самопомощи, самодеятельности, взаимной ответственности и т.п. Вместе с тем уже тогда для кооператоров-теоретиков становилось очевидным, что имея ряд сходных черт, община и кооперация имели и ряд еще более глубоких различий. Первая являлась сословным, фактически и юридически принудительным объединением, в то время как вторая представляла собой всесословный добровольный союз; для первой была характерна взаимопомощь, для второй — самопомощь через взаимопомощь; для первой была характерна тенденция к уравнительности, для второй — более свободные формы отношений, предполагавшие хозяйственную и гражданскую свободу и т.д. Все это не могло не развести сторонников кооперативного и общинного начала, и дискуссии на эту тему продолжались еще и в начале XX в. Причем нападки на кредитные кооперативы слева были, пожалуй, даже более настойчивые и жесткие.

Энтузиасты-народники продолжали попытки насаждения в деревне производственных артелей, блокируясь в этом отношении с определенными либерально-демократическими кругами. Известный политэконом А.А.Исаев пытался в ряде своих работ подвести теоретическую базу под «артельную» концепцию²⁷. «Отечественные записки», приветствуя в принципе появление ссудосберегательных товариществ, видели в них прежде всего лишь создание благоприятных условий для образования производственных артелей. «Ссудные товарищества, — писал автор одной из первых статей в журнале на эту тему (некто П.С-ский), — представляют сами по себе паллиатив, посредством их можно облегчить, но нельзя изменить положение рабочего народа в целой массе...»²⁸. В дальнейшем «Отечественные записки» становятся одним из основных противников самой идеи кредитных кооперативов, считая, что они только расчищают путь аграрному капитализму, а Петербургское Отделение критиковалось как «поборник русской буржуазии». «Почему нашим нынешним демократам не нравятся ассоциации, основанные с государственной помощью? — писал некто Г.З.Елисеев, нападая на принцип самодеятельности кооперативов. — Потому, что государственная помощь поднимет равномерно все крестьянское сословие, потому что она не даст ни фермеров, ни батраков для дворянских имений, потому что она не распустит, а скрепит и сделает цветущей русскую тысячелетнюю общину»²⁹.

Эти нападки на кооперативы и их инициаторов, как отмечал впоследствии один из видных теоретиков и практиков российской кооперации А.И.Чупров, стали немаловажным фактором отворачивания от товариществ «сочувствия образованных классов, без помощи которых не могло быть в первое время ничего сделано в этой области»³⁰. Дрогнули ряды самих пионеров-кооператоров. Ушел в науку В.Ф.Лугинин, перепоручив судьбу товарищества управляющему. С меньшим оптимизмом стал смотреть на возможности кредитной кооперации даже сам А.И.Васильчиков, отмечая отклонения в деятельности товариществ не только от формальных норм, но и от сущностных коренных оснований³¹. Стали терять к ним интерес и земства, стремившиеся получить обратно предоставленные им средства. Государственный банк, ссужавший товарищества, постепенно стал сокращать их кредитование. К середине 1890-х гг. его кредитом пользовались уже только 65 товариществ с долгом по банковским ссудам всего на 228 тыс. руб. С 1885 г. кредитные кооперативы были привлечены к уплате гильдейских пошлин. Затем они наравне с акционерными предприятиями были обложены дополнительным 3%-ным налогом на годовую прибыль. Сокращение кредитов и отмена льгот не могла не сказаться негативно на деятельности ссудосберегательных товариществ.

Так или иначе, в начале 1890-х гг. из 1494 товариществ, уставы которых были утверждены правительством, 220 так и не открыли своих действий, 550 были ликвидированы; из общего числа 507 тыс. членов — 114 тыс. выбыло добровольно, а 240 тыс. были исключены за неуплату долгов и другие нарушения устава³². К 1894 г. из 1510 разрешенных товариществ в наличии числилось только 764, причем более или менее регулярные отчеты доставляли только 662. Да и из них, видимо, около $\frac{1}{3}$ составляли заведения, действовавшие в городах. Причем наибольшее их число сохранилось и функционировало в районах с относительно зажиточным крестьянским населением, а также в местностях с развитыми промыслами и торговлей — на Юге, в Польше, Прибалтике, Северо-Западе, Поволжье, Сибири (в основном, в Томской и Тобольской губерниях). Среди благополучных кооперативов были и заведения с оборотами в сотни тысяч и даже миллионами рублей. Например, Винницкое ссудосберегательное товарищество, в которое на правах членов входили и городские торговцы и местные помещики. Андреевское товарищество Бердянского уезда Таврической губернии, возникшее весной 1880 г. с 22 учредителями, к середине 1890-х гг. насчитывало уже 2,6 тыс. членов, обороты его превысили 1 млн руб. Как отмечали наблюдатели, в результате активной деятельности кооператива в районе его влияния были вытеснены ростовщики, на отчисления от прибыли построены народная библиотека, на что израсходовано было 1000 руб., здание для народного училища и т.п.³³ Оставались «на плаву» товарищества, сумевшие расширить свои обороты и капиталы за счет кредитования зажиточных слоев деревни и города и привлечения дополнительных средств в виде вкладов, займов, платя по ним высокие проценты,

что удорожало кредит для заемщиков. Значительная часть таких заведений постепенно превращалась в учреждения типа обществ взаимного кредита, мало походившие на кооперативы, что, видимо, и послужило основанием для финансового ведомства лишить вообще все кооперативы налоговых льгот.

К 1893 г. ссудосберегательные товарищества объединяли 211 тыс. членов, собственные их капиталы не превышали 10,8 млн руб., займы и вклады — 12,3 млн руб., сумма ссуд составляла 18,3 млн руб.³⁴ Общих данных об использовании кредита заемщиками нет. В середине 1880-х гг. по данным Петербургского Отделения, примерно до 30% всех ссуд брались на торговые обороты, до 40% — на различные домашние нужды, до 20% — на сельскохозяйственные и до 10% — на непроизводительные расходы (свадьбы, похороны и т.п.). Средний размер ссуд не превышал 56 руб.³⁵ И хотя, несмотря на крайне неблагоприятные условия, в начале 1890-х гг. общая суммарная прибыль товариществ составила 891 тыс. руб., в целом следует признать, что и по абсолютным, а еще в большей степени по относительным показателям (к общему числу хозяйств, по размерам кредитов на заемщика, степени насыщенности учреждениями отдельных регионов и т.п.) российская кредитная кооперация к тому времени еще не заняла ни в деревне, ни в городе сколько-нибудь влиятельного положения. И это особенно бросалось в глаза при сравнении ее параметров с соответствующими данными передовых стран Запада. Так, в Германии уже в 1890-х годах насчитывалось почти 11 тыс. кредитных кооперативов с числом членов более 1 млн человек и с суммой кредита свыше 2 млрд руб., причем около половины этих заведений носили сельскохозяйственный характер. В Австрии в 1893 г. насчитывалось 2029 зарегистрированных кредитных кооперативов с числом членов более 700 тыс., а в Венгрии — 750 тыс. товариществ с почти 300 тыс. участников³⁶.

Несколько иная ситуация сложилась с потребительскими обществами. Как уже отмечалось, потребительская кооперация, также зародившаяся в 1860-х гг., первоначально была представлена неустойчивыми, спорадически возникающими и быстро распадающимися ассоциациями. Одним из первых крупных объединений было потребительское общество Кыновского завода в Пермской губернии, возникшее в 1864 г. (устав утвержден был 6 лет спустя) и объединявшее первоначально заводских служащих, к которым затем присоединились и рабочие. Общество имело лавку и действовало на договорных началах. Но еще в 1876 г. из 2,5 тыс. рабочих и служащих завода в обществе состояло лишь 53 человека, а к началу 1890-х гг. — менее 100 человек. Формально же первым официально основанным потребительским кооперативом было Рижское потребительское общество, устав которого был утвержден в 1865 г. Инициаторами и первыми участниками кооператива были прибалтийские немцы, а устав был фактически скопирован с устава Штутгартского потребительского общества. В следующем году возникло уже 7 обществ — Ревельское, Петербургское («Бе-

режливость»), Дерптское, Псковское, Харьковское, Перновское, Митавское. В 1867 г. утверждено было 6 уставов, в 1868 г. — 23, в 1869 — 22, в 1870 г. — 13. Петербургское Отделение Комитета о сельских ссудосберегательных и промышленных товариществ попыталось оказать содействие нарождавшемуся движению. Проводится опрос о состоянии и нуждах потребительских обществ, разрабатывается и издается «образцовый устав» со вступительной статьей известного публициста С.Н.Кривенко. Предпринимается даже попытка издания специального журнала «Русское потребительное общество» (1870 г.).

Но, несмотря на все усилия, в кооперативном строительстве наступает спад, продолжавшийся почти до середины 1880-х гг. За это время были разрешены всего 44 общества, часть из которых так и не открыла свои действия. Большинство из 76 существовавших в 1860—1870-х гг. обществ были городскими — 72 (причем 43 из них действовали в губернских городах), лишь 2 общества возникли в заводских районах и 1 — в сельской местности³⁷. Из них к концу 1890-х гг. действовали лишь 5 (Кыновское, Николаевское «Сбережение», Спасо-Затонское в Казани, Варшавское «Меркурий» и Полоцкое «Согласие»). Потребительская кооперация этого времени, да и долгое время спустя, носила отчетливо выраженный городской и интеллигентский по составу участников характер. Широкие слои населения почти не принимали в ней участия. Состав участников потребительских обществ был первоначально таков, что мало кто из их членов был заинтересован в них экономически и мог придать им прочный характер. Это были или люди, бескорыстно увлеченные самой идеей кооперации, но мало к ней подготовленные, не имевшие элементарных навыков практической деятельности, или, наоборот, рассчитывавшие получить быстрые и без приложения каких-либо усилий барыши. Во главе обществ часто стояли предводители дворянства, председатели земских управ, городские головы и исправники. Большинство же членов были людьми состоятельными, которые участвовали в этом эксперименте из желания приобщиться к какой-либо общественной деятельности или даже просто под влиянием моды.

Но вместе с тем среди инициаторов потребительской кооперации были и известные ученые и общественные деятели — экономист, профессор Московского университета А.И.Чупров, ставший одним из учредителей первого Московского потребительского общества, публицист С.Н.Кривенко, бывший декабрист И.И.Горбачевский, принявший участие в создании потребительского общества на Петровском заводе в Забайкалье, киевский профессор политэкономии Н.И.Зибер, казанский профессор гигиены А.И.Якоби, харьковские кооператоры А.А.Бриллиантов, Н.П.Баллин, В.С.Козлов, академик Н.Н.Бекетов и др.

Пожалуй, наиболее яркой фигурой среди них был Н.П.Баллин (1829—1904 гг.), принадлежавший к числу энтузиастов и даже фанатиков кооперативной идеи. Окончив Училище правоведения, он

вскоре бросает службу, переезжает в Харьков и с головой уходит в общественную работу. В 1869 г. он посетил Германию, Англию, Бельгию и Францию, где ознакомился с деятельностью ряда кооперативов, принял участие в кооперативном конгрессе в Лондоне. Результатом этой поездки были попытки создания ряда кооперативных заведений в России. Увлекающийся, захваченный идеей кооперативного переустройства общества, но, к сожалению, не имевший сколько-нибудь глубокой экономической подготовки, он тем не менее стал инициатором очень многих кооперативных начинаний — кооперативного издательства Харьковского потребительского общества, агентства по распространению швейных машин, кооперативного завода по производству минеральных вод, кооперативных булочной, кофейной, столовой. Он первый попытался провести съезд представителей потребительских обществ для организации оптовых закупок, установить связи с заграничным кооперативным рынком, выпустил «Первую памятную книжку русских потребительских обществ» (1870 г.), содержащую сводку сведений о кооперативах. К сожалению, эти начинания не были поддержаны и вскоре заглохли. Прямым указанием К.П.Победоносцева в 1886 г. Н.П.Баллину было запрещено чтение лекций по кооперации. Дело кончилось одним лишь запрещением чтения лекций только потому, что попечитель учебного округа характеризовал его как сумасшедшего.

Другим видным кооператором, работавшим на этой же ниве, был В.С.Козлов (1842—?). Будучи выходцем из состоятельной помещичьей семьи, он побывал в нескольких университетах, в 1861 г. за участие в студенческих беспорядках был арестован, потом служил в армии и, наконец, нашел себя в кооперативной деятельности. Участвовал в организации потребительского общества в Харькове, затем в Петербурге. На кооперацию он смотрел очень широко, настаивая, чтобы она не только стремилась к облегчению материального положения широких народных масс, но и заботилась об удовлетворении их духовных нужд. Готовя вместе с Баллиным съезд потребительских кооперативов, он провел опрос 21 общества и на основе собранных материалов издал «Карту русских потребительских обществ».

Спад, затронувший и потребительскую кооперацию, привел к временному сокращению численности обществ. В чем-то причины были общие: низкий материальный и культурный уровень населения, неподготовленность его и несознательность основной массы членов, дефицит кадров руководителей, недостаток средств и несовершенство уставов. Нарушение рочдельских принципов было обычным явлением — пай зачастую был слишком высок, что ограничивало приток членов в общества, продажные цены на товары, как правило, были ниже рыночных, что вело к банкротству заведений, нередко продажа осуществлялась в кредит, неправильно распределялась прибыль (дивиденд на капитал был высок, а распределение доходов осуществлялось исключительно по внесенным средствам, а не по забору продуктов и т.п.). Положение усу-

гублялось нараставшим равнодушием членов к делам обществ, бесконтрольностью правлений, ведущей к злоупотреблениям в ведении дел, отсутствием деловых навыков у руководителей, запущенностью делопроизводства и счетоводства и т.п.

Но уже с середины 1880-х гг. наблюдается некоторый рост численности потребительских обществ. Казалось, что кризисная ситуация начинает благополучно разрешаться. Но если внимательно посмотреть на состав новых заведений, то обнаружится, что большая часть их возникает при фабрично-заводских предприятиях и правлениях железных дорог и связана с попытками предпринимателей смягчить обострившийся рабочий вопрос. По инициативе владельцев и управляющих учреждаются потребительские общества, в которых, наряду с рабочими, членами становились служащие и сама администрация, являвшаяся зачастую едва ли не главным пайщиком. Все руководящие рычаги в таких заведениях находились в руках владельцев. Побудительными мотивами для последних при учреждении обществ служили уже не столько филантропические или благотворительные соображения, а, как правило, трезвый материальный расчет: прибыль в таких квази-кооперативах распределялась, главным образом, по вложенному капиталу, дивиденд на который достигал 20%, а выдача на паи доходила до 50%, что делало уже само по себе такое вложение средств весьма выгодным. Помимо прямых доходов, администрация имела возможность удерживать жалованье рабочим в возмещение их заборов в лавках, оттягивать расплату с обществом и пускать в оборот средства, достигавшие иногда десятков тысяч рублей. Все это ставило общества в зависимость от хозяев предприятий и давало возможность удерживать заработную плату рабочих на низком уровне.

Как бы то ни было, в 1880-х гг. возникло 157 новых потребительских обществ. В целом движение сохраняло свои прежние черты. По-прежнему преобладали фабрично-заводские общества (73), хотя общегородские объединения уже почти догоняют их по численности, причем около 17% последних составляли чиновничьи и офицерские ассоциации. Быстро растет численность железнодорожных обществ, по своей структуре и характеру деятельности близких к фабрично-заводским: та же первенствующая роль администрации и служащих, те же высокие дивиденды на паи, та же зависимость от начальства. Но уже появляются и первые сельские потребительские общества — примерно 20% от вновь зарегистрированных³⁸. Ростом общей численности потребительских кооперативов отмечено и начало 1890-х гг.: к середине десятилетия возникло около 300 обществ. Правда, в значительной мере это было связано с катастрофическими неурожаем и голодом 1891—1892 гг., для преодоления последствий которых и земства, и власти использовали все возможные средства, в том числе и усиленное насаждение разного рода кооперативов как для распределения выделенных на эти цели вспомоществований (ссуд, кредитов, продовольствия и т.п.), так и с целью мобилизации средств населения. В целом же, как и кредитная кооперация, потребительские общества

в это время еще не стали сколько-нибудь заметным фактором в социально-экономической жизни города и деревни.

Как уже отмечалось, внимание кооператоров-общественников, особенно народнической ориентации, привлекали и различного рода традиционные ассоциации — трудовые, складочные, сбытовые, сырьевые, промысловые артели и товарищества, временные и более или менее постоянные, действовавшие на основе обычного права или договорных отношениях. Такие примитивные артельные формы объединений, делившие между их участниками продукты труда или общий заработок, существовали не только в России, но и на Западе. Правда, там они все более вытеснялись капиталистическими и кооперативными предприятиями. В России же они во множестве продолжали существовать вплоть до начала XX в., а артельные традиции поддерживались и властями, и кооператорами, которые старались так или иначе вдохнуть в старые традиционные ассоциации кооперативные начала.

С начала 1860-х гг., не в последнюю очередь под влиянием идей Н.А.Добролюбова и Н.Г.Чернышевского, возникает ряд промысловых артелей и товариществ в Петербурге, Одессе, Харькове — столяров, башмачников, переплетчиков, швей, тряпичников и т.п. Целью их была закупка оптом материалов, прием и распределение заказов, сбыт продукции, для чего устраивались или арендовались склады, магазины. Члены таких артелей, как правило, не имели достаточных средств, и необходимый паевой капитал образовывался из частных займов и ссуд. С середины 1860-х гг. промысловыми артелями заинтересовались земства, на ссуды которых возникли десятки и сотни смолокурных, кузнечных, сапожных, гвоздильных, молочных, сыроваренных и т.п. артелей, товариществ. Особой активностью в этом плане выделялись тверское, ярославское, олонекское, смоленское земства. Царевококшайское уездное земство в 1880—1893 гг. оказало пособия 725 лесорубочным, 432 смолокурным и 125 щепным артелям. Земства брали на себя не только расходы по выдаче ссуд, но и сбыт артельной продукции, а часто и закупку необходимых материалов. Вскоре, однако, вскрылся фактически фиктивный характер большей части таких ассоциаций, члены которых ставили целью просто получение ссуд; растратив их, они были уже не в состоянии вернуть кредиты³⁹.

Особый резонанс в кооперативной среде этого времени получили попытки Н.В.Верещагина (1839—1907 гг.) насадить в России маслодельное и сыроваренное производства. Брат известного художника В.В.Верещагина, он кончил Морской кадетский корпус, был вольнослушателем Петербургского университета. Накануне реформы 1861 г. вышел в отставку и некоторое время служил мировым посредником в Череповецком уезде Новгородской губернии, пока не увлекся артельными идеями как наиболее привлекательной альтернативой «капиталистическим уродствам» Запада. В 1865 г. уехал в Швейцарию, где изучал сыроваренное производство и познакомился с деятельностью и уставами различных коопера-

тивов. В октябре 1865 г. ВЭО рассмотрело его предложение «ввести сыроварение в круг крестьянского хозяйства» и постановило оказать ему денежную помощь. Сумма была небольшой, и ему пришлось едва ли не собственными руками начинать дело. Поселившись с женой в заброшенной пустоши Александровке, близ Твери, он выстроил там первую сыроварню и вскоре убедил окрестных крестьян образовать сыроваренную артель. Через два года число артелей перевалило за дюжину. В Петербурге усилиями Н.В.Верещагина был открыт склад артельных сыроварен под надзором Тверского земства. Теперь он уже работал с помощником — тоже бывшим моряком В.И.Бландовым, прошедшим стажировку в Голландии и обосновавшимся в Ярославской губернии, где, заручившись содействием местного земства, образовал несколько артелей. В Москве Бландов тоже организовал склад продукции артелей. В 1871 г. Верещагин на правительственные и земские субсидии учреждает в с.Едимоново Тверского уезда школу молочного хозяйства, которую за 25 лет окончило более тысячи человек. В школе учили делать сгущенное молоко, чеддер, бакштейн, французский, голландский, швейцарский и эдемский сыры, сливочное масло. Вскоре филиал школы был открыт в с.Кирино Ярославской губернии.

Всего же за 1866—1872 гг. усилиями Верещагина и его учеников в Тверской, Новгородской, Петербургской, Ярославской, Архангельской, Вологодской, Вятской губерниях было организовано около 40 артельных сыроварен и маслодельных заводов, оборудованных новейшими сепараторами Г.Лавалья. Вскоре он становится широко известным и в правительственных, и в земских, и в кооперативных кругах. Став членом Петербургского Отделения Комитета о ссудосберегательных и промышленных товариществах, он вместе с А.И.Васильчиковым ратует за кооперативы. По предложению Д.И.Менделеева, поддержавшего грандиозный замысел Верещагина по развитию скотоводства и подъему на этой основе северных губерний и Сибири, ВЭО присудило автору идеи золотую медаль; медалью МОСХ было отмечено участие Верещагина в ряде выставок; его деятельность отметило правительство, наградив его орденом св.Анны. Он стал членом руководства МОСХ, возглавив Комитет скотоводства. Наконец, он добился разрешения на молочные ссуды от Государственного банка под векселя поручителей⁴⁰.

Казалось, дело набирало обороты. Но уже с середины 1870-х гг. Верещагинские артельные начинания получают неожиданный на первый взгляд поворот. Одна за другой крестьянские сыроваренные и маслодельные артели вдруг начали закрываться. К 1876 г. из 13 тверских сыроварен уцелели только 3, а к 1890 г. — 141. Среди причин назывались техническое несовершенство производства, нехватка руководителей и квалифицированных мастеров (многие из выпускников едимоновского училища уходили на государственную службу и частные предприятия), отсутствие достаточных средств, сложности с транспортировкой готовой продук-

ции, но главное — низкий материальный и культурный уровень крестьян, беспородность и худосочность крестьянского скота, низкие удои коров, грязь, фальсификация молока. Во главе артелей часто оказывались местные помещики, которые постепенно вытесняли крестьян из артельного производства. В результате многие артельные сыроварни, маслодельные заводы и склады преобразовывались в частные предприятия, которые и сосредоточивали квалифицированных мастеров и организаторов производства. Многие недавние помощники Верещагина уходили на государственную службу или основывали собственное дело. В частности, открыл собственное дело В.И.Бландов, ставший вскоре миллионером.

Земства, стремясь помочь бедным, малолощадным или вообще утратившим рабочий скот крестьянским хозяйствам, пытались использовать кооперативные начала при организации временных объединений для совместной обработки наделов по типу таких старых форм как супруга. Последняя особенно широко была распространена в южных губерниях, где, по наблюдениям земских статистиков, таким способом обрабатывали наделы до 50% всех крестьянских хозяйств⁴². Земства выдавали ссуды образовывавшимся артелям или предоставляли в их распоряжение лошадей, орудия вспашки, семена. Каждый член такой артели имел возможность использовать поочередно рабочий скот и инвентарь на своем наделе. В то же время артельщики обязывались производить на части земли артельную запашку. Каждая такая артель имела попечителя — из учителей, писарей, хозяйственных крестьян, которые наблюдали за исполнением артельщиками своих обязательств. Такая форма поддержки малосостоятельных хозяйств также была в значительной мере обусловлена неурожаем 1891—1892 гг. Так, именно для преодоления его последствий было образовано в Шадринском уезде Пермской губернии 80 таких артелей, в Екатеринбургском уезде — 25, в Камышловском — 3, каждая из которых объединяла от 4 до 10 хозяйств. Судьба их была плачевна. По обследованию 1896 г., из предоставленных им земствами 153 лошадей, уход за которыми возлагался на артельщиков, пало в Шадринском уезде 24%, в Екатеринбургском — 35% рабочего скота — в основном от непосильной работы и недокорма⁴³. В Херсонском уезде это начинание, инициатором которого был известный земский агроном Н.В.Левитский, продержалось несколько дольше, но к 1900 г. и они также исчезли. Как справедливо отмечал С.Н.Прокопович, в лучшем случае это была «кооперативная форма организации труда, но не кооперативное предприятие», которое к тому же целиком зависело от посторонней помощи⁴⁴.

Несколько иного рода образованиями являлись артели, создававшиеся крестьянами для совместной обработки не только надельной, но и арендованной земли. Так, в Вятской губернии в Сарапульском уезде крестьяне, взяв в аренду землю у местного помещика, разделили ее на крупные участки, которые передавались для обработки артелям-товариществам из 10 домохозяев. Здесь земля не делилась — разделу подлежал лишь урожай⁴⁵. Забегая не-

сколько вперед, отметим, что товарищества по совместной обработке земли, не будучи многочисленными, все же оказались более живучими. В д. Шуваевской Слободского уезда подобная артель, образовавшаяся для совместной обработки надельной земли, собирала сообща и делила урожай по паям (полный пай на взрослого члена и по 1/3 пая на детей и подростков), причем часть хлеба откладывалась для продажи, а вырученные средства шли на уплату податей и наем пастуха для общественного стада. Впоследствии артель увеличила общую запашку вдвое, купила молотилку и селяку. При этом каждое хозяйство сохраняло самостоятельность: скот и огороды — индивидуальные, хлеб, полученный после раздела артельного урожая, каждый хранил отдельно и распоряжался по своему усмотрению⁴⁶.

Известны случаи, когда артельная форма охватывала не только сферу производства, но и потребления. В д. Малые Светлицы Новгородской губернии артель, возникшая для совместной обработки земли, затем расширила свою деятельность, устроив общий скотный двор, сообща удобряла поля, сеяла хлеб, травы, устроила артельную пекарню, столовую⁴⁷. Этот тип ассоциаций представлял собой нечто промежуточное между кооперацией и общиной. Последняя, как известно, тоже эволюционировала, приобретая порой в отдельных сферах общественной жизни кооперативные формы деятельности. В частности, существовали общинные маслодельные заводы, мельницы, кабаки, мелочные лавки и т.п. Общины использовали их как доходную статью, осуществляя прямое заведование ими или сдавая их в аренду, распределяя доход по душам. В Пермской губернии, например, существовали несколько общинных лавок, которые обслуживали всех членов сельского общества. Нередко общины делали вклады из мирских сумм в сельские ссудосберегательные товарищества, получая доход в виде процентов с этих капиталов⁴⁸.

Среди многочисленных различного рода ассоциаций ремесленников и кустарей возникали, обычно при содействии земств и местных властей, промысловые, сырьевые, складские, сбытовые и т.п. артели и товарищества. С 1872 по 1895 г. было утверждено 33 устава таких товариществ⁴⁹. География их была достаточно обширна. Так складочные товарищества столяров были учреждены в Казани, Харькове, Саратове, Петербурге, Туле. Среди такого рода ассоциаций была и известная Павловская артель по производству ножей и скобяных изделий. Возникшая еще в 1873 г. при поддержке министерства финансов, ассигновавшего 30 тыс. руб., она под руководством местного технолога Зернова осуществляла оптовые закупки железа на ярмарках, организовала склад для сбыта артельных изделий в Москве. Но тогда артельщики не смогли в полной мере приспособиться к запросам рынка, а с устранением руководителя артели (высланного по политическим мотивам) она уже в 1877 г. распалась. Но, видимо, потребность в объединении у кустарей была, и в 1890 г. под руководством известного кооперативного деятеля А.Г.Штранге, также добившегося получения ар-

тельно фактически беспроцентной ссуды и сумевшего организовать сбыт товара в Москве, Петербурге, Ростове Великом, она возродилась, и со временем ее изделия получили широкую известность.

Наконец, в пореформенные годы возникли и действовали различные производственные артели рабочих на промышленных предприятиях, в основном на горных, металлургических и металлообрабатывающих заводах. С 1867 г. существовала рабочая артель на казенном Нижнетурином заводе, изготавливавшая ударные трубки для артиллерийского ведомства. Артель выполняла заказы ведомства из заводского материала и на заводском топливе. Просуществовав около 10 лет, артель самоликвидировалась⁵⁰. На подобных же началах было организовано производство пушечных лафетов на механической фабрике в Екатеринбурге. Правда, здесь артельщики, арендовавшие цеха, могли брать и различные частные заказы, платя администрации 6% за пользование машинами. Артели рабочих существовали на ряде уральских горных заводов — Кувшиновском, Нейво-Алапаевском, Нейво-Шайтанском, Нижне-Турином, Михайловском, Бисертском, Верхне-Турином, занимаясь выплавкой чугуна, выделкой кричного и болваночного железа и т.п. Рабочие артели действовали и на частных заводах — вагоностроительных и стеклянных заводах С.И.Мальцева, Сормовских машиностроительных. Заработная плата в этих артелях распределялась в зависимости от квалификации, рода работ, в виде надбавок к цеховым оплатам и т.п. Фактически подобного рода ассоциации также представляли собой скорее кооперацию труда, чем кооперативные предприятия. Руководящая роль в них и в организации всего производственного процесса фактически принадлежала заводской администрации. Спорадически возникая и распадаясь, такие артели тем не менее просуществовали вплоть до начала XX в., питая надежды деятелей народнической ориентации на организацию «народного производства».

Общие итоги: причины неудач и первые успехи

Причин слабости кооперативного движения в России в первые пореформенные десятилетия было немало — как объективных, так и субъективных. Как уже отмечалось, сами кооператоры объясняли свои неудачи рядом факторов — неподготовленностью населения к самостоятельности, его низким материальным и культурным уровнем, отсутствием должного числа подготовленных руководителей, недостаточным контролем за деятельностью кооперативов, затруднениями при взыскании задолженности среди заемщиков, различными недостатками уставов и положений, не всегда учитывавших региональную специфику и т.п. Все это действительно имело место. Но в основе этих негативных явлений были причины более глубокого порядка.

В результате проведенных преобразований огромная масса мелких производителей оказалась неприспособленной к переходу на свободные рыночные, товарно-денежные отношения и быстро

нищала. Государство выкачало из деревни в виде выкупных платежей, налогов и повинностей огромные средства. Чрезмерные платежи превышали доходность подавляющего большинства крестьянских хозяйств, что делало невозможным сколько-нибудь правильное их ведение и являлось причиной деловой пассивности крестьянства и его равнодушия к кооперативным начинаниям. Интенсивно развивая индустрию и железнодорожный транспорт, правительство не уделяло должного внимания местным промыслам, мелкой и средней промышленности, а покровительственные таможенные тарифы чрезмерно повышали цены на внутреннем рынке, ложась дополнительным грузом на бюджеты основной массы сельского и городского населения. Ситуация усугублялась последствиями мирового аграрного кризиса, приведшего к падению почти на треть цен на хлеб, что обрекало деревню на хронический денежный дефицит. Да и сам уровень товарно-денежных отношений был еще сравнительно невысок. Форсированное насаждение либеральной интеллигенцией и земствами кредитных, потребительских, снабженческо-сбытовых и производственных кооперативов носило в значительной мере искусственный характер. Это признавали и сами кооператоры, и дореволюционные исследователи. «Возникновение русской потребительской кооперации 50 лет тому назад не имело никаких корней в условиях тогдашней экономической и общественной жизни», — писал в год полувекового юбилея российского кооперативного движения журнал «Союз потребителей». По наблюдениям А.Е.Кульжного, одного из активных деятелей и организаторов кооперативного кредита, русская деревня еще и к концу XIX в. «еще только начала пробуждаться от сна натурального хозяйства». «Потребность в оборотном капитале, — отмечал он, — ощущалась крайне слабо, производительный кредит не имел еще достаточной почвы»⁵¹.

Ситуация усугублялась правовой несостоятельностью огромной массы мелких производителей, особенно крестьянства с его словной обособленностью, засильем общины и административно-полицейской опекой. Правительство упорно придерживалось патриархально-попечительного курса в отношении крестьян. С одной стороны, были ликвидированы такие наиболее вопиющие пережитки крепостничества как временно-обязанное состояние бывших помещичьих крестьян (1881—1883 гг.), подушная подать (1887 г.), учрежден Крестьянский банк (1883 г.), неоднократно отсрочивались и даже слагались безнадежные недоимки по выкупным платежам. Пытаясь бороться с ростовщичеством, правительство 24 мая 1893 г. издало закон, установивший предельный размер роста по ссудам 12% годовых, оговорив при этом условия, которые должны были не допустить разорения должника⁵². С другой стороны, власти, стремясь не допустить разложения и обнищания деревни, всячески поддерживали старые сословно-патриархальные институты, что оказывало прямо-таки губительное воздействие на кредитные кооперативы. Так, закон от 18 марта 1886 г., рассчитанный на укрепление патриархальных начал крестьянской семьи,

значительно затруднил семейные разделы, обрекая, с одной стороны, на полное имущественное бесправие значительную часть наиболее дееспособного населения, а с другой — ограничивая и свободу распоряжения имуществом главы семьи, рассматривая его лишь как представителя семейного хозяйства. Законы 8 июня и 14 декабря 1893 г., имевшие целью укрепить общину и воспрепятствовать дроблению крестьянских наделов, еще более ограничили права крестьян в распоряжении своей недвижимостью. Теперь досрочный выкуп надельной земли разрешался только с согласия общины, а выкупленная земля могла быть продана только в крестьянские же руки. Залог наделов, даже выкупленных, был полностью запрещен. Наконец, закон 12 июля 1889 г. отдавал крестьянское сельское и волостное управление в полное подчинение земским начальникам, под контролем которых находились и все виды сельских кооперативов⁵³. Периодические переделы земли, чересполосица, принудительные севообороты и т.п., являвшиеся неизбежными спутниками общинного землевладения и землепользования, препятствовали рационализации крестьянского хозяйства. Многочисленные правовые ограничения сковывали крестьянскую хозяйственную инициативу, самым прямым образом сказывались на деятельности кооперативов. В частности, существовавшие ограничения в распоряжении крестьянским имуществом — не только надельной землей, но и движимостью — оказывались существенным тормозом в становлении кредитных кооперативов, подрывая систему обеспечения ссуд. Наиболее распространенной формой обеспечения кредита была личная кредитоспособность заемщика, причем не столько хозяйственная, сколько потенциальная, определявшаяся его «трудоспособностью», прилежанием, нравственными его достоинствами и т.п., а также поручительством со стороны «надежных хозяев», что значительно удорожало кредит. В качестве залога под обеспечение ссуд допускались только приобретенный инвентарь, излишки сельскохозяйственной продукции и домашней утвари. Но и здесь решающая роль при определении той части имущества, которая могла быть продана за долги, принадлежала местной администрации, которая, руководствуясь фискальными соображениями, часто отказывала кредитным учреждениям, кредиторам в принудительной продаже имущества неисправных заемщиков.

В тяжелом положении в условиях продолжавшегося процесса первоначального накопления оказались и рабочие, большую часть которых составляли те же крестьяне-отходники и недавние выходцы из деревни. Задавленные нуждой, бесправные перед лицом властей и предпринимателей-хозяев, они были не в состоянии создать собственные, самостоятельные объединения. Созданные на некоторых предприятиях и железных дорогах потребительные общества чаще всего служили средством дополнительной эксплуатации рабочих или обслуживали весьма узкий слой служащих.

Попечительный характер правительственной политики, стремившейся к социальной, имущественной нивелировке населения,

особенно сельского не мог не сказаться на общем отношении к кооперативным учреждениям. Местные власти и значительная часть помещиков-земцев, а также интеллигенты-народники, усмотрев в кооперативной пропаганде и деятельности ссудосберегательных товариществ и потребительских обществ угрозу общине и опасаясь усиления социальной дифференциации деревни, часто не только не оказывали поддержки, но и прямо препятствовали возникновению кооперативов, отдавая предпочтение сословно-общественным заведениям мелкого кредита или традиционным артельным объединениям. Эта позиция получала и теоретическое обоснование. В частности, А.И.Герцен считал артель «подвижной общиной», «работничьей ассоциацией», являвшейся «в то же время и мостками между городом и деревней, между двумя ступенями развития»⁵⁴. Более трезво оценивавшие природу таких артелей теоретики кооперации, рассматривавшие их как простое кооперирование трудовых усилий их членов, не видели перспективы для развития таких ассоциаций. Это отмечал еще в начале 1880-х гг. известный земский статистик Ф.А.Щербина, считавший, что по мере развития капиталистических отношений артельные начала вытесняются капиталистическим наймом. «Капитал и капиталистические тенденции дают на них извне и разрушают их изнутри», — писал он⁵⁵. Позднее С.Н.Прокопович отмечал, что пока артель работает для удовлетворения нужд семьи в продуктах или деньгах, она остается самостоятельной, с развитием же работы на рынок «артель превращается в коллективно-сдельную форму найма». «В современном капиталистическом обществе артель уцелевает в расщелинах капиталистического мира, — писал он, — т.е. в тех уголках его, куда не успел еще проникнуть капитализм»⁵⁶. Но таких «расщелин» в пореформенном российском обществе оставалось еще немало, и артели, в том числе и заводские, сохранялись вплоть до начала XX в., давая аргументы и народническим теоретикам, и земствам, и властям.

Сказывалась на кооперативном движении и противоречивость правительственной политики. Власти с самого начала весьма настороженно отнеслись и к пропаганде кооперативных идей, и к попыткам насаждения «народных ассоциаций», усмотрев в них опасность для государственных устоев. Первоначально уставы кооперативов подлежали утверждению высшим правительственным органом — Комитетом министров и публиковались в «Собрании узаконений и распоряжений правительства», т.е. имели фактически силу закона. Постепенно, по мере роста численности ассоциаций «для облегчения порядка их открытия» утверждение уставов и разрешение на открытие деятельности было передано министрам, и все кооперативы были переподчинены соответствующим ведомствам: потребительские общества с 1862 г. были переданы в ведение Министерства внутренних дел, различные сельскохозяйственные общества и товарищества с 1866 г. находились в ведении Министерства земледелия и государственных имуществ, кредитные кооперативы указом от 21 марта 1869 г. переподчинялись Минис-

терству финансов, которому несколько позднее, с марта 1885 г., были переданы кустарные и ремесленные артели. В результате сложилась ведомственная система подчинения кооперативов, сохранявшаяся фактически до 1917 г.

За деятельностью кооперативов был установлен жесткий надзор. Положением от 22 июля 1866 г. губернаторам «в видах охранения общественного благоустройства и государственной безопасности» вменялось «закрывать своей властью собрания разных частных обществ, клубов и артелей в случае обнаружения в них чего-либо противного государственному порядку и общественной безопасности и нравственности, доводя однако при этом о сделанном распоряжении до сведения министерства внутренних дел и подлежащего центрального ведомства по принадлежности». Изданный 27 марта 1867 г. указ еще более ужесточал кары в отношении «обществ, в деятельности которых администрация усматривала вредные цели и противозаконные действия и к которым относились различные товарищества, кружки и артели, уклонившиеся от заявленных в уставах целей. Эти узаконения вошли в Устав о предупреждении и пресечении преступлений (ст. 116 и 118) и в Общее учреждение губернского (ст. 321) и были исключены из «Свода законов Российской империи» только в 1906 г. Положением от 12 июля 1889 г. фактически все сельские кооперативные учреждения были подчинены также надзору земских начальников. Фактически это означало, что местной администрации предоставлялось право закрытия и преследования всех общественных организаций и объединений по собственному усмотрению, что получило отражение в типовых и «нормальных» уставах и также сохранялось вплоть до 1917 г. Таким образом, едва ли не с самого начала кооперативное движение находилось как бы под подозрением в политической неблагонадежности, а в деятельности кооперативов априорно усматривались различного рода корыстные и едва ли не преступные устремления.

Материальная поддержка кооперативов властями также отличалась непостоянством. После нескольких лет благосклонного отношения к нуждам кооперативов (кредит Государственного банка, поддержка Комитета о сельских ссудосберегательных и промышленных товариществах, участие в разработке типовых уставов и т.п.) наступил период охлаждения и даже преследования кооперативов местной администрацией. До 1885 г. кооперативы были освобождены от всех налогов и сборов. С этого года они были привлечены к уплате гильдейских пошлин, а позднее наряду с акционерными предприятиями были обложены дополнительно 3%-м налогом на годовую прибыль и обязаны были публиковать свою отчетность в «Вестнике финансов». Правда, вскоре по ходатайству Комитета о сельских ссудосберегательных и промышленных товариществах от последней повинности они были освобождены, как и от уплаты некоторых гербовых сборов⁵⁷. Но в целом правовое и материальное положение кооперативов оставалось весьма тяжелым. С середины 1890-х гг. под влиянием менявшихся социально-

экономических условий, а затем под воздействием и нарастающей в стране кризисной ситуации и социальной напряженности позиция правительства в отношении кооперативов вновь меняется. Активизируется и кооперативное движение, к руководству которым приходят новые люди. Закладываются основы для развертывания в стране массового кооперативного строительства.

В целом за пореформенное тридцатилетие Россия продемонстрировала достаточно широкий и разнообразный спектр различных форм и типов ассоциаций мелких производителей — от крестьянских сословно-общественных заведений до всесословных кооперативных предприятий, охватывавших важнейшие стороны хозяйственной деятельности как городского, так и сельского населения. Кооперативные идеи Запада нашли живейший отклик в российских общественных кругах — прежде всего среди дворянской интеллигенции и либеральных земцев. Пионеры российской кооперации творчески подошли к использованию западного опыта, пытаясь адаптировать его к социально-экономическим и политическим условиям страны. Вполне понимая последствия ее отсталости, они тем не менее рассчитывали, что общинные и артельные традиции на первых порах помогут преодолеть трудности, неизбежно встающие при внедрении качественно новых ассоциаций. Заручившись содействием властей и ряда земств, они сумели мобилизовать для поддержки насаждаемых кооперативов сравнительно крупные по тем временам средства, разработать и проверить на практике эффективность различного рода уставов, создать типовую кооперативную документацию, заинтересовать и привлечь к руководству кооперативами представителей так называемых «образованных классов». Был накоплен определенный организационный и практический опыт деятельности различных ассоциаций, проведены первые региональные съезды кооперативных деятелей. Причем примеры успешной деятельности ряда кооперативов позволили как подтвердить общие теоретические установки, так и внести в них необходимые коррективы, наметить некоторые перспективные направления дальнейшей деятельности по развертыванию кооперативного строительства. И, наконец, отчасти удалось поколебать и настороженное отношение населения к новым начинаниям. Широкая пропаганда кооперативных идей и кооперативного опыта также начала давать свои плоды, привлекая внимание к кооперативным проблемам широких слоев общественности и властей.

Примечания

¹ См: Исторический обзор и современное положение учреждений мелкого кредита в России в связи с предположениями о мерах к их развитию // Вестник финансов, промышленности и торговли. СПб., 1902. № 21. С. 315—317; Корелин А.П. Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX — начале XX вв. М., 1988. С. 86—97.

² Бабст И.К. Несколько слов о городских банках и вспомогательных кассах // Записки Казанского экономического общества. Казань, 1857;

Добролюбов Н.А. Роберт Оуэн и его попытки общественных реформ // Современник. 1859. № 1. Отд. 3; Коллюпанов Н.П. Современное артельное движение в Германии // Русский вестник. М., 1965. Кн. 6; Лугинин В.Ф. Стремление новейшего пролетариата // Отечественные записки. СПб., 1863. Кн. 11—12; Тернер Ф.Г. О рабочем классе и мерах к обеспечению его состояния. СПб., 1861; Русский ремесленник. 1862. № 9; и др.

³ Зибер Н.И. Потребительские общества. Киев, 1869; Коллюпанов Н.П. Практическое руководство к учреждению сельских и ремесленных банков по образцу немецких ссудных товариществ. М., 1870; Михайлов А. (Шеллер). Ассоциации. СПб., 1875; Лугинин С.Ф. Сельские ссудные товарищества // Петербургские ведомости. 1870. № 27—28; Яковлев А.В. Очерки народного кредита в Западной Европе и в России. СПб., 1869; Лугинин С.Ф., Яковлев А.В. Сельские ссудные товарищества и их устройство. СПб., 1870; Де-Роберти Е.В. Политико-экономические этюды. СПб., 1869; Вреден Э.Р. Страховые артели и денежная рабочая плата. СПб., 1870; Он же. Финансовый кредит. СПб., 1871; Баллин Н.П. Памятная книжка русских потребительских обществ. СПб., 1870; Калачев Н.В. Артели в древней и нынешней России. СПб., 1864; и др.

⁴ См.: Дударев М.И. Московское Общество Сельского Хозяйства и его участие в общественном и кооперативном движении (1895—1908 гг.). Дисс... канд. ист. наук. М., 1997.

⁵ Подколзин Б.И. Петербургский кружок князя А.И.Васильчикова и зарождение кооперативного кредита в России (60—70 гг. XIX в.). Дисс... канд. ист. наук. М., 1994; Он же. Кооперативный кредит в России: концептуальные истоки (рубеж 60—70 гг. XIX в.) // Кооперация: Страницы истории. Вып. III. М., 1993.

⁶ См. также: Давыдов А.Ю. Князь-кооператор А.И.Васильчиков // Вопросы истории. 1993. № 8.

⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 197.

⁸ Васильчиков А.И. О самоуправлении. Сравнительный обзор русских и иностранных земских и общественных учреждений. Т. 1. СПб., 1869. С. XXXVIII.

⁹ Коллюпанов Н.П. Из прошлого // Русское обозрение. 1895. № 3. С. 6—8.

¹⁰ См.: Яковлев А.В. Очерки народного кредита в Западной Европе и России. СПб., 1869. С. 32—33, 212, 218.

¹¹ Подколзин Б.И. Кооперативный кредит в России... С. 137.

¹² Русские общественные вопросы. СПб., 1972. С. 315; См. также: Труды Императорского Вольного Экономического Общества за 1872 г. СПб., 1872. Т. 2. Вып. 4. С. 434—483.

¹³ Васильчиков А.И. О самоуправлении... Т. 1. СПб., 1869. С. XXXVII, XLI, XLIII.

¹⁴ Труды Императорского Вольного Экономического Общества. СПб., 1872. Т. 2. Стенографический отчет заседания ПЭК ВЭО 5 января 1872. С. 177, 178.

¹⁵ Русские общественные вопросы. СПб., 1872. С. 324.

¹⁶ Там же. С. 298—299; Яковлев А.В. Очерки народного кредита. СПб., 1869. С. 93; Лугинин В.Ф., Яковлев А.В. Сельские ссудные товарищества. М., 1870. С. 7—12.

¹⁷ В Комиссию, кроме А.И.Васильчикова, входили А.И.Брылкин, Н.В.Верещагин, Н.П.Коллюпанов, А.И.Кошелев, З.Н.Мухортов, А.С.Небольсин; В.П.Перцев, Д.Ф.Самарин, Н.Ф.Фан дер Флит, В.Н.Хитрово, кн. В.А.Черкасский, А.И.Чупров, П.Х.Шванебах.

18 Программа Комитета была опубликована в периодическом органе МОСХ «Русское сельское хозяйство». М., 1872. Т. 10. С. 382.

19 Сельские ссудосберегательные товарищества (образцовый устав). СПб., 1871. С. 44—47.

20 Русские общественные вопросы. СПб., 1872. С. 303.

21 Прокопович С.Н. Кооперативное движение в России. Теория и практика. М., 1913. С. 187.

22 Современное положение мелкого кредита в России. СПб., 1909. С. 13; Хейсин М.Л. Ход развития кредитной кооперации в России за 50 лет. Вестник кооперации. 1916. № 4. С. 7—8.

23 Двадцатипятилетие Петербургского Отделения Комитета о сельских ссудосберегательных и промышленных товариществах. СПб., 1897. С. 9—10.

24 См.: Сельскохозяйственный журнал. 1897—1898. № 8. С. 38—89, 93; Вдовин В.А. Создание сельских ссудосберегательных товариществ в России // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1964. № 2. С. 33—34.

25 См.: Соколовский П.А. Ссудосберегательные товарищества в России по отзывам литературы. СПб., 1889. С. 186.

26 Заседание Петербургского собрания сельских хозяев 27 января 1870 г. С.-Петербургские ведомости. 1870. № 103. 18 марта.

27 Исаев А.А. Община и артель. Можно ли считать общину и артель экономическими анахронизмами? // Юридический вестник. 1884. № 11.

28 П.С-кий. Исторический очерк кооперативных учреждений в России // Отечественные записки. СПб., 1871. С. 261.

29 Отечественные записки. 1870. Кн. 2. С. 341, 346; 1873. Кн. 9. С. 90; 1874. Кн. 11. С. 15, 17, 22, 26; 1880. Кн. 4. С. 143.

30 Чупров А.И. Речи и статьи. СПб., 1909. Т. 2. С. 283—284.

31 Соколовский П.А. Указ. соч. С. 188. Выступивший в защиту ссудосберегательных товариществ А.В.Яковлев в докладе на заседании Вольного Экономического Общества в 1886 г. отметил огромную нужду деревни в кредите: по его подсчетам, объем ссуд, полученных в том или ином виде крестьянами (продовольственные ссуды, ростовщические займы, деньги, полученные в виде задатков при найме на работу, кредит в виде сдачи земли за отработки, в виде раздачи сырья кустарям и т.п.) составлял до 1 млрд руб., сумма процентов — не менее 200 млн руб. ежегодно. Кредитную нужду деревни, по его мнению, могут разрешить только ссудосберегательные товарищества, но они нуждаются «в коренной переделке». В частности, одной из форм их деятельности могла бы стать раздача ссуд сельским обществам и отдельным лицам под ручательство общины, а волостные правления должны были заняться вопросом об уплате долгов заемщиками. Все это уже несколько противоречило первоначальным установкам.

32 Журнал Высочайше учрежденной Комиссии по пересмотру устава Государственного банка. СПб., 1893. С. 179.

33 Иванченко Е.И. Краткий очерк Андреевского ссудо-сберегательного товарищества Бердянского уезда Таврической губернии // Сельскохозяйственный журнал. 1899. № 2.

34 Российский государственный исторический архив. Ф. 1152. Оп. 12. 1895 (I). Д. 168. Л. 2—3.

35 Соколовский П.А. Указ. соч. С. 223.

36 Новый энциклопедический словарь. Пг., 1915. Т. 22. С. 658—659.

- 37 Меркулов А.В. Исторический очерк потребительской кооперации в России. М., 1919. С. 10.
- 38 Меркулов А.В. Указ. соч. С. 35—39; Рабочие потребительские кооперативы в России. 1861 — февраль 1917. Вып. 1. М., 1990. С. 26—40.
- 39 Прокопович С.Н. Кооперативное движение в России: его теория и практика. М., 1913. С. 71—77.
- 40 Гутерц А.В. Императорское Вольное экономическое общество и Николай Васильевич Верещагин // Научные труды Международного союза экономистов и Вольного экономического общества России. Т. 3. М.; СПб., 1996. С. 223—231; Ольховский Е.Р. Верещагин Николай Васильевич (1839—1907) // Кооперация. Страницы истории. Вып. 8. М., 1999. С. 82—96.
- 41 Прокопович С.Н. Указ. соч. С. 131.
- 42 Там же. С. 64—65.
- 43 Там же. С. 59, 64—67.
- 44 Там же. С. 61.
- 45 Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 10. Вятская губерния. СПб., 1903. С. 579.
- 46 Майоров И.В. Трудовое товарищество. СПб., 1907. С. 16—20.
- 47 Труды Первого Всероссийского кооперативного съезда. М., 1903. С. 423; Труды съезда деятелей агрономической помощи местному хозяйству. СПб., 1901. Ч. 1. С. 3.
- 48 Озеров И.Х. Общество потребителей. М., 1906. С. 151.
- 49 Прокопович С.Н. Указ. соч. С. 88.
- 50 Поссе В.В. По Европе и России. СПб., 1909. С. 419.
- 51 Вестник кооперации. 1909. № 2. С. 73.
- 52 Полное собрание законов Российской империи. Собр. 111. Т. 23. № 9654.
- 53 См.: Брусникин Е.М. Крестьянский вопрос в России в период политической реакции // Вопросы истории. 1970. № 2. С. 34—47.
- 54 Герцен А.И. Prolegomena // Собрание сочинений в 30 т. М., 1960. Т. 20. Кн. 1. С. 75—76.
- 55 Щербина Ф.А. Очерки южно-русских артелей. Одесса, 1881. С. 124—125, 128.
- 56 Прокопович С.Н. Указ. соч. С. 51.
- 57 Соколовский П.А. Указ. соч. С. 228.

Егор Францевич Канкрин и крестьянский вопрос в России

Еще в домарксистской историографии сложился миф о неконструктивности политических идей и пагубности практической политики Николая I. Между тем царствование этого императора (1825—1855 гг.) можно рассматривать как время подготовки к преобразованиям 1860-х гг.

Несмотря на печальные события, с которых началось правление третьего сына императора Павла I, с воцарением Николая Павловича в обществе заговорили о возвращении времен Петра и Екатерины. «В надежде славы и добра» пребывал тогда не один Пушкин, многие ожидали перемен, уповая при этом на монарха. Действительно, в это царствование создавалось множество секретных комитетов при императоре, разрабатывавших планы тех или иных преобразований. И хотя заседания этих комитетов были строго конфиденциальны, а решения далеко не всегда проводились в жизнь, их деятельность стала той ступенькой, с которой в следующее царствование страна шагнула в Великие реформы. В немалой степени это стало возможным благодаря тому, что в числе членов секретных комитетов (они, как правило, составлялись из министров и главноуправляющих) были неординарные личности.

Первое место среди них занимал, конечно, М.М.Сперанский, но он был далеко не единственным выдающимся деятелем николаевской эпохи. Рядом с портретом этого известного реформатора, которого иные современники называли гением, следует поместить и портрет Егора Францевича Канкрина (1774—1845 гг.). Вот как описывал этого незаурядного человека В.Г.Бенедиктов, некоторое время бывший личным секретарем графа:

*Весь лысый, на висках седых волос клочки
Глаза под зонтиком и темные очки...
Выслушивает всех, очки поднимет на лоб,
И видится, как мысль бьет в виде двух лучей
Из синих, наискось приподнятых очей...
И посреди всего он сам, едва живой,
Он — пара тощих ног с могучей головой!
Крест накрест две руки, двух метких глаз оглядка —
Да тонко сжатых губ изогнутая складка¹.*

* Ружицкая Ирина Владимировна — кандидат исторических наук (Институт российской истории РАН).

Е.Ф.Канкрин, так же как и М.М.Сперанский, выдвинулся в царствование Александра Павловича, но его звездный час пришелся на правление Николая I. В 1823—1844 гг. он был министром финансов и играл ведущую роль в определении и осуществлении хозяйственной политики Российской империи. Современники высоко ценили графа; до нас дошло немало восторженных отзывов о нем. С неизменным уважением относился к Канкрину император; граф был единственным, кому Николай I, не терпевший табачного дыма, позволял курить в своем присутствии...

О Канкрине написано немало. Но единого мнения о значении его деятельности в литературе нет. В большей части работ, увидевших свет до 1917 г., преобладает апологетический тон. Их авторы к заслугам Канкринна относили общие успехи экономического развития России в 1830—1840-е гг., бездефицитные бюджеты, денежную реформу, восхищались такими его качествами как исключительная работоспособность, «безупречная нравственность, неподкупная честность, аккуратность до ничтожных мелочей», отмечали широту и многосторонность его научных и культурных интересов². В работах, появившихся в последующие годы, признавались заслуги Канкринна в деле укрепления финансовой системы России, однако, как правило, исследователи считали эти успехи случайными последствиями политики «одного из самых реакционных государственных деятелей своего времени». По их мнению, его «социально-экономическая политика... была пронизана реакционно-охранительными тенденциями», была «архиконсервативна» и игнорировала новые условия общественно-экономического развития страны, а сам Канкрин был «чрезвычайно далек от передовых экономических учений своего времени»³. В последние годы в общих работах по истории России (специальных исследований о Канкрине не издавалось, если не считать небольших по объему статей и разделов⁴), появились более справедливые и взвешенные оценки: в николаевском министре стали видеть «опытного и осторожного финансиста»⁵, обладавшего четко продуманной программой деятельности и глубоко понимавшего насущные потребности страны⁶.

Кем же на самом деле был для России Егор Францевич Канкрин — злым гением или добрым волшебником? Как вообще оказался в России человек, родившийся на немецкой земле и до двадцати трех лет ни разу не видевший страну, экономику которой ему предстояло возглавить?

Будущий министр финансов России родился в Гессенском курфюршестве, в семье чиновника и известного инженера, специалиста по соляному, строительному и монетному делу Франца Людвига Канкринна. Другом старшего Канкринна был барон Пирх, в недалеком будущем — артиллерийский наставник А.А.Аракчеева; вместе с этим бравым артиллеристом семья Канкринных в 1783 г. перебирается в Россию, оставив сына завершать образование в Германии⁷. Отец будущего министра финансов получил должность директора соляных варниц в Старой Руссе⁸.

Канкрин-младший продолжал обучение в немецких университетах. Уже тогда проявились его разносторонние способности: он занимается не только юридическими и политико-экономическими науками (в Магдебургском университете), но философией и поэзией (в Гессенском университете). В эти годы Георг пишет и издает роман с романтическим названием: «Дагобер, роман из нынешней войны за освобождение» (1797 г.). На какое-то время попав под влияние идей французской революции, он из своих друзей-студентов даже создает «идеальное дружеское общество».

В двадцатитрехлетнем возрасте Канкрин первый раз приезжает в Россию, к родным. Тогда же он посещает Петербург, который поразил его своей мрачностью. Благодаря служебным связям отца, Канкрин сразу получает чин надворного советника. Какое-то время он не может получить места: большого ему не давали из-за незнания русского языка, а принять незначительное значило уронить чин⁹. Наконец, в январе 1800 г. Канкрин был назначен помощником отца по управлению Старорусскими варницами уже в чине коллежского советника. По свидетельству осведомленного человека, протекцию ему составил вице-канцлер И.А.Остерман, обративший внимание на Канкринина из-за поданного последним проекта по... овцеводству¹⁰. Через три года Канкрин был переведен в министерство внутренних дел в экспедицию государственных имуществ, где выполнял поручения «по соляной и лесной частям». Эта деятельность была связана с разъездами; Канкрину представилась возможность лучше узнать язык (всю жизнь он любил сыпать русскими пословицами и поговорками), обычаи, нравы страны, служение которой отныне будет смыслом его жизни.

После напряженной службы, связанной с постоянными командировками, полтора года, проведенные Канкриним в Стрельне в качестве инспектора немецких колоний Санкт-Петербургской губернии, стали своеобразной передышкой. «Обеспеченный и удовлетворенный» он много писал о самых разнообразных предметах и даже сочинял разборы театральных представлений, которые появлялись в газетах без указания имени автора¹¹.

Тогда же (1809 г.) в Петербурге вышла его книга «Фрагменты о военном искусстве с точки зрения военной философии»; ею заинтересовался генерал Фуль, преподававший тактику Александру I. Фуль обратил внимание государя на автора, тот распорядился навести справки и, ознакомившись с «досье» Канкринина, подвел итог: «Много знающий, дельный человек, но немного жесток»¹². Такая характеристика вполне удовлетворила императора, и с февраля 1811 г. Канкрин начал службу в русской армии «по интендантской части». Вскоре Александру I был представлен доклад «О средствах продовольствия больших армий», составленный Канкриним по указанию военного министра Барклая-де-Толли (последний опекал Канкринина с первого дня пребывания в России). Доклад был удостоен высочайшего одобрения и военная карьера будущего министра финансов быстро пошла в гору. В феврале 1812 г. он возглавил интендантское ведомство 1-й Западной

армии, а с апреля 1813 — всех действующих армий. После войны (1815 г.) Канкрину поручено привести в порядок все дела, связанные с 30-тью миллионами франков военной контрибуции¹³. Все идет хорошо, впереди уже маячат очередные чины и награды. И вдруг что-то происходит: расположенный к Канкрину биограф с горечью констатирует: «генерал-интендантство в мирное время тяжело»¹⁴, — и добавляет, что из-за неких событий Канкрину «пришлось» долго жить в Могилевской губернии, а в 1820 г. подать в отставку. Речь шла об обвинении Канкринина во взяточничестве и растратах, впрочем, доказано это обвинение не было, и до суда дело так и не дошло¹⁵.

Время вынужденной ссылки не пропало для Канкринина даром. Он пишет две большие работы; одна из них — «О военной экономии, во время войны и во время мира, и ее отношениях к продвижению войск»¹⁶. В другом сочинении — «Всемирное богатство, народное благосостояние и государственное хозяйство» — Канкрин излагал принципы экономической политики, которыми впоследствии руководствовался на посту министра финансов. Вот «начала, легшие в основу русской финансовой системы»: государство должно уподобиться человеку, который умеет жить по своим средствам, т.е. быть осторожным и бережливым, не прибегать к порче монеты, выпускать как можно меньше бумажных денег, не заключать внешних займов в мирное время, не верить частному кредиту¹⁷.

К июню 1821 г. опала закончилась: Канкрин был приглашен на конгресс в Лайбах, созданный по поводу предстоящей войны в Италии, в качестве, как сказали бы сейчас, эксперта по хозяйственным вопросам. В ноябре того же года он стал членом департамента государственной экономии Государственного совета.

Предполагали, что покровителем Канкринина был А.А.Аракчеев, которому Канкрин понравился своей независимостью. Рассказывали, что министр внутренних дел И.П.Козодавлев по просьбе Аракчеева прислал ему чиновника, сведущего в лесном деле и умеющего разводить сады. Этим чиновником оказался Канкрин. Аракчеев при разговоре обращался к нему на «ты». Канкрин «обиделся и раскланялся». Это пришлось по душе всеильному графу, который перевел Канкринина к себе на службу и «с тех пор отличал своим доверием»¹⁸. Ходили слухи, что именно благодаря столь высокому покровительству, Канкрин был назначен в 1823 г. министром финансов¹⁹.

Так ли это или нет, только на месте родовитого и богатого Д.А.Гурьева, на одной из ключевых государственных должностей очутился «какой-то чужак, весь углубленный в свое дело», «мало известный в высшем обществе, мало обтертый». По воспоминаниям современника, «публика ахнула от удивления»²⁰.

Но, если на «общество» выбор государя произвел неблагоприятное впечатление, то ряд видных деятелей того времени, одобрили этот шаг Александра I. Например, А.П.Ермолов отзывался об этой перестановке в правительстве следующим образом: «Какое

внезапное падение Гурьева! и многих, я думаю, удивило назначение Канкрин? Но финансы, без сомнения, будут в лучшем состоянии, судя по его знаниям и способностям... От Канкрин, как человека умного, можно ожидать большой пользы и по расстройству финансов наших как не желать того?»²¹ Н.Н.Муравьев-Карский, которого никак нельзя отнести к благожелателям Канкрин, заметил о нем: «Человек сей верно полезнее и занимательнее если не всех, то многих служащих вблизи государя»²². Интересно, что М.М.Сперанский, за десять лет до назначения Егора Францевича, в одном из писем отмечал: «Нет у нас во всем государстве человека способнее Канкрин быть министром финансов»²³. Возможно, что позже Сперанский сыграл определенную роль в выборе Александра I.

Были, впрочем, люди, придерживающиеся иной точки зрения. Аристократический круг так и не принял Канкрин. «Он неприятен в обращении — rude comme un guste (груб как медведь); беседа его не обвораживает любезностью светского человека, он груб, неуклюж, как старый немец»²⁴, — таково мнение этого круга. Н.Х.Бунге, будущий министр финансов считал, что «Канкрин не доставало широкого государственного взгляда на общественное хозяйство и веры в будущность России»²⁵. Экономист середины XIX в. И.В.Вернадский писал, что «фабричная промышленность приводит его [Канкрин] в ужас, машины почитает он чрезвычайно вредными в отношении к правительству и нравственности народа»²⁶.

Многие достаточно влиятельные люди терпеть не могли Канкрин, политику его не принимали и находили, что он «не любил России и всех русских презирал»²⁷. Подобное мнение, родившееся в среде высшей бюрократии, возможно, было связано не столько с «безродностью» министра, сколько с недовольством этой части государственного аппарата попытками Канкрин сократить издержки на содержание ряда ведомств и на другие непроизводительные расходы: каждый год он посылал предупреждения министерствам и главным управлениям о сокращении их смет; в 1835 г. был даже создан особый комитет, предназначенный «извлекать способы к возможному уменьшению расходов по каждому ведомству»²⁸.

Конечно, политике Канкрин были присущи противоречивость и некоторая непоследовательность. Однако неправильно, как поступали некоторые современники, объяснять их только недостаточной прогрессивностью экономических воззрений или пороками характера министра. Безусловно, эту политику определяли другие, более серьезные факторы. И главным из них было, как представляется, противоречие между нарождавшимися и укреплявшимися в России в первой половине XIX в. буржуазными отношениями и сохранением господствующего положения дворянства. Канкрин как один из наиболее умных и дальновидных представителей этого класса не мог не понимать, куда ведет страну логика экономического развития, однако, делал все возможное, чтобы процесс ста-

новления новых отношений протекал как можно менее болезненно для дворянства. Он был сторонником медленного, крайне осторожного развития капиталистической промышленности, приспособляющейся к господствующему крепостническому укладу, он любил говорить, что правительство должно стимулировать к развитию производства, действуя *гомеопатическими* средствами.

Данное обстоятельство отмечено только одним исследователем — И.Г.Блюминым. Канкрин, как отмечал этот автор, понимал необходимость индустриального развития России, создания собственной промышленной базы, без которой страна может быть закабалена передовыми западноевропейскими державами. Однако при этом министр финансов боялся, что такое развитие приведет к пауперизации общества, к росту бедняков («пролетариата»), увеличит число недовольных, создаст революционную ситуацию. Поэтому он «одной рукой поддерживал развитие промышленности, а другой всячески ограничивал ее». Тем не менее, это был единственный «из всех министров дореформенной России», который проявил «больше всего внимания к вопросам промышленного развития и «был сторонником этого развития (правда, очень умеренного и в определенных формах)»²⁹. На мой взгляд, это наиболее точная оценка экономической политики графа Канкринна, которая, в общем и целом, носила достаточно прогрессивный характер.

Уже одна проведенная при нем в 1839—1843 гг. денежная реформа, в ходе которой денежной единицей, вместо бумажных ассигнаций, стал серебряный рубль, свидетельствует в пользу такой точки зрения³⁰. В оценке этой реформы все авторы единодушны: она оказала положительное влияние на развитие экономики страны. При Канкрине на время была достигнута бездефицитность государственного бюджета. Накануне назначения Канкринна министром финансов ситуация была совсем иной. В 1822 г. в циркуляре министра иностранных дел к представителям России при иностранных дворах в Западной Европе в связи с решением ввести запретительный тариф отмечалось, что положение государственной казны почти безнадежно; а характерными чертами экономики России являются постоянные дефициты, обесценение ассигнаций, сокращение государственных доходов, недостаток в обращении денежных знаков, упадок промышленности и торговли, многочисленные банкротства, масса недоимок³¹. Многие исследователи отмечают, что к 1830-м гг. «репутация русских финансов под управлением Канкринна улучшилась настолько, что бумаги русские на зарубежных рынках котировались постоянно альпари*», чего ранее никогда не было»³².

Чаще всего Канкринна обвиняли в том, что он был ярким и узким протекционистом, ведь именно с его именем связано осу-

* Альпари — соответствие биржевого, рыночного курса ценных бумаг или валюты их номиналу (И.Р.).

шествование нового таможенного тарифа 1822 г.³³ Подобные упреки не совсем справедливы. Канкрин прекрасно понимал преимущества свободной торговли, но указывал, что при системе свободной торговли России угрожает опасность в своей промышленной жизни попасть в полную зависимость от иностранных интересов (в частности, от Англии).

Нарекания вызывало и возобновление при Канкрине винных откупов, осуществленное в большей степени из фискальных соображений. По моему мнению, подобные меры вовсе не свидетельствуют ни о «реакционности» министра, ни о его некомпетентности, ни, тем более, о его «нелюбви к России». В то время это были хотя и не бесспорные, но экономически целесообразные решения, что Канкрин объяснял в своих обстоятельных докладных записках на высочайшее имя.

* * *

Немало сделал Канкрин для развития отечественной культуры. По роду службы ему приходилось заниматься организацией научных экспедиций на Урал и в Сибирь, для руководства одной из них лично Канкриным был приглашен знаменитый ученый А. Гумбольдт³⁴. Огромны заслуги Канкрин в распространении технических знаний в России. По его инициативе было открыто несколько специальных учебных заведений: Технологический институт, практический Земледельческий институт, технические горные школы, созданы технологические отделения при некоторых гимназиях, во всех университетах стали читаться публичные лекции, посвященные успехам промышленности³⁵. Канкрин был пионером и в деле организации промышленных выставок в России, первая из них открылась в 1829 г. в Петербурге в специально построенном для нее здании³⁶. За заслуги перед наукой Канкрин был избран почетным членом Петербургского университета и французской Академии наук³⁷.

Канкрин не чуждался и литературы: роман, написанный в юности, не был его единственным беллетристическим произведением. На склоне лет граф издал сборник повестей и рассказов³⁸; одна из повестей, «Танцовщица», была напечатана Плетневым в «Современнике»³⁹. Канкрин был завзятым театралом, любил музыку (сам играл на скрипке), изобразительное искусство, увлекался архитектурой. В 1836 г. в разгар своей министерской деятельности он издал книгу «Элементы прекрасного в зодчестве». Теорией дело не ограничивалось: Канкрин сам составлял первоначальные проекты многих построенных при нем зданий и сооружений: Технологического института, части строений т.н. Лесного корпуса, пакгаузов, маяков в виде роstralных колонн вокруг Биржи, Певческого моста на Дворцовой площади. Под контролем Канкрин реставрировался растреллиевский собор на территории Смольного монастыря, благоустраивался Петровский остров. Значителен вклад Канкрин в озеленение и благоустройство Петербурга⁴⁰.

Канкрин выступил инициатором открытия воскресной рисовальной школы при Академии художеств, которая впоследствии была преобразована в Общество поощрения художников; он же открыл рисовальные классы при гимназиях. Любопытно, что в рисовальную школу были — впервые в России — допущены девушки, так же как и в организованные министром финансов начальные школы при горнозаводских округах. Это дало возможность биографу Канкринна назвать его «первым в России ревнителем женского образования»⁴¹.

* * *

Долгое время в исторической литературе создавался и поддерживался имидж Канкринна как крайнего реакционера, консерватора, типичного чиновника «глухого» николаевского царствования, не способного к какому бы то ни было движению вперед. Делалось это не только путем прямого искажения фактов, но и путем замалчивания некоторых из них⁴². Так, когда речь заходила о реформе управления государственными крестьянами, всегда называлось имя П.Д.Киселева. А ведь за несколько лет до того, как последний начал реформу, другой человек разработал и предложил план ее проведения; мало того, он начал претворять свой план в жизнь. Этим человеком был Канкрин.

Пытаясь упорядочить взимание налогов с казенных крестьян и оградить их от произвола и злоупотреблений чинов земской полиции, он, в качестве эксперимента, в двух губерниях — Петербургской и Псковской — изъял государственных крестьян из общего губернского управления и устроил особые округа во главе с особыми лицами (окружными комиссарами), назначаемыми от министерства финансов и обязанными блюсти интересы крестьян. Основные направления преобразования содержались в «Положении о распространении порядка управления удельными крестьянами на казенных» от 24 июня 1826 г.⁴³ Оно распространяло на казенных крестьян двух губерний «порядок, для удельных установленный».

События вокруг принятия «Положения» 24 июня 1826 г. развивались весьма напряженно. Еще в 1818 или 1819 гг. Александр I повелел тогдашнему министру финансов Д.А.Гурьеву подготовить новое законодательство по крестьянам. Тогда был составлен только исторический очерк вопроса, до «Начертания начал и плана, которые можно считать приличным для принятия за основание нового законодательства и управления» и «Уложения» дело не дошло⁴⁴. Лишь в 1823 г. перед отставкою Гурьева император предложил ему закончить начатое. Однако речь шла уже исключительно о государственных крестьянах. К июлю 1824 г. проект был написан. Для своего времени это был весьма смелый план, хотя своевременность предложенных в нем мер можно оспорить.

Основным в проекте было изменение форм землепользования — общинное владение угодьями должно было преобразоваться в «потомственное владение отдельных домохозяев под условием

платежа оброка» — и «дарование» сословию государственных крестьян «гражданского бытия». При рассмотрении проекта в Государственном совете мнения разделились. Ярым противником проекта Гурьева выступил Канкрин. Это довольно странно, поскольку в своем плане 1818 г., о котором речь пойдет ниже, он сам выступал как сторонник индивидуального землепользования и наследственной аренды.

В связи со сменой монарха на престоле вопрос был отложен. Но вскоре после воцарения Николая I, не дожидаясь представления новому императору плана своего предшественника, Канкрин, который был «хитер как лисица»⁴⁵, внес в Государственный совет свой контрпроект. Министр поступил в соответствии со своей репутацией: не высказываясь открыто против проекта Гурьева, он ссылаясь на сложность его содержания, а, следовательно, продолжительность обсуждения, на необходимость провести «предварительные опыты» прежде, чем приступить к какой-либо общей и решительной мере, упирал на то, что его предложения и могут послужить такими «опытами».

Путь проекта министра финансов был нелегок, департамент экономии его не принял, однако Канкрин повторно представил его в Государственный совет, воспользовавшись запиской остзейского генерал-губернатора Ф.О.Паулуччи к императору о бедственном положении казенных крестьян в Псковской губернии. В итоге «Положение» от 24 июля 1826 г. все-таки было высочайше утверждено, а полигоном для его апробирования выбраны губернии: Санкт-Петербургская, как наиболее близкая к центру, и Псковская, в связи с запиской Паулуччи.

«Положение о распространении порядка управления удельными крестьянами на казенных» обрисовывало лишь общие контуры преобразования. Детали содержала специальная инструкция министерства финансов для вновь созданных казенных управлений разных уровней. Канкрин, предлагавший в 1818 г. общинное землепользование превратить в подворное, здесь декларировал сохранение поземельной общины при обязательном выделении крестьянам в пользование определенного надела (переделы сохранялись). Более богатый крестьянин не мог забрать себе землю обедневшего соседа (во владение), так же как и «приобрести» ее каким-либо другим путем. Подобное требование обусловлено страхом Канкрин перед пауперизацией населения казенной деревни, стремлением «истребить пагубный обычай» закабаления «ленивых и нерадивых» поселян «алчными заимодавцами». Министр прекрасно сознавал, что поощрение аренды казенных земель, предлагаемое в проекте Гурьева, неизбежно приведет к обезземеливанию основной массы крестьян. Этого, в силу своих убеждений, и, исходя из интересов казны, министр допустить не мог. Путь английского фермерства, на который бы встала казенная деревня в случае реализации проекта Гурьева, не привлекал его: в 1818 г. положение именно английского крестьянства он приводил в качестве примера

тех катастрофических последствий, к которым повело растянутое на века упразднение крепостного права.

В инструкции Министерства финансов для казенных управлений 1826 г. весьма подробным был отдел о продовольственной и другой помощи крестьянам со стороны их «попечителей» в лице специально назначаемых министром финансов людей. Подобная детализация была характерна ранее только для документов по управлению удельными крестьянами. Инструкция содержала также большую главу о «покровительстве и ободрении крестьянской промышленности»⁴⁶.

Следовательно, суть преобразования сводилась к перестройке управления таким образом, чтобы над крестьянами существовало только одно начальство — департамент государственных имуществ министерства финансов (из управления исключались генерал-губернаторы и земская полиция), и, наконец, чтобы крестьяне по-прежнему оставались на земле, чем предотвращалось бы их обеднение и разорение. Последнее могло иметь непредсказуемые последствия как для политического спокойствия, так и для экономического благосостояния государства. А экономическое благосостояние государства должно укрепляться, и выполнение этой задачи входит в обязанности министра финансов.

Конечно, проект Гурьева был теоретически более прогрессивным, хотя перестройка управления у него практически аналогична перестройке управления у Канкринна; кстати, Гурьев выступал против выборного волостного управления, тогда как Канкрин его сохранял. Гурьевский проект предусматривал и преобразование земельных отношений, что могло бы привести к коренным социально-экономическим изменениям. Именно «могло бы», но, как думается, не привело бы в силу непродуманности самого механизма преобразования и его сроков.

Забегая вперед, можно найти много общего между «опытами» Канкринна и реформой Киселева: и тот, и другой считали необходимым усилить покровительство и надзор, и тот, и другой опирались на существующие законы, и тот, и другой за образец принимали организацию управления удельными крестьянами⁴⁷.

Историки, рассматривая «Положение 24 июня 1826 г.» под идеологической лупой, не желали замечать его положительных сторон. Между тем, изъятие государственных крестьян из ведения генерал-губернаторов, земских судов и полиции, усиление попечительской помощи, поощрение промыслов и другие стороны проекта, если бы они были реализованы полностью и без злоупотреблений, могли бы создать базу для дальнейших преобразований казенной деревни, к чему, собственно, и стремился автор проекта.

Любопытно, что в 1832 г. такие признанные авторитеты в области социальных отношений, как В.П.Кочубей и М.М.Сперанский, признали возможным распространить «удельное управление» 1826 г. на остальные великорусские губернии. Канкринным была подготовлена новая компромиссная программа, в которую он включил некоторые идеи Сперанского относительно хозяйствен-

ных принципов организации казенной деревни. Однако Николай Павлович предложил своему министру пересмотреть и Положение 1826 г., и план 1832-го.

В 1834 г. Канкрин испрашивал высочайшего разрешения распространить новую систему управления государственными крестьянами еще на десять губерний, но император, недовольный медленным ходом дела, поручает его Киселеву — было специально создано V Отделение собственной Его императорского величества канцелярии. Позже из министерства финансов было выделено министерство государственных имуществ, куда вошло и управление казенными крестьянами, руководитель нового министерства — Киселев в отношении государственных крестьян «пошел по тому же пути, который был указан Канкриним»⁴⁸. Сам Канкрин, увы, недалеко продвинулся по этому пути, по причинам, к которым мы еще вернемся.

* * *

Можно по-разному оценивать те или иные воззрения, теории и политические решения графа Е.Ф.Канкринина, несомненно, однако, что целью его устремлений и свершений было благо России, ее процветание. В этом лишний раз можно убедиться, ознакомившись с его взглядами на крепостное право в России (в данном случае речь пойдет о помещичьих крестьянах)⁴⁹.

Канкрин оставил три проекта ликвидации крепостничества⁵⁰. Во всех отношениях замечательна записка 1818 г. на французском языке «Разыскание о происхождении и отмене крепостного права или зависимости земледельцев, в особенности в России»⁵¹. Ее появление в определенной степени инспирировано недовольством московского дворянства предполагаемыми мерами правительства в этой области. Слухи о возможности таких мер были в свою очередь вызваны деятельностью Комитета Д.А.Гурьева по крестьянскому вопросу (1818—1819)⁵².

Одновременно с запиской Канкринина был подан целый ряд проектов отмены крепостного права. На их фоне план будущего министра финансов выделялся своим рациональным подходом к делу и наличием цельной продуманной программы уничтожения этого феодального института. Другие проекты либо уделяли основное внимание какой-нибудь одной стороне вопроса (например, борьбе против злоупотреблений помещиков и ограничению их власти), либо намечали только общие направления предполагаемых преобразований. Большинство авторов допускали безземельное освобождение крестьян (Н.С.Мордвинов, Н.И.Тургенев)⁵³ или же весьма туманно представляли себе контуры будущей реформы (П.Д.Киселев)⁵⁴.

И лишь два проекта напрямую связывали освобождение крепостных с наделением их землей — проект А.А.Аракчеева и проект Канкринина. В первом предусматривалось наделение крестьян всего двумя десятинами, что явно было недостаточно⁵⁵. И только план

Канкрин был построен на медленном выкупе крестьянами земли у помещиков в достаточном количестве. Этот проект содержал и другие интересные предложения, многие из которых впоследствии были развиты и даже претворены в жизнь (в указе 1842 г. об обязанных крестьянах, частично вошли в Положение 19 февраля 1861 г. и др.).

Работа Канкрин открывалась обзором истории освобождения крестьян в различных странах Западной Европы (например, он отмечал, что обезземеливание всего низшего сословия в Англии было следствием преждевременного или необдуманного уничтожения крепостного права, а в таком деле надо держаться строгой постепенности). По мнению Канкрин, необходима именно «цельная и заранее обдуманная система освобождения», «новое, точное и умеренное законоположение относительно крепостного состояния», а не ряд отдельных мер, как в других странах, где из-за этого процесс ликвидации крепостной зависимости затянулся на века⁵⁶. План Канкрин и являлся попыткой создать такую систему.

Автор критиковал предложения, имевшие конечной целью только урегулирование повинностей крепостного крестьянства. Он справедливо полагал, что на практике это не ограничило, а наоборот усилило бы эксплуатацию крестьян. Кроме того, установление государственного регулирования повинностей крепостного населения только утвердило бы институт крепостного права, а необходимо стремиться к его полной ликвидации⁵⁷. В этом вопросе Канкрин был последователен. И в 1835 г. он утверждал, что по отношению к крепостному праву нужны «меры не частные, но общие»⁵⁸.

Однако сразу отпустить крестьян на волю, по мнению Канкрин, было бы **несправедливо** (по отношению к помещикам, которые понесли бы убытки), **неосторожно** (т.к. освобожденные крестьяне могут «предаваться необузданным порывам страстей») и **невозможно** (из фискальных соображений)⁵⁹.

Таким образом, отмена крепостного права должна быть проведена постепенно и с осторожностью, но обязательно. Обязательной его отмены требует ряд причин. Во-первых, способы крепостного угнетения «противны законам божеским и человеческим», а положение крестьян вследствие крепостного состояния — «ужасающе». Во-вторых, упразднение крепостничества поможет избежать крестьянских возмущений. «Почти никто не подозревает опасности покоиться на вулкане, — писал Канкрин. — Опасность эта, без сомнения, еще не так близка от нас, но следует принимать надлежащие меры гораздо ранее пагубной развязки». Чтобы государство было «благополучно и спокойно», а «вулкан» не начал извергаться, необходимо предотвратить разорение основной массы населения — крестьян, что возможно только через их освобождение⁶⁰.

И наконец, ликвидация крепостничества необходима для дальнейшего развития производительных сил в сельском хозяйстве, т.е. определяется экономической целесообразностью. Канкрин писал:

«Россия будет тем, чем быть должна, помещик получит от своей собственности более выгод, чем получает ныне... Крестьянин будет пользоваться настоящим благосостоянием. Улучшение повсюду, и производительности в 20 раз более»⁶¹. Подобный взгляд позволяет отнести его к числу наиболее дальновидных современников, понимавших, что освобождения крестьян требовали гораздо более глубокие причины, чем предотвращение революционного взрыва⁶².

План Канкрин был рассчитан на 61 год. Первые шесть лет — подготовительный период. Прежде всего создается секретный комитет (!) и назначаются «тайные попечители» над крестьянами в губерниях (1819 г.). Затем Сенат объявляет во всеобщее сведение, что в России нет закона, запрещающего крепостному приобретать собственность: ему неотъемлемо принадлежит дом и движимость, он может покупать земли и пр. (1820 г.). Еще через два года (1822 г.) общинное землевладение государственных и помещичьих крестьян превращается в подворное, с воспрещением впредь переделов (с точным указанием удобной земли, принадлежащей собственно помещику, и с разделением лесов на господские и вотчинные). После этого подушный налог можно заменить подворным. Наконец, в 1825 г. издается указ, определяющий и ограничивающий в форме общих правил повинности крестьян и уже открыто ставящий их под покровительство лиц, назначаемых с этой целью правительством (т.е. «тайные попечители» как бы легализуются, выходят «из подполья»). Так завершается подготовительный этап. Предусмотрено еще два периода⁶³.

В последующие 25 лет определяется право наследования дворами и **размер выкупа** крепостного на свободу с землей и без земли, для чего учреждается земельный (заемный) банк (1835 г.). Чтобы помещики не испугались, Канкрин уточнял: «эта мера не будет иметь целью лишить дворянство, как опору престола, его собственности». Речь шла лишь о владении или пользовании землей.

На этом же этапе издается документ (1845 г.), содержащий более подробное и льготное определение крестьянских повинностей с дозволением частично их выкупать, «устраивается быт дворовых на законном основании» (1835 г.); вводятся права первородства при наследовании имений менее 250 душ — майораты (для предотвращения вредного дробления помещичьих владений)⁶⁴.

Канкрин предусматривал и постепенную перестройку вотчинного суда. Издается полицейское исправительное уложение для крестьян (т.е. административный кодекс; раньше помещик судил крестьян на основании обычного права), вотчинный суд подчиняется надзору ответственных чиновников (1827 г.). К 1845 г. владельцам больших поместий вменяется в обязанность производить вотчинный суд через ответственных чиновников. К концу следующего этапа — к 1880 г. — суд и расправа предоставляются исключительно правительственным чиновникам.

В течение этого последнего 30-летнего периода (1850—1880 гг.), который, если потребуется, может быть продлен, даруется право перехода; все личные повинности могут быть выкупаемы; земельные наделы объявляются собственностью каждого семейства, под условием уплаты соразмерной повинности и пр.⁶⁵

Хотя Канкрин писал о «собственности», не надо упускать вторую часть фразы: «под условием уплаты соразмерной повинности», речь, конечно, шла только о *семейном наследственном владении*⁶⁶.

Обращает на себя внимание тот факт, что Канкрин предлагал «предназначение столь громадное и многосложное» обдумать и привести «в исполнение не иначе, как с *общего содействия лиц самых просвещенных и благонамеренных из разных сословий*», в том числе и из крепостных крестьян («как тех, которые по своему положению лично заинтересованы в этом деле, так и других, чуждых в оном участия»)⁶⁷. Сама по себе подобная идея замечательна, хотя в условиях Российской империи начала XIX в. практически неосуществима. Канкрин выступил здесь как приверженец союза правительства с общественностью; правительство осознало необходимость такого союза (и то только с дворянской общественностью) лишь в самом конце 1850-х гг. Вот еще одно свидетельство «прозорливой дальновидности»⁶⁸ графа Канкринина.

И другие идеи проекта не остались не востребованными. Определенная работа или плата за пользование землей — основная мысль указа 1842 г. об обязанных крестьянах, и, частично, Положения 19 февраля 1861 г.; ограничение повинностей нашло свое отражение в т.н. «инвентарных правилах» 1847—1848 гг. для Западного края. Я далека от утверждения, что проект Канкринина — единственный источник этих законоположений, однако это лишний раз доказывает, насколько продуманными и взвешенными были его предложения.

По мнению В.И.Семевского, проект Канкринина 1818 г. замечателен и содержит много разумных предложений (определение повинностей, гарантирование собственности крепостных от посягательств помещиков, установление наследственной аренды с определенными платежами). Однако в то же время он представляет собой «сколок с западноевропейских, точнее, немецких отношений, и включает в себе некоторые предложения, исполнение которых вредно бы отразилось на экономическом быте крестьян». Например, уничтожение общинного землевладения или вотчинный суд через ответственных лиц (немецкие юстициары), по мнению Семевского, установили бы отношения, совершенно чуждые русской жизни⁶⁹. Но вопрос о предпочтении той или иной формы землепользования в России — индивидуальной или общинной — до сих пор является дискуссионным, а порядок привлечения к управлению и суду над крестьянами правительственных чиновников, как и другие детали плана, могли корректироваться по ходу дела, что допускалось автором проекта.

Необходимо отметить, что каждый комитет по крестьянскому вопросу имел дело с предыдущими проектами и мнениями

предыдущих комитетов, и в той или иной мере заимствовал из предшествующих предложений и мнений или оспаривал их. Следовательно, все изменения крестьянского законодательства могут быть поняты исключительно в свете предшествующей работы дворянской и правительственной мысли.

Наглядным примером подобного положения дел может служить записка Канкрин 1827 г., написанная им для Комитета 6 декабря 1826 г.⁷⁰ Автор данной статьи установила, что находящийся в распоряжении Комитета 1839—1842 гг. анонимный проект «О постепенном улучшении крепостного состояния крестьян без вреда для помещиков и без потрясения внутреннего спокойствия» (1827 г.) как раз и есть записка министра финансов. Документ этот сыграл не последнюю роль в появлении «Положения об обязанных крестьянах» 2 апреля 1842 г.⁷¹ Это является еще одним свидетельством того, что Канкрин адекватно воспринимал российские реалии второй четверти XIX в.

Предлагаемый план в основном повторял проект 1818 г. с некоторыми сокращениями (отсутствовал обзор освобождения крестьян на Западе). Так же как и в 1818 г., речь шла об определении и ограничении повинностей, переходе к подворному наделению земель и постепенному выкупе крестьянами земли в семейное наследственное владение, но этот проект был рассчитан уже на 50 лет. В журнале Комитета отмечалось, что «главнейшие из сих предположений вошли в начертанный комитетом план», удостоенный высочайшего одобрения.

Что имели в виду члены Комитета? Речь могла идти о записке Сперанского, с которой он выступил на заседаниях Комитета 31 августа, 19 и 28 сентября 1827 г.⁷² Сперанский предлагал, прежде всего, запретить продажу крестьян без земли и на своз, а также продажу земли без крестьян, живущих на ней. Это, по его мнению, «обратит крепостное право на крестьян в прежнее его законное положение», т. е. сделает крестьян крепкими владельцу по земле, а не по лицу, что положит предел личной продаже крестьян в виде собственности или движимого имущества. Кроме того, таким образом, прекратится «переход поселян в разряд дворовых людей»⁷³.

В качестве переходной меры Сперанский рекомендовал изменить порядок увольнения крестьян. В отличие от указа 1803 г. его план предусматривал увольнение не только целыми селениями с землей, но селениями, частями селений и отдельными семьями без земли. Следующим этапом должно было стать устройство быта казенных крестьян и помещичьих как казенных. Для этого предполагалось определение повинностей или, другими словами, введение инвентарей. В отличие от Канкрин, Сперанский предлагал определять повинности крестьян свободным договором между помещиками и крестьянами⁷⁴, причем не предусматривалось «никаких гарантий, что эти договоры заключались бы на условиях, действительно благоприятных для крестьян». Сперанский также не считал необходимым регулировать такие договоры «известными

обязательными постановлениями»⁷⁵. Оставалось неясным, каков должен был быть юридический характер таких договоров⁷⁶. Канкрин предлагал принципиально другое решение — его проект предусматривал ограничение и определение повинностей законом.

В записке Сперанского не говорилось ни о преобразовании земельных отношений (превращение общинного землепользования в подворное), ни о семейной наследственной аренде, ни о выкупе повинностей, ни о перестройке вотчинного суда (автор лишь вскользь упомянул о преобразовании земского управления). Все перечисленные положения отсутствуют у Сперанского, но есть в проекте Канкринина. План последнего рассматривался Комитетом 30 октября 1827 г. К этому времени имелись, помимо записки Сперанского, развернутые решения, зафиксированные в журнале Комитета и одобренные императором⁷⁷. Но там нет даже намека на многое, предлагаемое Канкриним. Однако, по каким-то причинам (вероятнее всего, из-за соображений секретности) члены Комитета решили предложения министра финансов проигнорировать. Те же причины, очевидно, обусловили «не вхождение» министра в Комитет, хотя он и являлся автором двух наиболее взвешенных и целостных программ освобождения крестьян.

Не лишен интереса вопрос о мотивах, побудивших Егора Францевича представить в Комитет 6 декабря свой проект. По свидетельству его ближайшего сотрудника, он никогда «не ленился представлять особые мнения» и всегда следил «за ходом дел, не только входивших в круг его обязанностей, но за всем тем, что могло иметь государственное значение»⁷⁸. Так было и на этот раз, тем более что обсуждаемый вопрос глубоко волновал Канкринина.

Как следует из всего вышеизложенного, Канкрин последовательно выступал против безземельного освобождения, которое вслед за проведением его в Прибалтике в 1816—1819 гг. угрожало и всей России. Его проекты предусматривали четкое ограничение и определение повинностей крестьян, гарантирование собственности крепостных от посягательств помещиков, они основывались на медленном выкупе крестьянской земли у помещиков в достаточном размере и установлении наследственной аренды. Хочется подчеркнуть, что речь шла о выкупе именно земли и связанных с ней повинностей, личная же свобода, по мысли Канкринина, доставалась крестьянам как бы «по умолчанию» и даром. Подобное отношение пришло в практику правительственной разработки данной проблемы лишь после принятия указа 2 апреля 1842 г. об обязанных крестьянах.

Канкрин настаивал на постепенном исполнении строго обдуманного плана уничтожения крепостного права, справедливо полагая, что это сократит время преобразования (тогда как частные изменения растянут это преобразование на века, как было в ряде европейских стран). Первый шаг по реализации такого плана, по его мнению, неминуемо повлечет за собой последующие шаги, при отдельных улучшениях этого может и не произойти. Такой

комплексный и «с опережением» подход Канкрин к крестьянскому вопросу заслуживает самой высокой оценки.

Тем более неожиданным представляется поведение министра финансов в секретном Комитете, учрежденном в марте 1835 г. «для изыскания средств к улучшению состояния крестьян разных званий»⁷⁹ (председатель — И.В.Васильчиков, члены — М.М.Сперанский, Е.Ф.Канкрин, П.Д.Киселев и Д.В.Дашков). Программа комитета была весьма обширна: устройство конфискованных у польских повстанцев имений для передачи в частные руки, устройство казенных старостинских и фундушевых имений в западных губерниях, преобразование управления казенными крестьянами и, наконец, меры к улучшению состояния помещичьих крестьян. Вопрос о казенных и помещичьих крестьянах рассматривался как единый вопрос о сельском населении Российской империи после того, как Сперанский в 1827 г. (в записке для Комитета 6 декабря 1826 г.) заметил, что в деле улучшения положения крестьян правительство должно подавать пример частным лицам⁸⁰.

Члены комитета полагали, что все части предстоящего им труда «должны быть обработаны под господством одной главной мысли и служить одна другой подкреплением и примером, с теми изменениями и различиями, коих потребуют свойства каждой части и местные обстоятельства» и потому старались прежде всего согласиться в «основных началах». Они признали, что нет иного способа к достижению предназначенной им цели, как «установление для крестьян верного и со всею осторожностью размеренного перехода от одной степени на высшую, и, так сказать, нечувствительного возведения их от состояния крепостного до состояния свободы в той мере, какую закон справедливости и польза государственная допустить могут». Определение степеней и порядка этого перехода «требует величайшей осмотрительности: поспешность, необдуманное распоряжение и даже одно имя свободы, рано произнесенное, могут иметь последствия губительные»⁸¹.

Комитет установил «три степени состояния крестьян всех наименований, казенных и помещичьих»: 1) состояние крепостных с ограничением работы на владельца тремя днями на основании манифеста 1797 г.; таково положение помещичьих крестьян великороссийских губерний; они находятся в полной зависимости от помещика: тяжесть их работ, кроме числа дней и распоряжения их лично, не ограничены законом; 2) состояние крестьян, обязанных *мерною работою*: они остаются *крепкими земле*; количество работ их будет определено законом соразмерно с количеством земли, получаемой ими в пользование от помещика; 3) состояние крестьян, пользующихся правом свободного перехода от одного владельца к другому и обрабатывающих помещичьи земли на основании заключаемых договоров; такой порядок установлен в Остзейских губерниях⁸².

Очевидно, что все помещичьи крестьяне относились к 1-й степени. Ближайшей задачей правительства по отношению к ним было законодательное регулирование повинностей крестьян, т.е.

введение обязательных инвентарей, точно определяющих размеры барщины и соответствующего ей денежного эквивалента. Крестьяне 2-й степени — это государственные крестьяне. Так как они уже платили своему владельцу — казне — точно установленный законом оброк или отбывали (в западных районах) барщинные повинности на основании утвержденных инвентарей, то очередные усилия правительства должны были привести к уравнению положения помещичьих крестьян с крестьянами казенными. В дальнейшем и те, и другие получали право перехода и право заключения договора на пользование земельным участком, т.е. превращались в свободных, но безземельных хлебопашцев, ничем не отличавшихся друг от друга по своим правам и обязанностям⁸³.

Следовательно, что касается государственных крестьян, была отброшена мысль о превращении их в наследственных держателей казенной земли на основе семейного землепользования и была выдвинута новая — свободного распоряжения крестьянскими наделами со стороны казны. То же самое можно сказать и о владельческих крестьянах: идею выделения им земли в бессрочное содержание заменило соображение о безземельном освобождении и аренде земли у хозяев на основе договора.

Однодворцы, свободные хлебопашцы и другие, состоящие на особых правах и владеющие *собственной землей*⁸⁴, не были включены комитетом в эти разряды, т. к. они «не могут служить степенью к установленному переходу».

Члены Комитета справедливо полагали, «что переход на вторую степень», т. е. из крепостных в прикрепленных к земле, «будет уже важным улучшением для крестьян первой степени», но, к сожалению, они считали также очевидным, что с «благоразумным приготовленным» переходом крестьян на третью степень, т. е. к тем отношениям, какие были установлены в Остзейском крае, «исполнится желание правительства и удовлетворится потребность государственная, столь важная для будущего спокойствия и процветания России»⁸⁵.

Таким образом, по мнению Комитета 1835 года, последним словом в крестьянском вопросе является обезземеливание крестьян по образцу Прибалтийского края. Это не удивительно по отношению к Сперанскому, который допускал освобождение без земли и в Комитете 6 декабря 1826 года, но вызывает недоумение, что Канкрин допускал обезземеливание крестьян, тогда как в записке 1818 г. он считал возможным даровать право перехода лишь после того, как земельные наделы будут объявлены «собственностью каждого семейства под условием уплаты соразмерных повинностей» (наследственная аренда)⁸⁶. Н.М.Дружинин объяснял такое отступление Канкринина от своих идей 1818 г. неблагоприятным впечатлением, произведенном на графа борьбой ирландского крестьянства и революцией 1830 г. во Франции (он опасался, что остзейские области Российской империи станут питательной средой аналогичных движений)⁸⁷. Еще печальнее, по мнению В.И.Семевского, что Комитет допускал возможность обезземеливания и для

казенных крестьян, находившихся несомненно в лучшем положении, чем, хотя и лично свободное, но лишенное наследственного пользования землей земледельческое население прибалтийской окраины России⁸⁸.

Связь между таким решением и аграрной проблемой, встававшей в помещичьих имениях, несколько позднее была раскрыта Киселевым на одном из заседаний Государственного совета. Говоря о повсеместном убеждении государственных крестьян в том, что казенные наделы составляют их неотъемлемую и бесспорную собственность, Киселев находил такое явление чрезвычайно нежелательным: «Эта мысль перешла к крестьянам помещичьим и укореняется более и более — мысль опасная и которая может иметь последствия самые плачевные»⁸⁹. Чтобы подготовить безземельное освобождение помещичьих крестьян, нужно было, по мнению Киселева, переломить убеждение крестьян казенных, внушить им противоположную мысль, что собственником их наделов является само государство и только оно одно.

Работы комитета могли принять весьма опасное для крестьян направление: в этот период царствования императора Николая, очевидно, еще не была отброшена мысль о возможности безземельного освобождения крестьян, грозившего русскому народу при его предшественнике⁹⁰. Окончательное изменение во взглядах правительства, резкое неодобрение крестьянской реформы в прибалтийских губерниях начинается со времени следующего секретного комитета 1839—1842 г. Заслуга этого изменения будет принадлежать уже, увы, не графу Канкрину, хотя его идеи относительно уничтожения крепостного права в России во многом предвосхитили развитие событий.

Для осуществления принятой программы комитет 1835 г. предполагал руководствоваться следующими основными началами: прежде всего, при всех удобных случаях распространять и утверждать коренное правило, что «земля есть неотъемлемая и неприкосновенная собственность помещика (казны или частного лица)» и что крестьяне могут пользоваться ею не иначе, «как с согласия помещика и взамен определенной за нее работы». По мнению комитета, «несчастливая мысль, почти повсеместно существующая между помещичьими крестьянами, что они сами принадлежат господину, а земли принадлежат им, есть одно из главных препятствий к достижению желаемой цели при введении предполагаемых улучшений крестьянского быта; она может возбудить волнение умов и подать повод к важным беспорядкам»⁹¹.

Далее необходимо определить «различные по местным обстоятельствам размеры работ, которыми должно обложить по закону крестьян 2-й степени, тщательно соображая эти размеры не по числу душ, а по количеству получаемой в пользование земли и по способам каждого семейства к ее обрабатыванию»⁹². Эти меры должны стать первым шагом к предполагаемому улучшению быта крестьян 2-й степени. Другими словами, при введении инвентарей необходимо учитывать местные социально-экономические усло-

вия. Размер повинностей должен устанавливаться не по количеству крестьянских душ, а по величине земельных участков и по степени развития промыслов, т.е. по степени доходности крестьянского хозяйства. Предполагалось установить единообразные нормы барщины и оброка и для казенных, и для частновладельческих крестьян.

И, наконец, планировалось «приготовить ряд постановлений и распоряжений,.. кои бы развивались постепенно, отнюдь не имея вида какой-либо перемены в государственных постановлениях. Должно, чтобы, при переходе с одной степени на другую крестьяне находили уже ощутительную выгоду в перемене своего положения и были приготовлены пользоваться оною, не переступая дозволенных границ». Члены Комитета опасались «внезапного потрясения прав собственности» и массового переселения крестьян, получивших право свободного перехода, в южные губернии⁹³.

Очевидно, что предложенные меры удивительно похожи на планировавшиеся в другом Комитете — 6 декабря 1826 г. — и были составлены, скорее всего, тем же человеком — Сперанским. Канкрин согласился со всеми решениями своих «сочленов». Однако он не торопился делать из них какие-либо практические выводы: он не указывал путей реализации постановлений Комитета — о сближении государственных и помещичьих крестьян, о подготовке конечного этапа реформы и о способах воздействия на частновладельческие имения силами и средствами казенного хозяйства. Его в тот момент занимали совсем другие проблемы: решался вопрос о том, кто будет преобразовывать дальше государственную деревню — он или Киселев.

Члены Комитета рассмотрели внесенный Канкриным по повелению государя «Проект нового управления казенными имуществами» и нашли, что согласно с изложенными выше основными правилами, это преобразование должно составлять одно целое с общим делом улучшения состояния крестьян разных названий. По свидетельству очевидца, сам Канкрин не верил в успех своего проекта управления государственными крестьянами⁹⁴. Осенью 1835 г. заседания Комитета возобновились, но ни к каким положительным результатам никак не приводили. Его члены оказались не в состоянии выработать никакого определенного проекта. Сперанский прямо заявлял, что по делу о помещичьих крестьянах не ждет успеха. Противоречия между Киселевым и Канкриным достигли своего пика. Тогда император решил из общего вопроса о сельском населении России выделить устройство казенных крестьян и поручить его Киселеву. Правда, сначала он предложил Канкрину заняться этим делом, но предложение было сделано таким образом, что последнему ничего не оставалось как отказаться от него. В апреле 1836 г., как отмечалось выше, было учреждено V Отделение СЕИВК, впоследствии преобразованное в министерство государственных имуществ (1837). Управление казенными крестьянами перешло к Киселеву, и дальнейшие преобразования получили его имя.

Канкрин вернулся к вопросу о крепостном праве в своей последней работе («Очерки политической экономии и финансов» 1845), где писал, что свобода крестьянина без владения землей хуже, чем крепостная зависимость⁹⁵. Поэтому, несмотря на «зигзаг» 1835 г., можно сказать, что, немец по происхождению, российский министр финансов Егор Францевич Канкрин прекрасно разбирался в реалиях русской жизни и был, пожалуй, наиболее дальновидным и наименее утопичным из авторов проектов освобождения крестьян первой трети XIX столетия. Доказательством можно считать использование аналогичных идей во всех значительных документах по крестьянскому вопросу 1840—1861 гг.

Секретные комитеты второй четверти XIX в. оставили заметный след в законодательстве по крестьянскому вопросу. При Николае I «законодательство о крепостном праве стало на новую почву и достигло важного результата — общего признания, что крепостной крестьянин не есть частная собственность землевладельца»⁹⁶ и, что освобождение крестьян без земли хуже, чем сохранение крепостного права. Таким образом, при этом императоре произошли определенные сдвиги и в праве, и в социальной психологии дворянства, хотя таковых и не наблюдалось в положении крестьян. В этом есть заслуга и Егора Францевича Канкринна.

Свидетельством его преданности России является деятельность на благо ее. Двадцать один год, при двух императорах, быть министром финансов и при этом укрепить финансовую систему страны — это под силу только незаурядной личности, обладающей высоким профессионализмом, только умному, знающему свое дело и деятельному человеку. Егор Францевич отличался и мощным теоретическим обоснованием своей практической деятельности⁹⁷. Современник высоко оценил его усилия по укреплению отечественной экономики: «Канкрин вывел наши финансы и государственное хозяйство из самого бедственного состояния. Он организовал и привел в нормальное состояние наш бюджет»⁹⁸. Другой современник отмечал: «До какой степени благотворна России гениальная его деятельность, о том свидетельствует все, к чему только относились его распоряжения. Открыто множество новых источников доходов; повсюду проявилось движение; промышленность и торговля достигли цветущего состояния; ожило земледелие, лесоводство и горнозаводство»⁹⁹.

К сожалению, этого нельзя сказать о крестьянских проектах Канкринна. Большинство его идей так и не были реализованы при его жизни, а некоторые не нашли воплощения никогда.

Примечания

¹ Божерянов И.Н. Граф Егор Францевич Канкрин. СПб., 1897. С. I.

² См., напр.: Божерянов И.Н. Указ. соч. С. VIII; Блюх И.С. Финансы России. СПб., 1882. Т. I. С. 155—156.

³ Боровой С.Я. К истории промышленной политики России в 20—50-х годах XIX в. // Исторические записки. Т. 69. М., 1961. С. 281, 282, 287, 280;

Рындзюнский П.Г. Гильдейская реформа Канкрин 1824 г. // Там же. Т. 40. М., 1952. С. 110.

⁴ Катыхова Л.А. От рубля бумажного к рублю серебряному // Русский рубль. М., 1994. С. 34—54; Юровский В.А. Министр финансов Е.Ф.Канкрин // Вопросы истории. 2000. № 1.

⁵ История СССР. Учебник для исторических вузов / Под ред. И.А.Федосова. М., 1987. С. 100.

⁶ Мироненко С.В. Страницы тайной истории самодержавия. М., 1990. С. 102.

⁷ Есть сведения, что Ф.Л.Канкрин был приглашен в Россию П.А.Румянцевым-Задунайским по рекомендации своего родственника генерал-инженера Бадера.

⁸ Граф Егор Францевич Канкрин. Очерк его жизнеописания // Русский архив. 1866. Т. IV. С. 113.

⁹ От этого времени сохранились его письма к академику Н.И.Фуссу с убедительной просьбой о месте учителя в гимназии (Граф Егор Францевич Канкрин. Очерк его жизнеописания. С. 116).

¹⁰ Лажечников И.И. Граф Е.Ф.Канкрин // Русский вестник. 1864. № 6. С. 145.

¹¹ Граф Егор Францевич Канкрин. Очерк его жизнеописания. С. 118.

¹² Там же. С. 119.

¹³ Богданович М.И. История царствования императора Александра I и Россия его времени. Т. 6. СПб., 1871. С. 399.

¹⁴ Граф Егор Францевич Канкрин. Очерк его жизнеописания. С. 120.

¹⁵ Блиох И. Указ. соч. Т. I. С. 160.

¹⁶ Названия даны в переводе с немецкого, т.к. все свои произведения, в отличие от деловых бумаг, Канкрин писал на родном языке.

¹⁷ Граф Егор Францевич Канкрин. Очерк его жизнеописания. С. 121—122.

Вообще, по мнению Канкрин, следует «не переменять елико можно коренных государственных установлений, ибо недостатки существующего известны, нового сокрыты» («Замечания, представленные Канкриним Комитету 6 декабря 1826 года в виде нескольких тезисов о преобразовании государственного управления», цит. по: Блиох И.С. Указ. соч. Т. I. С. 177—178). Когда «дух переменчивости обладает народами», лучшее средство борьбы с ним — умеренная и мудрая финансовая политика (Там же).

В конце жизни Канкрин издал обобщающий труд, в котором углубил и расширил положения своих ранних произведений (Экономия человеческих обществ и финансовая часть (*Die Ökonomie der menschlichen Gesellschaften und das Finanzwesen*). Штутгарт, 1845; пер. и изд. в СПб. в 1894 г. под назв.: «Очерки политической экономии и финансии»).

¹⁸ Божерянов И.Н. Указ. соч. С. 13.

¹⁹ Письма Е.Ф.Канкрин к А.А.Аракчееву // Дубровин Н. Письма главнейших деятелей в царствование Александра I. СПб., 1883. С. 384, 443.

²⁰ Граф Егор Францевич Канкрин. Очерк его жизнеописания. С. 122.

²¹ Письма Алексея Петровича Ермолова к Арсению Андреевичу (впоследствии графу) Закревскому // Сборник Русского Исторического общества (Сб. Р.И.О.). Т. 73. С. 417; Письма Алексея Петровича Ермолова к князю Михаилу Семеновичу Воронцову // Архив князя Воронцова. Т. XXXVI. М., 1890. С. 239.

²² Муравьев-Карский Н.Н. Записки // Русский архив. 1894. Т. III. С. 48.

- 23 Божерянов И.Н. Указ. соч. С. 81.
- 24 Из записок П.М.Языкова. Русский архив. 1867. С. 395.
- 25 Вагнер А. Русские бумажные деньги. Киев, 1871. С. 128 (примечания Н.Х. Бунге к русскому переводу).
- 26 Вернадский И.В. Очерк истории политической экономии. СПб., 1858. С. 203.
- 27 Записки графа Александра Ивановича Рибопьера // Русский архив. 1877. С. 234 (А.И.Рибопьер — бывший директор Коммерческого банка).
- 28 Блюх И.С. Указ. соч. С. 204—205.
- 29 Блюмин И.Г. Очерки экономической мысли в России в первой половине XIX в. М.; Л., 1940. С. 139.
- 30 Реформа началась с финансового Комитета 1839 г., следствием работы которого стало уничтожение лажа и введение постоянной металлической монетной единицы; в 1843 г. был утвержден манифест «О замене государственных ассигнаций другими денежными представителями», выработанный одноименным комитетом; это был заключительный этап реформы (Сб. Р.И.О. Т. 98. 1896. С. 175—207).
- 31 Усов П.С. Столетие дефицитов // Исторический вестник. 1885. Т. XX. С. 521.
- 32 Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 171.
- 33 Хотя тариф был введен незадолго до прихода Канкрин в Министерство финансов реализация новой таможенной политики стало уже его делом. Сам Канкрин подчеркивал, что вовсе не является безоговорочным адептом протекционной политики. В литературе не раз отмечалось, что частичные перемены в таможенном тарифе 1822 г., проведенные при Канкрине, в основном сводились к отмене некоторых запрещений к ввозу. К.Лодыженский даже констатировал, что «переход от строго охранительной таможенной политики к началу более умеренного протекционизма начался еще при Канкрине» (Лодыженский К. История русского таможенного тарифа СПб., 1886. С. 226).
- 34 Переписка между Канкриним и А.Гумбольдтом в 1827—1832 гг. издана в Лейпциге в 1865 г. К участию в этих экспедициях по изучению естественных богатств России Канкрин привлекал богатых иностранцев, частично «спонсировавших» экспедиции (Русская старина. 1904. № 2. С. 362).
- 35 Технологическое отделение было создано при 3-й Московской гимназии и при некоторых губернских гимназиях. По инициативе Канкрин были открыты также училища торгового мореплавания в Москве и Петербурге, шкиперские учебные курсы в Архангельске (Божерянов И.С. Указ. соч. С. 174).
- 36 2-я (1831 г.) и 4-я (1835 г.) выставки отечественной промышленности прошли в Москве, 3-я (1833 г.) — опять в Северной столице.
- 37 Статья Канкрин «Монограммы или ряд гербовых знаков на стенах замка Изборского» была опубликована в «Отечественных записках» (1827. № 81. С. 28) с примечанием редактора: «разыскания сии сделаны в 1805 г. по просьбе покойного канцлера графа Николая Петровича Румянцева». Профессор Иконников, автор работы «Опыт русской историографии», говорил, что граф Румянцева отыскивал по указанию Канкрин древние камни на Западной Двине (см.: Божерянов И.С. Указ. соч. С. 138).
- 38 Картины воображения слепца. Берлин, 1845. (В старости Канкрин стал очень плохо видеть).
- 39 Современник. 1846. Т. 41. С. 60—74.

40 П.А.Плетнев даже назвал местность вокруг Лесного института (т.н. Лесной корпус), превращенную Канкриным из «дикой пустыни» в прекрасную «новую часть для городского населения», Канкринополем (Переписка Я.К.Грота с П.А.Плетневым. Т. II. СПб., 1886. С. 717).

41 «Это было такое нововведение, какого не знала в то время Франция», — писал биограф Канкрина (Божеянов И.С. Указ. соч. С. 174).

42 Например, не упоминалось о том, что Канкрин всячески способствовал облегчению участи своего свояка — Артамона Муравьева (жена Канкрина была родной сестрой декабриста).

43 Полн. собр. законов Российской Империи. 2-е собр. Т. 1. № 423.

44 Так должны были называться 2-я и 3-я части работы. Исторический очерк «О законах, относящихся до землевладельцев и крестьян в Западной Европе и России» был подготовлен профессором М.А.Балугьянским и директором департамента государственных имуществ Министерства финансов Дружининым.

45 Государственный архив Российской Федерации. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1817. Ч. 6. Л. 65 об. (из дневника М.А.Корфа).

46 Канкрин был сторонником рассеянной мануфактуры; он мечтал о поселении на Урале свободных рабочих — собственников участков земли.

47 В 1835 г. Киселев писал о будущем преобразовании: «Управление казенными крестьянами С.-Петербургской губернии вверяется конторе, учрежденной по примеру удельной» (Заблоцкий-Десятковский А.П. Граф П.Д.Киселев и его время. Т. 2. СПб., 1882. С. 13)

48 На местах были учреждены особые палаты государственных имуществ, а в уездах — окружные управления. Было допущено и некоторое самоуправление казенных крестьян.

49 По Своду законов «к крепостному состоянию принадлежат: 1) крестьяне помещичьи; 2) дворовые люди» (Свод законов. Т. 9. 1833. Ст. 543).

50 Речь пойдет о двух из них — 1818 и 1827 гг. План «постепенных распоряжений от перемене крепостного состояния» 1836 г., рассчитанный на 20 лет, повторял основные положения предыдущих (Русский архив. Т. 3. С. 1360—1373; Российский государственный исторический архив. Ф. 560. Оп. 31. Д. 27. Л. 8 и след., л. 51 и след.).

51 Русский архив. 1865. № 3. С. 1360—1373. Авторство Канкрина удостоверено П.И.Бартеневым (Русский архив. 1866. № 4. С. 126).

52 Д.А.Гурьев — министр финансов в 1810—1823 гг.

53 Н.С.Мордвинов предлагал крепостным выкупать свою личную свободу по цене, соответственной возрасту и «рабочей способности» каждого. Н.И.Тургенев предлагал прежде всего устранить самые вопиющие злоупотребления крепостного права; не придавал большого значения тому, с землей или без земли будут освобождены крестьяне (Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в. Т. I. СПб., 1888. С. 442, 451—453).

54 Киселев планировал «дозволить крестьянам с семейством их из рабства выкупаться» по цене, «сколь можно для дворян выгодной» и назначенной правительством (кроме дворовых); его предложения о переселении «лишних» крепостных крестьян (тех, кому не хватило земли) в малонаселенные губернии с переходом их в вольные хлебопашцы представляются утопичными (Заблоцкий-Десятковский А.П. Указ. соч. Т. IV. СПб., 1882. С. 197—198).

55 Аракчеев предлагал правительству постепенно выкупить крепостных крестьян с землей у помещиков по ценам данной местности так, чтобы у крестьян было бы по 2 дес. земли на душу, прибегнув для этого к специ-

ально создаваемому ежегодному капиталу (5 млн руб.) либо из отчислений от питейных сборов, либо путем выпуска 5%-ных облигаций государственного займа. Проект этот предусматривал слишком маленькие размеры крестьянских земельных участков, оставляя помещикам возможность сдавать землю в аренду (Девятнадцатый век. Исторический сборник. Кн. 2. М., 1872. С. 147).

⁵⁶ Русский архив. 1865. № 3. С. 1360—1361, 1369.

⁵⁷ Там же. См. также: Предтеченский А.В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. М., 1957. С. 348.

⁵⁸ Семевский В.И. Указ. соч. Т. 2. С. 26.

Когда Киселев в 1834 г. предложил распространить закон, действующий в Грузии — разрешение крестьянам, продаваемых с аукциона имений, выкупаться на волю — на Россию, при продаже имений разночинцев, министр финансов в Государственном Совете выступил против. Он заявил, что «приобретение свободы несколькими тысячами семейств не может принести государству существенной пользы и, что для вернейшего достижения подобной цели требуются меры не частные, но общие» (Заблоцкий-Десятовский А.П. Указ. соч. Т. II. С. 224).

⁵⁹ Русский архив. 1865. № 3. С. 1364. Ср.: у Киселева (1816): уничтожить права дворянства на крепостных «внезапно и самовольно было бы несправедливо и неосторожно... Первый порыв вольности влечет к буйству...» (Киселев П.Д. «О постепенном уничтожении рабства в России» // Заблоцкий-Десятовский А.П. Указ. соч. Т. 4. СПб., 1882. С. 197).

⁶⁰ Русский архив. 1865. С. 1364, 1366.

⁶¹ Там же. С. 1373 («Естественные последствия крепостного состояния привели, наконец, наших крестьян в ужасающее положение», — писал Канкрин).

⁶² Ср.: С.В.Мироненко о П.Д.Киселеве: Мироненко С.В. Указ. соч. С. 191.

⁶³ Русский архив. 1865. С. 1369.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же. С. 1370.

⁶⁶ Семевский считал, что Канкрин привлекала система, введенная в Лифляндии и Эстляндии в 1804—1805 гг. Земля там оставалась собственностью помещиков, но находилась в наследственном пользовании крестьян, и могла быть отобрана только по приговору суда. Кроме того, там предусматривалось соразмерение и облегчение повинностей крестьян; ограждение их от произвола помещиков; дозволение им приобретать собственность (Семевский В.И. Указ. соч. Т. 1. С. 448). Однако, судя по тексту записки, Канкрин такая система как раз и не устраивала (Русский архив. 1865. С. 1367).

⁶⁷ Там же. С. 1373.

⁶⁸ Корф М.А. Император Николай в совещательных собраниях // Сб. Р.И.О. Т. 98. СПб., 1896. С. 139.

⁶⁹ Семевский В.И. Указ. соч. Т. 1. С. 448.

Ключевский называл предложения Канкрин лучшими применительно к первой четверти XIX в. (Ключевский В.О. Курс русской истории // Соч. в 9-ти т. Т. 5. С. 214).

⁷⁰ Российский государственный исторический архив. Ф. 560. Оп. 31. Д. 27. Л. 8 и сл.; см. также: Боровой С.Я. Указ. соч. С. 282 (в бумагах Комитета 6 декабря 1826 г. записки не было).

71 Эта записка входила в состав подготовительных материалов Комитета 1839—1842 гг., предоставленных его членам по распоряжению императора для составления краткого очерка истории крестьянского вопроса. В обоих документах речь шла об обязательной работе или плате за пользование землей, причем размер их раз и навсегда устанавливался законом (что было оговорено и в записке Канкрин 1818 г.).

72 «Записка о крепостном состоянии в России и о мерах, какие должны быть приняты для улучшения положения крепостных поселян и дворовых людей и для достижения не быстрыми, но верными и безопасными средствами совершенного освобождения их от рабства» (Девятнадцатый век. Кн. 2. С. 159—163). 5-я статья этой «Записки» практически дословно совпадает с текстом раздела V-го «Дополнительного закона о состояниях» («О крестьянстве»), представленного в Государственный совет в начале 1830 г. (Сб. Р.И.О. Т. 90. СПб., 1894. С. 377—381).

73 Девятнадцатый век. Кн. 2. С. 162—163.

74 Там же. С. 164—165.

75 Семевский В.И. Указ. соч. Т. 1. С. XXVII—XXVIII.

76 Леонтович В.В. История либерализма в России. М., 1995. С. 142.

77 Сб. Р.И.О. Т. 74. СПб., 1891. С. 165—168, 171—175.

78 Так, в тот же Комитет 6 декабря 1826 г., Канкрин подал тезисы о преобразовании государственного управления, включавшие и соображения о новых губернских учреждениях. Эти тезисы вызвали резкую отповедь Сперанского. Последний считал замечания Канкрин по губернским учреждениям «нелепостью» не только в России, но даже в Соединенных Американских Штатах, а по поводу государственного устройства России отмечал, что «островное или федеративное устройство», описанное Канкриным, не имеет ничего общего с российским. По мнению Сперанского, проект Канкрин ничего общего с обсуждаемым в Комитете не имеет (Божерянов И.Н. Указ. соч. С. 91, 154, 118—119, 120).

79 Комитет 1835 года назывался «Комитетом, учрежденном на указанных его императорским величеством основаниях».

80 Семевский В.И. Указ. соч. Т. 2. С. 9.

81 Там же. С. 22.

82 Там же.

83 См.: Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д.Киселева. М.; Л., 1946. Т. 2. С. 284.

84 Еще межевой инструкцией 1766 г. однодворческие земли помещного происхождения были признаны казенными; собственными их землями считались только купленные или данные в вотчину.

85 Семевский В.И. Указ. соч. Т. 2. С. 23.

86 Там же.

87 Дружинин Н.М. Указ. соч. Т. 1. С. 188.

88 Семевский В.И. Указ. соч. Т. 2. С. 23.

89 Институт русской литературы (ИРЛИ). Ф. Киселева, № 29.7.128 (собственноручные «Заметки на память»); цит. по кн.: Дружинин Н.М. Указ. соч. Т. 1. С. 286—287.

90 Семевский В.И. Указ. соч. Т. 2. С. 23.

91 Там же. С. 24.

92 Там же.

93 Там же. С. 24—25.

94 О причинах такой неуверенности говорилось выше.

⁹⁵ Очерки политической экономии и финансии. СПб., 1894. С. 220. См. примечание 17 к данной работе.

⁹⁶ Ключевский В.О. Указ. соч. Т. 5. С. 249, 255.

⁹⁷ См. напр.: Иконников В.С. Граф Н.С.Мордвинов. СПб., 1873. С. 450.

⁹⁸ Ковалевский Ег.П. Граф Д.Н.Блудов и его время. СПб., 1866. С. 150.

⁹⁹ Божерянов И.Н. Указ. соч. С. VIII (Из речи П.А.Плетнева в Санкт-Петербургском университете 3 февраля 1846 г.).

**Малопосевные хозяйства:
маломощные или неоптимальные?**

(системно-структурный анализ социально-экономических процессов в украинском селе в начале нэпа)

Советская историография, опиравшаяся на методику, примененную в числе первых В.И. Лениным¹ для классификации крестьянских хозяйств, обычно использовала их группировки, основанные на показателе посевной площади, традиционном для материалов сводной земской статистики. Меньшая площадь посева в хозяйствах принималась в качестве основания (критерия) для определения его как бедного, лишенного средств производства (маломощного). Наоборот, чем больше в хозяйстве посевной площади, тем оно считалось богаче, на основании чего ему приписывались нелицеприятные эксплуататорские признаки.

Такие принципы классификации обосновывались прежде всего тем, что площадь полевого посева в хозяйстве рассматривалась как концентрированное выражение (результат) его экономического потенциала, формируемого возможным сочетанием и использованием ресурсов хозяйства соответственно внешним условиям (природно-климатическим, экономико-правовым, социально-политическим, религиозно-этническим, последствий естественных и антропогенных катастроф). С другой стороны, посевная площадь бралась в качестве основного группировочного признака в обобщенных материалах весенних и осенних выборочных опросов крестьянских хозяйств, проводившихся в годы нэпа на Украине в лучших традициях земской статистики. При этом исследователи обычно абстрагировались, например, от систем севооборота, животноводческой специализации, состава почв, климатических и пр. особенностей регионов.

Редукция пространства экономических признаков крестьянских хозяйств к одному «универсальному» лишала многих исследователей оснований для формирования концепций природы бедности, кроме классовой (бедняки — социальная опора рабочего класса, зажиточные — «враги народа»). Интересно, что при таком подходе абсолютизировалось отношение «беднейшего» крестьянства к советской власти. Предположение, высказанное однажды В.И. Лениным и ставшее традицией почти на 80 лет, о союзе (надо

* Святец Юрий Анатольевич — кандидат исторических наук (Днепропетровский национальный университет, Украина).

полагать, о единстве «классовых» интересов) рабочего класса с «беднотой», игнорировало различия в стимулах к труду, существование самого труда в сельском хозяйстве и в промышленности. Политические лозунги и цели затмевали экономические законы хозяйства. Поэтому всякий раз, когда те или иные исследователи предпринимали попытки осуществлять экономический анализ без апелляции к политической *persona non grata*.

Целью данного исследования является выяснение причин конъюнктуры, в лучшем случае они оставались «не услышанными», в худшем — объявлялись существованию малопосевных крестьянских хозяйств на юге Украины в 1923 г. и того, следует ли их отождествлять с бедняцкими.

* * *

Среди небольшого круга альтернативных подходов к изучению природы и определению размеров крестьянских хозяйств в связи с нашим исследованием видится необходимым обращение внимания на статьи Г.Раевича, К.Воробьева и монографию А.В.Чаянова. Во-первых, взгляды названных авторов отличаются принципами изучения от традиционного для советской историографии тезиса о том, что бедность малопосевных хозяйств объясняется прежде всего дефицитом ресурсов (рабочей силы, рабочего скота, сельскохозяйственных орудий и инвентаря). На основании эмпирического опыта Г.Раевич предложил признаки классификации хозяйств, К.Воробьев — показатели интенсивности, А.В.Чаянов — принципы оптимизации. Во-вторых, несмотря на различия в целях, региональных и хронологических рамках, источниках данных, эти исследования роднит опыт многомерного (многопризнакового) изучения крестьянских хозяйств. В-третьих, для нашего исследования они важны еще и потому, что в них предложены принципы формирования относительных показателей, позволяющих оценить экономический потенциал хозяйств путем элиминации «универсального» признака посевной площади. обеспечение хозяйства, 3) интенсивность сельскохозяйственного производств

В 1926 г. Г.Раевич, говоря об определении объема крестьянского хозяйства, называл такие основные его параметры: 1) размеры землепользования; 2) техническое обеспечение хозяйства, 3) интенсивность сельскохозяйственного производства². Источником для собственных исследований он избрал материалы бюджетных обследований крестьянских хозяйств 1910—1915 гг. ряда губерний: Тамбовской, Ферганской, Симбирской, Ярославской, Пензенской.

Двумя годами ранее (1924 г.) К. Воробьев, анализируя методологию сельскохозяйственного районирования, выделял ряд показателей, с помощью которых можно изучать особенности организации крестьянского хозяйства в соответствующих регионах³. Среди прочих он называет признаки интенсивности хозяйства: 1) пропорции экстенсивных и интенсивных культур; 2) молочное

животноводство; 3) свиноводство; 4) соотношение пара, залежей, посевов трав и пахотных площадей. Названные признаки концентрируют в себе способ организации сельскохозяйственного производства. Так, уменьшение посевной площади и снижение размера домашнего стада означает сокращение сельскохозяйственного производства, а следовательно приводит к увеличению закупок сельскохозяйственных продуктов и развитию отхожих промыслов крестьянства, т.е., вопросы интенсивности хозяйства и объема их производства взаимосвязаны между собой и являются индикатором дееспособности крестьянских хозяйств.

В том же 1924 г. профессор А.В.Чаянов издал монографию «Оптимальные размеры сельско-хозяйственных предприятий», которая была определенным итогом исследований группы сотрудников (А.Чаянов, И.Лопатин, А.Вайнштейн) Института сельскохозяйственной экономики, начатых еще в 1921 г. по поручению Центрозема. В этой работе А.В.Чаянов утверждал, что идеальным устройством сельскохозяйственного производства является не большая латифундия и не индивидуальное крестьянское хозяйство, а новый тип хозяйственной организации, где организационный план расщеплен на цепочку звеньев, каждое из которых организовано в наиболее оптимальных для него размерах, т.е. идеальным он усматривал крестьянское семейное хозяйство, выделившее из собственного организационного плана все те его звенья, в которых форма крупного производства имеет несомненное преимущество над мелким, и организовавшее их с разной степенью включенности в кооперативы⁴. Отмечая важнейшую роль в сельскохозяйственном производстве солнечной энергии, падающей на площадь поверхности Земли⁵. А.В.Чаянов акцентировал внимание на том, что человек не может солнечные лучи, падающие на 100 дес., собрать на одну. По своей сущности сельское хозяйство объективно связано с пространством, т.е. чем больше размеры сельскохозяйственного производства, тем большую площадь оно должно занимать. На этом основании он делал вывод о том, что в полеводстве количественное выражение преимуществ большого хозяйства над хозяйством мелким не очень значительно⁶. Укрупнение, которое несомненно имеет место в сельском хозяйстве, не может быть заметно значимым. Оно дает достаточно заметный эффект, в соответствии с доводами А.В.Чаянова, только при переходе от карликовых хозяйств в более крупные, которые могут использовать полностью основной сложный инвентарь. Дело в том, что первые далеко не в полной мере используют наличный у них инвентарь и, расширяя собственную площадь, обрабатывают ее теми же способами, которыми они были обеспечены ранее, за счет более полного их использования⁷. Таким образом, большое производство совсем не обязательно должно вытеснять собой мелкое. Это тем более становится понятно, если осознавать, что крестьянское хозяйство, будучи неизбежно расположенным в пространстве, предполагает перемещение в нем большого количества объектов — людей и жи-

вотных, машин, орудий и инвентаря, семян, удобрений и выращиваемых продуктов, что неизбежно увеличивает транспортные издержки, а следовательно, отражается на себестоимости продукции⁸. Особенно это становится заметно и ощутимо в случаях перехода от экстенсивной зерновой системы хозяйствования к интенсивной — замене злаковых растений пропашными и техническими культурами (свеклой, турнепсом, картофелем и т.п.)⁹. Таким образом, сама природа сельскохозяйственного производства ограничивает возможности значительного его укрупнения¹⁰.

Далее А.В.Чаянов поставил вопрос о необходимости решения проблемы оптимальных размеров хозяйства, т. е. проблемы поиска такой площади эксплуатации, для которой, при прочих равных условиях, себестоимость получаемых продуктов будет наименьшей¹¹, — проблему оптимума, за решение которой ученый и его коллеги были репрессированы, а позже, в 1975 г. Л.В.Канторовичу (1912—1986) была присуждена Нобелевская премия в области экономики. Его работы в сфере оптимального использования ресурсов и их расположения (см.: «Математические методы организации и планирования производства» (Л., 1939), «Экономические расчеты наилучшего использования ресурсов» (Л., 1960), разработка математического аппарата для решения так называемой «транспортной задачи», 1940)¹² были в русле чаяновских взглядов. А.В.Чаянов подчеркивал, что при решении проблемы преимуществ крупной и мелкой форм хозяйства нельзя ограничиваться только количественным сопоставлением их показателей, — противопоставлять нужно «не количество другому количеству, а разные количества друг другу»¹³. Другими словами, «вопрос шел не о борьбе крупной и мелкой формы производства в сельском хозяйстве, а о сравнительной выживаемости и устойчивости капиталистического земледелия, основанного на наемном труде с одной стороны и семейного крестьянского трудового хозяйства, качественно отличного от первого как по всей своей структуре, так даже и по основному пониманию выгоды хозяйственных начинаний, с другой стороны. Внимательное рассмотрение вопроса с несомненностью показывало, что качественные преимущества трудового хозяйства покрывают в значительной степени его количественную слабость»¹⁴.

* * *

В соответствии с аграрной реформой советской власти и Земельным кодексом Украины¹⁵ к началу 1920-х гг. было проведено уравнильное распределение земли между хозяйствами, исходя из трудовой нормы на едока. Предполагая, что такая реформа была осуществлена справедливо, можно утверждать, что каждая крестьянская семья получила удобной (пригодной) земли столько, сколько было предусмотрено законом и кадастром, а, следовательно, многоземельные хозяйства должны были бы означать много-

семейные, тогда как мелкие — малосемейные. Существенно, что небольшой надел земли теоретически проще обработать, даже при отсутствии тягла и сельхозорудий. Поэтому теоретически доля полевого посева от общей площади пригодной земли должна быть даже ниже во многоземельных хозяйствах. Проанализируем этот аспект на основе данных материалов весенней выборочной переписи 1923 г. крестьянских хозяйств Украины¹⁶.

В опубликованных материалах весенних выборочных переписей крестьянских хозяйств Украины данные для каждого административного округа сгруппированы по площади полевого посева в хозяйствах в 12 классов: 1) беспосевные; 2) с посевом до 0,5 дес.; 3) с посевом от 0,5 до 1,0 дес.; 4) от 1,0 до 1,5 дес.; 5) от 1,5 до 2,0 дес.; 6) от 2,0 до 3,0 дес.; 7) от 3,0 до 4,0 дес.; 8) от 4,0 до 5,0 дес.; 9) от 5,0 до 6,0 дес.; 10) от 6,0 до 9,0 дес.; 11) от 9,0 до 15,0 дес.; 12) свыше 15,0 дес.¹⁷ Каждая посевная группа представлена почти сотней абсолютных показателей, характеризующих размеры семьи, землепользования, усадьбы и приусадебного хозяйства, животноводства, структур посевного клина и средств производства и пр. Значительное количество признаков крестьянских хозяйств предполагает возможность использования для изучения материалов выборочных опросов *многомерных методов*, учитывающих значения набора наличных показателей. Это обусловлено, во-первых, тем, что, субъективно отбирая те или иные признаки хозяйств, исследователь не получит никаких гарантий, что какой-либо существенный из признаков окажется вне нашего внимания и, наоборот, несущественные будут вовлечены в процесс исследования. Во-вторых, использование многомерного подхода определяется необходимостью учета влияния на состояния объектов (крестьянские хозяйства) факторов (или «первопричин»), о существовании которых *a priori* мало что известно. В-третьих, многомерность подводит основу для получения сопоставимых данных и адекватных результатов исследования материалов выборочных опросов разных лет, программа которых эволюционировала по количеству и составу показателей.

В этой работе нами использованы такие средства многомерно-го статистического исследования как *кластерные* и *факторные* методы^{18*}.

С помощью кластерных методов, примененных к среднеокружным значениям признаков для 53 округов, входивших весной 1923 г. в состав Украины, получены 6 типов округов (рис. 1) (детальнее см.¹⁹). Наибольший интерес в данном исследовании пред-

* Напомним, что методы кластерного анализа позволяют провести многомерную классификацию (группировку) объектов, а методы факторного анализа имеют целью сжатие исходной информации, построение небольшого числа обобщенных признаков (факторов), каждый из которых репрезентирует группу взаимосвязанных признаков из исходного набора. (Прим. авт.)

ставляет Южная Степь, охватившая 8 округов (Бердянский, Запорожский, Екатеринославский, Криворожский, Мариупольский, Николаевский, Херсонский), который географически занял площади юга Украины, прилегающие к Черному и Азовскому морям. Им соответствуют северо-степной (представленный преимущественно расчлененными равнинами со средне- и тяжелосуглинистым лессовым покровом, занятыми в прошлом разнотравно-ковыльно-типчачковыми степями с байрачными лесами и господством обыкновенных черноземов) и юго-степной (представленный плоскими равнинами, часто с подовым рельефом, с тяжелосуглинистыми лессовыми породами, занятыми в прошлом ковыль-типчачковыми степями на южных черноземах) типы ландшафтов, годовые суммарные осадки около 350 мм, средние температуры января не ниже -5°C^{20} .

Хозяйства Южной Степи характеризовались: 1) наибольшими потерями крестьянского населения от голода 1922 г.; 2) высокой обеспеченностью (в среднем 9,1 дес.) хозяйств пригодной землей и одновременно наибольшей долей (11,05 %) хозяйств, арендовавших в 1922/23 г. удобную землю; 3) наибольшим поголовьем домашнего скота с молочной специализацией; 4) низкой обеспеченностью плугами и боронами и одновременно наилучшей обеспеченностью сложными орудиями (буккерами, сеялками), телегами на железном ходу; 5) преимущественно экстенсивным полеводством (озимая пшеница, кукуруза, подсолнечник, просо, ячмень, бахчевые и огородные культуры)²¹.

Для каждой посевной группы из 8 округов, вошедших в состав выделенного нами типа, были вычислены относительные значения основных характеристик составных крестьянского хозяйства в расчете на 100 дес. полевого посева, а площади полевых культур — на 100 хозяйств региона. На основании этих данных методом Уорда (*Ward*) была проанализирована матрица расстояний (в многомерном пространстве признаков) между посевными группами крестьянских хозяйств округов региона и построена дендрограмма (дерево связи кластеров) их последовательной иерархической агломерации²². В кластере объединены (Рисунок 2) 88 посевных групп (не учтены беспосевные) хозяйств для 8 округов Нижнеднепровской Степи.

Полученная классификация убедительно свидетельствует о том, что вся совокупность посевных групп хозяйств округов региона четко подразделяется по крайней мере на два достаточно однородных по составу типа: 1) *малопосевные* — с посевом до 3,0 дес. (7 724 опрошенных хозяйств); 2) *многопосевные* — с посевом более 3,0 дес. (19 393).

Для этих двух типов крестьянских хозяйств по каждому из признаков были вычислены средние значения, стандартные отклонения и коэффициенты вариации (таблица 1).

Таблица 1

**Основные характеристики двух типов крестьянских хозяйств
Поднепровской Степи**

Признак	Малопосевные хозяйства			Многопосевные хозяйства		
	Среднее	Стандартное отклонение	Коэффициент вариации, %	Среднее	Стандартное отклонение	Коэффициент вариации, %
На 100 дес. посевной площади приходилось						
1. Удобной земли, дес.	415,89	249,67	60,03	150,95	34,16	22,63
2. Членов семей обоих полов, лиц	377,61	253,17	67,05	87,46	28,28	32,33
3. Мужчин работоспособного возраста, лиц	77,77	52,11	67,00	19,29	6,41	33,23
4. Женщин работоспособного возраста, лиц	108,51	76,69	70,68	21,17	7,65	36,13
5. Рабочих лошадей, старше 4 лет, голов	5,28	5,39	102,20	9,23	3,63	39,37
6. Рабочих лошадей, младше 4 лет, голов	1,03	1,13	107,75	1,79	0,95	53,15
7. Жеребцов от 1 года до раб. возраста, голов	0,82	0,99	121,24	1,59	0,93	58,24
8. Жеребят в возрасте до 1 года, голов	0,33	0,44	134,55	0,99	0,71	71,73
9. Общего табуна лошадей, голов	7,45	6,76	90,72	13,61	5,53	40,64
10. Рабочих волов	1,12	2,99	267,05	1,76	1,68	95,26
11. Волов-третьяков	0,12	0,28	238,14	0,24	0,36	148,34
12. Быков, старше 2 лет	0,17	0,33	197,68	0,13	0,15	116,89
13. Общего стада коров	36,08	18,97	52,59	16,16	3,95	24,49
14. Яловых коров	1,18	1,23	103,97	0,76	0,38	49,45
15. Бычков старше 1,5 лет	0,27	0,58	212,45	0,31	0,24	78,64
16. Нетелей от 1 до 1,5 лет	2,74	3,00	109,45	1,79	0,90	50,41

Признак		Малопосевные хозяйства			Многопосевные хозяйства		
		Среднее	Стандартное отклонение	Коэффициент вариации, %	Среднее	Стандартное отклонение	Коэффициент вариации, %
17.	Телят до 1 года	12,90	9,33	72,29	7,87	1,87	23,81
18.	Общего стада крупного рогатого скота	54,59	30,95	56,69	29,04	6,05	20,85
19.	Общей череды овец	13,15	18,04	137,21	22,78	13,89	60,98
20.	Общего поголовья коз	0,55	1,71	308,92	0,09	0,16	180,89
21.	Поголовье свиней и кабанов	0,43	0,79	183,19	0,55	0,47	85,86
22.	Поголовье подсвинков	0,95	1,62	170,79	1,36	1,08	79,49
23.	Поголовье поросят	2,57	3,31	128,82	2,35	1,34	56,73
24.	Общего поголовья свиней	4,02	4,53	112,61	4,18	2,37	56,76
25.	Общего поголовья домашнего скота	79,76	42,86	53,73	69,69	16,73	24,01
26.	Плугов разных	87,48	66,81	76,37	6,30	5,77	91,59
27.	Буккеров	6,65	4,41	66,37	6,41	2,12	33,11
28.	Сох	5,65	4,69	83,05	5,68	1,58	27,85
29.	Сабанов	0,09	0,21	232,77	0,13	0,19	149,66
30.	Посевов на усадьбе и огороде, дес.	0,06	0,17	301,39	0,11	0,15	135,54
На 100 дес. полевого посева приходилось дес.							
31.	Ржи озимой	53,03	30,43	57,39	202,59	118,51	58,49
32.	Пшеницы озимой	5,67	6,22	109,84	86,78	92,66	106,77
33.	Пшеницы яровой	6,88	9,03	131,17	76,64	89,57	116,87
34.	Ячменя	41,60	24,14	58,04	203,26	136,77	67,29

Признак		Малопосевные хозяйства			Многопосевные хозяйства		
		Среднее	Стандартное отклонение	Коэффициент вариации, %	Среднее	Стандартное отклонение	Коэффициент вариации, %
35.	Овса	0,73	1,10	151,30	33,45	37,51	112,14
36.	Гречихи	0,02	0,04	236,27	0,53	0,82	155,34
37.	Проса	5,29	4,97	93,93	35,93	23,34	64,96
38.	Кукурузы	12,40	10,01	80,72	62,54	37,11	59,33
39.	Подсолнечника	11,67	15,21	130,41	55,91	53,03	94,86
40.	Льна	0,23	0,44	193,57	4,82	7,90	164,09
41.	Конопля	0,12	0,25	213,80	0,70	2,26	322,11
42.	Гороха	0,01	0,06	523,89	0,03	0,08	277,28
43.	Чечевицы	0,005	0,017	351,99	0,08	0,24	287,09
44.	Фасоли	0,018	0,032	179,41	0,26	0,59	224,94
45.	Картофеля	0,67	0,97	145,71	6,08	5,91	97,32
46.	Сахарной свеклы	0,04	0,12	309,67	0,44	0,90	207,40
47.	Сеянных трав	1,95	4,23	217,09	8,21	16,64	201,32
48.	Бахчи и огородных культур	6,91	6,41	92,69	28,18	23,03	81,72
49.	Прочих и нераспределенных	0,71	0,99	140,62	11,73	17,19	146,49
50.	Общая площадь	144,39	76,43	52,93	824,84	507,89	61,58

Средние размеры удобной земли во многопосевных хозяйствах составляли 11,82 дес., что только вдвое больше соответствующего значения для малопосевных хозяйств (5,70 дес.). Это означало, что в среднем на одного члена семьи во многопосевных хозяйствах приходилось приблизительно 2,16 дес., а в малопосевных — 1,46 дес., что больше только в 1,5 раза. Приблизительно такое же соотношение наблюдается и касательно площадей удобной земли в расчете на каждого члена семьи рабочего возраста: в крупнопосевных — 4,697 дес., а в малопосевных — 2,931 дес. Хотя в хозяйствах первого типа члены семей работоспособного возраста составляли 45,9 %, а в хозяйствах второго типа — 52,41 %. (правда, с позиций демографии это допустимое колебание контингента лиц работоспособного (15—59 лет) возраста (т.н. поколения родителей), доля которых в любом населении, независимо от типа воспроизводства населения, составляет 505 %). Приведенные цифры, по нашему мнению, убеждают, что многопосевные хозяйства в целом были лучше обеспечены удобной землей как в среднем на двор, так и из расчета на каждого члена семьи, в частности и работоспособного возраста.

Вместе с тем, коэффициент экономической нагрузки трудоспособных членов семьи многопосевных (1178,6) был выше, чем у хозяйств с полевым посевом до 3,0 дес. (908,0). Еще рельефнее эта тенденция проступает, если взглянуть на такой показатель, как количество (плотность) рабочих рук в расчете на единицу площади полевого посева. Выясняется, что в этом плане малопосевные хозяйства имеют заметные резервы, поскольку в них на каждые 100 дес. полевого посева приходилось 78 мужчин и 109 женщин рабочего возраста, тогда как во многопосевных соответствующие показатели были в 4 раза ниже — всего 19 мужчин и 21 женщина рабочего возраста. Причиной этому, на наш взгляд, было низкоэффективное использование малопосевными хозяйствами удобной земли. Так, на 100 дес. посевных площадей в них приходилось 415,89 дес. удобий, тогда как во многопосевных — только 150,95 дес.

Попытаемся выяснить, с чем это связано? Сравнительный анализ средних величин других показателей свидетельствует, что в малопосевных хозяйствах количество разных плугов (87) в расчете на 100 дес. полевого посева почти в 14 раз превышало соответствующее значение для многопосевных (6). Вместе с тем по количеством сох и буккеров эти два типа хозяйств почти не отличались.

Интересно сравнить также данные относительно обеспеченности каждого из названных типов хозяйств скотом в распределении по видам и возрасту. Как следует из таблицы 1, в расчете на 100 дес. полевого посева малопосевные хозяйства имели большее поголовье домашнего скота (87 голов), чем многопосевные (69). Состав поголовья скота позволяет, по нашему мнению, выяснить одну из причин малопосевности хозяйств. Прежде всего, в распределении домашнего стада прослеживается четкая тенденция преимущества во многопосевных хозяйствах рабочего (тяглого) скота — лошадей (14 голов, что вдвое больше, чем у малопосев-

ных — 7 голов), в т.ч. рабочего возраста от 4 годов и старше (соответственно 9 голов против 5) и младших 4 годов (1,79 против 1,03), жеребцов от 1 года до рабочего возраста (1,60 против 0,82) и жеребят в возрасте до 1 года (1,00 против 0,33), а также *рабочих волов* (1,76 против 1,12) и *волово-третьяков* (0,24 против 0,12). Превосходили многопосевные хозяйства и по обеспеченности отдельными видами продуктивного скота — *взрослых овец* (23 к 13) и *свиней* (0,55 к 0,43) и *подсвинков* (1,36 : 0,95). Т.е., в многопосевных хозяйствах в составе домашнего преобладал рабочий скот, что обуславливалось потребностью обработки больших площадей наличной удобной земли, и интенсивных видов (овцеводства и свиноводства) продуктивного скота.

Данные Таблицы 1 показывают, что по размеру поголовья крупного рогатого скота малопосевные хозяйства (55 голов) имели почти двойное преимущество над многопосевными (29), причем скота молочного направления, т. е. интенсивного (трудоемкого) животноводства. Так, коров в расчете на 100 дес. полевого посева у малопосевных хозяйств насчитывалось 36 голов, тогда как у многопосевных только 16. О молочной специализации малопосевных хозяйств свидетельствует и меньшая (35,76 %) доля телят в возрасте до 1 года, приходившихся на 100 коров, по сравнению с многопосевными (48,70 %). Т.е. состав стада крупного рогатого скота свидетельствует об экстенсивном (мясном) направлении многопосевных хозяйств и интенсивном (молочном) — малопосевных.

Отличались эти два типа хозяйств и по распределению культур в посевном клине. Так, в малопосевных хозяйствах приоритет отдавался преимущественно экстенсивным культурам: озимой ржи (36,73 %), ячменю (28,81 %), кукурузе (8,59 %), подсолнечнику (8,08 %), бахчевым и огородным культурам (4,79 %), а также сеянным травам (1,35 %). Во многопосевных же хозяйствах наряду с экстенсивными (озимой рожью — 24,56 %, ячменем — 24,64 %, кукурузой — 7,58 %, подсолнечником — 6,78 %) значительное внимание уделялось и интенсивным культурам (озимой пшенице — 10,52 %, яровой пшенице — 9,29 %, просу — 4,36 %, овсу — 4,05%, картофелю — 0,74%, льну — 0,58%, прочим и нераспределенным культурам — 1,42 %).

Рельефнее отличия двух типов хозяйств проявляются при *корреляционном анализе*. Для каждого из типов хозяйств вычислены матрицы коэффициентов парной линейной корреляции К.Пирсона, на основе которых построены графы тесных положительных связей между парами признаков. С первого взгляда на графы тесных связей элементов (параметров) этих двух типов хозяйств (см. Рисунки 3, 4) можно заметить существенные отличия между ними. Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что сила взаимосвязей между элементами малопосевных хозяйств значительно слабее, чем для многопосевных, т.е. хозяйства с посевом менее 3,00 дес. в Поднепровской Степи отмечались неустойчивой структурой. Другая особенность состоит в том, что граф тесных положительных связей элементов многопосевных хозяйств распадается

на два отдельные подграфа, причем эта разобщенность обусловлена отрицательными (обратными) взаимосвязями между ними, в отличие от малопосевных хозяйств, где такие связи положительны и достаточно сильны. Для многопосевных хозяйств получен самостоятельный подграф, в котором отображены тесные взаимосвязи между количеством едоков (22)* и количеством мужчин (23) и женщин (24) трудоспособного возраста, а также площадью пригодной земли (21), количеством различных плугов (47), общими размерами поголовья крупного рогатого скота (38) и, в частности, коров (33). Правда, площади удобий весьма слабо коррелировали с количеством плугов и размерами поголовья крупного рогатого скота и в т. ч. коров. Проанализируем детальнее эти два графа (две модели крестьянских хозяйств).

В малопосевных хозяйствах (рисунок 3), в отличие от многопосевных, имели место взаимосвязи таких элементов хозяйств, как площадь полевого посева под чечевицей (13), количество голов яловых коров (34) и коз (40). Одновременно в структуре малопосевных хозяйств отсутствовали положительные взаимосвязи с такими элементами, как доля полевого посева под коноплей, количество голов рабочих лошадей, младшие 4 лет (26), волов-третьяков (31) и двухлетних быков (32), а также количество сох (49), сабанов (50) и садово-огородных посевов (51).

Малопосевным хозяйствам свойственны следующие особенности в структуре. Хозяйства, имевшие достаточное большое поголовье лошадей (29), в посевном клине отдавали преимущество техническим — картофелю (15) и сахарной свекле (16) — и фуражным — овсу (5), многолетним сеянным травам (17), чечевице (13), прочим и нераспределенным (19) — культурам. Наряду с глубоко степными злаковыми (озимой рожью (1) и яровой пшеницей (3)) заметную часть полевого посева занимала такая интенсивная культура, как гречиха (6). Довольно типичным было сочетание в полевом посеве льна (10) с бобовыми — горохом (12) и фасолью (14), которые считаются кормовыми белковыми культурами. Характерно, что в хозяйствах с большим размером посева заметное внимание уделялось, прежде всего, такой экстенсивной трудоемкой культуре, как подсолнечник. В хозяйствах с преобладанием в составе табуна лошадей молодняка — жеребцов от 1 года до рабочего возраста (27) — как тягловый скот использовались также и рабочие волы (30).

Анализируя граф тесных положительных взаимосвязей элементов малопосевных хозяйств можно увидеть тесную (с силой более 0,9) корреляцию между общей площадью полевого посева (20) и его долей под ячменем (4). Зафиксированы тесные связи (силой от 0,7 до 0,9) общей площади полевого посева с трудоемкими культурами — озимой рожью (1) и кукурузой (8). Кроме того, уве-

* Здесь и далее по тексту в скобках указаны номера соответствующих признаков (элементов) крестьянских хозяйств.

личение площадей полевого посева для малопосевных хозяйств непосредственно связано (силой от 0,5 до 0,7) с такими культурами, как овес (5), озимая пшеница (2), просо (7), подсолнечник (9), бахчевые и огородные культуры (18), прочие и нераспределенные (19). Правда, многопосевным хозяйствам аналогичные взаимосвязи также свойственны.

Многопосевные хозяйства (рисунок 4) имеют значительно больше отклонений как от «стандартной» (типичной) структуры крестьянского хозяйства Поднепровской Степи, так и от структуры малопосевных. Прежде всего, отличия проявляются сильными взаимосвязями между такими элементами крестьянских хозяйств, как площадь полевого посева озимой ржи (1) и вместе с тем — озимой пшеницы (2) с площадью полевого посева овса (5) и поголовьем взрослых свиней и кабанов (41). Такие взаимосвязи элементов крестьянского хозяйства могут свидетельствовать об интенсивном характере полеводства и животноводства «многопосевных». Другой блок сильных взаимосвязей охватывает технические (масляно-текстильные) культуры — лен (10) и коноплю (11), а также картофель (15) и сеянные травы (17). Еще одной особенностью многопосевных хозяйств были тесные корреляции между размерами поголовья жеребят (28) и жеребцов от 1 года до рабочего возраста (27), с одной стороны, и, между размером поголовья рабочих лошадей, младше 4 лет (26), и общим поголовьем лошадей (29), с другой. Причем, эти элементы имели взаимосвязи средней силы с общим поголовьем свиней (44) и поросят в возрасте до 4 месяцев (43). Общее поголовье свиней (44) было тем больше, чем большими была общая площадь полевого посева (20), в которой весомую долю имела яровая пшеница (3). Общие площади полевого посева во многопосевных хозяйствах были взаимосвязаны с количеством голов бычков, старше 1,5 лет (35), взрослых овец и баранов (39), ранее названными полевыми культурами — ячменем (4), овсом (5), льном (10), картофелем (15). Площадь полевого посева гороха (12) была тесно связана с поголовьем прочего скота (45), а также с площадями полевого посева подсолнечника (9) и количеством голов взрослых овец и баранов (39). Последний показатель одновременно взаимосвязан с площадями полевого посева кукурузы (8) и фасоли (14). Необходимо отметить также наличие связи средней силы площадей полевого посева яровой пшеницы (3) и подсолнечника (9) с поголовьем рабочих волов (30), которое в свою очередь коррелировало с поголовьем волов-третьяков (31).

Следовательно, особенностью *многопосевных крестьянских хозяйств*, которая запечатлелась в графе тесных связей, является ориентация их на интенсивное рыночное полеводство (зерновое и техническое), продуктивное животноводство (свиноводство), с обработкой земли преимущественно лошадьми и развитием соответствующей фуражной базы для скота.

Углубить содержательные выводы анализа матриц корреляционных связей элементов каждого из этих двух типов хозяйств можно путем применения *метода главных компонент*²³. Факторный

анализ использован нами по двум основным причинам: во-первых, исследование корреляционных матриц усложняется определенной несопоставимостью полученных графов связей, во-вторых, на самих графах сложно вскрыть латентные тенденции, обусловившие различия мало- и многопосевных хозяйств.

Для малопосевных хозяйств получены 4 главные компоненты, которые совместно «объясняли» больше половины (53,45%) общей дисперсии объектов по признакам. Вращение факторов производилось методом нормализованного варимакса. *Первая главная компонента* объясняла 17,62% общей дисперсии (таблица 2).

Таблица 2

Значения существенных компонентных нагрузок первой главной компоненты малопосевных хозяйств

Название признака	Значение компонентной нагрузки
Положительные нагрузки	
Общее количество голов свиней	0,841
Общее количество голов домашнего скота	0,824
Общее количество голов крупного рогатого скота	0,823
Количество голов поросят	0,819
Количество голов телят	0,798
Количество голов коров	0,717
Мужчин рабочего возраста	0,710
Всех членов семьи	0,666
Количество голов нетелей	0,646
Женщин работоспособного возраста	0,636
Общее количество разных плугов	0,604
Количество голов яловых коров	0,598
Количество голов рабочих волов	0,561
Количество буккеров	0,499
Количество голов коз	0,492
Отрицательные нагрузки	
Площадь полевого посева ячменя	-0,458
Общая площадь полевых посевов	-0,428

Как следует из таблицы 2, первая компонента (обобщенный фактор) положительно влияла на общий размер домашнего стада (0,824*), главным образом крупного рогатого скота (0,823), в т.ч. телят (0,798), коров (0,717), нетелей (0,646), яловых коров (0,598),

* Здесь и далее по тексту в скобках указаны факторные нагрузки, т.е. значения коэффициентов корреляции фактора с соответствующими признаками.

рабочих волов (0,561), а также общего количества свиней (0,841), в т.ч. поросят (0,819) и подсвинков (0,463). Эта главная компонента играла существенную роль во многосемейных (0,666) хозяйствах с преобладанием мужчин (0,710) и женщин (0,636) работоспособного возраста, а также тех, которые имели выше среднего уровня обеспеченность различными плугами (0,604) и буккерами (0,499). Одновременно, влияние компоненты ослаблялось в хозяйствах, имевших выше среднего уровня общие площади полевого посева (-0,428), и в частности под ячменем (-0,458).

Таким образом, первая главная компонента определяла *животноводческую специализацию* малопосевных хозяйств региона.

Вторая главная компонента объясняла 12,17% общей дисперсии малопосевных крестьянских хозяйств (таблица 3).

Таблица 3

Значения существенных компонентных нагрузок второй главной компоненты малопосевных хозяйств

Название признака	Значение компонентной нагрузки
Положительные нагрузки	
Всего голов лошадей	0,903
Количество голов рабочих лошадей, старше 4 лет	0,868
Площадь полевых посевов картофеля	0,662
Количество голов жеребят	0,612
Количество голов лошадей от 1 года до рабочего возраста	0,598
Площадь полевого посева чечевицы	0,588
Площадь полевого посева сахарной свеклы	0,523
Количество голов рабочих лошадей, младше 4 лет	0,501
Количество буккеров	0,485
Количество голов взрослых свиней	0,481
Площадь полевого посева гречихи	0,473
Площадь полевого посева ржи озимой	0,464
Количество голов рабочих волов	0,436
Площадь полевого посева яровой пшеницы	0,435
Отрицательные нагрузки	
Площадь полевого посева подсолнечника	-0,381

Она проявляла себя наиболее сильно в хозяйствах, которые лучше других были обеспечены тяглом — лошадьми (0,903), в т.ч. рабочими лошадьми старше (0,868) и младше (0,501) 4 лет, жеребцами от 1 года до рабочего возраста (0,598) и жеребятами в возрасте до 1 года (0,612), а также рабочими волами (0,436). Среди прочего скота в таких хозяйствах преобладало поголовье взрослых свиней (0,481) и бычков, старше 1,5 лет (0,348). В полевом посевном клине наблюдалось усиленное внимание хозяйств к техниче-

ким культурам — картофелю (0,662), сахарной свекле (0,523), чечевице (0,588), а также трудоемким зерновым, свойственных преимущественно северной (полесской и лесостепной) Украине, — гречихе (0,473) и озимой ржи (0,464). Площади же полевого посева подсолнечника (-0,381) в таких хозяйствах были сравнительно небольшими.

Рассмотренная главная компонента может отображать степень *трудоемкости полеводства*.

Третья главная компонента дает 11,95% вклада в общую дисперсию малопосевных хозяйств (таблица 4). Положительное влияние этой компоненты наблюдалось в тех из них, которые имели сравнительно большие площади полевого посева (0,525), в составе которого превосходили, так сказать, фуражные культуры — овес (0,749), просо (0,723), кукуруза (0,714), сеянные травы (0,696), лен (0,587), картофель (0,460). Одновременно такие хозяйства были хуже всего обеспечены пригодной землей (-0,616) и различными плугами (-0,481), что было связано со сравнительно небольшими размерами их семей (-0,422), и, в частности, малой долей женщин работоспособного возраста (-0,453).

Следовательно, третья главная компонента отображает *фуражное полеводство малоземельных хозяйств*.

Таблица 4

Значения существенных компонентных нагрузок третьей главной компоненты малопосевных хозяйств

Название признака	Значение компонентной нагрузки
Положительные нагрузки	
Площадь полевого посева овса	0,749
Площадь полевого посева проса	0,723
Площадь полевого посева кукурузы	0,714
Площадь полевого посева сеянных трав	0,696
Площадь полевого посева льна	0,587
Общая площадь полевых посевов	0,525
Площадь полевых посевов картофеля	0,460
Отрицательные нагрузки	
Общая площадь пригодной земли	-0,616
Количество разных плугов	-0,481
Женщин работоспособного возраста	-0,453
Членов семьи	-0,422

Четвертая главная компонента объясняла 11,71 % общей дисперсии объектов (крестьянских хозяйств) в пространстве 50 признаков (таблица 5). Она положительно влияла, как и предыдущая компонента, на размер общей площади полевого посева (0,642), в

составе которого преобладали бахчевые и огородные культуры (0,872), прочие растения (0,733), ячмень (0,686), фасоль (0,655), гречиха (0,554), озимые рожь (0,477) и пшеница (0,525). Отрицательное же влияние, как и в предыдущей компоненте, сказалось на количестве разных плугов (-0,492), размерах семей (-0,472), количестве женщин работоспособного возраста (-0,472), а также на количестве голов всех коров (-0,427) и количестве сох (-0,408).

Исходя из этого, четвертая главная компонента отображает *экстенсивное полеводство малосемейных хозяйств*.

Таблица 5

Значения существенных компонентных нагрузок четвертой главной компоненты малопосевных хозяйств

Название признака	Значение компонентной нагрузки
Положительные нагрузки	
Площадь полевого посева бахчевых и огородных культур	0,872
Площадь полевого посева прочих и нераспределенных культур	0,733
Площадь полевого посева ячменя	0,686
Площадь полевого посева фасоли	0,655
Общая площадь полевого посева	0,642
Площадь полевого посева гречихи	0,554
Количество голов прочего скота	0,538
Площадь полевого посева озимой пшеницы	0,525
Площадь полевого посева озимой ржи	0,477
Отрицательные нагрузки	
Количество различных плугов	-0,492
Женщин работоспособного возраста	-0,472
Членов семей	-0,472
Общее поголовье коров	-0,427
Количество сох	-0,403

Для **многопосевных хозяйств** также получено четыре главные компоненты, которые объясняли больше половины (59,59%) объема общего рассеивания хозяйств в пространстве 50 признаков. После вращения главных компонент методом нормализованного варимакса наиболее «информативная» первая компонента объясняла около четверти (23,03%) общей дисперсии объектов (таблица 6).

Первая главная компонента имела наибольшее проявление в тех хозяйствах, которые имели площади полевого посева (0,822) выше среднего уровня, основными культурами в составе которого были преимущественно экстенсивные зерновые — озимые пшеница (0,834) и рожь (0,751), просо (0,753), ячмень (0,750), овес (0,726), кукуруза (0,632), — бахчевые и огородные (0,721), фасоль (0,535)

и прочие культуры (0,753). К этому следует добавить заметное поголовье взрослых свиней и кабанов (0,528). Такие хозяйства были преимущественно малосемейными (-0,802) и вместе с тем ниже среднего уровня обеспечены рабочей силой — мужчинами (-0,750) и женщинами (-0,771) работоспособного возраста в среднем на единицу площади полевого посева, что может быть свидетельством высокой интенсивности и производительности труда. Размеры поголовья крупного рогатого скота (-0,869), в т.ч. всех коров (-0,893) и телят (-0,583) были ниже среднего уровня, т.е. рассматриваемым хозяйствам не была свойственна молочная специализация. Ниже среднего уровня обнаруживается обеспеченность их разными плугами в расчете на единицу площади пригодной земли и полевого посева, что также свидетельствует о сравнительно высокой интенсивности работы в них.

Следовательно, первая главная компонента отражает *эффективность использования рабочей силы и орудий* многопосевными хозяйствами.

Таблица 6

Значения существенных компонентных нагрузок первой главной компоненты многопосевных хозяйств

Название признака	Значение компонентной нагрузки
Положительные нагрузки	
Площадь полевого посева озимой пшеницы	0,834
Общая площадь полевого посева	0,822
Площадь полевого посева прочих и нераспределенных культур	0,753
Площадь полевого посева проса	0,753
Площадь полевого посева ржи озимой	0,751
Площадь полевого посева ячменя	0,750
Площадь полевого посева овса	0,726
Площадь полевого посева бахчевых и огородных культур	0,721
Площадь полевого посева кукурузы	0,632
Площадь полевого посева фасоли	0,535
Количество голов взрослых свиней и кабанов	0,528
Отрицательные нагрузки	
Количество голов всех коров	-0,893
Количество голов крупного рогатого скота	-0,869
Количество членов семьи	-0,802
Количество мужчин работоспособного возраста	-0,780
Количество женщин работоспособного возраста	-0,771
Количество голов телят в возрасте до 1 года	-0,583
Количество разных плугов	-0,517

Вторая главная компонента дала вклад 14,38% в общую дисперсию хозяйств (таблица 7). Она положительно влияла как на общие размеры поголовья лошадей, так и на отдельные их возрастные группы — рабочих лошадей старше (0,821) и младше (0,761) 4 лет, жеребцов от 1 года до рабочего возраста (0,749) и жеребят (0,813). Другой категорией домашнего скота, количество которого в многопосевных хозяйствах было выше среднего уровня, оказались свиньи (0,694), в т.ч. поросята (0,675) и взрослые свиньи и кабаны (0,516). Названные категории домашнего скота, а также поголовье телят (0,544) определяли, по сути, основу домашнего стада (0,565). В противовес этим элементам многопосевных хозяйств, вторая главная компонента отрицательно влияла на обеспеченность сабанами в расчете на единицу площади полевого посева (—0,524).

Итак, вторая главная компонента отображала *интенсивное животноводство многопосевных хозяйств*.

Таблица 7

Значения существенных компонентных нагрузок второй главной компоненты многопосевных хозяйств

Название признака	Значение компонентной нагрузки
Положительные нагрузки	
Количество голов всех лошадей	0,901
Количество голов рабочих лошадей, старших 4 лет	0,821
Количество голов жеребят	0,813
Количество голов рабочих лошадей, младших 4 лет	0,761
Количество голов жеребцов от 1 года до рабочего возраста	0,749
Количество голов всех свиней	0,694
Количество голов поросят	0,675
Количество голов всего скота	0,565
Количество голов телят	0,544
Количество голов взрослых свиней	0,516
Отрицательные нагрузки	
Количество сабанов	—0,524

Третья главная компонента объясняла 12,28% общего рассеивания хозяйств (таблица 8).

**Значения существенных компонентных нагрузок
третьей главной компоненты многопосевных хозяйств**

Название признака	Значение компонентной нагрузки
Положительные нагрузки	
Площадь полевого посева трав	0,864
Площадь полевого посева льна	0,828
Площадь полевого посева картофеля	0,799
Площадь полевого посева конопли	0,772
Количество голов волов-третьяков	0,642
Количество голов нетелей	0,587
Количество голов бычков, старших 1,5 лет	0,544
Площадь полевого посева ярой пшеницы	0,505
Площадь полевого посева ржи озимой	0,451
Площадь полевого посева овса	0,425
Количество голов рабочих волов	0,401
Отрицательные нагрузки	
Площадь удобной земли	-0,445

Она имела большее проявление в тех хозяйствах, которые в полевом посеве значительное внимание уделяли техническим и пропашным культурам — сеянным травам (0,864), льну (0,828), картофелю (0,799), конопле (0,772), а также злаковым — яровой пшенице (0,505), озимой ржи (0,451) и овсу (0,425). В них основной тягловой силой был крупный рогатый скот — волы-третьяки (0,642) и рабочие вола (0,401), а из продуктивных категорий — нетели (0,587) и бычки, старше 1,5 лет (0,544). Это касалось преимущественно хозяйств, в которых на единицу площади полевого посева приходилась сравнительно небольшая площадь пригодной земли (-0,445).

По нашему мнению, третья главная компонента отображает *интенсивное полеводство* хозяйств, обрабатывавших крупным рогатым скотом ограниченные площади пригодной земли.

Четвертая главная компонента объясняла почти десятую часть (9,89%) общей дисперсии хозяйств в пространстве 50 признаков (таблица 9) и имела более сильное проявление в тех из них, которые в составе полевого посева значительное внимание уделяли экстенсивным культурам: подсолнечнику (0,821), гороху (0,643), кукурузе (0,506) и яровой пшенице (0,473). В составе домашнего стада они лучше были обеспеченных овцами (0,760), рабочими волами (0,641), быками-двулетками (0,480) и прочим скотом (0,463). У них сравнительно лучшей была обеспеченность сабанами (0,414) и одновременно худшей — разными плугами (-0,449).

Следовательно, четвертая главная компонента отображала экстенсивное полеводство с использованием крупного рогатого скота для обработки земли.

Таблица 9

Значения существенных компонентных нагрузок четвертой главной компоненты многопосевных хозяйств

Название признака	Значение компонентной нагрузки
Положительные нагрузки	
Площадь полевого посева подсолнечника	0,821
Количество голов всех овец	0,760
Количество голов всего домашнего скота	0,677
Площадь полевого посева гороха	0,643
Количество голов рабочих волов	0,641
Площадь полевого посева кукурузы	0,506
Количество голов быков старше 2 лет	0,480
Площадь полевого посева ярой пшеницы	0,473
Количество голов прочего скота	0,463
Отрицательные нагрузки	
Количество различных плугов	-0,449

Для сравнения результатов факторного анализа сведем главные компоненты в таблице 10. Легко можно увидеть, что существование мало- и многопосевных хозяйств в 1923 г. на юге Украины определяли разные факторы. Лишь на четвертом месте находится общий фактор экстенсивного полеводства. Многопосевность хозяйств детерминировалась так сказать «максимальным напряжением сил», напряженным использованием всей ресурсной базы. Существование же малопосевных хозяйств связано с нестандартными формами сельскохозяйственного производства — животноводческой специализацией, не требующей запашки земель, трудоемким полеводством, ограничивающим использование земли под посев, выращивание фуражных культур.

Таблица 10

Главные компоненты двух типов хозяйств юга Украины

Название главной компоненты	% объясненной дисперсии
Малопосевные	
I. Животноводческая специализация	17,62
II. Трудоемкость полеводства	12,17
III. Фуражная специализация полеводства	11,95

Название главной компоненты	% объясненной дисперсии
IV. Экстенсивное полеводство малосемейных хозяйств	11,71
Итого	53,45
Многопосевные	
I. Эффективность использования рабочей силы и орудий	23,03
II. Интенсивное животноводство	14,38
III. Интенсивное полеводство малоземельных хозяйств	12,28
IV. Экстенсивное полеводство	9,89
Итого	59,59

Полученные результаты позволяют сделать такие выводы:

1) каждый этап системно-структурного анализа социально-экономических процессов, происходивших в аграрном секторе Юга Украины, подтверждает результаты и выводы предыдущих этапов, что обеспечивает их взаимную обоснованность и верифицируемость;

2) кластер-анализ позволил выявить по крайней мере два типа крестьянских хозяйств этого региона — малопосевные (с полевым посевом до 3 дес.) и многопосевные (более 3 дес.);

3) исследование корреляционных матриц каждого из типов крестьянских хозяйств методом главных компонент свидетельствует о трудоемком характере производства малопосевных хозяйств и интенсивном полеводстве — многопосевных;

4) обеспеченность рабочей силой, тяглом и инвентарем в расчете на единицу площади пригодной (удобной) земли в малопосевных хозяйствах была не ниже, чем во многопосевных, что может свидетельствовать скорее о низкой эффективности (неоптимальности) малопосевных хозяйств, чем об их массовой бедности (маломощности).

Примечания

¹ В.И. Ленин в 1893 г. в работе «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни», анализируя книгу В. Постникова «Южнорусское крестьянское хозяйство», впервые сгруппировал данные, поданные по посевным группам (без посевов, с посевом до 5 дес., с посевом от 5 до 10 дес., от 10 до 25 дес., от 25 до 50 дес., свыше 50 дес.) для Таврической, Херсонской и Екатеринославской губерний (1887—1890 гг.). Используя деление хозяйств В. Постникова на три группы (малопосевные — с посевом до 10 дес., среднепосевные — с посевом от 10 до 25 дес., многопосевные — с посевом свыше 25 дес.), В.И. Ленин ставил целью по возможности точно охарактеризовать состояние каждой из этих групп по отдельности и по возможности выяснить размеры и причины социально-экономических различий в производстве (Ленин В.И. Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни. По поводу книги В.Е. Постникова — «Южнорусское крестьянское хозяйство» // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 1. С. 1—56).

Тот же принцип группировки по посевным площадям В.И.Ленин использует в статье «По поводу так называемого вопроса о рынках» (Ленин В.И. По поводу так называемого вопроса о рамках // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 1. С. 109—111), в книге «Что такое "друзья народа" и как они воюют против социал-демократов (ответ на статьи "Русского Богатства" против марксистов)» (Ленин В.И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов (ответ на статьи «Русского Богатства» против марксистов) // Там же. С. 100—106. Пол. собр. соч. 5-е изд. Т. 1) и последующих сочинениях, в которых затрагивался вопрос стратификации крестьянства.

² Раевич Г. Объем крестьянского хозяйства и теория факторов // На аграрном фронте. М., 1926. № 1. Янв. С. 10—21.

³ Воробьев К.К. К методологии сельско-хозяйственного районирования // Вестник статистики. М., 1924. Кн. 18. № 7—9. С. 47—76.

⁴ Чайнов А. Оптимальные размеры сельско-хозяйственных предприятий. М., 1924. С. 3—4.

⁵ Там же. С. 7.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 8.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 9.

¹⁰ Там же. С. 10.

¹¹ Там же. С. 12.

¹² Отметим, что исследования оптимальности размера крестьянских хозяйств 1920-х гг. проводились в 1970—1980-х гг. Ю.П.Бокаревым, использовавшим, в частности оптимизационные модели, методы линейного программирования при изучении материалов бюджетных обследований крестьянских хозяйств 1920-х гг. См., напр.: Бокарев Ю.П. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств 1920-х годов как исторический источник. М.: Наука, 1981.

¹³ Чайнов А. Указ. соч. С. 5.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Земельный Кодекс УССР с изменениями и дополнениями на 1 октября 1925 г. и алфавитно-предметным указателем. Харьков, 1925.

¹⁶ Статистика України. Серія 2. Сільсько-господарська статистика. Т. 3. Матеріали щорічних вибіркових обслідувань сільського господарства України. Вип. 5 (№ 38). Ітоги весеннього обслідування сільського господарства України в 1923 році (Выборочный подворный опрос). Харків, 1924. XIV. 168 с.

¹⁷ Интересно сопоставить эту группировку крестьянских хозяйств для 1923 г. с приведенной в упомянутой книге В.И.Ленина «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни», поскольку они касаются примерно одних и тех же территорий. В результате «справедливого» распределения земель по едокам хозяйства в годы нэпа стали явно беднее в целом по сравнению с XIX в.

¹⁸ Бородкин Л.И. Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях. М.: Изд-во МГУ, 1986.

¹⁹ Святець Ю.А. Структурний аналіз соціально-економічних процесів у селянських господарствах України в роки непу // Вісник Дніпропетровського університету. Історія та археологія. Дніпропетровськ: ДДУ, 1998. Вип. 4. С. 135—147.

²⁰ Геренчук К.И. Опыт классификации географических ландшафтов Украинской ССР и Молдавской ССР // Вопросы регионального ландшафтоведения и геоморфологии СССР: Географ. сб. Львов: Изд-во Львов. ун-та, 1964. Вып. 8. С. 5—13.

²¹ Святець Ю.А. Аграрна типологія України на початку непу (за даними вибіркового перепису селянських господарств 1923 року) // Вісник Дніпропетровського університету. Історія та археологія. Дніпропетровськ: ДДУ, 1999. Вип. 5. С. 76—95.

²² Геренчук К.И. Указ. соч.; Земельный кодекс УССР...

²³ Ленин В.И. По поводу так называемого вопроса о рынках // Там же. С. 109—111.

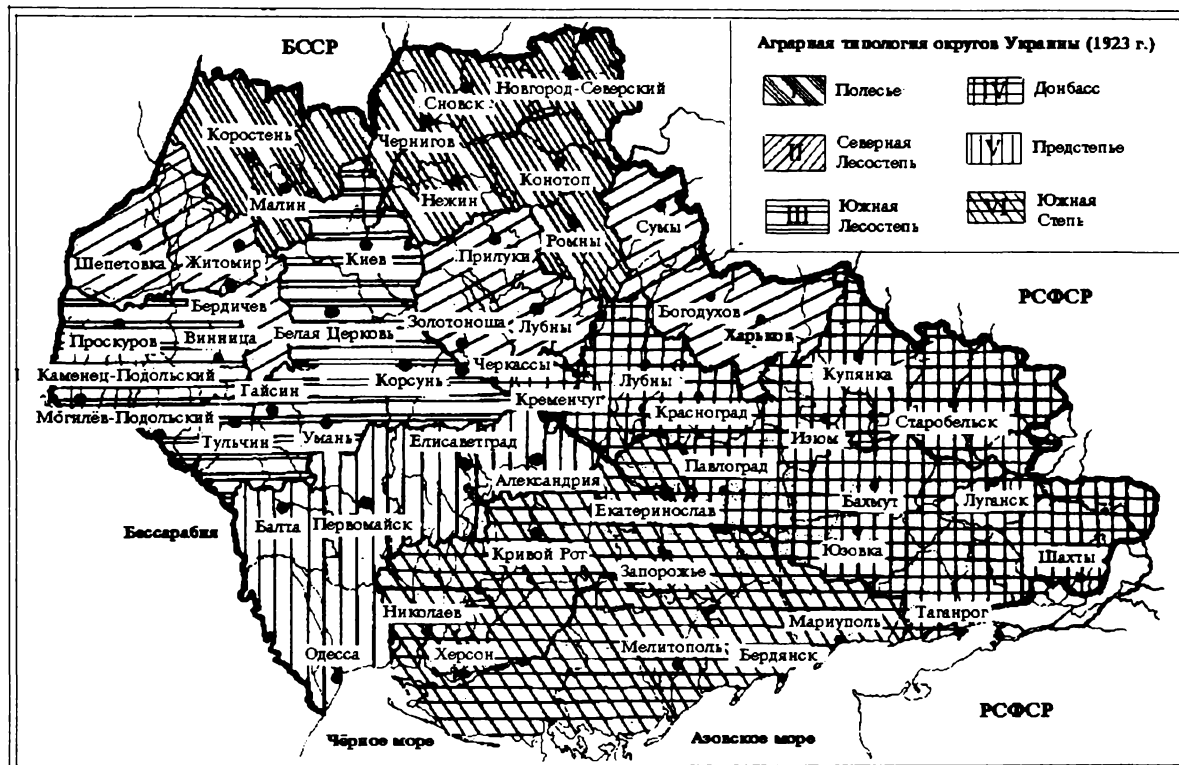
Библиография

Ким Дж.-О., Мьюллер Ч.У. Факторный анализ: статистические методы и практические вопросы // Факторный, дискриминантный и кластерный анализ: Пер. с англ. / Под ред. И.С.Енюкова. М., 1989.

Олдендерфер М.С., Блэшфилд Р.К. Кластерный анализ // Факторный, дискриминантный и кластерный анализ.

Харман Г. Современный факторный анализ / Пер. с англ. В.Я.Лумельского; Науч. ред. и вступ. ст. Э.М.Бравермана. М., 1972.

Организация крестьянского хозяйства. М., 1925.

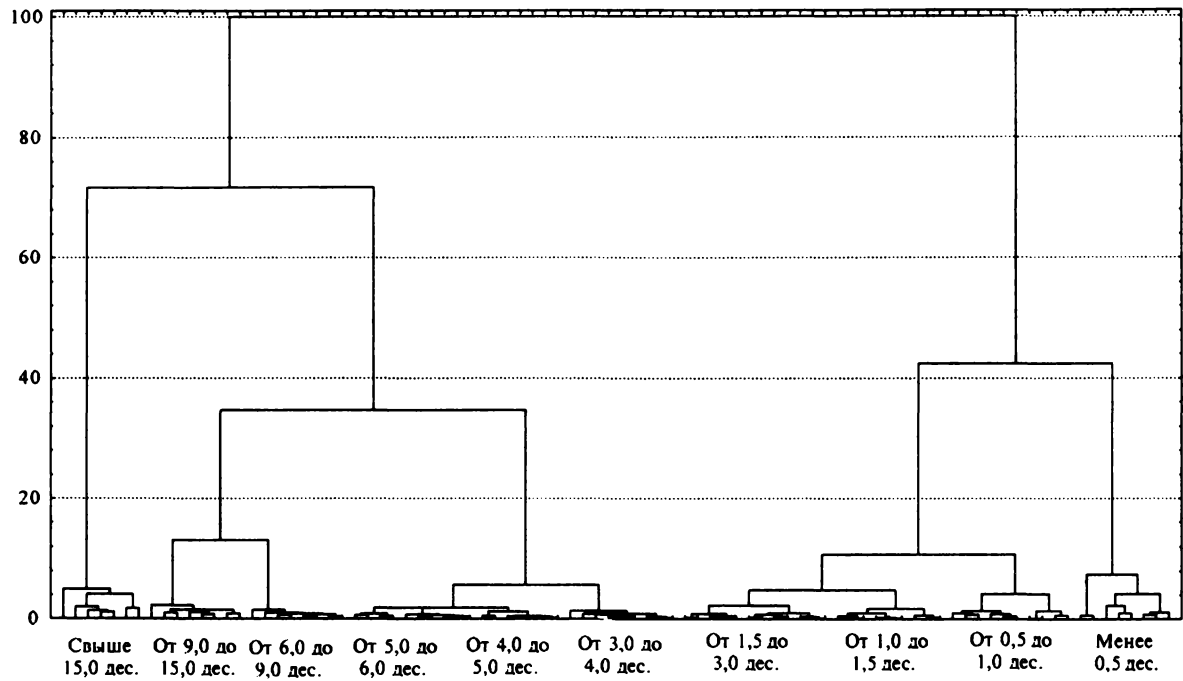
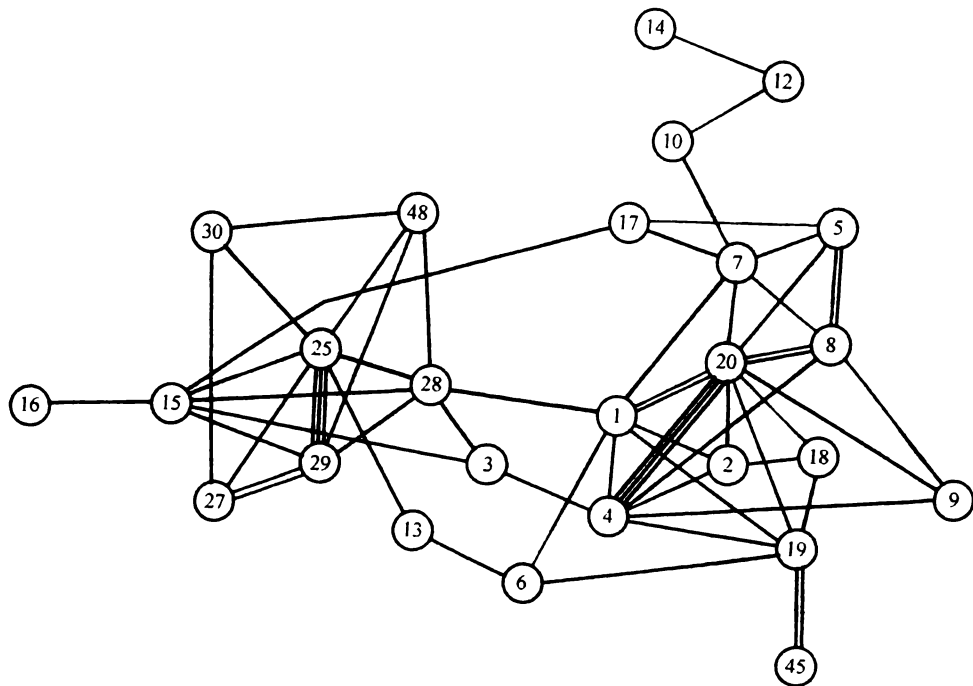

График тесных связей признаков для малопосевных хозяйств Поднепровской Степи (1923 г.)

Демографические процессы и экономическое развитие

Экономика, демография, экология в контексте модернизации аграрного общества (Тамбовская губерния в XIX — начале XX в.)**

Воздействие на экономику, разумеется, не сводится только к демографическому и экологическому факторам. Экономическое развитие всегда протекает в многофакторной среде. Однако демографический и экологический аспекты экономики наиболее близки к повседневной жизни человека традиционного аграрного общества. Причем, применительно к данной стадии развития общества демография рассматривает воспроизводство человека, главным образом, в качестве биологического вида сообразно законам природы, а экология — воздействие человека на окружающую среду и обратное воздействие природы на общество. Эти вопросы явно недостаточно изучались в российской исторической науке, особенно в отношении конкретных регионов и исторических периодов. Российская историография, особенно советского периода, традиционно наибольшее внимание уделяла политическим факторам (государственные деятели или институты), социальным факторам (общественные или производственные отношения), социально-политическим факторам (народные движения или классовая борьба), а также факторам субъективного порядка (религия или идеология).

Тамбовский регион выбран объектом данной статьи в силу многолетней связи с ним автора и его исследовательского опыта. Конечно, Тамбовская губерния, как и любая другая, испытывала влияние общероссийских процессов. Однако в XIX — начале XX в. она не столкнулась со значительным притоком населения извне или с кардинальными изменениями взаимоотношений человека с окружающей природной средой, связанными с открытием и разработкой новых природных ресурсов. Другими словами, регион естественно развивался «своим» населением и в «своей», относительно традиционной, природной среде.

Период XIX — начала XX в. выбран нами не только потому, что в эту эпоху завершался общемировой переход от аграрного общества к индустриальному. В разных странах и регионах отдель-

* Канищев Валерий Владимирович — доктор исторических наук (Тамбовский государственный университет).

** Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 99-06-80437.

ных стран этот процесс занял десятилетия и закончился в разное время. В Тамбовской губернии такая трансформация растянулась минимум на 150 лет и даже вышла за рамки рассматриваемого нами периода. В XIX в. постепенно обнаружились естественные пределы развития экономики, демографии и экологии традиционного общества, а в начале XX столетия явно проступили черты экономического, демографического и экологического кризиса аграрного общества.

Поэтому основной задачей статьи является анализ механизма нарастания кризисных явлений и, в меньшей мере, их преодоления, которое пришлось уже на советский период.

* * *

Тамбовский край начал широко осваиваться с середины XVII в., когда он стал одним из участков протяженной оборонительной линии Русского государства от набегов крымских и ногайских татар. Постепенное продвижение оборонительных сооружений на юг по сути было составной частью многовековой борьбы земледельцев и кочевников за обладание восточноевропейским участком Великой степи как громадным ресурсом экстенсивной экономики традиционного общества.

Оттеснение российским государством кочевников далеко на юг (после Азовских походов Петра I) уже в начале XVIII в. создало благоприятные условия для хозяйственного освоения русскими тамбовской черноземной территории. Поддерживаемое государством заселение региона русскими помещиками и крестьянами, активная русификация через миссионерскую деятельность православной церкви или через привлечение на русскую службу коренного финно-угорского (мордовского) и тюркско-кочевого (собирабельное название «татары») населения привели к утверждению земледельческого направления развития региона и вытеснению лесного охотническо-собирабельского хозяйства мордвы и степного скотоводческого хозяйства «татар».

В течение второй половины XVII—XVIII вв. экономика тамбовского региона развивалась почти всецело в зависимости от природных условий, которые пока не создавали ограничений для развития экстенсивного земледелия в приречных районах.

Естественно, экстенсивная аграрная экономика была сопряжена с экстенсивным демографическим поведением крестьянского населения. Как отмечают специалисты по истории экологии, человеку как биологическому виду присуща способность резко увеличивать свою численность при благоприятных условиях. Расширение «пищевого пласта» и рост стабильности запасов пищи благодаря освоению новых территорий и природных богатств влечет за собой демографический бум¹.

Как установил наш коллега В.Л.Дьячков, проанализировав годовые данные об основных показателях демографического поведения нескольких сельских и городских приходов Тамбовской гу-

бернии более чем за 150 лет (с середины XVIII до начала XX в.), крестьяне аграрного региона на протяжении всего периода неизменно демонстрировали традиционное демографическое поведение, практически полностью зависящее от природных циклов. Заметим, что сравнение процессов, выявленных на тамбовском материале, с демографическими процессами в ряде других российских и зарубежных периодов аграрного периода, дало аналогичные выводы².

По мнению В.Л.Дьячкова, примерно каждые 28 лет, в годы снижения рождаемости и урожайности, природа «устраивала» резкие повышения смертности, подбирая «лишних». Но человек, в отличие от растения и животного, существо с принципиально иной способностью к выживанию. Поэтому саморегулирующаяся циклическая модель начинала расщепляться, и кривая рождаемости отрывалась от кривой смертности. Используя демографическую статистику, В.Л.Дьячков локализует во времени момент, когда смертность «проспала» рывок рождаемости. По его мнению, в российской деревне это произошло на рубеже 1810—1820-х гг.

Этот рывок должен был стать для русской деревни сигналом к срочному переходу на иной тип хозяйства и демографического поведения, так, как это за десятки лет до того сделала западноевропейская деревня. Но в силу известных природных и исторических обстоятельств русский крестьянин не хотел и не мог позволить себе внять грозным предупреждениям свыше. Государство же, дожив с крепостным правом до середины XIX в., до поры не видело и не хотело видеть возможной катастрофы.

Результатом таких демографических процессов стали первые признаки аграрного перенаселения Тамбовской губернии. По подсчетам В.М.Кабузана, за период 1816—1854 гг. из Тамбовской губернии было переселено государством и помещиками около 60 тыс. крестьян³.

Миграция крестьянства за пределы губернии во многом была связана с тем, что тамбовские города, которые до середины XIX в. оставались главным образом административными центрами и аграрными поселениями, не могли принять сколько-нибудь значительное количество избыточного сельского населения.

Более того, в первой половине XIX в. они переживали заметные демографические и экологические проблемы, которые оказывали существенное влияние на развитие их экономики и препятствовали крестьянскому переселению в городские пределы.

По расчетам Б.Н.Миронова, с 1830-х гг. во многих российских городах наблюдались снижение естественного прироста при малом притоке населения. Главными причинами этого он считает высокую смертность горожан как следствие скученности населения, заметной антисанитарии, плохого водоснабжения⁴.

В условиях избытка в городах земледельческого населения и одновременного роста чиновничества, что особенно проявлялось в губернском городе, тамбовские власти вынуждены были проводить необычные миграционные мероприятия. В середине XIX в. было

организовано переселение из пределов города «неумещавшихся» здесь крестьян-однодворцев Покровской и Пушкарской слобод, а также обитателей Стрелецкой Ямской слободы (преимущественно ямщиков по профессии, имевших к тому же земельные наделы и занимавшихся сельским хозяйством) на свободные пригородные земли.

Тем не менее, в черте тамбовских городов многие десятилетия сохранялись (вплоть до наших дней) большие приусадебные участки. Конечно, их размеры были недостаточны для выращивания зерновых и других полевых культур. Они использовались под садово-огородные растения и содержание скота.

Для первой половины XIX в. трудно говорить о сочетании натуральности и товарности в хозяйствовании на городских приусадебных участках и степени интенсификации производства овощей, ягод, плодов, мяса, молока.

Информация экологического характера позволяет говорить о сохранении значительной по масштабам сельскохозяйственной деятельности горожан, явно не ориентированной на рынок. Свидетельством тому являются слова известного историка Тамбовского края прошлого века И.И.Дубасова о внешнем облике Тамбова начала XIX в.: «К довершению городского безобразия обыватели свободно вывозили навоз к собору (имеется в виду кафедральный Спасо-Преображенский собор. — В.К.) и тут, в центре города, возвышались на берегу Цны целыя смрадные горы. А иные жители бросали навоз прямо в реку, которая и без того никогда не отличалась доброкачеством воды»⁵.

В 1818 г. в Тамбове начали проводиться работы по исправлению большого канала, проходившего посреди города. И.И.Дубасов отмечал: «К несчастью работа шла медленно и неискусно. Строители получали награды и наживались, а канал не получил свежей и чистой воды "до сего дня"...»⁶

Все это породило серьезные экологические проблемы, особенно связанные с загрязнением речной воды. Уже Экономические примечания к Генеральному межеванию по Тамбову (1828 г.) свидетельствуют о том, что в описании р. Студенец, чьи ресурсы широко использовались горожанами с периода основания города в середине XVII в., не упоминается наличие рыбы. Применительно же к другим рекам, протекавшим через города губернии, составители Экономических примечаний исправно указывали наличие рыбы вплоть до перечисления их пород⁷.

Наиболее печальным результатом загрязнения воды в Тамбове в XIX в. (не только Студенца, но и Цны) стало превращение ее в питательную среду болезнетворных бактерий, в частности, холерных эмбрионов. Во многом вследствие этого Тамбов тяжело пережил эпидемии холеры не только 1830, но и 1848—1849, 1855, 1866 и особенно 1871 гг. Холерные эпидемии XIX в. тяжело сказались и на населении двух других городов губернии — Моршанска и Борисоглебска⁸. Два последних города расположены на сравнительно крупных реках — Цна (ниже Тамбова по течению) и Хопер, соот-

ветственно. Зараженность воды в районе этих средних по масштабам того времени городов говорит о сравнительно сильном отрицательном влиянии хозяйственной деятельности горожан на окружающую водную среду.

С другой стороны, важно отметить, что в других городах губернии (всего их было 13, преобладали малые города) сильных эпидемий холеры не было. Такое явление, вероятнее всего, объясняется небольшой демографической и экономической нагрузкой их населения на природную среду.

Существенное влияние на судьбу Студенца оказало и движение по ней судов с хлебом и другими сельскохозяйственными продуктами к базарной площади Тамбова. Такое интенсивное для небольшой реки движение вело к ее обмелению и размыванию берегов. Еще до XIX в. по берегам Студенца почти полностью был вырублен жителями Тамбова весьма густой дубовый лес, который укреплял речные берега.

На берегах протекавших через Тамбов Студенца и Цны не было крупных и даже средних промышленных предприятий и соответственно не могло быть промышленного загрязнения воды. Судьба этих рек наглядно показывает, что даже в доиндустриальном городе при наличии сравнительно высокой плотности населения и его широкой сельскохозяйственной деятельности могли возникать кризисные моменты в использовании человеком водных ресурсов.

Экологические проблемы как следствие экстенсивного экономического и демографического развития в первой половине XIX в. стали возникать и в сельской местности.

Наиболее существенной из них стало нарушение существовавшей в начале века оптимальной структуры использования природных угодий. Известный российский статистик К.И.Арсеньев, приводя сведения о количестве земли по Генеральному межеванию в Тамбовской губернии на 1797 г. (в пропорциональном отношении оно выглядело так: пашня — 40%, леса — 31%, луга — 29%), указывает на «самое равномерное распределение угодьев» в Тамбовской губернии в сравнении с другими губерниями черноземной зоны. Он также привел данные об изменениях структуры природных угодий в Тамбовской губернии в расчете на душу населения к 1846 г. За первую половину XIX в. пашня уменьшилась с 2,5 до 1,5 дес. на душу, луга — с 2 до 1 дес. на душу, леса — с 2 до 1 дес. на душу⁹. Эти цифры говорят о двукратном увеличении человеческой нагрузки на все основные природно-земельные ресурсы.

С другой стороны, если пересчитать в процентах данные 1846 г., можно увидеть, что структура использования природных угодий в сравнении с концом XVIII в. почти не изменилась. На 2% выросла доля пашни и настолько же сократился удельный вес лесов. Процентное содержание лугов среди других угодий сохранилось на прежнем уровне. А вот к середине 1860-х гг. произошло резкое изменение распределения использования земельных угодий

губернии. В 1866 г. пашня (вместе с усадебной землей) уже занимала 70%, леса — 18%, сенокосы — 12 %¹⁰.

Такого рода экологические процессы стали замечать еще современники. Известный в середине XIX столетия тамбовский публицист и писатель И. Грузинов в «Истории моего приятеля» писал: «Как хорош месяц Июнь в средней полосе России, в тех губерниях, которые еще по привычке называют степными, хотя земли девственной, нетронутой еще сохой, редко найдешь где среди их тучных, хлебородных нив; и ковыль трава, туземным жителям скоро будет известна по преданиям...»¹¹

К середине XIX в. в сельской местности наметились проблемы и с использованием водных ресурсов. В связи с нехваткой для расселения приречных территорий началось основание новых населенных пунктов в плакорных (межречных) пространствах, где требовались искусственные источники воды. Обработка данных списка населенных пунктов Тамбовской губернии 1862 г. показала, что около 20% сельских поселений (свыше 300) к этому времени расположились у прудов, колодцев, оврагов с водой и т.п.¹²

По неопубликованным еще подсчетам Е. Простотиновой, основанным на Экономических примечаниях к межеванию Менде, к середине XIX в., в десятках сел Тамбовской губернии стало наблюдаться чрезмерное загрязнение водоемов в связи с водопоем и купанием крупных стад скота, а также нарушение режима рек из-за строительства мельничных запруд.

Так что к эпохе Великих реформ в Тамбовской губернии проявились первые признаки демографического и экологического кризисов, которые не могли не отразиться на экономическом развитии. Как неизбежное следствие экстенсивного хозяйствования и агротехнической отсталости, начала снижаться урожайность основных культур. поголовье крупного рогатого скота сокращалось, т.к. условия его разведения ухудшались из-за распашки лугов¹³.

Крестьянская реформа 1861 г. открыла возможности для сравнительно быстрой социально-экономической модернизации России. Отмена крепостного права дала свободу крестьянам в смысле выбора профессиональных занятий, места жительства, устройства личной жизни, сделала их заинтересованными мелкими хозяевами, вынудила помещиков активно заняться экономической деятельностью, вкладывать деньги, полученные от выкупных платежей, за сдачу в аренду земли и т.п., в различные виды предпринимательства.

Во второй половине XIX — начале XX в. Тамбовская губерния оставалась типичным аграрным регионом¹⁴. Экстенсивное земледелие по-прежнему являлось главной отраслью сельского хозяйства, чему способствовало высокое плодородие земли.

Современные количественные методы исторического исследования, разработанные группой московских историков во главе с академиком И.Д. Ковальченко, позволили определить уровень сельскохозяйственного развития отдельных губерний Европейской России применительно к концу XIX — началу XX в. В этом отно-

шении Тамбовщина предстает как среднеразвитый регион, занимавший по совокупности показателей аграрного сектора 26-е место среди 50 губерний¹⁵.

По развитости земледелия Тамбовская губерния была одной из ведущих в Европейской части страны. В 1860—1870-е гг. она даже первенствовала по урожайности основных зерновых культур, по производству хлеба на душу населения. В пореформенный период произошел резкий скачок с традиционной даже для черноземных регионов России урожайности хлебов в сам-3 — сам-4 до сам-7 — сам-8.

Однако рост сельскохозяйственного производства в губернии только отчасти был связан с повышением производительности ставшего свободным труда крестьян. Главным образом он достигался экстенсивным путем, особенно из-за резкого расширения посевных площадей. В первое двадцатилетие после реформы на Тамбовщине усиленно распахивались целинные и залежные земли, вырубались леса, засыпались овраги.

К 1917 г. размеры пашни в процентном отношении выросли почти на 10 пунктов по сравнению с 1860-ми гг. Уже в середине XIX в. большая распаханность земель при крайне низкой агротехнике, повсеместная распашка склонов привели к росту числа оврагов. Именно в этот период стали говорить об эрозийных процессах на территории Тамбовской равнины.

Интенсивная рубка лесов привела к тому, что за 10 лет после реформы 1861 г. площадь лесов уменьшилась на 40% и составила около 18% общей площади. Лес вырубался для строительства, на вывоз, для производства угля, смолы, дегтя, разной утвари. Кое-где проводились засевания лесов после рубки, но из-за отсутствия ухода лес получался плохого качества. Некоторые современники-специалисты отмечали, что систематическое опустошение леса приведет к сокращению строительного материала и даже к изменению климата¹⁶. В последующие десятилетия процесс сведения лесов продолжался, и к 1917 г. их доля в структуре земельных угодий занимала уже менее 15%¹⁷.

Жажда получивших свободу крестьян побыстрее улучшить свою жизнь любым путем привела к истощению богатых тамбовских черноземных почв. Крестьяне порой даже не оставляли часть земли отдыхать под паром, не привыкли использовать удобрения, даже навоз от скотины не вывозился на поля.

К началу XX в. Тамбовская губерния стала постепенно отставать по уровню развития земледельческого производства от южных и восточных районов страны, где оставался обширный земельный фонд, а также от западных губерний, где заметно нарастали процессы интенсификации сельского хозяйства (использование сельхозмашин, применение минеральных удобрений, введение многопольных севооборотов, распространение агрономических знаний).

Производство хлебов в 1910-х гг. в Тамбовской губернии фактически оказалось на уровне 50-летней давности. В 1861—1866 гг. чистый годовой сбор зерновых составлял примерно 1050 тыс. т, в

1917 г. — 1150 тыс. т¹⁸. Снижение темпов роста производства продуктов земледелия, ряд неурожайных лет, вывоз огромного количества товарного хлеба из Тамбовской губернии, широкое использование зерна в качестве сырья для растущей винокуренной промышленности в условиях «демографического взрыва» породили серьезные продовольственные трудности в тамбовской деревне уже на рубеже 1880—1890-х годов и особенно последний крупнейший для дореволюционной России голод 1891 г.

Естественно, что крестьянство пыталось искать компенсацию душевого производства и потребления зерновых. Видимо, прежде всего такая компенсация происходила за счет наращивания производства «второго хлеба» — картофеля. С 1861 г. по 1917 г. в Тамбовской губернии сбор картофеля вырос со 100 тыс. до 530 тыс. т¹⁹. Но этот рост также мог привести к сложным экологическим последствиям, поскольку под посадку картофеля не совсем пригодны жирные черноземные почвы, и выращивание этой культуры шло часто на очищенных от лесов серых и песчаных землях.

По уровню скотоводства Тамбовская губерния, по оценкам историков, находилась среди наименее развитых территорий Европейской России. Скот Тамбовской губернии принадлежал, как тогда говорили, к обыкновенной русской породе, и только в немногих помещичьих имениях разводился крупный рогатый скот иностранных пород. Крестьянский скот оставался мелким, не отличался никакими особыми достоинствами и разводился преимущественно для продажи гуртовщикам и на солотопни, т.к. местное земледелие на черноземных почвах большей части губернии не требовало, по тогдашним представлениям, особых удобрений.

Сокращение лугов, сенокосов, выпасов неизбежно вело к сокращению поголовья скота. Земский исследователь экономического положения Центрально-Черноземных губерний А.Д.Полетов составил динамические ряды процентного содержания изменения численности домашнего скота по губерниям региона за 1861—1895 гг. Они показали, что весьма развитое в Тамбовской губернии коневодство в этот период постоянно сокращалось. К концу XIX в. количество лошадей уменьшилось более чем на 50%. С 1880-х гг. в губернии началось сокращения поголовья крупного рогатого скота. Через 20 лет оно стало меньше на одну треть²⁰.

Ухудшение экологического положения губернии и его влияние на экономику и жизненный уровень тамбовского крестьянства быстро заметили современники. Так, в отчете сенатора Мордвинова, ревизовавшего Тамбовскую губернию в 1870-е гг., отмечались явные признаки уменьшения крестьянского благосостояния, связанные с истощением плодородности земли вследствие беспорядочной и хищнической ее обработки, уменьшением количества рабочего скота²¹.

Экологический кризис дополнялся резким осложнением демографической ситуации. В 1870—1898 гг. произошел очередной циклический «демографический взрыв», в ходе которого рождае-

мость заметно «оторвалась» от смертности и к концу XIX в. население губернии выросло почти на миллион человек.

Демографический подъем до предела обострил проблему аграрного перенаселения Тамбовской губернии. По некоторым подсчетам, свыше 40% сельского населения оказалось «лишним»²².

Миграционные процессы не смягчили остроту демографической ситуации. К 1897 г. из губернии выехало 260 тыс. сельских жителей, почти десятая часть населения Тамбовщины на тот момент. В основном эти люди переезжали в Сибирь, в другие окраинные районы России, где имелись свободные земли. В 1906—1914 гг. из Тамбовской губернии выехало примерно 100 тыс. крестьян (около 3% населения края), что явно не могло смягчить напряженность земельного вопроса на Тамбовщине. К тому же, четверть тамбовских мигрантов не смогла обустроиться на новых местах и вернулась в родные края²³.

Еще меньшие масштабы имела промышленная миграция. Только около 15 тыс. тамбовских крестьян во второй половине XIX в. переселилось в промышленные районы России (Московскую, Харьковскую, Екатеринославскую и другие губернии)²⁴.

При этом, правда, нужно иметь в виду, что с постройкой железных дорог для тамбовских крестьян появились возможности для сезонного промышленного отходничества. Наиболее заметно оно проявилось в осенне-зимнем отъезде тамбовских мужиков на шахты Донбасса по проходившей через территорию губернии линии Юго-Восточной железной дороги. Но к весеннему севу мужчины возвращались домой и вновь вливались в ряды сельских работников и, что немаловажно отметить, наиболее активных едоков.

Города Тамбовской губернии, как и в первой половине XIX в., были не готовы принять избыточное сельское население. Специальное изучение автором этих строк степени урбанизации городов Тамбовской губернии с использованием коэффициента концентрации показало явное превращение их к концу XIX в. в места сосредоточения неземледельческих занятий²⁵. Но этот факт отражал не столько высокий уровень развития городов губернии, сколько контраст города и деревни, свойственный России в целом.

Сравнение городов Тамбовской губернии между собой позволяет выявить их иерархию. Тамбов выделялся как административный и культурный центр, в особенности, «паразитический город», т.е. место проживания дворянства, получавшего доходы от поместий (обитателей богоделен, приютов и им подобных учреждений), а также «социально незащищенных элементов», находящихся на содержании государства (обитателей богаделен, приютов и им подобных учреждений). Вместе с тем, в торговом, транспортном и промышленном отношениях Тамбов особо не выделялся. В целом его можно охарактеризовать как преиндустриальный город, где традиционные сферы деятельности преобладали над современными. К Тамбову были близки старые города севера губернии (Елатьма, Кадом, Спасск, Темников, Шацк), где отмечена высокая кон-

центрация как «паразитических элементов», так и чиновничества и духовенства.

Наименее развитыми были западные города региона (Усмань, Липецк, Лебедянь), заметно уступавшие по всем показателям, характеризовавшим современный, по тогдашним меркам, город.

Особое место следует отнести Кирсанову, который являлся сравнительно крупным военно-административным и религиозным центром и вместе с тем имел высокий коэффициент концентрации занятости населения в торговле. В Борисоглебске и Моршанске, с одной стороны, наблюдалась высокая концентрация чиновничества и войск, с другой, они были торговыми и транспортными узлами, занимали высокое место по коэффициенту концентрации промышленности. Самым развитым с точки зрения типичных для индустриального общества занятий населения оказался Козлов, где традиционные сферы деятельности очень заметно «перекрывались» высокой концентрацией жителей, занятых в торговле, промышленности, и на транспорте.

Структура занятий населения тамбовских городов показывает, что многие уездные центры и даже губернский город не имели достаточного количества рабочих мест, подходящих для переселившихся в города неквалифицированных и неграмотных крестьян. Поэтому наиболее массовыми для сельских переселенцев могли стать только профессии чернорабочих, частной и казенной прислуги.

Во второй половине XIX в. чернорабочие «пригодились» для решения важных коммунальных и зачастую связанных с ними экологических проблем²⁶. Особенно важным было строительство водопроводов, колодцев, скважин, которые получали воду из экологически чистых источников, что к концу XIX — началу XX в. во многом освободило города от страшных эпидемических вспышек, связанных с потреблением зараженной воды. Существенным с экологической точки зрения было также использование чернорабочих для мощения дорог (что сокращало привнесение в жилища грязи, уменьшая тем самым антисанитарию) и ассенизаторских обозов, освобождавших города от вредных в санитарном отношении отходов.

Вместе с тем наличие массовой, дешевой рабочей силы в городах при недостаточной развитости современных отраслей экономики, способных, если так можно выразиться, оквалифицировать ее, сохраняло «паразитические» черты доиндустриальных городов. Это особенно проявилось в длительном использовании зажиточными слоями городского населения дешевого труда прислуги и соответственно неучастии многих представителей высших и средних городских слоев в общественном производстве и службе. По нашим совместным расчетам с В.Д. Орловой, структуры трудовой деятельности зажиточных домовладений Тамбова, даже в 1917 г. семьи хозяев дорогих домов на 40% были нетрудовыми. 32% семей квартирантов (не только из высших, но и средних слоев города) также полностью было не занято в общественном производстве

или на службе. При этом на каждое домовладение в среднем приходилось более 2-х человек прислуги²⁷.

Историческая трагичность ситуации конца XIX — начала XX в. заключалась в том, что российское государство и общество оказались не в состоянии не только преодолеть, но и вообще скольконибудь существенно воздействовать на демографические и экологические проблемы, стискивавшие развитие экономики.

Государство даже не ставило вопрос о регулировании рождаемости. Переселенческая политика оказалась явно недостаточной для коренного решения проблемы перенаселения в аграрных регионах.

В действительности, нельзя говорить и о существовании природоохранительной политики государства. В экологической литературе упоминаются лишь предложения ученых того времени о создании природных заповедников²⁸. Из историко-экологических работ профессиональных исследователей можно отметить только статью Э.Г.Истоминой, в которой отмечается, что на протяжении XVIII—XIX вв. в России формировалась лесоохранная политика, но к началу XX в. лесная проблема окончательного решения не нашла²⁹.

Общественность в лице земств и городских самоуправлений пыталась решать демографические и экологические проблемы. Хорошо известны земские мероприятия по развитию здравоохранения сельского населения и агрономической помощи крестьянству.

В начале XX в. местные сельскохозяйственные общества стали обращать особое внимание на дело улучшения породы рогатого скота, устраивая выставки, аукционы, распространяя среди населения указания на необходимость введения травосеяния с переходом затем к молочному хозяйству. Но вся эта работа находилась в зачаточном состоянии и не давала еще каких-либо существенных результатов в деле перехода скотоводства на интенсивный путь развития³⁰.

Нами уже отмечались меры городских дум Тамбовской губернии по благоустройству городов и соответственно снятию некоторых острых экологических проблем. Но эти действия местной общественности ограничивались их скудным финансовым положением, а порой давали парадоксальные результаты. Так, улучшение медицинской помощи в не меняющей традиционного демографического воспроизводства деревне вело не только к снижению смертности, но и появлению «лишних ртов».

Само население, особенно его преобладающая крестьянская часть, также не могло существенно влиять на демографические и экологические процессы.

* * *

Как справедливо отмечает В.Л.Дьячков, сознательный переход крестьянства к интенсивному хозяйству с одновременным контролем рождаемости и планированием семьи был невозможен в прин-

ципе. Продолжать же существование по правилам экстенсивного низкопродуктивного хозяйства деревня могла лишь сокращая потребление и число размножавшихся ртов. Убирать лишних деревня могла полным пренебрежением к здоровью и жизни ребенка и взрослого, абортами и даже умерщвлением младенцев. Осознавая в какой-то мере «дикость» подобной «демографической политики», крестьянство перенаселенных регионов начинало передвижение в города. Задолго до и относительно независимо от индустриализации и широкой урбанизации деревня ритмично (примерно каждые 14 лет) вбрасывала своих лишних в город³¹.

Но, как мы уже отмечали, города аграрных губерний типа Тамбовской не могли включить переселенцев в секторы современной экономики, что сказывалось на сохранении ими традиционного демографического поведения.

Как пишет В.Л. Дьячков, российские города обеспечили не щадящее вращение, не плавный переход к доминанте социального во вчерашнем крестьянине, а ломку прежних биоритмов с весьма болезненной адаптацией. В город шел не буржуазный работник, а крестьянин с природным биоритмическим набором и эклектичным образом мыслей и действий. Город и значительная часть села оказались в маргинальном, активном переходном состоянии, с развитием неизбежного при ломке биоритмов стресса, индивидуальной и массовой социокультурной и социально-политической агрессии³².

Экологические проблемы также были неразрешимы силами самого традиционного крестьянства. Оно, конечно, понимало невозможность безграничного использования природных ресурсов. В частности, сохранение примитивного трехполья все-таки давало возможность «отдыхать» части земли. Данные материалов сельскохозяйственной переписи 1917 г. показывают, что во всех уездах губернии и категориях крестьян около $\frac{1}{3}$ земли постоянно оставлялось под паром³³.

Пониманием остроты проблемы можно считать готовность тысяч хуторян Тамбовской губернии периода столыпинских аграрных преобразований выселяться из переполненных приречных сел и деревень на плакорные пространства, несмотря на трудности строительства здесь прудов, колодцев, скважин и т.п. Но основывать в межречных пространствах крупные поселения было очень трудно. Сравнение списков населенных пунктов тамбовского региона (в современных границах) 1862 и 1917 гг. показывает, что за полвека число сельских поселений увеличилось весьма незначительно — примерно на 100 единиц (около 6%). Вместе с тем существенно выросла людность сельских населенных пунктов губернии и соответственно демографическая нагрузка на среду традиционного обитания³⁴.

В условиях явной нехватки природных ресурсов и особенно малых размеров крестьянских земельных наделов весьма затруднялось введение многопольных севооборотов и других интенсивных приемов ведения сельского хозяйства. Другим крупным ограничи-

телем интенсификации сельскохозяйственного производства в Тамбовской губернии было тяжелое финансовое положение крестьян. Мероприятия Крестьянского банка столыпинского периода по оказанию поддержки отрубникам и хуторянам в обустройстве на новых местах жительства, приобретении техники, удобрений, высокопродуктивных пород скота значительной роли не сыграли, и переломить традиции экстенсивного сельскохозяйственного развития Тамбовской губернии не смогли.

Существенным тормозом общей интенсификации сельского хозяйства региона стало и то, что большинство тамбовских помещиков не стремилось рационализировать свое хозяйство. Они жили главным образом сдачей своей земли крестьянам в аренду, которая как бы расширяла резервы экстенсивного земледелия и, к тому же, не давала крестьянам стимула к высокопродуктивному использованию чужой земли.

Сравнительно немногочисленные «образцовые» помещичьи хозяйства в определенной мере способствовали интенсификации сельской экономики и преодолению аграрного перенаселения. В имениях князей Васильчикова, Вяземского, Бярятинского, помещиков Атрыганьева, Павлова, Сабурова применялись современные сеялки, веялки, молотилки и другие сельскохозяйственные машины. Такие хозяева стали засеивать большие площади под сахарную свеклу, что было невозможно на маленьких крестьянских участках. Они создавали крупные конные заводы, разводили ценные породы крупного рогатого скота и овец.

Крестьяне имели немалые выгоды от таких соседей. В «образцовых» хозяйствах можно было научиться правильно обрабатывать землю, купить хорошие семена, саженцы плодовых деревьев, породистых животных, подработать на свекольных и других плантациях, на перерабатывающих промышленных предприятиях³⁵.

Но роль таких хозяйств все-таки была ограниченной. Привлечение крестьян в качестве наемных работников на сельскохозяйственных плантациях и фермах, перерабатывающих заводах и фабриках измерялось десятками тысяч человек, а аграрное перенаселение сотнями тысяч. К тому же, подавляющее большинство наемных работников на предприятиях помещиков буржуазного типа являлись сезонниками, т.е. крестьянами, сохранявшими свои хозяйства и не вырвавшимися из перенаселенного аграрного социума.

Тамбовская буржуазия не могла обеспечить принципиального решения демографических и экологических проблем губернии. Этот слой, в основном сохранивший социальный облик традиционного купечества, тяготел к «прокручиванию» в торговле первоначального капитала. Промышленно-инвестиционная активность такого купечества была невелика. «Цивилизованная» буржуазия в Тамбовской губернии, как и в целом по России, к 1917 г. не успела сложиться как заметный слой общества. В итоге медленно развивающаяся современная промышленность явно не обеспечивала создания широкого рынка наемного труда, что создавало до-

полнительную напряженность в перенаселенной тамбовской деревне.

Развиваемое местным купечеством торговое предпринимательство не требовало использования квалифицированного наемного труда. Купцы-оптовики для перевозок и погрузочно-разгрузочных работ обычно использовали извозчиков и грузчиков-чернорабочих, сочетавших непостоянную работу по найму с ведением собственного земледельческого хозяйства на окраинах городов или в окрестных селах.

Выше уже отмечалась деятельность городских самоуправлений по преодолению экологических проблем городов. Большие пожертвования в городское благоустройство, как и в другие сферы, делало местное купечество. Но, с другой стороны, филантропия купцов оборачивалась недостаточными вложениями в создание рабочих мест в промышленности и в других современных по меркам индустриального общества отраслях экономики.

Таким образом, явно недостаточные возможности и усилия государства, местного самоуправления, различных слоев общества по предотвращению кризисного развития демографических и экологических процессов в аграрных регионах типа Тамбовской губернии в начале XX в. привели к тому, что в последующие десятилетия эти процессы стали развиваться во многом стихийно и даже катастрофически.

После Первой мировой и Гражданской войн, «чистки» Тамбовской губернии от участников «антоновщины», выселения отсюда «кулачества», допущения (пусть и неофициального) местными властями в период коллективизации сравнительно массового отъезда тамбовских сельских жителей в индустриальные районы страны избыток населения на Тамбовщине был преодолен.

Падение численности сельских жителей региона началось с конца 1920-х гг. и к концу века стало более чем в три раза. С одной стороны, такое резкое сокращение говорит о депопуляции сельского населения региона, с другой — преодолении аграрного перенаселения, наметившегося в конце XIX в., о снижении «демографической нагрузки» на природную среду.

Показателем «сброса» излишнего населения можно считать динамику плотности сельского населения Тамбовской области: за первые 200 лет ее истории плотность увеличилась более чем в 30 раз и во второй половине XIX — первой четверти XX в. достигла очень высокого значения (более 50 чел. на кв. км). К концу XX в. она сократилась вдвое, область стала типичным, умеренным по плотности аграрно-индустриальным регионом средней полосы России.

Падение людности сельских поселений Тамбовщины, происшедшее в послереволюционные 30—40 лет, прекратилось в 1950-е гг. К концу 1980-х гг. она стабилизировалась на уровне 300 чел. Предстоит выяснить, насколько такая населенность оптимальна для природных условий региона.

К настоящему времени зоны самой высокой плотности населения сохранились в приречных пространствах Цны и Лесного Воронежа, что подтверждает устойчивость первоначально сложившейся схемы сельского расселения, ее оптимальность с точки зрения взаимодействия с природной средой. Но при сохранении зонального фона расселения на первый план все больше выходят азональные факторы (городские промышленные ядра — Тамбов, Мичуринск и Уварово, транспортные коммуникации, животноводческие комплексы, птицефабрики, газо- и нефтепроводы и т.д.). Изучение динамики сельского населения в 1975—1989 гг. на уровне сельсоветов как наиболее мелких административно-территориальных единиц показало, что только в 24 из 244 население выросло. Почти все эти сельсоветы располагались вблизи промышленных центров или других крупных хозяйственных объектов³⁶.

После Великой Отечественной войны в Тамбовской области окончательно сломалась традиционная модель расширенного демографического воспроизводства. Уровень рождаемости опустился до норм современного общества. Более того, широкая миграция тамбовской молодежи, особенно сельской, в 1950—1980-е гг. за пределы области существенно изменила возрастную структуру населения. Демографическая возрастная пирамида за 100 лет с конца XIX по конец XX в. чуть ли не перевернулась с основания на вершину. Если в 1897 г. соотношение детей (до 18 лет), взрослых (мужчины 18—60 лет, женщины 18—55 лет) и пожилых людей (мужчины старше 60 лет и женщины старше 55 лет) в Тамбовской губернии примерно составляло в процентах 40 : 50 : 10, то в 1996 г. это соотношение выглядело как 20 : 54 : 26³⁷.

Сокращение доли детей при одновременном «старении» населения в целом стало еще одним проявлением современного демографического кризиса.

С другой стороны, нужно отметить, что демографическое развитие Тамбовской губернии во второй половине XX в., подчиняясь общим законам модернизации, привело к снижению детской смертности, повышению средней продолжительности жизни, изменению мотивации в брачном поведении и повышению брачного возраста³⁸.

Неоднозначно в XX в. развивалась и экологическая обстановка в Тамбовской области. С одной стороны, сохранялась предельная распашка земель, нарастала эрозия почв, распахивались приречные склоны рек, что привело в ряде мест к полному смыву почв и высыханию и мелению малых рек, появилась проблема вредных промышленных отходов. С другой стороны, уже в 1970 г. в области началось уменьшение размеров пашни и, напротив, роста пастбищных угодий, а заметное сокращение распашки земли и выпаса скота в 1990-е гг. повело к восстановлению в некоторых районах области естественных для нее лесостепных ландшафтов и травостоя лугов. В послевоенные годы прекратилось сокращение площади лесов, а посадка лесов, выделение водоохраных полос, рез-

кое сокращение вывоза древесины из области способствовали восстановлению лесных угодий.

Несмотря на все исторические потрясения, в том числе демографического и экологического характера, экономика Тамбовской губернии во второй половине XX в. в значительной степени перешла на рельсы интенсификации. Современное тамбовское крестьянство при сокращении его численности кормит в 10—12 раз больше людей, чем в начале столетия. В 1950—1970-е гг. произошла структурная перестройка тамбовской промышленности, в которой стали преобладать современные отрасли («оборонка», химическое машиностроение, химическое производство и др.). В условиях современного экономического кризиса они все-таки сохраняют свою «живучесть»³⁹.

Существует немало исторических примеров тяжелого протекания демографического и экологического кризисов в аграрных социумах и их губительного влияния на экономику. Специалисты в области исторической экологии, в частности, обращали внимание на кризисное развитие западноевропейского аграрного общества X—XIV вв., проявившееся в резком сокращении и истощении основных природных ресурсов при быстром росте населения и последующем его катастрофическом спаде. Так, раньше других стран это проявилось в середине XIV в. в Англии, где природа оказалась не в состоянии «выдержать» нагрузку 4-миллионного населения. (Заметим, что в начале XX в. в Тамбовской губернии жило около 4-х миллионов человек на территории в 3 с лишним раза меньше английской). В Англии численность населения сокращалась более полувека, а на восстановление четырехмиллионной численности потребовалось более 200 лет (хотя, разумеется, в другой исторической ситуации)⁴⁰.

Историк не обязан навязывать оптимистические прогнозы обществу. Но он вправе обращаться к историческим аналогиям и подсказывать власти и обществу научное понимание современных процессов. Применительно к нашей теме можно сказать только одно, что в России в отличие от наиболее близкой ей Западной Европы протекание наиболее острых исторических катаклизмов аграрного общества происходило быстрее, хотя и с большей мучительной нагрузкой на конкретные поколения. Быстрее была и скорость выхода из кризисных ситуаций.

В современных условиях Россия, недавно вышедшая из аграрного состояния, уже столкнулась с кризисом перехода от индустриального к постиндустриальному обществу, породившим сложный клубок демографических, экологических, экономических и других проблем. Их глубокие исторические корни требуют постоянного участия историков в их осмыслении. Потому что именно историки могут указать занимающимся только современностью властям, обществоведам, экономистам, демографам на опасность скоротечного решения перечисленных проблем и необходимость осторожного применения в России моделей развития, сформировавшихся в иной исторической обстановке.

Примечания

¹ См.: Баландин Р.К., Бондарев Л.К. Природа и цивилизация. М., 1988. С. 195; Миллер Т. Жизнь в окружающей среде. Т. 1. М., 1993. С. 66.

² См.: Дьячков В.Л. Труд, хлеб, любовь и космос или о факторах формирования крестьянской семьи во второй половине XIX — начале XX в. // Социально-демографическая история России XIX — XX вв. С. 72—82; Его же. Деревня, город, государство и российские революции // Взаимодействие государства и общества в контексте модернизации России. Конец XIX — начало XX в.: Сб. науч. ст. Тамбов, 2000. С. 93—114.

³ См.: Кабузан В.М. Русские в мире. Динамика численности и населения (1719—1989). Формирование этнических и политических границ русского народа. СПб., 1996. С. 97.

⁴ См.: Миронов Б.Н. Русский город в 1740 — 1860-е годы. Л., 1990. С. 62, 64, приложение, табл. 4.

⁵ Дубасов И.И. Очерки истории Тамбовского края. Тамбов, 1993. С. 34.

⁶ Там же. С. 38.

⁷ См.: Российский государственный архив древних актов. Ф. 1355. Д. 1573. Л. 1.; Д. 1587. Л. 2; Д. 1597. Л. 5; Д. 1621. Л. 1; Д. 1650. Л. 3; и др.

⁸ См.: Дубасов И.И. Указ. соч. С. 380—385.

⁹ См.: Арсеньев К.И. Статистические очерки России. СПб., 1848. С. 399, 402.

¹⁰ См.: Военно-статистический сборник. Вып. 4: Россия. СПб., 1871. С. 229.

¹¹ Грузинов И. Были и повести. М., 1840. С. 103.

¹² См.: Формирование и развитие сельских населенных пунктов (снп) Тамбовской области (XVII—XX вв.) // Особенности российского земледелия и проблемы расселения IX—XX вв. XXVI сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (Тезисы доклада на пленарном заседании). М., 1998. С. 3—6.

¹³ См.: Страницы истории Тамбовского края. Воронеж, 1986. С. 43.

¹⁴ Здесь и далее о развитии экономики Тамбовской губернии во второй половине XIX — начале XX в. см.: 200 лет Тамбовской губернии и 60 лет Тамбовской области: Историко-статистический сборник. Тамбов, 1997.

¹⁵ См.: Ковальченко И.Д., Бородкин Л.И. Структура и уровень аграрного развития районов Европейской России на рубеже XIX—XX веков (Опыт многомерного анализа) // История СССР. 1981. № 1. С. 97.

¹⁶ См.: Географо-статистические заметки по Тамбовской губернии. Тамбов, 1870. С. 16.

¹⁷ См.: Желтов Н.М. Леса Тамбовской области. Тамбов, 1989. С. 4.

¹⁸ См.: Военно-статистический сборник. С. 247; Народное хозяйство Тамбовской области за 70 лет. Тамбов, 1987. С. 35.

¹⁹ См.: Там же.

²⁰ См.: Полетов А.Д. Исследование экономического положения Центрально-Черноземных губерний и Труды Особого совещания 1899—1901 гг. М., 1901. С. 24—25.

²¹ См.: «И пыль веков от хартий отряхнув...» Хрестоматия по истории Тамбовского края. Тамбов, 1993. С. 131.

- 22 См.: Есиков С.А. Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в начале XX в. (1900—1921 гг.). Тамбов, 1998. С. 24.
- 23 См.: 200 лет Тамбовской губернии... С. 17, 27.
- 24 См.: Там же. С. 27.
- 25 Подробнее см.: Канищев В.В. Уровень развития городов Тамбовской губернии к концу XIX в. // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья и Запада России. Липецк, 1998. С. 88—90.
- 26 См.: Доклады Тамбовской городской управы за 1886—1892 годы. Тамбов, 1886—1882; Отчеты Тамбовской городской управы за 1879—1910 годы. Тамбов, 1880—1911; Тимофеев Д.И. Двадцатипятилетие Тамбовской городской думы. Тамбов, 1896. Финансовые отчеты Тамбовской городской управы за 1911—1915 годы. Тамбов, 1912—1917.
- 27 Подробнее см.: Канищев В.В., Орлова В.Д. Население зажиточных усадеб Тамбова в 1917 г.: социальный и демографический аспекты // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья. М.; Курск, 1994. С. 176—179.
- 28 См.: Мокиевский В.О. Сохранение природных богатств России. М., 1996. С. 76.
- 29 См.: Истомина Э.Г. Лесоохранительная политика России в XVIII — начале XX в. // Отечественная история. 1995. № 4. С. 49.
- 30 См.: 200 лет Тамбовской губернии... С. 15.
- 31 См.: Дьячков В.Л. Указ. соч.
- 32 См.: Там же.
- 33 См.: Поуездные итоги сельскохозяйственной переписи населения Тамбовской губернии в 1917 г. Тамбов, 1921. Табл. посев.
- 34 См.: Формирование и развитие сельских населенных пунктов (сип) Тамбовской области (XVII—XX вв.)... С. 3—6.
- 35 См.: 200 лет Тамбовской губернии... С. 16.
- 36 См.: Формирование и развитие сельских населенных пунктов (снп) Тамбовской области (XVII—XX вв.). С. 5—6.
- 37 См.: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. Т. 42. Тамбовская губерния. СПб., 1904. С. 27; 200 лет Тамбовской губернии... С. 61.
- 38 Подробнее см.: Канищев В.В., Протасов Л.Г. Тамбовская история XX в.: Перспективы исследования // 60 лет Тамбовской области. 200 лет Тамбовской губернии: Тезисы к научно-практической конференции. Тамбов, 1997. С. 9—10.
- 39 См.: 200 лет Тамбовской губернии...
- 40 См.: Баландин Р.К., Бондарев Л.К. Природа и цивилизация. С. 198—199.

В глубь веков

Сельские дороги — структурообразующие единицы римского землеустройства

Среди многих достижений Римской Средиземноморской цивилизации наиболее глубокий след в истории Европы оставила ее аграрная структура. И хотя подобные сельскохозяйственные системы в науке принято называть «архаическими», именно римская аграрная экономика сформировала понятие «доходное поместье», а также создала организацию сельской территории, явившуюся предпосылкой такого типа хозяйства. Аграрные преобразования римского государства в Средиземноморском бассейне и Европе сохранились в виде следов межевания обширных территорий. Основным элементом межевания в римском землеустройении были делители, называемые лимитами, которые не только разделяли земельное пространство и вычленяли собственность, но и были дорогами общественного значения. Реконструкция этих принципов деления площадей, подготовивших их к наилучшему ведению хозяйства, была одним из важнейших направлений изучения римской аграрной экономики во второй половине XX в¹.

Римские агрономы периода Республики представили нам характеристику основных экономических типов. Так, Катон первым анализировал хозяйство небольшой виллы, связанной с рынком (Cato. I, 2—4); энциклопедист Варрон стремился создать идеальный вариант имения, где в отличие от катоновской виллы развита не одна, а несколько отраслей (Varro. I, 23). Эти примеры экономической жизни Италии относятся к поместьям точно определенных площадей. У Катона это 100, 200 или 240 югеров. Эти нормы явно указывают на существование единых принципов расчета земельных площадей и технических способов их разметки. Спустя два с половиной века после Катона другой ученый-агроном, Коллумелла, создавал идеальный тип поместья, рассматривая его как многоотраслевое хозяйство. Размеры его многократно превышали катоновскую виллу, однако очевидно, что органичной частью большого поместья были 100—200-югерные участки (Col. I, 6, 9)².

Уже небольшое катоновское хозяйство могло процветать лишь при условии связи с рынком, что обуславливало приоритет одной отрасли и определяло внутреннюю структуру поместья. Сельское поместье осуществляло свою связь с городским рынком или по

* Гвоздева Инна Андреевна — кандидат исторических наук (Исторический факультет МГУ).

реке (но тогда поместье должно было быть непосредственно к ней привязано), или по суше — по специально построенной для этого дороге. Процветание римской аграрной экономики началось, в первую очередь, потому, что римляне сумели основную тяжесть торговых связей перенести с речных и морских артерий на сухопутные пути. Римляне являются создателями понятия «дорожная сеть», организовавшей экономическую жизнь не только в Италии, но и во всем Средиземноморье.

Аграрные писатели всегда уделяли дорогам большое внимание, так как именно последние, а так же транспорт и тара, обеспечивали развитие торговли (Cato. I, 3; Varro. I, 16, 6). За период Республики в Италии была создана развитая дорожная сеть. В стратегически важных направлениях проводились дороги общегосударственного характера. В каждой области были местные дороги общественного значения наряду с частными. Общественными дорогами могли пользоваться все граждане данного селения, они сохранились в хорошем состоянии и их нельзя было запахивать.

Период конца Республики для римского общества — это время гражданских войн, сотрясавших общественные устои государства. 100 лет гражданских войн привели к разрушению дорожной сети Италии. Перед создателем Империи, Августом, встала задача восстановить разрушенное и создать новые универсальные принципы аграрного развития страны. Август понимал, что, оживляя экономику сельских районов, он в первую очередь должен восстанавливать и строить дороги. Кроме того, императору необходимо было укрепить пошатнувшееся за период социальных конфликтов право собственности на землю. Как правило, дороги сельской местности создавались на месте делителей полей, т.е. границ участков. Поэтому, выполняя и функции границы земельных парцелл, сельские дороги обеспечивали незыблемость собственности граждан.

Данное исследование посвящено роли дорог как элементу сельской инфраструктуры в первый век римской империи. Это те самые «местные» дороги, которые римляне специально строили в Италии и провинциях. К началу периода Империи Рим располагал достаточной технической базой для быстрого освоения больших территорий и их подготовки к сельскохозяйственному производству. Были выработаны принципы организации сельской местности — межевания земель. Эта модель многократно воссоздавалась и повторялась при выведении гражданских колоний. Римляне (в период Республики) отселяли своих граждан во вновь завоеванные районы Италии, а к началу периода Империи провинции принимали большие массы уволенных из римской армии ветеранов, реализующих свое гражданское право на владение землей. Все эти преобразования осуществлялись с помощью делителей, которые римляне превратили в дороги.

До нас дошли фрагменты трактатов римских аграриев³, посвященные римскому землеустройству периода поздней Республики — ранней Империи, обобщившие и обогатившие опыт арха-

ического межевания в Италии и местных традиций землеустройства в провинциях.

Первым автором научных трудов по землеустройению был Секст Юлий Фронтин (40—105 г.), отразивший в своих произведениях аграрную политику принципсов I в. Видный военачальник периода британских и германских войн, автор сочинений по военному делу, он был городским претором и занимал высокий пост начальника водопровода (*curator aquarum*) в Риме; вершиной карьеры Фронтинана можно считать его консулат при Траяне. Из произведений Фронтинана, посвященных формированию кадастра, трактаты «О лимитах», «Об искусстве межевания» анализируют происхождение и этимологию делителя-лимита как земельной категории, место и значение главных осей межевания и прочих делителей, выполнявших функции дорог. Выводя из лимитации полей (так римляне стали называть деление земель лимитами) основные принципы землеустройства, Фронтин сосредотачивает свое внимание на функции лимита — дороги местного значения.

Во фрагментарном состоянии дошли произведения Гая Юлия Гигина Старшего, создавшего их в начале 100-х гг. Трактат «О лимитах» раскрывает технику создания межевой системы, называемой центуриацией, получившей свое название из-за единицы площади — центурии, образованной пересечением лимитов.

Младшим современником Гигина Старшего был Сикул Флакк. Он чаще, чем его предшественники, апеллирует к архивным материалам по межеванию земельных площадей. В отличие от Фронтинана и Гигина Старшего, Сикул Флакк сосредоточил свое внимание исключительно на практике проведения лимитов, выведении единицы площади — центурии, создании планов межевания. Он сохранил подробные сведения по обозначению дороги — границы межевым знаком — термином.

Самый поздний автор, Гигин Младший, прозванный Громатиком, автор трактата «Об устройстве лимитов», начинал карьеру при Траяне. Его изложение научной концепции межевания включает: науку ориентации, элементы астрономии, дивинации, музыки сфер, генезис и этимологию всех категорий, без которых не могло обойтись римское землеустройство и земельное право. Римская практика деления полей в Средиземноморье отражала высокий уровень теоретических знаний. Сочинения Гигина Младшего не лишены риторического характера, да и все сочинения агрименсоров являются практикумами-пособиями для обучения молодых специалистов. Поручая им подготовку земли к передаче в собственность гражданам, Римское государство требует от них умелого применения знаний на практике. Высокая квалификация и богатый опыт авторов трактатов о составлении земельных кадастров, знание архивных документов и юридическое образование, позволявшее им выступать арбитрами в аграрных судебных процессах — все это позволяет рассматривать их сочинения как достоверный и весьма ценный источник по аграрным отношениям Рима⁴.

Римские аграрные структуры в Средиземноморье изучаются по сохранившимся следам межевания. С середины XX в. аэрофотосъемка представляет возможность составлять межевые карты римских кадастров во многих провинциях, основным содержанием которых является решетка деления пахотных земель⁵. Аэрофотосъемка как бы выхватывает островки римской организации земельных площадей из огромных просторов архаического земледелия провинций⁶.

Август — основатель империи — обобщил принципы универсальной организации земли. Он наделил землей своих ветеранов в Италии без вмешательства во владельческие отношения, лишь за счет интенсификации технических приемов организации земельного пространства и усовершенствования дорог в сельской местности (CAR. S. 57; 99—105, 107—114; 123—127; 130; 150—151). Август улучшает техническую базу для ассигнации (передачи земли в собственность гражданам) при выработке норм наделения ветеранов землей. Подробную разработку этих принципов Август стал создавать для модели колонии, так как на ее новой территории можно было развернуть дорожную сеть лимитов, способствующую обеспечению оптимальных условий для процветания новых хозяйств. Продумывание «идеальной» схемы колонии было принципиально важно для Августа, так как в Италии он вынужден был считаться с традициями землепользования района и особенностями ранних ассигнаций. Учитывая длительный итальянский опыт по оформлению собственности и владельческих прав, Август подчеркивает их происхождение из принципов древней Этрусской Дисциплины⁷. Эта версия отработывалась по двум направлениям: первое — вычленение системы координат из учения о Темплум (CAR. S. 10—11; 131), второе — дополнительное обоснование святости и неприкосновенности границ, окаймляющих участки, полученные уже в результате расчета и лимитации, что было сформулировано в учениях божеств Тагеса и Вегойи⁸ и декларировалось поэтами круга Августа (Virgil. Georg. I, 125; Ovid. Met. I, 135; Serv. Aep. IV, 72).

Благодаря тщательной подготовке земельных площадей при основании колоний эти поселения обеспечивали экономическое процветание района, основывающееся на развитой дорожной сети; по аграрным законам Августа были гарантированы и владельческие права римским гражданам в этой местности. В провинциях Август усовершенствовал и техническое состояние дорог колоний: в Бурже привел в систему следы аграрных преобразований Цезаря 52—51 гг. до н. э.; на Иберийском п-ове в колонии Цезаря 43—42 гг. до н. э. он провел новую дорогу *via Augusta*, ставшую центральным осевым делителем этого поселения.

Схема землеустройства сельской территории римской колонии

Опыт, на который опирался Август, создавая модель римской ветеранской колонии, учитывает пять веков аграрных преобразо-

ваний Республики. Новые поселения периода ранней Республики намечали участки для граждан еще без проведения осевых линий и расчета площадей. Соблюдался лишь главный принцип жизни античного полиса — равенство участков для граждан. Для того чтобы эти участки были не хаотичными, а располагались в определенном направлении, ориентация бралась по крупным объектам города или его дорогам. Оси межевания в сельской местности появляются лишь в конце IV в. до н. э. В колонии латинского права Калес дороги хоры (сельской местности) имеют свою уже независимую от городских дорог ориентацию. Однако крупные государственные дороги (*via Appia* или *via Valeria*) в тех местностях, где они были проведены (соответственно, в Кампании и Апулии), стали главными ориентирующими осями, и сельские дороги часто повторяли их направление.

В период Республики для решения многих стратегических задач проводились специальные войсковые дороги. Кроме этого, разрабатывались и принципы строительства военного маршевого лагеря. Перманентное состояние войны предъявляло жесткие требования к созданию наилучшей организации лагеря в походе. Его организация воплощала в себе принципы устройства замкнутого пространства. По схеме Полибия, окончательно отработанной к концу III в. до н. э., священное замкнутое пространство лагеря тщательно устраивается военным трибуном и авгуrom (VI, 41, 2—8). В плане лагерь представляет собой прямоугольник, который делится на две неравные части осевой линией — называемой *Via Principales*. Эта дорога соединяет правые и левые ворота лагеря. От середины *Via Principales* (где находится *praetorium*)⁹ к воротам, названным *decimana* (передними), шла линия *Via Praetoria*.

Схема маршевого лагеря хорошо и четко организовывала пространство, и это повлияло на принцип разбивки сельской местности на участки в Калес, Луцерии, Альбе Фуценс. Однако практика землеустройства требовала превращения осей в дороги — делители. Войсковая дорога *Via Salaris* в долине реки Турана стала главной осью межевания ее поймы. Влияние схемы римского лагеря заметно и на землях колонии латинского права Козы. *Via Principales* стала основной дорогой (делителем) для земель Венафра и Реаты (Polyb., VI, 42)¹⁰.

В указанных примерах мы встречаемся с уже заданным направлением ориентации (государственная или военная дорога). Однако освоение римлянами всех италийских площадей требовало выработки технических приемов ориентации при основании колоний в том случае, если поблизости отсутствовали крупные дороги. Тогда основатели колоний должны были самостоятельно проводить ориентацию по сторонам света, выбирать точку отсчета межевания и осуществлять устройство осевых линий — дорог.

Начальная точка межевания выбиралась не произвольно, а в таком пункте, который обеспечивал наилучший обзор (CAR. S. 147). В этой точке специалисты-землемеры устанавливали инструмент — грому — и проводили ориентацию (CAR. S. 14, 71—72;

131—132), после чего туда ставили камень с нулевой отметкой, от которого начинался расчет площади. Когда обстоятельства препятствовали выбору точки лучшего просмотра, прибор ставили там, где можно было проследить за движением солнца (CAR. S. 15—17). Если природная возвышенность была освоена и даже застроена оборонительными сооружениями, то считалось, что точку начала деления выгодно выбрать у городских стен, так как здесь было удобно перенять ориентацию улиц и строений. Такой пример есть в Лукке (CAR. S. 142). При межевании земель оппида¹¹ Бетера (Plin. Nh. III, 4, 36) точка отсчета (место грома) была установлена у городских ворот (совр. округ Безье на юге Франции). Идеальным для расчета межевой сетки землемеры считали случай, когда принципы разметки города переносятся на сельскую местность. Тогда центр города становился основным пунктом ориентации, в котором пересекаются оси, городские дороги, а их направления продолжают за четыремь воротами в поле. Гигин Младший считает такой пример г. Адмедера (соврем. Хайдра в Тунисе) — классическим (CAR. S. 144) (Рисунок 2).

Землемеры принимали во внимание и отдельно стоящие культовые здания, принцип ориентации которых можно было перенести на поле. Такую роль сыграл в Умбрии храм Фортуны (CAR. S. 13). Колония Тимгад в Северной Африке развевывалась вокруг храма Гения.

Удобным представлялось избрание точки отсчета на уже существующей общественной дороге и межевой оси. Знаменитая Аппиева дорога часто определяла направление при очередном разделе Агер Кампанус. Так, для колонии Аксурнатов (Таррацина) она подтверждала направление Восток—Запад (Декуманус) (CAR. S. 144). Эмилиева дорога служила в качестве Декуманус для всего района р. По: Болоньи, Пармы, Велейи. Часть Эмилиевой дороги в Равенне играла важную роль и в период Средневековья, ее название от Декуманус — к *Decimano* — перешло в форму Децимо (*Decimo*) — и в Дисмано (*Dismano*). В районе Реймса начало межевания идет от точки на римской дороге¹². Выбор начальной точки межевания мог надолго определить развитие и внешний вид целой области, поэтому такой пункт получал и обозначение, которое шло от инструмента — грома (деревенька близ Валанса называется *Groumella*), иногда — от пересечения осей — т.е. креста — *La Croise*, селения — *La Crouzette* — в этом же районе¹³.

Опыт аграрного развития Италии в республиканский период показывает, что римляне пользовались как навыками строительства военного лагеря, так и наукой этрусских жрецов, воспроизводящих проекцию небесного храма на земле с его внутренними делителями (ориентирующими осями).

Античная литературная традиция сформировала свою версию зарождения землеустройства в Риме, уводя его вглубь этрусской космогонии. Зачастую игнорируя опыт строительства военного лагеря, соединяя все способы деления площадей только с принципами Темплума, авторы считали, что современное межевание

(конец Республики — период Принципата), построенное на принципе точного расчета территорий при научной ориентации и квадратной единице площади, в таком виде сложилось уже в раннем Риме (Varro RR. I, 10; Fest, 53). Считалось, что неизбежность учета частной собственности издревле покоится на таком строгом учете земли. Святость и неприкосновенность границ облакалась в поэтические формы поучений Тагеса и Вегойи (SRF. I, S. 47, 350; Ann. Marc. XVII, 10, 2). Все способы римского земельного раздела, не укладывающиеся в систему Темплума, считались несовершенными и предназначенными для земель покоренных союзников или провинциалов. Но практика деления на участки, которую удалось проследить на примерах римских колоний V—III и начала II вв. до н. э., ставит под сомнение древность версии литературной традиции.

В практику деления площадей римляне из сложной науки об авгуральном храме перенесли лишь ориентацию. В тех случаях, когда проводились две ориентирующие оси, то их пересечение создавало крест делителей, образующих четыре части замкнутого пространства в границах колонии (Рисунок 1 и Рисунок 4).

Античные авторы, выводящие ориентацию из авгуральной дисциплины, видят важнейшую роль осей в указании направлений частей света (Varro R.R. I, 10, 2; Fest., 53). Кардо (*Cardo* или *Kardo*) обозначает ось или дверной крюк, на котором держится дверь (CAR. S. 12, 13, 21). Древность понятия подчеркивается и этрусским обрядом вбивания гвоздя (кардо) при освящении храма (Liv. VII, 3, 3—4). Кардо как земная ось указывает направление Север — Юг (CAR. S. 117). Происхождение названия другой оси — Декуманус — вызывает у ученых-землемеров разногласия. Их поражает несоответствие смысла слова «десять» — *decem* — давшего название оси (*Decimanus*, *Decumanus*) и ее задачи — разделить пространство на 2 части по курсу движения солнца (CAR. S. 111, 112; fig. 25, 67). Поэтому авторы трактатов называют ось Декуманус — то *Decimanus*, то *Duodecimanus*, хотя в первом случае чувствуется расчет по десятичной системе (CAR. S. 132), а во втором по двенадцатичной системе (CAR. S. 132). Видно, что название Декуманус связано с расчетом земельной площади, в то время как Кардо более связано с учением о *Templum* и древними этрусскими обычаями. Однако, на практике, Кардо по направлению истинного меридиана нельзя построить без линии Декуманус Восток—Запад, к которой он проводится как перпендикуляр. Возможно предположение, что как лимит направление Восток—Запад обозначалось первым, а вторая линия Север—Юг—Кардо — пересекала его. Раннее обозначение лимита — *Duodecimanus* — подтверждает влияние идеи Темплум, так как расчет ведется в этрусской двенадцатичной системе, а после закрепления греческой десятичной системы счета название оси Восток—Запад постепенно превращается в Декуманус (CAR. S. 132—133).

Обе ориентирующие оси — лимиты Декуманус и Кардо — становятся самыми широкими главными дорогами колонии общест-

венного значения в сельских местностях и обозначаются соответственно *Decumanus Maximus* (DM) и *Kardo Maximus* (KM) (CAR. S. 71, 92) (Рисунок 4). В практике межевания DM — первая дорога, следовательно, ее ось важнее (Plin. Nh. XVIII, 22; Fest., Posticam; Sinistram), поэтому она должна быть шире. Соотношение ширины дорог у громатиков всегда решалось в пользу Декуманус (CAR. S. 32, 43, 72). Поэтому даже при разных принципах ориентации осей их можно было различить. Авторы трактатов, фиксирующие оформление лимитации, называют Декуманус «двойной дорогой» (CAR. S. 122). Действительно, у Гигина Старшего ширина DM — 30 футов (8,8 м) — в 2 раза больше, чем KM — 15 футов (4,4 м) (CAR. S. 71); у Сикула Флакка соответственно: 40 и 20 футов (11,8 и 5,9 м) (CAR. S. 123).

В разных местах Италии военные и общественные дороги оказывали влияние на направление и ширину межевых осей (дорог) сельской местности. Так, Аппиева дорога частично покрыла DM Таррацины. Это же направление обеспечивает в Асоло и *Via Postumia*. Эмилиева дорога определила направление DM на севере Италии, ее продолжение в Равенне становится городской улицей *Dismano*. Д. Шультен проследил, что KM Велейи идет вдоль р. Требии. Эта дорога продолжается в Парме на отрезке 4 км, и в Бононии — до 10 км. В *Patavium* и *Tarvisum* KM — общеизвестные дороги, здесь сохранилась и деревенька с названием Грома. В средневековой Флоренции DM стала называться *via Guelfa*. В районе Форли (*Forum Iuli*) DM — также городская улица; KM в *Forum Cornelii* направлена параллельно городскому каналу — *Molini*; дорога *Cardito* — показывает свое античное происхождение в районе Кампании. KM при межевании Утики продолжает улицу самого города¹⁴.

Вплоть до конца Республики в нормах ширины главных осей межевания сохранялся разноряд. Лишь аграрные преобразования Августа положили ему конец: ширину лимитов должны устанавливать согласно закону божественного Августа, а именно: DM — 40 футов, основному кардо — 20 футов (CAR. S. 157). Межевания основателя Принципата в Италии полностью подтверждают эту законодательную норму Августа (LC. 212). Установлениям Августа следовали и при межевании в провинциях. Современная аэрофотосъемка показывает, что если и не всегда удастся выявить обе оси и их пересечение, то одну проследить можно. Так, на территории Франции в районе Шалона DM тянется на 3 км, в Памероле — на 2 км. На Востоке от Сайона по Декуманус поселок даже сохранил название *Grand Romanos*, а в кадастре — Вьенн — деревня так и называется Декуманус; на пересечении главных осей при межевании земель в районе Дижона расположилась *La Ferme de Rome*. Домициева дорога частично играет роль DM для межевания района Безье, а KM, идущая строго на Север, сохранилась на 1,5 км. Пиганьоль установил точки пересечения главных осей кадастров Оранжа; в настоящее время локализация точки отсчета для када-

стра «В» оспаривается именно на основании некоторого несоответствия ширины основных дорог нормам Августа¹⁵.

Декуманус и Кардо главные как дороги общественного значения колонии обеспечивали свободное передвижение пешеходов и транспортных средств от границ к центру поселения, т.е. служили военным и политическим целям, а также способствовали развитию торговли (CAR. S. 134; l.c. 229).

Дороги — лимиты

Сервий называет лимитом кайму на переднике жреца (Aep., XII, 120). Сакральный смысл акта раздела пространства лимитом ученые землемеры подчеркивают с особым значением (CAR. S. 13, 132). Лимит намечает направление с Востока на Запад. Земли колоний разделяли лимиты, параллельные DM и называемые «продольными», а вдоль KM — называемые поперечными (*prorsi, transversi*) (CAR. S. 12, 83, 117, 133; fig. 25, 68. 132; LC. 209). Но «поперечными» или «продольными» лимиты могут стать лишь при наличии креста осевых дорог, который появляется в Италии не ранее II в. до н. э. Существовал ли раздел полей колоний лимитами без ориентирующих осей? Сами грамотики указывают на наличие в Италии древних лимитов — дорог, не связанных со схемой Темплума и проведенных с учетом рельефа местности. Они их называют «морскими» — *maritime* — и «горными» — *montani* (CAR. S. 13, fig. 28; SRF I, 347). «Морские» лимиты, естественно, делят поля приморских колоний. Очевидно, что лимит выполняет и задачу разметки площади, но может служить и границей участка прямоугольной или квадратной формы. В конце III в. до н. э. Гай Фламиний делит земли бойев и лигуров, видимо, подкрепляя свою смелую гражданскую акцию новейшими техническими средствами: в этих местностях появляется делитель уже с этническим названием «галльский» (LC. 227). «Галльские» лимиты представляют собой лимит-дорогу и ориентируются по течению р. По. Эти делители: «морские», «горные», «галльские», активно внедряются для раздела полей морских колоний, особенно после II Пунической войны (Liv. XXXVIII, 50—56). Если небольшие площади морских колоний 90-х гг. II в. до н. э. позволяли провести параллельные делители-лимиты и без ориентирующих осей (Путеолы, Литер, Буксент), то в крупных гражданских колониях (Мутине, Парме) необходима организующая пространство ось, роль которой и выполняет Эмилиева дорога. Так, для раздела крупных пространств нужен крест осей, направленных по частям света, но при делении малых площадей лимиты-дороги проводились соответственно местным условиям. Для лимитации кон. III — нач. II вв. до н. э. все еще нет двух ориентирующих осей, как обязательной нормы для общего расчета площади.

Она появляется только при Гракхах. Крупные аграрные преобразования востребовали новые способы раздела и извлекали из лимитации все, что обеспечивало введение принципа *modus*¹⁶ для

расчета земельной собственности (LC, 290; CAR. S. 129). Деятельность комиссии Гракхов по перерасчету фонда Агер Публикус затронула всю Италию. Расчет излишков Агер Публикус, изъятых для наделения безземельных крестьян проводился на местности, видимо, разметочными лимитами (т.е. условными линиями без ширины), которые на полях Свессы Аврунков сразу ограничили участки (LC, 237, 11). В других местах Гракхи готовили сначала раздел лимитами, имеющими вид дорог, получившими название «Гракханских» (*limites Gracchani*). Эти дороги имели общественное значение, и отличались от «морских», «горных», «галльских» своим обозначением и равными между ними интервалами (LC, 209, 227). Создав собственный делитель, гракханская комиссия поняла, что точный расчет площади для выведения *modus* участка можно провести, лишь разметив обе ориентирующие оси. Этот принцип: крест главных осей (дорог) и параллельные им (более узкие) лимиты, Гай Гракх смог внедрить в практику за пределами Италии при основании колонии Юнии на месте разрушенного Карфагена (App. I, 8, 73). Теперь все «продольные» лимиты с полным основанием могут называться «декуманами», а поперечные — «кардами» (CAR. S. 134). Пересечение лимитов образовывало единицу площади, в которой раздача участков должна была проходить путем жеребьевки. Таким образом, впервые большая площадь была рассчитана и разделена на единицы площади осями-дорогами заранее — до раздачи участков.

В Италии гракханскими лимитами делились отдельные площади, определенные как Агер Публикус, и размер этих площадей не позволял размещать крупные ориентирующие оси. Следы этих лимитов обнаружены на Галльских полях, в Кампании, Лукании. Пересчет этих, изъятых из владения граждан, земель вызвал бурю возмущения. Их межевание — лимитация раздражала и как социальное преобразование, и как техническое новшество. Ведь «морские», «горные», «галльские» лимиты делили новые земли; гракханские же перемежевывали уже освоенные как владения фрагменты Агер Публикус, где привыкли отличать участки без деления, только по природным границам (LC, 215, 4; 233, 10). На смену патриархальным правилам землепользования без научного расчета и деления шел закрепляющий собственность точный размер участка. Лимитация Гракхов, включая лимит и межевой знак, обеспечивала наглядную юридическую основу для передела земли.

Вся Италия настороженно следила за работой комиссии, которая вела к перераспределению собственности. Гракхи сделали серьезный шаг к оформлению акта передачи земли в собственность — ассигнации, что вынуждено было признать Римское государство в 111 г. до н. э., закрепив лимитацию как «*Ager optimo lege privatus*», а земли по закону Семпрония как *agri privati*¹⁷ (CIL. I, P. 97(585)). Таким образом, делители-лимиты использовались и как инструмент социальной и политической борьбы в период Республики.

Следующую крупную лимитацию в Италии проводил Сулла для наделения землей своих ветеранов. В конце 82 г. до н. э., еще до провозглашения Суллы диктатором, легаты стали проводить подселения воинов на конфискованные земли италийских городов (Cic. De leg. agr. II, 72; III, 547; pro Sulla, 60—62). Сулла не стремился к организации новых колоний, но введя новый тип делителя — «сулланские лимиты» (*limites sullani*) (CAR. S. 129, 130), межевал ими поля Ариция (LC, 230, 10), Бовилль (231, 11), Капуи (232, 1), Калатия (232, 4), Капитула (232, 20), Кастримения (233, 3), Габии (234, 13), Нолы (236, 4), Свессулы (237, 6), Тускула (238, 11). Местности в непосредственной близости от Рима (Тускул, Ариций, Габии) были разделены для ветеранов после проскрипций (Cic. de leg. agr. II, 78). Достижения гракханской лимитации (крест осей, пересечение лимитов) стали применяться в Ноле, Капуе и по Аппиевой дороге в Калатии и Свессуле. Ветераны Суллы получили за свою верную службу землю, подготовленную к передаче так же, как и в гражданских поселениях или при пересчете Агер Публикус, т.е. через лимитацию, которая становится апробированной базой для определения границ будущей собственности. Лимиты Суллы — дороги-делители — образовывали собственность экстраординарным способом, а не так, как сложилось в римском праве. Видимо, Сулла считал лимитацию достаточной гарантией новых владений (App. B. C. I, 96, 448; CAR. S. 129, 134), тем более, что они были закреплены на 20 лет без права продажи (Cic. de leg. agr. II, 78).

Цезарь вернулся к устоявшимся правовым нормам передачи земель в собственность. Его *Agri Divisi* более тщательно подготовлены к тому, чтобы превратиться в собственность и стать *datum assignatum*¹⁸. Теперь лимит служил для стабилизации правовых отношений собственности. Лимитация должна была и по времени значительно предшествовать ассигнации, чтобы отразить и учесть сложности аграрной ситуации района (Cic. fam. 9, 17, 2). За это время составлялся документ по результатам межевания и заказывались пограничные камни. Сохранились не только лимиты Цезаря, который был инициатором земельного межевания и называл себя *auctor divisionis*, но и его межевые знаки по обочинам лимитов-дорог, подтверждавшие гражданские юридические права бывших ветеранов (CAR. S. 134, 140; LC, 209, 226). В Этрурии (LC, 213) и колонии Фида Тудер (LC, 214) лимиты Цезаря ориентируются по главным осям; в Вейях (LC, 220), Эзернии (LC, 233), Вольтурне (LC, 239) ассигнация проводилась после точной размежевки. Такая тщательная подготовка позволила Цезарю осуществить лимитацию Агер Кампанус (по всем правилам, установленным еще Гракхами) для наделения собственностью невиданного ранее числа ветеранов — 20 000 (CAR. S. 135)¹⁹.

Триумвиры старались закрепить подход Цезаря к ассигнации ветеранов (LC, 211f). Сохранились лимиты-дороги триумвиров (LC, 226), которые в тех местах, где Цезарь провел ориентирую-

шие оси, подстраивались к ним (например, во Флоренции (LC, 214).

Окончательно практика лимитации во всей полноте была отработана при Августе. При подсчете земель для своих ветеранов Август мог оставить и старые лимиты. Так, в Пицене и Кампании использовались древние «морские» лимиты (LC, 221, 226), в Нолле — сулланские (LC, 236), а в *Ager Ancontianus* в Пицене делители, соответствующие «теоретическому» принципу Темплума, были переименованы в декуманы и карды (LC, 225). Август постоянно стремился совершенствовать лимитацию для ассигнации ветеранов. Для этого он пытается привести в соответствие со схемой, предложенной Гракхами, все древние делители-дороги, отличавшиеся по ширине, направлениям, способам обозначения. Теперь все лимиты, кроме осевых, получают название линейных (CAR. S. 133; LC, 247), что показывает в первую очередь их разметочное значение. Однако так же важна роль делителей дорог, выраженная в обозначении *subruncivi* (прополотые), т.е. свободные для прохода. Землемеры называют линейные делители в значении *subruncivi*, специально подчеркивая то, что они обеспечивают проход к полю (CAR. S. 133—134, 157). Агрименсоры считают, что слово «лимит» можно вывести и от *limo* (*limo oculis*) — «косые глаза», возможно, связывая это с просмотром направления лимита по инструменту, и от *limu* — «порогом», «входом» (CAR. S. 113, 117, 133). Август закрепляет это значение дороги для проезда в сельской местности, подчеркивает это обозначение и устанавливает для этих сельских дорог единую ширину: для всех линейных (субрунцов) она должна составлять 8 футов (2,3 м) (CAR. S. 71, 83, 134, 155—157; LC, 213). Плиний объясняет этот размер возможностью для двух повозок разъехаться (N.h. V, 3). Эта ширина превышает ширину частной дороги — *finis*. Землемеры специально разъясняют, что субрунцivy не могут запахиваться, так как не должны идти в ассигнацию, и остаются общественными (CAR. S. 83, 84, 122, 134; fig. 71). Специальные законы Августа юридически закрепляли ширину лимитов (CAR. S. 155; fig. 110, 110a), а администрация колоний должна была следить за обеспечением проезда по ним (CAR. S. 123). После выведения Юнии стала особенно видна роль лимитов, которые при пересечении образуют единицу площади. Ведь расчетная единица площади показывала, что точный размер становится основой для ассигнации участка (CAR. S. 134; Vergil. Aen., IX, 324). В этом состоит существенное преимущество лимита, обеспечивающего вычленение собственности даже в условиях земельной тесноты. Крест осевых делителей образует четыре части поля колонии, которые межаются лимитами-дорогами, и их положение на разделенной площади определяют теперь и название: «восточные», «северные» (SRF. I, S. 247).

Такую схему было легче внедрять на новых площадях провинций, чем в перенаселенной Италии. В любой части колонии лимиты всегда сохраняли ширину в 8 футов. Декуманы и карды на античных полях Западной Европы проводились по размеченным

географическим направлениям и обозначались в каждой части колонии по номерам: 1-й; 2-й; 3-й (SRF. I. S. 247), что наглядно показывало расчет земли для размера будущей собственности (Рисунок 4). Точность измерений и строгая параллельность главным осям сельских дорог колонии были способом подготовки земли к передаче гражданам в собственность и ее юридической гарантии²⁰.

Квинтарии

Самой строгой проверке подвергались «пятые» по счету лимиты-дороги, квинтарии — *quintarii* (CAR. S. 69). Ведь на большом пространстве трудно было обеспечить абсолютную параллельность лимитов, поэтому пятый делали контрольным (CAR. S. 72, 134). Технически это осуществлялось таким образом: квинтарии проводились сразу же после разбивки DM и KM. Большая площадь заключалась осевыми и пятыми лимитами в квадраты, внутри которых было легче выверять направление и ширину линейариев (Рисунок 3). Для контрольного квинтария устанавливалась ширина в 12 футов (3,5 м), их следы, относящиеся ко времени Августа, сохранились в Этрурии при Августе (LC, 212, 213; CAR. S. 134). Он точно определил положение квинтария в сетке лимитов. Землемеры указывают на расхождение в обозначениях, поскольку до Августа DM и KM обозначали то главным, то первым лимитом, поэтому и контрольным лимитом считался то пятый, то шестой, что могло вызвать земельные споры (CAR. S, 169). В период от Грахов до Августа лимитация часто вовсе не имела осевых направлений и в этих случаях роль контрольного делителя чрезвычайно важна. Они, действительно, существовали и до Августа и обозначались как актуарные — *actuarii* (CAR. S. 69; fig. 70). Если *actuarium* выводить от *ager actus* в значении *ire* — то имелось в виду, что это тоже проход через поле (SRF. II, S. 349). Возможно, что в ранних лимитациях были уже свои актуарии, хотя и не ориентирующие по сторонам света, но выполняющие роль осевых делителей. Поэтому актуарий и до Августа был уже шире обычных лимитов (CAR. S. 134; SRF. II, S. 349). Август умело соединил традицию проведения широкого актуария и его контрольную функцию в дорожной сети района, закрепил его ширину и точно установил его на шестом по счету месте (CAR. S. 71, 83, 134, 157; l. c. 212) (Рисунок 4). Поскольку уже в ранних лимитациях актуарий ограничивал крупный земельный массив, то пересечение квинтариев в межевании Августа включает площадь, получающую обозначение *saltus* — так издревле в Италии обозначались крупные земельные массивы (CAR. S. 69, 72; SRF. I, S. 351). На большой территории квинтарии могут образовывать и несколько *saltus* во всех четырех частях поля колонии (Рисунок 1).

Ранние лимиты (приморские и горные дороги) своим пересечением создавали прямоугольную или квадратную форму участка, поэтому их обозначение не отличалось от границы *finis* (финис), выделяющей сам участок *Fundus*. Финис была сначала бороздой со

знаком неприкосновенности собственности — термином (CAR. S. 105). Но уже в Законах XII таблиц, первом юридическом памятнике Рима V в. до н. э. была законодательно установлена ширина финис — 5 футов. Финис была границей участка гражданина и потому превратилась в частную дорогу. Знаки на ней могли быть изготовлены из любого подручного материала, привычного в данной местности; например, из глины: это могли быть горла крупных амфор, медные или деревянные столбики (SRF. I, S. 241, 340). И на лимитах, и на финис, в первую очередь, отмечались повороты (CAR. S. 103, 115). Священный знак ставился в точке пересечения, где все соседи приносили жертвы и клялись не нарушать границу (CAR. S. 103, 110).

Финис создавалась не так, как лимит, то есть не основывалась на общем расчете площади. Каждый из двух соседей выделял по 2,5 фута вдоль границы под дорогу. Таким образом ширина дороги составляла 5 футов. Вот на такую построенную самими владельцами дорогу-границу частной собственности и указывают Законы XII таблиц. После того как земли в Италии стали делить лимитами, финис выделяла участок внутри единицы площади (центурии). Узкая дорожка — финис соединялась с лимитом и хозяин участка мог свободно выехать со своей частной дороги на общественный лимит (Рисунок 4).

Общественная функция лимитов повышала потребность в систематизации их обозначения. Гракхи первыми внесли некое единообразие, отработав размер, форму и материал пограничных знаков (CAR. S. 130). Цезарь опирался на принципы Гракхов (CAR. S. 144; SRF. I, S. 352), но он начал ставить на камнях свое имя (эта операция стала называться терминацией); после Цезаря терминация приобрела авторский характер²¹.

Август придавал огромное значение терминации лимитов и проводил ее до передачи участков для окончательной отработки межевой сетки. При уточнении ориентации на главных осях ставили специальный знак, указывающий направление Восток—Запад (SRF. I, S. 248—251). Основные дороги колонии обозначались с особой тщательностью. В качестве термина был выбран *Lapis Tiburtinus* — крупный хорошо обработанный каменный блок в форме параллелограмма, изготавливаемый в г. Тибуре в Лации (CAR. S. 75, 76; SRF. I, S. 340—342). Их клали на землю, закрепляли по обочинам DM и KM, а на боковой стороне размещалась подробная надпись (CAR. S. 72; SRF. I, S. 275). В древности тибуринские термины использовались и на границах частных участков в Лации, Август же, перенеся этот древний знак на лимит, подчеркнул божественную сущность не только частной собственности, но и самого раздела земли, и лимита как гаранта *divisi et assignati*²². Август разработал и сам порядок терминования: знаки теперь ставили не произвольно, а в точках пересечения лимитов (главных с квинтариями и линейными, квинтариев и линейных, линейных между собой) (CAR. S. 158; fig. 119—121a). Таким образом, термин обозначал лимит и угол единицы площади. Пря-

мой угол (*clusarus*) нуждался в проверке, которую и осуществляли, проводя условную диагональ (из т. О в т. К) (CAR. S. 137, 159; fig. 81, 120) (Рисунок 4).

На линейных и квинтарных лимитах термины ставились вертикально и укреплялись так, чтобы не было смещения (CAR. s. 72; SRF. I, S. 275). Каменные знаки в углах поворотов дорог вбивались наиболее тщательно. Часто их изготавливали в форме буквы гамма или креста, как и сам знак поворота (CAR. S. 75). Вообще, термины в виде геометрических фигур встречались наряду со столбиками (SRF. I, fig. 230—245). Август стремился ввести единообразие и в размерах: столбик должен был быть высотой 3 фута (CAR. S. 71). Август установил и определенный интервал между знаками по обочинам дороги (CAR. S. 124, 138; fig. 82). Это были дополнительные обозначения *signae*, роль которых сводилась к проверке направления лимита, хотя их установка в отличие от терминов не сопровождалась обрядом. Такие промежуточные знаки были небольшого размера и изготавливались из любого материала (SRF. I, S. 340—342).

Август разработал характер и вид надписей на терминах (CAR. S. 135). На DM и KM их надписывали на верхней боковой стороне (CAR. S. 71, 137, 157; SRF. II, S. 352). Клузарный термин сообщает о пересечении определенных лимитов и номерах единиц площади от т. О — к границам территории колонии: надпись DDLXXXVIII.IIKLXXV означала — 98 правая по Декуманус и 75 верхняя по Кардо (CAR. S. 159). Надпись могла включать и более подробное описание лимита: расположение в схеме, местное название, имя автора ассигнации и т. д. Если лимит совпадал с границей участка, то надпись могла нести информацию и о владельце; известны даже записи штрафов на межевых камнях (SRF. I, S. 249—250; 340—342).

Лимитация превратилась в технический способ расчета огромных территорий. Но массовое применение этого метода межевания наблюдается не в землеустроении Италии (надолго законсервировавшей архаические приемы деления площадей), а на широких просторах новых провинций. В Галлии и Северной Африке пересечение квинтарных лимитов образует гигантскую единицу площади, получившей название сальтус (5000 югеров). Эта техническая норма лимитации постепенно превратилась в особый тип поместья — гигантскую латифундию, которая в имперский период рассматривалась как отдельная налоговая единица²³.

Техника проведения лимитов-дорог

Трактаты римских землемеров представляют собой уникальный источник по технике землеустроения. Их сочинения являются практикумами для работы на местности. Ориентация с помощью грома была самой сложной операцией землемера и одновременно чрезвычайно важной, поскольку задавала направление осям-делителям, отклонение от которого могло нарушить форму единицы

площади и исказить весь рисунок межевания. С особой тщательностью землемеры проводят осевые линии. Грому устанавливают в точку отсчета межевания, менсор по линии просмотра прибора намечает отдаленную точку и направляет помощника, который там ставит мету; от этой дальней отметки он двигается на менсора с громой, устанавливая меты через каждые 12 футов, причем каждый колышек получает свой номер (CAR. S. 155).

Разметка оси движением на инструмент не закрывает видимости и исключает ошибки. От колышка к колышку линию на земле прочерчивали мечом (CAR. S. 17) и у каждой меты сверяли направление по громе. Приблизившись из точки Востока к громе (точке O), помощник менсора отходил на небольшое расстояние от громы в западном направлении. Движением на грому проверялась линия от точки Запад к точке O, и линия Восток—Запад готова. При межевании больших площадей грому переносили в крайнюю точку направления и пробивали осевую дальше. Так же поступали и в направлении Север—Юг (Рисунок 4).

На плоской поверхности добиться параллельности линий было не сложно при умелом пользовании громой, но на пересеченной местности гораздо сложнее было сохранить заданное направление, и для этого требовались большие навыки в геодезической работе. Фронтин разработал специальную задачу на проведение линии по впадине «от края низины, не допустив отклонения от нужного направления (CAR. S. 17—18)». Такая же задача есть и у Нипса (*Fluminis varatio*). Такие задания практически полностью сохраняются в современной геодезии при вертикальной съемке местности. Освоение подобных сложных приемов позволило менсорам пробивать линии на большом расстоянии при любом рельефе, а создание квадратной единицы площади все менее зависело от местных условий рельефа²⁴.

Трактаты римских землемеров не показывают зависимости их науки от теории и практики греков, от «Метрики» и «Диоптрики» Герона Александрийского, этого «архегета» геометрии. Известно, что к периоду распространения лимитации греки пользовались сложными и совершенными геодезическими приборами. Римляне же продолжали межевать простой и незамысловатой громой. Так, римские межевщики (финиторы и менсоры) пользуясь более простыми, чем греки, приборами, имели богатейший опыт практической геодезии.

Лимитация формировала особое правовое положение земель — *Ager Limitatus*, т.е. тщательно измеренная и размежеванная территория, предназначенная для раздачи гражданам в собственность. Пересечение лимитов под прямым углом создавало единицу площади — квадратную центурию в 200 югеров. Такие земли (*Ager Centuriatus*) были уже подготовлены к ассигнации гражданам. Наиболее яркий пример центуриации Италии связан с аграрными реформами Гракхов. Мы можем видеть, как технические элементы землеустройства — дороги-лимиты — послужили задаче перераспределения общественной собственности в частную (LC, 209, 6—9;

229, 16; 230, 21). Этим же техническим приемом (лимитация — центуриация) воспользовался Сулла для наделения 120 тыс. ветеранов землей, принадлежавшей его политическим противникам (App. В.С. I, I, 100, 470; LC, 236, 4). Цезарь высоко оценил технические возможности центуриации для точного расчета площадей и увидел возможности развить юридическую основу собственности. Он намеревался внедрять ее как в Италии, так и в провинциях. Цезарь еще в 59 г. до н. э. подготовил на Агер Кампанус наделы для 20 тыс. ветеранов. Небольшие подселения ветеранов Цезарь устраивает через 200-югерную центурию в Калабрии и Апулии (LC, 290,210). Он уделяет много внимания внутреннему разделу центурии на участки — т.е. технической и юридической подготовке ассигнации.

Итак, мера площади (как правило, это центурия), образованная при разделе территории лимитами (дорогами), становится расчетной нормой — модулем данной местности, что позволяет точно размежевать пашню в условиях земельной тесноты. Оформление наделов внутри центурии (как единого целого или по частям) происходит в виде записи как на плане, так и на межевых камнях — т.е. полностью соответствует всем требованиям ассигнации. Поэтому в колониях с центурированной площадью собственность на землю имела лучшую гарантию²⁵.

Лимиты Августа

Усовершенствованием системы лимитации и центуриации занялся Август — основатель римской Империи. Перед ним стояла сложнейшая цель — упорядочить не только применение и оформление лимитов-дорог, но и точное определение их ширины, а также размера единиц площадей. Сложность задачи заключалась в том, что ко времени Августа в Италии продолжали действовать как минимум две системы счета — десятичная и двенадцатеричная. Кроме римских единиц площадей — актов и югеров — продолжали применяться и местные единицы площади в каждом районе Италии²⁶. Поскольку после лимитации размер участка стал не приблизительным, а абсолютно точным и выверенным, то все древние межевания нуждались в пересчете.

Необходимо было заново обследовать итальянские земли и провести их топографическую съемку. Август приступил к выведению колоний и подселению ветеранов, превышавшему все предшествующие ассигнации в Италии. Отказавшись от политики конфискации, Август продемонстрировал уважение к собственности, выкупив для своих ветеранов землю у итальянских муниципиев. Стремясь обеспечить хозяйства своих поселенцев угодами, Август столкнулся с необходимостью точного определения границ земель, не попавших в ассигнацию, их юридического положения и прав землепользования, т.е. с необходимостью оформления не только собственнических, но и владельческих прав. Действительно, в границах колоний и муниципиев были леса, выгоны и некоторые не-

пригодные к пахоте земли, издревле используемые для выпаса скота; хорошие же поля, оказавшиеся отрезками, также были объектом оккупации жителей колоний (Рисунок 4). Август первым в истории римских аграрных реформ для создания резерва государственных земель стал осуществлять проверку границ и подсчет площадей угодий и отрезков межевания (*subsecivi*), что практически стало инвентаризацией италийских земель. Понадобился розыск древних документов, обследование пограничных линий и знаков, определение модуля расчета. Эта поистине гигантская работа требовала привлечения многих специалистов в области межевания, а также бывших геодезистов из числа ветеранов, знакомых с различными способами разметки и подсчета площадей.

В результате работы по проверке старых следов межевания была уточнена модель наделения (ассигнации) ветеранов землей. Система дорог-лимитов теперь стала расчетной схемой для определения единицы площади. Две, а иногда и три центурии могли быть ассигнованы и превращались в собственность крупных военных командиров при их выходе в отставку. Границами таких латифундий были дороги-лимиты. Внутри центурии после жеребьевки приступали к акту ассигнации — т.е. юридической передаче в собственность пахотной земли рядовым. В этом случае земля делилась, обычно, на 3 части, и эти участки ограничивались частной дорогой — финис, которая обозначала собственность ветерана в колонии. Угодья же придавались владельцу участка дополнительно из расчета общественных земель колонии. К каждому участку надела можно было проехать по дороге-лимиту, и жеребьевка не приводила к чересполосице, но все же чувствовалось стремление иметь части жребия поближе друг к другу: «...если Луций Тит получит три части (или то, что этому соответствует) в третьей правой по Декуману и четвертой нижней по Кардо, а четвертую часть он имел бы в какой-нибудь другой ближней центурии» (CAR. S. 5).

Завершающей стадией ассигнации стала запись на плане ее результатов. На этот план делители-лимиты записывались с указанием их ширины и номера центурий (CAR. S. 164—167). Август постановил заносить на план размеры всех частей жребия колониста, разбросанных в разных центуриях (CAR. S. 84, 91). Медные доски Августа сообщают не только площадь центурии в югерах, но и ее линейные размеры. Такой план получает название *forma*. Он включал информацию о лесах, выгонах, общественных пастбищах, и неудобьях-реликтах (CAR. S. 122, 160). Планы местностей, где после проведения лимитов земля передавалась в собственность, стали важной юридической гарантией для владельцев. Разработав прочную юридическую основу для собственности и владения, Август обязал землемеров тщательно изучать планы межевания, которые должны были храниться в специальных архивах²⁷. В центральный архив Рима, Табулярий (*Tabularius*), поступали межевые карты разных районов Италии (CAR. S. 166; fig. 135, 135a). Август обязал изготавливать два типа планов: первый — оригинал; а второй — учебный, для подготовки специалистов-менсоров.

Землемеры превратились в крупных знатоков межевания в разных районах Империи. Теперь они могли выполнять роль экспертов в земельных спорах, их так и называли — арбитрами. С их помощью римское государство не только перенесло в провинции технические принципы землеустройства, разработанные в Италии, но и приучило местных жителей к основам римского права.

Очевидна глобальная сложность задачи, поставленной Августом по универсализации норм землеустройства в Империи. Известно, что еще в период Республики при основании колонии выделялись технические специалисты. Их роль выполняли центурионы, опытные организаторы маршевого лагеря, и лишь изредка гражданские специалисты. При Августе начинает создаваться общегосударственная система подготовки этих технических специалистов, в программу образования которых входили математика, геометрия, геодезия, картография, астрономия, космология, право. Каждый город и область имели таких менсоров, знатоков теории и практики межевания, выполнявших судейские функции в пограничных спорах (CAR. S. 84—98).

Лимитация римских поселений в провинциях привела к интенсификации их экономической жизни. Так, в Галлии дороги в сельской местности связывали виллы поселенцев не только с рынками колонии, но и с традиционными местными торжищами. Лимиты дороги способствовали контактам новых собственников с местным населением района, которое получает возможность пользоваться римскими общественными коммуникациями. Особенно важно, что дорожная сеть колонии пересекала и труднодоступные места области: строились мостики через речки, рылись отводные каналы в болотистых местах, обеспечивался доступ к источникам питьевой воды. Появляются дорога и акведуки в районе Арля и *Pons aerarium* близ Бордо. От реки Рона проводится отводной канал — *Fossa Augusta*, — предназначенный для колонистов Араузиона и жителей этой местности. Эти мероприятия улучшали почвы, приводили к очищению водоносных слоев, их подсушке. Известно, что римляне так хорошо подготовили почвы Лангедока, что последние и в период Средних веков использовались без серьезных улучшений. Население многих галльских *oppida* тяготеет к римским колониям, старается развивать с ними экономические, культурные и религиозные связи, использует общественные дороги, акведуки, приграничные угодья. Многие пешеходные тропинки ведут к культовым местам и торжищам; местное население втягивается в общественную жизнь провинции уже под римским руководством. Теперь оно психологически было подготовлено к осмыслению новых принципов организации земель как вполне конституированных, гарантирующих в том числе и их владельческие права. Пожалуй, именно дороги становятся, в прямом смысле слова, проводниками идеи «романизации». Римские кадастры не только организуют земельную территорию, но и способствуют процветанию этих районов (App. B.C. V, 49; Dio. Cass. 42, 61)²⁸.

Принципы строительства римского маршевого лагеря способствовали не только развитию лимитации, но и развитию другой системы межевания, использующей иные делители-дороги. В римском лагере палатка, располагавшаяся длинной стороной с востока на запад, называлась скамнум, а с севера на юг — стрига. Эти названия были перенесены на земельные участки прямоугольной формы, имеющие такую же ориентацию. Граница, окаймляющая скамью или стригу, получила название ригор (CAR. S. 1) (Рисунок 5).

Ригор, как и древняя частная граница *finis*, обозначала земельную собственность, поэтому их функции во многом схожи. Ширина ригора так же, как и у финис — 5 футов²⁹. Проведение ригора, окаймлявшего участок строго прямоугольной формы, точно соблюдая углы поворота, было непростой задачей в архаический период, когда принципы научной ориентации и расчета площадей, воплотившиеся в лимитации, еще не получили распространения в Италии. Провести параллельно две стороны ригора (т.е. сохранить его ширину и отметить две скамьи) технически было сложно, особенно в условиях пересеченной местности. В сочинениях землемеров сохранились настойчивые рекомендации по соблюдению параллельности обочин этой дороги-границы и необходимости частой ее проверки. Такая эмпирическая задача формулируется в трактатах как «сохранение и неискажение ширины ригора» (CAR. S. 169—170), для успешного решения которой требуется постанова, кроме священных Терминов в углах поворота ригора, еще и дополнительных (проверочных) знаков (CAR. S. 103, 106). Для обучения будущих специалистов у громатиков разработано специальное задание по выравниванию сторон ригора, т.е. проведению обочин дороги, создающей прямоугольный участок (CAR. S. 18, 155—156; fig. 111, 111a, 112, 112a). Авторы (Фронтин и Гигин Младший) решают такую задачу по принципу соотношения сторон прямоугольников и треугольников, показывая свое знакомство с теоремой Пифагора (CAR. S. 156).

Фронтин указал на самое существенное отличие ригора от осевых делителей (*Via Principales, Via Praetoria*), которые организуют пространство для разметки и расчета, в то время как ригор непосредственно локализует участок (CAR. S. 4). Обе его обочины должны обозначаться одинаково, поэтому его часто обсаживали терновником. При наличии подручного материала по обе стороны ригора шли ограды из камней (CAR. S. 106, 113—115). Наиболее тщательно граница обозначалась при повороте в углу участка. Особые отметки подтверждали, что никакого смещения прямого угла в ограде не произошло, для этого на камень наносились знаки: крестообразные деки (x) или гаммы (g) (CAR. S. 103, 104, 169, 170). В тех редких случаях, если ригор не имел сплошной ограды, то в углу участка обязательно ставился каменный термин со знаками поворота: «x» или «g». В предгорьях Самния и Пицена знаки

«деки» и «гаммы» наносились на естественные выходы скал (CAR. S. 103—104; SRF. II, S. 341, 342), которые и определяли форму участка в данной местности. Такая тщательная работа привела к тому, что ригор — проселочная дорога в 5 футов шириной — окаймлял каждый участок римского поселенца в любом районе Италии, обеспечивая внутренние экономические связи.

В течение III в. до н. э. в Италии отработывался принцип применения прямоугольных скамей и стриг как крупных единиц площадей, чередующихся продольных и поперечных прямоугольников на размежеванной местности. В начале II в. до н. э. на примере Аквилеи (Liv. XL, 34, 2) можно видеть оформленный тип межевания земельных площадей, который получил название стригагия-скамнация. Следует отметить геодезическую привязку единиц площади к оси межевания, специально проведенной в сельской местности, как главный ориентир, который начинает играть роль общественной дороги. В конце Республики были освоены приемы разметки крупных скамей и стриг. Теперь их рассматривают уже как единицы площади, внутри которых получают наделы несколько поселенцев. Поэтому ригор может обозначать единицу площади, но служить также и границей-дорогой между участками внутри нее. Ригор между крупными единицами площади — это уже не проселочная дорога. Если он отделял одну расчетную единицу площади от другой, то в период Августа его ширина приравнивалась к ширине лимита (8 футов). Если ригор отделял участок одного поселенца от участка его соседа, то его ширина соответствовала ширине древней границы частных владений в 5 футов (CAR. S. 169). Стригация-скамнация чаще применялась для межевания предгорий и других местностей со сложным рельефом. В отличие от лимита ригор как общественная дорога не пробивал территорию на большое расстояние.

На центурированном поле колонии для каждого надела Август утвердил границу — финис, древность и святость которой подчеркивала незыблемость собственности, полученной в результате точного расчета и деления площади. Сохраняется ширина финис в 5 футов (CAR. S. 89—91), подтвержденная для схемы колонии Августом (CAR. S. 5, 61, 134).

Ригор, как и финис, остались проселочными дорогами, по которым может проехать повозка (CAR. S. 5). Финис и в центуриации Августа сохранила древние признаки обозначения: ряд деревьев и кустарников со знаками поворота (CAR. S. 91, 98), заборчики из камней (Plin. Nh. V, 3), груды камней — скорпионы (CAR. S. 106—109). Август лишь усилил значение границы участка, добавив термины, так чтобы их форма и материал отличались от терминов лимитов (CAR. S. 90)³⁰. Надпись на пограничном камне участка имеет формулу «*Datum Assignatum*», она включает имя владельца, размер этой части по жребию в центурии с определенным номером. Это была материализованная юридическая гарантия собственности, лично подтверждающая права собственника (CAR. S. 164).

Таким образом, Август в начале периода Империи создал такую систему землеустройства, которая соответствовала научно-техническому уровню римского общества и задачам правового осмысления собственности и владения на землю. Территория колоний становится земельным кадастром района, а поместье ветеранов обуславливается в первую очередь дорожной сетью (межевой сеткой), создающей это поместье.

В модели колонии, разработанной Августом, дороги были не следствием хозяйственной деятельности поселенцев, а, напротив, создавали земельную собственность и ускоряли развитие экономики. Сельские дороги Римской Империи были одной из важнейших предпосылок ее экономического могущества в период «золотого» II в. н. э.

Список сокращений:

CAR — Corpus Agrimensorum Romanorum. Lps., 1913.

SRF — Die Schriften der romischen Feldwesser. Berlin, 1848—1852. Vol. I—II.

LC — Libri Coloniarius.

Примечания

¹ Burdese L. Studi sull'ager publicus. Torino, 1952; Lugli G. La tecnica edilizia Romana. Vol. 1—2. Roma, 1957; Castagnoli F. La ricerche sui resti della centuriazione. Roma, 1958; Pignanioli A. Les documents cadastraux de la colonie Romaine d'Orange. Paris, 1962; Chevallier R. Memoire de phôtio-interpretation. № 1. Paris, 1963; Fossier R. Le terre et les hommes en Picardie. Vol. 1—2. Paris, 1968; Toutin J. L'economai antica. Milano, 1968; Salmon E. T. Roman colonization under the republic. London, 1969; Soyer J. La conservation de la forme circulaire dans le parcellaire français: Etude basée sur l'interprétation des photographies aeriennes. Paris, 1970; Brunt P. A. Italian manpower. 225 BC — AD 14. Oxford, 1971; Dilke O.A.W. The roman land surveyors. N.Y., 1971; Hinrichs F.T. Die geschichte der gromatischen Institutionen. Wiesbaden, 1974; White K.D. Farm equipment of the Roman world. Cambridge, 1975; Chevallier R. Roman roads. London, 1976; Chouquer G., Favory F. Contribution a la recherche des cadastres antiques. Paris, 1979; Capogrossi-Colonesi L. La terra in Roma antica. Roma, 1981; Cadastres et espace rural. Paris, 1983.

² В отечественной романистике эта проблема исследована в работах В.И.Кузицина: «Римское рабовладельческое поместье II в. до н. э. — I в. н. э.» М., 1973; «Генезис рабовладельческих латифундий в Италии (II в. до н. э. — I в. н. э.)» М., 1976.

³ Агрименсоры (agrimensores) — измерители полей, землемеры, иногда назывались просто — менсоры (mensores), но часто обозначались как — громатисы от основного измерительного прибора — громы (groma).

⁴ Трактаты римских землемеров цитируются по изданию: Corpus Agrimensorum Romanorum / Ed. C. Thulin. Lipsia, 1913. Обозначение источников по страницам этого издания (CAR, S...) / Пер. И.А.Гвоздевой.

⁵ С воздуха делители-лимиты (дороги) представляют собой как бы шахматную доску, так как, пересекаясь под прямым углом через равные

интервалы, они образовывали квадратную единицу площади — центурию. Эта система межевания получила в римском землеустройении название центуриация. В современной научной литературе ее часто обозначают как решетку лимитов или межевую сетку. См. рисунок 1.

⁶ Soyer J. Op. cit.; Meynier A. Les paysages agraires. Paris, 1958; Parain Ch. Les anciennes techniques agricoles // Revue de syntèse. 1957. № 7.

⁷ Этрусская Дисциплина — наука этрусских жрецов об устройстве космоса включает учение о небесном Храме (Templum), в границах которого ориентировалось и подразделялось пространство. Принципы устройства небесного Темплум проецировались на земле. Они были восприняты римлянами и легли в основу их пространственного мышления.

⁸ Tares (Tages) — божество низшего ряда, по преданию вышел из борозды и научил римлян межевать поля. Нимфа Вегоя передала людям науку о молниях (часть *Disciplina Etrusca*), научила измерять поля. Ее проществу включали страшные наказания за нарушение святости и неприкосновенности границ.

⁹ Место палатки претора.

¹⁰ Vallat J.P. Ager Publicus, colonies et territoire agraire en Compane du Nord a l'époque Républicaine. In: Cadastres..., Paris, 1983. P. 191—194.

¹¹ Oppidum — небольшой город, городок.

¹² Clavel-Lévêque M. Cadastres, centuriations et problèmes d'occupation du sol dans le Biterrois // Cadastres... 1983. P. 241; Castagnoli F. Op. cit. P. 27; Lassus J. Une operation immobilière a Timgard // Mélanges d'archéologie et d'histoire. Paris, 1966. Vol. 3. P. 1221—1231; Dilke O.A.W. Op. cit. P. 87; Campana A. Decimo, Decimano, Dismano. — Emilia romana. Firenze, 1941. Vol. I. P. 1—39.

¹³ Chevallier R. Roman roads. L., 1976. P. 6—7.

¹⁴ Castagnoli F. Op. cit. P. 36—37; Campana A. Op. cit. P. 8.

¹⁵ Chouquer G., Favory F. Contribution... 1979. P. 45; Piganiol A. Op. cit. P. 61, 93, 265, 269.

¹⁶ Modus — в данном случае принцип точного расчета земельной площади до обозначения границ участков.

¹⁷ Agri privati — земли, находящиеся в частной собственности. Ager optimo lege privatus — частный участок, освобожденный от налогов, был получен крестьянами из конфискованных земель Агер Публикус в результате реформ Гракхов.

¹⁸ Datus assignatum — «дано и ассигновано» — формула, обозначающая полную собственность на землю, полученную (предписанную) при выведении гражданской и ветеранской колонии.

¹⁹ Hinrichs F.T. Op. cit. S. 58—60 (гракханские лимиты), 60—69 (сулланские лимиты), 73 (лимиты Цезаря).

²⁰ Bradford J. Op. cit. P. 150.

²¹ Dilke O.A.W. Op. cit. P. 92.

²² Divisi et assignati — поля разделенные и ассигнованные — земля, подготовленная к передаче в собственность.

²³ Chouquer G., Favory F. Contribution... P. 56.

²⁴ Dilke O.A.W. Greek and Roman maps. N.Y., 1985. P. 98; Hinrichs F.T. Op. cit. S. 103—105.

²⁵ Salmon E. T. Op. cit. P. 114—119; Bradford J. Op. cit. P. 193—200; Chouquer G., Favory F. Contribution... P. 40—42.

²⁶ Castagnoli F. Op. cit. P. 78—90.

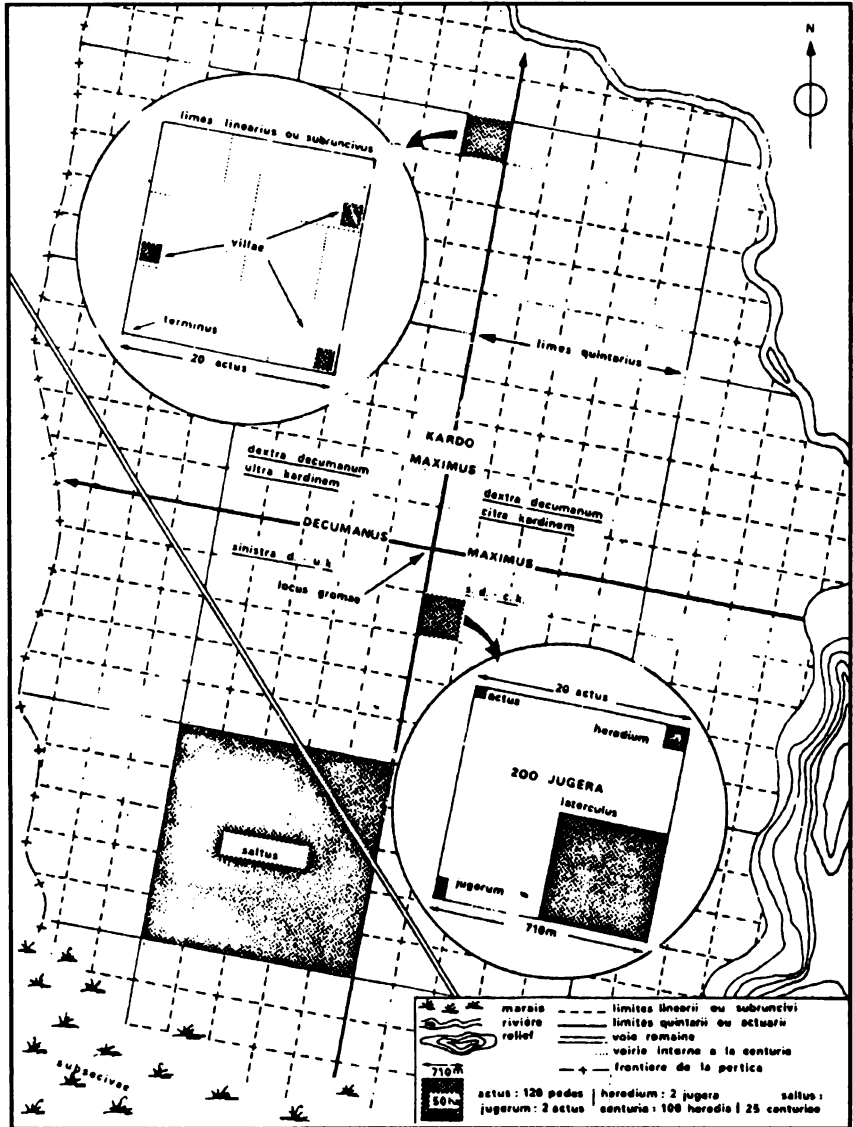
²⁷ Moatti Cl. Archives et partage de la terre dans le monde Romain (II siècle avant — I siècle après J.C.). P., 1993.

²⁸ Favory F. Propositions pour une modelisation des cadastres ruraux antiques // Cadastres... P. 51—80; Chouquer G. Localisation et extension géographique des Cadastres affichés à Orange // Cadastres... P. 275—295; Fiches J.-L., Soyer J. Occupation du sol et cadastres antiques: l'exemple de la carte de Nîmes // Cadastres... P. 259—274; Clavel-Lévêque M. Cadastres, centuriations et problèmes d'occupation du sol dans le Biterrois // Cadastres... 1983. P. 207—258.

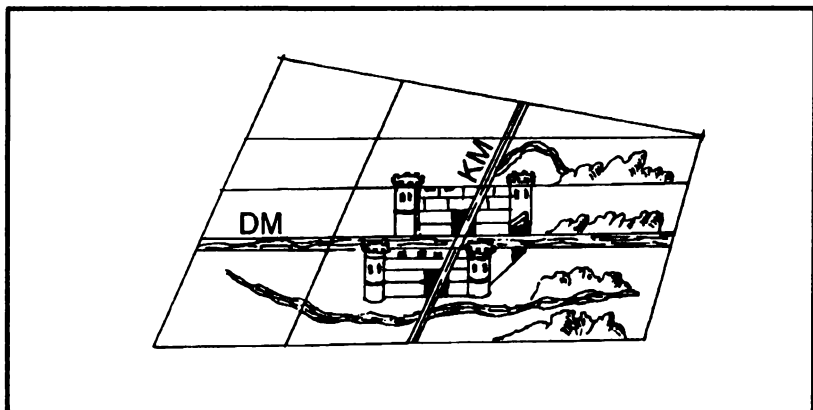
²⁹ Hinrichs F. T. Op. cit. S. 23—46; Castagnoli F. Op. cit. P. 31—33; Favory F. Propositions... P. 113—118.

³⁰ Castagnoli F. Op. cit. P. 36; Cambell B. Shaping the rural environment surveyors in ancient Rome // The Journal of Roman Studies. Vol. LXXXVI, 1996. P. 74—99.

Схема межевой сетки деления полей лимитами на квадратные центурии. Аэрофотосъемка (Chouquer G., Favory F. Contribution a la recherche des cadastres antiques. P., 1979).

Пример выбора точки 0 — отсчета межевания сельской территории в центре города (CAR. S. 114)

Квинтарные лимиты на межевой сетке поля колонии (CAR. S. 69)

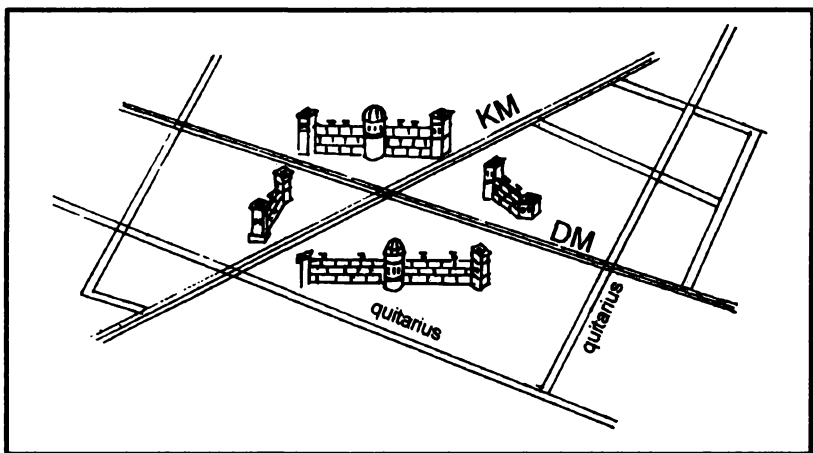

Схема римской центуриации (реконструкция автора по *Corpus Agrimensorum Romanorum*)

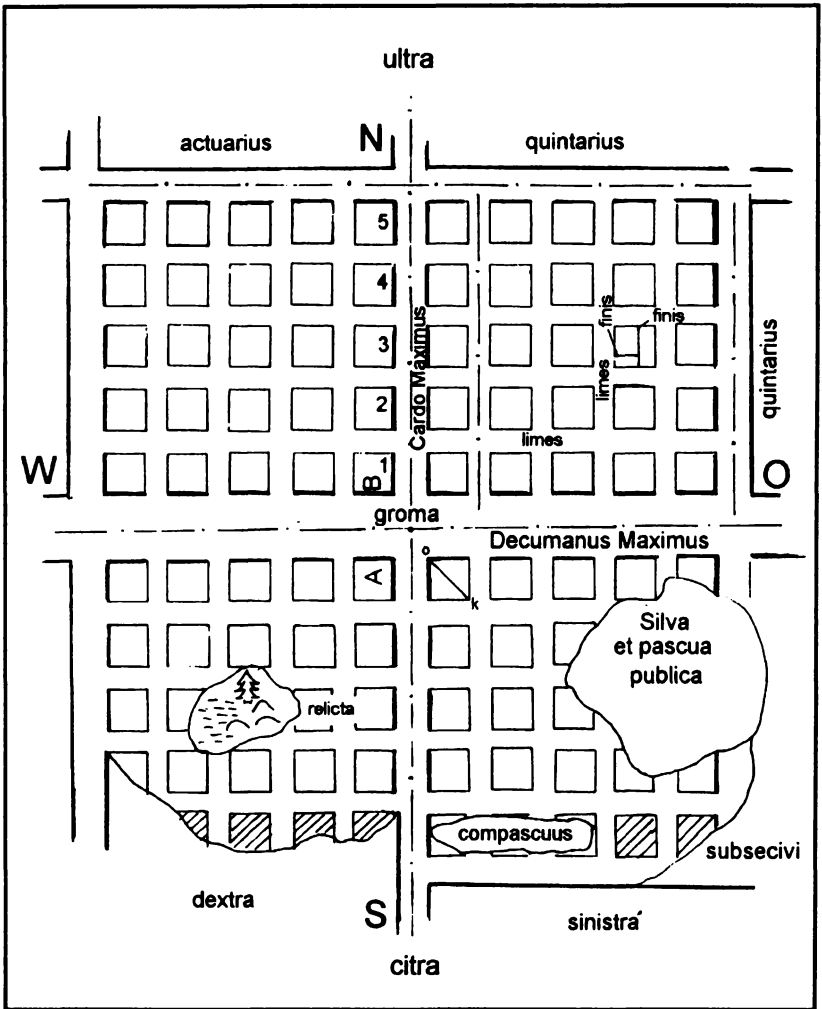
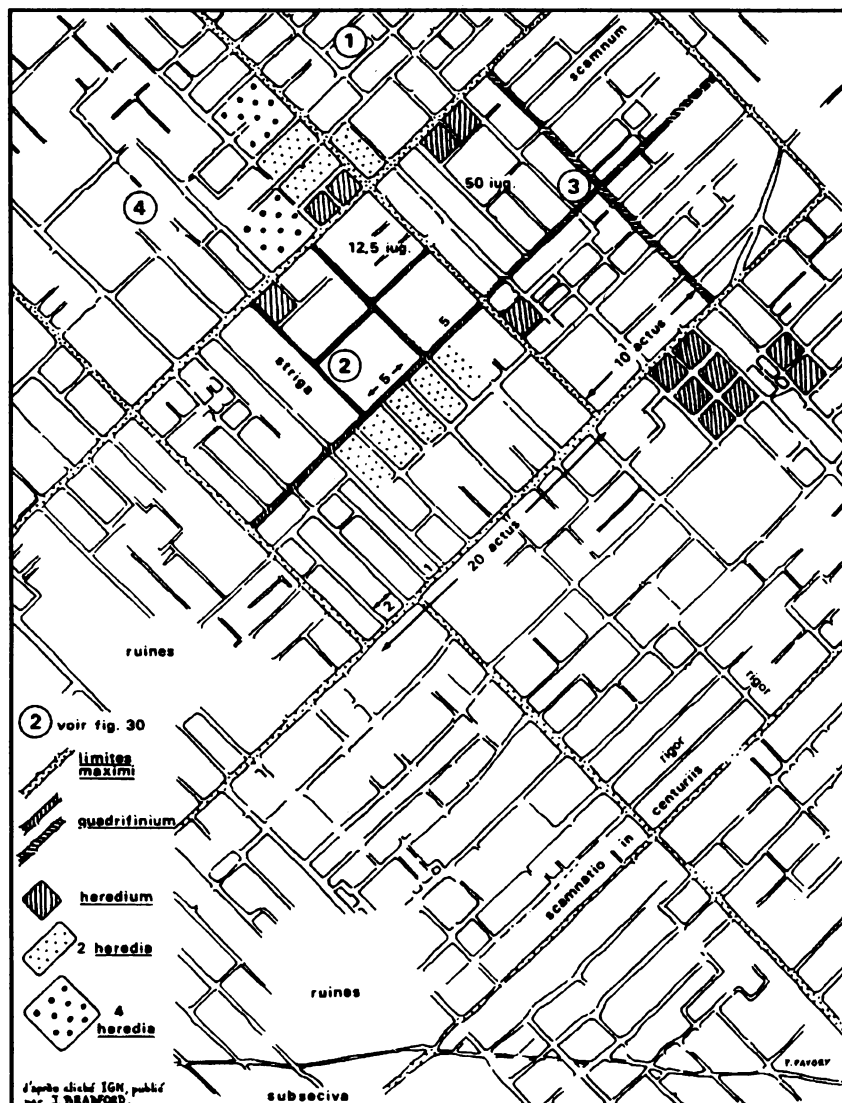

Схема межевания лимитами и ригорами
(Cadastrés et espace rural. P., 1983)

Клады, контракты, репарации — статистика доходов в Средние века

Экономическая история Средневековья и современная наука, исследующая макроэкономические процессы, вынужденно оперируют различными категориями и показателями. Причина тому — отсутствие вплоть до XVI в. статистических сведений, напоминающих те, которые используются для анализа экономического роста или структурных изменений в экономике XX в. Разнообразие информации о современном состоянии экономики позволило появиться различным моделям, которые дают возможность оценивать, объяснять и предсказывать развитие экономики или сравнивать состояние различных регионов. Данные традиционных — письменных средневековых источников, которые было бы возможно непосредственно сопоставлять с современными, либо узко локальны, либо фрагментарны. Тем не менее, для ряда регионов и многих периодов средневековья и античности существует источник, заключивший в себе сведения о глобальных экономических процессах. Ведь деньги, даже если на них и смотрят как на образцы искусства или памятники политических событий, всегда служили прежде всего экономике.

Экономика оставила на древних монетах свои следы, которые медиевист, не избалованный обилием статистических сведений, способен увидеть с помощью простейших статистических и математических процедур. С ними взятые за основу предлагаемого исследования немалочисленные клады джучидских монет, дают, по сути, обобщающие сведения, аналогичные по своей природе данным современной экономической статистики. Статистические качества нумизматического материала из кладов, зарытых в Золотой Орде в XIV—XV вв.¹, позволяют связать понятия экономики и экономической истории, — пускай пока только на причерноморском материале. И первое, что нужно для этого сделать — это отказаться от отношения ккладам, как к *экстраординарному* явлению денежного рынка.

Нумизматы склонны считать клады сокровищем, причем сокровищем мертвым — неиспользуемым. Эти сокровища приписывают обычно либо удачливому воину, либо неудачливому купцу. В конкретной исторической обстановке это может быть справедливо.

* Пономарев Андрей Леонидович — кандидат исторических наук (Исторический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова).

Сокровища, действительно, оставались мертвы там, где господствовало натуральное хозяйство, где деньги не играли роли средства платежа, где не было товарно-денежного обращения. Варварские клады римских динариев или скандинавские — куфических дирхемов будут поэтому отражать нечто отличное от экономических процессов в Центральной и Северной Европе или состояния их денежного рынка (по общему убеждению, в раннее Средневековье не существовавшего за границами греко-римского и христианского мира).

Роль денег в государстве с развитыми товарно-денежными отношениями (в Золотой Орде в том числе) иная, здесь преобладают их естественные функции — средства обращения, средства платежа и сокровища. Воспитанное марксизмом негативное отношение к богатству (а что такое клад, если не богатство?) долго заставляло историков считать сокрытие кладов прерогативой верхушки общества — феодалов или крупного купечества. Подразумевалось, что только они способны были создать «крупные» клады (хотя меры для того, чтобы провести границу между крупными и мелкими кладами, у нумизматов быть не могло, так как они не пользовались математическим анализом).

От подобных предрассудков следует отказаться. Клады джучидских дангов (серебряная монета, вес которой за XIV — начало XV вв. упал примерно с 1,6 до 0,95 г) дошли до нас не потому, что какой-нибудь хан, бей или торговец решил, что эти деньги ему больше не понадобятся, закопал их и забыл о них. Любой житель мог спрятать свое богатство, как он думал, на время, но, как оказалось — навсегда. Деньги остались в земле не потому, что их владелец не смог их найти, а потому, что он не мог их искать, погибнув или попав на чужбину. Сказать же о том, кому принадлежали клады и действительно ли нежданная смерть и полон подстерегали купца и хана чаще, чем рядового кочевника и земледельца, могут только сами клады.

Размеры кладов варьируют от единиц до десятков тысяч монет, и это сразу говорит о том, что среди их прежних владельцев представлены различные уровни благосостояния членов общества. Поэтому без каких-либо предварительных ограничений всю совокупность кладов золотоордынских монет следует анализировать как выборку, в которой представлено множество слоев общества. Размер сокровища будет при этом анализе мерой благосостояния жителей. Благосостояние погибших владельцев, в свою очередь, укажет нам, как соотносились их доходы. Из анализа размеров кладов возможно узнать, в частности, и то, имеем ли мы право проводить грань между крупными кладами и мелкими, где ее надо проводить, или же такое деление — произвольное.

Если взять 79 золотоордынских кладов за два десятилетия смуты 759—768 год хиджры (1357—1366 гг.) и представить на графике с интервалом в 25 монет распределение их числа в зависимости от их размера (рисунок 1), нельзя не заметить, что маленькие клады встречаются чаще (потому что их и прятали чаще), чем

Размеры и количество кладов золотоордынских денег,
зарытых в 759—768 г.х.

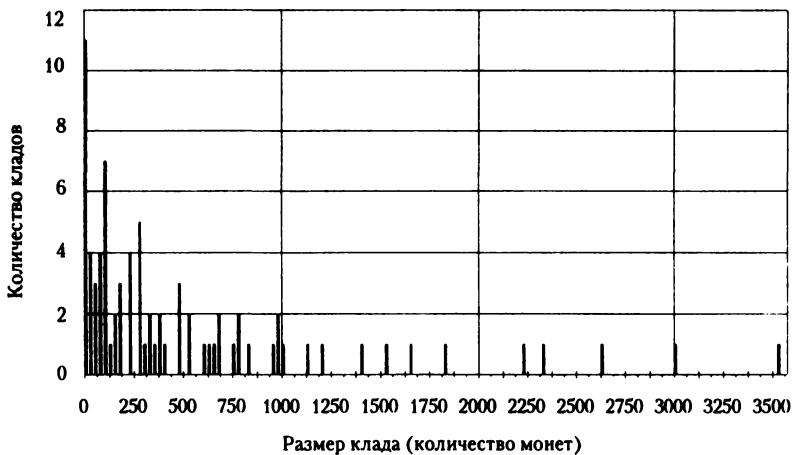
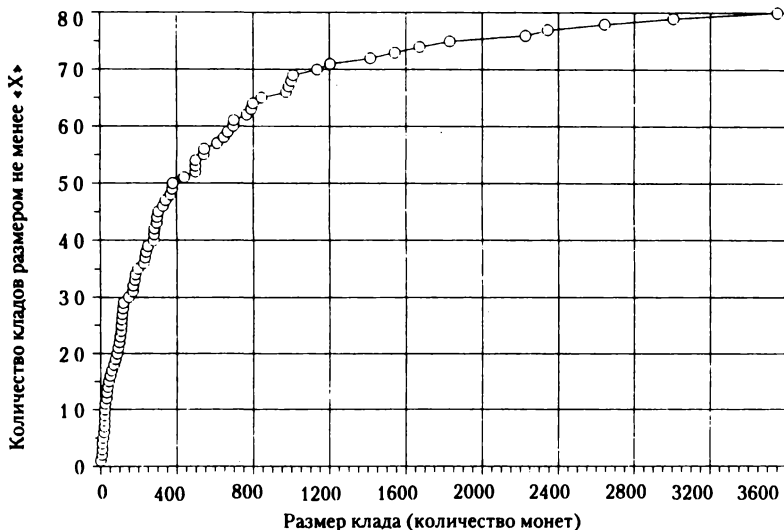

Рисунок 2

Кумулятивное распределение числа кладов золотоордынских монет,
зарытых в 759—768 г.х., в зависимости от их размера

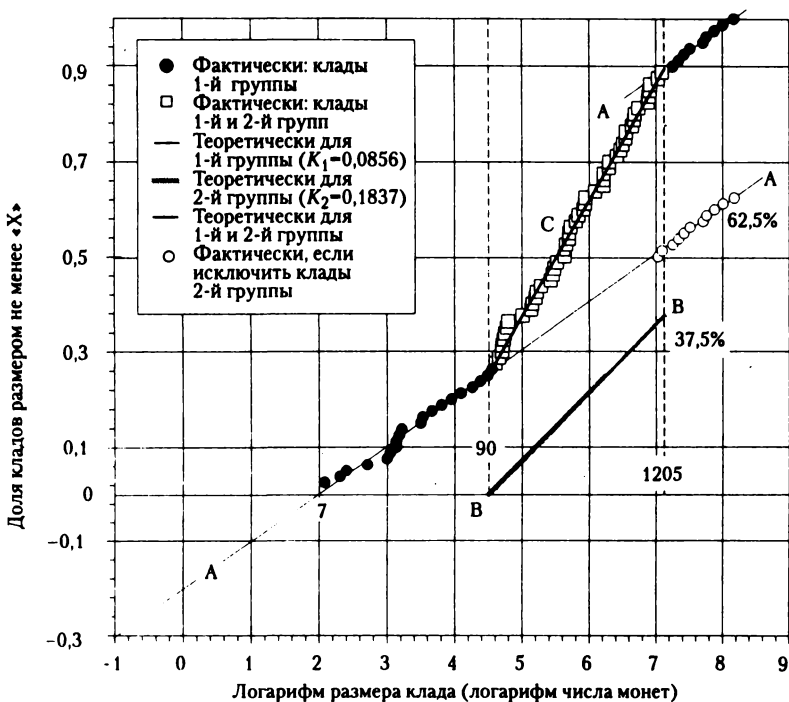

большие. Представив это распределение в виде кумуляты (интегрального распределения) — отложив на графике по оси Y точки, соответствующие числу кладов, содержащих не менее x монет, мы увидим на рисунке 2 последовательность, напоминающую по своему виду логарифмическую кривую. Появление зависимости, близкой к логарифмической, указывает на то, что богатство распределялось среди обитателей Золотой Орды обратно пропорционально их численности, поскольку интеграл обратной пропорциональной зависимости определяется именно как логарифмическая функция. Увидеть, что мы имеем дело именно с этим видом распределения, можно на рисунке 3, где распределение с рисунка 2 представлено в полулогарифмической системе координат — по оси X отложено не число монет в кладе, а натуральный логарифм этого числа.

Если бы распределение богатства и доходов среди обитателей Причерноморья и Поволжья строго следовало обратной пропорции — чем богаче человек, тем меньше таких людей, чем больше

Рисунок 3

Кумулятивное распределение числа кладов золотоордынских монет, зарытых в 759—768 г.х., в зависимости от их размера

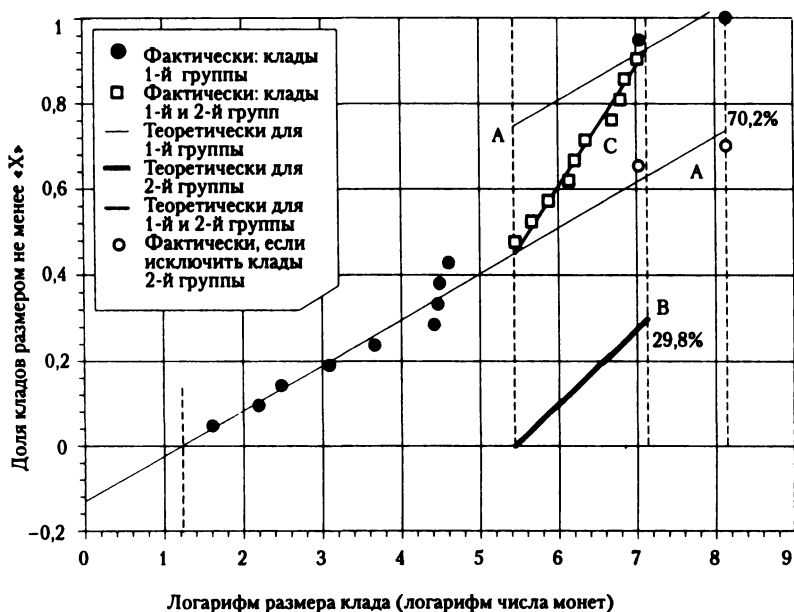

величина кладов, тем их меньше — мы бы увидели в полулогарифической системе координат последовательность, совпадающую с прямой. Но на рисунке 3 мы видим изломы, причина появления которых в том, что совокупность кладов не была однородной и имеющееся у нас общее распределение является суммой двух частных. Клады были захоронены двумя разными группами населения. У кладов, принадлежавших большей части жителей (62,5%), был минимальный размер — 7 дангов², максимальным размером для нее является размер самого крупного из известных кладов (хотя очевидно, что этот размер не является максимумом действительным), число же собственников убывало в зависимости от размеров их наличности по закону $y = 0,0856/x$ (тренд «А»). У владельцев второй группы кладов (37,5%) не могло быть в момент их смерти меньше 90 (или 103 дангов), однако максимум того, чем они могли владеть, тоже был определен — 1205. Богатство распределялось среди этой группы населения также иначе: по закону $y = 0,1837/x$ (тренд «В»).

Деление общества на группы по коэффициенту распределения богатства было устойчивым. До Великой Замятни — смуты 60—70-х годов XIV в., во времена Узбека (713—741 г.х. / 1313—1340 гг.) и Джанибека (741—758 г.х./1340—1356 гг.) оно было аналогичным (рисунок 4) — в пределах 229—1250 дангов варьирует размер кла-

Рисунок 4

Кумулятивное распределение числа кладов золотоордынских монет, зарытых в 715—756 г.х., в зависимости от их размера

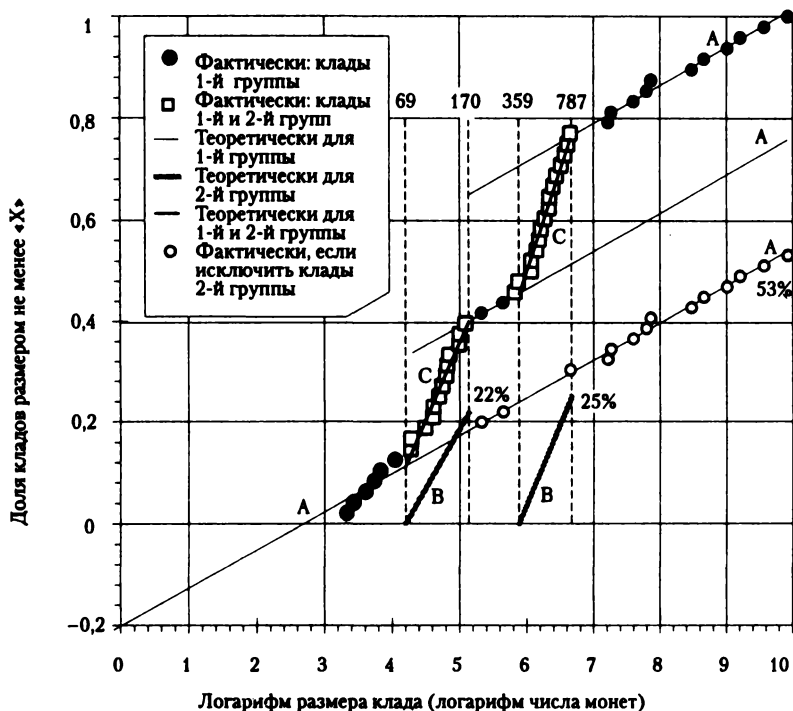
дов у тех жителей Орды, между которыми богатство распределялось с коэффициентом 0,1757. Насколько точно можно судить по двум десяткам кладов, практически в той же пропорции (70% и 30%) жители делились и на две группы.

Позднее, в последней трети XIV в. — об этом говорят клады, в большинстве своем зарытые в (779—802 г.х. / 1377—1400 гг.), в правление Токтамыша, — первая группа остается, уменьшившись до 53%, но группа населения, для которой были характерны клады от 90 до 1205 монет, исчезает. Вместо нее существуют две других, примерно равных по численности (21,8% и 25%); их характеризуют две группы кладов: одна — от 69 до 170, и вторая — от 359 до 787 монет (рисунок 5).

XV в. не вносит существенных изменений в распределение богатства среди жителей распадающейся Золотой Орды, и теперь только среди половины населения равномерно-пропорционально и без ограничений распределяются деньги. Для остальных 51,4% нижняя граница состояния остается прежней — 79 полегчавших

Рисунок 5

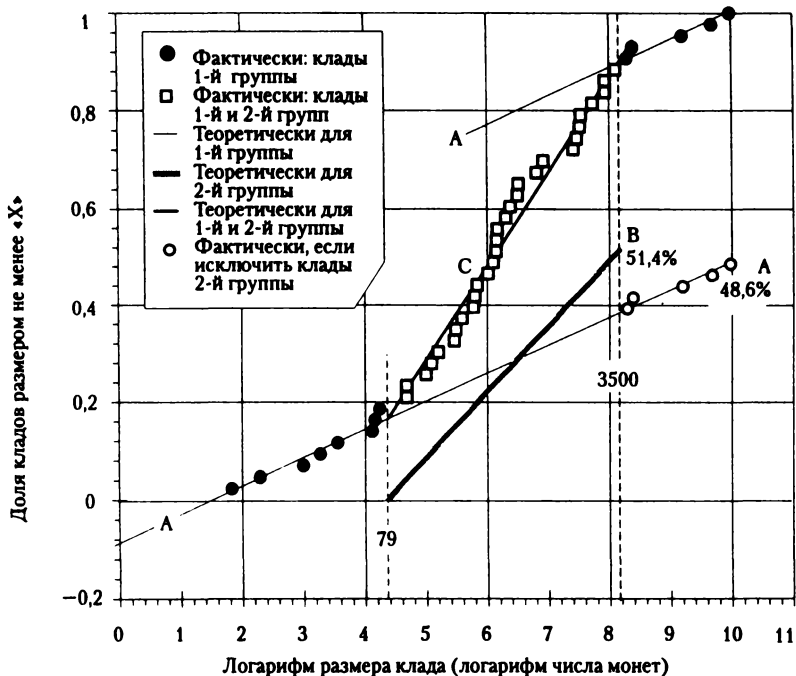
Кумулятивное распределение числа кладов золотоордынских монет, зарытых в 782—802 г.х., в зависимости от их размера

до 0,9 г монет. Верхняя же уходит до пределов известного размера кладов 759—768 г.х., достигая 3500 дангов (рисунок 6).

Рисунок 6

Кумулятивное распределение числа кладов золотоордынских монет, зарытых в 802—848 г.х., в зависимости от их размера

Определить принадлежность кладов к первой или второй группе в интервале значений, характеризующих вторую группу кладов, невозможно³: тренды зависят от данных, относящихся к обеим группам, и показывают *совокупное воздействие* двух способов распределения богатства среди двух групп населения. Выявленные группы никак не связаны с территориальным происхождением кладов, однако у читателя, согласившегося с тем, что в совокупности кладов существует структура, может появиться желание объяснить все понятным и привычным образом. Он может подумать, что многочисленная вторая группа кладов как раз и есть капиталы людей рискованной, как хочется считать, профессии — купцов. И что именно из-за риска они и составляют заметную часть среди всех кладов. То, что внутри этой группы богатство распределяется иначе, чем среди прочих подданных хана, тоже покажется естест-

венным. Практически же получается, что купеческиеклады встречаются чаще, потому что пойманный разбойниками купец, как каждому должно быть понятно, в отличие от простого смертного, и под смертельной пыткой не скажет, успел ли он спрятать и куда денежки в минуту опасности. Предостеречь от подобных конструкций хочется и коротко, и пространно.

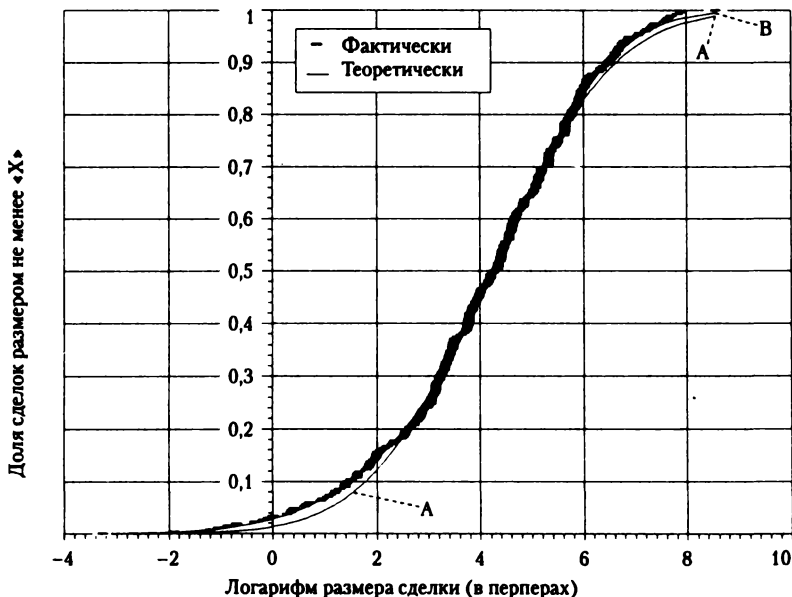
Во-первых, много это или мало — 70 дангов или аспров (так называли серебряную татарскую монету западноевропейцы)? Подробный перечень цен на товары, наверное, неуместен, достаточно будет лишь обозначить цену на самое необходимое: на зерно — 140 аспров за модий (251,4 кг или 281,5 кг) и лошадей — 60—200 аспров⁴. Много это или мало для тех, у кого нет своего хозяйства? Суммы, которые получали матросы, сторожа или арбалетчики в генуэзских владениях, находившихся на подчинявшихся золотоордынским ханам землях Крыма, хорошо известны. Например, в 1381 г. казначеи платили по 100—170 аспров в месяц ночной страже Каффы, матросам галей, ушедших на войну с Венецией, гарнизону Судакской крепости, слугам консулов и капитанов. Стоявшие выше по служебной лестнице старшины, штурманы, капитаны, сами казначеи получали от 200 аспров⁵. Можно добавить, что расходы на содержание сидевших в генуэзской тюрьме венецианцев составляли в 1381 г. 40 аспров в месяц на человека. Недавно опубликован⁶ и плач одного из стипендиатов коммуны Каффы губернатору Генуи о том, что те 150 аспров, которые он получает в месяц — оплата, пониженная по сравнению с его сослуживцами-арбалетчиками из Солдайи, и на треть недостаточная для того, чтобы содержать жену и детей в том 1425 г. Из этих примеров следует, что минимальный размер клада в группе, которая выделялась среди остального населения Орды, был более чем доступен наемному люду, и, если не подозревать в обмане автора прошения Луку Муска (который сам просил проверить справедливость его требований), этот размер был приблизительно равен трети месячного прожиточного минимума семьи. Это никак не согласуется с купеческим происхождением кладов. Большинство кладов напоминают содержимое кошелька, а не сундука.

Конечно, нельзя сомневаться в том, что купцы в Золотой Орде были, и, хотя доступных для статистического анализа сведений об их богатстве не существует, уяснить, какими денежными средствами они оперировали, возможно. Для этого необходимо воспользоваться сведениями о торговцах, которые составляли костяк западноевропейского купечества в Причерноморье и в Восточном Средиземноморье. До нас дошел сборник торговых контрактов, заключенных в оплоте генуэзских купцов на Черноморье — в предместье Константинополя, ставшем генуэзской колонией — в Пере. В картулярии Габриэле де Предоно, который издал румынский историк и премьер-министр Г. Брэтиану⁷, мы находим данные о размерах сделок, заключенных между клиентами этого нотариуса, о суммах, предоставляемых в виде кредитов, залогов, уплаченных за службу, работу, аренду или фрахт и отказанных умирающими ком-

мерсантами. Их величина колебалась от 2,75 саджо до 5228 перперов (т.е. от 1 до 94 тыс. аспров). При этом распределение числа сделок в зависимости от их величины явно демонстрирует ту же закономерность, что и рисунки 1—2 для кладов — чем крупнее были сделки, тем реже они заключались.

Рисунок 7

Кумулятивное распределение числа сделок в зависимости от их размера (271 сделка; по актам Перы 1281 г.)

Однако разница между этими распределениями все же есть, и становится она очевидной на рисунке 7, когда мы логарифмированием устраняем воздействие обратно пропорциональной зависимости на вид графика. В итоге в полулогарифмической системе координат распределение величин сделок генуэзских колонистов выглядит подобно тому, как в линейной системе выглядит кумулята нормального закона распределения вероятностей.

Объяснение этому феномену, конечно же, есть. Зарыть свои деньги и погибнуть, пропасть, купец мог только раз в жизни. При жизни же, располагая каким-то состоянием, ему приходилось множество раз что-то покупать и продавать. Суммы менялись, то он тратил только часть своих денег, то, получив кредит или доверенность, заключал контракт на суммы, превосходящие его реальное состояние. В результате этого коммерческая активность закономерно оказывается подчиненной законам случая, а величины

всех выплат и получений описываются кривой нормального распределения по закону Гаусса и тоже закономерно характеризуются наиболее вероятной для индивида величиной сделки — средней этого закона.

У множества предпринимателей, число которых убывало (как число кладов) обратно пропорционально их финансовым возможностям, размеры сделок следуют именно такой модели. Поэтому кривая на рисунке 7 одновременно отражает и нормальный закон, и обратно пропорциональную зависимость (ведь вместо размера сделки по оси X отложен ее логарифм). Оба закона распределения объединяются в формуле, описывающей их совместное действие на денежном рынке:

$$F(x) = \frac{K}{(x-R)\sqrt{2\pi\sigma}} e^{-\frac{[\ln(x-R-a)]^2}{2\sigma^2}},$$

где K — коэффициент обратной пропорции, R — размер состояния, минимально необходимый для того, чтобы начать коммерческую деятельность, a — средний — наиболее вероятный размер сделки и σ — среднее квадратическое отклонение, отражающее вариацию размера сделок.

Имея данные контрактов, заключенных в 1281 г. в Пере, по этой формуле можно определить, как было распределено богатство среди жителей и посетивших ее торговцев, и какие величины характеризуют их сделки. Для начала можно предположить, что население колонии не было структурировано, и что число торговцев единообразно — с одним коэффициентом K — определялось состоянием (этот коэффициент — тангенс угла наклона трендов кладов на рисунках 3—6 или сделок на рисунке 9). Остаточная дисперсия между фактическими данными и теоретической зависимостью будет ничтожной — 0,01465, а типическим минимумом оказывается весьма немалая сумма — 67,164 золотых перпера, или около 1270 аспров того времени. Высокое соответствие связано, конечно, с тем, что 60% многочисленных данных (всего — 271 сделка) идеально вписываются в середину теоретического распределения. Но нельзя не заметить, что существенным образом — систематически — теория (кривая «А» на рисунке 7) расходится с реальностью для сделок меньше 12 перперов ($\ln 12=2,48$) и больше 250 ($\ln 250=5,52$).

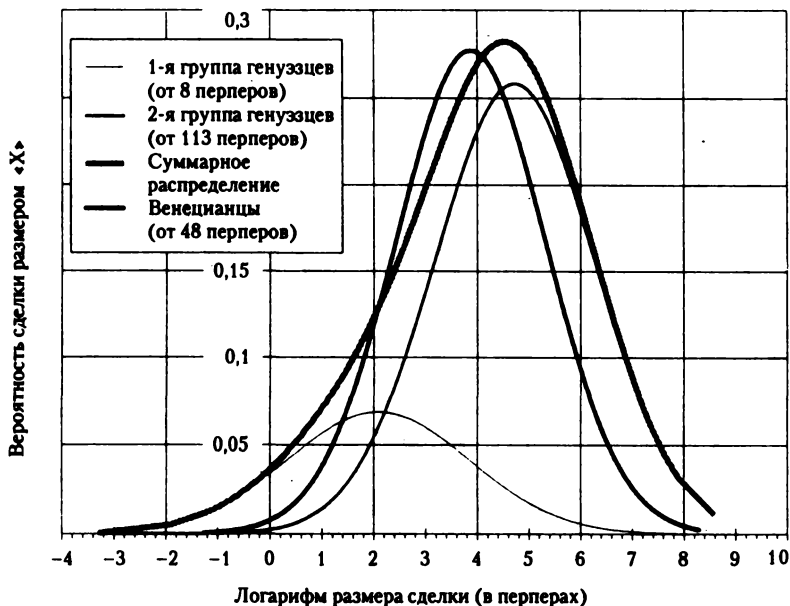
Это расхождение в данном случае принципиальное — систематические отклонения говорят о недостатках гипотез. Указанные отклонения исчезают, если мы отказываемся от упрощения и предусматриваем, что колонисты делились, по меньшей мере, на две группы (рисунок 8). С остаточной дисперсией 0,00898 такое решение дает более реалистичные цифры — появляются «мелкие предприниматели» (23,24% участников сделок — 150 человек), которым для операций потребно, в принципе, лишь 8 перперов (150 аспров), и которые, как ни странно, по численности уступают

«профессионалам» (76,76%» — 490 человек), начальный капитал которых должен составлять 113 перперов (2130 аспров)⁸.

То, что в «профессионалах» следует видеть, действительно, профессионалов-торговцев, а не подрабатывавших торговлей резидентов, следует из анализа размера выплат, которые в 1278 г. был вынужден сделать византийский император Михаил Палеолог, чтобы компенсировать убытки венецианских купцов, пострадавших от разбоев его подданных⁹. Неудивительно, что потери однородной по составу группы описываются, в отличие от случая с Перой, всего одним логнормальным законом распределения, но характерно, что венецианское купечество более чем вдвое уступает генуэзским конкурентам по интенсивности вложений в торговлю — характерный минимум для него составляет всего 48 перперов ($K=0,2263$; см. рисунок 8).

Рисунок 8

Теоретическое распределение числа сделок в Пере 1281 г. и компенсаций 1278 г. в зависимости от их размера

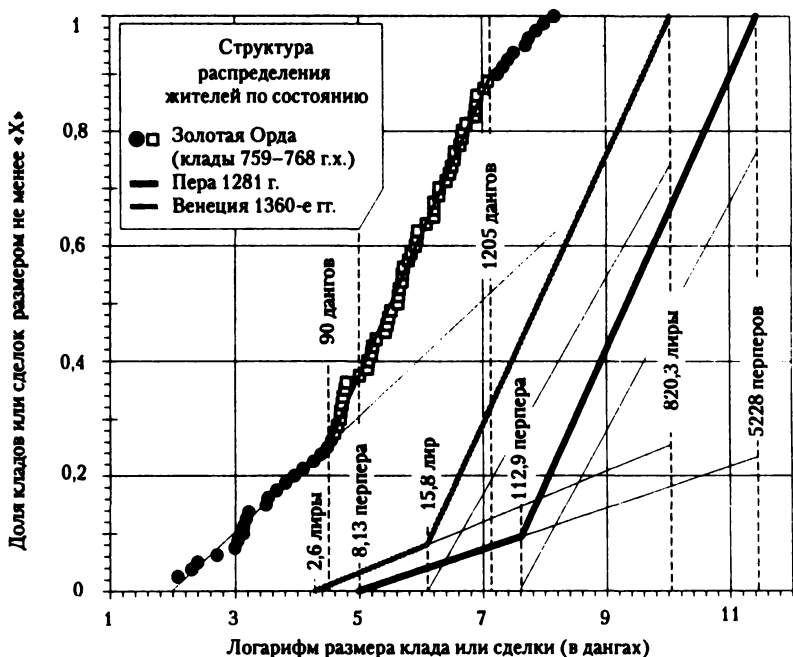

Проведенное моделирование дает возможность определить параметры обратно пропорциональных зависимостей, которые описывают связь числа генуэзцев с размерами их состояний. На коэффициенты обратной пропорции указывает соотношение между численностью двух групп собственников (среди них почти

не фигурируют женщины и, естественно, рабы, составлявшие часть населения как Перы или Венеции, так и Орды). Если в Пере 1281 г. резиденты (23,3%) описываются обратной пропорцией с $K_1 = 0,0359$, а купцы (76,7%) — $K_2 = 0,2002$; то в Венеции (уже 1360-х гг. — рисунок 9)¹⁰ такие же группы (26 и 74%) и коэффициенты — $K_1 = 0,0406$, $K_2 = 0,1886$ ¹¹. По данным картулярия и бухгалтерской книги легко изобразить структуру распределения богатства для генуэзских колонистов и венецианцев в том же виде, что и ранее по размеру кладов — для населения Золотой Орды (рисунки 3—6).

Рисунок 9

Структура распределения населения по состоянию

Несмотря на то, что графики показывают, что население делилось на две группы со своими коэффициентами распределения богатства в них, при сходной структуре трех сообществ письменные документы дают на порядок большие цифры богатства, чем совокупность кладов. С чем это связано? Были ли итальянцы на порядок богаче татар? Неочевидно, что да: наличные деньги — это только часть состояния, в контрактах же Габриэле де Предоно чаще фигурируют не живые деньги, а товары и их цена.

Конечно, из-за получившегося сходства и близости коэффициентов хочется отождествить группы, чтобы статус людей, которые по документам начинали свои операции с 2130 аспров, оказался именно таковым, как у тех, кто прятал клады не менее, чем из 90 аспров. Но сделать этого нельзя, поскольку, хотя и итальянские, и татарские источники говорят об одном и том же — распределении богатства, делают они это через данные разного типа.

Из актов Перы и бухгалтерских книг Венеции мы узнаем о распределении того богатства, которое было капиталом. Пределов его роста не было, и поэтому на рисунке 9 оба тренда для генуэзского купечества и оба — для венецианцев уходят в бесконечность. В комплексах монет (лучше всего это видно на рисунке 6) дело обстоит совсем иначе. Для одной группы населения, у одной группы кладов есть предел их величины, и существование предела означает, что количество денег связано с чем-то, что измеряется деньгами, но не может расти у индивида до бесконечности. Легко догадаться, что это — не купеческий капитал.

Деньги, которые не прирастают, но возобновляются, нам привычно называть заработной платой. Она удовлетворяет граничному условию — цена труда не может расти до бесконечности; даже если это труд главы по сути маленького государства — консула Каффы, он имеет свою конечную цену — 350 соммо в год (4000 аспров в месяц)¹². Названия же денежного довольствия могут быть и специфическими средневековыми — жалованье, стипендия, кормление, вакф и т.д.¹³

Найденные закономерности объясняют не только структуру комплексов кладов, они говорят о структуре доходов и распределении богатства среди жителей Золотой Орды. Чтобы определить долю лиц, которые жили там на зарплату, надо учесть, что анализирувавшиеся данные кладов не содержат сведений о находках монет, которые не обозначены в публикациях как клады. Однако, мы можем распространить полученные закономерности на тех жителей Золотой Орды, чье спрятанное богатство не было удостоено названия «клад». Если предположить предельную ситуацию — у беднейшего жителя был только один пул (медная монета стоимостью 1/16 данга), значение тренда «А» в точке $y = \ln 1/16 = -2,77$ укажет нам, каково соотношение между теми, кто спрятал то, что историки называли кладами, и теми, кто имел деньги. Оказалось, что вне поля нашего зрения могло остаться 42% населения 715—756 г.х., 48% — 759—768, 41% — 782—802 и 25% — 802—848 г.х.

В этом случае доля собственников кладов второй группы, получавших фиксированные доходы, для периодов 715—756, 759—768, 782—802, 802—848 г.х., соответственно, составит минимум 21%, 25%, 33%, 41%, а реально — больше, так как состояние в один пул трудно предположить.

Напрашивается вывод, который должен удивить медиевистов, связывающих прогресс с историей европейских наций: уже в XIV в. от 30% оседлого и кочевого населения монгольской державы, которую никто никогда не числил в лидерах по развитию то-

варно-денежных отношений, называя отсталым, проживало на деньги, полученные за службу или работу. Но эти 30% объясняют, почему в Орде было такое чудовищное количество монеты — в среднем 542 аспра на кладовладельца, около 250 аспров на семью 60-х гг. XIV в.¹⁴ Среди этих 30% будут те, до кого доходили централизованно собранные государством пошлины, налоги или подати: получавшие ханское довольствие должны были содержать слуг, а местные владетели, делившие с ханом эти доходы — свою администрацию и воинов. Но непроизводственным трудом 30% населения заниматься в XIV в. не могло, так что стоит задуматься и о характере производственных отношений в этом «отсталом» государстве, и о том, насколько адекватно историки оценивают размер рынка рабочей силы в Средние века.

* * *

Возвращаясь от затянувшегося и уведшего нас в сторону объяснения причин, по которым джучидские клады нельзя считать свидетельством жизненных неудач купечества, к высказанному в начале главы желанию для описания процессов средневековой экономики использовать некоторые понятия экономики современной, последние следует объяснить.

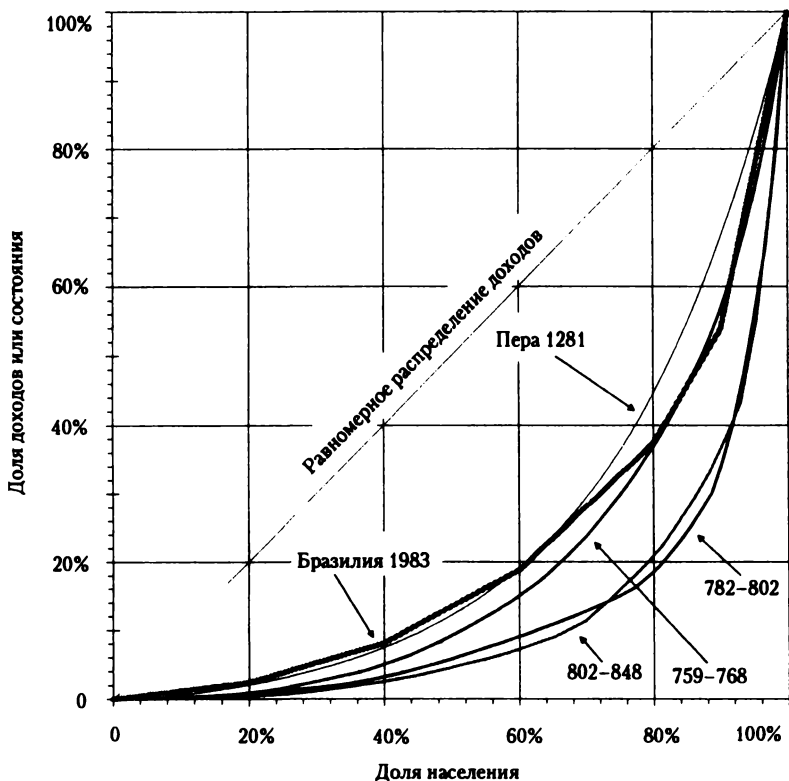
Распределение богатства и доходов, о которых в нашем случае говорит число и размер кладов, сейчас интересует экономистов в связи с проблемами экономического роста и развития. Агрегированные показатели, которые позволяют делать выводы об их темпах или об изменении благосостояния населения, базируются на анализе распределения среди населения долей валового национального продукта.

Принятая методика графического отображения данных о распределении доходов отличается от той, которая была предложена выше на рисунках 3—6. Возможно, это следствие того, что сейчас более актуален вопрос о том, насколько равномерно распределяются доходы, тогда как медиевист думает, что ему известен ответ — в средневековом обществе они распределены очень и очень неравномерно. Поэтому распределение доходов в обществе современном анализируют с помощью так называемой кривой Лоренца¹⁵ и ее отклонений от идеального — равномерного распределения доходов. Подобные графики для трех из четырех периодов истории Золотой Орды изображены на рисунке 10 в сравнении с распределением доходов в прошлом столетии¹⁶. Без особого труда — в вузовском учебнике по экономике — нашлись примеры, говорящие о том, что не следует преувеличивать неравенство Средневековья. Среди населения признанных лидеров социально-экономического развития XIII—XIV вв. доходы распределялись точно так же, как в развивающихся странах в 60-е гг. прошлого века. Агрегированный показатель степени относительного неравенства доходов — коэффициент Джини¹⁷ — был равен в Венеции 1360-х гг. 0,563, у генуэзцев Перы в 1281 г. — 0,534, а для всех

некоммунистических развивающихся стран в 1960 г. — 0,544 или только экспортеров нефти — 0,575¹⁸. Сравнить полученные цифры можно и с данными, вычисляемыми для лидера экономического развития XVI—XIX вв. — Англии; по разным оценкам в 1688 и 1759 гг. неравенство доходов в этой стране описывалось коэффициентами 0,54—0,55 и 0,51¹⁹.

Рисунок 10

Распределение богатства и доходов среди колонистов Перу, жителей Бразилии и Золотой Орды

Сейчас к странам с неравномерным распределением дохода относят те, где этот коэффициент составляет от 0,5 до 0,7, а к странам с относительно равномерным распределением — те, где он колеблется в пределах 0,2—0,35. Понятия «равномерно—неравномерно», естественно, оценочные, качественные, относительные, наконец, субъективные и связанные с современным пониманием справедливости. Но к ним можно апеллировать, поскольку они делят сегодняшний спектр распределения доходов и общепризнанны.

Хотя для Средневековья достаточно обычны сведения о доходах отдельных профессий и владельцев в королевствах, республиках и империях, отличия в распределении доходов среди всего населения остаются неизвестны. Но думаю, все согласятся, что шкала оценок для Средневековья должна быть своя. Тогда не так уж и несправедливо, по средневековым меркам, будет устроена жизнь подданных хана в период расцвета Золотой Орды в XIV в. — государство немного не дотягивает до благополучных итальянцев: и в мирное время, и в разгар междоусобицы доходы делятся среди населения одинаково, с коэффициентом Джини 0,611. Перемена происходит в историческом масштабе моментально — уже через 10—20 лет в конце XIV в. мы видим кардинально иную структуру распределения доходов. И клады эпохи Токтамыша, и клады первой половины XV в. рисуют одну и ту же картину — неравенство резко возросло, коэффициент Джини подскочил до 0,75.

Но не надо думать, что бедные стали беднее, а богатые — богаче. Ведь если при Узбеке, Джанибеке и в смуту в клад попадало в среднем 533—542 монеты, то при Токтамыше втрое больше — 1637, а в XV в. — 1947 дангов. Анализ данных кладов говорит, однако, что в общем росте богатств и доходов и беднейшие 80% населения стали чуть-чуть богаче, чем при Джанибеке²⁰ — в конце века на 5,9%, а в XV в. — на 12,6%.

Из изменений в экономике, случившихся после 782 г., пользу извлекли, все же, наиболее состоятельные — из общего прироста в 141,25—149,5% (было учтено и падение веса монеты к 782 г. до 1,3 г) 135—137% пришлось на 20% собственников, в число которых, как и можно было ожидать, не попали получатели денежного довольствия²¹. Поскольку, начиная с правления Токтамыша, в кладах на одну монету, чеканенную всеми предшествующими ханами, приходится две, отчеканенные им в 782 г., резкое изменение типового состава монетного фонда Золотой Орды давно замечено. Но его причина — не монетная реформа, как думали раньше, а раздача новым ханом невероятных количеств серебра в условиях, когда Орда переживала последствия Куликовской битвы и финансовые потери, достигавшие, возможно, 10% всех наличных денег (зимой 1380/1381 г. соммо-рубль серебра (слиток весом около 197 г. и счетно-денежная единица) стоил 125 дангов вместо обычных 137—139)²². Выброс монет на рынок не ушел в сокровища, но и не сказался на благосостоянии большей части населения. Новые деньги оказались перераспределены между наиболее состоятельными.

Пересечение кривых Лоренца для конца XIV и первой половины XV вв., описывающих распределение богатств среди жителей Золотой Орды схоже с их поведением в модели Льюиса, описывающей изменения в экономике развивающихся стран за счет расширения занятости в современном секторе. У нас есть группа, численность которой меньше чем за век поднялась с 25 до 40% населения²³. Из-за существования для этой группы предела в размерах клада я связал ее выше с населением, получавшим свои до-

ходы в виде платы за труд. Удивляет, конечно, высокий процент наемной рабочей силы, хотя сравнивать его с какими-нибудь средневековыми данными трудно: даже для Нового времени исследователи хрестоматийного способа отлучения производителей от средств производства — огораживания — могут дать только оценку того, сколько в Англии XVI вв. было наемных рабочих²⁴. Но и 25% и 40% — цифры, вполне привычные для стран, переживших уже индустриальную революцию.

* * *

Давно известные изменения в типовом составе денежного фонда оказались согласованы с независимыми данными совершенно иного характера — с изменениями величины кладов. Заметить указанные сдвиги в экономике позволило, по сути, тривиальное утверждение — размеры кладов характеризуют благосостояние членов общества. То, что величина кладов оказалась строго связана с их числом, не допускает предположений о том, что сокрытие сокровищ — прерогатива какой-то отдельной социальной или сословной группы: выделение социальной группы по состоянию, которое плавно и монотонно меняется от нуля до бесконечности — выделение абсурдное.

В связи со сказанным сразу возникают и некоторые вопросы: например, как в Золотой Орде происходил перевод в разряд наемных — было ли это явлением мирного развития или результатом периодических междоусобий? Можно гадать, чем были вызваны перемены. Русисты захотят сказать, что так повлияло на Орду фактическое отпадение Руси, ориенталисты напомнят, что прошедший по Причерноморским степям Тамерлан заботился о процветании своего государства и наносил ущерб экономике других. Внешние и внутренние причины могли пустить по миру массу населения, но в целом можно сделать вывод о том, что не только возросла дифференциация населения или вырос средний уровень доходов, но и о том, что в конце XIV — начале XV в. произошли и утвердились более важные — структурные изменения в хозяйстве Золотой Орды.

Примечания

¹ Данные взяты из публикаций: Федоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. М., 1960. Т. 1. С. 94—191; Он же. Находки джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. М., 1963. Т. 4; Он же. Находки кладов золотоордынских монет // Города Поволжья в Средние века. М., 1974. С. 176—181; Он же. Клад серебряных джучидских монет с Селитренного городища // Нумизматика и эпиграфика. М., 1980. Т. 13. С. 58—76.

² Точка пересечения тренда зависимости с осью «Х» говорит о том, что минимальный размер комплекса монет, соответствующего по целям кладу, — 7 дангов.

³ При построении графиков, однако, возможно учесть, сколько кладов второй группы присутствует во всей совокупности, определив значение тренда «В» в точке, соответствующей максимальному размеру кладов из этой группы.

⁴ Archivio Stato di Genova. San Giorgio. 1226. Massaria Caffae 1381.

⁵ ASG.SG.1226. Massaria Caffae 1381. Также см.: ASG. AS.3021. Diversorum Filze 1. № 77(102). 1 соммо — около 170 аспров — жалование арбалетчика в Солдае в 1394 г., 2 соммо — массария-казначей. Карпов С.П. Регесты документов фонда Diversorum Filze Секретного Архива Генуи, относящиеся к истории Причерноморья // Причерноморье в средние века. М.; СПб., 1998. Вып. 3. С. 9—81.

⁶ ASG. Archivio Segreto. 3021. Diversorum Filze 1. № 106. Там же. С. 13.

⁷ Bratianu G.I. Actes des notaires génois de Pera et de Caffa de la fin du XIIIe siècle (1281—1290). Bucuresti, 1927.

⁸ Неплохо подходит и принципиально другое предположение. При остаточной дисперсии 0,00948 1-я группа обладает минимум 24,16 перпера. Доля богатых «профессионалов» — 47,42% и минимум денег у них — 175,21 перпера.

⁹ Morgan G. The Venetian claims commission of 1278 // Byzantinische Zeitschrift. Bd. 69. 1976. S. 411—438.

¹⁰ Origone S., Schreiner P. Annotazioni di conto veneziane nel Vaticano Ottoboniano greco 14 // Römische Historische Mitteilungen. 1987. Bd. 29. S. 281—314.

¹¹ Коэффициенты рассчитываются как частное от деления доли группы на разницу логарифмов максимального и минимального размера сделки, характеризующего эту группу.

¹² ASG.SG.1226. Massaria Caffae 1381. См. также: Юргевич В.Н. Устав для генуэзских владений на Черном море, изданный в Генуе в 1449 г. // ЗООИД. 1863. Т. 5. Ч. 2. С. 629—837.

¹³ Почему величины жалования должны распределяться обратно пропорционально численности, может быть понятно из военной организации монголов — на десять воинов был десятник, под сотником было десять десятников, тысяцкий командовал десятью сотниками, высшим командиром для 10 тыс. воинов был темник. Численность командиров убывала в прогрессии 0,1.

¹⁴ Соседство двух укладов хозяйства — скотоводческого и земледельческого — закономерно ведет к интенсификации товарообмена, ликвидировать замкнутость натурального хозяйства. Подобными качествами (несмотря на то, что Орда воспринимается а priori как государство кочевников-скотоводов) территории Причерноморья и Поволжья обладали — они были источником зерна для Византии и даже Италии, отсюда кормились рыбой подданные императоров и султанов, здесь производили сырье, необходимое ремесленникам Византии, Турции и Европы.

¹⁵ На графике по оси абсцисс откладывается доля населения (кладов), а по оси ординат — доля этой доли в совокупном доходе, богатстве или, как здесь — среди всего числа монет.

¹⁶ На графике изображено распределение богатства только между владельцами-создателями дошедших до нас кладов.

¹⁷ Этот коэффициент определяется как удвоенная площадь между кривой Лоренца и линией равенства в распределении доходов.

¹⁸ Тодаро М.Р. Экономическое развитие: Учебник / Пер. с англ. М., 1997. С. 140.

¹⁹ Jackson R.V. Inequality of incomes and lifespan in England since 1688 // *Economic History Review*. Vol. 47. 1994. P. 509.

²⁰ При вычислении использованного здесь взвешенного индекса бедности учитываются изменения в доходах только анализируемой части населения.

²¹ «...Выбор между быстрыми темпами экономического роста и более справедливым распределением дохода на самом деле проявляется скорее как выбор между темпами роста дохода различных групп населения». «...Степень использования результатов экономического роста в интересах высоко- или низкообеспеченных групп населения определяется структурой распределения дохода между ними» (Тодаро М.Р. *Экономическое развитие...* С. 156).

²² ASG.SG.1226. *Massaria Caffae* 1381. Fol. 260r. — «1381 die 17 Marcii. Bartolomeus Pegolotus debet nobis pro dicta massaria assignata per d. Bernabovem Ricium et socium de 345 sommos 70 et sunt quos habuit pro ire in Illice occasione faciendi certam quantitate millii nomine communis et de quibus est instrumentum scriptum manu Anthonii Mazurri notarii Ianuensis videlicet in dangis 8750». — «17 марта 1381 года. Бартоломео Пеголотти должен нам, согласно распоряжению Бернабо Риччио с товарищем (казначей Каффы в 1379 — начале 1381 гг. — А.П.) в счете на листе 345, 70 соммо. Эти соммо он получил в виде 8750 дангов на поездку в Илличе для закупки там от имени коммуны зерна, о чем имеется документ, составленный Антонио Мадзурро, генуэзским нотарием».

²³ Если принять, что минимальным размером богатства следует считать все-таки не один пул, а один данг, придется говорить об изменении численности этой категории с 45 до 55%.

²⁴ Holderness V.A. *Pre-industrial England: economy and society, 1500—1750*. 1976. P. 198, 203. Автор оценивает рынок наемной рабочей силы в 40% трудоспособного населения.

История экономики зарубежных стран

Банковская политика США и ее результаты: первые сто лет экспериментов

Недостаток финансового капитала, а не только человеческих ресурсов, был характерной чертой США как молодой демократической республики. Находясь далеко от основных источников денежных богатств, США крайне нуждались в денежных средствах.

Министр финансов А.Гамильтон в духе Адама Смита предложил создать Национальный банк США. Это учреждение было призвано кредитовать федеральное правительство, помогать ему в продаже общественных земель и обеспечивать страну унифицированными бумажными деньгами в виде банкнот этого Банка. Наконец Банк должен был поддержать общественный кредит в свете наличия значительного государственного долга, относящегося к периоду Войны за Независимость. Лишь на 20% капитал банка состоял из средств правительства, а остальные суммы предоставляли частные лица.

Главный оппонент проекта А.Гамильтона — госсекретарь Т.Джефферсон, справедливо подчеркивал, что «создание банка означает создание монополии, что не предусмотрено конституцией. Национальный банк оформит держателей акций в особую корпорацию, что, в свою очередь, позволит ей монопольно владеть землей и откроет путь к созданию латифундий. Корпорация при поддержке государственной власти получает исключительное право контролировать финансовую систему, порождает монополию, а это противоречит конституции»¹.

А.Гамильтон сумел протащить через конгресс свою затею и уговорить президента Дж.Вашингтона подписать в феврале 1791 г. желанный для него законопроект. В последующие годы, опираясь на государственную поддержку и используя в качестве депозитов средства госбюджета, Первому Национальному банку вроде бы удалось добиться неплохих экономических результатов (в его подвалах хранилось на 5 млн долл. монет из менее чем 10 млн долл., приходящихся на долю всех банков страны, и, таким образом его денежный резерв составил 37% всех обязательств)². Однако в политическом отношении статус банка вызывал немало вопросов. Хотя в начале XIX в. джефферсоновские республиканцы, став правящей партией, перестали будировать вопрос о банках, признав

* Саломатин Алексей Юрьевич — доктор исторических наук, профессор (Пензенский государственный университет).

полезность банковского дела и захватив контроль над некоторыми банковскими учреждениями³, для продления 20-летней хартии Первого национального банка в 1811 г. не хватило одного голоса. Многие из политиков на Капитолийском холме продолжали видеть в нем нарушителя прав штатов и с подозрением относились к участию в нем иностранного (британского) капитала.

Современники и некоторые исследователи обращают внимание, что в годы, когда Америка осталась без центрального банковского учреждения (1811—1816 гг.) число штатных банков почти утроилось, а количество банкнот в обращении возросло с 36 млн до 76 млн долл., и таким образом, мол, банковская система стала более ненадежной. Однако главным дефектом сложившейся ситуации была не угроза какой-то «банковской нестабильности»⁴, а известная организационно-финансовое неудобство для правительства. Поэтому разработанная по инициативе президента Дж.Мэдисона в 1816 г. хартия для Второго Национального банка предусматривала «перемещение государственных фондов из одной части страны в другую без взимания пошлин на транспортировку и обмен валюты. На тех же основаниях банк выдавал ссуды конгрессу и оплачивал долги правительства. В случае затребования департаментом финансов он был обязан передать правительству свои акции по цене их первоначального размещения. В свою очередь, правительство предоставляло банковской корпорации следующие привилегии: банкноты второго банка признавали законным платежным средством на всей территории страны; банк ежегодно мог продавать правительственные акции на сумму 2 млн долл.; принятие вкладов от населения могло производиться в любом штате, где была контора банка; правительство лишалось права основывать какой-либо другой национальный банк до тех пор, пока второй банк продолжал функционировать. Банк брал на себя обязанности агента министерства финансов, размещая правительственные фонды, выплачивая государственные долги, пенсии и т.п.»⁵.

Второй Национальный банк организовывался на прежних принципах: только 20% из 35 млн долл. первоначального капитала принадлежало правительству. По-прежнему в банковской деятельности большую роль играла узкая группка капиталистов (главным образом из Филадельфии и Великобритании), что раздражало банкиров Нью-Йорка и Бостона, промышленников из Новой Англии, плантаторов Юга и фермеров Запада. Президент Э.Джексон, избранный в 1828 г. широкой и разнородной коалицией социальных сил, был негативно настроен ко второму Национальному банку. Он обдумывал различные варианты усиления правительственного контроля над ним. Уже в 1829 г. Феликс Гранди представил Джексону план создания национального банка, чей сорокамиллионный капитал должен был быть поделен между штатами согласно населению, а директора филиалов выбирались бы представителями штата в конгрессе. В январе 1830 г. Джеймс А.Гамильтон — один из сыновей А.Гамильтона предложил два плана замены финансового центра. Один предполагал создание национального депозит-

ного банка, который непосредственно подчинился бы департаменту финансов; другой предусматривал банк смешанного типа, т.е. занимающегося не только размещением денег, но и учетом векселей»⁶.

В конце концов президент решительно отверг идеи продления хартии банку еще на следующие 15 лет. В своем вето на законопроект Конгресса летом 1832 г., он указал: «Корпорация пользуется исключительными привилегиями ведения банковского дела под покровительством федерального правительства, монополией правительственного поощрения и поддержки, и как закономерный результат этого — почти полной монополией внешнего и внутреннего обмена валюты. <...> Полномочия, привилегии и льготы, предоставленные ему (т.е. банку) уставом, значительно увеличивая размеры стоимости правительственного вклада, приобретают характер денежной субсидии многих миллионов людей держателям акций». Между тем «более чем четвертая часть акций принадлежит иностранцам, а остальная часть — нескольким сотням наших граждан, преимущественно из самых зажиточных классов»⁷.

На президентских выборах 1832 г. Э.Джесон добился еще более впечатляющих результатов, чем в 1828 г., и это утвердило его во мнении о популярности своей антибанковской политики. С целью дистанцироваться от Второго национального банка он изымает из него вклады Казначейства и размещает их в 23 банках различных штатов («ручных банках»), руководство многих из которых поддержало его переизбрание в 1832 г. Однако еще до этого шага глава второго Национального Банка развертывает политику экономического саботажа, урезая кредит, требуя выплаты ссуд и сокращая вексельные операции.

По оценке современных специалистов, последующие финансовые трудности (инфляция в 1834—1837 гг., финансовая паника 1837 и 1839 гг.) носили кратковременный характер и были смягчены рядом совпавших обстоятельств, выразившихся в дополнительном притоке звонкой монеты в страну (из Мексики, Англии и Китая). Разумеется, действия Джесона могли нарушить известное равновесие в банковской системе страны, но не они, а скорее неадекватно возросший банковский процент по вкладам, спровоцированный Английским банком по обе стороны Атлантического океана, был виновником финансовых трудностей⁸.

Что же касается Второго национального банка, то когда его хартия истекла в 1836 г., его центральная контора в Филадельфии была вынуждена перерегистрироваться как один из штатных банков Пенсильвании.

В стране воцарилось то, что некоторые историки называют «банковской анархией». Поскольку и раньше немалое место в банковской системе страны занимали банки штатов (к 1791 г. таковых насчитывалось только 4, в 1814 г. — 246, за 1820—1830 гг. их число возросло с 308 до 330, а к 1835 г. оно составило 558), теперь они заполнили тот вакуум, который образовался после исчезновения Второго Национального банка. Каждый штат определял свои «пра-

вила игры» для собственных банков. Где-то они были более жесткими и разумными, где-то — отличались попустительством к возможному банковскому мошенничеству. В ряде случаев банковская политика отдельных штатов менялась по мере изменений общественно-политической конъюнктуры. Так, в Луизиане в 1830—1845 гг. получили развитие банки, создаваемые под реализацию какого-либо коммуникационного проекта (например, канала). Однако конституция штата 1845 г. под влиянием антибанковских настроений в связи с деятельностью президента Э.Джексона и финансовой паникой в 1830-х гг. запретила дефицитное финансирование «общественных проектов»⁹, но уже в начале 1850-х гг. под влиянием экономического бума банковские законы стали более либеральными. Банки стали предпочитать выдачу краткосрочных займов на финансирование производства хлопка на местный рынок Нового Орлеана, оставляя долгосрочные проекты, связанные с судостроением и международной торговлей банкам северных штатов¹⁰.

Специалисты отмечают, что во многих штатах (в 18 из 33) действовали законы о свободном банковском учредительстве.

Подрывали ли подобные законы стабильность банковской системы и уже тем более экономику отдельных штатов? Американский исследователь Х.Рокков свидетельствует, что в нередких банкротствах банков в отдельных штатах было виновато не столько их беспрепятственное учредительство само по себе, сколько непродуманная система обеспечения займов. Например, в Мичигане банкам позволялось использовать в качестве обеспечения заклад земли по ее номинальной стоимости, без учета реалити рынка. В другом штате — Миннесоте, почти ничего не стоившие железнодорожные облигации принимались как обеспечение почти по 100%-ному номиналу. Аналогичное явление наблюдалось в Нью-Джерси, где закон разрешал использовать сильно уцененные облигации других штатов в качестве обеспечения по той стоимости, по которой они были выпущены¹¹.

Тем не менее даже в условиях определенного несовершенства законодательства отдельных штатов банкротство ряда банков¹² не имело тотальных негативных последствий для экономики. По мнению 98% современных американских экономистов и 67% историков, децентрализация банковской системы страны в 1830—1850 гг., сопровождавшееся отсутствием какого-либо государственного регулирования на федеральном уровне, не означала катастрофы для национального хозяйства. Более того, она своевременно стимулировала инвестиции в условиях острой нехватки платежных средств¹³. Другой вопрос, что «взросление» американской экономики и модернизация общества заставили подумать о более «зрелых» формах банковской деятельности. Мощным толчком к подобной переориентации послужила Гражданская война 1861—1865 гг.

Обострение финансовой ситуации в связи с началом военных действий между северными и южными штатами (дефицит государ-

ственного бюджета только в 1861 г. составил 25 млн долл.) усилило критику «банковской вольницы». Ситуация была особенно тревожной в штатах Среднего Запада, страдавших от недостатка капиталов в силу своей молодости и достаточно тесно связанных с мятежным Югом коммерческими узами. «Свыше 300 млн долл., которые южане были должны предпринимателям Севера стали несомненным убытком. На Западе денежные знаки, основанные на облигациях южных штатов, стремительно упали в цене, что оставило Старый Северо-Запад почти без каких-либо средств обмена». Сенатор Дж. Дулитал из Висконсина откровенно писал министру финансов С. Чейзу о том, что его родной штат и Соединенные Штаты «почти полностью лишены собственных денег»¹⁴.

Сам министр финансов в своем ежегодном докладе в декабре 1861 г. так аргументировал необходимость реформы в банковском деле: «При такой системе или, точнее, при ее отсутствии... нередко в результате банкротства выпускающих банкноты учреждений значительная часть платежных средств, принадлежащих людям, оказывается неожиданно ничего не стоящими. Недавний опыт нескольких штатов в долине реки Миссисипи с болью иллюстрируют справедливость этих наблюдений...»¹⁵

Недовольство положением вещей высказывалось и в Конгрессе. Так, например Дж. Шерман в своих «Воспоминаниях» замечает: «Задолго до того, как я стал членом Конгресса, я тщательно изучил банковские законы нескольких штатов Мое исследование и опыт адвоката в Огайо убедил меня, что вся система штатных банков, как бы она добротни ни защищалась, одновременно неконституционна и неразумна... Когда я вступил под своды Конгресса я был полностью подготовлен к тому, чтобы не только обложить налогов денежное обращение банков штатов, но и с помощью налогов уничтожить их»¹⁶.

И в самом деле Конгресс в ходе банковской реформы 1863—1865 гг., формально не упраздняя прежние банки (ибо они находились в ведении штатов), создал условия для расцвета банковских институтов нового вида, находящегося под федеральной юрисдикцией. Их регистрацию проводило федеральное министерство финансов. При этом устанавливались жесткие критерии минимального капитала: 200 тыс. долл. для города с населением 50 тыс. жителей и выше, 50 тыс. долл. для города с населением от 6 тыс. до 50 тыс. человек. Требования о том, чтобы не менее трети капитала было положено на депозит в федеральное Казначейство в виде правительственных облигаций (в замен которых выдавались национальные банкноты), преследовало как стратегическую цель придания устойчивости новым банкам, так и чисто тактическую задачу дополнительного спроса на облигации в лихую военную годину.

Окончание Гражданской войны не означало автоматической финансовой стабилизации. Но поскольку с «несвязанной системой многочисленных независимых банков с их разрозненными ресурсами и отсутствием организованных форм для совместных дейст-

вий»¹⁷ было покончено, создались условия для банковской экспансии (см. таблицу 1).

Таблица 1

Число и депозиты коммерческих банков США, 1850—1900 гг.

Год	Банки:				Депозиты (в млн долл.)
	националь- ные	штатов	частные	всего	
1850	—	830	398	1228	273
1860	—	1579	1108	2687	541
1870	1612	261	1903	3776	925
1880	2076	1051	2318	5445	1431
1890	3484	2830	4365	10679	3126
1900	3731	8696		12427	5432

Источник: Sylla R. The United States, 1863—1913 // Banking and Economic Development. Some Lesson of History. N.Y.; L.; Toronto, 1972. P. 238.

В послевоенную эпоху тенденция роста была свойственна всем банкам — и национальным, и штатным, и частным. Но что важно, заметно увеличивалось вплоть до 1890 г. количество наиболее крупных — национальных банков, фаворитов федеральных властей. Банки других разновидностей вопреки прогнозам, что они отойдут в небытие, уцелели и даже расширили свои ряды, поскольку менее строго регулировались, для их создания не требовался весьма значительный минимум капиталов, они могли выполнять операции с недвижимостью. О том, в каких регионах США преобладали национальные банки, а в каких — банки штатов и практически нерегулируемые частные банки, информируют таблицы 2 и 3.

Таблица 2

Распределение национальных банков по группам регионов в 1870—1900 гг.

Группа регионов	1870	1880	1890	1900
Новая Англия	491	548	583	563
Среднеатлантические штаты	589	654	843	1001
Северо-Восточные Центральные штаты	353	508	703	777
Южные штаты	85	177	497	612
Северо-Западные Центральные штаты	87	153	630	578
Горные и Тихоокеанские штаты	7	36	228	200
Итого	1612	2076	3484	3731

Источник: Ibid. P. 242.

**Распределение коммерческих банков, не имеющих статуса национальных,
по группам регионов в 1870—1900 г.**

Группа регионов	1870	1880	1890	1900
Новая Англия	117	114	211	135
Среднеатлантические штаты	600	735	1021	892
Северо-Восточные Центральные штаты	629	1050	1595	2283
Южные штаты	369	498	1068	1675
Северо-Западные Центральные штаты	334	751	2789	3108
Горные и Тихоокеанские штаты	115	221	511	603
Итого	2164	3369	7195	8696

Источник: Ibid.

Анализ приведенных выше таблиц не оставляет сомнений, что национальные банки доминировали в наиболее экономически развитых штатах Новой Англии и Среднеатлантической региональной группы. В остальных частях страны национальные банки уступали по численности другим банковским учреждениям в 2 и более раз, что подчеркивает жизнеспособность последних в условиях экономических систем, сильно ориентированных на сельское хозяйство. К 1900 г. банковские конторы функционировали более, чем в 7000 общинах США — $\frac{3}{4}$ из них в населенных пунктах с числом жителей менее 2500. Часто банкиром на впервые заселенных территориях становился владелец магазинчика или торговец, берущий ценности и деньги на хранение — именно так рождались частные банки. Со временем, по мере увеличения капитала, частные банкиры предпочитали регистрироваться как корпорации, приобретая ограниченную ответственность по своим обязательствам. Нередко организаторами банков выступали разочарованные заемщики или преуспевающие граждане, верящие в светлую будущность своего городка или графства. Именно подобной безграничной верой можно объяснить, например, создание в местечке Мид в штате Канзас с 457 жителями 8 банков в 1886—1887 гг.¹⁸

Впрочем, даже после окончания спекулятивного бума жители 11,5 миллионного штата Канзас были неплохо обеспечены кредитными ресурсами.

Таблица 4

**Деятельность национальных банков в Канзасе,
1864—1899 г.**

Год	Число банков	Капитал (в тыс. долл.)	Депозиты (в тыс. долл.)	Кредиты (в тыс. долл.)
1864	1	100	96	113
1869	5	400	667	476
1874	24	1730	2215	2338

Год	Число банков	Капитал (в тыс. долл.)	Депозиты (в тыс. долл.)	Кредиты (в тыс. долл.)
1879	12	838	2138	1562
1884	59	3845	8362	8598
1889	161	13182	18838	24185
1894	126	10427	17540	18514
1899	98	8092	24306	22212

Источник: Кнох J.J. A History of Banking in the USA. N.Y., 1969. P. 24.

Штат лишился 63 национальных банковских учреждений. Средний капитал «оставшихся в живых» практически не изменился (81,9 тыс. долл. в 1889 г. и 82,6 тыс. долл. в 1899 г.), зато размеры депозитов и кредитов значительно возросли (со 117 тыс. до 248 тыс. долл. и со 150 тыс. до 227 тыс. долл.), что указывало на возросшую активность в работе с клиентами.

Впрочем, гигантомании в банковском деле не знали в последней трети XIX в. не только провинциальные городки и местечки, но и наиболее урбанизированные регионы. Еще до 1860 г. в Новой Англии типичными стали небольшие банки, для которых был свойственен фаворитизм: 50—90 % их кредитов предоставлялись банковским директорам, их родственникам и знакомым.

После 1860 г. прибыли банков упали — это было следствием явного избытка банковских учреждений, причем последние по-прежнему были не крупными. В 1895 г. средний капитал новоанглийского банка насчитывал 275 тыс. долл. «Даже в Бостоне, где можно было ожидать, что процесс структурной перестройки зашел дальше, число действующих национальных банков на самом деле возросло» — с 40 в начале 1860-х гг. до 60 в 1895 г.¹⁹ Даже в банковской столице страны — Нью-Йорке, в 1880-е гг. капитал только 14 национальных и 2 штатных банков превышал 1 млн долл., капитал 9 национальных и 2 штатных учреждений был равен 1 млн долл. и капитал 24 национальных и 15 штатных структур был ниже 1 млн долл.²⁰

Если же говорить о динамике банковского дела, то после резкого прироста количества национальных банков и сокращения штатных заведений в конце 1860-х гг. численность первых стабилизировалась в 1870—1880-е гг., а вторых — в 1890-е гг.

Таблица 5

**Деятельность национальных и штатных банков
в штате Нью-Йорк в 1863—1899 гг.**

Год	Число банков	Капитал (в млн долл.)	Депозиты (в млн долл.)	Кредиты (в млн долл.)
Национальные банки:				
1863	7	0,985	0,423	0,422
1868	304	115	278	232

Год	Число банков	Капитал (в млн долл.)	Депозиты (в млн долл.)	Кредиты (в млн долл.)
1873	276	108	223	280
1878	280	89	223	236
1883	315	87	308	344
1888	322	86	361	403
1893	334	88	355	397
1898	321	83	529	155
Штатные банки:				
1863	308	109	201	179
1869	52	18	61	48
1879	71	19	52	54
1884	87	22	109	92
1889	145	28	181	149
1894	205	33	184	164
1899	208	30	270	191

Источник: Ibid. P. 422, 423.

Всего же в штате Нью-Йорк к концу XIX в. с его населением в 7,3 млн человек функционировало 526 банковских учреждений с капиталом в 113 млн долл., депозитами почти в 800 млн долл. и кредитами на сумму около 350 млн долл. Не принимая в расчеты сберегательные банки, трастовые и страховые компании, это уже была огромная финансовая сила.

На Среднем Западе банки также наращивали «финансовые мускулы». В штате Иллинойс после хаоса банковской системы накануне Гражданской войны и весьма скромных возможностей среднестатистического банка штата (капитал — 71,8 тыс., депозиты — 8,6 тыс., кредиты — 5,8 тыс. долл.) ситуацию улучшила целая когорта образовавшихся в 1860-е гг. национальных банков (в 1873 г. капитал такого среднестатистического банка составлял 151,2 тыс. долл., депозиты 243 тыс., кредиты — 334 тыс. долл.).

Таблица 6

**Деятельность штатных и национальных банков
в штате Иллинойс, 1861—1898 гг.**

Годы	Число банков	Капитал (в тыс. долл.)	Депозиты (в тыс. долл.)	Кредиты (в тыс. долл.)
Штатные банки:				
1861	94	6751	808	547
1867	6	515	—	—
1872	23	3455	—	—
1875	9	1925	9602	6990
1887	48	1656	5178	5699

Годы	Число банков	Капитал (в тыс. долл.)	Депозиты (в тыс. долл.)	Кредиты (в тыс. долл.)
1892	78	6566	21156	22964
1897	104	7266	20638	22065
Национальные банки				
1863	3	275	313	186
1868	83	12070	22884	23313
1873	134	20267	32564	44768
1878	139	15730	31545	34808
1883	162	23004	67821	75257
1888	182	30074	90170	104530
1893	212	38195	104833	116522
1898	218	36946	140942	156709

Источник: Ibid. P. 422, 423, 729.

Между тем в 1890-е гг. стабилизировалось на довоенном уровне и число штатных банков. Правда, их капитал изменился мало, но показатели деловой активности резко возросли (депозиты увеличились в 25,5 раз до 20,6 млн долл., кредиты в 40,3 раза до 2,2 млн долл.). Судя по всему, с совокупным капиталом в 44,2 млн долл., депозитами в 161,6 млн долл., кредитами 178,8 млн долл. национальные и штатные банки Иллинойса из скромных провинциальных посредников, «берущих под козырек» перед мощными банками Северо-Востока, стали постепенно превращаться в самостоятельную силу. Еще в 1876 г. 96 % банков крупных городов США имели корреспондентские счета в банках Нью-Йорка, но уже в 1881 г. почти половина банков крупных городов практиковали те или иные корреспондентские связи также и с Чикаго. Только один «First National Bank» держал депозиты 80 национальных банков из 15 штатов²¹.

Дух ажиотажа и ростовщичества изначально был присущ Калифорнии как американскому штату. С первых лет «золотой лихорадки» здесь не давали в долг менее чем под 30—60% годовых, и финансист без большого для себя риска за 2 года удваивал свой капитал²². Да и сами первые банки возникли для обслуживания старателей, когда в обмен на приносимый золотой песок им выдавались товары, а остаток «неотоваренной суммы» записывался на депозит. Уже в 1852 г. в Сан-Франциско, взявшем на себя обслуживание золотоискателей, действовало не менее 20 банковских контор.

Непредсказуемость природных запасов и опасное раскачивание «спекулятивного маятника», однако, способствовали нередким банковским крахам (в 1850, 1855 гг. и чуть было в 1875 г., когда речь шла о выживании крупнейшего «Бэнк эв Калифорния»). Вплоть до конца 1870-х гг. в банковском бизнесе штата не было стабильности, что спровоцировало в 1878 г. создание специальной комиссии по контролю над банками различных типов (например,

от сберегательных банков требовалось, чтобы они не вкладывали средства в акции горнорудных компаний).

Только в 1880-е гг. положение нормализовалось, и депрессию 1893—1897 гг. калифорнийские банки пережили относительно безболезненно. За последние 20 лет XIX в. активность коммерческих, частных и сберегательных банков существенно усилилась: в 3 раза увеличилось их число, почти во столько же раз возросли их депозиты, в 2 раза — выданные ссуды.

Таблица 7

Деятельность сберегательных, коммерческих и частных банков штата Калифорния в 1879—1899 гг., тыс. долл.

Показатели	1879	1884	1889	1894	1899
Оплаченный капитал	37135	30743	46804	52931	35976
Депозиты	76736	96022	142966	181982	225006
Ссуды под недвижимость	58270	46186	80703	124452	107104
Ссуды под обеспечение акциями, облигациями	8836	11541	13943	18516	14015
Ссуды под другое обеспечение	2413	17064	5948	4298	6110
Ссуды под личное обеспечение	14471	30019	46757	42123	39890
Число банков	83	92	184	248	247

Источник: Ibid. P. 489.

Кроме 176 коммерческих, 18 частных и 53 сберегательных банков, в Калифорнии в 1899 г. функционировало 35 национальных банков. Первоначально эта разновидность банковских учреждений плохо приживалась в специфических условиях тихоокеанского штата, в том числе и из-за приверженности его жителей к металлическим, а не бумажным платежным средствам. Однако после того как с 1879 г. был юридически восстановлен обмен бумажных денег на металлические, более интенсивно развернулся процесс образования национальных банков.

Таблица 8

Деятельность национальных банков в штате Калифорния в 1871—1899 гг.

Годы	Число банков	Капитал (в тыс. долл.)	Депозиты (в тыс. долл.)	Займы (в тыс. долл.)
1871	1	1000	199	852
1876	9	4700	2499	5462
1881	11	3300	6165	6476
1886	24	5385	11215	12161
1891	36	8425	18608	21631

Годы	Число банков	Капитал (в тыс. долл.)	Депозиты (в тыс. долл.)	Займы (в тыс. долл.)
1896	31	7525	16181	17453
1899	35	10825	33138	28441

Источник: Ibid. P. 851.

Заметим, что к концу XIX в. Калифорния была весьма неплохо обеспечена финансовыми ресурсами, как по валовым, так и по средним показателям (например, капитал среднестатистического национального банка составлял 309,3 тыс. долл., капитал коммерческого и др. банков штатного подчинения — 145,7 тыс. долл.).

Таким образом, как показывает деятельность банков в упомянутых и других штатах²³ в ходе более чем 100-летних экспериментов, американское федеративное государство в соответствии со своими конституционно-политическими традициями и расстановкой общественных сил нашло оптимальную модель банковской многоуровневой системы. Дополнить ее была призвана в начале XX в. Федеральная Резервная Система, выполняющая функции центрального банка, но это дополнение логически вытекало из всех предшествующих достижений.

Примечания

¹ Ширяев Б.А. Политическая борьба в США. 1783—1801 гг. Л., 1981. С. 97.

² Timberlake R.A. Monetary Policy in the US. And Intellectual and Institution History. Chicago; L., 1993. P. 9.

³ Принципы функционирования двухпартийной системы США: история и современные тенденции. Т. 1. М., 1988. С. 57.

⁴ Известный всплеск выпуска банковских обязательств, с нашей точки зрения, объясняется не отсутствием Первого Национального банка как регулятора денежного обращения, а инфляционной обстановкой, сопутствовавшей англо-американской войне 1812—1814 гг.

⁵ Романова Н.Х. Реформы Э.Джексона. 1829—1837. М., 1988. С. 16.

⁶ Там же. С. 81—82.

⁷ Цит. по: Романова Н.Х. Реформы Э.Джексона... С. 107—108.

⁸ Atack J., Passell P. A New Economic View of American History Colonial Times to 1940. N.Y.; L., 1994. P. 100—101.

⁹ «После провала многочисленных проектов в годы депрессии, которые последовали в 1837 и 1839 годами, некоторые штаты приняли закон, запрещающий властям штатов направлять помощь на внутреннее благоустройство». См.: Бурстин Д. Американцы: национальный опыт. М., 1993. С. 323.

¹⁰ Bryant R.L. jr., Dethloff H.C. A Short History of American Business. Englewood Cliffs: N.Y., 1983. P. 222.

¹¹ Rockoff H. The Free Banking Era: A Reexamination // Journal of Money, Credit and Banking. Vol. 6. 1974. P. 141—167.

¹² По подсчетам специалистов, в Нью-Йорке закрылось 36%, а в Индиане — 86% банков, действовавших на основе свободного банковского

учредительства. Но в подавляющем большинстве случаев эти учреждения полностью выполнили свои обязательства и оплатили предъявленные клиентами банкноты. Более того, курс банкнот штатных банков был, как правило, очень близок к номиналу (например, в Нью-Йорке) и лишь в отдельных штатах Среднего Запада был существенно ниже (так, в Миннесоте, за банкноту в 1\$ давали менее 50 центов). См.: Atack J., Passell P. *A New Economic View of American History...* P. 104—106.

¹³ Whaples K. Where Is There Consensus Among American Economic Historians? // *Journal of Economic History*. Vol. 55. 1995. № 1.

¹⁴ Shade W.G. *Banks or No Banks. The Money Issue in Western Politics. 1832—1865.* Detroit, 1972. P. 225.

¹⁵ US Department of Treasury. *Report of the Secretary of Treasury on the State Finances for the Year Ending June 30, 1861.* Wash., 1861. P. 17—18.

¹⁶ Цит. по: Hammond B. *Banks and Politics in America from Revolution to the Civil War.* Princeton, 1967. P. 725.

¹⁷ *Century of Industrial Progress.* Garden City. N.Y., 1929. P. 265.

¹⁸ Trescott P.B. *Financing American Enterprise. The story of Commercial Banking.* N.Y., 1963. P. 89—91.

¹⁹ Lamoreaux M.K. Bank Merges in Late 19th Century New England: The Nature of Structural Change // *The Journal of Economic History*. Vol. 51. 1991. № 3.

²⁰ *New York's Great Industries.* N.Y.; Chicago, 1884. P. 55, 56.

²¹ Cronon W. *Nature s Metropolis. Chicago and the Great West.* N.Y.; L., 1991. P. 305.

²² Soul F., Cihon J.H. and Nisbet J. *The Annals of San Francisco* N.Y., San Francisco; L., 1854. P. 498.

²³ См.: Саломатин А.Ю. *Формирование индустриального общества США в последней трети XIX в.* Ч. 1—2. Пенза, 1997.

Нефтегазовый комплекс Норвегии. Этапы развития и система государственного регулирувания (1962—2000 гг.)

Возникновение нефтяной отрасли в национальной экономике для каждого государства является достаточно серьезным испытанием, поскольку в течение последнего столетия она является наиболее прибыльной и привлекает внимание множества инвесторов, вызывая ожесточенную конкурентную борьбу. В этой связи государству необходимо четко обозначить свою позицию в отношении нового сектора экономики и определить, какие механизмы оно будет использовать для контроля за производственными действиями различных компаний и каким образом оно будет строить финансовую политику в отношении доходов компаний. Отдельный вопрос заключается в том, как появление нефтегазового комплекса повлияет на общество в целом, изменится ли социальная среда и расстановка политических сил.

Норвегия вступила на путь освоения собственных нефтяных и газовых природных богатств почти сорок лет назад. По сравнению с нефтяной историей России, которая насчитывает более 120 лет, это, конечно, незначительный срок, однако те крупные достижения, которых добилась норвежская нефтегазовая промышленность, заслуживают пристального внимания и исследования в контексте реформ отечественного топливно-энергетического комплекса, которые проводятся сегодня. Именно на нефти и на доходах от деятельности нефтяной и газовой промышленности в большей мере основывается современное благосостояние небольшой скандинавской страны с населением в 4,5 млн человек.

Необходимо отметить тот факт, что Норвегия, помимо богатого опыта государственного регулирования своей национальной экономики, который свойственен так называемой «скандинавской» модели, представляет интерес для отечественной экономической и исторической науки и как страна, применившая на практике этот опыт по отношению к новой нефтегазовой отрасли, добившись высокой степени ее эффективности для государства и норвежского общества в целом.

* Рогинский Станислав Вадимович — кандидат исторических наук, кандидат экономических наук (Центр Европейских исследований ИМЭМО РАН).

Экономическая история Норвегии демонстрирует огромные изменения, которые произошли в стране с наступлением нефтяной эры. За период с 1962 по 2000 гг. была создана индустрия, являющаяся ныне краеугольным камнем национальной экономики и которая должна послужить средством для развития будущего постиндустриального общества Норвегии. Норвежское государство создало эффективную систему регулирования нефтяной промышленности, основными составляющими которой являются всеобъемлющая законодательная база, система административного лицензирования, система специального налогообложения нефтегазового комплекса, а также механизм прямого государственного предпринимательства. Подобная система позволила государству обеспечить и сохранить контроль над нефтегазовой промышленностью, которая с самого начала оказалась под пристальным вниманием различных транснациональных корпораций, вступивших в конкурентную борьбу за доступ к природным ресурсам континентального шельфа Норвегии.

Необходимо выделить тот факт, что транснациональные нефтегазовые корпорации выступали партнером государства на всем протяжении нефтяной истории Норвегии, но, тем не менее, государство долгое время рассматривало их в качестве противников. В общем, нужно сказать, что такая ситуация была традиционной для норвежского государства и базировалась на том факторе, что долгое время иностранный капитал доминировал в основных промышленных отраслях национальной экономики.

Интересен тот факт, что норвежская нефтяная промышленность создавалась тогда, когда основные нефтеносные районы планеты уже были определены, и ее приходилось строить почти на пустом месте. До начала 1960-х гг. Норвегия никогда не принимала участия в операциях по геологоразведке и промышленному освоению месторождений, поэтому создавать индустрию приходилось при помощи иностранных (американских, английских и французских) компаний, которые рассматривали континентальный шельф Северного моря в качестве альтернативного Персидскому заливу источника нефтяных ресурсов.

Транснациональные нефтегазовые концерны инвестировали и продолжают инвестировать свои средства в исследования и промышленную добычу нефти и природного газа на континентальном шельфе Норвегии, поскольку они имеют четкое представление о норвежской политике в отношении ТЭК, и эта ясность устраивает их. Даже при наличии достаточно жесткой системы государственного регулирования компании получают многомиллионные прибыли, что сказывается на стабильности интереса к норвежскому континентальному шельфу. Стабильность в сфере управления и предсказуемость норвежской политики является положительным фактором, способствующим развитию нефтегазовой отрасли.

Если говорить о периодизации в истории нефтегазовой промышленности Норвегии, то можно выделить четыре этапа, для которых характерны особые черты взаимодействия государства и частного сектора.

Начальный период развития. 1965—1972 гг.

Первый этап развития нефтегазовой отрасли Норвегии характеризуется возникновением интереса различных транснациональных компаний к исследованиям континентального шельфа страны, который выразился в обращении нескольких нефтяных компаний к правительству страны с просьбой о проведении геологоразведки в прибрежных водах.

Нужно отметить тот факт, что норвежское правительство не спешило идти навстречу компаниям, поскольку до 1963 г. в стране отсутствовала какая бы то ни было законодательная база по вопросу геологоразведки и промышленной добычи природных ресурсов, а также не были заключены соглашения о морских границах с Великобританией и Данией. Кроме того, правительство опасалось зависимости от действий транснациональных компаний и сомневалось в наличии нефти на континентальном шельфе¹.

Первоначально были решены вопросы законодательного и внешнеполитического характера, когда в 1963 г. норвежский Стортинг принял закон об исследованиях на континентальном шельфе, а в 1965 г. были заключены соглашения с Великобританией и Данией о морских границах, определивших протяженность континентального шельфа Норвегии. Параллельно в Стортинге шла работа над выбором механизма предоставления концессий транснациональным нефтяным компаниям.

Для того чтобы избежать зависимости от иностранных компаний в вопросе дальнейшего развития нефтегазового комплекса, норвежское правительство остановило свой выбор на концессиях, основанных на административном распределении блоков, что позволило министерству промышленности контролировать деятельность компаний во время действий лицензии. Кроме того, претенденты не могли сами формировать исследовательские консорциумы, которые были образованы властями на основе конкуренции индивидуальных заявлений разных компаний. Таким образом, правительство обеспечило свою доминирующую роль в процессе предоставления лицензий и провело в 1965 г. первый раунд лицензирования, который до сего дня является и самым крупным. Тогда было выдано 22 лицензии на 78 блоков, обладателями которых стали иностранные компании².

Первые три года не дали положительных результатов геологоразведки на континентальном шельфе. Компании требовали от государства расширения географии работ, а государство отвечало требованием доли нефти в случае обнаружения промышленно значимых месторождений. В этих условиях был проведен второй раунд лицензирования 1969 г., где государство в случае обнаруже-

ния нефти должно было получить 17,5%-ю долю ресурсов, а также возможность участия в добыче³.

В декабре 1969 г. было обнаружено первое крупное нефтяное месторождение «Экофиск» и период колебаний относительно наличия нефти на шельфе остался позади. Теперь главной задачей транснациональных компаний, участвующих в геологоразведке, стала организация работ по добыче и транспортировке нефти, для чего были необходимы новые технологии и дополнительные инвестиции.

Теперь задача норвежского государства заключалась в том, чтобы создать структуры управления новой отраслью национальной экономики и определиться с вопросом о непосредственном участии в добыче и исследованиях. В 1971 г. после прихода к власти правительства Норвежской рабочей партии (НРП) в стортинге была создана специальная комиссия, которая выступила с идеей формирования аппарата управления нефтяной промышленностью и создания государственной нефтяной компании в качестве основного механизма государственного предпринимательства⁴.

Создание новых форм воздействия и курс на усиление позиций государства в нефтяной отрасли ознаменовали собой новый этап в истории норвежского топливно-энергетического комплекса.

От основания Норвежского нефтяного директората и компании Statoil (1972 г.) до второго мирового нефтяного кризиса (1979 г.)

Второй этап начинается с создания государственной администрации. В дополнение к министерству промышленности, которое определяло общую политику освоения континентального шельфа страны был создан специальный Норвежский Нефтяной Директорат, отвечающий за технический и финансовый контроль каждого конкретного месторождения и государственная нефтяная компания «Статойл», которая стала основным субъектом государственного предпринимательства в отрасли.

В течение второго периода роль государства постоянно усиливалась, чему способствовали первый (1973 г.) и второй (1979 г.) мировые нефтяные кризисы, повысившие спрос на норвежскую нефть среди стран-потребителей и ее цену. Кризисы также способствовали увеличению интереса транснациональных компаний к этому стабильному в политическом отношении региону.

В течение второго периода была создана эффективная система государственного управления отраслью, включившая в себя министерство нефти и энергетики, формирующие государственную политику в отрасли и принимающее решение о предоставлении лицензий, нефтяной директорат, осуществляющий финансовый и технический контроль деятельности компаний на месторождениях, а также государственная компания «Статойл», представляющая интересы Норвегии непосредственно при проведении нефтяных операций⁵.

Государственная компания «Статойл» в процессе третьего и четвертого раунда лицензирования стала участником нескольких консорциумов, в силу роста спроса на нефть на мировом рынке и умения правительства выгодно использовать ситуацию с ростом цен в качестве средства давления на транснациональные компании. Ведя переговоры о предоставлении новых лицензий, норвежское правительство требовало для новообразованной государственной компании возможности участвовать в освоении месторождений. Транснациональным компаниям в новых условиях оставалось только подчиниться. Таким образом, изначально не вложив в исследования ни единой кроны, согласно условиям получения лицензии, которые правительство Норвегии выдвинуло для транснациональных компаний, «Статойл» получала долю добытой нефти, право участвовать в принятии решений в консорциуме и другие льготы. Транснациональные компании, предложившие партнерство государственной нефтяной компании, были поощрены дополнительными блоками и это в короткий срок сделало «Статойл» предпочтительным партнером для всех остальных компаний, работающих на континентальном шельфе⁶.

Создание эффективного административного и предпринимательского механизмов способствовало тому, что Норвегия оказалась одной из немногих стран, для которых мировой нефтяной кризис 1973 г. оказался весьма выгодным, хотя архитекторы норвежской политики в отношении топливно-энергетического комплекса вовсе не предполагали такого развития сценария. Важным положительным моментом для Норвегии оказалась фактическая готовность ее государственных органов к нефтяному кризису, что можно объяснить твердой изначально сформулированной позицией государства по отношению к экономике в целом, которая заключалась в том, чтобы создавать определенную модель государственного регулирования для каждой отрасли. Усиление позиций государства произошло до нефтяного кризиса и, следовательно, не может быть рассмотрено в качестве адекватного ответа на него. Напротив, реформа налогообложения в нефтегазовой отрасли напрямую была связана с изменением цен на мировом нефтяном рынке.

Для того, чтобы обеспечить в благоприятных условиях роста мировых цен на нефть максимальную национализацию доходов нефтяной отрасли, норвежское правительство пошло на создание специальной системы налогообложения, где обычный подоходный налог с компаний, составлявший в то время 50,8% дополнялся 25% специальным налогом на прибыль компаний, работающих в нефтегазовом комплексе⁷.

Параллельно осуществлялось промышленное освоение новых месторождений, прежде всего «Экофиск» и «Фригг», а также строительство крупной сети трубопроводов, причем специфика работ диктовала необходимость применения новейших технологий и нестандартных решений. Начиная с 1973 г. для транспортировки нефти и природного газа началось строительство нескольких тру-

бопроводов в Великобританию и Германию, которые стали первыми странами-потребителями норвежской нефти и природного газа⁸. В 1975 г., через два года после нефтяного кризиса, «Норвегия впервые удовлетворила свою потребность в нефти за счет добычи на континентальном шельфе»⁹.

Самым главным отрицательным моментом второго этапа стал рост внешней задолженности страны МВФ и другим финансовым организациям, поскольку эйфория обладания «легкими» деньгами охватила социал-демократическое правительство страны, которое помимо капиталовложений в нефтяную отрасль стало увеличивать затраты на социальный сектор без которого концепция «государства всеобщего благоденствия», лежавшая в основе политической программы НРП была бы практически невыполнима. К началу 1978 г. внешняя финансовая задолженность Норвегии достигла 80 млрд крон, из которых на долю нефтяного сектора приходилось 34 млрд крон¹⁰. Задолженность Норвегии должна была остаться достаточно высокой, однако второй нефтяной кризис, вызванный революцией в Иране, и смена кабинета в самой стране позволили выправить ситуацию с внешней задолженностью.

От второго нефтяного кризиса 1980 г. до третьего нефтяного кризиса (1985 г.).

Время высоких цен на нефть и окончательного формирования механизмов государственного регулирования

Третий период, уместающийся в пять лет: 1980—1985 гг. можно назвать периодом расцвета нефтегазовой отрасли Норвегии, который может быть охарактеризован следующими параметрами: максимизацией доходов государства от деятельности топливно-энергетического комплекса (общий уровень налоговых выплат 1985 г. составил 60 млрд крон), усилением предпринимательской активности государства и реформированием концепции управления государственной собственностью, значительным ростом объемов добычи нефти и природного газа и форсированием политики предоставления новых лицензий.

За период с 1980 по 1985 гг., благодаря благоприятным условиям на мировом рынке нефти и природного газа Норвегии удалось выйти в число лидеров по экспорту топливных ресурсов. Уровень добычи нефти и природного газа составил в 1985 г. 72 млн куб. м. нефтяного эквивалента.

В первой половине 1980-х гг. наступило время активной реализации стратегии «норвегизации» отрасли, то есть приоритета норвежских компаний при геологоразведке и добыче нефти и природного газа. В этом деле государство опиралось не только на «Статойл», но и на компании «Норск Гидро» (51% акций в руках государства) и «Сага Петролеум» (частная норвежская нефтяная компания). Цены на нефть оставались высокими, объемы добычи неуклонно повышались, а стоимость ее была незначительна. Прибыль получали все заинтересованные стороны: норвежское прави-

тельство в качестве сборщика налогов и непосредственного участника освоения континентального шельфа страны, а также различные нефтяные компании и их субподрядчики, поставщики товаров и услуг.

Желание Норвегии усилить роль своих собственных компаний доминировало при политике проведения новых раундов лицензирования. И хотя иностранные компании продолжали активно участвовать в различных отраслевых проектах, их роль сводилась в основном к подчинению новому режиму, созданному в отрасли, то есть постепенному доминированию национальных субъектов топливно-энергетического комплекса.

Существовало два вопроса, вокруг которых в начале 1980-х гг. велись споры в норвежском обществе: первый заключался в попытке создания нефтяного фонда для защиты макроэкономического баланса и избежания перегрева национальной экономики, а второй заключался в том, как реформировать отношения между государственной нефтяной компанией и органами государственной администрации.

Решение первого вопроса было связано с ликвидацией к 1982 г. внешней задолженности страны и направлением нефтяных доходов на поддержку национальной экономики.

Во втором случае основой для беспокойства являлись смешанные полномочия «Статойл», которые заключались в том, что компания выступала и в качестве административного инструмента государства и в качестве субъекта нефтяного рынка, то есть коммерческой компании. Норвежская правящая элита (с 1981 — коалиционное правительство под руководством К.Виллоха) опасалась того, что компания в силу своей уникальности начнет по существу сама определять политику государства в нефтегазовом секторе, то есть фактически подменит интересы государства и норвежского общества своими узко корпоративными интересами в процессе принятия решений по вопросам дальнейшего развития отрасли. Для того, чтобы избежать такого варианта хода событий норвежское правительство пошло в 1984 г. на разделение всех государственных активов в нефтегазовой отрасли, на непосредственную государственную собственность, управляемой Министерством нефти и энергетики, которые в англоязычной литературе называются «прямые государственные финансовые интересы» (ПГФИ) и на собственность компании «Статойл»¹¹, чья деятельность с этого времени стала все больше принимать коммерческий характер. Норвежское правительство, вводя систему ПГФИ, брало на себя финансирование той доли месторождений, «которые отходили к нему по соглашению о лицензии, и получало за это соответствующую долю продукции, которая реализовывалась на рынке компанией "Статойл"»¹².

Активизация операций с нефтью и природным газом потребовала и определенных мер по унификации национального законодательства в этой отрасли национальной экономики. 22 марта 1985 г. на заседании Стортинга под № 11 за этот год был принят

закон «О нефтяной деятельности», который определил порядок проведения всех операций, связанных с нефтью. Таким образом, в 1985 г. завершилось окончательное формирование системы государственного регулирования нефтегазовой отрасли Норвегии¹³.

От падения цен на нефть (1986 г.) до сегодняшнего дня. Время ценовой нестабильности и приспособливание норвежского государства к новым условиям

Падение мировых цен на нефть в 1986 г. ознаменовало новый этап в развитии норвежской нефтегазовой промышленности. В новых экономических условиях государство поддержало этот сектор, взяв на себя значительную часть расходов по освоению новых месторождений и соответствующую долю рисков. Вторая половина 1980-х гг. может быть охарактеризована как время снижения активности нефтяной промышленности, к началу 1990-х гг. произошла стабилизация ситуации, а с середины 1990-х наметился ввод в производство новых добывающих мощностей. В этот период норвежские компании вышли и на мировой рынок нефти и природного газа, участвуя в разработке нефтяных и газовых месторождений в различных странах. Была проведена общая налоговая реформа 1992 г., сказавшаяся и на структуре нефтяного налогообложения. Было модернизировано нефтяное законодательство, и был принят новый закон от 29 ноября 1996¹⁴.

Норвегия оказалась совершенно не готова к такому повороту событий, которые последовали с началом падения цен на нефть в декабре 1985 г., и, как экспортер нефти, получила сильный удар. Возможности остальных отраслей экономики страны были ограничены в потреблении нефти и нефтепродуктов, поскольку они уже были выгодно обеспечены дешевой гидроэлектроэнергией. В результате показатели экономического роста сократились на 2%, а в последующие годы Норвегия оказалась в состоянии сильнейшего спада, которого страна не испытывала, начиная с 1930-х гг. Доходы государства существенно сократились, вызвав определенные изменения в социальной политике.

Наиболее ярким долгосрочным изменением в норвежском нефтегазовом секторе стало изменение роли государственной компании «Статойл». Финалом такого действия должна стать частичная приватизация компании, что даст ей возможность более активно работать на международном рынке.

Новые условия вынудили государство пойти на уступки частному сектору в отношении системы налогообложения. Ставка специального налога на прибыль нефтяных компаний сократилась с 35 до 25% во второй половине 1980-х гг. Это было сделано для того чтобы побудить транснациональные компании не прекращать инвестиции в новые проекты. Проведение новых раундов лицензирования наряду со снижением ставки специального налога было правильным шагом, который позволил стабилизировать ситуацию

в топливно-энергетическом комплексе страны. Уровень зарубежных инвестиций в ТЭК Норвегии достиг к началу 1990-х гг. 39% по сравнению с 33% первой половины 1980-х гг.¹⁵. Общий объем инвестиций в 1990 г. составил 42 млрд норвежских крон.

Падение цен на нефть вынудило Норвегию пересмотреть и свои позиции в отношении ОПЕК. После прихода к власти правительства НРП под председательством Г.Х.Брунтланд началось сотрудничество Норвегии с могущественным нефтяным картелем, что предполагает единый характер действий в случае какой-либо угрозы мировому нефтяному рынку. Это сотрудничество, а также выход норвежских компаний в другие регионы мира должно способствовать сохранению Норвегией позиций одной из основных нефтяных стран мира.

Налоговая реформа 1992 г., призванная улучшить конъюнктуру национальной экономики вообще, продемонстрировала, что власти не отказались от своих достаточно жестких позиций по отношению к транснациональным нефтяным компаниям и стремятся сохранить за собой примерно 78% прибыли от операций на континентальном шельфе Норвегии. Однако основным механизмом перераспределения доходов стал специальный налог на прибыль от нефтяной деятельности, который после реформы достиг 50%, вместо обычного, используемого для остальной экономики подоходного налога на корпорации, ставка которого снизилась с 50,8% до 28%. Кроме этого в 1990 г. был введен специальный налог на выброс в атмосферу вредных химических веществ. По состоянию на начало 2001 г. в собственности у государства находилось более 40% всех нефтяных и газовых ресурсов¹⁶.

Сегодня норвежская нефтегазовая промышленность находится в начале нового этапа, который может быть охарактеризован новой задачей: интернационализацией деятельности норвежских компаний. Для достижения этой цели 15 мая 2001 г. норвежское правительство передало 15% ПГФИ компании «Статойл», а в конце июля началась приватизация государственной компании. На продажу был выставлен пакет в 17,5%, за который было выручено порядка 3 млрд долларов¹⁷. В ближайшие пять лет ожидается сокращение государственного пакета акций до 75%, что позволит сохранить высокую степень контроля правительства. Причины приватизации следует искать как в стремлении переложить на плечи частного инвестора риски, связанные с зарубежными операциями «Статойл» так и в повышении эффективности управления компанией.

Новые задачи, вставшие в настоящее время перед топливно-энергетическим комплексом Норвегии, должны быть решены за счет поиска необходимых решений, для чего необходимо тщательное исследование проблем и наличие политического консенсуса внутри основных политических сил страны. Это позволит сохранить эффективную систему государственного предпринимательства в секторе.

Необходимо отметить тот факт, что нефтегазовый комплекс оказал существенное влияние на развитие норвежского общества, на стратегию государственного регулирования национальной эко-

номики, на развитие социального сектора и достижение национального согласия в политической сфере. Можно сказать о том, что опыт развития нефтегазовой промышленности Норвегии является весьма обширным с точки зрения ее роли в жизни общества и может быть применен также и в других странах, конечно с учетом их национальных особенностей.

Осуществляя исследование влияния нефтяной промышленности на состояние норвежского общества можно сделать несколько выводов:

1. Нефтяная отрасль оказала существенное влияние на национальную экономику Норвегии. Норвегия осталась индустриальной страной, несмотря на различные опасения деиндустриализации (процесса сокращения промышленного производства внутри страны и замена его за счет импорта), однако, норвежская промышленность во многом обслуживает интересы нефтегазового сектора, разрабатывая различные технологии, применяемые в нефтяных операциях. Доходы, полученные от деятельности топливно-энергетического комплекса, как за счет государственного сектора, так и за счет налогов аккумулируются в специальном нефтяном фонде для того, чтобы избежать «перегрева» национальной экономики и вкладываются в различные зарубежные страны и предприятия, что позволит обеспечить норвежскому обществу высокий уровень социальной защиты в будущем, когда запасы природных ресурсов будут исчерпаны. Концепция перехода к постнефтяному обществу предполагает концентрацию государственных усилий в создание новых производственных технологий в других отраслях промышленности, прежде всего в телекоммуникациях.

2. С начала 1970-х и до середины 1990-х гг. социальный сектор получал значительные субсидии за счет бюджетного перераспределения денег, полученных от деятельности нефтегазового комплекса. В настоящее время, в связи с созданием специального фонда, уровень этих субсидий сократился и тем не менее многие районы северной Норвегии по-прежнему получают дотации за счет перераспределения нефтяных доходов.

3. В политической сфере в отношении нефтегазового комплекса ведущими политическими партиями Норвегии достигнут политический консенсус, как в отношении форм и целей государственного регулирования, так и в отношении возможности использования нефтяных доходов. Это подтверждают и недавние события, связанные с курсом на приватизацию «Статойл», реализацию которого начало коалиционное правительство правых и центристов в 1999 г., а продолжило правительство НРП Й. Столтенберга в 2000—2001 гг.

Исследование истории нефтегазовой промышленности Норвегии позволяет сделать несколько выводов:

1. Норвежское государство на всем протяжении нефтяной истории активно осуществляло вмешательство в этот сектор национальной экономики. Государственное регулирование, являясь эффективным механизмом воздействия на экономику, было полно-

масштабно применено по отношению к топливно-энергетическому комплексу. Была создана эффективная законодательная база, которая обеспечивала условия для развития нефтегазовой отрасли и определила порядок взаимоотношений между компаниями и государством. Система административного лицензирования, принятая норвежцами для обеспечения наиболее эффективного освоения месторождений, является средством воздействия на транснациональные компании, что было доказано на всем протяжении нефтяной истории Норвегии. Начиная с 1972 г. в Норвегии функционирует система государственного управления отраслью, в которую входит министерство нефти и энергетики, ответственное за формирование нефтяной политики, нефтяной директорат, который осуществляет технологический и финансовый контроль за выполнением лицензионных соглашений. Важное влияние на развитие нефтегазового сектора оказала и концепция государственного предпринимательства, которое реализовывалась посредством государственной нефтяной компании «Статойл», была основным государственным представителем на континентальном шельфе страны на протяжении 14 лет. Затем с введением ПГФИ эта функция была утрачена «Статойл». С началом приватизации в 2001 г., после 17 лет неизменного существования, механизм государственного предпринимательства в отрасли подвергнется новым изменениям. Однако сейчас государство продолжает оставаться основным инвестором освоения континентального шельфа именно через систему ПГФИ. Другим механизмом воздействия на деятельность нефтегазового комплекса стала специальная налоговая система, которая существенно отличалась от налоговой системы используемой в остальных отраслях экономики. Специальный налог на прибыль нефтяных компаний, который является основой для перераспределения их ренты государству, продолжает оставаться важным источником дохода государства. В новых условиях возможна ситуация, когда налоговая система будет основным источником государственных доходов. Тем не менее, налоговая система является достаточно гибкой, поскольку для компаний, инвестирующих средства в освоение континентального шельфа из полученного дохода, предусматривается система зачетов инвестиций, что снижает налогооблагаемую базу.

2. Транснациональные компании по-прежнему заинтересованы в разработке нефтегазовых месторождений страны. Хотя им приходилось приспосабливаться к требованиям правительства Норвегии, политическая и экономическая стабильность в стране, равно как и стабильность в системе государственного регулирования являются важными факторами, поддерживающими интерес компаний к этому региону. Помимо этого необходимо выделить также фактор близости потребительского рынка Европы и США, что, несмотря на дороговизну добычи нефти Северного моря, также влияет на поведение транснациональных компаний. Для иностранных компаний своеобразной страховкой является то, что норвежское государство — главный участник работ на континен-

тальном шельфе, а в условиях приватизации «Статойл» они, возможно, получают более широкий доступ к континентальному шельфу Норвегии. Транснациональные компании пытались оспаривать возможность участия государства в непосредственном освоении континентального шельфа на втором этапе нефтяной истории, однако партнерство с государственной нефтяной компанией «Статойл» стало весьма выгодным делом вследствие позиции занятой норвежским государством. Зарубежные компании, начав работы по освоению месторождений Северного моря, предоставили в первую очередь передовые технологии добычи нефти и квалифицированных специалистов, которых в Норвегии не было, что делало невозможным самостоятельное освоение континентального шельфа страны, а государство сумело найти приемлемые формы взаимодействия. Кроме того, транснациональные компании стали искать партнеров среди норвежских предприятий, поскольку нередко норвежское государство, выдавая лицензии на исследование и добычу нефтяных месторождений, требовало заказов для норвежских предприятий.

3. Для норвежского общества важным моментом было управление нефтяными доходами. Значительные первоначальные доходы от деятельности нефтегазового комплекса породили непомерные амбиции, которые характеризовались инвестированием в социальную сферу. Проводником этой политики являлась правящая в 1970-е гг. НРП, которая являлась также и автором системы государственного управления отраслью. Строительство жилищного фонда, учебных заведений, больниц, расширение системы социального страхования, все эти действия осуществлялись правительством за счет нефтяных доходов¹⁸. Амбициозные проекты привели к росту внешней задолженности страны, которая была погашена лишь после нефтяного кризиса конца 1970-х — начала 1980-х гг. Именно тогда впервые прозвучала идея о необходимости создания нефтяного фонда, который был образован в начале 1990-х гг., для сбережения нефтяных доходов. При этом, однако, не прекращалось финансирование различных социальных программ.

4. В Норвегии, в отношении нефтяной отрасли достигнут политический консенсус между ведущими политическими силами страны. Подтверждением является то, что система государственного управления отраслью была предложена в начале 1970-х гг. НРП, которая на сегодня поддерживается всеми остальными политическими силами. И, напротив, управление нефтяными доходами, которое осуществляется посредством национального нефтяного фонда, что было предложено коалицией правых партий, также пользуется поддержкой большей части политического истеблишмента страны. Таким образом, можно говорить о национальном консенсусе между различными политическими силами как по вопросу управления нефтяной отраслью, так и по вопросу сохранения нефтяных доходов.

5. После третьего нефтяного кризиса 1986 г. Норвегия вступила на путь сотрудничества с ОПЕК с целью удержания цен на выгод-

ном для стран-производителей уровне, однако не спешит вступать в эту организацию, поскольку посредничество между странами-экспортерами и ведущими промышленными странами, которые являются потребителями нефти, дает ей определенные преимущества на внешнеполитической арене.

Исследование норвежской нефтяной отрасли в сфере экономической истории может быть продолжено по трем основным направлениям таким, как более детальное исследование формирования системы государственного регулирования, роль транснациональных компаний в отрасли, а также взаимодействие нефтяных компаний, норвежских и иностранных со своими норвежскими субподрядчиками.

Примечания

¹ Andersen S. *The Struggle over North Sea Oil and Gas: Governmental Strategies in Denmark, Britain and Norway*. Oslo, 1993. P. 57.

² Facts 2000. *The Norwegian Petroleum Sector*. Oslo, 2000. P. 15.

³ См. подробнее: Nore P. *The Norwegian States Relationship to the International Oil Companies over North Sea Oil. 1965—1975*. School of Social Sciences, 1979; Noreng Ø. *The Oil Industry and Government Strategy in the North Sea*. London: Groom Helm, 1980; Turner L. *State and Commercial Interests in the North Sea Oil and Gas: Conflict and Correspondence*. Oslo: University Press, 1975.

⁴ Proposition № 113 (1971—1972) to Storting and Recom. № 316 (1971—1972) from Storting.

⁵ Gjennom bedriftens historie forbi i 2000. Stavanger, 1997. S. 2.

⁶ См подробнее: Andersen S. *Idem*; Nore P. *Idem*; Noreng Ø. *Comments to the Norwegian Government Petroleum Policy*. Oslo, 1999.

⁷ Proposition № 25 (1974—1975) to the Odelsting. Kemp A.G., Rose D. *Petroleum Tax Analysis. The North Sea*. London, 1983. P. 15—18.

⁸ Fact sheet 1999. *Norwegian Petroleum Activity*. Oslo, 1999. P. 73.

⁹ El Mallakh R., Noreng Ø., Poulson B. *Petroleum and Economic Development. The Cases of Mexico and Norway*. Lexington (Mass), Toronto, 1984. P. 104. Родионов В. *Дорогами Скандинавии*. М., 1985. С. 91.

¹⁰ *История Норвегии*. М., 1980.

¹¹ Report № 73 (1983—1984) to the Storting and Recommendation № 321 (1983—1984) from the Storting.

¹² Facts 2000. *The Norwegian Petroleum Sector*. Oslo, 2000. P. 21.

¹³ *Norges lover 1685—1989*. Oslo, 1990. S. 2408.

¹⁴ *Норвежское законодательство по нефти и газу*. М.: ЭПИцентр, 1999. С. 303.

¹⁵ Andersen S. *Idem*. P. 154.

¹⁶ *The Minister's Presentation at Sanderstolen Conference*. 04.02. 2000.

¹⁷ *Эксперт*. М., 2001. № 25. С. 32.

¹⁸ См. подробнее: Волков А.М. *Заботы северных стран Европы // МЭМО*. 1980. № 6.

Galenson W. *A Welfare State Strikes Oil, the Norwegian Experience*. Lanham, 1986. Helle E. *Norges olje — de første 20 årene*. Oslo; Tiden, 1984.

Дискуссии в современной экономической истории

**Заметки по поводу статьи Б.Н.Миронова
«Кто платил за индустриализацию: экономическая
политика С.Ю.Витте и благосостояние населения
в 1890—1905 гг. по антропометрическим данным»****

Статья Б.Н.Миронова претендует на то, чтобы на основе антропометрических данных ответить на совсем не простой вопрос о цене индустриализации в России в конце XIX — начале XX в. Однако автор оказался не в состоянии ответить на поставленный в названии статьи вопрос. Вместо этого, он сообщает читателю, что за индустриализацию не платили ни рабочие, ни крестьяне. Из статьи неясно, платили ли за индустриализацию какие-то другие категории населения России. По мнению Б.Н.Миронова, период с 1890 по 1905 г., когда С.Ю.Витте находился сначала на посту директора Департамента железнодорожных дел, а затем — министра финансов, председателя Комитета министров и, наконец, председателя Совета министров, и влиял на направление экономической политики правительства, было временем роста благосостояния российского населения. В качестве главного аргумента в пользу этого вывода автор приводит усредненные «сведения о длине тела» мужчин центральной России. Они подросли. Автор опирается на данные, собранные антропологами Московского университета в ходе полевых исследований в 1927 г. в Нижегородской и Костромской губерниях. Не берусь судить о степени их достоверности (замечу только, что Российская империя это не только Центральная Россия), и о том, насколько добросовестно и успешно они обработаны автором.

У меня вызывает глубокое сомнение сам метод использования Б.Н.Мироновым антропометрических данных в оценке деятельности того или иного министра (даже если он находился на своем посту в течение десяти лет). Нахожу такой метод абсолютно не корректным. Чисто бухгалтерский подход к событиям прошлого, без оценки исторических реалий (как это сделано в статье Б.Н.Миронова) не может служить основанием для того, чтобы представить читателю благостную картину экономического развития России на рубеже XX в.

* Ананьич Борис Васильевич — академик РАН (Институт российской истории РАН, С.-Петербургское отделение).

** Экономическая история. Ежегодник. 2001. С. 418—427

Автор высоко оценивает реформаторскую деятельность С.Ю.Витте, но все, что он сообщает по этому поводу, не ново и многократно отмечено в литературе. Характеристика С.Ю.Витте у Б.Н.Миронова отличается только отсутствием в ней даже попыток критического осмысления политики этого крупного государственного деятеля.

Здравомыслящий историк едва ли решится утверждать, что бюрократическая карьера С.Ю.Витте приходится на время безоблачного развития российской государственности. Кроме того, и сам С.Ю.Витте уже в первые годы своего пребывания на посту министра финансов проделал удивительную эволюцию. Достаточно сказать, что только к 1896 г. он из защитников общинного землевладения стал убежденным сторонником необходимости его разрушения. Его концепция ускоренного развития отечественной промышленности окончательно сложилась только к 1897—1898 гг., а в 1903 г. он уже вынужден был покинуть пост министра финансов.

Но что же происходило в России в 1890—1905 гг.? 1891—1892 гг. были неурожайными. От голода и сопутствовавшей ему холеры умерло более 500 тыс. чел. Голод стал следствием не только неурожая, но и фискальной политики Министерства финансов, которое тогда еще возглавлял И.А.Вышнеградский. Трагедия голода, казалось, должна была отрезвляюще подействовать на сторонников повышения косвенного обложения, несомненно отдававших себе отчет в том, что эти налоги отражаются на положении крестьянского населения. Тем не менее С.Ю.Витте уже во всеподданнейшем докладе по росписи 1893 г. высказался за то, чтобы не останавливаться «даже перед некоторым временным напряжением платежных сил страны» в целях развития отечественной промышленности, и в последующие годы продолжал наращивать именно косвенное обложение. За двадцать лет с 1880 по 1901 г. прямые налоги дали прирост всего в 50 млн руб. Доходы от них увеличились с 172,9 до 220,9 млн руб. За это же время доходы от косвенного обложения возросли на 108%: с 393 до 819,6 млн руб. Причем особенно значительный их рост падает на министерство С.Ю.Витте, ибо с 1880 по 1892 г. доход от косвенного обложения увеличился на 37%, а с 1892 по 1901 г. — на 50%¹.

Громадный рост российского бюджета в конце XIX в. не соответствовал росту национального дохода и, по подсчетам Ю.Н.Шебалдина, превышал его в 2,4 раза. Рост актива бюджета во многом зависел от винной монополии². В 1900 г. С.Ю.Витте значительно, с 7 руб. до 7 руб. 60 коп. за ведро, повысил цены на вино. В начале 1905 г. цена на вино была повышена еще на 40%. Доходы от косвенных налогов были важным источником индустриализации. Для экономической политики С.Ю.Витте характерно именно использование государственных капиталов, государственного вмешательства в экономику и государственного контроля над предпринимательством и банками. С помощью государственных капиталов С.Ю.Витте осуществлял экономическую экспансию на Дальнем Востоке и в Персии. Эта политика была связана с огромными рас-

ходами и стала одной из причин возникновения Русско-японской войны. Мировой экономический кризис, а затем Русско-японская война и революция пагубно отразились на экономике России и затормозили ее развитие. В 1902 г. вспыхнули крестьянские восстания в Полтавской и Харьковской губерниях. Число участвовавших в разгромах экономий и помещичьих усадеб достигало 5 тыс. Поджоги помещичьих имений получили широкое распространение и в период революции 1905—1907 гг. Очевидно, участники этих беспорядков не сознавали того, что они живут в благоприятных условиях, длина их тела увеличивается и надо вести себя спокойно.

Экономическая политика, проводившаяся Н.Х.Бунге, И.А.Вышнеградским и С.Ю.Витте носила системный характер. В период войны и революции ни о какой системной экономической политике не могло быть и речи. Надо было добывать деньги для ведения войны, подавления революционного движения и поддержания золотого стандарта. Золотой рубль удалось сохранить лишь благодаря очень большому заграничному займу 1906 г. Экономическое положение России стало улучшаться только после 1907 г., главным образом, в годы промышленного подъема накануне Первой мировой войны.

Все эти события достаточно хорошо отражены в исторической литературе, и Б.Н.Миронову надо было закрыть на них глаза, чтобы выстраивать перед читателем версию, основанную на антропометрических данных.

Когда я читал статью Б.Н.Миронова, меня не покидала мысль, что это розыгрыш читателя, демонстрация искусства искаженного изображения прошлого с помощью ошеломляющего обилия цифрового материала и отсылок на англоязычные издания. Но если это не так, то перед нами очевидный пример оглупления истории с использованием антропометрии и математических методов.

Примечания

¹ См.: Шванебах П.Х. Наше податное дело. СПб., 1903. С. 11, 16, 31.

² Шебалдин Ю.Н. Государственный бюджет царской России в начале XX в. (до Первой мировой войны) // Исторические записки. 1959. Т. 65. С. 165.

Summaries

Valery I. Bovykin

Economic Policy of the Tsarist Government and Russian Industrial Development, 1861—1900.

The author estimates the Soviet and foreign historiography of pre-revolutionary Russian industrial development. In his opinion, the base line of researches in 1950—1980s was determined by verification of conceptions of Th.H. von Laue, A. Gershenkron and I.Gindin. These conceptions have a principal influence on the development of Russian economic history studies. The profound comparative analysis allowed the author to reveal similar patterns in the positions of opponents. In the conclusion V.Bovykin states his own point of view on Russian economic development in the second part of 19th and the beginning of 20th centuries.

Alexander V. Bugrov

The State Bank and Stock Exchange Syndicates in Russia, 1899—1917

The author researches government regulations in the St. Petersburg stock exchange from 1899 to 1917. The State Bank was the principal agent of the regulatory policy pursued by the Ministry of Finance. In particular, the author scrutinizes stock exchange syndicates, which were the main institutional framework of government regulation for 1) crisis-proof support of securities rate and 2) for government loans' issues. New archival documents cited by the author prove that the Russian stock exchange syndicates were a successful instrument of equity market regulation.

Wolfgang Sartor

St. Petersburg as International Business Center in the 19th century

The author focuses on the international economic ties of St. Petersburg: cosmopolitan banking, foreign capital contributions and crediting of trade and industrial companies. The author draws the conclusion that St. Petersburg became, although not a leading, but a very important cosmopolitan economic center by 1914. The article reveals close ties of transnational companies and the economy of St. Petersburg. A lot of St. Petersburg firms were multinational: an active role was played by the British, Germans, Jews, Greeks, who brought their broad international business networks in Russia.

Stuart Thompstone

Russian Participation in International Commerce before 1914

This article evaluates the strategies adopted by Russian traders, companies and banks to increase the country's participation level in international commerce before 1914. It suggests that, when the obstacles to a significant Russian involvement in this sphere of economic activity are taken into account, the performance of the Russian business sector is by no means as disappointing as its critics have hitherto suggested.

Lack of training opportunities for young, aspiring international traders, the difficulty of obtaining substantial credits from the main international financial

centers as London, and the large capital base that international trading at the time required, posed a significant entry barrier to all but the leading Russian commercial enterprises. Additionally the structure of Russia's international trade generally favored commercial undertakings headquartered in the importing or exporting country rather than in Russia. In the international commodity export trade the evolution of commercial practices allied with the transport and communications revolution in the second half of the nineteenth century favored firms based in the importing countries. Additionally it was more commercially attractive for Russian firms to compete with international firms in trading transactions between the Russian producer or consumer and the export or import port, as appropriate, rather than challenging foreign competition on the more risky leg between the port and the foreign producer or consumer.

In the final decades of tsarism Russian banks and railway companies offered keen competition to Russian merchant houses engaged in international competition but such companies were able to encroach on the business of foreign owned trading houses too. By 1914 Russian banks, railway and shipping companies, exporting either on a commission basis or on their own account, were significant players in the commodity export trade. Russia's high tariff barriers, which increased Russian industry's production costs, prevented Russian manufacturers from competing effectively in export markets but textile manufacturers and the banks, with which they were closely associated, increasingly controlled the raw materials import trade required for textile production. An examination of Russia's late nineteenth century commodity import trade, which experience elsewhere suggests native commercial enterprise would be able to compete on more favorable terms, does show Russian commerce in a favorable light. Russian tea traders in particular were able to expand their activities from the domestic market, to play an important role in the country's international tea trade, setting up tea processing plants and trading offices in the world's main tea producing countries, as well as retail outlets in Western Europe and the United States.

The article concludes that the structure of Russia's international trade made significant local involvement unlikely. Russia followed the general global pattern. In those branches of international commerce, which experience elsewhere suggested were potentially promising, Russian performance was quite creditable.

Michael L. Gavlin

The role of wine tax-farming system in the forming of large capitals in Russia in the 19th century

The article is devoted to one of the most profitable business activities in Russia at the end of the 18th century to the beginning of the 1860s. The author researches the social and national structure of wine tax-farmers, the level of their incomes as well as the ways and methods of accumulation of capital, in particular, their ties with the aristocracy and state officials of all levels. The article also shows the important role of wine tax-farmers in investment activities after the Great Reforms.

Olga Y. Khomutova

The Merchant Class of Kaluga in the first half of the 19th century: Sources of Formation and the Structure of Trade Operations

The author studies the development and activities of Kaluga merchants at the end of the 18th century — first half of the 19th century. Changes in the social structure and the economic status of Kaluga merchants are compared with the processes occurring in other provinces in the central part of Russia. Having a powerful starting position, Kaluga merchants were unable to maintain their status

on the domestic and foreign markets. Thus the history of business in Kaluga represents a regressive model of economic development at the end of the 18th century — first half of the 19th century.

Igor P. Smirnov

The case of insolvency of M.S.Kuznetsov, 1876—1881 (an episode of the «porcelain king's» biography)

The author analyses an episode in the history of the Kuznetsovs — the famous dynasty of porcelain manufacturers. The head of family Matthew Kuznetsov was declared bankrupt in 1876 and was formally suspended from the leading post in the firm by the board of creditors from 1876—1881. The author researches regional, ethnic and confessional peculiarities of Russian business in particular, and the entrepreneurial activities of Moscow's Old Believers' merchant families. The article contains a vast array of archival materials used for reconstructing the historical events and explaining their reasons. Thus business relations of two upper industrialist and considerable Old Believers' figures — M.S.Kuznetsov and S.M.Shibaev — are in the focus of article's attention.

Boris M. Shpotov

Businessmen and Bureaucrats: American Technical Assistance in the Construction of the Nizhny Novgorod Automobile Factory, 1929—1931

Adopting the First Five Year Plan, the Soviet Government included thereto the construction of a big automobile factory, with production capacity not less than 100,000 cars and trucks per year. In the summer of 1929, the Austin Company: Architects, Engineers and Builders (Cleveland, Ohio), made a proposal to the VSNH Presidium to design such a factory and supervise its construction, completing the whole task in 15 months. The Ford Motor Company provided technological designs, shop layouts and launched the plant. The Soviet state trust «Autostroy» was appointed to be their business partner, supplier and examiner. The Austin Company also took part in designing the «Socialist Workers City», where the factory personnel (about 50,000 men and women) would live. The story of the factory and city construction was full of dramatic encounters between Austin, Autostroy and numerous Soviet sub-contractors. The construction work was finished in general by the fall of 1931. The Austin men tried to teach Russians the most advanced methods of designing and building, but in many cases met stubborn resistance and neglect.

Elena A. Osokina

Antikvariat (Art exports during Soviet industrialization)

At the end of the 1920s the leaders of the Soviet Union, headed by Stalin, launched a massive industrialization campaign. Its main goal was the high-speed development of heavy industry and military production. This highly ambitious industrialization campaign required considerable financial resources for the import of equipment and supplies for the industrial giants. However, the gold reserves of the Russian Empire, which the Bol'sheviks seized along with power, had been exhausted during the revolution and war. The government feverishly searched for gold and hard currency. In their «rush for gold» the leadership of the Soviet Union did not disdain the use of any means. Mass art exports seemed promising. In Imperial Russia the poverty of the majority of the population existed side by side with the untold wealth of the nobles and the state treasury. Russian tsars and nobility even in their worst nightmare could not have foreseen that in decorating their palaces they were creating a gold and currency reserve for Soviet industrialization. This article discusses the beginning of the Soviet

mass art exports. It introduces its «engineers», sellers-executioners and buyers. The article documents the peculiar intertwining of practical reason and political goals with a passion for art collecting.

Leonid P. Rasskazov

The Role of the GULAG in Pre-war Five-year Plans

The article analyses the role of the GULAG in the radical social and economic changes carried out in the USSR during the first five-year plans. In the 1930s the GULAG grew into the largest industrial structure in the country. Its activity applied to 17 sectors of the national economy: heavy industry, ferrous metallurgy, metal-working, timber, fuel, fish and construction industries, agriculture, road- and airdrome building, transport etc. The GULAG budget came to billions of rubles. The exploitation of prisoners allowed the acquisition of a huge profit, dispensing with a relatively small state subsidy for covering the maintenance costs of the GULAG infrastructure. However, Soviet people paid dearly for the cheap labor of prisoners.

Alexander V. Shalak

The Food Supply Problem and the Ways Overcoming it in Eastern Siberia in the 1940s

The author researches the food supply problem in Eastern Siberia in the 1940s, during one of the most crucial periods of Soviet history. The research is based on numerous archival documents. They elucidate such aspects of food supply control as decentralization of storage, development of small farms attached to enterprises, government and public organizations, encouragement of private and collective vegetable gardening, hunting and fishing, as well as the development of local marketplaces. The article also analyses the policy of central and local administration in connection with food supply control.

Michael K. Shatsillo

The Evolution of the Russian Tax System in the 19th century

The article deals with the history of the taxes of the Russian empire in the 19th century. By the end of this period the tax system was finally established, adapted to economic and social conditions of Russia and was kept without radical changes until the First World War. Despite of the lag with the European model which consisted in the absence of income taxation, the Russian tax system had provided the budget with monetary resources, that were necessary for the financial stability of the Empire.

Yuri A. Petrov

Taxes and Taxpayers in Russia in the beginning of the 20th century

The article considers the Russian prewar tax system as an essential part of the government's general economic policy as well as an important factor of economic growth. The following aspects are in the focus of attention: a connection between fiscal and budgetary policies, structure and regional peculiarities of the tax system, Russian taxpayers' social structure. Special attention was paid to the impact of tax burden (taxes and rates) on the economic positions of farms and the level of entrepreneurial activity of the urban population. The research reveals that at the end of the 19th — beginning of the 20th century the Russian state, promoting economic development by indirect actions (such as creation of transport and credit infrastructures, customs-tariff policy, etc.), was not so much economic investor (except for the railroad construction) as the recipient of income

from economic growth due to the expansion of assessment's basis and the increase of tax rates. In the beginning of the 20th century commercial and industrial taxes (tax on trade) amounted to half of the total of direct taxes, collected in Russia, in comparison with 20% at the end of the 19th century. At the same time, the tax rate, imposed after 1906 — 22-25% of net profit — corresponded to global tendencies and didn't deprive commercial and industrial businessmen of an incentive to economic activity.

Avenir P. Korelin

The Rise of Cooperative System: Ascents and Descents (1860s — the midst of 1890s)

The rise of cooperative system in Russia was caused by the difficulties of market transformation, which undermined the economic position of lower income social groups, especially the peasantry. The cooperatives developed at the initiative of Nobel activists as a constructive way of overcoming the crisis. As a result, from the 1860s to the 1890s, with the support of the government and the zemstvo, cooperative activists organized various types of credit, consumers, producers and other cooperatives.

However the rapid upsurge in the 1870s and in the first part of the 1880s changed into recession that lasted until the beginning of the 20th century, and was caused by insufficient market development, poor economic positions and educational standards of most of the population, traditionalist and patriarchal government policy, etc.

Nevertheless it was a period of accumulation of the experience, elimination of prejudices, popularization of cooperative ideas and projects. These processes paved the way for a broad cooperative development at the beginning of the 20th century.

Irina V. Rouzhitskaia

Egor Frantsevich Cancrin and the Problem of Serfs in Russia

Egor Cancrin (1774—1845) — the Russian Minister of the Finance (1823—1844) — played a key role in the development and realization of the economic policy of Russia, especially currency reform in 1839—1843. The author studies the Cancrin attitude to serfdom. The three versions of his abolition project (1818, 1826, 1836) are reviewed in the article. Cancrin emphatically disputed against the landless redemption of the peasants. His projects restricted and specified economic obligations of peasants, defended their ownership against an infringement of landlords. Cancrin offered a gradual buy-out of peasant holdings and a hereditary lease of peasants' lands.

Yuri A. Sviatets

Small-Sowing Farms: Low-Powered or Nonoptimal? (Structural analysis of social and economic processes of the Ukrainian rural area in the beginning of the New Economic Policy)

The Soviet historiography has a steady tradition of determining the farms having a small sown area in NEP period as poor. The article verifies this point of view regarding South Ukraine. The correlation, cluster and factor analysis of the data of spring selective farms' census (1924) reveals the two models of the South of Ukraine's agricultural production. The comparison of two types of farms discovers that even in South Ukraine where there was the greatest number of victims of the 1922 famine, small sown areas weren't caused by the low-powered economic position of farm.

Valery V. Kanishchev

Economy, demography and ecology during the modernization of agrarian society: Integral history of Tambov region in the 19th century and the beginning of the 20th century

The focus of the article's attention is the global transition from agrarian to industrial society in the Tambov region in the 19th century and the beginning of the 20th century. In the 19th century there were gradually revealed the natural limits of development of the traditional society economy, demography and ecology, and at the beginning of the 20th century its economic and demographic crisis was obvious. The author analyses the increase in crisis indications and, to a lesser degree, mechanisms that would allow overcoming the crisis, that are related to the Soviet period.

Irina A. Gvozdeva

The Rural Roads as the Structural Element of the Roman Organization of Land Exploitation

The Romans created a special rural infrastructure in Italy and in the provinces, the main element of which were the roads.

When the Romans began to build roads they have been guided by the study of space organization, which was rooted in Etruscan cosmogony. According to it axes which divided a closed space of heavenly or terrestrial temple made the division of parts of the world. In practice of roman organization of land exploitation those axes became the roads built in coordinates. The divisor-limit bounds were built parallel to the main axes. They were widespread in the countryside of the Roman state as the most convenient roads. As a matter of fact the roman organization of land exploitation became the measurement (*limitatio*) as those roads crossed at right angles and made the «lattice of measuring» resembling a chess-board by scheme.

Augustus — the founder of the Roman Empire — gave a legislative basic to the width, sort of bounds and types of measure signs. The road-limits made firm prosperity of the whole Mediterranean Region.

Andrei L. Ponomarev

The Treasures, Contracts, Reparations — Statistics of Medieval Incomes

The article displays the results of statistic research of the Golden Horde's treasures of the XIV—XV centuries. Inasmuch as treasures counted from several to tens of thousands of coins, their former owners represented various social groups. Therefore all of the Golden Horde's coin treasure the author analyses as a random sampling including data on various social groups' well-being. As the result of statistic analysis, the Golden Horde's economics demonstrates important structural changes between the XIV and the XV centuries. During that period more than 30% of settled and nomad inhabitants of the Golden Horde spent money paid-up for service or jobs.

Aleksey Y. Salomatín

The US Banking Policy and Its Results: The First 100 years of Experiments

Beginning with the Hamiltonian plan of the First Bank of the US in the 1790s and throughout the existence of the Second Bank of the US till 1836, the American Government tried to create a stable mechanism for financing its budget and providing a healthy currency. Though the «chaos» of free banking in the 1830—1850s was useful for the pioneering country, the epoch of the Civil War and Industrialization required some kind of soft banking centralization.

Under the situation of the banking expansion the new National banks peacefully coexisted with the old private and state banks and provided the necessary financial resources for the states of different social and economic orientation.

Stanislav V. Roginsky

The petroleum sector of Norway. Periods of development and state adjustment. 1962—2000

The article is devoted to the development of the petroleum sector in the Norwegian economy. Special attention is paid to the different periods of the industry's development, marked by different strategies of government regulation in the sector and specific events on the world oil market. The article shows the influence of petroleum industry on the national economy of Norway, social sector and the political situation in this Scandinavian country. The author analyzes cooperation between national entities and foreign petroleum companies, and the role of government policies in structuring this cooperation. In general, the major factor in Norwegian petroleum history is the active role of the state, though the development of the world petroleum market also exercises an important role. It is argued that the example of the Norwegian petroleum industry demonstrates the effectiveness of governmental participation in production on the continental shelf.

Boris V. Anan'ich

Notes on Boris Mironov's article «Who Paid for Industrialization? S.Witte's Economic Policies and the Well-being of the Population in 1890—1905 on the Anthropometrical Data» (Economic History. Yearbook. 2001. P. 418—427)

Boris Mironov failed to answer the question put into the article's title. Mironov only pointed out an increase of the well-being of the population from 1890 to 1905 when S.Witte influenced the economic policy of Russian government. But his principal argument is based on the data displaying a slight increase in average height of men born between 1890—1905. The usage of anthropometrical data for appraisal of economic policy of any minister raises strong doubts, particularly taking into account the fact that the article's information on Witte's reformative activity expounded in historical literature many times.

Содержание

Предисловие	3
Общие проблемы экономической истории России	
Бовыкин В.И. Экономическая политика царского правительства и индустриальное развитие России. 1861—1900 гг.	9
История финансов и банков	
<i>Бугров А.В.</i> Государственный банк и биржевые синдикаты в России: 1899—1917 гг.	35
<i>Сартор В.</i> Петербург как международный деловой центр в XIX в. (<i>Перевод с немецкого С.К.Лебедева</i>)	47
История предпринимательства	
<i>Томпстон Ст.</i> Россия и русские в международной торговле XIX — начала XX в. (<i>Перевод с английского Ю.А.Петрова</i>) ...	67
<i>Гавлин М.Л.</i> Роль винных откупов в формировании крупных капиталов в России XIX в.	92
<i>Хомутова О.Ю.</i> Калужское купечество в первой половине XIX в.: источники формирования и структура торговых операций.	111
<i>Смирнов И.П.</i> Дело о несостоятельном должнике М.С.Кузнецове 1876—1881 гг. (эпизод из жизни «фарфорового короля»)	155
Советская экономика	
<i>Шпотов Б.М.</i> Бизнесмены и бюрократы: американская техническая помощь в строительстве Нижегородского автозавода, 1929—1931 гг.	191
<i>Осокина Е.А.</i> Антиквариат (Об экспорте художественных ценностей в годы первой пятилетки)	233
<i>Рассказов Л.П.</i> Роль ГУЛАГа в предвоенных пятилетках	269
<i>Шалак А.В.</i> Продовольственная проблема и пути ее разрешения в Восточной Сибири в 1940-е гг.	320
Налоговая система России	
<i>Шацилло М.К.</i> Эволюция налоговой системы России в XIX в.	345
<i>Петров Ю.А.</i> Налоги и налогоплательщики в России начала XX в.	384
Аграрная история	
<i>Корелин А.П.</i> Зарождение кооперативного движения в России: взлеты и падения (1860-е — середина 90-х гг. XIX в.)	421
<i>Ружицкая И.В.</i> Егор Францевич Канкрин и крестьянский вопрос в России	455
	621

<i>Святец Ю.А.</i> Малополевные хозяйства: маломощные или неоптимальные? (системно-структурный анализ социально-экономических процессов в украинском селе в начале нэпа) . . .	482
--	-----

Демографические процессы и экономическое развитие

<i>Канищев В.В.</i> Экономика, демография, экология в контексте модернизации аграрного общества (Тамбовская губерния в XIX — начале XX в.)	513
--	-----

В глубь веков

<i>Гвоздева И.А.</i> Сельские дороги — структурообразующие единицы древнеримского землеустройства	533
<i>Пономарев А.Л.</i> Клады, контракты, репарации — статистика доходов в Средние века	561

История экономики зарубежных стран

<i>Саломатин А.Ю.</i> Банковская политика США и ее результаты: первые сто лет экспериментов	583
<i>Рогинский С.В.</i> Нефтегазовый комплекс Норвегии. Этапы развития и система государственного регулирования (1962—2000 гг.)	596

Дискуссии в современной экономической истории

<i>Ананьич Б.В.</i> Заметки по поводу статьи Б.Н.Миронова «Кто платил за индустриализацию: экономическая политика С.Ю.Витте и благосостояние населения в 1890—1905 гг. по антропометрическим данным»	611
--	-----

Contents

Editorial notes	3
Russian Economic History: Common Aspects	
<i>V.I.Bovykin</i> . Economic Policy of Tsarist Government and Russian Industrial Development, 1861—1900	9
Financial and Banking History	
<i>A.V.Bugrov</i> . The State Bank and Stock Exchange Syndicates in Russia, 1899—1917	35
<i>W.Sartor</i> . St. Petersburg as International Business Center in the XIXth Century	47
Business History	
<i>S.Thompstone</i> . Russian Participation in International Commerce before 1914.	67
<i>M.L.Gavlin</i> . The Role of Wine Tax-farming System in the Forming of Large Capitals in Russia in XIXth Century	92
<i>O.Y.Khomutova</i> . Merchant Class of Kaluga in the First Half of the XIXth Century: The Sources of Formation and the Structure of Trade Operations	111
<i>I.P.Smirnov</i> . The Case of Insolvent M.S.Kuznetsov, 1876—1881 (the Episode of «the Porcelain King» Biography)	155
Soviet Economy	
<i>B.M.Shpotov</i> . Businessmen and Bureaucrats: American Technical Assistance in the Construction of the Nizhny Novgorod Automobile Factory, 1929—1931	191
<i>E.A.Osokina</i> . Antikvariat (Art Exports during Soviet Industrialization)	233
<i>L.P.Rasskazov</i> . The Role of GULAG in Pre-war Five-year Plans.	269
<i>A.V.Shalak</i> . The Food Supply Problem and the Ways of its Overcoming in Eastern Siberia in 1940s	320
Russian Tax System	
<i>M.K.Shatsillo</i> . The Evolution of the Russian Tax System in the XIXth Century	345
<i>Y.A.Petrov</i> . Taxes and Taxpayers in Russia in the beginning of the XXth Century.	384
Agrarian History	
<i>A.P.Korelin</i> . The Rise of Cooperative System: Ascents and Descents (1860s — the midst of 1890s)	421
<i>I.V.Rouzhitskaia</i> . Egor Frantsevich Cancrin and the Problem of Serfs in Russia	455
	623

<i>Y.A.Sviatets</i> . Small-Sowing Farms: Low-Powered or Nonoptimal? (Structural Analysis of Social and Economic Processes of the Ukrainian Rural Area in the beginning of the New Economic Policy)	482
---	-----

Demographic Processes and Economic Development

<i>V.V.Kanishchev</i> . Economy, Demography and Ecology during the Modernization of Agrarian Society (Tambov Region in the XIXth Century and at the beginning of the XXth Century) . . .	513
--	-----

Ancient and Medieval Economic History

<i>I.A.Gvozdeva</i> . The Rural Roads as the Structural Element of the Roman Organization of Land Exploitation	533
<i>A.L.Ponomarev</i> . The Treasures, Contracts, Reparations — Statistics of Medieval Incomes.	561

Economic History of Foreign Countries

<i>A.Y.Salomatina</i> . The US Banking Policy and Its Results: The First 100 Years of Experiments.	583
<i>S.V.Roginsky</i> . The Petroleum Sector of Norway. Periods of Development and State Adjustment. 1962—2000	596

The Controversy of Contemporary Economic History

<i>B.V.Anan'ich</i> . Notes on Boris Mironov's article «Who Paid for Industrialization? S.Witte's Economic Policies and the Well-being of the Population in 1890—1905 on the Anthropometrical Data» (Economic History. Yearbook. 2001. P. 418—427)	611
--	-----

Экономическая история Ежегодник. 2002

Художественное оформление *А.Сорокин*
Компьютерная верстка *В.Юрченко*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 08.05.2003

Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная

Усл. печ. л. 39,0. Уч.-изд. л. 47,5. Тираж 2000 экз.

Заказ № 2048

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)

117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82. Тел. 334-81-87 (дирекция)

Тел/факс 334-82-42 (отдел реализации)

Отпечатано во ФГУП ИПК

«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14